

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

61

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2017 Issue 61

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2017 Выпуск 61

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 61

М.: ИВИ, 2017. — 416 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 61

Moscow: IWN, 2017. — 416 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2017
- © Институт всеобщей истории, 2017
- © Журнал «Диалог со временем», 2017

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Е. В. КАЛМЫКОВА

ДУХОВНОЕ И ЗЕМНОЕ ОРУЖИЕ ВОИНОВ ХРИСТОВЫХ

Статья посвящена идее духовной войны и духовного оружия в средневековой религиозной литературе. Являясь частью человеческой жизни, войны порождали бесконечное число образов для простых и сложных метафор и аллегорий в текстах, формально никак не связанных с военной тематикой. Между тем, сама идея существования воинства Христова, некоторые члены которого все еще пребывают на земле, оказывается глубже простой метафоры. В центре внимания автора эволюция образа воина Христова от святого или мученика за веру до каждого христианина, не зависимо от сословия или пола. Включение в состав воинства Христова всех верующих принципиально изменило масштаб уготованной для них войны. Призывая избранных к оружию, авторы поздней Античности и раннего Средневековья предполагали ведение войны с Сатаной и его приспешниками, в то время как богословы и проповедники более позднего периода рассуждали об индивидуальной борьбе человека со своими пороками, грехами и искушениями.

Ключевые слова: *духовная война, духовные доспехи, воины Христовы, монахи, теологи, проповедники*

В конце XII в. Джон, приор цистерцианского монастыря Форд в Дорсете, написал подробное житие отшельника и чудотворца Вульфрика из Хазелбери (ум. 1155)¹. Среди прочих рассказов о жизни святого, Джон Фордский упоминает о принадлежавшей Вульфрику кольчуге (*logica*), которая была настолько длинна, что мешала тому преклонять колени во время молитвы. Эту кольчугу по просьбе самого отшельника подарил ему знатный рыцарь Уильям Фиц-Уолтер². Хотя рыцарь настаивал на том, что кольчугу нужно отправить на переделку в Лондон или хотя бы в ближайший Эксетер, Вульфрик решил сделать по-другому: пока он молился, прося помощи у Всевышнего, Фиц-Уолтер подрезал кольчугу ножницами «словно ткань». Позднее святой раздарил людям отрезанные звенья, отделяя металлические кольца друг от друга голыми руками. Объясняя любопытствующим, зачем ему кольчуга, Вульфрик говорил, что она «нужна ему, чтобы быть готовым к битве за дело Бога». До своего облачения в доспех Вульфрик носил власяницу для умерщвления плоти, но решил заменить ее на более подходящее одеяние. Отдавший кольчугу рыцарь также полагал, что передает вооружение в руки «более могучего воина, чем он сам», способного «обратить

¹ Mayr-Harting 1975. P. 337–352.

² «...lorica qua se armaverat ad militandum Deo, cum se genibus ejus durius illideret et genuflexionum instantiam praepadiret» (John, abbot of Ford. 1933. Ch. 9. P. 22).

мирское оружие в оружие справедливости». Долгие годы нес св. Вульффрик свою военную службу, пока, наконец, не достиг преклонных лет. Однажды кольца его кольчуги сами собой распались, и она упала к его ногам, после чего отшельник пришел к выводу, что «его военная служба исполнена» (*militia suae tempus impletum*)³, – этот знак со всей очевидностью следовало трактовать как знамение приближающейся смерти.

Написанное по всем агиографическим канонам сочинение Джона Фордского должно было не только удивлять благочестивых христиан чудесами, совершёнными Богом через св. Вульффрика, но и наставлять их на путь праведный, формируя представление об образцовом святом. В этой связи чудо с кольчугой заслуживает особого внимания и дополнительного анализа, позволяя глубже понять средневековые представления о религиозном служении.

Уже в первые века христианства богословы и проповедники использовали военные метафоры: так, монахи и святые часто именовались «воинами Христовыми». Во 2-м послании ап. Павла к Тимофею апостол призывал «переносить страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2Тим. 2:3). В Ветхом Завете встречается и метафорическое описание духовных доспехов — в них облачается Господь, чтобы покарать врагов: «И Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою; и облекся в ризу мщениа, как в одежду, и покрыл Себя ревностью, как плащом» (Исаия. 59:17–18). Начиная с блаженного Августина образ Христа-воина, спасающего свою возлюбленную невесту (первоначально под этим образом подразумевалась Церковь, а позднее – человеческая душа)⁴, стал весьма востребованным в назидательной литературе. Эволюционируя от образа царя или жениха к образу рыцаря, сражающегося с врагом рода человеческого в смертельном бою или на турнире⁵, эта метафора дала серьезный импульс развитию идеи «воинства Христова». Между тем, уже в Новом Завете содержится обращенный к праведникам призыв взяться за оружие добродетели, чтобы сражаться против дьявола и его приспешников: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной... Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить

³ Ibid. Ch. 99. P. 124.

⁴ PL 1864. T. 35: S. Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi, Opera omnia. Col. 1452 (In Joannis Evangelium tractatus CXXIV); 1865. T. 36: Idem. Col. 494–514 (In Psalmum XLIV).

⁵ Калмыкова 2013. С. 183–211; Aulen 1931; Leivestad 1954; Le May 1932; Warner 1996. P. 129–143.

все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Ефес. 6: 11–17).

В сочинениях ранних отцов Церкви выражение «*armaturae Dei*» использовалось обычно в контексте рассуждений о героизме мучеников и аскезе отшельников. В послании «К мученикам» Тертуллиан призывал христиан, ожидавших казни, рассматривать заключение как площадку для подготовки новобранцев, поскольку Христос избрал их воинами для последней битвы⁶. Считая ранних пустынников преемниками первых христианских мучеников, агиографы, описывая тяготы жизни отшельников, также использовали метафоры духовной борьбы, доспехов и вооружения⁷. Ориген полагал, что «воины Христовы», вооруженные молитвами, постами и целомудрием, победят полчища неверных⁸. Иероним Стридонский сравнивал монаха Илиодора, оставившего жизнь в пустыне, с воином, дезертировавшим из военного лагеря:

«Что ты делаешь в отеческом доме, изнеженный воин? Где окоп, где рвы, где зимняя стоянка под кожами? Вот труба звучит с неба; вот на облаках шествует вооруженный полководец, имеющий покорить мир; вот меч, исходящий из уст царя (Апок. 1:16), пожиная все встречающееся; а ты каков выйдешь с постели в строй, из тьмы на солнце? Тело, привыкшее к тунике, не сносит тягости панциря; голова, покрытая полотном, отказывается от шлема; для изнеженной покоем руки жестка рукоятка меча... Вот противник в груди твоей покушается убить Христа. Вот враждебный лагерь расхищает вооружение и дары, которые ты получил, отправляясь на войну»⁹.

⁶ «...мы призваны на службу Бога Живого с тех пор, как при крещении дали призыв. Между тем, ни один воин в походе удобств не знает. Не с мягкой постели он встает, чтобы идти в сражение, но выходит из лагеря, где жесткость земли, суровость воздуха и грубость пищи закалили его тело. Даже в мирное время воины заняты упражнениями: маршируют с оружием, ходят в учебные атаки, роют окопы, учатся строить “черепаху”. Они делают все это в поте лица, чтобы закалить тело и душу... Вот почему, воины Христовы, какими бы жестокими ни казались ваши испытания, считайте, что они призваны закалить вас. Вам предстоит прекрасное состязание, устроитель которого – Бог Живой, распорядитель – Святой Дух, а призами служат вечная жизнь, ангельское обличье, небесная обитель и слава во веки веков. И вот, ваш наставник Иисус Христос, который умастил вас Святым Духом и вывел на эту борцовскую площадку, пожелал, чтобы вы накануне состязания подвергли себя определенным ограничениям для укрепления сил. Ведь и борцы для укрепления тела соблюдают строгий режим: воздерживаются от роскоши, от тонких лакомств и изысканных вин. Чем больше они потрудятся в воздержании, тем больше уверены в предстоящей победе. Но “они”, по словам апостола, “ищут тленных венков, а мы стремимся стяжать нетленный” (1 Кор 9:25). Так будем же тюрьму считать площадкой для тренировок, откуда нас выведут подготовленными на старт: ведь мужество в испытаниях крепнет, тогда как роскошь его расслабляет» (PL 1844. Т. 1: Tertulliani. Col. 619–628 (Ad martyres); пер. дан по изданию: Тертуллиан 1995. С. 273–275). Подробнее об этом см.: Hamack 1905. S. 104).

⁷ Malone 1950; Brakke 2006. Ch. 2.

⁸ Origen 2009. Homilies on Numbers. 25: 10; Hamack 1905. S. 29, 99.

⁹ PL 1845. Т. 22: S. Hieronymi, Opera omnia. Col. 348 (Epistola XIV. Ad Heliodorum monachum); Иероним 1880. Ч. 3. С. 33–34.

В VI в., с распространением монашества, образ воина Христова переносится с мучеников и отшельников на всех монахов. Св. Бенедикт в прологе к составленному им уставу, который широко распространился на Западе, представил монашескую общину как воинство, готовое сражаться (*militare*) за истинного царя, Христа¹⁰. Согласно св. Бенедикту, война ежедневно ведется в душе каждого монаха, и монахи должны «приготовить свои сердца и тела для битвы в святом послушании (*sanc-tae... oboedientiae militanda*)» под предводительством Христа¹¹. Папа Григорий Великий под «воинами Христовыми» подразумевал всех служителей Церкви – священников и монахов¹².

Со временем военные метафоры стали использоваться в монашеской риторике повсеместно. Например, в хартии короля Эдгара 966 г. об основании Нового монастыря в Винчестере сказано: «аббат вооружился духовным оружием и вместе с войском монахов при поддержке Христа сражается духовным мечом против неземных козней демонов. Они защищают короля и духовенство королевства от натиска их невидимых врагов»¹³. Согласно этому отрывку, основная задача монахов — вести войну на духовном поле боя, на котором даже самые могущественные воины-миряне принижены до статуса наблюдателей. Ряд исследователей отмечают использование аналогичных военных метафор в клонийских текстах того же периода¹⁴. Во второй половине XI в. деятель григорианской реформы Петр Дамиани, наставляя одного из аббатов, призывал его вместе с братией «собраться с силами и с помощью Христа нести службу в войске, в котором вы поклялись служить, не вяло, не слабо, но страстно и мужественно»¹⁵. В письме племяннику Марину, Петр рекомендовал серьезно отнестись к военной подготовке: «Необученного новобранца (*rudis tiro*) легко повергнуть в первом сражении, пока он не обратится к командиру (*campidoctor*) и тщательно не подготовится. Ты, совсем недавно присягнувший небесному воинству, <...> записался лишь в младший отряд (*pueriles alae*), знай, что ты должен усердно тренироваться в своем духовном лагере у достойных наставников...»¹⁶.

¹⁰ The Rule of Benedict 1981. P. 157.

¹¹ Ibid. Prol. 40. P. 165.

¹² Robinson 1973. P. 181–182.

¹³ Цит. по: Southern 1970. P. 224–225.

¹⁴ Jestic 1997. P. 41–42; Airlie 1992. P. 372–395; Smith 2008. P. 579.

¹⁵ «...in vires vos Christo auxiliante colligate, eiusque militiam, in cuius arma iurastis, non segniter, non enerviter, sed fervide potius ac viriliter baiulate...» (Die Briefe des Petrus Damiani 1989. P. 439).

¹⁶ «Rudis tiro facile in prima belli congressione prosternitur, nisi adhibito prius campidoctoris officio diligentius informetur. Tu etiam, qui nuper in divinae militiae sacramenta iurasti, qui in professione sancti propositi inter pueriles alas nomen dedisti, inter ipsa castrorum spiritalium rudimenta cognosceris tanto propensius salutaribus monitis indigere, quanto non terrenam sed caelestem potius miliciam adorsus es baiulare» (Ibid.).

Тема военной подготовки солдата-новобранца была весьма популярна в назидательной литературе, проповедях и житиях. В житии цистерцианского аббата Элреда из Риво, написанного около 1170 г. его современником, монахом того же монастыря Уолтером Дэниелом, встречается упоминание о том, что «во время тренировки (*tirocinio*)... он превзошел всех своих товарищей и братьев по оружию (*commilitones*) в смирении»¹⁷. Очевидно, что, восприняв метафору воина, церковное сообщество восприняло и весь ассоциативный ряд, связанный с этой категорией. Сам процесс духовных упражнений, уподобленный воинской подготовке, описывался с использованием образов и понятий, присущих военным занятиям. Св. Бернард Клервоский побуждал своих монахов «приготовить оружие, но оружие духовное, божьей силы, не только для того, чтобы обороняться, но чтобы атаковать врага мужественно и дать ему бой»¹⁸. Рассуждая о необходимости вести борьбу с гордыней при помощи смирения, первый аббат Клерво предлагал каждому из братьев представить себя Давидом, вышедшим против Голиафа: «Теперь подойди ближе, пока он снова не поднялся, встань над ним и отсеки голову его собственным мечом, уничтожь тщеславие, пока оно само не напало на тебя. Ты поразишь Голиафа его собственным мечом, если вместо высокомерных мыслей предашься смирению...»¹⁹. Военные метафоры Бернарда Клервоского не ограничиваются образом вооруженного одной пращей пастуха, там присутствуют и рыцарские атрибуты: боевой конь, доспехи, копье²⁰. Во многих цистерцианских проповедях встречаются разнообразные военные образы и метафоры: башни, рвы, щиты, копья, повторяются призывы сражаться мужественно, стяжать славу и пр.²¹ Душа монаха является крепостью, в центре которой находится замок с мощной башней, окруженный внутренними и внешними стенами, за которыми скрываются полчища врагов²². Аналогичную метафору можно встретить у Элреда из Риво, призывавшего монахов «подготовить духовную крепость (*spirituale castellum*)», наполнить ров, возвести стены и башни, чтобы Христос мог в ней воцариться²³. Еще один цистерцианский аббат, Геррик из Игни (ум. 1157), предлагал монахам представить себя когортой, следующей за Иоанном Крестителем в небесное сражение: «Подпояштесь, я говорю, люди доблестные, и следуйте за предво-

¹⁷ Walter Daniel 1950. P. 17.

¹⁸ «Oportet autem et arma parare, sed arma spiritualia, potential Deo, non modo ad resistendum, sed ad impugnandum quoque et expugnandum viriliter inimicum» (PL 1862. T. 183: S. Bernardi, Clarae-Vallensis abbatis primi, Opera omnia. Col. 524 (Sermo III)).

¹⁹ S. Bernardi Opera 1968. Vol. 5: Sermones. P. 205; Leclercq 1972. P. 385–399.

²⁰ Leclercq 1979. P. 96–97.

²¹ Newman 1996. P. 25–32.

²² Leclercq 1979. P. 95.

²³ Aelred of Rievaulx 2001. P. 264.

дителем и наставником этого счастливого воинства – я говорю об Иоанне Крестителе – от днй которого небеса открыты для штурма (expugnabile)... Следуйте, я говорю, за этим предводителем, чьи деяния и славу вы воспеваете сегодня с должным почтением»²⁴.

В первой половине XII в. Ордерик Виталий, оглядываясь на прожитую в стенах монастыря св. Эвруля жизнь, писал: «неизмеримую пользу здесь приносил каждый день гарнизон Христов, сражаясь доблестно против дьявола. Несомненно, чем труднее битва духовного воина, тем славнее будет его победа и драгоценнее будут его трофеи, [полученные] при дворах небесных... Монастырь — это цитадель Бога в противостоянии Сатане, где облаченные в рясы защитники вступают в бесконечную битву с чудовищем (Бегемотом)...»²⁵. Когда родственник Бернарда Клервоского, Роберт Шатильонский, предпочел относительный комфорт клюнийского ордена тяготам жизни цистерцианцев, аббат Клерво отправил ему письмо, явно инспирированное посланием Иеронима Стридонского монаху Илиодору, но по стилю больше похожее на приказ военачальника, чем на нравоучение родственника. Для св. Бернарда выбор в пользу более легкой монашеской жизни был равносителен дезертирству во время решающего сражения. Вернуться в Клерво и встать плечом к плечу со своими соратниками — вот долг истинного воина Христова. «Вставай, воин Христов, вставай! Отряхни пыль и вернись на поле, с которого ты бежал... Ты полагаешь, что, бросив строй, ты избежишь вражеских ухищрений? Враг преследует тебя более рьяно, когда ты бежишь, чем когда не отступаешь, и смелее нападает на тебя сзади, чем встречая лицом к лицу. Разве ты не знаешь, что без оружия ты более робок и менее страшен для врагов? Вражеское воинство осаждает крепость, а ты спишь? Они уже лезут по стенам, разрушают барьеры, прорываются через ворота. В большей безопасности ты будешь вместе с другими, а не один. В большей безопасности ты будешь при оружии в лагере, чем лежащий нагой в постели. Иди, возьми оружие, присоединись к своим братьям по оружию (commilitones), которых ты бросил, убягая прочь»²⁶.

²⁴ «Accingimini, inquam, viri virtutis; et sequimini ducem ac magistrum felicitis huius militia, Ioannem Baptistam loquor, a diebus cuius coelem esse coepit expugnabile... Sequimini, inquam ducem istum, cuius decantastis veneratione» (Gueric of Igny 1973. P. 334).

²⁵ «Innumera ibi beneficia cotidie aguntur, et contra diabolium a castrensibus Christi viriliter dimicatur. Nulli dubium est quod probo agonithetae quanto acrior fuerit pugna, tanto gloriosior erit victoria, tropheique maior merces in celesti curia... monachile castrum contra Sathanam construatur Deo, ubi pro anima vestra cucullati pugiles Behemoth conflictu resistant assiduo» (Orderic Vitalis 1972. P. 144–146).

²⁶ «Surge, miles Christi, surge, excutere de pulvere, revertere ad proelium unde fugisti, forties post fugam proeliaturus, gloriosius triumphaturus... An quia fugisti ex acie, putas tem anus hostium evasisse? Libentius te insequitur adversaries fugientem quam sustineat repugnantem, et audacious insistit a tergo quam resistet in faciem. Securus nunc, proiectis armis, capis matutinos somnos, cum illa hora Christus resurrexerit, et ignores quod

Для многих средневековых монахов-интеллектуалов, лидеров своих общин, мышление в военных категориях и использование военных метафор было привычным делом. Происходившие из благородных рыцарских семей, эти люди с детства привыкли к языку войны, к военным идеалам. Вовлеченные в сложные вассально-ленные отношения, многие из них, даже будучи людьми церкви, должны были нести военную службу в войсках своих сеньоров, порой принимая личное участие в военных действиях. Удалившись от мирской жизни, они продолжили осмыслять свое служению Богу в военных категориях. Важно, тем не менее, подчеркнуть, что военная риторика была присуща и таким авторам довольно скромного происхождения, как Петр Дамиани, и таким, как Ордерик Виталий, который провел всю жизнь в стенах монастыря. Более того, эта риторика, пусть и не часто, но встречается и по отношению к монахиням. Женщины, давшие обет Богу, тоже становились воинами Христовыми, но им следовало подготовиться к битве не только с искушениями и соблазнами, но и с собственной природой²⁷. В житии Роберта д'Арбрисселя (ум. 1116) основание монастыря в Фонтевро представлено как соби́рание большой христианской армии (*agmina Christianorum*), пополняемой новобранцами (*tirunculi*) обоих полов²⁸. В четвертой части «Наставления анахореткам», посвященной борьбе с искушениями и соблазнами, анонимный автор первой половины XIII в. часто прибегал к военным метафорам. Например, он призывал дать отпор, «если вражеская армия, т.е. искушения, осадили твердыню» души, убеждал монахинь дать бой врагу: «Не поворачивайся спиной, моя дорогая сестра, но мужественно сопротивляйся, со стойкой верой»²⁹. «В бою надо держать щит над головой или перед грудью, а не тащить за собой. Так что, если ты хочешь, чтобы щит-распятие и огромные страдание Бога разрушили дьявольское оружие, не тяни его за собой, но подними его к голове своего сердца и глазам своей груди»³⁰.

exarmatus, et tu timidior, et hostibus minis timendus sis? Armatorum multitudine circumvallaverunt domum, et tu dormis? Iam ascendant aggerem, iam dissipant saepem, iam irruunt per postitium. Tutiusne est ergo tibi ut te inveniant solum quam cum aliis, nudum in lectulo quam armatum in campo? Expergiscere, sume arma et fuge ad commilitones tuos, quod fugiens deserueras, ut qui te ab eis desiunxerat, ipse te denuo timor iungat» (S. Bernardi Opera 1974. Vol. 7: Epistolae. P. 1–11). Подробнее о размышлениях св. Бернарда Клервоского о войне см: Evans 2000. P. 167–171.

²⁷ Smith 2010. P. 99–101; Murray 2004. P. 24–42.

²⁸ PL 1854. T. 162: S. Ivonis Carnotensis episcopi Opera omnia. Col. 1053, 1056 (Vita B. Roberi de Arbrisello auctore Baldrico episcopi Dolensi).

²⁹ «Yef the feondes ferd — thet beoth his temptatiuns — asailith ow swathe» (Ancrene Wisse 2002. P. 278); «Ne wende ye nawt te rug, mine leove sustren, ah withstondeth the feondes ferd amide the forheaved» (Ibid. P. 279).

³⁰ «...me schal halden scheld I feht up abuven heaved, other ayein the breoste, nawt ne drahen hit bihinden. Al riht swa, yef thu wult thet te rode-scheld ant Godes stronge passion falsi the deofles wepnen, ne drage thou hit nawt efter the, ah hef hit on heh buve thin heorte heaved I thine breoste ehnen» (Ibid. P. 304).

Хильдегарда Бингенская (ум. 1179) именовала себя «женщиной-воином, сражающимся против несправедливости», и рассуждала о духовных доспехах, помогающих сносить тяготы войны, подобно «стойкому рыцарю». Впрочем, анализ переписки Хильдегарды с монахами или клириками мужского пола позволил К.А. Смит сделать интересное наблюдение: Хильдегарда часто использовала военные метафоры и понятие «*milites Christi*», но в ответных письмах к ней подобные выражения не встречаются³¹. Исследовательница приходит к выводу, что «язык войны был избран большинством монахов только для общения между собой, женщины же, даже святые, не допускались к подобным разговорам»³².

Широко используя военные метафоры, средневековые теологи, проповедники и главы монашеских общин четко определяли духовный характер войны, уготованной «воинам Христовым». Чаще всего под полем боя недвусмысленно подразумевалась душа человеческая, именно поэтому круг воинов расширялся за счет монахинь и анахореток. В классическое и позднее Средневековье этот круг значительно увеличился за счет благочестивых мирян. Уже Рабан Мавр в трактате «О церковной дисциплине» (*De ecclesiastica disciplina*; 842–847), полагал, что новообращенные, «став солдатами Христа, должны сражаться добродетелями против грехов и упорно до конца дней своих следовать благочестивому образу жизни»³³. В данном случае под солдатами Христа подразумевались не монахи и не клирики, а в первую очередь миряне — бывшие язычники, принявшие христианство. При папе Григории VII определение «*milites Christi*» стало употребляться не только по отношению к монахам, сражавшимся за христианские души, но и по отношению к воинам-мирянам, поддерживавшим понтифика в его противостоянии с врагами, которые стали восприниматься как враги Церкви³⁴.

Крестовые походы и возникновение духовно-рыцарских орденов способствовали расширению этой категории, размывая грань между духовной и реальной войной во имя Христа. В этой статье я намеренно не буду рассматривать казусы, связанные с членами духовно-рыцарских орденов или с крестоносцами-мирянами — вооруженными паломниками, поскольку, с одной стороны, этим сюжетам посвящена обширная литература³⁵, а, с другой, в центре моего внимания находится война духовная, а не земная, пусть даже и имеющая статус «священной». Неслучайно папа Урбан II, призывая к Первому Крестовому походу, проводил

³¹ Hildegard of Bingen. Letters: 48, 53, 70, 77, 103, 115, 173, 176, 188, 205, 299.

³² Smith 2010. P. 101

³³ PL 1852. T. 112: B. Rabani Mauri Fuldensis abbatis et Moguntini archiepiscopi Opera omnia. Col. 1191 (*De ecclesiastica disciplina libri tres*); подробнее см.: Wenzel 1967. P. 36.

³⁴ Robinson 1973. P. 181–182.

³⁵ Barber 1994; Brundage 2003. P. 147–156; Bull 1993; Cole 1991; Constable 2008; Delaruelle 1980; Purkis 2008; Richter 1992. P. 107–126; Riley-Smith 1986; etc.

четкое различие между «вооруженным паломничеством» и «духовной войной». Для похода на Святую землю папа созывал именно рыцарей-мирян, поскольку «они могут усмирить свирепость мусульман своим оружием и восстановить прежние свободы христиан». Он настаивал: «мы не хотим, чтобы те, кто оставил этот мир и поклялся вести духовную войну, брали оружие или отправлялись в этот поход. Более того, мы запрещаем им делать это»³⁶. Безусловно, такое радикальное разделение войны духовной и земной, также проводимой именем Христа, не могло продержаться хоть сколько-нибудь долго. Так, анонимный автор «Деяний франков» писал, что во время осады Антиохии Боэмунд Тарентский провозгласил: «Это не плотская, но духовная война»³⁷.

Особый статус Крестовых походов очень быстро превратил всех участников в воинство Христово. Многочисленные церковные авторитеты, обращаясь к вооруженным пилигримам, убеждали их отринуть греховную жизнь и воевать подобающим для праведных христиан образом. Папа Урбан II, говоря на Клермонском соборе о Крестовом походе, подразумевал метаморфозу из грешника в праведника исключительно посредством участия в священной войне³⁸. Обед крестоносца роднил мирян с монахами и клириками, посвятившими свою жизнь Богу. И от монахов и клириков, и от крестоносцев-мирян требовалось подобающее благочестивое поведение во время похода³⁹. В 1145 г., папа Евгений III, призывая рыцарей во Второй Крестовый поход, специально подчеркивал, что жаждущие отпущения грехов должны воевать со смирением, отринув характерную для рыцарства гордыню⁴⁰. Цистерцианец Алан Лилльский (ум. 1202) полагал, что мирянам позволительно именоваться «истинными воинами Христовыми», если они помимо мирского оружия также примут и оружие духовное, ибо тот, кто, сражаясь с земными врагами, не заботится о справедливости своих поступков, рискует бессмертием души⁴¹. Возникновение духовно-рыцарских орденов и вооружение для мирской битвы монахов, принесших вечные обеты, окончательно разрушило грань между духовным и земным воинством Христовым. «Похвала новому рыцарству» Бернарда Клервоского стала своеобразным гимном этому неизвестному ранее воинству, ведущему двойную войну «...против зла во плоти и против духовного зла на небесах. Когда кто-либо физически

³⁶ PL T. 157: Goffridus abbas Vindocinensis. Col. 162 (Epistola XXI. Venerabili fratri et coabbati, Odoni...); Anselm of Canterbury 1938–1961. Vol. 4. P. 85–86; Decreta Claromontensia 1972. P. 124; Robert the Monk 1866. P. 729. См.: Riley-Smith 1986. P. 26.

³⁷ «Et reuera scias quia hoc bellum carnale non est sed spirituale» (Gesta Francorum 1962. P. 37).

³⁸ Fulcherii Camotensis 1866. P. 321–323.

³⁹ Holt 2010. P. 188–193.

⁴⁰ PL T. 180: Eugenii III Romani pontificis. Epistolae at privilegia. Col. 1065–1066 (Ep. XLVIII. Ad Ludovicum regem Galliarum. De expeditione ad Terram Sanctam suscipienda).

⁴¹ PL T. 210: Alani de Insulis. Opera omnia. Col. 185–187 (Summa de arta praedicatoria)

упорно противостоит врагу, полагаясь только на силу тела, я не стану оценивать это как чудо, поскольку так часто бывает. Также и когда кто-либо воюет с демонами и грехами при помощи духа, в этом также нет ничего удивительного, хотя и достойно похвалы, ибо на свете много монахов. Но когда видишь человека, доблестно опоясывающего себя обоими мечами, кто не сочтет это достойным удивления, поскольку раньше подобного не случалось! Это поистине бесстрашный рыцарь, защищенный со всех сторон, ибо тело защищено железом, а душа защищена доспехами веры. Так без сомнения он защищен оружием с обеих сторон, и не страшиться ни демонов, ни людей»⁴².

Включение мирян в число воинов Христовых и участие людей церкви в мирских сражениях заметно изменили цель борьбы. В обращениях к монахам подразумевалась война воинства Христова с Сатаной или Антихристом, тогда как расширение армии Бога за счет монахинь и мирян сводило борьбу к личному для каждого христианина сопротивлению грехам и искушениям. Изменение масштаба поставленной перед воинами Христовыми задачи, скорее всего, объясняется именно открытостью этого статуса для всех христиан. Эволюционируя от мучеников и праведников к каждому человеку, принявшему крещение, статус «воина Христова» утратил необходимую для битвы с Сатаной избранность. В назидательной литературе XI–XV вв. призывы к войне с грехами и соблазнами заметно преобладали над наставлениями о необходимости быть готовым к последней битве добра и зла. В проповеди, выстроенной вокруг цитаты из Послания ап. Павла к римлянам: «наступил уже час пробудиться нам от сна» (Рим 13:11), анонимный английский автор рубежа XIV и XV вв. также обращается к теме подготовки к духовной битве. Его адресат — каждый христианин. Погрязший в смертных грехах человек «духовно низок и наг»⁴³, но ему следует пробудиться для борьбы с грехами и искушениями, облачиться в доспехи Христа⁴⁴, под которыми он

⁴² «Novum, inquam, militiae genus, et saeculis inexpertum: qua gemino pariter conflictu infatigabiliter decertatur, tum adversus carnem et sanguinem, tum contra spiritualia nequitiae in coelestibus. Et quidem ubi solis viribus corporis corporeo fortiter hosti resistitur, id quidem ego tam non judico mirum, quam nec rarum existimo. Sed et quando animi virtute vitii sive daemoniis bellum indicitur, ne hoc quidem mirabile, etsi laudabile dixerim, cum plenus monachis cernatur mundus. Caeterum cum uterque homo suo quisque gladio potenter accingitur, suo cingulo nobiliter insignitur; quis hoc non aestimet omni admiratione dignissimum, quod adeo liquet esse insolitum? Impavidus profecto miles, et omni ex parte securus, qui ut corpus ferri, sic animus fidei lorica induitur. Utrisque nimirum munitus armis, nec daemonem timet, nec hominem» (S. Bernardi Opera 1963. Vol. 3: Liber ad milites templi de laude novae militiae. P. 207–208).

⁴³ «Þou þat arte in deadly synne, will þou see how þat þou arte downe and also naked?» (Middle English Sermons 1940. Sermon 19. P. 110).

⁴⁴ «þou arte arisen, þan clothe þe as þe apostell techeþ þe with þe armour of God» (Ibid. 19. P. 112); «slee also þe world and þe fleshe. And when þou hast slayn þise felons,

подразумевал чистоту, целомудрие и другие добродетели, добрые поступки, молитвы, стойкую веру и надежду на милосердие Господа⁴⁵. В чрезвычайно популярном компилятивном трактате «Зерцало христианина» (*Speculum Christiani*), переведенном в XIV в. на английский язык, можно встретить все тот же призыв к христианину сражаться против своих грехов⁴⁶. Ссылаясь на св. Бернарда, автор говорит о том, что каждый человек пришел в этот мир, как на поле битвы⁴⁷. На рубеже XIV и XV вв. был написан трактат «Размышления о страхе и любви Бога» (*Contemplations of the Dread and Love of God*), который получил известность в самых широких кругах: его читали цистерцианки и бенедиктинки, знатные дамы и простые горожанки⁴⁸. В этом трактате содержится прямой императив: любящие Бога мужчины и женщины должны сражаться с грехами днем и ночью, во сне и в бодрствовании⁴⁹. Даже человеческие слабости и прегрешения описываются в этом сочинении с использованием соответствующей военной терминологии. Например, грешник может уподобиться испуганному боем воину, но его доблесть тем более будет превозноситься, если он преодолет себя и свой страх и вернется в строй⁵⁰.

Число примеров, свидетельствующих о распространении идеи духовной битвы на всех христиан, включая мирян, можно продолжать до бесконечности. В классическое Средневековье эта битва приобрела вполне конкретные формы борьбы человеческих добродетелей с грехами и соблазнами. Добро и зло, Христос и дьявол ведут круглосуточную борьбу в человеческой душе за обладание ею, следовательно, долг каждого воина Христова укрепить свой военный лагерь (замок, крепость) и, облачась в подходящий доспех, дать отпор врагу. Именно в этот период тема Христа-воина, Христа-рыцаря-победителя, сражающегося в смертельном поединке за возлюбленную – человеческую душу⁵¹, обозначен-

þan þou shalt be þe Kynges of heven champion while þou lyvest here, euer to reigne with hym after þi dethe in þe kyngedam of heven» (Ibid. Sermon 42. P. 270–271).

⁴⁵ Ibid. Sermon 19. P. 113.

⁴⁶ «In Cristes batelle fyste fight azevyns glotony, for bot that be refrenyde firste, al traueyl es in veyn azevyns other vices / In pugna Chisti prius contra gulam agitur, quoa nisi hec prius refrenetur, frustra contra alia uicia laboratur» (*Speculum Christiani* 1933. P. 106–107).

⁴⁷ «...we be putte in thys worlde as in a fielde of batel or of fyghtyng» (in hoc mundo quasi in campo certaminis positi sumus) (Ibid. P. 200–201).

⁴⁸ *Contemplations of the Dread and Love of God* 1993. P. xvi.

⁴⁹ Ibid. P. 32 (cap. X, 15–17).

⁵⁰ *Fasciculus morum* 1989. P. 59, 63, 387.

⁵¹ Христос «...пришел сражаться за нас против злобы дьявола, облаченной в гордыню, гнев и зависть, в доспехах милосердия, с копьём доброты и в шлеме смирения. Против алчности мира он выехал на коне бедности, которым был его крест. Против похоти и плоти он вышел с мечом спокойствия, шпорами бодрости и щитом целомудрия» (*Nam contra daemonis maliciam superbie, ire, invidie ipse venit pro nobis ad bellum cum lorica caritatis, lancea mititatis, et galea humilitatis. Contra mundi avariciam venit super equum paupertatis, quasi super crucem. Contra Cernis lasciviam*

ная еще Августином, получает широкое распространение. В назидательной литературе, обращенной к разным социальным слоям, одинаково популярным был сюжет пассивного принятия душой рыцарского подвига, совершенного ради нее Христом, как воином-одиночкой⁵², так и образ Христа – военного командира, собирающего под свои знамена воинов-праведников, готовых к решительной битве с силами зла⁵³. И хотя в данном случае, нас больше интересует вторая тема, необходимо отметить, что развитие образа Христа-рыцаря заметно повлияло на эволюцию образа воина Христова. Наиболее ярко это влияние просматривается в описаниях подходящих для духовной битвы воинских доспехов.

Предоставив идею «духовной битвы» и «духовных доспехов», Священное Писание никак не сковывало фантазию тех, кто жаждал конкретики. Более того, усовершенствование от века к веку реального рыцарского доспеха органичным образом отражалось на развитии идеи вооружения духовного. Если в посланиях ап. Павла мы встречаем только панцирь, шлем, щит и меч, то уже в классическое и позднее Средневековье духовное вооружение предстает более детализированным и продуманным с точки зрения своего символического значения. Однако при описании вооружения воинов Христовых авторы оказываются куда менее смелыми, чем при повествовании о доспехах самого Христа-рыцаря, поскольку в первом случае речь, как правило, шла об исключительно духовном, зачастую умозрительном подвиге, в то время как во втором случае анализу подвергались не только духовные, но и физические страдания Спасителя. Доспехом Христу могло служить собственное тело, оружием – предметы, истязавшие его плоть, а также добродетели (любовь, смирение, милосердие и пр.), конем – крест⁵⁴.

В приписываемом Ансельму Кентерберийскому трактате «Подобие воина» (*Similitudo militis*) сравнивается вооружение воина-мирянина (*miles temporalis*) и духовного воина (*miles spiritualis*), для которого полем боя является собственная душа. «Подобно тому, как рыцарь-мирянин вооружается земным оружием, духовный рыцарь должен вооружиться ору-

venit cum gladio sobrietatis, calcaribus vivacitatis, et cum scuto castitatis) (*Fasciculus morum* 1989. P. 258).

⁵² Например, в уже упомянутом выше «Наставлении анахореткам» (*Ancrene Wisse* 2002. P. 378–384) или в поэме английского францисканца Николаса Бозона (ум. ок. 1320) (*Nouveau recueil de contes 1839–1842*. Т. II. P. 309–316). Анализ этих и других аналогичных текстов приведен в статье: Калмыкова 2013. С. 183–184, 188–196.

⁵³ Ок. 1233 г. Гуон де Мери, монах аббатства Сен-Жермен-де-Пре, написал поэму «Поединок Антихриста», в которой представил аллегорическое описание сражения семи смертных грехов под предводительством Антихриста с возглавляемой Христом армией добродетелей (*Huon de Meru* 1851). Тот же мотив можно встретить в написанной около 1261/63 гг. поэме трувера Рютбефа «Битва пороков и добродетелей» (*Rutebeu* 1959–1960. Vol. I. P. 299–312).

⁵⁴ О доспехах Христа-рыцаря см.: Калмыкова 2013. С. 196–207

жием духовным. Ибо то, что необходимо рыцарю-мирянину для сражения против видимых врагов, так же [в виде] умозрительных [доспехов] необходимо для духовного рыцаря, который сражается против невидимых врагов»⁵⁵. Морянину нужны конь, седло, шпоры, панцирь, шлем, щит, копьё и меч. Духовному рыцарю конем послужит собственное тело; воин должен пешим вступать в бой, держа в одной руке «узду» целомудрия, а в другой – «щит» терпения. Его «панцирь» – справедливость, «ибо справедливые деяния подобны кольцам кольчуги»⁵⁶.

В компилятивном английском трактате XIV в. «Жалкий негодяй» (*The Pore Caitiff*) пристальное внимание уделяется описанию духовного вооружения человека, готового к «духовной битве» (*goostly batel*)⁵⁷. Рыцарю для боя необходим конь и снаряжение для управления им, а именно: уздечка, поводья, седло и шпоры. Боевой конь – это тело человека, узда – воздержание, поводья – умеренность, седло – доброта или мягкость, шпоры – страх перед Господом и любовь⁵⁸. Этот текст лег в основу пространного трактата о «Божественной битве» (*Off Goostli Batel*)⁵⁹. Анонимный автор основательно подошел к рассмотрению экипировки, необходимой человеку для битвы с вечным врагом за спасения души. Как и в предыдущем сочинении на первом месте среди военного снаряжения стоит боевой конь – тело человека, которое, будучи соответствующим образом натренированным (путем постов и воздержания от плотских грехов и излишеств), как и хорошо обученный конь, может спасти своего хозяина (душу) от «многих опасностей этого презренного мира». Узда воздержания поможет душе удержать тело от искушений, этому же должны способствовать поводья умеренности. К седлу терпеливости прилагаются две стропы, удерживающие его на месте: смирение (*lowness*) против гордыни и печаль (*sadnes*) против мирских желаний. Шпорами для подстегивания ленивого и медленного коня являются любовь к Богу и страх Ада⁶⁰. Помимо коня и сбруи воину нужны духовные доспехи (*gostly armure*): шлем здоровья (*the basney off helthe*), т.е. надежда на прощение грехов и дарование Царствия Небесного⁶¹, и меч Святого Духа (*the swerde off the holy gost*), кольчуга добродетельности (*the*

⁵⁵ «Sicut miles temporalis armis munitus est temporalibus, sic miles spiritualis debet armis munitus esse spiritualibus. Quaecumque enim temporali militia contra hostem visibilem sunt necessaria, ipsa eadem spiritualiter intellectu et spirituali militia contra hostem invisibilem sunt pernecessaria» (*Memorials of St Anselm* 1969. P. 97).

⁵⁶ *Ibid.* P. 97–101.

⁵⁷ *British Museum. MS Harley 2336. Fol. 1, 118 v.*

⁵⁸ *Brady* 1954. P. 540.

⁵⁹ *Yorkshire Writers* 1895. P. 420.

⁶⁰ *Ibid.* P. 427.

⁶¹ «Aslo ye muste take to yow the basnett of helthe, that ys hope off foryeueenes off ale the trespass that ye hane done ayenst gode, and to come to the endeless blysse off heuene thorow the endeles mercy that he schewyde in hys byttere passyone» (*Ibid.* P. 425).

habergeone of ryghtwyssnes). Автор трактата также советовал защитить ноги и ступни духовной бедностью (*arme you with gostly pouerte bothe leggis and feet*)⁶², дабы успешно противостоять лживым соблазнам мира, а плечи и руки – латными пластинами и перчатками, под которыми подразумеваются добрые и благочестивые деяния. Надежным щитом автор считает веру в Бога (поэтому треугольная форма щита соответствует трем элементам Святой Троицы). Подпоясаться следует поясом милосердия, поскольку целью каждого сражения должен быть мир. Внимание к милосердию не случайно, ибо оно вместе с терпением и добротой является главным оружием христианина. Милосердный рыцарь сможет сохранить мир среди людей и их единство для Божьей власти. Ссылаясь на послания ап. Павла, автор призывает всех христиан облачиться в божественные доспехи (*arme yow in gostly armoure as goddys knyghtis*), стать рыцарями Христа (*Crystis knyghtis*) и подготовить себя для божественной битвы (*fygth in gostly batayle*). Переходя от общей идеи к конкретике, проповедник логичным образом обращается к вооружению рыцаря Христова. Мечом воину, готовому для духовной битвы, служит божественное слово, этот меч должен разделить душу и грех, защитить душу от плотских желаний и мирских соблазнов. «Как сказал о себе Христос, он пришел не для того, чтобы сохранить греховный мир, но принес меч разделения на землю, чтобы уничтожить злой мир, который люди в сердцах своих заключили с грехом. Поэтому, добрые друзья, как добрые рыцари вооружитесь мечом слова Божьего, слушая его, читая его и следуя ему в благих деяниях». Копьем рыцарю послужат Страсти Христовы. Каждое из страданий, которые Спаситель претерпел ради людей, направлено на разрушения одного из смертных грехов. Так, терновый венец на голове – «самой высокой и самой важной части тела» – наносит удар по гордыне – «самому худшему из всех грехов». Распятые и прободенные гвоздями руки уничтожают зло, творимое человеческими руками, а также гордыню, зависть, гнев, злость. Исеченное плетью тело направлено против похоти. Нагота и бедность бьют по алчности и скупости. Смешанный с желчью укус – по чревоугодию⁶³.

В XIV в. описания этих духовных доспехов становятся все более детализированными. Говоря о щитах, многие проповедники уделяют внимание геральдическим символам духовного герба – неотъемлемому

⁶² «*arme you with gostly pouerte bothe leggis and feet*» (Ibid. P. 425).

⁶³ «*take vambrace abd rerebrace and gloves of plate, that ys goode occupacions and besynes in gostly werkes eyther*»; «*euery goode knight off gode besyly shulde arme hym with the cloth off charite to saue pease ande vnyte among alle mankynde to hys power*»; «...*Cryst seyde he came nat to make synfuule peese, but to sende the swerde off separacion in erthe to dystroye wyckede peese that mene hane in theyr hertis with synne. Therefore, goode frendys, as goode knyghtis haueth with youe the swerde of goddis worde bothe hereyng, redyng, and by dede werkyng*» (Ibid. P. 425–426). (Ibid. P. 424–425).

атрибуту щита. Любопытное предположение сделал анонимный францисканский автор «Горсти ежевики» (*Fasciculus Morum*)⁶⁴. Говоря о борьбе человека с врагами души (миром, плотью и дьяволом) при помощи веры, надежды и любви, он неожиданно заявляет, что на «щите веры» вполне можно разместить герб короля Англии. Геральдические символы на этом щите, по мнению проповедника, означают следующее: *goules* – пылкую любовь и милосердие, порождающие глубокую веру в Бога, а три золотых леопарда – Троицу⁶⁵.

Что же до настоящего оружия, то тут официальная позиция Церкви была непреклонной. В теории, воплощенной в соборных постановлениях, папских буллах и суждениях авторитетных теологов, служители Церкви, истинные воины Христовы, ни при каких обстоятельствах не должны прикасаться к мирскому оружию⁶⁶. Согласно Амвросию Медиоланскому, единственным подобающим оружием для духовного лица являются «слезы и молитвы»⁶⁷. В 451 г. Халкидонский собор запретил клирикам и монахам носить оружие, а Толедский собор 633 г. вовсе запретил принимать сан людям, осквернившим себя военной службой⁶⁸. В житии св. Мартина Турского, составленном Сульпицием Севером, бывший римский легионер бросает свой меч и доспех со словами: «я воин Христов, мне нельзя воевать»⁶⁹. Один из влиятельнейших теологов рубежа XI–XII вв. Гонорий Августодунский сурово провозгласил: тот, кто брался за оружие, не может считаться монахом⁷⁰. С начала понтификата Льва IX (1049–1054) одиннадцать соборов и синодов осудили ношение оружия лицами духовного звания⁷¹. Размышляя об отличии справедливых войн от несправедливых, Грациан, а за ним и другие юристы, решительно осуждали непо-

⁶⁴ *Fasciculus Morum* 1989. P. 1–2.

⁶⁵ «...ideo assimilator scuto, dicente Apostolo: “Accipite scutum fidei”. In quo scuto depingi non incongrue possunt arma illustrissimi regis Anglie. Ipse enim, ut videtis, gestat scutum de [minio], idest *goules*, cum tribus leopardis transeuntibus de auro puro. Et bene per illud scutum de *goules* intelligo ardentem [amorem] et caritatem, per quam accendimur ad intensam fidem et credulitatem in Deum et articulis prescriptis. Per tres leopardos potest intelligi benedicta Trinitas, in qua cunctis allis abiectis credendum est; et per aurum divitatem istius Trinitatis» (Ibid. P. 568).

⁶⁶ Жизненные реалии весьма часто противоречили идеальной теории. Прелаты, клирики и даже монахи в Средние века участвовали в военных конфликтах, отстаивая свои интересы с оружием в руках. Более того, интеллектуальное сообщество (монастырские хронисты, теологи, агрографы и пр.), как правило, одобрительно оценивало казусы нарушения запретов на кровопролитие. См.: Daggan 2013. P. 59–79.

⁶⁷ Swift 1983. P. 108–110.

⁶⁸ *Decrees of the Ecumenical Councils* 1990. P. 90; *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectione* 1899–1927. Vol. 10. P. 624–625; подробнее см.: Daggan 2013. P. 95.

⁶⁹ Sulpicius Severus 1998. P. 78; подробнее см.: Smith 2008. P. 578.

⁷⁰ PL 1895. T. 172: Honorii Augustodunensis. *Opera omnia*. Col. 1257–1260 (*Summa gloria de Apostolico et Augusto*).

⁷¹ Daggan 2013. P. 99.

средственное участие в любых войнах людей Церкви⁷². Список примеров можно продолжать бесконечно. Во исполнение вассальных обязательств прелату разрешалось собирать войска, вести их на войну, командовать армией, но это должно было быть духовное лидерство, ибо пролитие крови оставалось несовместимым со статусом служителя церкви⁷³.

Запреты на ношение мирских доспехов, как и детализированные рассуждения о доспехах духовных плохо соотносятся с казусом св. Вульфрика, который, впрочем, никогда не использовал кольчугу по прямому назначению. Все персонажи жития – святой, рыцарь, современники – свидетели чуда, получившие звенья кольчуги в качестве дара, да и сам Джон Фордский не считали поведение отшельника неподобающим и заслуживавшим осуждения. Будучи цистерцианцем, составитель жития, вне всякого сомнения, был прекрасно знаком с творениями Бернарда Клервоского, полными военных метафор и аллегорий. История с кольчугой чрезвычайно важна для Джона Фордского, не случайно он обращается к ней дважды: это первое чудо, совершённое Богом через св. Вульфрика, и финал земной жизни праведника. Автор акцентирует внимание на смене отшельником своего облачения. Если власяница нужна была святому исключительно для умерщвления плоти и являлась символом смирения, то кольчуга – настоящее воинское вооружение, использовавшееся для реальной, а не умозрительной, духовной борьбы, против Сатаны и его приспешников. Св. Вульфрик очевидно полагал, что как «воин Христов» он должен нести военную службу, а посему ему следует соответствующим образом экипироваться. Ему было недостаточно метафорического оружия добродетели, он буквально воспринимал себя в качестве солдата, а посему нуждался в материальных атрибутах этого звания. Статус воина требовал соответствующего облачения. Для Вульфрика кольчуга – статусный символ воина, понятный каждому. Раздача отшельником кольчужных звеньев, которые остались после ее переделки, также имеет символическое значение. Это не просто дарение некой реликвии, свидетельствующей о чуде, но своего рода церемония инвеституры – создание св. Вульфриком армии из благочестивых христиан.

Пример св. Вульфрика при всей своей оригинальности не является уникальным. В рассуждениях об использовании монахами и отшельниками рыцарского вооружения или его подобия следует затронуть еще один аспект: доспехи могли применяться буквально для защиты от искушений плоти. Еще св. Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360–450) советовал монахам, страдавшим от ночных поллюций, класть перед сном на гениталии тяжелую свинцовую пластину и носить кольчугу на теле⁷⁴.

⁷² PL 1854. T. 187: *Decretum Gratiani*. P. Па, с. 23, q. VIII. Col. 1216–1263. См. также: Daggan 2013. P. 128–134.

⁷³ Russel 1975. P. 187; Daggan 2013. P. 140.

⁷⁴ Leyser 2010. P. 105.

Так поступал св. Стефан из Муре, нося кольчугу «против ловушек плоти и, вооруженный таким образом, он *атаковал* распутство ума»⁷⁵. Несмотря на столь прозаичный аспект применения кольчуги, анонимный автор XII в. именует св. Стефана «славным рыцарем» (*miles gloriosus*)⁷⁶ — ассоциация, очевидно порожденная воинской атрибутикой.

Для некоторых отшельников и монахов ношение доспехов было средством искупления, совершенного в прошлом греха или преступления. Например, в XIII в. отшельник Лаврентий из Субьяко, происходивший из знатного рода, но предавшийся аскезе во искупление ненамеренного убийства, изготовил для себя покаянный доспех: «на обнаженной плоти он носил сеть, сплетенную из веревок, поверх которой [надевал] железный панцирь (*logica*), прикрывая их потертой и изношенной одеждой; у него были две железные пластины на руках, четыре — на ногах и множество на бедрах. Он носил пластины на животе и на шее; обматывал железные цепи вокруг пояса... На голове он носил тяжелый железный венец, увенчанный двумя перекрещенными тонкими прутьями в форме креста, один из которых тянулся от затылка ко лбу, а затем спускался до середины переносицы, наподобие воинского шлема. Другой же [прут] тянулся от уха до уха, от него исходило два маленьких кусочка метала, которые касались щек. К каждой из этих пластин было прикреплено по пять шипов, обращенных внутрь, так что он, зажатый ими с обеих сторон, не мог, не поранившись, кивать головой ни вперед, ни назад»⁷⁷. Лаврентий не просто придумал для себя изощренные способы истязания плоти, но, как и св. Вульфрик, обращал внимание на произошедшую с ним метаморфозу. Из грешного мирского воина он перевоплощался в воина Христова. Облачаясь в соответствующий доспех, он подчеркивал свой новый воинский статус.

Являясь обыденной частью человеческой жизни в Средние века, война порождала бесконечное число образов для простых и сложных метафор и аллегорий в текстах, формально никак не связанных с воен-

⁷⁵ «etiam lirica ferrea contra carnis insidias et mentis lasciviam tandiu incessit armatus» (PL 1853. T. 204: S. Stephani Grandimontensis. Col. 1017 (Vita Sancti Stephani Confessoris).

⁷⁶ Ibid. Col. 1073.

⁷⁷ «Induebatur super nudam carnem retiaculo ex funiculis context et nodoso: et desuper lorica hamata ferrea, quam depilate laceraque cooperiebat vestis: duos ferreos circulos in quolibet habebat brachio; quatuor alios in cruribus, totidemque in coxis portabat: ad ventrem quoque alterum gestabat circulum, et similiter in collo: circa lumbos catena utebatur ferrea... in capite gestabat coronam ferream crassam, habentem in superiori parte duas laminas transversas in modum crucis, quarum una protendebatur ab occipite usque ad frontem ex qua nasile dependebat usque ad medium nasi, adinstar galeae militaris. Altera vero lamina ab latera usque ad alteram extendebatur aurem: ab iis duabus aliae duae dependebant laminae, minae, utramque tangens maxillam. In earum qualibet quinque affigebantur clavi, interius aculeate, quibus pungebatur utrimque; ita quod nec ante nec recto caput declinare poterat, quin ab iis pungeretur» (Smith 2008. P. 586–587).

ной тематикой. Между тем идея существования воинства Христова на земле оказывается глубже простой метафоры. Под влиянием библейских примеров образ воина-праведника на протяжении столетий претерпевал сложные метаморфозы и трансформации, общий вектор которых подразумевал на каждом этапе принципиальное расширение этой категории. Конечное включение в воинство Христова всех христиан без исключения способствовало радикальному изменению масштаба предполагаемой духовной войны: из апокалиптической битвы армии Спасителя с полчищами, возглавляемыми Сатаной или Антихристом, она «съежилась» до индивидуальной борьбы человека со своими грехами и искушениями. Готовый к сражению с мировым злом воин-аскет или просто монах превратился в заботящегося о своем спасении благочестивого христианина. На смену метафорам военной подготовки в лагере новобранцев, которые изнуряют тело, но укрепляют дух, пришли аллегории обороны крепости-души при помощи добродетелей и молитв. Реагируя на уязвимость мирян перед искушениями плоти, проповедники вдохновляли паству образом допустимого бегства из рядов воинов, но за которым должно последовать славное возвращение на поле битвы.

Концепция участия в воинстве Христовом, образы духовных доспехов, постоянные назидания и призывы к войне, а также реальная война на Святой земле, в которой участвовало монашество нового типа – идеальное рыцарство, воспетое Бернардом Клервоским, – всё это размывало некогда четкую грань между духовной и мирской войнами. Пример св. Вульфрика и других отшельников, облаченных в реальные земные доспехи для духовной битвы, весьма показателен и с точки зрения практической готовности монаха к буквальному несению военной службы под командованием Христа, и в плане трактовки устойчивых символов сословной принадлежности. Эпизоды из жития св. Вульфрика со сменой власяницы на кольчугу, раздачей лишних звеньев верующим, «снятием» с отшельника перед смертью его доспеха имели глубокое символическое значение не только для цистерцианца Джона Фордского, но и для весьма широких кругов верующих.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Kalmykova E.V. *Obraz Hrista-rytsarya v angliyskoy srednevekovoy nazidatel'noy literature // Dialog so vremenem*. 2013. Vyp. 45. S. 183–211.
- Ieronim. *Tvoreniya*. Kiev, 1880. Ch. 3.
- Tertullian. *Izbrannye sochineniya*. M., 1994.
- Aelod of Rievaulx. *The Liturgical sermons: The First Clairvaux collection: Advent — All Saints* / Ed. and transl. by Th. Berkeley and M. B. Pennington. Kalamazoo (MI), 2001.
- Airlie S. *The Anxiety of sanctity: St. Gerald of Aurillac and his maker // Journal of Ecclesiastical History*. 43 (1992). P. 372–395.
- Ancren Wisse / Ed. by R. Hasenfratz. Kalamazoo (MI), 2002.
- Anselm of Canterbury. *Opera omnia* / Ed. by F.S. Schmitt. 6 vols. Edinburgh, 1938–1961.
- Aulén G. *Christus Victor: An Historical study of the three main types of the idea of the atonement* / Ed. and trans. by A.G. Hebert. L., 1931.
- Barber M. *The New knighthood: A History of The Order of the Temple*. Cambridge, 1994.

- S. Bernardi Opera / Ed. J. Leclercq, H. Rochais. 8 vols. Romae, 1957–1977.
- Brady M.T. The Pore caitiff: an introductory study // *Traditio*. 10 (1954). P. 529–548.
- Brakke D. Demons and the making of the monk: spiritual combat in early Christianity. Cambridge (MA), 2006.
- Die Briefe des Petrus Damiani / Hrsg. K. Reindel. Teil 3. München, 1989. (MGH. Epistolae; 4).
- Brundage J.A. Crusades, clerics, and violence: Reflections on a canonical theme // *The Experience of Crusading, I: Western approaches* / Ed. M. Bull, N. Housley. Cambridge, 2003. P. 147–156.
- Bull M. Knightly piety and the lay response to the First Crusade: The Limousin and Gascony, c. 970–1130. Oxford, 1993.
- Cole P.J. The Preaching of crusades to the Holy Land, 1095–1270. Cambridge (MA), 1991.
- Constable G. Crusaders and crusading in the twelfth century. Burlington (VT), 2008.
- Contemplations of the dread and love of God / Ed. by M. Connolly. Oxford, 1993.
- The Councils of Urban II / Ed. R. Somerville. Vol. 1: *Decreta Claromontensia*. Amsterdam, 1972.
- Daggan L.G. Armsbearing and the clergy in the history and canon law of Western Christianity. Woodbridge, 2013.
- Decrees of the ecumenical councils / Ed. by G. Alberigo et al., transl. by N. Tanner et al. 2 vols. L.; Washington, 1990.
- Delaruelle É. L'Idée de la croisade au Moyen Âge. Turin, 1980.
- Evans G.R. Bernard of Clairvaux. N. Y., 2000.
- Fasciculus morum: A fourteenth-century preacher's handbook / Ed. by S. Wenzel. L., 1989.
- Gesta Francorum / Ed. by R. Hill. L., 1962.
- Fulcherii Carnotensis Historia Hierosolymitana: Gesta francorum Hierusalem peregrinantium // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. T. III. P.*, 1866. P. 320–485.
- Harnack A. *Militia Christi: Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten*. Tübingen, 1905.
- Holt A. Between warrior and priest: The creation of a new masculine identity during the Crusades / *Negotiating clerical identities: priests, monks and masculinity in the Middle Ages* // Ed. by J.D. Thibodeaux. N. Y., 2010. P. 185–203.
- Huon de Mery. *Le tournoiement de l'Antechrist* / Éd. P. Tarbé. Reims, 1985.
- Jestice Ph. G. Wayward and the religious revolution of the eleventh century. Leiden, 1997. (*Brill's Studies in Intellectual History*; 76).
- John, abbot of Ford. Wulfric of Haselbury / Ed. D.M. Bell. L., 1933. (*Somerset Record Soc.*; XLVII).
- Leclercq J. Monks and love in twelfth-century France. Oxford, 1979.
- Leclercq J. Le thème de la jonglerie chez S. Bernard et ses contemporains // *Revue d'histoire de la spiritualité*. 48 (1972). P. 385–399.
- Leivestad R. Christ the conqueror: Ideas of conflict and victory in the New Testament. L., 1954.
- Le May M. The Allegory of the Christ-knight in English literature. Washington (DC), 1932.
- The Letters of Hildegard of Bingen / Ed. by J.L. Baird and R.K. Ehman. 3 vols. Oxford, 1994–2004.
- Leyser C. Masculinity in flux: Nocturnal emission and the limits of celibacy in the early middle ages // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. by D.M. Hadley. L., 1998. P. 103–120.
- The Liber Confortarius of Goscelin of Saint Bertin / Ed. by C.H. Talbot // *Studia Anselmina*. 37 (1955). P. 1–117.
- Malone E. The Monk and the martyr: the monk as the successor of the martyr. Washington, 1950.
- Mayr-Harting H. Function of a twelfth-century recluse // *History*. 60 (1975). P. 337–352.
- Memorials of St. Anselm / Ed. by R.W. Southern and F.S. Schmitt. Oxford, 1969.
- Middle English sermons: Ed. from British Museum MS Royal 18 B. xxiii / Ed. W.O. Ross. L., 1940.
- Murray J. Masculinizing religious life: Sexual prowess, the battle for chastity and monastic identity // *Holiness and masculinity in the Middle Ages* / Ed. by P.H. Cullum and K.J. Lewis. Toronto, 2004. P. 24–42.
- Newman M.G. Boundaries of charity: Cistercian culture and ecclesiastical reform, 1098–1180. Stanford, 1996.
- Nouveau recueil de contes, dits, fabliaux et autres pièces inédites des XIIIe, XIVe et XVe siècles, pour faire suite aux collections de Legrand d'Aussy, Barbazan et Méon, mis au jour pour la première fois d'après les manuscrits de la bibliothèque du roi / Éd. A. Jubanal. T. II. P., 1842. P. 309–316.
- Orderic Vitalis. *The Ecclesiastical history* / Ed. by M. Chibnall. Vol. III. Oxford, 1972.

- Origen Homilies on Numbers / Ed. and trans. by Th. Scheck. Illinois, 2009.
- Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J. P. Migne. 221 t. P., 1844–1864.
- Purkis W.J. Crusading spirituality in the Holy Land and Iberia, c. 1095–c. 1187. Woodbridge, 2008.
- Richter H. ‘Militia Dei’: A central concept for the religious ideas of the early Crusades and the German Rolandslied // Journeys toward God: Pilgrimage and Crusade / Ed. by N. Sargent-Baur. Kalamazoo (MI), 1992. P. 107–126.
- Riley-Smith J. The First Crusade and the idea of Crusading. Philadelphia (PA), 1986.
- Roberti Monachi Historia Hierosolimitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. T. III. P., 1866. P. 727–730.
- Robinson I.S. Gregory VII and the soldiers of Christ // History. 58 (1973). P. 177–184.
- The Rule of Benedict in Latin and English / Ed. and trans. by T. Fry. Collegeville (MN), 1981.
- Russel F.H. The Just war in the middle ages. Cambridge, 1975.
- Rutebeuf. La Bataille des vices contre les vertus // Oeuvres complètes. / Éd. E. Faral, J. Bastin. P., 1959. Vol. I. P. 299–312.
- Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection / Ed. G.D. Mansi, L. Petit et J.B. Martin. 60 vols. P., 1899–1927.
- Smith K.A. Saints in Shining Armor: Martial Asceticism and Masculine Models of Sanctity, c. 1050–1250 // Speculum. 83 (2008). P. 572–602.
- Smith K.A. Spiritual warriors in citadels of faith: Martial rhetoric and monastic masculinity in the long twelfth century // Negotiating clerical identities: priests, monks and masculinity in the Middle Ages / Ed. by J.D. Thibodeaux. Basingstoke, 2010. P. 86–110.
- Southern R.W. Western Society and the Church in the Middle Ages. Harmondsworth, 1970.
- Speculum Christiani. A Middle English religious treatise of the 14th c. / Ed. G. Holmstedt. L., 1933.
- Sulpicius Severus. Vita Martini // Early Christian Lives / Ed. and trans. by C. White. N.Y., 1998. P. 129–159.
- Swift L.J. The Early fathers on war and military service. Wilmington (DE), 1983.
- Walter Daniel. Vita Ailredi abbatis Rievall / Ed. and trans. by E.M. Powicke. Oxford, 1950.
- Warner L. Jesus the jousting: The Christ-knight and Medieval theories of atonement in “Piers Plowman” and the “Round tables” sermons // Yearbook of Langland Studies. 10 (1996). P. 129–143.
- Yorkshire Writers: Richard Rolle of Hampole and his followers / Ed. C. Horstman. 2 vols. L., 1895–1896.

Калмыкова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; ekalm@mail.ru

Spiritual and worldly weapons of the soldiers of Christ

This article examines the notion of spiritual war and spiritual weapons in medieval religious literature. As part of life, wars were a source of both simple and complex images for metaphors and allegories in texts that were formally unrelated to military affairs. At the same time, the idea of the soldiers of Christ, some of them acting in earthly life, turns out to be more than a simple metaphor. The focal point of the article is the evolution of the image of Christ's soldier from a saint or a martyr into every Christian of any social status and gender. The inclusion of all believers into the ranks of the soldiers of Christ fundamentally changed the scale and nature of a Spiritual war they were supposed to wage. Calling the chosen to arms, late Antique and early medieval authors suggested a war against the Devil and his followers, while later theologians and preachers talked about individual struggle against vices, sins and temptations.

Keywords: Spiritual war, Spiritual weapons, soldiers of Christ, monks, theologians, preachers

Elena Kalmykova, PhD. (History), assistant professor, Department of History of the Middle Ages, Moscow State University; ekalm@mail.ru

ИДЕНТИТАРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ДИСКУРСЫ И СИТУАЦИЯ БИЛИНГВИЗМА¹

Статья посвящена анализу идентитарных процессов, протекавших в средневековом Уэльсе в условиях активного для местного населения билингвизма. Автор стремится определить семантическое поле обозначения «Кумгу», а также используемых за пределами этой традиции латинских определений. Обращая внимание на полисемию термина, автор подчеркивает наличие тенденции на последовательное разграничение вернакулярных и ориентированных на латинские определения языковых ресурсов и как результат – формирующихся на их основе дискурсов. Практики, отталкивавшиеся от такого разграничения, акцентировали его как принципиальное, но неизбежно адаптировались к условиям активного для этого региона двуязычия. В основанных на противоположных приоритетах дискурсах возникали поясняющие такие разграничения лексические комбинации, а традиции в свою очередь могли переплетаться. Когда такого рода пояснения несли в себе значения внешнего характера (к примеру, производную от *wēalas* терминологию), возникающий таким образом эффект свидетельствовал о дискурсивной аккультурации образованной части туземного населения, но не затрагивал при этом свойственные «валлийскому» дискурсу бриттские акценты.

Ключевые слова: *Средневековый Уэльс, идентитарные процессы, Кумгу, западные бритты, билингвизм, латинский и вернакулярный дискурсы*

Идентитарные процессы, происходившие в средневековом Уэльсе нуждаются, по меньшей мере, в двух отдельных пояснениях. С одной стороны, существуют определенные сложности с использованием самих понятий «средневековый Уэльс» и «валлийская идентичность». Строго говоря, в рассматриваемый период не существовало такого территориального объединения, каким обычно представляется современный Уэльс, а отдельные формирующие его географические пределы образования обладали самостоятельной династической преемственностью. Даже когда значительная часть «валлийских» земель объединялась под властью одного могущественного правителя, образуемый таким образом комплекс владений не приобретал единой коллективной субъектности, а позиционировался не только как земельный домен осуществлявшего свою гегемонию суверена, но и совокупность территорий, сохранявших свои прежние названия. С другой стороны, определенные сомнения вызывает сам термин «Кумгу» – в значении «валлийцы», воспринимаемый как актуальный для всего Средневековья. Речь идет не столько о хорошо известной полисемии используемого в валлийских текстах обозначения, сколько о тенденции последовательного разграничения вернакулярных и

¹ Статья написана при поддержке РФНФ (грант 16-01-00108а)

ориентированных на латинские определения языковых ресурсов и как результат – формирующихся на их основе дискурсов. Практики, отталкивавшиеся от такого разграничения, акцентировали его как принципиальное, но при этом неизбежно адаптировались к условиям активного для этого региона Британских островов двуязычия. В этом смысле в основанных на противоположных приоритетах дискурсах могли возникать и возникали поясняющие такие разграничения лексические комбинации, а традиции в свою очередь могли переплетаться. В том случае, когда подобного рода пояснения несли в себе значения внешнего характера (к примеру, производную от *wēalas* терминологию), возникающий таким образом эффект обуславливал не более чем дискурсивную аккумуляцию образованной части туземного населения, но не затрагивал при этом свойственные «валлийскому» дискурсу бриттские акценты.

Вернакулярные тексты и связанная с ними традиция демонстрируют известное постоянство в использовании существительного *Кумргу* (*Кумро* «житель/и одной территории»)² для обозначения как коренного населения, проживавшего в той части Британских островов, которую принято называть Уэльсом, так и соответствующей этому ареалу территории³. Установившаяся к началу XII в. практика сохранится вплоть до конца XVI в.⁴, когда произойдет окончательное разделение этнически и терри-

² А.И. Фалилеев отмечает, что «**kombrog-*, где *kom* соответствует русс. *со-*, а **brog-* родственно ирл. *truig* «земля, участок земли» и гал. *brog-* «страна, земля»: Из ранней валлийской поэзии. С. 205.

³ Первым свидетельством наиболее раннего употребления понятия «Сумргу» в значении «западнее бритты» считается «Прославление Кадваллона» («*Tewid rhiau crawn rhag add roestlawn/Garddai er pan aned dyn dyfnddawn – Сумргу /Pan rygreas Crist Cadwallawn*») – поэма, сохранившаяся только в двух, восходящих к XVII в. списках, но составленную в годы его правления в качестве короля Гвинеда, т.е. в период между 625 и 634 гг. (*Geraint* 1978. Д. Дамвилл оспаривает такую датировку: *Dumville* 1988. Р. 15. п. 15). Г. Эванс, приступив еще в начале прошлого века к реализации своего проекта по изданию «Книги Талиесина», закономерно отмечал неоднозначную природу самоназвания «Кумргу» и видел в нем одновременно этнические и географические реалии (*Facsimile and Text of the Book of Taliesin...* 1910. Р. IX-XI, XX), но вычлененные в публикуемых текстах обе группы значений не вышли за рамки составленного в факсимильном издании предметного указателя. Напечатанные им позднее переводы Талиесина, справедливо подвергнутые критике еще его современниками, были лишены не только такого указателя, но и оказались далекими от предпринятой в предыдущем издании классификации (*Poems from the Book of Taliesin...* 1915). Проблема заключалась не только в том, что тексты были опубликованы без комментариев, но и в том, что сам термин был оставлен в большинстве случаев без перевода. Оказавшаяся нереализованной классификация значений «Кумргу», тем не менее, имела весьма конкретные последствия: традиция, подчеркивавшая двойственную природу понятия, превратилась в устойчивую.

⁴ Анализ различных примеров употребления: *Phillimore, Edwards* 1892. Р. 97-100; Показательны также примеры, которые можно почерпнуть из: *Armes Prydein: The Prophecy of Britain...* 1972. Р. 20; Великое пророчество Британии // Из ранней валлий-

ториально ориентированных понятий, не требующее прежнего контекстуального определения используемого в текстах значения⁵. Однако наблюдавшееся в таких текстах постоянство не исключало иных вариантов использования этого обозначения. Известны случаи его употребления при описании бриттского населения Корнуолла и Стратклайда. Более того, как отмечал еще Г. Эванс, его использование в ранней поэзии и в частности в «Книге Талиесина» могло подразумевать и более широкий этнокультурный контекст, когда территориальный смысл понятия указывал на Британию вообще: обозначения Prydein и Кумргу, а также Brython и Кумргу использовались в качестве синонимов⁶. Позднее Т. Чарлз-Эдвардс выдвинул предположение, что характерная для Средневековья практика использования понятия Кумргу распространялась и на обозначение бриттской общности особенно в тех случаях, когда подчеркивалось присущее ей языковое единство, впервые определенное Кормаком (†908)⁷ при помощи образованного от Кумрго деривата *K(C)ombrec* (совр. *Cymraeg*)⁸.

ской поэзии. С 34-35; 205. (прим. 7). В наиболее авторитетных переводах этого произведения, датированного 930 г., превалирует передача этого термина как аналога валлийцев (15 из 16 случаев): только выражение «*eil Kymro*» Р. Бромвич и А.И. Фалилеев переводят как «*the sons of Kymrgu*» «сыновья Уэльса» соответственно. См. английский перевод в: *Armes Prydein: The Prophecy of Britain...* P. 14 (line 185) и параллельный текст в издании: Из ранней валлийской поэзии. С. 48, 49 (строка 185).

⁵ Это обстоятельство отмечено И. Уильямсом: *Armes Prydein: The Prophecy of Britain...* 1972. P. 21-22. Впервые практика отдельного употребления значений будет зафиксирована в словаре Уильяма Солсбери (1547): *A Dictionary in Englyshe and Welshe...* 1877. Затем выражения «*Kambry y wlad einim/ gwlad Cymry*» [Llawysgrif *Hendregardedd...* 1933. 13a; Морис Клинок (с. 1525–1581): *Clynoc Morys* 1880] и «*senedd y Cymrgu*» [Джон Д. Рис (1534–1609): *Cambrobrytannicae Linguae Institutiones et Rudimenta Accurata*. S.I. *Excudebat Thomas Orwinus*, 1592; Thomas Oliver (1598–1652): *Car-wr y cymru, yn annog ei genedi anwyl, a'i gydwald-wyr er mwyn Crist ai henediau i chwilio, yr Scrythrau, yr olgorchymyn Crist.Ioh.5.29 Y'rhai, yr awr'hon yn ddiweddar äbrintiwyd onewydd yn Gymraec; ac a geir ar werth yn Ilyfran cynnwys, a bychain eir maintioli a'i pris, drwy fawr ddiwydrwydd, athraulswrn o wyr Duwyol. enwog ac ewyllys-gar i wneuthur datoni i'r Cymru. LLundain: Printiedig gan Felix Kingston, drwy awdurdod. 1631.]; *Hunter* 2000.*

⁶ *Facsimile and Text of the Book of Taliesin...* 1910. P. IX-XI.

⁷ *Charles-Edwards* 1995. P. 710-715. *Sanas Cormaic...* 1912. Vol. IV.

⁸ Наиболее ранний пример использования обозначения «*Combrec*» в валлийском языке приходится на начало XII в. (Черная Книга из Кармаргена): *Llyfr Du Caerfyrddin...* 1982. No. 4. Line 3. Чарлз-Эдвардс, ссылаясь для подтверждения своих наблюдений на К. Джексона, выдвигает предположение, что устойчивое сохранение немутировавшего *-mb-* в написании *Combrec* у Кормака свидетельствует о том, что его заимствование в ирландский язык произошло до того, как завершилась мутация *-mb- > -mm-* в бриттском языке, датируемая, как правило, V–VII вв. (*Jackson* 1953. P. 513.). *Charles-Edwards* 1995. P. 710. n. 34. При таких условиях, как представляется, само обозначение «*K(C)ombrec*» могло применяться для характеристики совершенно иной языковой картины с ее явно выраженной бриттской доминантой, чем той, которая существовала на Британских островах к началу XII в.

Кормак, действительно, отождествлял *Combrec* с языком бриттов (*Bretnas* или *F(B)rython*)⁹, но оставленные им комментарии отражали, помимо отмечаемого Чарлзом-Эдвардсом, иного рода различия. Определявшиеся противопоставлением *Кумро/Кумру* как человека и/или же группы людей, объединенных родственными связями и принадлежавших к одному и тому же *bro*¹⁰, и индивида/ов, относящихся к другому *bro* (*allfro*), они указывали на генетические, а не только лингвистические отличия, присущие «*bro Bretnas*»¹¹. Как показывают сохранившиеся свидетельства, «*bro*» мог обозначать определенную в географическом плане, но подвижную с точки зрения более точной локализации территорию¹². В этом смысле употребление понятия «*Combrec*» могло указывать не столько на типичный для более поздней практики и ограниченный в локальном смысле диалект, сколько на более широкую в этнокультурном и социальном отношении реальность. Именно в таком ключе следует понимать интерпретацию Чарлз-Эдвардсом «Великого пророчества Британии» (X в.) – одного из основных текстов, позволяющих судить об идентитарных процессах, имевших место на западе и юго-западе Британских островов в раннее Средневековье¹³. Наиболее принципиальным для понимания является фрагмент стрк. 9-11 (*a chymot Kymry a gbur Dilyn, / Gbydyl Iwerdon, Mon a Phrydyn, / Cornub a Chludbys; eu kynnbys genhyn*)¹⁴,

⁹ Sanas Cormaic...no. 124, 883.

¹⁰ О влиянии этого понятия на этимологию этнонима бриттов/ валлийцев пишет также Стефан Циммер: *Zimmer* 2007. S. 675.

¹¹ *Charles-Edwards* 1995. P. 711.

¹² С одной стороны, это слово ни разу не встречается в «Книге Кивнерфа»; оно отсутствует также в «Четырех ветвях Мабиноги», повестях «Кулхун и Олвен», «Сон Ронабуи». В «Книге Иорурта» оно употребляется только один раз (§81/9: «в “bro” не будет места для того, кто не склонится перед справедливостью»); в «Книге Блегеурида» (*Llyfr Bleguwyrd...* 1942) это слово появляется в фразе «*таенawr vro*», которая означает что-то вроде «равнины» в отличие от «*таенawr wrthtir*» – «горной местности». С другой стороны, варианты употребления «*bro*» в поэтических текстах допускают его сочетание либо с личными именами (как в случае «*bro Gaduan*» [См.: *Gwaith Llywarch ap Llywelyn “Prydydd y Moch...* 1991. No.12. line 36]), либо топонимом («*Carno bro*» [Ibid. No. 28. line 3]). Возможны случаи, когда *bro* предшествует притяжательное местоимение («*hyd yr wir in y bro*» [См.: *Llyfr du Caerfyrddin...* 1982. No.18. line 147]). В тех случаях, когда употребление «*bro*» требует имени собственного, протяженность обозначаемой таким образом территории может быть весьма значительной, но с учетом географических представлений того времени весьма неопределенным, как в случае с «*broyd Asya a Affrica*» в «Красной книге Хергеста» [См.: *The Poetry in the Red Book of Hergest...* 1911. No.1229. 23-24]).

¹³ *Charles-Edwards* 2003. P.519-536.

¹⁴ «И согласие валлийцев и дублинцев/ ирландцев Ирландии, Англии и Шотландии, / корнуольцев и стратклайдцев – приветствуем их мы». Я использую здесь и далее перевод А.И. Фалилеева (Из ранней валлийской поэзии. С. 35). Ключевое для понимания этого фрагмента слово «*chymot/cemod*» Чарльз-Эдвардс переводит как «союз» (*Charles-Edwards* 1995. P. 712, n. 41), а Фалилеев – как «согласие».

который не только определяет потенциальный состав «британского» сопротивления (Сумгу, с одной стороны, дублинцы и ирландцы – с другой), но и указывает с учетом присутствующего в нем смыслового оборота (в перечислении опущены бретонцы)¹⁵ на определенную заданность в позиционировании стратклайдцев (Chludbys) и корнуолльцев (Cornub) относительно проецируемой пророчеством картины былого единства всех британских этнокультурных сообществ. При этом вариант перевода строки «Atporyon uyd Brython pan dyorfyn» Р. Бромвич «и **бритты** восстанут вновь, когда победят»¹⁶, оказывается более точным, чем «обновленными станут **британцы**, когда победят», предлагаемый А.И. Фалилевым, поскольку акцент на этнокультурном единстве островных бриттов представляется мне определяющим соответствующий контекст пророчества. Стремление очертить таким образом бриттскую конфигурацию определенной части повстанцев оказывается неслучайным. Поскольку после изгнания чужаков (allmon allfro) Кумгу/ F(B)rython (?) будет принадлежать все – «от Манау до Бретани», а «ирландцы вернутся к своим соплеменникам»¹⁷, речь может идти о своеобразной попытке визуализировать не только разрушенные в ходе англосаксонского завоевания границы британского мира¹⁸, но и те элементы, которые связывали его в единое целое. Принимая во внимание характерную для поэта двойственность в восприятии островных и континентальных бриттов, можно предположить, что понятия «Brython» и «Кумгу» использовались в поэме и как самостоятельные обозначения, и как синонимы¹⁹.

Присутствие в тексте двух взаимосвязанных вариантов употребления этих понятий объясняет позицию поэта в отношении стратклайдцев и корнуолльцев. С одной стороны, поэт обращает внимание на их близость с Кумгу, с другой – наблюдается вполне определенная дистанция, поддерживаемая в тексте смысловым разграничением позиции «мы» как Кумгу/ Brython(?) [стр. 9 и 11] и, к примеру, позиции «храбрые верные мужи Алклита» (Alclut gbur drut, diweir) присутствующей в тексте пророчества без видимой этнической артикуляции (стр. 150). Чарльз-Эдвардс объясняет это противоречие особенностями используемого в тексте гла-

¹⁵ В тексте этого обозначения нет, но дважды (стр. 151, 171) упомянута Бретань (Lydaw).

¹⁶The Britons will rise again when they prevail». Armes Prydein... 1972. P. 3.

¹⁷ Строки 171-177.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Федоров, Паламарчук 2014. С. 16-20.

¹⁹ Строки 41-44 однозначно указывают на то, что земля бриттов была одновременно землей Кумгу: Gbrthottit trindaft dyrnaft a bcyller, / y dilein **golat Vrython**, a Saesson yn anhed. /Poet kynt eu reges yn alltuded /no mynet **Kymry yn diffroed**. Чарльз-Эдвардс обращает внимание на значение слова diffroed (=di-fro-ed), передающее состояние, когда человек изгоняется или же насильственно лишается своего места в bro. Charles-Edwards 1995. P. 712.

гола sunnwys, полагая, что его смысловая нагрузка была близка значению, которое более всего известно по правовым памятникам XIII в. Именно тогда этот глагол стал обозначать действие, связанное с выделением дальнему сородичу определенной доли наследства²⁰. В этом смысле Cludwys, если и не располагали к описываемому в пророчестве моменту определенной долей в «bro Brython», то их потенциальное право на соответствующую часть утраченного по известным причинам «наследства» продолжало оставаться неизбылемым. Перспектива, определяемая предсказанием, не только нацеливала бриттов на реализацию потенциально существовавшей возможности, но и легитимировала отчасти утраченные, но при этом оставшиеся родственными связи.

Истолковывая этнополитические комбинации пророчества, Чарльз-Эдвардс полагал, что в IX–X вв. возможная связь Kymry и Cludwys могла выстраиваться сугубо лингвистически²¹. При этом пророчество, ориентируясь на известную активизацию мемориального ресурса, построенного на воспоминаниях о некогда обширном круге британских земель (Dygorfu Kymry trbu kyfergyr, / yn gyweir gyteir gytson gytyffyd)²², развивало сюжет, подчиняя его задачам, акцентирующим неизбежность предстоящего реванша²³. Оперативная версия, включавшая, помимо прочего, весьма обстоятельную географию островных областей, мобилизовала мир не утративших свое основание иллюзий и в этом смысле подчеркивала обратимый характер произошедших на острове событий.

Противостоявшая пророчеству реальность была такова, что практика употребления понятия «Kymry» в отличие от менее устоявшегося использования «Combrec» во многом тяготела к его буквальному и, рискованно предположить, семантически исходному контексту²⁴. Поскольку ареал распространения «Combrec» заметно сузился уже к концу X в. (о чем, кстати, пишет и сам Чарльз-Эдвардс), в понятии «Kymry» могли раскрыться те его значения, которые подчеркивали прежде всего территориальную заданность сначала «британской», а затем и – более предметно

²⁰ Charles-Edwards 1995. P. 712. Llyfr Iorwerth... 1960. §85 (значение: P. 56); §86 (дальнейший контекст использования: P. 56-57).

²¹ Определяя земли Cludwys одновременно и как Cumbra (реже – Cumbraland), и как Stræclædwēalas, саксонские хронисты отличали территорию, возможно, все еще говорившую, хотя бы отчасти, на Combrec, но уже необязательно заселенную только Kymry. The Anglo-Saxon Chronicle... 1986. P. 74 (далее – ASC MSA); The Anglo-Saxon Chronicle... 2001. P. 47 [ealdormann Cumbran], 61 [on Stræclæd Wealas] (далее – ASC MSC); The Anglo-Saxon Chronicle... 2004. P. 37 [ealdormann Cumbran], 50 [on Strætlædwēalas] (далее – ASC MSE).

²² «валлийцы (бритты?) будут преобладать в битве, / готовые, одного слова, одной речи, одной веры»

²³ Об этом более подробно: Jones 2013. P. 31-50.

²⁴ Из ранней валлийской поэзии... С. 35-55 (строки 9, 22, 44, 46, 54, 61, 77, 82, 97, 125, 141, 178, 185 (сыновья Уэльса) 192).

– принявший очертания современного Уэльса действительности. При этом собственно «валлийское» могло позиционироваться и, должно быть, в отдаленной перспективе позиционировалось либо как причастное, либо как единственное сохранившее исконно британские черты состояние: прошлое и настоящее бриттов теснейшим образом переплеталось в этом определении, превращая грань между ретроспективным и перспективным толкованием термина в едва уловимую²⁵.

Именно этим обстоятельством можно объяснить присутствующие в тексте оппозиции, как представляется, делившие британский круг земель на четыре его составляющие. Интерпретируемое большинством комментаторов и переводчиков²⁶ как «валлийское» по своей сути и содержанию «мы» граничило с прочими бриттскими народами, утратившими за редким исключением свою династическую и, что весьма возможно, языковую субъектность. С образуемой таким образом общностью – тем самым *bro Brython*, своеобразным территориальным континуумом²⁷ соприкасались прочие британские народы, судьба которых также была лишена определенности. И, наконец, всей этой массе противостояли чужеродные бриттам, но династически более консолидированные саксы, которых, как следует из текста пророчества, надлежало изгнать за пределы острова. За изгнанием, как известно, должно было последовать возвращение этнически «небриттских» союзников в свои исконные земли, а территория от Манау (*Vуnаb*) до Бретани (*Lydaб*) должна была оказаться в руках «двух медведей» (*deu arth*) или «двух защитников Британии» (*deu erchwynnaбс Prydein*). При этом, если не считать неподдающийся точной идентификации Ирихвид (*Yrechbyd*), в пророчестве конкретизируется весьма определенная по своей географии территория. Речь идет о северных бриттских королевствах – Старом Севере в его буквальном узком значении (*O Wаbл hyd Weryt*) и территории от Диведа до Танета (*O Dyuet hyd Danet*), в пределах которой располагались некогда-то земли южных бриттов. Недостаток собственно западной оконечности мог компенсироваться в том случае, если за обозначением *Mon* (строка 10) скрывался о. Мэн, но, по мнению большинства исследователей, такая идентификация представляется маловероятной.

Судя по всему, для системы координат восстанавливаемого таким образом бриттского мира решающее значение имели его две полярные точки (Манау и Танет). Усиленные в пророчестве использованием двух

²⁵ Менее очевидно, но в близком ключе выстраивает свои рассуждения Циммер: *Zimmer* 2007. S. 675.

²⁶ Помимо А.И. Фалилеева, такой точки зрения придерживается и Г. Айзек: *Isaac* 2007. P. 170-182. P. Бромвич использует аутентичный термин без перевода.

²⁷ Основанием для использования этого термина является упоминаемые в тексте «люди севера» (строка 16) и «мужи юга» (строка 78), и в том и другом случае указывающие на географические границы бриттского мира.

этнически и исторически целостных доминант (gbug Gogled и gbug Deheu), они повторяли приоритетную для средневековой валлийской поэзии ориентацию на север и на юг, но оставались с точки зрения детальной реконструкции весьма далекими от идеала. Бретань по понятным причинам упоминалась в тексте как лежавшее за пределами островной и при этом исключительно британской географии название. Насколько при этом понятие «Кумру» приобретало акцентуруемый Айзеком и Фалилеевым партикулярный смысл, обозначая не только тех, кого принято сейчас считать валлийцами, но и преднамеренно исключая тех, кто не соответствовал таким образом интерпретированному определению – достаточно сложно. Неопределенность используемых в тексте пророчества формулировок не дает достаточных оснований для такого рода однозначных решений. Определенную ясность в решение этой проблемы может внести дальнейшая акцентуализация понятия «Кумру» в связи с изменением значений, характерных, с одной стороны, для латинских определений «Britannia» и «Britanni», а с другой – для валлийских обозначений «Prydain» и «Brython». На протяжении IX–XII вв. понятие «Кумру» не утрачивает своего пространственно-территориального²⁸ значения; сохраняется также его этническая²⁹ ориентация, но видоизменяется его ситуативная направленность.

Характерная для валлийских (латинских) текстов этого периода тенденция указывает на размывание ориентированного на универсальный островной контекст содержания классического термина «Britannia»³⁰. Наблюдается вполне естественное сужение географических пределов острова, для обозначения которых валлийские авторы применяют восходящее еще к римским текстам определение³¹. Сохранение британских

²⁸ Тенденция четко просматривается уже в «Книге Талиесина: **XII.** Glaswart Taliesin. 31.11; (Ygkymry yd erhy gwaged gweddawt); **XVIII.** Kychwedyl am dodyw o galchuynyd. 38.15: (Odit o gymry ae llafaro.); **XX.** Canu y Cwrwf. 41.23: (Kymry kaerned-awc.); **XLV.** Marwnat Aeddon. 68.24: (kymry dinas.); **LII.** Gwawt Lud y Mawr. 75.5: (Kymry pedeir ieith.); **LIV.** Ymarwar Llund Bychan . 79.6: (Kymry ny danhyal ryfel ar geith.)

²⁹ **X.** Daronwy 29.15: (Pan wnel kymry kamualha); **XIV.** Kerb Veib am Llyr. 34.1: (Kymry yn wnvryt gwrhwt wryon.); **LII.** Gwawt Lud y Mawr. 75.19-20: (Kymry eigyl gwydyl prydyn./ Kymry kyfret ac ascen.); **LIII.** Yn wir dymbi romani kar. 78.7: (Bydhawt kymry kynnull yn discowen.)

³⁰ Основанием для определения последующих значений служат в основном латинские тексты «Книги из Лландава» (вторая половина XII в.), фиксирующие практику употребления этого понятия, характерную для более раннего времени: *Davies* 1998. Примеры употребления обозначения «Britannia» в отношении территории современного Уэльса: *Book of Llan Dâv...* 1883. P. 3, 6, 7, 69, 83, 115, 118, 132, 133, 151, 161, 165, 169, 192, 212, 223, 230, 237, 270. О размывании первоначального островного смысла этого определения: *Ibid.* P. 26, 68, 80, 110, 248.

³¹ Речь идет о существующей в валлийских текстах «воображаемой» территории, располагавшейся северо-западнее Каира Леона на реке Аск и юго-западнее устья реки Ди и современного Честера, либо простиравшейся от современного Бомариса

анклавы в западных, юго-западных и северо-западных регионах в период англосаксонского завоевания во многом способствовало реконфигурации исходного значения «Britannia» и появлению нового партикулярного, более усеченного смысла, определявшего «валлийский» контекст использования классического термина³². При этом установившаяся связь не предполагала Уэльс в его современном известном нам определении, а лишь указывала на совпадение границ изрядно изменившегося британского круга земель с его географическими пределами.

Практика использования понятия «Britanni» для определения туземного населения в основном повторяет отмеченную закономерность³³, но с одной принципиальной особенностью: реконфигурация его исходного значения и конкретизация обновленного смысла приводят к вытеснению этого термина обозначением «Britonnes»,³⁴ фиксировавшим, как правило, этнический состав сократившегося до «валлийских» пределов бриттского населения. Заметное при одновременном употреблении латинских понятий, обозначавших территорию и население, противоречие осталось неразрешенным вплоть до первой половины XII в., когда оба архаичных термина были заменены новообразованиями. Вернакулярная традиция, активно развивая территориальный смысл обозначений «Kymry» и «Prydain», с одной стороны, и этнокультурную направленность наименований «Kymry» и «Brython [Brytaniaid]» – с другой, достигла в X–XII вв. определенного равновесия³⁵. Восходящий к более ранним памятникам термин «Prydain»³⁶ постепенно обретает решающее значение в описании сократившегося до пределов современного Уэльса британского ареала, и, как полагал еще Г. Эванс,³⁷ становится синонимичным определением с сохраняющим актуальность обозначением «Kymry»³⁸.

(вал. Porth у Wygyr) на о. Англис до Портскьюитта (вал. Porth Ysgewin) на юго-востоке, но была близкой в обоих случаях по своим очертаниям современному Уэльсу. Реконструкция «воображаемой» территории: Trioedd Ynys Prydein... P. 236-237.

³² Davies 1974-1976.

³³ Book of Llan Dâw... P. 18, 68, 88, 99-100, 130, 256.

³⁴ Первый четко датируемый концом IX в. случай употребления этого обозначения: Asser's Life of King Alfred. 7 (P. 7-8); 14 (P. 14-15). Об устойчивости традиции в конце XI в.: Life of St Cadog. P. VII; 93 (§ 30). Book of Llan Dâw... P. 181, 266, 343.

³⁵ О перспективах такого равновесия: Hunter 1999.

³⁶ Следует отметить, что понятие «Prydain» очень часто неверно идентифицируют с другим используемым в этот период словами «Prydyn» и «Pryden», применявшимися для обозначения определенной части коренного населения Шотландии или же собственно земли пиктов. Jackson 1954. P. 16-18.

³⁷ Facsimile and Text of the Book of Taliesin... P. X.

³⁸ Подобного рода закономерность хорошо просматривается в «Книге Талиесина»: **XI.** Cadau Gwalawc. 29.25-26: (Hir dychyferudein/ O brydein gofein.), 30.2-3: (Ym prydein yn eidin yn adeueawc. / Yggafran yn aduan brecheinawc.); **XIV.** Kerb Veib am Llyr. 34.5: (Ac am teruyn prydein kein y threfi.); **XXI.** Etmic Dinbych (Похвала Тенби). 42.25: (gogyfarch ty prydein kwd gygein hyn), 43.21: (hyny uwyf tauawt ar veird prydein)

Понятие «Brython [Brytaniaid]», не изменив своего исходного предназначения, использовалось в текстах как валлийский аналог «Britanni», но с известным ограничением, связанным исключительно с ретроспективно ориентированными описаниями. При этом в обозначении преобладает явно выраженный «валлийский» контекст, и в этом смысле оно становится синонимом не только «Britonnes», но и «Кумгру». У поэтов принцев (Beirdd y Tuwysogion) понятие «Brython» окончательно замещается обозначением «Кумгру»³⁹ и, судя по всему, выходит из широкого употребления при описании современной им тематики. При этом смысловая связка «Кумгру – Prydain» использовалась как определяющая и развивающая более конкретные значения⁴⁰. Даже такие, казалось бы, дву-

43.24: (yscriuen brydein bryder briffwn); **XXVIII.** Rhagoriaeth Gwalawc. 64.10-12-14: (Toryf pressennawl tra phrydein tra phryder / rygohoyw rylyccrawr rylyccrer./ rytharnawr rybarnawr.); **XXXI.** Gwaeth Gwenystrad. 56.17: (Gwyr prydein adwythein yn lluyd.). **XLVIII.** Marwant Vthur Pendragon. 72.7-8: (Handit o meinat gwrth glodyat / Byt pryt prydein hyscein umhwyllat.); **LII.** Gwawt Lud y Mawr. 75.10-11: (Kathyl gwae canhator/ Kylch prydein amgor.); 76.5: (Y prydein yna y daw datwyrein.), 76.11: (Mil yn brawt prydein vrdin.); **LIII.** Yn wir dymbi romani kar. 78.3: (Vrthenedic prydein brenhin gorden); 78.12-13: (Kylch prydein bo/ Flemychit ygno.). При этом варианты XI (XI) и XXXI (II), согласно классификации И. Уильямса, являются наиболее ранними, восходящими к историческому Талиесину.

³⁹ Gwaith Meilyr Brydydd a'i Ddisgynyddion... 1994. **Gwalchamai ap Meilyr** (1130–1180): 7.27n, 63, 85; 10.16; **Elidir Sais** (1190–1240): 18.9n. Gwaith Llywelyn Fardd I ac Eraill o Feirdd y Ddeuddegfed Ganrif... 1994. **Owain Cyfeiliog** (1130–1197): 15.60; **Daniel ap Llogwrn Mew** (1150–1160?): 14n; **Siesyl Bryffwrch** (1155?–1175): 22.6; **Gwynfard Brycheiniog** (1170–1180?) 25.4, 47; 26, 35. Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, I... 1991. **Cynddelew Brydydd Mawr** (1155–1200?): 11.21; 21.19, 73; 26, 103. Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, II... 1995. **Cynddelew Brydydd Mawr** (1155–1200?): 3.11; 5.72; 6.136; 8.38; 9. 84, 85. Gwaith Llywarch ap Llywelyn 'Prydydd y Moch'... 1989. **LLywarch ap Llywelyn** (1173–1220): 1.37; 10.89; 11.6; 13.20; 20.2; 22.33; 23.146; 25. 8.42; 26, 80, 29.9. Gwaith Dafydd Benfras ac Eraill o Feirdd Hanner Cyntaf y Drydedd Ganrif ar Ddeg... 1995. **Enion Wan** (1202–1245): 5.8, 9; **Phylip Brydydd** (1200–1225?): 12.42; 14.2; 15.18; **Gwgon Brydydd** (?): 2.2; **Dafydd Benfras** (1230?–1260): 26.22, 33, 46; 27. 10, 60; 29.4, 49; 30.29, 59, 78; 35.11, 29, 84. Gwaith Bleddyn Fardd ac Eraill o Feirdd Ail Hanner y Drydedd Ganrif ar Ddeg... 1995. **Y Pryddydd Buchan** (1222?–1268): 5.1; 6.13; 9.4, 5; **Lygad Gwr** (?): 28.84, 115n.

⁴⁰ Gwaith Meilyr Brydydd a'i Ddisgynyddion... **Meilyr Brydydd** (1100–1137): 3.22, 133; **Gwalchamai ap Meilyr** (1130–1180): 6. 5, 29, 59; 9.48, 122, 144, 157n; **Elidir Sais** (1190–1240): 15.18. Gwaith Llywelyn Fardd I ac Eraill o Feirdd y Ddeuddegfed Ganrif... **Llywelyn Fard I** (1150?–1175) 3.6n; **Siesyl Bryffwrch** (1155?–1175): 25.32n. Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, I... **Cynddelew Brydydd Mawr** (1155–1200?): 3.85, 211; 14.28; 16. 16, 110, 167, 193; 21.28, 190; 26.109. Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, II... **Cynddelew Brydydd Mawr** (1155–1200?): 1.68; 2.12n; 4. 10, 96, 292n; 6.129; 9.190; 10.29; 13.21; 17.70. Gwaith Llywarch ap Llywelyn 'Prydydd y Moch'... **LLywarch ap Llywelyn** (1173–1220): 1.14, 81, 108, 153; 2.37; 3.10, 21; 5.10; 6.1, 35; 9.23; 10.9, 65; 11.4, 29; 12.5; 13.9; 17.9, 35; 18.4, 31; 19, 6; 20.29; 21.16; 23. 9n, 68, 92, 97, 141, 176; 25.45; 26.117, 142; 29.1; 30.1, 15; 25.32. Gwaith Dafydd Benfras ac Eraill o Feirdd Hanner Cyntaf y Drydedd Ganrif ar Ddeg... **Enion Wan** (1202–1245): 6.5n, 33n; **Llewelyn Fard II** (1215?–1280): 8.8;

смысленно построенные фразы, в которых Гриффид ап Кинан позиционировался как «*rasgudur kynrinn, Prydein briawd*»⁴¹, а Овайн Гвиндур как «*gwyndeyrn Prydein*», «*Prydein allwedawr oll yn eityan*», «*brenin bendigaid Prydein*» или же как «*urddawl ben, priawdnen Prydain*»⁴² не выходили за пределы породившего такую амбивалентность «валлийского» контекста, поскольку каждый из них попадал под более привычные определения «*modrydaf Кумгу*»⁴³ и «*vugeil Кумгу*»⁴⁴.

Уже в переводах и комментариях начала XX в. вопрос о том, что собственно оберегали и защищали эти два персонажа, решался, как правило, достаточно просто и без должного внимания к влиявшему на обозначение «Кумгу» историческому контексту. Определяющими были не столько индивидуальные предпочтения переводчика, сколько характерные для языкознания и шире – филологической науки – теории и связанные с ними установки⁴⁵. К примеру, широко обсуждавшиеся во второй половине XX в. проблемы, проясняющие развитие средневековых корнского и бретонского языков, а также их противопоставление валлийскому, во многом были обусловлены идеями о существовании двух отчетливо выраженных диалектных зон. Считалось, что определяемые как лингвистически, так и географически, такие зоны были характерны уже для общebritтской эпохи⁴⁶. Кроме того, исследования так называемого «базисного» словаря каждого из трех языков способствовали последующему признанию не только относительной самостоятельности «западной» – собственно валлийской зоны, но и характерных для нее уже в эпоху раннего Средневековья идентитарных процессов⁴⁷.

На фоне именно таким образом реконструируемой и интерпретируемой реальности обозначение «Кумгу», подразумевавшее ее языковое и этнокультурное единство, оказывалось при ближайшем рассмотрении не только этимологически непрозрачным⁴⁸, но и лишенным необходимой для самоназвания конкретности определением. При этом его значение было лимитировано и строго детерминировано условиями

Phylip Brydydd (1200–1225?): 14.23; 15.26; 13.23; **Enion ap Gwgon** (?) 32.111; **Enion ap Madog ap Rhahawd** (?) 10.10; **Dafydd Benfras** (1230?–1260): 26.5n; 27.75; 30.65n. **Gwaith Bleddyn Fardd ac Eraill o Feirdd Ail Hanner y Drydedd Ganrif ar Ddeg...** **Y Prydydd Buchan** (1222?–1268): 5.21; 6.5; 10.5; 15.20n; **Lygad Gwr** (?): 24.21n; 25.5n.

⁴¹ Gwaith Meilyr Brydydd a'i Ddisgynyddion... **Meilyr Brydydd** (1100–1137): 3.22.

⁴² Ibid. **Gwalchamai ap Meilyr** (1130–1180): 9.48, 96, 122

⁴³ Ibid. **Meilyr Brydydd** (1100–1137): 3.68.

⁴⁴ Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, II... **Cynddelew Brydydd Mawr** (1155–1200?): 9.84, 126.

⁴⁵ Williams 1996. P. 179, 181.

⁴⁶ Jackson 1953. P. 19; Sims-Williams 1991; Фаллелес 2002. С. 9–12.

⁴⁷ Elsie 1979.

⁴⁸ Схожие по образованию этнонимы других кельтских племен, нитиоброгов (nitiobroges) и аллоброгов (allobroges) более прозрачны для интерпретации.

и ресурсами характерной для средневековой Британии формы «активного» билингвизма⁴⁹. Используемые в латинских текстах синонимы, во многом раскрывающие и поясняющие смысл исходного обозначения «Кумру», оставались вплоть до середины XII в. далекими от желательной для западной – собственно «валлийской» зоны однозначности, как и используемые в текстах их вернакулярные аналоги.

Рискну предположить, что именно подвижность используемых при переводе или при «переключении» между двумя традициями определений, а также набор доступных, но далеко не всегда островных по своему происхождению аналогий свидетельствовали не только о незавершенности идентитарных процессов у западных бриттов, но и об отсутствии в их самосознании ярко выраженного валлийского концепта. Языковой фактор не играл в данном случае определяющей этническое единообразие роли, поскольку испытывал на себе последствия соответствующей аккультурации. При этом характерный для текстов этого периода репертуар латинских и валлийских синонимов мог служить и, как представляется, служил снимающим отмеченную неопределенность приемом. Основанная на таких «переключениях» эволюция основных значений «Кумру» могла выглядеть следующим образом.

Первоначальный лишенный какого-либо партикулярного смысла британский контекст употребления понятий уравнивал географический аспект обозначения (Кумру=Britannia) с определением подразумевающим этнически однородное, но гетерогенное по групповому составу население (Кумру=«Britanni»). Раскрываемое таким образом обозначение «Кумру» было вытеснено затем более конкретным определением, фиксирующим не только изменения в географическом ареале расселения бриттов (Кумру>Britannia<Prydain), но и в групповом состав туземного населения (Кумру>Britanni>Britonnes<Brython [Brytaniaid]). Наконец, конечный вариант устанавливал финальное соотношение, где собственно британский контекст употребления обозначения «Кумру» терял свою универсальность и приобретал четко выраженный региональный характер («Кумру=Prydain≤Britannia»). При этом его этническая компонента (Кумру=Brython≤Britonnes») по-прежнему подразумевала неизменность составлявшего ее основу бриттского элемента.

Конечная реконфигурация понятий обладала двумя, с моей точки зрения, принципиальными особенностями. С одной стороны, определяющей в развитии вернакулярной и отчасти основанной на латинских аналогах традиций была их направленность на интериоризацию заложенных в соответствующие определения смыслов. Предназначавшиеся для этнически однородной среды, валлийские и латинские понятия не выходили

⁴⁹ Conceptualizing Multilingualism...; *Sims-Williams* 2002; *Zimmer* 2002; *McManus* 1983.

за рамки характерного для западных бриттов билингвизма и составляли используемый этнически однородной средой инструментарий. С другой – заметным, но не существенным при ориентации на «внутреннее» потребление являлось определенное несоответствие между обновленным в понятийном отношении этнически ориентированным ресурсом и сохранившим более архаичные определения покрывавшим территориальные (географические) обозначения терминологическим инструментарием. Судя по всему, при сохранении или же значительном превосходстве однородного бриттского населения процессы, связанные с этнизацией, могли опережать обуславливавшие территориализацию явления.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Из ранней валлийской поэзии / Подг. А.И. Фалилеев. СПб.: Наука, 2012. 366 с. [Iz rannei valijskoi poezii / Podg. F. Falileev. SPb.: Nauka, 2012. 336 s.]
- Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб: Нестор-История, 2011. 268 с. [Kuzmenko J.K. Rannie germantsi i ich sosedi. Lingvistika, archeologia i genetika. SPb.: Nestor-Istoria, 2011. 268 s.]
- Фалилеев А.И. Древневаллийский язык. СПб: Наука, 2002. 96 с. [Falileev A.I. Drevnevalijskij jazuik. Spb: Nauka, 2002. 96 s.]
- Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. СПб; Дмитрий Буланин, 2014. 324 с. [Fyodorov S., Palamarchuck N. Srednevekovaja Shotlandia. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2014. 324 s.]
- A Dictionary in Englyshe and Welshe Moche Necessary to All Suche Welshemen As Wil Spedly Learne the Englyshe Tõgue Thought Vnto the Kynges Maiestie... in Wales: Wherevnto Is Pfixed a Litle Trea. Imprynted at London in Foster Lane, by me John Waley, 1547. London: Printed for the Cymmrodorion society by T. Richards, 1877. 182 p.
- Jones A. Darogan. Prophecy, Lament and Absent Heroes in Medieval Welsh Literature. Cardiff: Wales University Press, 2013. 334 p.
- Annales Cambriae / Ed. J. Williams ab Itel. London: Longman & Green, 1860. 172 p.
- Armes Prydein: The Prophecy of Britain / Ed. I. Williams & R. Bromwich. Cardiff: Wales University Press, 1972. 126 p.
- Dumville D. Early Welsh Poetry: Problems of Historicity // Early Welsh Poetry: Studies in Book of Aneirin / Ed. B. Roberts. Aberystwyth; National Library of Wales, 1988. P. 1-17.
- Book of Llan Dâv / Ed. J. Rhys and J.G. Evans. Oxford: Clarendon Press, 1883. 428 p.
- Broun D. Britain and the Beginning of Scotland. Sir Jonh Rhÿs Memorial Lecture // Journal of the British Academy. 2015. Vol. 3. P. 107-137.
- Broun D. Rethinking Scottish Origins // Barbour's Bruce and its Cultural Context. Politics, Chivalry and Literature in Late Medieval Scotland / Ed. S. Boardman and S. Foran. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2015. P. 163-190.
- Cambrobrytannicae Linguae Institutiones et Rudimenta Accurata. S.l. Excudebat Thomas Orwinus, 1592. S.p.
- Car-wr y cymru, yn amnog ei genedi anwyl, a'i gydwald-wyr er mwyn Crist ai henediau i chwilio, yr Scrythrau, yr olgorchymyn Crist. Ioh. 5.29 Y-rhai, yr awr'hon yn ddiweddar âbriantiwyd onewydd yn Gymraec; ac a geir ar werth yn llyfran cynnwys, a bychain eir maintioli a'i pris, drwy fawr ddiwydrwydd, athraulswrn o wyr Duwyol, enwog ac ewyllys-gar i wneuthur datoni i'r Cymru. LLundain: Printiedig gan Felix Kingston, drwy awdurdod. 1631. S.p.
- Charles-Edwards T. Language and society among the Insular Celts 400-1000 // The Celtic World / ed. by M. Green. London: Routledge, 1995. P. 703-737.
- Clynoc Morys. Athravaeth gristnogavl, le cair uedi cynnuys yn grynno'r hol briffynciau syd i gyfaruydo dyn ar y phord i baraduys : originally printed at Milan, A.D. 1568 : reproduced in facsimile from the unique copy in the possession of H.I.H. Prince Louis-Lucien Bonaparte. [London]: [T. Richards, printers] for the Honourable Society of Cymmrodorion, 1880]. S.p.

- Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250 / Ed. E. Tylor. Turnhout: Brepolis, 2011. 368 p.
- Davies J. Liber Landavensis: Its Date and the Identity of its Editor // *Cambrian Celtic Studies*. 1998. Vol. XXXV. P. 1-11.
- Davies R. The Identity of Wales in the Thirteenth Century // *From Medieval To Modern Wales. Historical Essays in Honour of Kenneth O. Morgan and Ralph A. Griffiths* / Ed. R. Davies & G. Jenkins. Cardiff: Wales University Press, 2004. P. 45-64.
- Davies W. Braint Teilo // *Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1974–1976. Vol. XXVI. P. 123-137.
- Facsimile and Text of the Book of Taliesin Reproduced and Edited by J. Gwenogvryn. Evans. Llanbedrog: N. Wales, 1910. 177 p.
- Faull M. The Semantic Development of Old English wealth // *Leeds Studies in English*. 1975. N 8.
- Fulton H. Negotiating Welshness: Multilingualism in Wales before and after 1066 // *Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250* / Ed. E. Tylor. Turnhout: Brepolis, 2011. P. 145-171.
- Fulton H. The Status of the Welsh Language in Medieval Wales // *The Land beneath the Sea Essays in Honour of Anders Ahlqvist's Contribution to Celtic Studies in Australia* Ed. P. O'Neill. Sydney: Celtic Studies Foundation, University of Sydney Press, 2013. P. 3-19.
- Geraint G. Canu Cadwallon ap Cadfan // *Astudiaethau ar yr hengerdd / Studies in old Welsh poetry: cyflwynedig i Syr Idris Foster* / Ed. R. Bromwich & R. B. Johns. Cardiff: University of Wales Press, 1978. P. 25-43.
- Gwaith Bleddyn Fardd ac Eraill o Feirdd Ail Hanner y Drydedd Ganrif ar Ddeg / Gol. gan R. M. Andrews et al. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1995. 667 p.
- Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, I / Gol. gan N.A. Jones & A.P. Owen. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1991. 373 p.
- Gwaith Cynddelw Brydydd Mawr, II / Gol. gan N.A. Jones & A.P. Owen. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1995. 449 p.
- Gwaith Dafydd Benfras ac Eraill o Feirdd Hanner Cyntaf y Drydedd Ganrif ar Ddeg / Gol. gan N. G. Costigan (Bosco) et al. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1995. 581 p.
- Gwaith Llywarch ap Llywelyn 'Prydydd y Moch' / Gol. gan E. Jones. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1989. 349 p.
- Gwaith Llywelyn Fardd I ac Eraill o Feirdd y Ddeuddegfed Ganrif / Gol. gan K. A. Bramley et al. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1994. 561 p.
- Gwaith Meilyr Brydydd a'i Ddisgynyddion / Gol. gan J. E. C. Williams et al. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1994. 562 p.
- Hunter J. Soffestri'r Saeson. Hanesyddiaeth a Hunaniaeth yn Oes y Tuduriaid. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 2000. 160 p.
- Hunter J. The Literary Nation: Textual Construction of Welsh Nationhood c. 1282 to 1997 // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. 1999. Vol. 18 (19). P. 73-144.
- Isaac G. Armes Pydain Fawr and St David // *St David of Wales: Cult, Church and Nation* / Ed. J.W. Evans & J.M. Wooding. Woodbridge: Boydell Press, 2007. P. 161-184.
- Jackson K. Language and History in Early Britain. Edinburgh: Edinburgh U.P., 1953. 752 p.
- Jackson K. Two Early Scottish Names // *Scottish Historical Review*. 1954. Vol. XXIII. P. 16-18.
- Jones A. Darogan. Prophecy, Lament and Absent Heroes in Medieval Welsh Literature. Cardiff, 2013.
- Life of St Cadog // *Vita Sanctorum Britanniae et Genealogiae* / Ed. A. Wade-Evans. Cardiff: Wales University Press, 1944. P. 24-142.
- LLawysgrif Hendregadedd / Gol. J. Morris-Jones a T. Parry-Williams. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1933. 366 p.
- Llyfr Blegywryd / Ed. by S. Williams & E. Powell. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1942. 281p.
- Llyfr Du Caerfyrddin / Ed. A. Jarman. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1928. 258 p.
- LLyfr Iorwerth / Ed. A. Wiliam. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1960. 164 p.
- McManus D. *Linguarum Diversitas: Latin and the Vernaculars in Early Medieval Britain* // *Peritia*. 1983. Vol. 3. P. 151-188.
- Poems from the Book of Taliesin, Edited, Amended and Translated by J. Gwenogvryn. Evans. Llanbedrog: N. Wales, 1915. 198 p.

- Phillimore E., Edwards W. The Settlement of Brittany // *Y Cymmrodor*. 1892. Vol. XI. P. 42-100.
- Pryce H. British or Welsh? National Identity in Twelfth-Century Wales // *English Historical Review*. 2001. Vol. 116. P. 775-801.
- Sanas Cormaic: an Old Irish Glossary / Ed. by K. Mayer // *Anecdota from Irish Manuscripts* / Ed. O. Bergin et al. Oxford, 1912. Vol. IV. 128 p.
- Sims-Williams P. The Emergence of Old Welsh, Cornish and Breton Orthography, 600–800: The Evidence of Archaic Old Welsh // *The Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1991. Vol. 38. P 2-86.
- Sims-Williams P. The Five Languages in the Pre-Norman Inscriptions // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. 2002. Vol. 44. P. 1-37.
- Trioedd Ynys Prydein: The Welsh Triads / Ed. R. Bromwich. Cardiff: Wales U.P., 1978. 559 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 3: MS. A: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. J. M. Bately. Cambridge: Brewer, 1986. 126 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 5: MS. C: A Semi-Diplomatic Edition with Introd. and Indices / Ed. K. O'Brien O'Keefe. Cambridge: Brewer, 2001. 124 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 7: MS E: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. S. Irvine. Cambridge: Brewer, 2004. 174 p.
- The Poetry in the Red Book of Hergest / Ed. E. Gwenogvryn Evans. Llanbedrog: N. Wales, 1911. 428 p.
- Tolkien J. English and Welsh // *Angles and Britons: O'Donnell Lectures*. Cardiff: University of Wales Press, 1963. P. 1-41.
- Williams J. Meilyr Brydydd and Gruffudd ap Cynan // *Gruffudd ap Cynan. A Collaborative Biography* / Ed. K. Maud. Woodbridge: Boydell Press, 1996. P. 165-186.
- Zimmer S. Latin and Welsh // *Donum Grammaticum. Studies in Latin and Celtic Linguistics in Honour of Hannah Rosén*. Louvain: Peeters, 2002. P. 395-405.
- Zimmer S. Zu Alter, Stammbildung und Benennungsmotiv des Namens Cymry // *Rtten-Einfälle an der Donau. Akten des Vertens Symposiums deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen*. Linz/Donau, 17-21. Juli 2005/ Hrsg. H. Birkhan. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007. S. 669-678.

Федоров Сергей Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета: s.fedorov@spbu.ru

The Identity processes in Medieval Wales Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism

The evidence of written records and literary texts reveals a complex network of cultural and linguistic negotiations in Medieval Wales and England, in which the terms of ethnicity and subsequent discourses were formed and furthered. Diglossic combinations played a role of a crucial indicator of binary split between the vernacular and Latin languages resources. Bilingualism, which indicates the native viewpoint on ethnicity and occupied territory, is hard to separate from a more general historical context where instead of the absent terms “Wales” and “the Welsh” prevailed the “Britain” and the “Britons”. Aimed at analysis of the semantic field of “Kymry”, the article concentrates on formation of both the vernacular and Latin discourses and shows how through their interaction its meaning was crystalized. Treating British rhetoric as pervading much of the corpus of vernacular literature, the author underlines that ethnic and territorial definitions became clearer only after an introduction of *wēalas* based terminology. Limited to the exterior discourse these clarified meanings were not overriding and did not cross its line.

Keywords: Medieval Wales, Welsh identity, Kymry, western Britons, bilingualism, Latin and vernacular discourses

Sergei Fyodorov, PhD., Professor of Medieval History Department, St. Petersburg State University: s.fedorov@spbu.ru

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

СЕРЕНИССИМА-ЮСТИЦИЯ И ВЛАСТЬ “СОВЕТОВ” ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБРАЗАХ И СИМВОЛАХ

В статье ставится вопрос об определении венецианской идентичности с учетом специфики этого сложного социума. Автор считает, что Справедливость, Юстиция, являлась одним из основных символов городской идентичности, а образ общины граждан Венеции находил воплощение в причудливой взаимосвязи мирского и сакрального.

Ключевые слова: городская идентичность, Ренессанс, Раннее Новое время, история права, Венеция, аристократия, история институтов, история повседневности

Венеция – это множество мифов и образов, превышающее множество островов и островков, из которых сложилась Venetia, держава на лагунах. Как можно и возможно ли в принципе определить венецианскую идентичность, богатство истории и культуры, особенность городской жизни Светлейшей (Serenissima) Республики, заключенной в пределы лагуны, и, в то же время, несоизмеримой с центрами и зонами первоначального поселения, постоянно выходящую за пределы собственных границ? Попытки определить эту идентичность создали несколько направлений в историографии истории Венеции (помимо наиболее традиционной истории экономической и политической): условно их можно назвать особым ракурсом институциональной истории¹, истории частной жизни и повседневности², истории идей, включая и акцентируя идею рецепции Античности в Светлейшей Республике³.

Венеция, возникшая на стыке стихий и культур – между сушей и водой, Востоком и Западом, открытостью и замкнутостью, – это вечно двойственный мир. С одной стороны, особенности природного ландшафта как бы преодолены городом на воде (было проведено осушение мелководья, устроены насыпи и целые рукотворные островки, забиты сваи для построек). В этой городской среде изначально было больше искусственного и меньше природного пейзажа, чем это характерно для средневекового города, обычно связанного с округой и городским землевладением. С другой стороны, природному ритму лагуны, суточным и сезонным колебаниям воды, постоянно подчинялась и подчиняется вся жизнь Венеции. Венеция создана теми, кто искал спасения и защиты от внешней силы, но не имел возможности окружить свой город оборонительной стеной, полагаясь на естественную защиту – болота, мелководья

¹ Cracco 1967; Zorzi 1983.

² Fortini Brown 2004.

³ Fortini Brown 1997.

и сложный секретный фарватер. Город-община беженцев постепенно превратилась в антипод замкнутости – широко распространившую свою власть и влияние морскую империю⁴. Городу мореходов и торговцев свойственна особая мобильность населения – сами венецианские корабли способствуют массовой транспортировке, в Венецию приезжают на в болотистой лагуне привычный для средневекового запада тип и план города, зато диктует необходимость полицентризма, т.е. социального и культурного принципа, столь важного для Италии в целом, что без него не существовало бы итальянского Средневековья и Возрождения.

Поселение на лагуне возникло в эпоху варварских нашествий, в момент кризиса и коллапса мира Поздней Античности. Венеция стала осколком именно этой космополитичной Поздней Античности, а не классической культуры древнего Рима, явила собой новый тип города-общины. При этом определенные умонастроения возрождения (*renovatio*) античности, в особенности идеи благой «простоты» древности, не только посещали городскую среду Венеции, но и стали важным идеологическим концептом. Правда, возврат к первичной простоте позиционировался как идеал (действенного призыва к равенству граждан не было), равенство признавалось как благо в достаточно риторической форме, под равенством подразумевалось спокойствие и однородность элиты.

Риторическому признанию «равенства» соответствовали особые привилегии исконных горожан (т.е. той самой элиты), а также проявления борьбы против роскоши (сумптуарии), и даже особенности венецианского дискурса, например, такие языковые особенности, как общее название «CASA», «CA» – применительно к любому частному зданию, богатому или бедному, и упорное нежелание применять название дворец, палаццо – по отношению к самым роскошным частным строениям. Вообще же говоря, исконные венецианцы вовсе не спешили изменять внешний вид своих домов, включая резиденции патрициата, а это означает, что городская элита сохраняла достаточно консервативный архитектурный облик города, не изменяя традициям в угоду новым вкусам.

Большинство городских центров Италии в средневековье управлялись коллегиально – через совет, ассамблею представителей общины граждан. Но Венеция выделялась даже среди итальянских городов-коммун, цветение венецианских институтов было бурным и удивительно своеобразным. Наиболее известен Большой Совет Венеции, и именно этот Совет, замкнувшись и вбирая в себя представителей лишь одного слоя горожан, стал синонимом элиты, привилегированного гражданства. Большой Совет был самой заметной, но не самой действенной частью системы советов. Имели особую власть и значение такие советы, как

⁴ Azzara 2002; Cracco 2009; 1987; Orlando 2008; 2014 (a); 2014(b); Berto 2013; Карпов 1994; Соколов 1963.

Quaranta, Zonta, I Dieci. На совет Десяти – один из важнейших органов – следует обратить особое внимание. Дожд вместе со своими порученцами, которых было шесть, входил в совет Десяти, так что, с точки зрения банальной арифметики, участников набиралось 17 человек, но название «Десятка» сохранялось. Дожд не подчинял себе полностью этот совет, а считал его своим присутствием. Десятка же должна была в случае необходимости предотвратить как покушение на дожда, так и угрозу общественному строю, исходящую от личных тиранических устремлений дожда.

Общественное устройство, согласно господствующей идеологической схеме, должно было оставаться стабильным, неизменным, при этом стабильность требовала постоянного создания новых должностей и советов, учреждаемых *ad hoc* по конкретному поводу и с четкой целью, но затем остававшихся действовать на протяжении десятилетий и веков. В частности, так и возник Совет Десяти, который, проявив себя после заговора Кверини–Тьеполо против дожда и нейтрализовав заговорщиков, в дальнейшей истории противостоял расширению полномочий и амбиций дожда – вплоть до самых крайних мер, например, заставив одного из дождей отречься, а другого – осудив на казнь.

Выбираемый тайным голосованием Большого совета, дожд пожизненно становился правителем Республики, чеканил монету со своим именем (собственный венецианский чекан по образцу имперского появился в Венеции еще в IX в.). Именно дожд единолично подписывал указы республики, но реальная власть дожда ограничивалась сложной системой сдержек и противовесов: комиссий и советов, следивших за действиями дожда и осуществлявших контроль друг за другом, а главное, гласной и негласной регламентацией жизни, правил поведения.

Регламентация во многом касалась политической жизни, что обеспечило континуитет государственности, хотя некоторым ограничениям – именно ради сохранения политической системы – подвергалась и жизнь частная. Члены элиты, например, под угрозой потери статуса их отпрысками не должны были вступать в брачные союзы с женщинами плебейского или зависимого положения. Однако, с другой стороны, этот элитарный слой допускал в свои ряды не только собственно купеческие и нобильские роды, но также образованных и искусных специалистов, которые занимались, например, правом и нотариальной практикой, медициной или даже изготовлением муранского стекла, что также требовало особых знаний, умений и подготовки. Любому наследнику такого избранного рода, рожденный в законном браке от родителей равного статуса, получал автоматически право и обязанность занимать место в Большом совете и исполнять общественные должности по достижении определенного возраста. Закрывание возможности членства в этом совете для новых семейств было произведено еще в 1297 г., (т.н. *segrata*).

Разумеется, право участия в совете касалось исключительно лиц мужского пола, притом не только женщины, но также клирики и монахи,

как бы достигшие чина ангельского, посвященные Богу, не могли осуществлять подобную государственную и общественную деятельность. Светлейшая республика воспрещала лицам священного сана вмешиваться в политическую жизнь, но наоборот, органы самой республики – Сенат и Большой совет, члены которого были только светскими лицами, непосредственно участвовали в церковных делах, вплоть до утверждения кандидатуры епископа, носившего по традиции титул патриарха. Считалось даже, по крайней мере в кругу гуманистов, что Венеция не благоволит «попам» и их здесь не любят. Один из известных приверженцев *studia humanitatis* даже поплатился за то, что приводил подобное мнение устно и письменно (об этом гуманисте по имени Помпоний Лэт и его связи с Венецией будет сказано ниже).

Римская инквизиция, осуществляемая в Вечном Городе, и инквизиционные процессы в Венеции имели различия⁵. Венецианскую инквизицию, между прочим, отличало то, что в нее входили представители светской власти, в равной пропорции и на равных правах с клириками, при этом на заседаниях присутствовал часто и сам дож. Такая причудливая взаимосвязь мирского и церковного в социальной жизни является одним из атрибутов и символов городской идентичности Венеции.

Большой совет в пору расцвета Светлейшей состоял из 2500 членов, отпрысков элиты патрицианских родов, и из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Важным фактором политической стабильности, как уже было сказано, являлось достигнутое внутри замкнутой элиты относительное равенство: члены виднейших городских семейств были богаты и независимы, пусть даже некоторые и выделялись особенным богатством или временными успехами, а их наследники получали доступ к общественным должностям и благам автоматически, вне системы личного покровительства. Особенности элитарных кругов Венеции во многом определяли сущность городской общины и республики, а олицетворением этой особой элиты и всей *цивитас* становились советы. Разнообразные советы, венецианские институты власти, включая власть дожа, можно, думается, охарактеризовать как особо значимую составляющую часть городской идентичности.

С одной стороны, представители элитарной среды имели множество общих и созвучных интересов, а с другой – в случаях разногласий никто из членов элиты, в частности, входивших в Большой совет, не опасался выступать и просто голосовать против других, статусно равных, хотя бы и более богатых. Также не вызывали особого сервильного отношения или страхов носители символической власти республики – дожи: любые попытки реального усиления единоличной власти и стремление к тирании – пресекались элитой через сложную систему советов,

⁵ См., напр., Davidson 1988; Grendler 2016 [1977]; Pullan 1998 (особ. P. 26–57).

следивших за общественным равновесием. Точнее будет сказать, что система советов республики создавала такое равновесие, а управленцы, представители элиты, не только следили за общественным мнением, но активно вмешивались в формирование этого мнения, создавая, обеспечивая, поддерживая ту основу жизни, частные и общественные правила поведения, что вслед за Пьером Бурдые обозначают как *habitus*.

Ритуалы в жизни Венеции играли огромную роль, как и в жизни любого доиндустриального общества, но при этом ритуал обручения дожа с морем и процессия в честь патрона города оказывали не большее влияние, чем обычай доверять прошения, донесения и показания льву, атрибуту Апостола Марка. После опасной, хотя и неудачной попытки государственного переворота, были установлены особые потайные ящики, прикрытые мордой льва, в которые могли внести свои послания и свидетельства все жители Венеции. Свидетельства анализировались членами Совета Десяти, в ряде случаев немедленно начинались процессы против указанных в донесениях лиц или расследования обстоятельств изложенных дел и выдвинутых обвинений (хотя анонимным доносам и не придавали веры, если только показания не были сходными и множественными). Этот ритуал подачи и выемки посланий специальными уполномоченными лицами и последующий разбор донесений был одним из важнейших ритуалов венецианского государственного управления. Обвинить можно было любого, статус и высокий ранг никак не исключали равенства перед законом, который был, возможно, даже более суров, чем во времена Древнего Рима.

Илл. 1. Стена церкви Св Мартина (Сан Мартино). Пасть льва с отверстием для вложения письменных свидетельств и обвинений.

Этот момент – подача жалоб и обвинений, невзирая на лица, – приводит к наиболее значимой, на наш взгляд, теме – к образу венецианской юстиции, неумолимого и сакрального правосудия.

Илл. 2. Якобелло дель Фьоре. Триптих. 1421г. Венеция-Юстиция.

Илл. 3. Венеция-Юстиция. Палаццо Дукале.

Осуществление принципов справедливости – базовая характеристика общин (цивитас) древнего мира и средневековья, но в Венеции образ Юстиции являлся яркой персонификацией города, самой Светлейшей Республики. Эти властные образы, фигура и атрибуты Правосудия окружали горожан, образ Справедливости (и справедливого возмездия) царил в местах собраний и средоточия власти, в административном центре города. Сама Венеция видела себя таким воплощением торжествующей Справедливости – с мечом, воздетым вверх, со львами в изножии, такой Светлейшая Республика представляла в воображении граждан.

Как только ренессансное изготовление медалей получило должное развитие и достигло расцвета, венецианский дож Франческо Фоскари заказал медаль, которая была изготовлена для тирана Римини Малатесты и Лионелло, представителя рода д'Эсте, но, в данном случае, – ради прославления светлейшей Венеции: с портретом дожа и образом Справедливости – триумфом Юстиции. Медаль брала за образец тондо Палаццо Дукале (см. илл. 3), на реверсе имелась надпись: «Великая Венеция».

Илл.4 Медаль венецианского дожа Фоскари

Так образы Венеции и Юстиции были соединены зримо и на века, и образ Венеции-Юстиции, постепенно переходил из разряда официозных в изображения, тиражируемые и распространяемые в быту (см. илл. 5).

Илл. 5. Триумф Юстиции. Венецианская работа. Нач. 16 в.

Венецианская Юстиция работала исправно: выше отмечалось, что сообщения-доносы венецианцев на сограждан или пришлых обитателей территории, подвластной республике, поступали постоянно. Святейшая Инквизиция на берегах лагуны и сама проявляла инициативы по расследованию казусов недолжного поведения и нарушения моральных устоев. Инквизиционные дела заводились и на итальянских гуманистов, ученых, и на простых кумушек-травниц.

Одним из самых примечательных стал процесс против римского гуманиста Помпония Лэта⁶, уроженца юга, но искренне привязанного к городу на лагуне, видевшего Светлейшую Республику в самом выгодном свете и никак не ожидавшего от нее такого удара. Помпоний был арестован в Венеции, несмотря на обширные связи среди уважаемых семейств Серениссимы и покровительство местной аристократии⁷. Дело против него было инициировано из Рима, но у Совета Десяти к тому моменту имелись и собственные подозрения относительно Помпония (Совет Десяти, в частности, рассматривал обвинения в содомии). Гуманиста не спасли знакомства с важными лицами республики, Помпоний был доставлен в Рим, и только по необыкновенному везенью не получил самый жестокий приговор.

Куртизанки и знахарки Венеции пользовались покровительством сильных мира Серениссимы, как и ученые-гуманисты, но, кажется, по отношению к ним юстиция была более милостивой, а защита и денежное поручительство осуществлялись, в случае необходимости, гораздо удачнее и надежнее. Такое впечатление сложилось у меня при изучении казусов инквизиционных процессов против травниц, предсказательниц и ворожей, по крайней мере одна из которых, кстати, была подругой главы охраны того самого Совета Десяти⁸. Многие донны, известные дознавателям и правосудию как публичные женщины, и в дополнение к этому пороку – еще и как ведуньи и ворожеи, принимающие в своем доме постоянных гостей и случайных любопытствующих, бывали помилованы (после процедуры дознания) или даже неоднократно помилованы и отпущены под залог. При этом к гуманистам круга Помпония и его Академии инквизиция применила пытки при допросах (правда, уже в Риме, в Замке Св. Ангела), а признания ведьм, ворожей и знахарок могли обходиться и без телесных наказаний при дознании в Венеции.

⁶ Assame 2008.

⁷ См. не теряющее научного значения, несмотря на прошедший столетний юбилей, исследование русского медиевиста Владимира Забугина, приват-доцента Римского университета, проводившего жизнь в эмиграции в Италии: Забугин 1914. Обстоятельства ареста и выдачи Помпония в ответ на специальный запрос из Рима и бреве папы римского, а также обвинения со стороны самого венецианского Совета Десяти против гуманиста изложены Забугиным подробно (особ.: с. 25 и с. 36–38).

⁸ См подробнее: Селунская 2015.

Правовые свидетельства необыкновенно важны для изучения социумов Италии времен Средневековья и Возрождения, поскольку это массовые источники очень хорошей сохранности. Мне случалось уже указать на то, какие важные вопросы раскрывает этот блок исторических свидетельств. Как получить сведения о системе указания и конкретизации места жительства в мире, где нет четких официальных адресов и номеров домов? Как узнать, что рассказывали друг другу соседи и соседи, а чем не желали делиться? Историк повседневности, исследователю итальянского Средневековья и Ренессанса, первым делом следует взяться за самый распространенный вид исторических источников, а именно, нотариальные записи и правовые казусы.

Свидетеля или свидетельницу, вызванных для дачи показаний, не просто именовали в письменном свидетельстве, но их род занятий, место проживания и самые неожиданные статусные характеристики тут же получали исчерпывающую детализацию, в записи судебного разбирательства они указывались со всей возможной для эпохи точностью. Именно из записей инквизиционных дел можно узнать о ряде особенностей городской жизни и занятиях жителей Венеции: например, о манере определять возраст людей и час суток, в который происходила встреча с ними, о манере венецианцев держать себя с равными или вышестоящими, или же способах описывать обычное и исключительное в самом течении жизни венецианского квартала, быт и привычки и занятия соседей, а также свои собственные.

Некоторые привычные для нас, современных людей, маркеры обозначались весьма приблизительно. Например, период суток указывался условно, по звону колокола, примерно после или до времени богослужения. И такая же неопределенность могла быть с днем недели: например, свидетели помнили, что день был: «один из постных», но затруднялись определить, суббота или пятница. Даже год знакомства с обвиняемым (обвиняемой) или свидетелем по делу отмечался так: примерно после даты последней эпидемии в городе. Разумеется, надо учитывать, что проходило иногда достаточно много времени между эпизодом, который лег в основу дознания, и самим дознанием. Но, более вероятно, что, если бы не строгое дознание, сами носители венецианской городской традиции вовсе не позаботились бы уточнить, в какой час, день и даже год происходил определенный разговор или встреча в их городе.

В других случаях свидетели, наоборот, необыкновенно конкретны и, возможно, настаивают на детализации. В частности, среди описаний, определяющих статус венецианцев и гостей Светлейшей, можно встретить много интересных подробностей, касающихся профессиональной деятельности. Венецианские мастера нередко представляли очень специализированное ремесло (мастер моделей – образцов и форм пуговиц, специалист по иллюстрированию книг и художник, изображающий Ма-

донн, мастер по производству рам для зеркал)⁹. Внутри административных единиц жилых кварталов адрес определялся не только по приходской церкви, но и через другие достопримечательности и специалистов, которые всем нужны: например, лавочник-молочник, лекарь и знахарка-травница, изготовитель икон и гадалка.

Записи показаний свидетелей и обвиняемых, составленные в ходе инквизиционных процессов, это классический пример поля исследования для множества дисциплинарных подходов и стратегий, которое, однако, чаще остается территорией гуманитарных исследований. Данная территория не включается автоматически в «зону ответственности» ни одной из гуманитарных дисциплин. Именно в таких свидетельствах, между тем, и раскрывается история социума, история церкви, народной религиозности, традиционных верований и предрассудков, история повседневности со всеми деталями быта, включая представления о ходе времени – т.е., собственно, становится возможным изучение специфики городской идентичности, а не только правовых формул и моментов истории права.

Правовая документация и казусы – это не только богатый источник наших знаний об итальянском городе Средневековья и Ренессанса. Такая правовая активность, вовлеченность в правовые отношения – важная составляющая образа города и горожан (в частности, важно то, что в Венеции в качестве свидетелей активно привлекались женщины, что не совсем типично для европейского средневекового правосудия).

Образ Венеции сложен, но, думается, именно Венеция-Юстиция – тот определяющий элемент образа города на лагуне, с которым неизбежно встречался и современник расцвета Светлейшей Республики, и потомок, историк, исследователь.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Забугин В.Н. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914 [Zabugin V.N. Yulii Pomponii Let. Kriticheskoe issledovanie. SPb., 1914].
- Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994 [Karpov S.P. Putyami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaya navigatsiya Venetsian-skoi respubliky v XIII—XV vv. M., 1994].
- Селунская Н.А. Пространство диалога неравных: свидетели, ведьмы и инквизиторы в Венеции XVI в. // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 281-298 [Selunskaya N.A. Prostranstvo dialoga neravnykh: svideteli, ved'my i inkvizitory v Venetsii XVI v. // Dialog so vremenem. 2014. № 49. S. 281-298].
- Селунская Н.А. Жить и ворожить в Венеции. Быт или не быт? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой. М., 2015. С. 71–91 [Selunskaya N.A. Zhit' i vorozhit' v Venetsii. Byt ili ne byt? // Povsednevnyye praktiki Srednevekov'ya i Novogo vremeni. Ot informatsii unikal'noi k informatsii verifitsiruemoi. M., 2015. S. 71–91].
- Сokolov Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963 [Sokolov N.P. Obrazovanie Venetsianskoi kolonial'noi imperii. Saratov, 1963].

⁹ Подробнее об этих и других казусах см. Селунская 2014.

- Accame M. Pomponio Leto: vita e insegnamento. Tivoli-Roma: Tored, 2008.
- Azzara C. Venetiae. Determinazione di un'area regionale fra antichità e alto medioevo. Treviso, 2002.
- Berto L.A. Venetia (Venice): Its Formation and Meaning in the Middle Ages // Italian Studies. 35 (2013). Special Issue: New Perspectives on Veneto. Literary and Cultural Itineraries. P. 1-7.
- Cracco G. Società e stato nel medioevo Veneziano (Secoli XII–XIV). Firenze: Olschki, 1967.
- Cracco G. Venezia nel Medioevo: un “altro mondo” // Storia d'Italia / G. Galasso. Vol. VII. Torino, 1987. P. 1-157.
- Cracco G. Tra Venezia e Terraferma. Roma, 2009.
- Davidson N.S. Rome and the Venetian Inquisition in the Sixteenth Century // The Journal of ecclesiastical history. Vol. 39. Issue 1, January 1988. P. 16-36.
- Fortini Brown P. Private lives in Renaissance Venice: Art, architecture, and the family. New Haven: Yale University Press, 2004.
- Fortini Brown P. Venice and Antiquity: the Venetian Sense of the Past. New Haven: Yale University Press, 1997.
- Grendler P.F. The Roman Inquisition and the Venetian Press, 1540–1605. Princeton: U.P., 2016.
- Orlando E. Altre Venezie. Il dogado veneziano nei secoli XIII–XIV (giurisdizione, territorio, giustizia e amministrazione). Venezia, 2008.
- Orlando E. Migrazioni mediterranee. Migranti, minoranze e matrimoni a Venezia nel Basso Medioevo. Bologna, 2014 (a).
- Orlando E. Venezia e il mare nel Medioevo. Bologna, 2014 (b).
- Pullan G. The Jews of Europe and the Inquisition of Venice: 1550–1620. Tauris, 1998.
- Zorzi A. Una città' una Repubblica un impero: Venezia 697–1797. Venezia: Mondadori, 1983.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН: spesbona@mail.ru

The Serenissima – Justitia and the authority of “councils” urban identity in images and symbols

The article discusses a definition of Venetian identity in a very complex society. The author concludes that the image of Justice, Justitia was one of the main symbols of urban identity of the community of the citizens of Venice, and this image was presented in the juxtaposition of the secular and the sacral.

Keywords: urban identity, Renaissance, early Modern period, history of law, Venice, nobility, history of institutions, history of everyday life

Nadezhda Selounskaya, PhD (History), senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); spesbona@mail.ru

Д. В. КИРЮХИН, Т. Г. ЧУГУНОВА

ОБРАЗ ТОМАСА ВОЛСИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОКОВ «IPSE REX» ИЛИ СЛУГА АНТИХРИСТА?

В статье представлены репрезентации образа английского кардинала, министра и канцлера Томаса Волси его современниками-соотечественниками: Дж. Скелтоном, Полидором Вергилием и У. Тинделом, для которых Волси является примером неправедного политического деятеля и порочного представителя духовенства. Прежде всего они отмечают такие негативные качества личности кардинала, как жадность, корыстолюбие, чрезмерная амбициозность и жестокосердие. Сочинения указанных авторов насыщены экспрессивно-оценочными суждениями о канцлере, что привело к демонизации образа Волси, прочно утвердившейся в английской историографии.

Ключевые слова: *Томас Волси, Джон Скелтон, Полидор Вергилий, Уильям Тиндел, Реформация, Итальянские войны*

В последнее время значительно возрос интерес к изучению жизни и творчества видных государственных деятелей, чья служба получила неоднозначную оценку со стороны их современников. К таким фигурам относится и первый министр английского короля Генриха VIII, кардинал и канцлер Томас Волси¹ (1472–1529). Жизнь и деятельность Волси незаслуженно обделены вниманием российских исследователей², в то время как западная историография насчитывает десятки работ³, авторы которых относят Волси к плеяде выдающихся государственных деятелей, определивших вектор развития Англии в первой трети XVI века.

Сын зажиточного мясника, торговца скотом и владельца таверны в Ипсвиче, Томас Волси сделал блестящую карьеру, став успешным политиком и предметом бурных обсуждений его не менее известных соотечественников Дж. Скелтона, Полидора Вергилия и У. Тиндела⁴. Каждый

¹ В отечественной литературе фамилия английского кардинала транскрибируется по-разному: Уолси, Вулси, Волси. Следуя традиции дореволюционной историографии, авторы настоящей статьи передают ее как Волси.

² Имеется лишь несколько работ: *Ивонин* 2008; *Гаврилов* 2014; *Чугунова* 2015.

³ Из наиболее значимых см.: *Creighton* 1888; *Pollard* 1929; *Ferguson* 1958; *Williams* 1976; *Ridley* 1983; *Gwyn* 1990.

⁴ Джон Скелтон (1460–1529) – придворный поэт первых Тюдоров, воспитатель Генриха VIII, один из наиболее ранних представителей поэзии английского Возрождения. По словам Эразма Роттердамского, Скелтон – «бессмертный поэт», «светоч и украшение британской литературы» (см.: *Desiderius Erasmus*. 1511. Помимо указанных регалий, в 1498 г. Скелтон был рукоположен и стал священником в Норфолке. (См. также о нем: *Кирюхин* 2013. С. 119–120).

Полидор Вергилий (1470–1555) – уроженец Италии, родственник кардинала Адриана де Кастелло, значительную часть своей жизни провел в Англии. В 1502 г.

из них напрямую или косвенно соприкасался с Томасом Волси, и чаще всего эти отношения носили далеко не дружественный характер.

Подробное описание жизни и государственной службы Волси составил его клерк Джордж Кавендиш (1497–1562)⁵, показав канцлера Англии настоящим героем своего времени. О тех современниках английско-го кардинала, чьи суждения о нем являются предметом настоящей статьи, как и о самом Волси, написаны десятки трудов (чего не скажешь об упомянутом Дж. Кавендише). Жизненный и творческий путь Полидора Вергилия изучен достаточно детально благодаря Д. Хею, подготовившему одно из наиболее полных изданий его главного труда по истории Англии⁶, а также Р. Хертелу и Дж. Арнольду⁷. К изучению литературного наследия Скелтона обращались многие зарубежные исследователи⁸, но лишь некоторые из них (А. Кинней, Г. Уолкер, И. Гордон, Х. Эдвардс⁹) попытались частично затронуть проблему взаимоотношений поэта со своими современниками, упоминая и об открытом противостоянии Волси и Скелтона, нашедшем отражение в произведениях английского поэта.

Зарубежная историография о переводчике Библии на английский язык У. Тинделе также имеет целью прежде всего (как и в случае Волси) осветить его жизненный путь и религиозно-политические доктрины и практически не касается вопроса о взглядах двух выдающихся личностей одной эпохи (Волси и Тиндела) на историческую роль своего оппонента. Биографы Тиндела Р. Демаус, У. Мозли, Д. Даниелл и др. указывают лишь на активность Волси по пресечению распространения английского перевода Нового Завета, выполненного реформатором¹⁰. Все эти исследования не позволяют реконструировать образ кардинала Волси, создаваемый его современниками. Восполнить нехватку комплексного сопоставления репрезентаций образа Волси и призвана отчасти данная статья.

Полидор Вергилий впервые отправился в Англию по поручению папы Александра VI как помощник сборщика налогов, а в октябре стал епископом Бата и Уэллса.

Уильям Тиндел (1494–1536) – реформатор, полемист, переводчик Библии на английский язык, вынужденный жить на чужбине (в Германии и Нидерландах) и принять мученическую кончину ради того, чтобы сделать Священное Писание доступным для своих соотечественников. (см. подробнее: *Чугунова* 2014).

⁵ *Cavendish* 1959. Этот труд использовал Шекспир в своей пьесе «Генрих VIII».

⁶ *Vergil* 1950. Перевод Д. Саттон на современный английский язык – *Vergil* 2005.

⁷ *Hertel R.* 2010. P. 47–70; *Arnold J.* 2014. P. 122–137. В трудах российских историков затрагиваются лишь отдельные аспекты жизни и карьеры историка-гуманиста. – Е.Г. Домнина рассматривает его дипломатическую деятельность в качестве представителя римской курии (*Домнина* 2005), Е.Р. Смирнов использует работы Полидора Вергилия при обращении к вопросу о взаимоотношениях королевской власти и парламента (*Смирнов* 2003, а статья М.М. Горелова посвящена анализу исторического прошлого Англии в труде ученого-гуманиста (*Горелов* 2012).

⁸ *Schwartz-Leeper; Lloyd* 1938; *Kinsman* 1950; *Heiserman* 1961; *Harris* 1965.

⁹ *Kinney* 1998; *Walker* 1988; *Gordon* 1977; *Edwards* 1949.

¹⁰ *Demaus* 1886; *Mozley* 1937; *Williams* 1969; *Daniell* 1994; *Teems* 2012.

Кардинал Волси – одно из основных действующих лиц XXVII книги «Истории Англии» («*Anglica Historia*») Полидора Вергилия, работу над составлением которой он начал около 1507 г. по поручению короля Генриха VII. Первые 26 книг были опубликованы в 1534 г. в Базеле, 27-я книга – в 1555 г.¹¹ Полидор Вергилий, как и многие другие из окружения кардинала, сначала тоже был его поклонником. Первый разрыв между ними произошел в 1513 г., когда Волси отправил Полидора Вергилия в Рим, чтобы он благодаря своему красноречию смог убедить папу как можно скорее посвятить Волси в кардинальский сан. Однако на этой встрече Полидор Вергилий, как потом стало известно Волси, сказал о будущем кардинале много нелицеприятного¹². В начале 1515 г. отношения еще больше обострились: было перехвачено письмо Полидора Вергилия в Рим, в котором тот резко писал о кардинале Волси и о самом короле, в результате чего в апреле того же года придворный историк оказался в заключении в Лондонском Тауэре. Разумеется, у Полидора Вергилия было много сторонников – сам папа Лев X вступился за него, написав об этом королю. Вскоре Полидор Вергилий отправил письмо Т. Волси, в котором ходатайствовал о своем прощении. Перед рождеством 1515 г. придворный автор был отпущен на свободу.

Как отмечают исследователи, Дж. Скелтон также первоначально относился к Волси как к другу и покровителю, хотя критика в адрес канцлера содержится уже в стихах поэта 1516 г. Наиболее известными сочинениями Скелтона, в которых фигура Волси оказывается в центре внимания, являются три поэмы начала 1520-х гг.: «Говори, попугай» («*Speke, Parott*», 1521 г.), «Колин Клаут» («*Colin Clout*», 1522 г.) и «Почему вы не являетесь ко двору?» («*Why Come Ye Not to Court?*», 1522–1523 гг.). Негативное отношение придворного поэта Волси заслужил не только благодаря некоторым отрицательным качествам своего характера, но и по причине его противостояния патрону Скелтона – Томасу Говарду (1473–1554), третьему герцогу Норфолка. Не стоит, однако, забывать, как указывает Г. Уолкер, что основной целью стихов Скелтона была антиклерикальная сатира, а насмешки над кардиналом сделали ее еще более убедительной. Придворный поэт сумел избежать наказания за свою острую критику, укрывшись в Вестминстерском аббатстве, где он находился под защитой его настоятеля Дж. Ислипа вплоть до своей смерти в 1529 г.

Что касается третьего современника Волси – У. Тиндела, то в жизни вряд ли они могли напрямую соприкоснуться. Томас Волси посещал Кембриджский университет в 1520 г., когда Уильям Тиндел там учился, возможно, они и видели друг друга. В 1524 г. будущий реформатор покинул Англию и отбыл за границу, где занялся переводом Священного Писания

¹¹ См.: *Hay* 1949. P. 139.

¹² См.: *Hay* 1952. P. 44-45.

на английский язык. Волси пресекал попытки распространения в Англии этого еретического, как считали в то время адепты католической церкви, перевода. Кардинал принимал все меры, чтобы оградить Англию от распространения лютеранской ереси. В 1530 г. Тиндел опубликовал трактат «Практика папистских прелатов», в котором целый раздел посвятил анализу государственной службы Волси, обвинив кардинала во всех бедах, выпавших на долю Англии в первой трети XVI в., включая и развод короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской¹³. Обратимся теперь к характеристике личности Волси в трудах упомянутых его современников.

С детства Томас отличался незаурядным умом, любознательностью и честолюбием. Начальное образование он получил в грамматической школе Ипсвича, затем в школе при колледже св. Магдалины в Оксфорде, после окончания которой, в возрасте 11 лет, поступил в Магдалин-колледж. В 15 лет он получил степень бакалавра свободных искусств, а с ней и прозвище «мальчик-бакалавр» (boy bachelor). После получения степени магистра свободных искусств Волси был назначен учителем в ту самую грамматическую школу при колледже св. Магдалины, которую когда-то закончил. В 1498 г. он был рукоположен, в 1502 г. получил должность капеллана у Генри Дина, архиепископа Кентерберийского. В 1503 г. Волси поступил на службу к Ричарду Нанфану, помощнику лейтенанта Кале, а затем к епископу Винчестера Ричарду Фоксу, который и порекомендовал его в качестве наставника для принца Генриха¹⁴. Как отмечает Полидор Вергилий в своей «Истории Англии», епископ Винчестера поддерживал молодого Волси и всячески способствовал его карьерному росту с целью использовать его для борьбы со своим оппонентом Томасом Говардом, герцогом Норфолка, графом Суррея, оставаясь при этом в тени.

Вот как описывает придворный историк молодого Волси: «При королевском дворе был священник по имени Томас Волси, один из королевских капелланов, не неуч в Писании, умный малый и готовый к любым предприятиям»¹⁵. Именно его готовность к любым, в т.ч. и сомнительным с точки зрения морали действиям для достижения личного успеха, амбициозность и скрытое тщеславие привлекло, по мнению автора, епископа Винчестера в Волси. Благодаря множеству похвал и поддержке высокопоставленного покровителя, Волси получает место в Тайном Совете и возможность общаться с королем и его окружением; при этом Полидор Вергилий отмечает его особый дар очаровывать людей и располагать их к себе: «...удивительно, как быстро он сумел благоприятно расположить к себе компанию молодых людей, близких к Генриху, которые стали его (Волси) фаворитами. Он был остроумным

¹³ Tyndale 1573. P. 367-375.

¹⁴ См.: Holinshed 1807–1808. Vol. 3. P. 756; Гаврилов 2014. С. 249.

¹⁵ Vergil P. 2005. Book XXVII. P. 1.

юношей, готовым в любой момент оставить приличествующую священническому сану важность и брэнчать на лютне, танцевать, предаваться приятной беседе, улыбаться, шутить и играть»¹⁶.

В 1507 г. Томас Волси стал духовником Генриха VII. После вступления на престол в 1509 г. Генриха VIII карьера Волси пошла стремительно вверх. В 1514 г. он к уже имеющемуся посту епископа Линкольнского прибавил пост архиепископа Йоркского. В 1515 г. папа Лев X посвятил Волси в сан кардинала, и 18 ноября ему торжественно вручили кардинальскую шапочку в Вестминстерском аббатстве, а вскоре были пожалованы должности канцлера королевства и первого министра короля. Эти судьбоносные этапы в жизни Волси стали предметом обсуждения Скелтоном в двух его произведениях 1516 г.

Поводом для создания стихотворения «Против ядовитых языков»¹⁷ («Against Venemous Tongues»), как раз и послужило возвышение Волси от архиепископа Йоркского до кардинала. С язвительной насмешкой Скелтон пишет о кардинале: «И какое же вознаграждение должен получить лживый язык? // Такие языки заслуживают быть вырванными с корнем, // Хрюкающие как свиньи, что урчат в грязи». Упоминание свиней указывает на Волси как на сына мясника, но более возмутительным для автора, чем низкое происхождение кардинала, является его показное проявление знаков своего нового высокого положения. Согласно Скелтону, латинские буквы «Т» и «С» («*Thomas Cardinalis*») очень часто повторяются на его ливрее: «На груди и на спине // Латинским буквам нет числа». Далее поэт отмечает, что таким образом напоминая о себе, кардинал забывает о Христе и символе веры, которым призван служить. В единственном сохранившемся моралите Скелтона «Великолепие» («*Magnificence*») ¹⁸ главный герой символизирует человечество, за чью душу и разум добродетели и пороки вступают в противоборство между собой. Скелтон аллегорически изображает Волси персонажем по имени Великолепие, который, переставая быть благоразумным, приглашает коррумпированных заговорщиков к своему двору и, как следствие, теряет власть, изо всех сил пытаясь затем ее вернуть. Скелтон неспроста затронул проблему хорошего и плохого правления, поскольку главный герой моралите – Томас Волси – сосредоточил в своих руках в эти годы всю внешнюю и значительную часть внутренней политики Англии: не случайно он получает от современников прозвище «alter rex», или «ipse rex».

В начале своего правления Генриха VIII, как известно, больше, чем управление государством, занимали рыцарские турниры, охота, театральные развлечения, танцы. Однако указанные авторы видят в равнодушии короля к государственным делам руку самого Волси. Полидор Вергилий,

¹⁶ Vergil P. 2005. P. 1.

¹⁷ Skelton 1568.

¹⁸ Skelton 1980.

например, отмечает, что кардинал добивался такого результата при помощи хитрости, уговорив Генриха VIII, «человека доброго характера, с хорошим образованием и рожденного, чтобы править», частично передать ему управление государством, чтобы король имел больше свободного времени для благородных занятий по своему вкусу. «Для отдыха он занимался музыкой и тщательно корпел над книгами Св. Фомы Аквинского. Он делал это по настоянию Волси, поскольку тот был убежденным томистом», – отмечает Полидор Вергилий. Вскоре, по мнению историка, Волси стал управлять государством по своему желанию, «и многое делал так, как считал нужным, полагаясь в первую очередь на помощь епископа Винчестера, который предпочел его остальным своим протезе»¹⁹.

Подобные рассуждения мы обнаруживаем и у Тиндела, который в трактате «Практика папистских прелатов» отмечал, что кардинал «втерся в доверие королевской милости» и фактически управлял королем»:

«Как я слышал, разные люди говорили, что он научился науке колдовства, носил на шее гравированные амулеты, которыми околдовывал разум короля, и заставил того думать о нем больше, чем о любом другом господине или госпоже в королевстве, так что теперь королевская милость следовала за ним по пятам, как тот раньше следовал за королем. И всё, что он говорил, считалось мудростью, и что он утверждал, то и считалось честью. Так вот, со временем он [Волси] изучил образ мыслей и благорасположение королевских приближенных и всех знатных людей, и тех, кого он считал нужными людьми, лъстя им, втерся к ним в доверие большими обещаниями, то клянясь, то беря свои слова обратно, так чтобы один помогал другому, ибо без страшной клятвы он никогда не допускал никого в свои тайные дела»²⁰.

Поднимаясь по карьерной лестнице, Волси становился все более властным, тщеславным и кичливым. Полидор Вергилий писал:

«он стал самодовольным и высокомерным даже по отношению к дворянам, перестав ценить своих друзей, особенно старых, которые приходили к нему отчасти чтобы поздравить с обретенными почестями, отчасти в связи со своими собственными делами». Волси следовало бы гордиться тем, что, несмотря на низкое происхождение, ему удалось добиться таких высот, но тот наоборот «не любил об этом вспоминать, как о чем-то недостойном его положения»²¹.

Тиндел отмечал: «по мере того, как развивались его карьера и достоинство, он стал собирать вокруг себя хитроумных людей, а также тех, кто был опьянен жаждой славы, как и он сам»²².

Полидор Вергилий отводит особое место неумемной страсти кардинала Волси к роскоши и демонстрации символов своей власти:

«Насколько мне известно, он был и первым, и последним из всего духовенства, включая епископов и кардиналов, кто носил верхнюю одежду из шел-

¹⁹ *Vergil*. Book XXVII. P. 1.

²⁰ *Tyndale* 1573. P. 367-368.

²¹ *Vergil*. Book XXVII. P. 1.

²² *Tyndale* 1573. P. 368. (см. подробнее: *Чугунова* 2015. С. 151).

ка, что было также подхвачено теми священниками, которые стремились снискать его благосклонность. И в самом деле, эта манерность в поведении создала большую враждебность среди духовенства»²³.

«Он стал использовать золотые трон, подушку и скагерть, кардинальскую шляпу, а знак его ранга нес перед ним на шесте его слуга, словно это был какой-то идол. Эта же шляпа была помещена в алтаре Королевской Часовни во время богослужений. Таким образом, из-за своей наглости и амбиций Волси снискал и заслужил нелюбовь всего народа, его ненавидели пэры и общины, потому что они были очень возмущены его тщеславием. Он стал объектом всеобщего отвращения и ненависти...»²⁴.

Стремление к роскоши выражалось и в строительстве величественных резиденций. Полидор Вергилий упоминает о построенном для Волси дворце Брайдвелл-Палас на берегу реки Флит в лондонском Сити, представляющем собой прекрасный архитектурный памятник, который, однако «едва ли был пригоден для жизни»²⁵. Другой, более известный дворец Волси – Хэмптон-Корт (строительство началось в 1514 г.) не уступал ни одной из королевских резиденций. В его архитектуре удачно сочетались традиции английской готики и итальянского Ренессанса. По пышности и убранству двор министра английского короля, отмечает Дж. Кавендиш, превосходил двор самого короля Генриха VIII²⁶. Куда бы ни отправлялся Волси, его сопровождала свита из прелатов и вельмож; его двор состоял из 500 лиц благородного происхождения, а главные места в нем занимали рыцари и бароны королевства²⁷. Причиной такой роскоши, согласно Полидору Вергилию, было опять же тщеславие Волси, желавшего «увекочить память о себе»²⁸. Честолюбие и властность Волси выражались и в его попытках вершить международную политику. Английский канцлер видел свою страну в роли «арбитра», надзирающего за положением дел в континентальной Европе, где главным яблоком раздора являлся Аппенинский полуостров. С 1494 по 1559 г. там шли длительные Итальянские войны. В 1513 г. Англия была вовлечена в войну против Франции. Римский понтифик Юлий II лично просил английского кардинала помочь святому престолу одолеть французского короля, и Волси не дал повода папе разочароваться в его дипломатических способностях. Тиндел так писал об этих событиях в «Практике папистских прелатов»:

«Папа Юлий написал своему любезному чаду Томасу Вольффу [так уничижительно Тиндел называет кардинала – *авт.*], чтобы он был так добр и любезен, и оказал помощь святой церкви, сравнившись с Фомою Бекетом, ибо тот был столь же способен. Тогда новый Фома, столь же славный, как и прежний, взял дело в свои руки, и убедил в том королевскую милость. И то-

²³ *Vergil*. Book XXVII. P. 1.

²⁴ *Ibid*. P. 20.

²⁵ *Ibid*. P. 17.

²⁶ *Cavendish* 1997. P. 15.

²⁷ *Грин* С. 336.

²⁸ *Vergil*. Book XXVII. P. 17.

гда его королевская милость взял отпуск от своей клятвы, что была условием мира между английским и французским королями, и обещал помочь святому престолу... Как сказали, так и сделали... А потом парламент, а потом оплата, а потом на французских псов, с полным отпуском всех грехов тому, кто пустит в ад хотя бы одного из них, или кто будет на этой войне убит (ибо эти слова действуют только на том свете, а на этом – нет), а затем прямомиком в рай без испытания мук чистилища»²⁹.

Английский реформатор неоднократно утверждал, что Волси попросту «плясал под дуду» римского понтифика. Это – упрощение. Волси, утверждают многие современные исследователи, был ревностным опекуном интересов английского государства³⁰. В результате удачно проведенной военной кампании англичане смогли захватить город Турне. Однако в 1514 г. союзники Генриха VIII, Фердинанд II и Максимилиан I заключили мир с Францией, за что навлекли на себя гнев короля Англии, не простившего их предательства. Генриху ничего не оставалось, как подписать с Францией мир. Кроме того, он выдал замуж за короля Франции Людовика XII свою младшую сестру Марию³¹. Во всех этих мероприятиях Волси принимал самое активное участие. В 1518 г. английский кардинал стал одним из главных конструкторов т.н. Лондонских соглашений (Treaty of London), договора, согласно которому, страны, подписавшие этот документ, обязывались не воевать друг с другом и выступить вместе против любого, кто нападет на одну из подписавших соглашение стран. Этот пакт был направлен в первую очередь против Османской империи с целью воспрепятствования ее проникновения в Южную Европу³². Волси, помня об обиде английского монарха на немцев и испанцев из-за их предательства в 1514 г., предложил королю в 1519 г. заключить союз с Францией. Полидор Вергилий пишет о том, как обе стороны шли к этому соглашению: «При помощи своих послов Франциск I, как только мог, начал соблазнять Волси подарками и великолепными речами и быстро привлек его на свою сторону таким образом, что, тот, являясь первоначально самым ярким противником французов, теперь сделался самым энергичным их защитником...»³³.

Именно Волси можно считать главным инициатором и организатором пышной встречи королей на Поле Золотой парчи 7–24 июня 1520 г.³⁴ Вот как оценивает его роль в этом важном мероприятии У. Тиндел:

²⁹ Tyndale 1573. P. 369.

³⁰ Clark 1998. P. 302-306; Wylie 1998. P. 260-265.

³¹ Рыжов 1999. С. 122.

³² Morris 1998. P. 34.

³³ Vergil 2005. Book XXVII. P. 25.

³⁴ Англ. Field of Cloth of Gold, фр. Le Camp du Drap d'Or. Это место переговоров двух королей находится в Балингеме, между Гином и Ардром, недалеко от Кале (совр. Франция, в те времена – территория английской короны). Эти события запечатлены на гравюре Дж. Бэзира «Поле золотой парчи» (1774 г.)

«Томас Вольфф, кардинал и легат, сильно пожелавший сделаться папою³⁵, хотя это явно чересчур для его тайных намерений, решил свести нашего короля и нынешнего короля Франции и вынудить их заключить длительный мир и дружбу между собой, и это при том, что оба короля и их знать враждовали друг с другом. Они шли не объявлять, а заключать мир, навечно и еще на один день. Но, говоря о роскошном одеянии самого нашего господина и его сподручных, можно сказать, что они сошли бы за двенадцать апостолов. Я готов биться об заклад, что если бы Петр и Павел увидели их всех разом вместе, то едва ли поверили бы, что все они или даже один из них – их духовные преемники, как Фома неверующий не был готов поверить, что Христос воскрес»³⁶.

Вероятно, о тех же событиях упоминает и Скелтон в поэме «Колин Клаут», где указывает на непомерную страсть кардинала к роскоши, несмотря на его неблагородное происхождение. У Скелтона Волси олицетворяет вселенское зло:

И вот как раз
 Готов для вас
 О том рассказ,
 Как может возвести тотчас
 В епископский высокий сан
 Пустынника простого Ватикан.
 Для этого обязан он
 Признать, что подчинял
 Уставу строгому о том,
 Что должен выезжать верхом
 С великолепным клобуком,
 Сверкая златом, багрецом,
 Быть должен весь его наряд
 (Для вящей муки, говорят)
 Роскошен и богат.
 Прозрачна ткань воротника
 Всегда должна быть и легка,
 Белей парного молока,
 А золото его стремян
 Должно слепить глаза мирян³⁷.

Полидор Вергилий отмечает, что канцлер делился с королем лишь частью подарков, обманывая наивного Генриха VIII и утаивая от него наиболее ценные и дорогие подношения короля французов. Кроме того, Франциск I вступил в тайную переписку с кардиналом, восхваляя его в своих письмах, обращаясь к нему «Мастер» или «Отец» и спрашивая совета по любому поводу. Волси, заключает Вергилий, «был готов отдать все, что было в его силах»³⁸ на пользу Франции и в ущерб своей стране.

³⁵ Волси был одним из кандидатов на папский престол после смерти Адриана VI в 1523 г., но не набрал достаточного числа голосов, так как император не поддержал его.

³⁶ *Tyndale* 1573. P. 370.

³⁷ *Скелтон* 1947. С. 446-447.

³⁸ *Vergil* 2005. Book XXVII. P. 25.

Однако буквально через два месяца после подписания мира, в том же 1520 г., Генрих VIII не без помощи Томаса Волси заключил новый альянс, на этот раз с императором Карлом V. В 1521 г. началась новая война против Франции, в которой Англия выступила союзницей Карла. Для войны с Францией были необходимы большие средства, и Волси установил новые налоги в государстве, о чем упоминает У. Тиндел:

«Волси распорядился, чтобы в Лондоне трижды в неделю устраивалось общее шествие и по всей стране тоже, пока королевские сборщики собирали налог с простых людей. Посему непрерывный мор и тому подобное, по угрозам божим должны были обрушиться на весь христианский мир, о чем говорится в книгах Левит, 26 и Второзаконие, 28-29, ибо они (духовенство), наравне с турками, попрали имя Христово, и если они хотят называться христианами, им надо обернуться и посмотреть на учение Христа. Да, и какая пошла слава о кардинале, и каким громким гласом, когда он обманул своих же собственных священников и заставил их клясться тем, что у них было, чтобы лучше раскрутить их на выплаты, ибо обычные священники не очень послушны своему начальству что касается денег, если только они не будут знать, куда и зачем платить»³⁹.

В 1521 г. неумелое посредничество Волси на франко-имперских переговорах в Кале стало поводом для насмешек Скелтона в поэме «Говори, попугай» (*Speak, Parrot*). В роли попугая выступает сам поэт, и птица выбрана не случайно: традиция средневековых bestiариев подчеркивает ее экзотическое происхождение (Индия) и умение подражать разным звукам и человеческой речи⁴⁰. В клетке попугая находится зеркало. В средневековой гомилетической литературе зеркало и соединение его частей или осколков представляло собой метафору единства во Христе, таким образом, речь попугая является богодухновенной⁴¹. В первой части из уст попугая узнаем, что Генрих VIII олицетворяется с Королем Мира («King of Pease»), противостоящим Молоху, божеству моавитян и аммонитян (3 Цар., 11:7), которому приносили в жертву детей (Иер., 7:31), – с ним и сопоставляется Волси. Четвертая часть состоит из коротких посланий, в одном из них поэт описывает неудачу Волси в Кале, в другом упоминает Эдварда Стаффорда, третьего герцога Бэкингема, казненного в 1521 г. по обвинению в измене при участии кардинала⁴². Волси приложил к этому руку, чтобы подорвать репутацию Томаса Говарда, покровительствовавшего Скелтону многие годы. Поэт изображает Волси верхом на муле в одеждах из золота на пути в Иерусалим – явное противопоставление Иисусу Христу, въезжающему, согласно библейской истории, в этот же

³⁹ Tyndale 1573. P. 367.

⁴⁰ Parrot. Medieval Bestiary. Вторым источником для Скелтона стал «Декамерон» Боккаччо (1353.), в котором божественность попугая объясняется тем, что его перо воспринимается героями как перо архангела Гавриила (Боккаччо 1989. С. 432).

⁴¹ Skelton. Biography, poems. Poetry Foundation.

⁴² Полидор Вергилий в связи с этим случаем отмечал, что «Волси горел ненавистью и жаждал человеческой крови...» (см.: Vergil 2005. Book XXVII. P. 35).

город на ослике в простой одежде. Золото, в которое облечен Волси, ассоциируется с библейской притчей о золотом тельце, которую попугай рассказывает ранее, предвеля историю о человеческом падении.

Еще в 1518 г. Волси стал папским легатом, а в 1523 г. Климент VII назначил его легатом пожизненно. Занимая эту должность, он все свое усердие направил на подавление протестантской ереси, ликвидацию текстов лютеран, включая и английский перевод Нового Завета, осуществленный Тинделом. В 1521 г. Генрих VIII опубликовал трактат против Лютера под названием «О семи таинствах», где указал, что лютеровская доктрина об оправдании верой ведет к безнравственности⁴³. В знак благодарности за это сочинение английский король получил от папы титул «защитника веры». Это радостное известие Генрих VIII, разумеется, тоже узнал от Волси, который мог быть и одним из его консультантов при написании этого труда. Тиндел пишет об этом событии:

«Когда это славное имя⁴⁴ пришло от нашего святого отца, кардинал принес эту весть его королевской милости в Гринвич... Утром были собраны все лорды и джентльмены, которых можно было созвать в столь короткий срок, дабы произнести его [имя] с честью. А на следующее утро, кардинал узнал об этом от монахов. Часть знати явилась открыто и передала ему [Волси] поклон из Рима от лица папы, часть встретила его на поддороге, часть у ворот двора, и наконец, его королевская милость встретил Волси, провел в большую залу, где были подготовлены высокие сидения для его королевской милости и кардинала, здесь была зачитана булла, а там уж не только мудрые, но и люди недалекого ума хохотали, осмеивая суетно напыщенный стиль, как и на получении кардинальской шапочки, которую один грубиян притащил в Вестминстер под полоу плаща»⁴⁵.

Волси принимал активное участие практически во всех мероприятиях, связанных с наказанием еретиков и изъятием протестантской литературы, в т.ч. сочинений Тиндела. Тиндел считал его сообщником Томаса Мора в борьбе с реформаторами⁴⁶, который убедил короля назначить своим преемником Мора, поскольку тот – «ученый человек и мирянин, и он заслужил этой должности своими сочинениями против Мартина Лютера, а также против “Послушания” и “Маммонь”⁴⁷, стал защитником чистилища и написал против заступничества за нищих и бродяг»⁴⁸. Тиндел даже считал, что падение Волси – уловка, совершенная Римом с целью продолжения злодеяний последнего при его преемнике Томасе Море.

⁴³ *Henry VIII*. 1562. P. 5.

⁴⁴ Имеется в виду «Защитника веры» – *Defensor fidei*.

⁴⁵ *Tyndale*. 1573. P. 374-375.

⁴⁶ *Tyndale* 1573. P. 373. См. подробнее: Чугунова 2014. С. 69, 74-76.

⁴⁷ Тиндел имеет в виду свои сочинения: «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять», «Притча о нечестивой Маммоне».

⁴⁸ Томас Мор полемизировал с Симоном Фишем, опубликовавшим в 1528 г. трактат «Мольба о нищих». Мор в свою очередь ответил на него произведением «Мольба душ» (см. подробнее: Осинковский 1978. С. 279).

Тиндел упускает при этом речь Мора-канцлера перед парламентом, в которой английский гуманист осудил кардинала за попытку обмана и давления на короля⁴⁹. Более того, известно и о конфликте этих двух государственных мужей⁵⁰. Английский историк XIX в. Дж. Р. Грин отметил, что «реформационному движению в Англии благоприятствовало равнодушие Волси»⁵¹. Эта оценка кажется верной, если учесть кампанию кардинала по роспуску монастырей, особенно тех, где имели место вопиющие случаи коррупции. Полученные от проведенных мероприятий средства пошли на создание образовательных учреждений: грамматической школы в Ипсвиче, Кардинальского колледжа (Cardinal College) в Оксфорде, позже переименованного в Крайст-Чёрч колледж (Christ Church College).

Демонизация образа Волси явно прослеживается в поэме Дж. Скелтона «Почему вы не являетесь ко двору?». В первой части произведения Скелтон приводит биографию персонажа по имени Дикен (Dickens), дьявола, который символизирует Волси. Во второй части, где речь идет о дворе кардинала, автор акцентирует внимание на том, что это не королевский двор, где сам Господь поместил своего помазанника, а дворец Хэмптон-Корт, построенный для Волси по повелению короля. В третьей части кардинал сравнивается с Амалеком, прародителем амалекитян, внуком Эсава, принесшего много бед евреям (Исх., 17: 8-16).

«Гирлянда из лавра» («The Garland of Laurel»), первая крупная поэма Скелтона, неопубликованная до 1523 г., содержит, как кажется на первый взгляд, попытку примирения поэта со своим злейшим врагом. Латинское посвящение «Светлейшему королевскому величеству, как и лорду кардиналу, самому заслуженному легату» воспринимается многими как попытка поэта принести извинения Волси с целью получения пребенд и возможности более не скрываться в Вестминстерском аббатстве. Но поэма восхваляет, скорее, не Волси, а короля, и целью Скелтона в первую очередь было воспевание своего патрона Томаса Говарда, чем кого-либо еще.

Одним из событий, приведших к падению Волси, стал развод короля. Согласно Тинделу, идея о разводе исходила от кардинала и его «прихвостня» Лонгганда, епископа Линкольна, и была одной из темных и грязных интриг, которые плели священнослужители сотни лет⁵²:

«Он сделал нынешнего епископа Линкольна, своего старого друга, исповедником и что бы на исповеди не говорил ему король, кардинал узнавал в тот же день. Это неудивительно, как твари божии должны повиноваться Богу и служить ему, так и творения папы должны повиноваться папе и служить его святейшеству»⁵³.

⁴⁹ Grafton 1809. Vol. 2. P. 338.

⁵⁰ Осинковский 1960. С. 82.

⁵¹ Грин 1892. Т. 2. С. 103.

⁵² Tyndale 1573. P. 320-321.

⁵³ Ibid. P. 368-369.

Эта очередная инициатива кардинала, по мнению Полидора Вергилия, была фатальной ошибкой. Финалом XXVII книги «Истории Англии» становится описание бракоразводного процесса королевской четы. Благодаря хитрости канцлера дело доходит до публичного судебного разбирательства, которое лишь преумножает количество врагов Волси:

«Тогда королева взяла слово и публично осудила Волси за его вероломство, обман, незаконие и бесчестность, с которыми он пытается вызвать разногласия между ней и ее мужем, и она сделала следующее публичное заявление: “Я обвиняю, отрекаюсь и желаю уйти прочь от такого судьи, являющегося самым враждебным из врагов права и справедливости, я обращаюсь к Папе в одиночку и вручу свое дело на суд только ему одному”. Когда она со слезами на глазах сказала эти слова, вы могли бы увидеть, что все обратили свои тяжелые взгляды на Волси...».

Однако быстро заметив возросший интерес короля к Анне Болейн, кардинал видит в ней не только возможную будущую королеву, но и опасность для себя, «...в первую очередь из-за оскорбительного высокомерия девушки», чего, по его мнению, «следовало бояться больше, чем смерти». Волси вступает в сговор с папой, ведет с ним тайную переписку с целью задержать бракоразводный процесс до тех пор, пока ему не удастся повлиять на Генриха. Все названное не проходит мимо внимания короля, решившего наказать «этого человека, который стал столь забывчивым ко всем благодеяниям, что были для него сделаны»⁵⁴.

Без сожаления и недвусмысленно пишет об отставке Волси Тиндел:

«По поводу кардинальского низвержения у меня много мыслей. Во-первых, я никогда не слышал и не читал, чтобы человек, бывший таким предателем и изменником, подвергся такой легкой смерти <...>. Бог обрушил на него его собственное зло. Волси поплатился за измену, которую он замыслил против короля и тех, кого он отвел от народа, дабы против него не восстали. Он удумал обвести судьбу своими уловками (как доказал ход трагедии), остался сидеть в своем кабинете, чтобы дальше руководить и противостоять Богу, как он уже давно делал. Главнейший из всех его приспешников не менее искусен своего хозяина во лжи, притворстве и двуличии. Кардинал не мог говорить с королевской милостью, у него была отобранана большая печать, Волси был обвинен в государственной измене, но о главной измене, которую он замыслил, не было сказано ни слова»⁵⁵.

Волси, действительно, был обвинен в государственной измене, и ему грозила смертная казнь, однако он умер до свидания с королем, на пути из Йорка в Лондон.

Итак, для всех трех авторов Волси – пример несправедливого политического деятеля и порочного представителя духовенства. Экспрессивно-

⁵⁴ Vergil 2005. Book XXVII. P. 59. Позже Волси поменял свою точку зрения и всячески старался угодить Генриху VIII. В знак благодарности Анна Болейн написала Волси письмо следующего содержания: «Во все дни моей жизни я более всего обязана после короля любить вас и служить вам; и прошу вас никогда не сомневаться, что я не изменю этой мысли, пока жив дух в моем теле» (Цит. по: Лоудз 1997 С. 90-91).

⁵⁵ Tynedale 1573. P. 373.

оценочными суждениями о нем наполнены поэмы Скелтона. Он использует весь свой поэтический арсенал, в который входят многочисленные сравнения как с самим дьяволом, так и с библейскими персонажами, выступавшими на стороне зла. Неизменным атрибутом образа Волси (или персонажа, который его олицетворяет) выступают одежды из дорогих тканей и чрезмерное использование золотых украшений. Не забывает Скелтон упомянуть и о его низком происхождении. По мнению поэта, тот повинен не только в бедах, выпавших на долю родной страны, но и в предательстве собственной христианской веры, на что он идет ради достижения своих корыстных целей. Поэтическая традиция, созданная Скелтоном, во многом стала основой для следующего поколения английских поэтов и драматургов (в т.ч. Шекспира), произведения которых в британской историографии последних лет подвергаются глубокому анализу⁵⁶.

Не менее резкую оценку службы Волси дает Тиндел. Он не скупится на эпитеты и сравнения, называя Волси «Синоном, что предал Трюю», «злым волком», «бушующим морем», «погибелью для всей Англии». Для Тиндела служба Волси – пример работы слуги Антихриста. Он обвиняет государственного канцлера во всех несчастьях, произошедших в стране и в мире в первой трети XVI в., прежде всего имея в виду многочисленные военные кампании, в которых погибло большое количество англичан, французов и других народов. Как точно заметил А. Кинней, английский кардинал – «общий враг для Тиндела и Скелтона»⁵⁷.

Полидор Вергилий в отличие от своих коллег стремится найти для поступков Волси рациональные причины: алчность и жестокосердие кардинала объясняется его низким происхождением, противостояние королеве Екатерине – их личными враждебными взаимоотношениями. Несмотря на довольно частые яркие метафоры и прямую речь исторических персонажей, демонизация образа Волси отсутствует, нет сравнений его с дьяволом, упоминаний о его сверхъестественных способностях, чем злоупотребляют его коллеги. Более того, Полидор Вергилий признает определенные таланты Волси, его проницательный ум и амбициозность, демонстрируя читателям его образ с гуманистическим посылом извлечь из истории его жизни определенные уроки. Таким образом, Полидор Вергилий в отличие от двух других авторов дает наиболее взвешенную и трезвую оценку личности государственного канцлера.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бокаччо Дж. Декамерон. М.: Правда, 1989.

Скелтон Дж. Из «Коллин Клаута» / пер. О.Б. Румера // Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения / сост. Б.И. Пуришев. М., 1947. С. 446-447.

Cavendish G. The life and death of Cardinal Wolsey / ed. by R. S. Sylvester, L., 1959. Reprint / Ed. Ian Lancashire. Toronto: Web Development Group University of Toronto Library, 1997. 187 p. URL: <http://www.library.utoronto.ca/utel/ret/cavendish/cavendish.html>

⁵⁶ *Schwartz-Leeper [Электр. ресурс].*

⁵⁷ *Kinney. P. 276.*

- Desiderius Erasmus*. Hecuba et Iphigenia in Aulide Euripidis Tragoediae: Eiusdem Ode de laudibus Britanniae, Regisq[ue] Henrici septimi, ac regiorum liberorum eius. 1511. https://books.google.ru/books?id=C3mgEACAAM&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q=De%20Laudibus%20Britanni%C3%A6&f=false.
- Grafton R.* Grafton's chronicle or history of England, to which is added his table of the bailiffs, sheriffs, and mayors of the city of London. From the year 1189 to 1558. 2 vols. L., 1809.
- Henry VIII.* Assertio septem sacramentorum adversus Mart. Lutherum Henrico VIII, Angliae rege auctore. Cui sub nex a est eiusdem Regis epistola, assertionis ipsius contra eundem defensoria. Accedit quoque r.p.d. Iohan Roffen, episc. Contra Lutheri captivitate[m] Babylonicam Assertionis regiae defensio. Parisii: Apud Gulielmum Desboys, 1562.
- Holinshed R.* Holinshed's chronicles of England, Scotland and Ireland. 6 vols. L., 1807-1808.
- Skelton J.* Against Venomous Tongues Enpoisoned with Slander and False Detractions / Pithy, pleasaunt and profitable workes of Maister Skelton. London: T. Marshe, 1568. 385 p. URL: <http://www.exclassics.com/skelton/skel031.htm>
- Skelton J.* Biography, poems. Poetry Foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/john-skelton#poet>
- Skelton J.* The Garland of Laurel. URL: <http://www.exclassics.com/skelton/skel061.htm>
- Skelton J.* Magnificence. Manchester: Manchester University Press, 1980. 229 p.
- Skelton J.* Speak, Parrot. URL: <http://www.exclassics.com/skelton/skel063.htm>
- Skelton J.* Why Come Ye not to Court? URL: <http://www.exclassics.com/skelton/skel065.htm>
- Tyndale W.* Practice of papistical Prelates // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibited to the Church / ed. John Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 340-377.
- Vergil P.* Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. by D.J. Sutton. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. Book XXVII. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/27lat.html>
- Vergil P.* The Anglica Historia of Polydore Vergil, A.D. 1485-1537. / Ed. by D. Hay. London: Offices of the Royal Historical Society, 1950.

Литература

- Гаврилов С.Н.* Томас Уолси – «Alter rex» Англии 1515-1529 гг. // Слава и забвение: парадоксы биографики. СПб.: Алетейя, 2014. С. 248-264 [Gavrilov S.N. Tomas Uolsi – «Alter rex» Anglii 1515-1529 // Slava i zabvenie: paradoksy biografiki. SPb.: Aleteya, 2014. S. 248-264].
- Горелов М.М.* Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий. // Диалог со временем. М.: ИВИ РАН, 2012. № 41. С. 235–256 [Gorelov M.M. Istoricheskie perelomy proshlogo v angliyskoy istoriografii rannego Novogo vremeni: Polidor Vergiliy // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 235–256].
- Грин Дж. П.* История английского народа / пер. с англ. П. Николаева. Т. 2. М., 1892 [Grin Dzh.P. Istoriya angliyskogo naroda / per. s angl. P. Nikolaeva. T. 2. M., 1892].
- Грин Дж. П.* История Англии и английского народа / пер. с англ. 2-е изд. М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007. 888 с. [Grin Dzh.P. Istoriya Anglii i angliyskogo naroda / per. s angl. 2-e izd. M.: Kuchkovo pole, Giperboreya, 2007. 888 s.]
- Домнина Е.Г.* Англия и герцогство Урбино в 1474–1500 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. 2005. 66. С. 200–217 [Domnina E.G. Angliya i gertsogstvo Urbino v 1474–1500 gg.: chastnyy sluchay ispol'zovaniya ordena Podvyazki kak orudiya diplomatii // Srednie veka. 2005. 66. S. 200–217].
- Ивоин Ю.Е.* Генрих VIII // Вопросы истории. 2008. № 8. 44-63 [Ivonin Yu.E. Genrikh VIII // Voprosy istorii. 2008. № 8. 44-63].
- Кирюхин Д.В.* Придворная интеллигенция эпохи ранних Тюдоров и ее роль в обучении и воспитании наследников королевского трона // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 118-126 [Kiruyukhin D.V. Pridvornaya intelligentsiya epokhi rannikh Tyudorov i ee rol' v obuchenii i vospitanii naslednikov korolevskogo trona // Intelligentsiya i mir. 2013. № 3. S. 118-126].
- Людз Д.* Генрих VIII и его королевы. Р-н/Д: Феникс, М.: Зевс, 1997. 320 с. [Loudz D. Genrikh VIII i ego korolevy. R-n/D: Feniks, M.: Zevs, 1997. 320 s.]

- Осиновский И.Н. Томас Мор и Реформация Генриха VIII (К вопросу о противоречиях идеологических взглядов Т. Мора) // Очерки социально – экономической и политической истории Англии и Франции XIII – XVII вв.: Сб. ст. / Отв. ред. В.Ф. Семенов. М.: МГПИ, 1960. С. 79-95 [Osinovskiy I.N. *Tomas Mor i Reformatsiya Genrikha VIII (K voprosu o protivorechiyakh ideologicheskikh vzglyadov T. Mora)* // *Ocherki sotsial'no – ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Anglii i Frantsii XIII–XVII vv.: Sb. st. / Отв. red. V.F. Semenov. M.: MGPI, 1960. S. 79-95.*
- Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М.: Наука, 1978. 326 с. [Osinovskiy I.N. *Tomas Mor: utopicheskiy kommunizm, gumanizm, Reformatsiya. M.: Nauka, 1978. 326 s.*
- Рыжов Н.В. Все монархи мира. Западная Европа. М.: Вече, 1999. 655 с. [Ryzhov N.V. *Vse monarkhi mira. Zapadnaya Evropa. M.: Veche, 1999. 655 s.*
- Смирнов Е.Р. Идея конституционализма в Англии конца XIV – первой половины XV в.: историографический аспект. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. № 1. Н.Новгород, 2003. С. 101–108 [Smirnov E.R. *Ideya konstitutsionalizma v Anglii kontsa XIV – pervoy poloviny XV vv.: istoriograficheskiy aspekt.* // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. № 1. N.Novgorod, 2003. S. 101–108.*
- Чугунова Т.Г. Уильям Тиндел. Историческая биография. Н. Новгород: НГПУ, 2014. 241 с. [Chugunova T.G. *Uilyam Tindel. Istoricheskaya biografiya. N. Novgorod: NGPU, 2014. 241 s.*
- Чугунова Т.Г. Служба Томаса Волси по трактату У. Тиндела «Практика папистских прелатов» // Вестник Нижегородского университета. № 5(6). Н.Новгород, 2015. С. 150-154 [Chugunova T.G. *Sluzhba Tomasa Volsi po traktatu U. Tindela «Praktika papistskikh prelatov»* // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. № 5(6). N.Novgorod, 2015. S. 150-154.*
- Arnold J. “Polydorus Italus”: analyzing authority in Polydore Vergil’s *Anglica Historia*. // *Reformation & Renaissance Review*, 16, 2014. P. 122–137.
- Clark J.A. *Corrupt Prelates in Tyndale and Shakespeare* // *Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays*. Washington: Catholic University of America Press, 1998. P. 287-306.
- Creighton M. *Cardinal Wolsey*. London; New York: Macmillan and Co., 1888. 226 p.
- Daniell D. *William Tyndale: A Biography*. New Haven and L.: Yale Univ. Press, 1994. 429 p.
- Demaus R. *William Tyndale: A Biography* / Rev. by Richard Lovett. 3-d ed. London: Religious Tract Society, 1904. 341 p.
- Edwards H.L.R. *Skelton: The Life and Times of an Early Tudor Poet*. L.: Cape, 1949. 325 p.
- Ferguson C.W. *Naked to Mine Enemies: The Life of Cardinal Wolsey*. Boston: Little, Brown, 1958. 543 p.
- Gordon I.A. *John Skelton: Poet Laureate*. Folcroft, Pa.: Folcroft Library Editions. 1977. 223 p.
- Gwyn P. *The King’s Cardinal: The Rise and fall of Thomas Wolsey*. L.: Barrie & Jenkins, 1990. 665 p.
- Harris W.O. *Skelton’s “Magnyfyceunce” and the Cardinal Virtue Tradition*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1965. 177 p.
- Hay D. *The Life of Polydore Vergil of Urbino* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 12. 1949. P. 132-151.
- Hay D. *Polydore Vergil: Renaissance Historian and Man of Letters*. Oxford: Clarendon Press, 1952. 223 p.
- Heiserman R. *Skelton and Satire*. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 326 p.
- Hertel R. *Nationalising History? Polydore Vergil’s Anglica Historia, Shakespeare’s Richard III, and the Appropriation of the English Past*. // *Schaff B. Exiles, Emigrés and Intermediaries: Anglo-Italian cultural transactions*. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 47–70.
- Kinney A.F. *Skelton and Tyndale: Men of the Cloth and of the Word* // *Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays*. Washington: Catholic Univ. of America Pr., 1998. P. 275-286.
- Kinsman R.S. The “Buck” and the “Fox” in Skelton’s “Why Come Ye Nat to Courte?” // *Philological Quarterly*, 29 (January 1950). P. 61-64.
- Lloyd L.J. *John Skelton: A Sketch of His Life and Writings*. Oxford: Blackwell, 1938. 152 p.
- Morris T.A. *Europe and England in the sixteenth century*. London: Routledge, 1998. 376 p.
- Mozley J.F. *William Tyndale*. London: Society for promoting Christian knowledge; New York: The Macmillan Co., 1937. 364 p.

- Parrot // The Medieval Bestiary. URL: <http://bestiary.ca/beasts/beast235.htm>
- Pollard A.F. Wolsey. London: Longmans, Green and Co., 1929. 393 p.
- Ridley J. Statesman and Saint: Cardinal Wolsey, Sir Thomas More and the Politics of Henry VIII. New York: Viking Press, 1983. 338 p.
- Schwartz-Leeper G.E. Princes into pages: Images of Cardinal Wolsey in the satires of John Skelton and Shakespeare's Henry VIII. URL: <https://www.academia.edu/349151/>
- Teems D. Tyndale – The Man Who Gave God an English Voice. L.: Thomas Nelson, 2012. 336 p.
- Walker G. Cardinal Wolsey and the Satirists: the Case of Godly Queen Hester re-opened // Cardinal Wolsey: Church, State and Art / Eds. S.J. Gunn and P.G. Lindley. Cambridge: UP, 1991. P. 239-260.
- Walker G. John Skelton and the Politics of the 1520s. Cambridge Studies in Early Modern British History. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 228 p.
- Williams C.H. William Tyndale. London: Thomas Nelson and Sons, LTD, 1969. 270 p.
- Williams N. The Cardinal and the Secretary: Thomas Wolsey and Thomas Cromwell. New York: Macmillan Publishing Co. 1976. 278 p.
- Wyly T.J. Tyndale as Interpreter of Henrician Politics // Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays. Washington: Catholic University of America Press, 1998. P. 259-274.

Кирюхин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии; bagerlock@gmail.com

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного университета им. К. Минина; tat-chugunova@yandex.ru

The image of Thomas Wolsey as interpreted by his contemporaries: “Ipse Rex” or a servant of Antichrist?

The article presents the interpretation of the image of the English cardinal, minister and chancellor Thomas Wolsey by his contemporaries John Skelton, Polydore Vergil, William Tyndale. The representations of Wolsey in the public consciousness of his contemporaries were largely dependent on their authors' own relationship with the first minister of the king. For all three authors, Wolsey is an example of the unscrupulous politician and the vicious representative of clergy. First of all, they mark such negative qualities Cardinal, as greed, avarice, excessive ambition and cruelty. The works of these thinkers are full of expressive value judgments about the chancellor, which led to the demonization of the image of Wolsey, firmly established in the English historiography.

Keywords: Thomas Wolsey, John Skelton, Polydore Vergil, William Tyndale, Reformation

Dmitriy Kiryukhin, PhD in History, Associate Professor of the Department Foreign Languages of Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; bagerlock@gmail.com

Tatiana Chugunova, Associate Professor of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Department of World History, classical disciplines and Law; tat-chugunova@yandex.ru

А. В. ФЕДИН

МИР ИЕЗУИТСКОГО МИССИОНЕРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА: ОТ «СТАРОЙ» ФРАНЦИИ К НОВОЙ

Иезуитские миссионеры в Новой Франции стали символом героизма и самоотверженности во имя обращения в христианскую веру индейских народов. Парадоксально, но за яркими пассажами о мученичестве или апостольских успехах иезуитов первой половины XVII в., сами они оставались в тени: их мотивация, миссионерская квалификация, способности и стратегии адаптации к чужеродной среде и многие другие вопросы остаются малоисследованными. В статье раскрываются некоторые аспекты становления иезуитского миссионера в Новой Франции, характерные как для общекатолической миссионерской традиции, так и специфические именно для данного региона в означенный период.

Ключевые слова: *иезуиты, Новая Франция, миссионерство, коллеж, новиции, схоластики, профессы, адаптация*

Многие исследователи ранней истории Канады, наряду с экономическими или политическими предпосылками французской колонизации, часто называют обращение в христианскую веру аборигенного населения¹. Для современников это был самый важный мотив к открытию и освоению новых земель: распространение христианской веры и утверждение основ церкви со времен испанской Конкисты рассматривались как главное оправдание завоевания и порабощения местного населения. Что касается Новой Франции, то здесь не было такого масштабного завоевания коренного населения, как в Ибероамерике. Французы, осваивавшие на рубеже XV–XVII вв. бассейн р. Св. Лаврентия, по сути, занимали пустующие земли, одновременно вступая с соседними индейскими племенами в торговые отношения, что создавало основу для дальнейшего мирного контакта. Они не встретили со стороны небольших индейских кочевых групп никакого сопротивления ни при освоении Тадуссака (1599–1600), ни Пор-Руайяля (1605), ни Квебека (1608), ни Труа-Ривьер (1634), ни Монреалья (1641). Причиной этого были, по-видимому, либо мощные эпидемии (как на атлантическом побережье), либо масштабные межплеменные конфликты². Тем не менее, по мере продвижения религиозная риторика ранних этапов освоения французами территории Северной Америки не только не исчезла, но, наоборот, усиливалась. Представители духовной и светской колонизации равно пользовались религиоз-

¹ См., например, предисловия Р. Твейтса в: JR. Vol. I. P. 5 и Л. Кампо в: MNF. Vol. I. P. 187-188* и Vol. VI. P. 32*. См. также: *Brasseur* 1852. Т. 2. P. 33-34; *Marshall* 1864. P. 283; *Parkman* 1983a. P. 283; *Parkman* 1983b. P. 509.

² *Brasseur* 1978. С. 36-37; *Axtell* 1985. P. 277-278.

ной аргументацией для объяснения своего участия и целей в утверждении власти Франции на североамериканском континенте.

Для представителя католической церкви, туземная Америка – это оплот Сатаны, который необходимо уничтожить, утвердив христианскую религию среди его приспешников – «дикарей». При этом, миссионеры, провозглашая религиозные цели колонизации, очень часто подкрепляли их апелляциями к чисто светским интересам. Иезуиты часто называли Новую Францию сестрой Франции Старой – и в естественно-географическом, и в религиозно-политическом аспектах. Но «вся эта страна, хотя и способная к такому же процветанию, как и наша, тем не менее, из-за козней Сатаны, который правит там, есть только ужасная пустыня. Но где слава христианина может более успешно облагородить его, нежели там, где она приносит и телесное и духовное счастье для его братьев; и там, где он, как один из Божьих инструментов, создал бы сад из пустыни?»³.

Задачей иезуитов, с самых первых лет существования миссии, было создание не только локальной церкви, но и французской католической колонии как единственной ее реальной основы. Они проникали к отдаленным племенам не только ради их христианизации, но и для включения в орбиту торговых и политических интересов французской колонии, создания новых и укрепления уже существующих союзов. Эти задачи рассматривались как взаимосвязанные: только союзники и партнеры французов могли стать объектом миссионерской деятельности. Такой подход отражал общие установки французских иезуитов по проблеме взаимоотношения светской и духовной власти. Исследователи отмечают сильную связь, возникшую между французскими членами ордена и французским государством к началу XVII в. на основе взаимного понимания и признания важности национальных интересов, наряду с религиозными⁴. В свою очередь, светские власти в колониальных предприятиях также часто прибегали к религиозной аргументации. Поощрение ими миссионерской деятельности Французской католической церкви было основано на стремлении сохранить и развить, вдали от метрополии, французский образ жизни, консолидировать колониальное общество (под которым понимались и французы, и индейцы). Для королевской власти создание церковных структур в колонии было еще одним фактором, препятствующим, в случае необходимости, разрыву политических связей с родиной, служа противовесом усилению светской колониальной власти⁵.

Начиная с плаваний Ж. Картье и Ф. де Роберваля в XVI в., королевские хартии, выдаваемые путешественникам и торговым компаниям, провозглашали главной целью их предприятий распространение христи-

³ См.: JR. Vol. III. P. 33-35; Vol. XXI. P. 31.

⁴ Bangert 1972. P. 129-130.

⁵ См.: Jaenen 1967. P. 28.

анской религии среди туземцев Америки, наряду с утверждением власти и славы французской короны⁶. Апофеозом развития этой тенденции стала королевская декларация 1627 г. о создании Компании Новой Франции, заявлявшая, что «единственное средство сподвигнуть эти народы к знанию истинного Бога, состоит в том, чтобы населить названную страну урожденными французами-католиками, дабы их примером расположить эти нации к христианской религии, цивилизованной жизни и, установив там королевскую власть, привести эти недавно обнаруженные земли, с помощью выгодной торговли для блага подданных короля»⁷. Стремление к колонизации нередко инспирировалось религиозным энтузиазмом⁸. Огромную роль в становлении колониальных структур в Канаде сыграли представители Мальтийского ордена, бывшие губернаторами колоний или активными участниками их создания и развития. Но часто религиозная фразеология лишь прикрывала коммерческие интересы. Л. Кампо предложил такую формулу ранней канадской колонизации: «это частное предприятие, главным образом направленное на мехоторговлю»⁹. До 1663 г. французская корона практически не вкладывала значительных средств в колонизацию Америки, она наделяла привилегиями монополии на мехоторговлю и ловлю трески различные торговые компании на определенных условиях, в т.ч. финансирования заселения колоний и создания условий для христианизации аборигенного населения за счет доходов от своих монополий¹⁰. Учитывая, что мехоторговля в течение большей части XVII в. была нерентабельна, становится понятно, что выполнение таких побочных условий, как строительство поселений или христианизация дикарей, просто не принимались в расчет акционерами компаний.

Церковь была здесь абсолютно беспомощной без поддержки светской власти. Чтобы основать миссию: построить школу и больницу, чтобы учить и лечить свою паству, возвести укрепления, чтобы защитить ее, разбить поля и сады, чтобы обеспечить ее, – для всего этого были необходимы силы и средства. И необходим был компромисс между церковью и государством, миссионером и колонистом, чтобы это предприятие под названием Новая Франция было жизнеспособным и эффективным для каждой из сторон. Все это определило заинтересованность миссионеров в развитии колониальной инфраструктуры, частью которой становились индейские миссии как материальная основа их апостолата. «Если б я смог

⁶ *Complément des Ordonnances...* 1883. Vol. I. P. 30.

⁷ *Édits, ordonnances royaux...* 1854. P. 5.

⁸ MNF. Vol. I. P. 188*; *Charlevoix* 1900. Vol. I. P. 12; Vol. II. P. 89.

⁹ MNF. Vol. I. P. 185*. См. также: *Акимов* 1999. С. 124.

¹⁰ Исходя из этого, сложно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что колонизация Новой Франции изначально направлялась и контролировалась правительством метрополии в силу развития там абсолютизма (*Muir* 1917. P. 30). Это будет характерно лишь после создания вице-королевства в 1663 г.

увидеть здесь множество городов или деревень, — заявлял отец-настоятель (супериор) Квебекской миссии Поль Лежён в 1635 г., — наши бродячие Дикари скоро расположились бы под их защитой; и, став оседлыми по нашему примеру, были бы легко наставлены в Веру»¹¹.

Вместе с тем, роль меховой торговли для колонизации Новой Франции, особенно на начальных стадиях, невозможно переоценить¹². Хотя миссионеры при контакте с новыми племенами сразу информировали их представителей, что прибыли к ним «не для торговли», объективно присутствие среди них французского священника означало начало не только христианизации, но и коммерческого сотрудничества с его соотечественниками. Сами миссионеры активно способствовали этому, так как большую часть рассматриваемого периода их деятельность финансировалась именно за счет доходов от мехоторговли. Поэтому, как замечал супериор Гуронской миссии П. Рагено в 1649 г., «поддержать и сохранить торговлю алгонкинов и гуронов с нашими французами, вот что необходимо для утверждения Веры во всех этих областях, для пользы французских колоний и для поддержки Новой Франции»¹³. Эта позиция была свойственна иезуитским миссионерам на протяжении XVII века. Один из основателей бразильской миссии Антониу Виейра в своей «Истории Будущего» (1649) писал: «Если бы не было коммерсантов, которые отправляются искать земные сокровища на Востоке и Вест-Индии, кто доставлял бы туда проповедников, которые ищут небесные сокровища? Проповедники берут Евангелие, а коммерсанты берут проповедников»¹⁴.

Здесь возникало одно из фундаментальных противоречий, которых было много в ранней истории Канады. Существовая, как организация, за счет прибылей от мехоторговли, иезуитская миссия при этом объективно способствовала сокращению ее оборотов в результате своей религиозной деятельности. Прежде всего, речь идет о создании оседлых поселений индейских христиан в долине р. Св. Лаврентия («редукций»). Предполагалось, что их население будет существовать за счет сельского хозяйства, а не охоты. Другим камнем преткновения между миссионерами и торговцами пушниной стал алкоголь, наиболее выгодный товар для индейского

¹¹ JR. Vol. VIII. P. 15.

¹² В 1865 г. Ф. Паркмен писал о взаимосвязи светской и духовной колонизации Новой Франции: «Это был тройной союз солдата, священника и торговца. Солдат мог быть бродячим рыцарем, а священник мучеником и святым; но оба содействовали интересам той торговли, которая сформировала единственное твердое основание колонии». — *Parkman* 1983a. P. 286.

¹³ JR. Vol. XXXIV. P. 205. См. также: *Ibid.* Vol. XVII. P. 223; *Du Creux* 1951. Vol. I. P. 9, 92. Иногда, иезуиты сами использовали коммерческую риторику, подчеркивая важность мехоторговли в деле христианизации индейцев: «они придут и обогатят эту страну своими мехами, а мы должны посетить их, чтобы обогатить Небо великолепными трофеями» (JR Vol. XLV. P. 185).

¹⁴ Цит. по: *Clossey* 2008. P. 255.

бартера. Представители церкви в Новой Франции будут бескомпромиссно бороться с торговлей спиртными напитками с индейцами, подвергая торговцев крупным штрафам, арестам, а одно время даже казни. В результате, отмеченный современниками холодный прием, оказываемый иезуитским миссионерам французскими поселенцами (и в Пор-Руайяле, и в Квебеке), объяснялся не столько их религиозными предубеждениями, сколько осознанием того, что миссионеры являлись одними из основных агентов сельскохозяйственной колонизации Канады, а значит – их конкурентами. «Если бы за прошедшие... двадцать четыре года, – восклицал Шамплен, наблюдая за работой миссионеров по строительству их первой резиденции в Квебеке в 1626 г., – Компании были столь же едины, и столь же оживляемы желанием, как эти добрые Отцы [иезуиты]! Было бы, к этому времени, множество зданий и учреждений в колонии»¹⁵.

Со спецификой колониального развития Канады в первой половине XVII в. связано формирование особой французской индейской политики, суть которой сформулировал Ф. Паркмен: «Испанская цивилизация сокрушила индейца; английская цивилизация презирала и пренебрегала им; французская цивилизация приняла и оберегала его»¹⁶. В течение всего существования Новой Франции, ее колониальные власти создавали и укрепляли широкую сеть индейских союзов, в конце концов, превратившуюся в мощную военно-политическую опору существования колонии. Основой мирного франко-индейского сосуществования стало взаимовыгодное сотрудничество между туземцами и колонистами. Поскольку мехоторговля стала главным направлением экономического развития Новой Франции, здесь практически отсутствовала сельскохозяйственная экспансия, приводившая к сгону с земель и уничтожению индейского населения, как было с иберийскими и английскими колониями в Америке. Более того, индеец выступал главным поставщиком мехов, добывая их на огромных лесных пространствах Вудленда (Северо-Востока Америки)¹⁷. Поэтому нужно было «беречь» его самого и его охотничьи угодья. Но многие исследователи отмечают, что одни лишь экономические факторы не могли стать основой франко-индейской системы союзов. Требовалось нечто большее, чем простой коммерческий интерес, нечто, объясняющее само присутствие французов и необходимость отношений с ними (тем более, что с конца XVII в. англичане Нью-Йорка предлагали более широкий и менее дорогой ассортимент товаров, чем в Квебеке или Монреале)¹⁸. Такое объяснение могли дать миссионеры, превращая индейцев не только в христиан, но и во французских союзников, ибо в глазах абориге-

¹⁵ Champlain 1933. Vol. V. P. 206.

¹⁶ Parkman 1983b. P. 432.

¹⁷ Turner 1921. P. 13-14; Тишков 1977. С. 64-65; Dickason 1984. P. 132-133, 245-246; Axtell 1985. P. 277-278; Гумилев 1997. С. 273. Акимов 1999. С. 57-58.

¹⁸ Grumet 1995. P. 442.

нов это было почти неразделимым¹⁹. Иезуитский миссионер, долгое время живший среди племен, изучивший их язык и обычаи, принимал на себя важную роль посредника во франко-индейских отношениях – религиозных, экономических, политических. В условиях колониальной ситуации как «ситуации взаимного непонимания» одной из главных функций миссионера становилась именно объясняющая. Одновременно, обращая туземцев в христианство, миссионер создавал общую религиозную основу для роста взаимопонимания и доверия между коренным и пришлым населением²⁰. Тем самым, он обеспечивал материальную и военную поддержку своей главной миссионерской деятельности со стороны колониальных властей и выступал реальным символом союза с французами для индейцев. Эту роль иезуитского миссионера ценили колониальные власти. Посылая в 1648 г. к гуронам своего представителя Шатильона, губернатор Монманы инструктировал его «делать и говорить только то, что прикажет Отец-настоятель гуронов»²¹. Иезуиты выступали послами от лица всей Новой Франции не только в переговорах с союзными племенами, но и враждебными ирокезами, а также с представителями других европейских колоний в Северной Америке – голландцами и англичанами.

Что представлял собой иезуит-миссионер в Новой Франции первой половины XVII в.? Это был француз около 35-40 лет, т.е. не только закончивший новициат (программу обучения молодого иезуита), но и имевший уже за плечами несколько лет преподавания в коллежах. Часто это был профессор, т.е. иезуит всех четырех обетов, в т.ч. особого «миссионерского» обета подчинения папе римскому и готовности следовать в любое место мира по его приказу. С появлением в колонии институтов, необходимых для иезуитской формации, таких как дом (резиденция) и коллеж, стало возможным приносить обеты непосредственно на миссионном поле. Так поступили оо. Клод Пижар в 1640 и Жозеф-Антуан Поне в 1650 гг., ставшие профессорами в Квебеке, и оо. Антуан Даныель в 1640 г. и Рене Менар в 1643-м – в Сент-Мари у гуронов²². Но для вступления в орден требовалось вернуться в метрополию: так, Доминик Скот, с детства бывший иезуитским слугой, в т.ч. и в Гуронии, в 1638 г. отправился во Францию для вступления в новициат Общества и, вернувшись в Канаду в 1640 г., стал братом-коадьютором, т.е. иезуитом трех обетов²³.

Из 78 иезуитских миссионеров, прибывших в Канаду в рассматриваемый период, 24 были выпускниками или работниками знаменитого коллежа Ля Флеш (в Анжу), где всегда были сильны стремления к мис-

¹⁹ Jefferson 1994. P. 20; Axtell 1985. P. 277. Иная точка зрения представлена у: Trigger 1991. P. 1206-1207.

²⁰ Лурье 1997. С. 211; Стефаненко 1999. С. 277.

²¹ JR. Vol. XXXII. P. 69.

²² MNF. Vol. IV. P. 184-185, 777, 783; Vol. VII. P. 272-273.

²³ Ibid. Vol. II. P. 857.

сии. Коллеж был основан в замке Генриха IV в 1603 г. и к 1630 г. насчитывал 1400 учеников, набранных из французского нобилитета²⁴, что удивительно, так как Общество Иисуса имело много других коллежей во Франции (46 в 1616, 74 в 1717, 88 в 1749 г.). Эту «миссионерскую» тенденцию поддержал генерал ордена Муцио Вителлески. В 1635 г. он писал из Рима ректору коллежа о. Нуарелю: «коллеж... полон ревностного миссионерского духа к Канаде... Я не сомневаюсь, что пример тех, кто предпочел суровость и леса Канады небу своей родины, смогут отсюда заставить других искать ту же пальмовую ветвь славы, и, вопреки расстоянию, помочь им в погоне за высочайшей добродетелью»²⁵. Именно в Ля Флеш чаще всего назначались преподавателями и наставниками те иезуиты, которые оставили миссионное «поле» Новой Франции²⁶. Генерал поддерживал миссионерскую пропаганду и в других коллежах²⁷.

Именно в коллежах, где иезуиты получали базовое гуманитарное и теологическое образование, те из них, кто избирал своим призванием миссионерскую деятельность, приобретали основные навыки, которые им понадобятся в заморских миссиях. Учебный план, стандартизированный *Ratio Studiorum* 1599 г., имел лингвистическую и филологическую основу, предоставлявшую новицию шанс «поддержать положение чести в нашем Обществе и в широкой публике». Он включал латинскую и древнееврейскую грамматику, риторику, поэзию и классическую историю, а также курсы изящной стилистики и грамматики родного языка. Практиковались упражнения в диспутах на латыни, классические и религиозные драмы, которые оттачивали навыки устной культуры и апостольского служения. В дальнейшем новиции осваивали трехлетний курс философии (логика, математика, физика, этика и метафизика), затем от 4 до 6 лет

²⁴ *Rochemonteix* 1896. Т. II. P. 239. Из 254 иезуитских миссионеров, посланных в Северную Америку в 1610–1760 гг., более 60, т.е. четверть, выходцы из Ля Флеш.

²⁵ MNF. Vol. III. P. 15-16.

²⁶ Это оо. А. Массе, Ф. Рагено, Н. Адан, бб. Ж. Бюрель, Д. Скот, К. Жайе и др., а Жером Лалеман, бывший супериор Гуронской и Канадской миссий, был там ректором в 1658–1659 гг. Представление о миссионерском духе коллежа Ля Флеш можно получить из составленного о. Шевалье сборника латинских од, которые пелись новициями по знаменательным датам, в т.ч. приуроченным к отправлению миссионеров. Названия од («Чтобы чествовать отцов Общества Иисуса, посланных к берегам Канады, об их героическом и непреодолимом мужестве, о пылом желаниии работать во славу Божью», «Для тех же отцов, чье пламенное сердце горит милосердием во спасение жителей Канады», «Для Николая Адана, с пожеланием доброй посадки и счастливого пути к Канаде» и др.) демонстрировали важность и актуальность миссионерской тематики в стенах заведения. – *Haudrère. Le Collège royal de La Flèche...*

²⁷ Так, в феврале 1644 г. он встал на защиту коадьютора коллежа в Кемпере бр. Франсуа Шартона, ветерана канадской миссии, совершившего путешествия в Новую Францию в 1625 и 1627 гг. Шартон вызвал недовольство ректора коллежа де Лоне своими проповедями о необходимости помощи миссионерам в их тяжком труде во спасение душ американских язычников MNF. Vol. VI. P. 11-12.

проходили изучали теологию (Священное писание, каноническое право, положительное и нравственное богословие)²⁸. По окончании новициата провинциал и руководство коллежа должны были «тщательно поразмыслить над тем, какого особого таланта – к управлению или к проповеди – можно ожидать» от будущих схоластиков, и сообразно с этим разработать программу их образования. Они должны были «позаботиться, чтобы те, кто показывает исключительный талант к проповеди, слишком долго не обучались литературе или даже философии и богословию, чтобы они не начинали проповедь лишь после того, как их живость была иссушена годами в классной комнате». С окончанием курса теологии схоластики, претендующие на статус «професса», подвергались экзамену в «основных областях философии и богословия», результатом которого было назначение их на те посты, к которым они показали особый талант. Не справившиеся с «экспертизой» могли рассчитывать на исключение в допуске к четвертому обету, если обладали «экстраординарным талантом к гуманитарным предметам или к индейским языкам»²⁹.

Существовало правило, согласно которому «каждый новиций должен совершить путешествие в некоторое указанное место». Его цель – «приучить новиция к трудностям путешествия, перед которым он окажется в будущем, чтобы узнать, каков он вне стен профессорского дома» и приобрести «некоторый опыт в страдании»³⁰. Схоластики весь третий и заключительный год искуса посвящали апостольской жизни в милосердии и служении низшим слоям общества. В этой трудной «школе сердца» они учились нести послание Христа собственным «дикарям» Франции, крестьянам и клошарам, изучая местные диалекты, оттачивая навыки «популярной проповеди», постигая психологию народа³¹.

Испанский иезуит Х. де Акоста, перечисляя главные качества миссионера, на первое место ставил способность к науке (особенно к лингвистике), и лишь затем упоминал о честности, набожности, чистоте, милосердии и доброте³². Не удивительно, что иезуитская корреспонденция из Канады наполнена упоминаниями о вычислении миссионерами времени солнечных и лунных затмений, о наблюдениях за климатическими и географическими особенностями неизвестной страны, о химических и физических опытах, поражающих воображение туземцев, об использовании приборов и механизмов, от часов до «галилейского компаса», а главное – о поразительных достижениях в изучении индейских языков, благодаря базовому образованию иезуитского коллежа. Являясь не только частью, но также импульсом научной революции XVII в., иезуитское гуманитар-

²⁸ The Jesuit Ratio Studiorum... 1970. P. xi, 15, 17.

²⁹ Ibid. P. 6-7, 10, 115.

³⁰ *Du Creux* 1952. Vol. II. P. 433.

³¹ *Axtell* 1985. P. 76-77.

³² *Acosta* 1596. P. 367-372.

ное и точное знание приходило на помощь миссионерам в Америке или Китае³³. Но в XVII в. не было специального миссиологического образования. Главным учителем иезуитских миссионеров был опыт, приобретаемый ими непосредственно на «миссионном поле», а позднее – передаваемый ветеранами новичкам. В коллежах пребывали отцы-профессы (иезуиты четырех обетов), в компетенции которых входили образование и управление коллежами, и «молодые» монахи (около 30 лет), недавно вышедшие из новициата, давшие три «простых обета» и еще не получившие рукоположение. Они делились на две категории: духовные и светские коадьюторы; первые продолжали свое образование в философии и теологии, готовясь к принятию особого обета; задачей вторых, обычно называемых братьями, было обеспечивать апостольскую деятельность профессов и духовных коадьюторов, освободив их от всех мирских проблем, связанных с жильем, пропитанием, одеждой и пр. Большинство миссионеров оказывается именно среди духовных коадьюторов, которые, закончив свое образование, стремились к заморским миссиям.

Что заставляло представителей французской элиты, самых образованных людей своего времени, членов могущественного ордена, покидать цивилизованный мир, претерпевать тяготы морского путешествия к берегам почти неосвоенной колонии, переносить невыносимые мучения речных и лесных передвижений, вонь и грязь, холод и жару, болезни и голод туземной жизни, находясь под постоянной угрозой смерти как со стороны врагов, так и своих хозяев? При этом, не ожидая сколько-нибудь значительных результатов своего труда: крестя лишь умирающих или тех, кто прошел двух-трехлетний катехуменат, концентрируя внимание на более далекой перспективе, наставляя прежде всего детей, а потом уже и взрослое население. Создается впечатление, что в миссионерское предприятие их влекло не столько желание спасти других, сколько пострадать самим и, возможно, тем самым обрести благодать. Еще в 1634 г., за десять лет до первых пленений и мученических смертей, суперитор канадской миссии Общества Иисуса Лежён писал о «желании столь многих из нашего общества, прибыть в эти страны и пожертвовать своими жизнями и силами во славу Нашего Господа»³⁴. Мученичество было столь важным компонентом иезуитской миссионерской идентичности и идеологии в XVII в., что без него невозможно было представить успешную миссию. То, что канадская миссия еще не обрела своих мучеников, заставляло ее членов искать оправдания и формулировать новые теологические конструкции, ведущие к созданию особой, специфически миссионерской мартирологии. Квебекский суперитор Жером Лалеман, расценивал всю миссию как постоянное, повседневное мученичество:

³³ JR. Vol. XXVIII. P. 143; *Goddard* 1995. P. 45.

³⁴ JR. Vol. VI. P. 99. Подробнее см.: *Федин* 2012.

«Мы иногда задавались вопросом, можем ли мы надеяться на обращение этой страны без потери крови; следуя принципу, гласящему, что кровь Мучеников – семя христиан, видя славу Божью, которую усиливает твердость Мучеников, кровью которых была в последнее время так пропитана вся остальная часть земли, будет своего рода проклятием, если эта область мира не будет соучаствовать в счастье величия этой славы. Но я признаю, теперь, когда я здесь и вижу, что происходит, а именно: бои, сражения, атаки и генеральные наступления против всей Природы, с которыми ежедневно сталкиваются здесь Евангельские работники, и в то же время, – их терпение, их храбрость и непрерывное усердие в преследовании цели, – я задаюсь вопросом, необходимо ли какое-либо еще мученичество для результатов, к которым мы стремимся; и я не сомневаюсь, что найдется множество людей, которые предпочли бы сразу получить удар топором по голове, чем провести годы, влача такую жизнь каждый день, трудясь ради обращения этих варваров»³⁵.

Идея «перманентного» мученичества оказалась адекватной и психологическим установкам прибывших в Канаду иезуитов, и объяснениям медленного и скудного прогресса христианской веры. Все стороны жизни аборигенов становились препятствием для работы миссионеров: задымленные и грязные жилища казались им «миниатюрной картиной Ада», «их слова – часто только богохульства против Бога и наших тайн, и оскорбления против нас». Добавим к этому суровость погоды, неудобство дорог и постоянную опасность ирокезского вторжения. Логическим следствием было убеждение: «единственный год терпения и храбрости среди этой непрерывной борьбы и сражений действительно равен одной короткой мученической смерти»³⁶. Тема мученической смерти как призвания миссионера звучала и в контексте мартиальной риторики, которую активно использовали иезуиты и в заморских, и в европейских миссиях. Поль Лежён воспринимал себя и своих сподвижников, прибывших в Новую Францию в 1632 г., как авангард, посланный, чтобы «вырыть траншеи» для «храбрых солдат», которые «осадят и возьмут город». Он направлял лингвистические «экспедиции», чтобы «напасть на врага на его территории с его собственным оружием», и расставлял «батареи», чтобы «уничтожить империю Сатаны», над которой «развернется знамя Иисуса Христа». Его коллеги в Гуронии развивали те же военные метафоры: иезуитские резиденции назывались «фортами» и «цитаделями», из которых язычников бомбардировали «батареи проповедей и наставлений», нацеленных на сатанинскую «твердыню»³⁷.

Однако желание иезуита претерпеть муки за веру рождало противоречие с принципом индифферентизма, предполагающим общую пользу ордена и католической церкви. Член Общества Иисуса не должен быть

³⁵ JR. Vol. XVII. P. 13.

³⁶ Ibid. Vol. XVII. P. 13-19.

³⁷ JR. Vol. V. P. 21; Vol. VIII. P. 121; Vol. XIV. P. 107, 125-127, 149; Vol. I. P. 221; Vol. XIII. P. 81; 14:107, 149; Vol. XVII. P. 115. См.: *Axtell* 1985. P. 91, 93.

привязан к одному конкретному месту или делу, ибо он, как раб Христов, следующий правилу повиновения своим супериорам, обязан с равным усердием и готовностью (индифферентно) следовать их приказам: «Я и не помышлял о путешествии в Канаду, когда был послан сюда, – писал Лежён, – я не чувствовал никакой особой привязанности к дикарям, но обязанность повиноваться была связующей, даже если бы меня послали в тысячу раз дальше»³⁸. Личные предпочтения могли скорее мешать, нежели способствовать успеху миссии. Поэтому довольно часто на горячие призывы о назначении в канадскую миссию, генерал ордена отвечал отказом, напоминая о добродетели повиновения и цитируя св. Игнатия, который на просьбы о разрешении отправиться в Индию, отвечал, что каждый на своем месте должен искать «собственную Индию»³⁹.

В контексте мартирологического дискурса меньшую роль играла эсхатологическая и апокалиптическая проблематика, традиционно считавшаяся основной для христианского миссионерства. Еще веком ранее идеи грядущего Второго пришествия, прологом которого является начавшаяся мировая миссия церкви, были достаточно популярны среди иезуитских миссионеров. Для Хосе де Акосты проповедь слова Божьего всем народам мира была знаком нависшего конца. Его «Третий Катехизис» (1585) описывал мир как старый и умирающий, и, «когда вся вселенная услышит проповедь Евангелия, наступит конец». Однако это не могло произойти, пока не обращен Китай, задача, которая практически исключала апокалипсис в ближайшем будущем⁴⁰, т.е. Акоста считал, что открытие новых земель задержало наступление конца света. Этот чисто миссионерский взгляд получил дальнейшее развитие среди французских иезуитов, постепенно смещавших акцент с цели апостолата на сам процесс: «Мир не исчезнет, – заявлял о. Брессани в 1653 г., – пока Евангелие не будет проповедовано повсюду. На запад от гурунов, вплоть до Китайского моря, [находятся] неисчислимые нации, следовательно, необходимо, чтобы Евангелие однажды проникло туда»⁴¹. А св. Жан-Франсуа Режи из Лангедока, считая свой апостолат в христианской стране завершенным, поставил целью обращение племен Канады. Дважды (в декабре 1634 и в ноябре 1635 г.) он обращался к генералу с просьбой исполнить его обеты, но тщетно⁴². С другой стороны, многие кандидаты в заморские миссии испытывали настоящий страх не успеть принять участие в триумфальном шествии Евангелия в закатные времена этого мира, и тем самым упустить шанс обрести благодать спасения, пролив свою кровь⁴³.

³⁸ JR. Vol. V. P. 31.

³⁹ MNF. Vol. VII. P. 295-296.

⁴⁰ *Prosperi* 1992. P. 203-204.

⁴¹ JR. Vol. XL. P. 61.

⁴² *Fouquieray* 1925. T. V. P. 267.

⁴³ *Pizzorusso* 1997. P. 890-891.

Большую роль в росте миссионерского энтузиазма среди французских иезуитов сыграли беатификация и канонизация И. Лойолы и Ф. Ксавье в 1609–1622 гг., ожививших идеи заморского апостолата, с которым ассоциировались их имена, особенно Ксавье – основателя восточной миссии Общества Иисуса. Так, будущий канадский святой мученик о. Изаак Жог, «услышав о трудах великого Св. Франциска Ксавье в Индиях», не только задумался «о пролитии своей крови, или, по крайней мере, посвящении жизни спасению душ в какой-нибудь далекой стране», но и стал иезуитом, видя в этом единственный способ реализации своей цели⁴⁴.

Миссия в Канаде, «наилучшем месте в мире для совершенствования монаха»⁴⁵, имела собственную ценность, помимо перспективы всеобщего спасения. «Новая Франция, – утверждали миссионеры, – воистину место, где каждый учится в совершенстве искать одного лишь Бога, желать одного лишь Бога, быть искренним перед Богом, и доверять и полагаться исключительно на его божественное и отеческое провидение; и это – богатая сокровищница души, которую невозможно оценить»⁴⁶. Эта ценность, как видим, связана со страданием, мученичеством, которое приобретало очистительный и спасительный характер, но уже для самого миссионера, а не только его ближнего. В этом отразилась общая атмосфера раннего Нового времени, связанная с интериоризацией сознания, пропитанного сомнением и страхом о посмертной судьбе души.

В связи с изложенным интересен следующий факт. Кардинал Ришелье, вступив в конфликт с королевским исповедником иезуитом Никола Коссэном, в 1638 г. предложил парижским супериорам отправить его к дикарям Канады, чтобы больше не вспоминать о нем. Однако те ответили, что назначение в суровые миссии Новой Франции почитается за честь, и отправление туда не считалось бы наказанием⁴⁷. Даже если рассматривать этот ответ как дипломатический ход с целью оставить Коссэна во Франции, сам факт признания высокой ценности канадской миссии показателен. Еще нагляднее она была продемонстрирована ежегодными *Реляциями* из Новой Франции, чтение которых стало мощным стимулом для путешествия в Канаду не только иезуитов, но и массы французов-мирян в поисках новой и более чистой жизни.

В миссиологических идеях наставника новициев в коллежах Руана и Ля Флеш Л. Лалемана, оказавшего огромное влияние на формирование мировоззрения первых поколений иезуитских миссионеров в Новой Франции, прослеживается укорененная в Средневековье традиция подхода к миссионерской деятельности как сугубо индивидуальной, направляемой скорее сверхъестественными, нежели рациональными факторами:

⁴⁴ JR. Vol. XXIX. P. 39.

⁴⁵ Ibid. Vol. XVIII. P. 15.

⁴⁶ Ibid. Vol. VIII. P. 169.

⁴⁷ *Fouquieray* 1925. T. V. P. 99.

«Если проповедник не будет человеком молитвы, то он никогда не произведет много плода. Проповедь – сверхъестественная работа, поскольку спасение душ является ее целью; и орудие должно быть приспособлено к этой цели. Ни знание, ни красноречие, ни другие человеческие таланты, но святость жизни и союз с Богом делают нас подходящими орудиями для спасения душ. У большинства проповедников достаточно знаний, но недостаточное преданности или святости». Но если полностью положиться на Бога, он позволит вам «творить чудеса, даже при том, что ваши естественные состояние и призвание не предполагали ведения апостольской жизни»⁴⁸.

С этим подходом связано и заявление П.-Ж. Шомоно о том, что ему «не были нужны великие познания в доктрине и теологии для того, чтобы передать веру этим дикарям», он решил, что «Бог предназначил [его] для Канады», и ему «не было нужды заканчивать занятия» в коллеже⁴⁹.

Возникло противоречие с рациональными основаниями деятельности ордена, заложенными в XVI–XVII вв. И. Лойолой, Х. Надалем, Х. де Акостой, Ф. Суаресом и др. «Благочестие» вновь противопоставлялось «науке» или «стратегии». О том, насколько это выходило за рамки игнатрианской традиции свидетельствует создание генералом Вителлески специальной комиссии для исследования доктрины Л. Лалемана⁵⁰. Германский иезуит Ф.-К. Амрин на рубеже XVII–XVIII вв. будет убеждать коллег, что именно дьявол ободрял заблуждение, что миссионерская работа не требовала специальной академической подготовки⁵¹. Тем не менее, Л. Лалеман не был представителем грядущего квиетизма: активная деятельность, и прежде всего миссионерская, была необходима, но она должна была вдохновляться внутренними религиозными мотивами, а не внешними мирскими. Он призывал «соединить действие и созерцание... отдаваясь первому в той же пропорции, с какой мы заняты последним»⁵².

Одного желания, даже вызванного благочестивыми устремлениями, было мало. Для получения назначения в миссию, тем более в канадскую, требовались и иные качества, иногда вообще не зависящие от мотивации, такие, как здоровье, возраст, физическая сила и др. В одном письме из Канады главными качествами для миссионера, назывались «доброе здоровье, превосходная память и истинная добродетель»⁵³. Немаловажными были психологические особенности потенциального миссионера: неспособность создавать или поддерживать комфортный психологический климат в совместной работе могла серьезно осложнить апостольские усилия всех миссионеров, спровоцировать конфликты не только среди миссионного персонала, но и с новообращенными. «Люди, прибы-

⁴⁸ *Lallemant* 1855. P. 68-69, 90, 213.

⁴⁹ *Chaumonot* 1885. P. 36.

⁵⁰ Впрочем, без всяких последствий для автора. – *Bangert* 1972. P. 209-210.

⁵¹ *Clossey* 2008. P. 132.

⁵² *Lallemant* 1855. P. 225.

⁵³ *JR*. Vol. XVII. P. 237.

вающие ради креста, а не обращений, чрезвычайно гибки и послушны, – считал Лежён, – иначе здесь не будет никакого мира, и следовательно никакого плода». «Среди других драгоценностей, которыми должен сить работник в этой миссии, – вторил ему де Бребёф, – мягкость и терпение должны занять первое место»⁵⁴. Отбор миссионеров во Франции был весьма тщательным, но иные кандидатуры могли быть отвергнуты и последней инстанцией – генералом ордена в Риме. При этом всегда оставались сомнения в правильности решения.

В Канаде французские миссионеры сталкивались с двумя наиболее трудными проблемами: условия жизни и изучение индейских языков. Неспособность справиться с той или иной (или обеими) вовсе не означала непременно возвращения в метрополию. Этих священников могли использовать для нужд миссии в резиденциях или обслуживания духовных потребностей французов Квебека или Труа-Ривьер. Главным условием, было обладание уступчивым характером, усердием и набожностью. Эту миссионерскую установку точно выразил будущий мученик Ш. Гарнье: «Я молю Бога дать мне дар языков и дух креста»⁵⁵. Ан Денуз, «увидев, что его память не позволяла ему изучать языки, посвятил себя полностью служению бедным Дикарям и тем, кто наставлял их, унижая себя с беспрецедентной страстью самыми трудными и презренными делами» (собирал коренья, ловил рыбу), дабы не «обременять миссию» и обеспечить себе возможность «умереть на поле боя»⁵⁶. Многие иезуиты, не работавшие непосредственно на миссионерском поле, но оказавшиеся полезными для функционирования миссии, закончат свои дни в Новой Франции.

Николя Адан приобрел репутацию «трудного отца» еще во Франции. Генерал Вителлески был против его назначения в Новую Францию, исходя именно из его психологической неготовности к таким испытаниям, однако дал согласие на его отправку в 1636 г., дабы проверить свои сомнения⁵⁷. Почти сразу после прибытия Адана возникли какие-то трения между ним и другими членами миссии (иезуитские источники всегда чрезвычайно скупы на такую информацию)⁵⁸. Супериор Квебека не имел достаточно власти, чтобы отослать какого-либо члена миссии, прибывшего в колонию. Но осенью 1641 г., в нарушение существующих правил, о. Адана отправили во Францию именно из-за особенностей его характера, а не проблем адаптации к климату или туземному образу жизни⁵⁹.

⁵⁴ Ibid. Vol. VI. P. 67; Vol. XI. P. 11.

⁵⁵ MNF. Vol. III. P. 153.

⁵⁶ JR. Vol. XXIX. P. 27-29.

⁵⁷ MNF. Vol. III. P. 136-137.

⁵⁸ Ibid. Vol. IV. P. 504.

⁵⁹ MNF. Vol. IV. P. 530-531; JR. Vol. XX. P. 119. Даже вернувшись во Францию, о. Адан продолжал интриговать против канадских миссионеров, пытаясь сорвать переговоры П. Лежёна о помощи против голландцев и ирокезов (MNF. Vol. V. P. 372).

История о. Ноэля Шабанеля, одного из гуронских мучеников, демонстрирует иное решение этой проблемы. Как и Адап, Шабанель «даже после трех, четырех и пяти лет усилий изучить язык Дикарей, настолько мало продвинулся, что едва мог объясняться даже в самых обычных делах», хотя «горел желанием» их обращения. «Это было сильным мучением» для того, кто считал себя уже состоявшимся священником и преподавателем. «Из-за этого его разум был настолько настроен против обычаев и манер Дикарей, что он видел их недостатки во всем; он не мог привыкнуть к пище страны; и жизнь в миссиях оказывала такое насилие над всем его естеством, что он столкнулся там с необыкновенными трудностями, без какого-либо утешения». Но «Бог дал ему сильное призвание для этих стран», и Шабанель старался компенсировать свои недостатки, выполняя роль коадьютора, т.е. слуги, помогая своим коллегам в быту. Одновременно он принес обет «остаться навеки в этой миссии Гуроном», каковой и исполнил, сгинув без вести в канадской чаще⁶⁰.

Даже от обладающего высокими духовными качествами иезуита ждали реальной помощи в делах миссии, иначе он становился обузой и фактором раздражения для коллег. Так, о. Жоржа-Александра Дёдемара, в его 52 года, перевели из закрытой в 1641 г. миссии Сент-Анна в заливе Св. Лаврентия в Квебек. Миссионер, работавший с 1636 г. среди микмак, теперь оказался среди племен, говоривших на ином языке и ведущих совсем другой образ жизни. В таком возрасте изучение новых туземных языков и традиций отнимало много времени и сил, отвлекая остальных членов общины от их непосредственных обязанностей. Решение французского супериората, демонстрировавшее непонимание условий работы канадской миссии, вызвало критику со стороны миссионеров, а супериор Вимон и Лежён послали генералу Вителлески письма с жалобой на своего провинциала⁶¹. Возможно, стремясь избежать подобных инцидентов, канадские миссионеры не скупилась на описание трудностей и опасностей, «чтобы те, кого назначат в эту миссию, могли увидеть из Франции испытания, с которыми они должны будут бороться»⁶². «Инструкции для Отцов нашего Общества, которые будут посланы к Гуроном» Бребефа могли охладить даже очень сильный пыл какого-нибудь схоластика во французском коллеже. Но, решившись на это предприятие, будущий миссионер уже был готов к возможным вызовам.

Отправляясь из Квебека к месту назначения (по рр. Св. Лаврентия или Оттава – единственно доступным коммуникациям в течение всего французского колониального режима), миссионер подвергался серьезным

⁶⁰ JR. Vol. XXXV. P. 151-157.

⁶¹ MNF. Vol. V. P. 278, 282. И о. Амбалья Дефрета, прибывшего в Квебек в 1646 г., уже в следующем году отправили обратно во Францию из-за его неудачи в приспособлении к местным условиям жизни и деятельности. – Ibid. Vol. VII. P. 216.

⁶² JR. Vol. XII. P. 115.

испытаниям: утлые суденышки, готовые перевернуться в любой момент, изматывающий труд гребца и многочисленные пороги, когда приходилось нести и каное, и весь груз на себе. Наиболее трудным было путешествие в Гуронию, длившееся около 30 дней, во время которого преодолели от 40 до 60 порогов. Жог и его спутники, например, возвращаясь в Квебек в 1642 г., «были вынуждены высадиться сорок раз, и сорок раз нести наши лодки и весь багаж среди потоков и водопадов»⁶³.

Бребёф рекомендовал «не предпринимать ничего, что не сможете продолжить; например, не начинайте грести, если не склонны продолжать грести», чтобы не вызвать раздражения или гнева проводников. «Днем солнце жжет вас; ночью вы рискуете стать добычей москитов», которых о. Шомоно сравнил с «казнью египетской». Только вечером – привал, на котором «единственной пищей является горсть зерна, размолотого между двумя камнями и сваренного в воде; единственной кроватью – земля, иногда только грубые камни, и обычно никакой крыши, кроме звезд; и все это в бесконечной тишине». В случае травмы или болезни, «не ожидайте от этих варваров никакой помощи, ибо откуда они сами могут получить ее? И я не стал бы гарантировать, что они не оставят вас, если вы не сможете следовать за ними». Но даже по достижению индейского селения, где находится миссия, положение мало изменится. «Измотанным и изнуренным, какими вы придете, мы сможем дать лишь жалкую циновку, служащую вам кроватью; и, кроме того, блохи будут держать вас бодрыми почти всю ночь»⁶⁴.

Жизнь в индейской хижине, «в наших дворцах из коры», как иронизировали иезуиты, европейцу действительно могла показаться ужасной.

«Нужно всегда спать на голой земле, и жить с утра до ночи в маленьком аду из дыма; в месте, где часто утром оказываешься покрытым снегом, который лежит повсюду в хижинах Дикарей; где паразиты имеются в большом количестве; где чувства, каждое и все разом, измучены и ночью, и днем; ни у кого никогда нет ничего, кроме воды, чтобы утолить жажду; в то время как лучшая пища, которую обычно едят там, это лишь паста из маиса, сваренная в воде. Нужно работать постоянно, хотя всегда плохо питаться; в течение дня нет и мгновения, чтобы уединиться; нет ни комнаты, ни спальни, ни туалета, чтобы выполнить свои дела. Нет даже иного [источника] света, кроме дымного огня, окруженного разом десятью или пятнадцатью людьми, и детьми всех возрастов, которые кричат, плачут и спорят»⁶⁵.

В общении с индейцами приходилось быть в постоянном напряжении, следя за своими словами и поступками,

среди «многочисленных вещей, которые, будучи неприятными, должны быть вынесены ради любви божьей, без слов и взглядов. Вы должны вести себя так, чтобы вообще не быть неприятным даже одному из этих Варваров». Тем не менее, «в любой момент дружба их может обратиться в ненависть, и ваша жизнь потеряет всякую ценность. Вы ответственны за беспло-

⁶³ JR. Vol. VIII. P. 77; Vol. XV. P. 151; Vol. XXXI. P. 19; Vol. XXXIII. P. 65; MNF. Vol. IV. P. 477. Эти волокнистые материалы могли простираться на 15 км.

⁶⁴ JR. Vol. XII. P. 121; JR. Vol. X. P. 89-91; MNF. Vol. IV. P. 477.

⁶⁵ JR. Vol. IX. P. 175; Vol. X. P. 91-93; Vol. XXXV. P. 153.

дие или плодородие земли; вы – причина засухи; если вы не можете вызвать дождь, они будут говорить лишь о вашем уничтожении».

Смерти также в любой момент можно ожидать от многочисленных врагов, прежде всего, ирокезов. Вывод Бребёфа был весьма неутешителен:

«вы попадете в руки варварского народа, который мало озабочен вашей философией или богословием. Все прекрасные качества, которые могли бы сделать вас любимым и уважаемым во Франции, походят на жемчуг, растоптанный под копытами свиней, или скорее мулов, которые крайне презирают вас, когда видят, что вы не столь хорошие вьючные животные, как они. Если вы сможете идти нагишом, и тащить лошадиный груз на своей спине, как они, то вы станете мудрецом, согласно их учению, и будете признаны великим человеком, иначе никак»⁶⁶.

Конституции ордена требовали от потенциальных новобранцев не только демонстрации веры и интеллекта, но и абсолютного физического здоровья, отказывая всем тем, кто имел «дефект тела, болезни, слабости или ярко выраженное уродство», ибо они «делали их непригодными для служения нашему господу Богу в этом Обществе ради помощи душам»⁶⁷. Работа миссионера была сопряжена со многими проблемами, важнейшая из которых – изучение труднейших индейских языков.

«Вместо того, чтобы быть великим учителем и теологом, как во Франции, здесь вы окажетесь скромным студентом, но зато, о Боже милосердный! с какими учителями! – женщинами, детьми и всеми Дикарями, выставленным ими на посмешище. Гуронский язык будет вашими св. Фомой и Аристотелем; и вы, умный человек, многословный среди ученых и знающих людей, надолго станете немым среди Варваров. И вы достигните немалого, если после долгого времени начнете хотя бы немного записываться»⁶⁸.

С другой стороны, эти примеры суровой и опасной жизни отвечали требованиям собственного предназначения иезуита, в том понимании, которое ему придавали верные последователи мариологии Луи Лалемана. Бребёф уверенно заявляет, что «нет ни одной опасности для души того, кто несет в страну гуронов страх и любовь божьи; напротив, я нахожу беспрецедентными преимуществами для совершенствования. Нуждаясь в малом, в пище, одежде и сне, нет иных соблазнов, кроме голой необходимости? Разве это не великолепная возможность объединиться с Богом?»⁶⁹. По сути, речь шла о практике аскезы, а аскетизм с эпохи раннехристианской церкви был генетически связан с духом мученичества, стремясь воспроизвести святость жизни эпохи гонений⁷⁰.

Нельзя, конечно, представлять французских иезуитов в Канаде XVII в. людьми, бесстрашно и хладнокровно стремящимися «в самую

⁶⁶ Ibid. Vol. X. P. 93; Vol. XII. P. 117-119, P. 123.

⁶⁷ Constitutiones... 1838. P. 9.

⁶⁸ JR. Vol. X. P. 91-93.

⁶⁹ Ibid. P. 103.

⁷⁰ Jensen 2010. P. 88.

пасть волков», готовых спокойно страдать и даже расстаться с жизнью. Нет, большинство тех, кто стал символом тягот и мучений канадской миссии, часто испытывали страх, тоску, даже депрессию – чувства, которые испытывают в результате «культурного шока». Как писал И. Жог квебекскому настоятелю перед своим вторым роковым путешествием к ирокезам, «бедная природа, которая помнила прошлое, содрогалась»⁷¹.

Но те, кто смог приспособиться к новым условиям канадской миссии, проявляли действительно чудеса в христианизации индейского мира. Когда о. Брессани возвратился в Канаду через год после освобождения из ирокезского плена, где потерял почти все свои пальцы, индейцы задались вопросом, «если бы не было Рая, как могли бы появиться люди, готовые переступить через костры ирокезов, чтобы спасти нас от Ада и повести за собой на Небеса?» В результате, некий гурон заявил, что «больше не может сомневаться в истинах веры»: зрелище «отрезанных пальцев стало ответом на все мои сомнения»⁷². «Презрение, которое... мы показываем к смерти и всем опасностям, которым подвергаемся, – резюмировал гуронский суперитор Лемерсье, – склоняет индейцев к Истине»⁷³. Иезуитские миссионеры оказывались незаменимыми в достижении не только религиозных целей, но и в решении политических, экономических, исследовательских и других задач, стоявших перед маленькой французской колонией в огромном чужом мире. Недаром квебекский суперитор о. Б. Вимон восклицал: «потерять одного работника, полностью обученного и подходящего для этих областей, означает потерять драгоценное сокровище»⁷⁴.

Покидая «Старую» Францию ради Новой, иезуиты вступали на сложный (и часто, трагичный) путь ее освоения, как материального, так и духовного. Следуя по этому пути, иезуитский миссионер в Новой Франции первой половины XVII в. демонстрировал как традиционные установки в отношении христианизации американских «варваров», уходящие корнями в Средние века (как то: поиск мученичества и духовного самосовершенствования в процессе миссионерской деятельности и, в связи с этим, некоторое пренебрежение к достижению ее реальных результатов), так и новые черты, связанные с разработкой приемов и способов аккомодации к чужеродной среде (изучение языков, использование достижений науки и техники для демонстрации превосходства христианских религии и образа жизни над туземными и пр.).

Французские иезуиты в Северной Америке представляли собой особенное явление в общем иезуитском апостолате Нового времени, со-

⁷¹ MNF. Vol. VI. P. 468. Отчеты иезуитов-миссионеров сыграли, вероятно, немалую роль в становлении психологической науки, в ее аспектах, связанных с изучением феноменов культурной адаптации, вроде ностальгии. См.: *Стефаненко* 1999. С. 281.

⁷² JR. Vol. XXX. P. 69.

⁷³ Ibid. Vol. XV. P. 121.

⁷⁴ Ibid. Vol. XXV. P. 25.

здав свою модель культурного контакта, отличную от моделей иберийских, итальянских или английских коллег.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Acosta J. de. De natura novi orbis libri duo et De promulgatione evangelii apud barbaros, siue, De procuranda Indorum salute, libri sex. Coloniae Agrippinae, In officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij, 1596.
- Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
- Chaumonot P.-J.-M., SJ. Un missionnaire des Hurons: Autobiographie du Père Chaumonot de la Compagnie de Jésus et son complément par le R. P. F. Martin. Paris, H. Oudin, 1885.
- Complément des Ordonnances et Jugements des Gouverneurs et Intendants de Canada, précédé des commissions des dits Gouverneurs et Intendants et des différents officiers civils et de justice. Québec, E. R. Fréchette, 1856.
- Constitutiones Societatis Jesu, anno 1558: Romae, in Aedibus Societatis Jesu, 1558. Reprinted from the original edition with an appendix, containing a translation, and several important documents. L., J.G. and F. Rivington, 1838.
- Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J.B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
- Édits, ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'État du roi concernant le Canada. Québec, Fréchette, 1854.
- The Jesuit Ratio Studiorum of 1599 / ed. by A.P. Farrell, SJ. Washington, Conference of Major Superiors of Jesuits, 1970.
- The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New France, 1610-1791. 73 vols. / ed. R.G. Thwaites. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
- Lallemant L., SJ. The spiritual doctrine of Father Louis Lallemant, of the Company of Jesus: pre-ceded by some account of his life / ed. by F.W. Faber. L., Burns & Lambert, 1855.
- Monumenta Novae Franciae. Vol. I-IX / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-2003.
- Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., ВИРД, 1999 [Akimov Yu.G. Ocherki rannei istorii Kanady. SPb., VIRD, 1999].
- Брассер Т.Дж.К. Прибрежные алгонкины – народ первых рубежей // Североамериканские индейцы. М., Прогресс, 1978. С. 31-65 [Brasser T.Dzh.K. Pribrezhnye algonkiny – narod pervykh rubezhei // Severoamerikanskie indeitsy. M., Progress, 1978. S. 31-65].
- Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало / Сост. и общ. ред. А. И. Курчки. М., Институт ДИ-ДИК, 1997 [Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo / Sost. i obshh. red. A.I. Kurkchi. M., Institut DI-DIK, 1997].
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., Аспект Пресс, 1997. [Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya. M., Aspekt Press, 1997].
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., Академический проект, 1999 [Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. M., Akademicheskii proekt, 1999].
- Тишков В.А. Страна кленового листа: начало истории. М., Наука, 1977 [Tishkov V.A. Strana klenovogo lista: nachalo is-torii. M., Nauka, 1977].
- Федин А.В. «Дорогами, полными крестов...»: иезуитское миссионерское мученичество в XVII в // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 173-201 [Fedin A.V. «Dorogami, polnymi krestov...»: iezuitskoe missiionerskoe muchenichestvo v XVII v // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 173-201].
- Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. N.Y., OUP, 1985.
- Bangert W.V., SJ. A History of the Society of Jesus. St. Louis, Institute of Jesuit Sources, 1972.
- Brasseur de Bourbourg, abbé. Histoire du Canada, de son Église et de ses missions, depuis la découverte de l'Amérique jusqu'à nos jours: écrite sur des documents inédits compulsés dans les archives de l'archevêché et de la ville de Québec, etc. T. 1-2. Plancy, Société de Saint-Victor pour la propagation des bons livres; Paris, Sagnier et Bray, 1852.

- Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. History and General Description of New France / ed. by J.G. Shea. Vol. I-VI. N.Y., Francis P. Harper, 1900.
- Closely L. Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions. Cambridge, CUP, 2008.
- Dickason O.P. The Myth of the Savage: And the Beginnings of French Colonization in the Americas. Edmonton, University of Alberta Press, 1984.
- Fouquieray H. Histoire de la Compagnie de Jésus en France: des origines à la suppression, (1528-1762). T. I-V. Paris, A. Picard, 1910-1925.
- Goddard P. A. Science and Scepticism in the Early Mission to New France // Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada. New series. 1995. Vol. 6. № 1. P. 43-58.
- Grumet R. S. Historic Contact: Indian People and Colonists in Today's Northeastern United States in the Sixteenth through Eighteenth Centuries. Norman, University of Oklahoma Press, 1995.
- Haudrière P. Le Collège royal de La Flèche, l'esprit missionnaire et le Canada. http://www.ameriquefrancaise.org/fr/article-95/Collège_royal_de_La_Flèche_l'esprit_missionnaire_et_le_Canada.html
- Jaenen J. C. Church-State Relations in Canada, (1604-1685) // Canadian Catholic Historical Association Study Sessions. 1967. № 34. P. 9-28.
- Jefferson C. Conquest by Law. Ottawa, Solicitor General Canada, 1994.
- Jensen M.P. Martyrdom and Identity. The Self on Trial. L., Continuum, 2010.
- Marshall T.W.M. Christian missions: their agents, and their results. Vol. I-II. N.Y., D. & J. Sadlier & Co., Montreal, Cor. Notre-Dame and St. Francis Xavier, Boston, 1864.
- Muir R. The Expansion of Europe. The Culmination of Modern History. L., Constable, 1917.
- Parkman F. Pioneers of France in the New World // Parkman F. France and England in North America. Vol. 1. N.Y., Literary Classics of the U. S., Inc., 1983a.
- Parkman F. The Jesuits in North America in the Seventeenth Century // Parkman F. France and England in North America. Vol. 1. N.Y., Literary Classics of the U.S., Inc., 1983b.
- Pizzorusso G. Le choix indifférent: mentalités et attentes des jésuites aspirants missionnaires dans l'Amérique française au XVIIe siècle // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. 1997. T. 109, N°2. P. 881-894.
- Prosperi A. L'Europa cristiana e il mondo: alle origini dell'idea di missione // Dimensioni e problemi della ricerca storica. 1992. № 2. P. 189-220.
- Rochemonteix C., SJ. Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siècle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus. Tome I-III. Paris, Letouzey et Ané, 1895-1896.
- Trigger B.G. Early Native North American Responses to European Contact: Romantic versus Rationalistic Interpretations // Journal of American History. 1991. Vol. 77. No. 4. P. 1195-1215.
- Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y., Henry Holt and Company, 1921.

Федин Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; avfedin@yandex.ru

The world of the early 17th-century Jesuit Missionary: From “Ancient” France to New

Jesuit missionaries in New France became a symbol of heroism and selflessness for the sake of the conversion of the Indian peoples to Christianity. Paradoxically, but behind bright passages about a martyrdom or apostolic successes of the early 17th century Jesuits, personal details remained in the shadow: their motivation, missionary qualification, abilities to ecological and psychological adaptation to the alien environment and strategies of such adaptation. All these topics are still little-investigated. The present article is an attempt to reveal some aspects of the establishment of the Jesuit missionary in New France, typical for Catholic missionary tradition, and specific to the given region during the marked period.

Keywords: Jesuits, New France, missionary work, college, novices, scholastics, professes

Andrey Fedin, PhD (History), Associate Professor, Department of World history, international relations and international law, Bryansk state university; avfe-din@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА КСЕРКСА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются различные аспекты рецепции образа персидского царя Ксеркса в европейской культуре нового и новейшего времени. В этот период прослеживается определенная эволюция в восприятии образа Ксеркса. В период господства абсолютизма, Ксеркс воспринимался как символ щедрости и богатства правителя; в эпоху европейских революций и развития либеральной демократии образ этого царя уже символизировал опасность деспотизма, в русской же философской мысли XIX – начала XX в., в связи с дискуссиями о выборе пути развития страны между Востоком и Западом, Ксеркс стал олицетворением Востока. Наконец, в голливудском кинематографе Ксеркс стал представляться как деспот, противостоявший свободе и демократии, открыто враждебный «западной системе ценностей». В литературе, оперном искусстве, кинематографии он прочно ассоциировался с Греко-персидскими войнами, особенно с их знаковыми эпизодами – битвой при Фермопилах и Саламине.

Ключевые слова: история, Ксеркс, образ, рецепция, европейская культура

В историографии сложилось вполне обоснованное мнение, что образ Ксеркса возник еще в греческой литературе (в «Истории» Геродота и «Персах» Эсхила) как образ военачальника, правда, с разными оценками его достижений, а римляне в своих литературных текстах различных жанров хорошо усвоили, как минимум с I в. до н.э., «характерные для греческой (прежде всего эллинистической) традиции представления о некоторых знаковых событиях и фигурах персидской истории, таких как, например, построенный Ксерксом мост через Геллеспонт, гнев персидского царя на море, битва при Фермопилах, персидские маги и т.д.»¹. Именно из этой традиции в том или ином варианте и черпался образ Ксеркса в Европе в средние века, новое и новейшее время².

Обращаясь к рецепции образа Ксеркса в европейской культуре нового и новейшего времени³, следует заметить, что в историографии сложилась довольно странная картина: личность царя Леонида, противоре-

¹ Махлаюк 2012. С. 200; Makhlaiuk 2015. P. 307. О восприятии образа Ксеркса в античной традиции специально см.: Bridges 2014; Stoneman 2015.

² В социокультурных практиках отмеченного периода образ Дария I почти полностью отсутствовал. Однако, для самих греков реальная фигура Дария I – «строителя» Персидской империи, представлявшая потенциальную угрозу всему греческому миру, была весьма значима, впрочем, наряду с фигурой «завоевателя» Ксеркса. Примечательно, что в культуре нового времени, в особенности же в английской драматургии того периода, периодически появлялся образ Дария, но то был... Дарий III – противник Александра Македонского (Loloi 2010, 37–38).

³ О рецепции античности, ее разновидностях и формах см.: Чиглинецов 2015. С. 14; Chiglintsev 2015. P. 177.

ящего персидской угрозе, и рецепция его образа в последующей культуре рассматривается специально⁴, а о Ксерксе таких работ практически нет. Даже в статье, посвященной представлениям об Ахеменидской Персии, имя Ксеркса упоминается лишь однажды, и то в цитате из античного автора⁵, а в статье с интригующим названием «Ксеркс идет в Голливуд», посвященной рассмотрению известного фильма «300 спартанцев» 1962 г., Леонид, а не Ксеркс, – главный герой повествования⁶.

Главным поводом обращения к образу Ксеркса в эпоху Возрождения и Новое время стали размышления представителей образованных слоев общества о сущности и пределах власти единоличных правителей. В середине XVI в. французский писатель и философ Этьен де ла Бозси написал памфлет «Рассуждение о добровольном рабстве», который, как и другие сочинения, на смертном одре передал своему другу Мишелю Монтеню. В памфлете упоминается о войнах греков и персов и о победе греков, как «победе свободы над угнетением, о победе вольности над порабощением»⁷, и Ксеркс в этом контексте выступает символом, с одной стороны, военной мощи («Когда Ксеркс снаряжал свою огромную армию для завоевания Греции»⁸), а с другой – царской милости в обмен на порабощенное состояние («Ведь никак невозможно было, чтобы перс сожалел о свободе, которой он никогда не испытал, и равным образом лакедемонянин не мог согласиться на порабощение, испробовав свободу»⁹). Монтень в своих «Опытах», не раз упоминая ушедшего в возрасте 32 лет де ла Бозси, приводит некоторые почерпнутые из античных источников (прежде всего из Геродота) данные о Ксерксе. Так, в антиптираническом запале, он приводит слова Артабана, обращенные к племяннику его Ксерксу¹⁰: «Божество не терпит, чтобы кто-нибудь другой, кроме него самого, мнил о себе высоко» (Hdt. VII. 10). Не упоминая Ксеркса, Монтень предлагает парадоксальную мысль: «Бывают поражения, слава которых вызывает зависть у победителей», никакие победы греков не смогли противостоять «славе поражения царя Леонида и его воинов в Фермопильском ущелье»¹¹. К тому же, опираясь на «Тускуланские беседы» Цицерона (V. 7), он называет Ксеркса «самодовольным хлыщом» за то, что он, имея любые доступные наслаждения, искал еще каких-то небывалых¹².

⁴ Jacqueline, *Le Tallec* 2013.

⁵ Harrison 2008. P. 54. В других работах о рецепции Персии в культуре последующих веков образу Ксеркса не уделяется внимания. См.: Allen 2007; Grogan 2014.

⁶ Levene 2007. P. 383–404.

⁷ Этьен де ла Бозси. 1962. С. 8.

⁸ Там же. С. 15. Ла Бозси имел в виду, конечно же, данные Геродота, сильно преувеличенные (5 млн. воинов).

⁹ Этьен де ла Бозси. 1962. С. 16.

¹⁰ Монтень 1992. Т. 2. С. 124 (прим.37).

¹¹ Монтень 1992. Т. 1. С. 234.

¹² Монтень 1992. Т. 3. С. 378–379.

Пример рецепции образа Ксеркса в условиях господства абсолютистской монархии предлагает испанский драматург XVII в. Тирсо де Молина. В своей дебютной пьесе «Стыдливый во дворце» (1606) он использует античный сюжет в интересах своего времени. Содержание пьесы не имеет ничего общего с Ксерксом, но в ее прологе (Ioa)¹³, приведена притча о добром правителе Ксерксе и бедном пастухе, подарившем царю единственное, что у него было – воду в простом кувшине¹⁴:

«Ксеркс, что царём великим стал / Ассирии и Вавилона, / На кортесы во время оно / Народы Азии созвал». И вот во дворце Ксеркс восседает на троне из золота и слоновой кости, который «Вдвойне сверкал, / ... и Фидия перстами / И драгоценными камнями / Украшенный». Каждый посланец прибыл с подарком, характерным для его страны. Среди них даже «Питомец стран, где вечный снег, / Принёс меха Московитянин»¹⁵. Но вот в зале появился бедный пастух, принесший «сосуд долблённый, / Наполненный водою», пояснив при этом: «Любовью, верностью моею / Сосуд сей полон до краёв...»; «он в себе хранит / И преданность и уваженье»¹⁶. Ксеркс «был пленен» не только этим бесценным даром, но и «Прекрасной речью, Цицерона / Достойной...». В итоге царь сделал пастуха правителем Эллады, напутствуя ему, чтобы людям он был пастырем. Далее драматург обращается к своему правителю: «...о Ксеркс текущих лет, / Кому доверено правленья / Кастилией...» и кому драматург принес в дар свое произведение: «Ксеркс щедро одарил когда-то / За дар подобный бедняка... / Да будет и твоя рука / Благодеяньями богата!».

В образе пастуха, приносящего воду Великому царю в знак «верности» можно видеть явную аллюзию на греков, которые, согласно Геродоту (VII. 32), приносили Ксерксу землю и воду, символизируя подчинение и покорность их городов персидскому монарху. Сосуды, наполненные водой, доставленной из Нила и Истра, персидские цари хранили в своей сокровищнице в Сузах: это служило подтверждением протяженности их империи и могущества их власти (Plut. Alex. 36)¹⁷. В античной традиции

¹³ См.: *Haughton* 1976. P. 20–25. Ф. Флорит находит в этом прологе, интеллектуально готовящем зрителя к восприятию сюжета, прямую связь с темой и тоном комедии, противопоставляющей простого человека и двор (*Florit* 2000. P. 69–70).

¹⁴ *Tirso de Molina* 1969. T. 1. С. 37–202. (Перевод А.С. Эфрон).

¹⁵ Тирсо де Молина дает красочное описание аудиенции царя Ксеркса с ритуалом приношения даров и совершением церемонии земного поклона – *proskinesisa*; подобная сцена аудиенции по случаю даропринесения не находит буквальных параллелей среди геродотовых свидетельств о Персии, но теперь знакома специалистам благодаря археологическим исследованиям Персеполя Э. Герцфельдом в 1920–1930-е гг., в ходе которых были обнаружены рельефы на стенах ападаны царского дворца.

¹⁶ Этот пассаж имеет две возможные интерпретации: 1) с одной стороны, сосуд, содержащий воду, беден, с другой, богат, так как наполнен верностью и любовью; 2) сосуд богат преданностью и уважением, которые он содержит. – *Haughton* 1976. P. 23.

¹⁷ Ряд исследователей связывали ритуальное значение земли и воды с религией зороастризма (*Orlin* 1976. P. 255–266, 265–266; *Keaveney* 1996. P. 23–48, 39, n. 80; *Balcer* 1997. P. 155). А. Курт, ссылаясь на сообщение Фавста Бузанда (IV. 50), объяснял

были популярны рассказы о том, что вода, принесенная персидскому царю (в этом случае назывался не Ксеркс, а Артаксеркс II Мнемон), считалась самым лучшим даром. Например, согласно Плутарху (*Artax.* 12), царь получил воду в том момент, когда уже мучился от жажды¹⁸, но по сообщению Элиана (*V.H.* I. 32), какой-то перс за отсутствием возможности принести царю другой дар, поднес ему воду в качестве своего подарка¹⁹. Не исключено, что эти сведения античных авторов о воде как «лучшем даре» царю могли «подсказать» Тирсо де Молина сюжет его притчи.

Едва ли случайно, что во время написания этой пьесы Тирсо де Молина Испании принадлежала самая важная роль в «открытии» Персии для европейцев: Филипп III, король Испании и Португалии, на рубеже XVI–XVII вв. предпринимал попытки установления дипломатических отношений с Персией при шахе Аббасе I Великом²⁰. Кроме того, вполне

ла эту церемонию исконно персидским ритуалом принесения клятв верности царю (*Kuhrt* 1988. P. 87–99, 87). Все же наиболее вероятно, что поднесение земли и воды было традиционным проявлением обычая дароприношения; сами же эти «дары» олицетворяли «страну», которая, после их предоставления, символически передавалась царю Персии (*Рунг* 2007(а). С. 41–60; 2007(б). С. 3–26; 2008. P. 29; 2015. P. 503–515).

¹⁸ Плутарх в биографии Артаксеркса II (*Artax.* 12) пишет: «Царь между тем умирал от жажды, и внуч Сатибарзан рыскал повсюду в поисках какого-нибудь питья: местность была безводная, а лагерь остался далеко. В конце концов, ему встретился один из тех же жалких кавнийцев, который в худом бурдюке нес около восьми котил грязной и гнилой воды. Эту воду Сатибарзан забрал и подал царю, а когда тот осушил мех до последней капли, спросил, не слишком ли противно было ему пить. В ответ Артаксеркс поклялся богами, что никогда в жизни не пил он с таким удовольствием ни вина, ни самой легкой, самой чистой воды. “И если, – прибавил он, – я не смогу разыскать и вознаградить человека, который дал тебе эту воду, пусть сами боги даруют ему и счастье, и богатство”».

¹⁹ Элиан (*V.H.* I. 32) рассказывает следующее: «Говорят, что какой-то человек по имени Синет вдалеке от своего дома повстречал процессию Артаксеркса по прозвищу Мнемон. Синет пришел в страшное волнение: он помнил об обычае давать царю дары и трепетал перед величием Артаксеркса. Не зная как быть, но не желая оказаться хуже всех и опозориться, он поднес царю подарков, он со всех ног бросился к протекавшей вблизи реке Кир и, набрав полные пригоршни воды, сказал: “Царь Артаксеркс, да продлится твое правление на веки веков. Теперь я почту тебя чем и как могу, чтобы ты не ушел от меня с пустыми руками – прими в дар воду из реки Кир. Когда ты приедешь в лагерь, я принесу из дому все самое драгоценное, что у меня есть, и почту тебя не хуже тех, которые уже поднесли свои дары». Эти слова пришлись по душе Артаксерксу, и он сказал: “С удовольствием принимаю твой подарок, ценю его высоко и считаю равным самым дорогим дарам. Потому что вода – лучшее благо на свете, а река носит имя Кир. Тем не менее я жду тебя”. С этими словами он приказал евреям взять подарок Синета, и они сейчас же подбежали с золотой чашей в руках. Едва дойдя до места, где был разбит лагерь, Артаксеркс послал Синету столу, золотой сосуд и тысячу дариков, наказав слуге передать ему следующее: “Царь хочет, чтобы это золото веселило твое сердце, ибо ты возвеселил его душу и, не оставив без подношения, почтил чем сумел. Он желает, чтобы этим сосудом ты черпал воду из Кира и из него пил”».

²⁰ В числе тех, кто посетил место Персеполя в 1602 г. и опубликовал сообщение о своем путешествии в 1606 г. («*Jornada*»), т.е. в год написания пьесы Тирсо де

очевидно, что образ Ксеркса, представленный в пьесе, прямо связан с активной полемикой в испанском обществе того времени о «добром короле» и «тиране», в которой образ Ксеркса олицетворяет нечто особенное – доброго тирана²¹. Так в фантазии испанского автора Ксеркс превращается в символ доброты, щедрости и справедливости, образец для подражания. Однако такое представление образа этого царя Персии выдвигает на первый план то, что в античной традиции занимало отнюдь не самое значимое место (в частности, при репрезентации образа царя Ксеркса «отцом истории»), а также является скорее исключением, нежели распространенной практикой в культуре последующих эпох.

Интересно, что подобный образ персидского царя, правда, не Ксеркса, а его сына и преемника Артаксеркса I Макрохира, представлен в первой русской театральной пьесе «Артаксерксово действо» (1672), написанной по повелению царя Алексея Михайловича лютеранским пастором Иоганном Грегори. В начале «Артаксерксова действа» царь призывает жить в веселии все свои народы: «Прехвальный народ персов и медов, возрадуйте». Затем подданные сами перечисляют страны, на которые распространяется благополучие под властью этого персидского владыки: «О можнейший монарх, его же скифетр достизает / даже до Аравии и муринов обладает! / Твои бо силы, вем, индияне трепещут, / И аще они злато, яко же прах, там мешут / ...Ты правиши сто тридесять странами». В пьесе действительно звучит тема всеобщего, мирового, вселенского благоденствия, которая для того времени имела определенный социальный смысл. Основой мировой гармонии мыслится забота царя о подданных. Не только подданные верно служат царю, но и царь заботится о подданных. Так герой в «Артаксерковом действе» говорит: «...и нам, царем достоин сотворяти, всех подданных своих в щедротах призирати»²².

Очень распространенным в европейской культуре стало обращение к образу Ксеркса в моменты исторических переломов, исторического выбора между борьбой за свободу и рабской покорностью. Характерны при этом сатирические и презрительные нотки, ассоциации и аллюзии, порожденные новыми социокультурными реалиями. В творчестве английского поэта, писателя и политического деятеля Ричарда Гловера античность включена в политическую борьбу через бытование в англо-шотландской поэзии, и образ Ксеркса, ставший контрапунктом образу заглавного героя поэмы «Леонид» (1737), предстает воплощением деспотии и рабства в противовес свободе, символом которой стали Леонид и триста спартанцев. Здесь ярко проявляются лаконофильские настроения

Малины, был португальский миссионер Антонио де Гувейа (*Matthee* 2002. P. 178; *Mousavi* 2012. P. 96–97).

²¹ Кельвин 1935, XVIII.

²² Артаксерксово действо 1957. С. 129; Демин 1972. С. 274–275.

автора поэмы. В основу повествования положены сведения античных источников (Геродота, Плутарха, Павсания), о которых поэт подробно пишет в предисловии, но при воплощении образа Ксеркса Гловер, похоже, опирается не только на Геродота, но и на Эсхила, не упомянутого в предисловии. Главная характеристика Ксеркса – он властитель мира, трон его, возвышающийся над всеми, окружен «принцами и прославленными вождями», «могущественными повелителями» – властителями Азии, но он властно смотрит поверх их голов²³. И этому могуществу греки сумели противостоять достойно.

Более типичным представляется взгляд на Ксеркса в романтической поэзии. Так, Джакомо Леопарди, итальянский поэт-романтик, который написал по сути поэтический манифест «К Италии» (1818)²⁴, не видит былой славы своей страны, а в качестве примера ссылается на борьбу греков против персидского нашествия: «...превозносимые вовеки / Теснины фессалийские, где греки / Немногие числом / Но вольные, за честь своей земли / И персов и судьбу превозмогли». А дальше – образ Ксеркса: «И прочь бежал тогда / За Геллеспонт Ксеркс низкий и жестокий, / Чтобы над ним смеялся внук далекий». Здесь идеалы республиканской демократии в античности противопоставляются жалкому современному состоянию соотечественников под австрийским гнетом, отсюда – символическая нагрузка и оценка образа Ксеркса.

В романтической поэзии есть и более многоплановое восприятие образа Ксеркса. В поэме Байрона «Дон Жуан» упоминается имя Ксеркса и как исторического персонажа, и как символа роскоши и праздного времяпрепровождения (II. 180). В плане историческом речь идет о Марафонском сражении, символизирующем «Свободу Греции родной» и поражение персов («Могила персов»), и о битве при Саламине (III. 86). Ссылаясь на реальные исторические события, Байрон создает многозначный образ Ксеркса: Ксеркс, наблюдая со скалы начало битвы, видит тысячи своих кораблей и многоплеменное войско («And ships, by thousands, lay below, / And men in nations; – all were his!»), в конце дня он находится в полном смятении, не видя уже более своего флота. Поэт вкладывает в уста царя недоуменные вопросы: «И где они?», «И где моя страна?». Но на берегах, хранящих молчание, не звучит больше героическая музыка и героические сердца персов больше не бьются («On thy voiceless shore / The heroic lay is tuneless now – / The heroic bosom beats no more!»)²⁵.

²³ Glover 1737. P. 72, 76.

²⁴ Леопарди Джакомо. 1989.

²⁵ Byron 2008. Перевод данного места поэмы, выполненный Т.Г. Гнедич, не передает всего пафоса оригинального английского текста (Байрон 1981. Т. 1). Анализ отрывка, относящегося к Греко-персидским войнам, (canto III, 86) «Дон Жуана» Байрона, правда, только применительно к Марафону см.: Rood 2007. P. 291–293.

Замечательный пример рецепции образа Ксеркса дает русская философская мысль рубежа XIX–XX вв. Известное стихотворение Вл. Соловьева «Ех oriente lux»²⁶ (1890), которое заканчивается строками, вопрошающими Россию, хочет ли она быть «...Востоком Ксеркса или Христа», породило проблему выбора между «азиатчиной» и «цивилизацией», христианской Европой и языческой Азией. Не получивший достаточного отклика сразу после опубликования стихотворения, образ «Востока Ксеркса» заиграл во время первой мировой войны, когда в дни поражений России в 1915 г. Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, славянофильски настроенные религиозные мыслители, «льнули к соловьевскому образу раздвоенной России», понимая под «Востоком Ксеркса» рабскую безответственность, распущенность и лень²⁷. Так обращение к образу Ксеркса становится частью идейной борьбы вокруг будущего России.

Особый вариант рецепции образа Ксеркса в новоевропейской культуре – многочисленные барочные оперные сочинения, в которых Ксеркс неоднократно становился главным героем. Наиболее известна опера Генделя, впервые поставленная в 1738 г., но не имевшая тогда успеха, который пришел к ней почти 200 лет спустя²⁸, в 1924 г., когда она была поставлена в Геттингене. Примечательно, что сюжет оперы (либретто Николо Менато), не имеет никакой исторической подоплеки, он сосредоточен вокруг любовных походов Ксеркса и его брата. По этому типу создавались оперы, посвященные царствующим особам разных эпох, у того же Генделя встречаем сочинения: «Оттон, король Германский» (1723), «Кир, царь Персидский» (1728), «Птоломей, царь Египетский» (1728), «Пор, царь Индийский» (1731)²⁹. Обращает на себя внимание, что партия Ксеркса была написана для высокого мужского голоса – контртенора (ранее европейская традиция имела в своем арсенале для подобных партий певцов-кастратов, а сегодня все чаще эта партия передается низкому женскому голосу – меццо-сопрано). Развлекательный сюжет в исполнении традиционно развлекающих публику высоких мужских голосов – все, что мы видим в качестве сверхзадачи этого сочинения. И Ксеркс предстает отнюдь не тираном, а таким царственным повесой³⁰. Что же сделало эту оперу столь популярной в XX в.? Не только мода на барочную музыку, распространившаяся среди интеллектуалов, но и, как это ни странно, тот самый элемент образа-трагедии (переодевание одной из героинь в мужское платье), который присутствует в самом сюжете, а также сложился в современной исполнительской практике (исполнение заглавной партии

²⁶ Соловьев 2015. С. 79–80.

²⁷ См.: Hellm 2009. С. 20–21.

²⁸ Pelling 2007. P. 145.

²⁹ Kimbell 2007. P. 223–225.

³⁰ Либретто оперы см.: <http://www.haendel.it/composizioni/libretti/pdf/serse.pdf>.

женщинами меццо-сопрано). Возможно, интеллектуалы вдруг вспомнили о превалировании женского начала в пассивности и покорности персов, воплощением чего стал и Ксеркс³¹. Русская философская мысль также обратила на это внимание в начале XX в. Н. Бердяев, рассуждая все о том же соловьевском противопоставлении «России Ксеркса» и «России Христа», «употреблял термины “женственное и мужское начала”. Женственное начало означало пассивность и покорность, мужское же активное творчество и чувство ответственности. Трагедия русского народа заключалась в слишком доминирующей роли женственного начала в его жизни. Мужского начала ждали извне»³². Более того, как нам представляется, женственная сущность Ксеркса вдруг всплывает в современном фильме и приходит в противоречие с его назначением, и тогда постановщики смело передают мужские полководческие функции Артемисии.

Массовое знакомство с образом Ксеркса в современном обществе произошло с помощью кино. Три фильма по сюжету Греко-персидских войн в качестве основного знака имеют сочетание «триста спартанцев», что определяет смысловую доминанту репрезентации столкновения греков и персов: демократическая Греция сопротивляется деспотизму и тирании, идущей с Востока³³. Если в фильме 1962 года все это выливается в апологию спартанского царя Леонида, а образ Ксеркса служит лишь для символического обозначения восточного владыки, угрожающего Греции³⁴, то в фильме-комиксе «300 спартанцев» (2006), основанном на комиксе Фрэнка Миллера, образ Ксеркса приобретает зловещие черты. Себя самого он объявляет божественным царем и при этом всячески подчеркивает свою доброту. Правда, доброта эта проявляется весьма своеобразно: он как заклинание повторяет это слово, требуя в ответ только одного – пасть на колени перед богоподобным царем, что в обмен на всяческие

³¹ Эта точка зрения развивается в современной историографии по отношению к «Персам» Эсхила (*Clifton* 1963. P. 113; *Hall* 1993. P. 108–133). Э. Холл полагает, что Эсхил наполняет свою драму «Персы» метафорами и аллюзиями, призванными способствовать возникновению у читателей и зрителей невольной ассоциации греческой победы над Персией с превосходством греческой мускулинности над женоподобностью варваров. Описание Ксеркса, по мнению Э. Холл, дает почву для сравнений его с неполноценным мужчиной (*not yet fully male*), имеющим ярко выраженные женские черты: подданные упрекают его за трусость (755), его одеяние характеризуется словом «леплос» (468, 1030), которым греки называли женскую одежду.

³² Усманов 2003. С. 21.

³³ Что касается образа Дария I в кинематографе, то следует назвать только итало-французский фильм «Марафонская битва» (в его английской версии – «Гигант Марафона») (1959), один из героев которого, наряду с Мильтиадом, – известный афинский скороход Филиппид, который выступал гонцом в Спарту (*Hdt. VI. 105–106*) и, по легенде, извещил афинян о победе, проделав путь от Марафона до Афин и упав замертво (*Luc. Pro lapsu inter salutandum, 3*). Фильм полон антиисторических деталей, включая то, что персидскую армию при Марафоне возглавлял лично сам Дарий I.

³⁴ *Levene* 2007. P. 383–404.

материальные блага и делает беглец из Спарты Эфиальт (согласно Геродоту, это был некий малиец: VII. 213); сцена эта сопровождается оргией, в которой участвуют представители разных культур, этносов, полов. Известный культуролог Славой Жижек видит в этом эпизоде прямой намек на современный мультикультурализм, с его сочетанием разных стилей жизни³⁵. Подчеркнутая толерантность в повседневной жизни соседствует с жестокостью в войне за покорение мира. Зловещий образ персидского царя формируется в головах зрителей и характеристикой его войска: «бессмертные», скорее похожие на самураев, представляющих собой нечеловеческую силу, впрочем, как и чудовища-животные, призванные напугать и растоптать противника, наконец, прямо говорится, что, когда не хватает физических сил, Ксеркс в войне применяет мистику. Однако наряду с этим совершенно прагматически используется подкуп спартанского политика или греческого оракула, чтобы предотвратить поход спартанцев против персов. Леониду тоже предлагается признать власть богоподобного Ксеркса в обмен на многочисленные привилегии для него и его Спарты. Образ Ксеркса приобретает сугубо человеческие черты, когда Леонид, как будто откликнувшись на этот призыв, начинает освобождаться от стесняющих его движение шлема и щита: в глазах персидского царя читается не превосходство, а надежда на признание его власти греками; и он искренне обескуражен последующими действиями спартанского царя. А когда он видит летящее в него копье, которое задевает лицо и срывает металлические кольца с его щек, в глазах Ксеркса появляется ничем не прикрытый страх (из сообщения Геродота известно, что Леонид погиб в ближнем бою, но не в схватке с ним: VII. 224). Ксеркс же решается появиться на поле боя только после смерти всех спартанцев, чтобы отсечь голову ненавистному и уже мертвому врагу³⁶.

В фильме 2013 г. «300 спартанцев. Расцвет империи» доминантой становится прямое вооруженное противостояние греков и персов, где противники предстают равно сильными. Правда, происходят некоторые антиисторические смещения: среди персов существует уверенность, что это Фемистокл сразил своей стрелой великого Дария при Марафоне, но месть за это в фильме исходит не от Ксеркса, который, по версии авторов фильма, чуть-чуть не успел предотвратить гибель отца, бросившись к нему в момент подлета стрелы, а от гречанки Артемисии, которая выступает жестоким полководцем и флотоводцем, превосходящим по силе

³⁵ Zizek S. The True Hollywood Left // <http://www.lacan.com/zizhollywood.htm>.

³⁶ Эпизод с отрубанием головы мертвому Леониду приводится Геродотом (VII. 238), который так объясняет поступок Ксеркса: «По многим другим признакам, и в особенности же после такого приказа, мне стало ясно, что никого из своих врагов при жизни царь Ксеркс не ненавидел столь яростно, как Леонида. Иначе никогда бы он не учинил такого надругательства над телом павшего. Ведь из всех известных мне народов именно у персов более всего в почете доблестные воины».

всех персидских мужчин³⁷. Между тем, греки обвиняют Фемистокла в том, что он вместе с отцом «не убил мальчишку Ксеркса» и тем самым предопределил дальнейшие беды и гибель множества людей в войне с персами. Ксеркс же на поле битвы в Фермопилах прямо предрекает все эти бедствия для греков, посмевших выступить против царя-божества. Такое самовосприятие противоречит словам Фемистокла, который на собрании говорит, что Ксеркс подобен волку у дверей Греции. В этом столкновении сакрального и профанного образов Ксеркса – одна из главных движущих сил сюжета фильма. Именно Артемисия указывает Ксерксу его место: сидеть в качестве божества на золотом троне и наблюдать, как она ведет бой с греками всей силой персидского войска. Фильм носит явно развлекательный и агитационный характер: пропагандируется все та же идея свободы как высшей ценности, а развлекательность достигается и использованием компьютерной графики в боевых сценах, которая позволяет акцентировать некоторые движения и придать больше натурализма сценам убийства с реками крови и отрезанными головами, и сюжетной линией столкновения, пусть и не прямого поединка, двух женщин – спартанской царицы, появление которой во главе войска спартанцев предопределило победу греков, и Артемисии, смерть которой от руки Фемистокла, обозначила, вопреки названию фильма, будущий закат империи, и, наконец, совершенно актуальной для любого зрителя, ассоциацией, когда на греческий корабль пробирается обмазанный нефтью персидский лазутчик, а Артемисия горящей стрелой поджигает его, а вместе с ним и вражеский корабль. Этот эпизод представляется очень символическим: в сознании сегодняшнего европейца или американца должно сложиться четкое представление: с востока им грозит огонь, который может взорвать их мир.

Не случайно в 2004 г. появился британский плакат, на котором Садам Хусейн изображен на колеснице в образе персидского воина-лучника, а над ним – новейшие военные самолеты. При чем здесь Ирак – не ясно. Но образ говорящий. Получается, что образ Ксеркса приобретает то или иное содержательное наполнение в зависимости от социокультурной ситуации, в которой он востребован, а античная традиция дает для

³⁷ Несомненно, такое представление Артемисии вытекает из знакомства с ее образом в труде Геродота. «Отец истории», в частности, ссылается на слова Ксеркса в связи с действиями царицы при Саламине (VIII. 88): «Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами». Эти слова особенно понятны в связи с другим замечанием историка (IX. 107): «у персов нет более страшного поношения, чем если кто скажет кому-нибудь, что тот трусливее женщины». Эту мысль Геродот иллюстрирует и другими примерами. В битве при Платеях 479 г. до н.э. персидские всадники во главе с Масистем во время нападения на греков, приблизились к ним вплотную и стали обзывать их женщинами (IX. 20). А после битвы при Микале Масист, сын Дария, стал говорить персидскому военачальнику Артаику, что тот трусливее женщины и тем самым спровоцировал даже нападение последнего на себя (IX. 107).

этого необходимую информацию. В период господства абсолютизма в XVII в. Ксеркс воспринимался как символ щедрости и богатства правителя (в пьесе Тирсо де Молина), в дальнейшем, в эпоху европейских революций и развития либеральной демократии в странах Европы, образ этого царя уже символизировал угрозу порабощения и опасность деспотизма (у Джакомо Леопарди, Байрона), в русской философской мысли XIX – начала XX в. он олицетворял Восток, и, наконец, в кинематографе второй половины XX – начала XXI в. он противостоит свободе и демократии.

В процессе рецепции образа Ксеркса, как правило, воспроизводились два сюжета из истории Греко-персидских войн, каждый со своим смысловым значением: сражения при Фермопилах и при Саламине. Первый воспринимался как «моральная победа» греков, второй – как крушение надежд Ксеркса, его полное фиаско (в поэме Байрона) и, таким образом, окончательная победа греков в войне с персами. Подводя итог, с полным основанием можно говорить, что по мере эволюции представлений о Ксерксе, исторический образ этого правителя, какой мы еще находим в античных источниках, трансформировался в образ-символ.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артаксерсово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. 348 с. [Artakserksovo deystvo. Pervaya p'esa russkogo teatra XVII v. M.; L., 1957. 348 s.]
- Байрон Дж.Г. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: Правда, 1981. 608 с.
- Демин А.С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXVII. Л.: Наука, 1972. С. 273–283 [Demin A.S. Russkie p'esy 1670-kh godov i pridvornaya kul'tura // Trudy otдела drevnerusskoy literatury. T. XXVII. L.: Nauka, 1972. S. 273–283].
- Кельин Ф.В. Тирсо де Молина и его время // Тирсо де Молина. Театр. М.; Л.: Academia, 1935. P. VII–LV [Kel'in F.V. Tirso de Molina i ego vremya // Tirso de Molina. Teatr. Moscow; Leningrad: Academia, 1935. S. VII–LV].
- Леопарди, Джакомо. Избранные произведения / Пер. А. Ахматова, А. Найман, С. Ошеров. М.: Художественная литература, 1989. 302 с. [Leopardi, Dzhakomo. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 302 s.]
- Махлаюк А.В. Ахеменидская Персия в римской литературе: образ «Иного» и специфика исторической памяти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3(1). С. 199–208 [Makhlayuk A.V. Akhemenidskaya Persiya v rimskoy literature: obraz «inogo» i spetsifika istoricheskoy pamyati // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2012. № 3 (1). S. 199–208.]
- Монтень М. Опыт. Избранные произведения. В 3-х тт. Т. 2. М.: Голос, 1992. 560 с.
- Рунг Э.В. Дипломатическое выражение персидского империализма: Персидские требования земли и воды // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 41–60 [Rung E.V. Diplomaticheskoe vyrazhenie persidskogo imperializma: Persidskie trebovaniya zemli i vody // Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira / Pod red. prof. E.D. Frolova. Spb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. Vyp. 6. S. 41–60.]
- Рунг Э.В. Практика предоставления земли и воды в греко-персидских от-ношениях // Вестник древней истории. 2007. № 4. С. 3–26 [Rung E.V. Praktika predostavljeniya zemli i vody v greko-persidskikh ot-nosheniyakh // Vestnik drevney istorii. 2007. № 4. S. 3–26.]
- Соловьев В.С. Полное собрание стихотворений. М.: Директ-Медиа, 2015. 463 с. [Solov'ev V.S. Polnoe sobranie stikhotvoreny. Moscow: Direkt-Media, 2015].

- Тирсо де Молина. Стыдливый во дворце [Пьеса в стихах] // Тирсо де Молина. Комедии: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1969. С. 37–202 [Tirso de Molina. *Stydlivyy vo dvortse* [P'esa v stikhakh] // Tirso de Molina. *Komedii*. Т. 1. Moscow: Iskusstvo, 1969. S. 37–202].
- Усманов С.М. «Восток Ксеркса» в историософии Владимира Соловьева: в поисках интерпретации // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Вып. 6. Иваново, 2003. С. 36–52 [Usmanov S.M. «Vostok Kserksa» v istoriosofii Vladimira Solov'eva: v poiskakh interpretatsii // Solov'evskie issledovaniya. *Periodicheskiy sbornik nauchnykh trudov*. Вып. 6. Ivanovo, 2003. S. 36–52].
- Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 164 с. [Chiglintsev E.A. *Retseptsiya antichnosti v kul'ture kontsa XIX – nachala XX vv.* Kazan, 2015. 164 s.]
- Этьен де ла Боэси. Рассуждение о добровольном рабстве. М.: АН СССР, 1962. 200 с.
- Allen L. Chilmarn olim Persepolis: European Reception of a Persian Ruin // *Persian Responses: Political and Cultural Interaction with(in) the Persian Empire* / Ed. by C.J. Tuplin (ed.). Swansea: Classical Press of Wales, 2007. P. 313–342.
- Balcer J.M. *The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B.C.* Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1997. 344 p.
- Bridges E. *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King.* L.; New Delhi; N. Y.; Sidney: Bloomsbury Academic, 2014. 233 p.
- Byron Lord. *The Major Works including Don Juan and Childe Harold's Pilgrimage.* Oxford: Oxford University Press, 2008. 1080 p.
- Chiglintsev E.A. Reception of the Icarus myth in the mass art of the late 20th-21st century // *Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis. Special Issue 2014. Russian studies. From the early Middle Ages to the present day.* Sebeş–Alba, 2015. P. 177–186.
- Clifton G. *The Mood of the 'Persai' of Aeschylus* // *Greece & Rome.* 1963. Vol. 10. P. 111–117.
- Florit F. «El vergonzoso en palacio»: arquetipo de un género // *Varia lección de Tirso de Molina.* *Actas del VIII Seminario del Centro para la Edición de Clásicos Españoles* / Ed. I. Arellano, B. Oteiza. Madrid, 2000. P. 65–83.
- Florit F. *Estrategias discursivas en El vergonzoso en palacio, de Tirso de Molina* // *Criticón.* 2001. Vol. 81–82. P. 89–103.
- Glover R. Leonidas: a poem. London: printed for R. Dodsley, 1737. 335 p.
- Grogan J. *The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549–1622.* Basingstoke: Springer, 2014. 256 p.
- Hall E. *Asia unmanned: Images of Victory in classical Athens* // *War and Society in the Greek World* / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N.Y., 1993. P. 108–133.
- Harrison T. *Respectable to Its Ruins: Achaemenid Persia, Ancient and Modern* // *A Companion to Classical Receptions* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. Oxford: John Wiley & Sons, 2008. P. 50–61.
- Haughton L.E. *The Comic Craft of Tirso de Molina.* Unpubl. Ph.D. thesis. The Un-ty of Arizona, 1976. 209 p.
- Hellman В. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // *Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе: Meetings and Clashes. Articles on Russian Literature.* Helsinki, 2009. С. 9–29.
- Jacqueline C., Yohann Le T. Léonidas. *Histoire et mémoire d'un sacrifice.* P.: Ellipses, 2013. 401 p.
- Keaveney A. *Persian Behaviour and Misbehaviour: Some Herodotean Examples* // *Athenaeum.* 1996. Vol. 84. P. 23–48.
- Kimbell D. *Operatic variations on an incident at the Hellespont* // *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium* / Ed. by E.Bridges, E. Hall, P.J. Rhodes. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 223–225.
- Kuhrт A. *Earth and Water* // *Achaemenid History. Vol. 3: Method and Theory* / *Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop* / Ed. by A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1988. P. 87–99.
- Levene D.S. *Xerxes Goes to Hollywood* // *Cultural Responses to the Persian Wars...* P. 383–404.

- Loloi P. Portraits of the Achaemenid Kings in English Drama: Sixteenth–Eighteenth Centuries // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East / Ed. by J. Curtis, St.J. Simpson. London; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2010. P. 33–40.
- Makhlaiuk A.V. Memory and Images of Achaemenid Persia in the Roman Empire // Political Memory in and after the Persian Empire / Ed. by J.M. Silverman, C. Waerzeggers. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 299–324.
- Matthee R. Gouvea Antonio de // Encyclopaedia Iranica. 2002. Vol. 11. Fasc. 2. P. 178.
- Mousavi A. Persepolis: Discovery and Afterlife of a World Wonder. Boston; Berlin: Walter de Gruyter, 2012. 253 p.
- Orlin L.L. Athens and Persia ca 507 B.C.: A Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in Honor of G.G. Cameron / Ed. L.L. Orlin. Ann Arbor: Un-ty of Michigan Pr., 1976. P. 255–266.
- Pelling C.B.R. De malignitate Plutarchi: Plutarch, Herodotus, and the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars... P. 145–164.
- Rood T. From Marathon to Waterloo: Byron, Battle Monuments, and the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars... P. 267–298.
- Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B.C. // War and Peace in Ancient and Medieval History / Ed. by Ph.de Souza, J. France. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 28–50.
- Rung E. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // Klio. 2015. Bd. 97. Ht. 2. P. 503–515.
- Stoneman R. Xerxes. A Persian Life. New Haven; L.: Yale University Press, 2015. 288 p.
- Zizek S. The True Hollywood Left: <http://www.lacan.com/zizhollywood.htm>.

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; tchiglintsev@kpfu.ru

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; eduard_rung@mail.ru

The reception of Xerxes' image in the European culture of modern and contemporary times

The article considers various aspects of the reception of the Persian king Xerxes's image in the European modern and contemporary culture. During the period of absolutism in Europe, Xerxes was perceived as a symbol of the generosity and wealth of the ruler. Later, in the period of European revolutions and development of liberal democracy the image of this king symbolized a threat of enslavement and danger of despotism. In Russian philosophical thought of the 19th – early 20th c., in connection with the discussions about the choice of the country's development between the East and the West, Xerxes became the personification of the East. And, finally, in the Hollywood cinema Xerxes is presented as a despot, opposed to freedom and democracy, hostile to the “Western system of values”. In literature, opera and cinema, Xerxes was strongly associated with the Greco-Persian wars, especially, with the most striking episodes of them, the battle of Thermopylae and Salamis.

Keywords: history, Xerxes, image, reception, European Culture, literature, opera, cinema

Evgeniy Chiglintsev, Dr.Sc.(History), Professor, Department of world history, Institute of international relations, history and oriental studies, Kazan Federal University; evgueni.tchiglintsev@kpfu.ru

Eduard Rung, Dr.Sc.(History), Professor, Department of world history, Institute of international relations, history and oriental studies, Kazan Federal University; eduard_rung@mail.ru

Н. А. АНТИПИН

МАНИПУЛЯЦИИ ПАМЯТЬЮ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. 1920–1950-е гг.

В статье рассматривается процесс трансформации образов, оценок, восприятия Русско-японской войны 1904–1905 гг. в советской исторической науке в 1920-е – 1950-е гг. На основе историографических источников реконструируется три этапа: «борьба» с героическим прошлым (1920-е гг.), попытки найти компромисс между интернациональной идеологией и героическими символами (1930-е гг.), реабилитация войны и встраивание ее в героическое прошлое (после 1945 г.).

Ключевые слова: *Русско-японская война, образы войны, культурная память, историография, коммеморация*

Революционные потрясения 1917 года и открытие царских архивов позволили советским историкам обратиться к скрытым сторонам истории Русско-японской войны и дальневосточной политики Российской империи. Особое место в этом процессе занял журнал «Красный архив», который издавался в 1922–1941 гг. Управлением Центрархива РСФСР. В 1920-е гг. в журнале были опубликованы дневники А.Н. Куропаткина и Г.А. Плансона, переписка С.Ю. Витте, Н.Н. Левашова, А.Н. Куропаткина, А.М. Стесселя, В.Г. Глазова, В.В. Верещагина¹. Большое значение для осмысления дальневосточной политики России имели воспоминания С.Ю. Витте, изданные в СССР в 1923–1924 гг. Их публикацией занимался М.Н. Покровский. Он же одним из первых обратился к истории Русско-японской войны. В основу его книги «Русская история в самом сжатом очерке» был положен курс лекций, прочитанный в 1919 г. в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. Первое издание книги (1920) содержало две части и не касалось рубежа XIX–XX вв.

В.И. Ленин высоко оценил это сочинение. 5 декабря 1920 г. он писал Покровскому: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша книга: “Русская история в самом сжатом очерке”. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки». Ленин предложил превратить книгу в учебник, дополнив ее хронологической таблицей, «чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую и новую науку»². В 1923 г. в издательстве «Красная

¹ Дневник А. Н. Куропаткина... 1922; Портсмут 1924; Вильгельм II о Русско-японской... 1925; Из писем ген. Н. Н. Левашова... 1926; Письмо ген. А. М. Стесселя... 1926; Безобразовский кружок... 1926; Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина... 1926; В штабе адм. Е. И. Алексеева... 1930; Письма В. В. Верещагина... 1931.

² Покровский 1967. Кн. 3. С. 3-4.

новью» вышла третья часть книги, посвященная периоду 1896–1906 гг. В последующих изданиях эта часть претерпела переработку, в т.ч. сюжет, связанный с историей войны с Японией. Всего же при жизни автора было опубликовано десять изданий «Русской истории...». М.Н. Покровский подчеркивал, что книга написана для народного чтения и ориентирована на неподготовленного читателя. Ее популярности способствовали литературные достоинства, художественность, яркость и зрелищность изложения, живописность портретов исторических деятелей. Так историк конструировал новое прошлое для нового советского общества.

В издании 1923 г.³ Русско-японская война показана естественным продолжением внешней политики Романовых; отмечено, что царское правительство готовилось к конфликту более десяти лет. Именно царское правительство, по мысли ученого, явилось инициатором вооруженного столкновения с Японией. М.Н. Покровский оказался под влиянием воспоминаний С.Ю. Витте: он представил его «душой дальневосточной политики»⁴, но всю вину за войну переложил на императора и «безобразовский кружок». Ученый перенял выдвинутую Витте концепцию двух лагерей: в первый входил сам сановник, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин – они выступали против войны. Второй лагерь составляли Николай II, А.М. Безобразов, В.М. Вонлярлярский, великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал А.М. Абаза, готовые к вооруженному столкновению в отстаивании своих интересов. Устранение С.Ю. Витте в 1903 г. с поста министра финансов обозначило победу «безобразовской клики».

В остальном М.Н. Покровский был последовательным интернационалистом. Он с симпатией относился к японцам, отрицал «коварство» противника, говоря, что международное право не обязывает стороны объявлять войну, и лишь после этого использовать вооруженные силы. Он вскользь упомянул о двух «забытых» русских крейсерах в Корее – «Варяге» и «Корейце»⁵, чей бой с японским флотом был центральным героическим мифом. В изображении Покровского отсталой и возрастной русской армии противостояли боеспособные японские войска.

«Глава советской исторической науки» вписал войну в контекст первой революции: крупные сражения соотносились с революционными событиями внутри страны. Так, история Русско-японской войны оказалась разбитой на несколько частей, которые помещены в качестве внешнеполитического фона для внутреннего промышленного кризиса (гл. IV), революции 1905–1907 гг. (гл. V–VI). Начиная с Покровского, Русско-японский конфликт в советской историографии будет представляться фоном для революции и в то же время катализатором внутрипо-

³ См.: Покровский 1923. Ч. III. Вып. I. С. 70–139, 143–145.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 91–94.

литических потрясений. М.Н. Покровский продолжал перерабатывать свою концепцию истории войны 1904–1905 гг. В предисловии ко второму изданию он отметил, что «ближайшее изучение архивных документов заставило автора окончательно отказаться от взгляда на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., как на войну империалистическую, и признать в этой войне заключительное звено колониальной политики Романовых, начиная еще с Петра I»⁶. Сложно сказать, какие документы заставили историка сделать это, ибо автор не дал ссылок на них.

Одновременно с М.Н. Покровским историей Русско-японской войны и дальневосточной политики царского правительства (наряду с древнерусской историей) занимался Б.А. Романов. В своих исследованиях он строго следовал за источником. И это не случайно: его учителем был историк петербургской школы А.Е. Пресняков. От него Романов воспринял методологию позитивизма и всегда был верен ей в своих исследованиях. С 1918 г. Романов работал в Главархиве, где столкнулся с огромным объемом документов министерств финансов, промышленности и торговли. Но его исследовательский интерес к дальневосточной проблематике определила не только близость к источникам, но и опубликование воспоминаний С.Ю. Витте⁷. Историк увидел расхождение мемуаров с архивными документами. В итоге появились публикации источников и статьи⁸. В 1927 г. Восточный институт в Ленинграде предложил Романову опубликовать сборник его статей о России в Маньчжурии⁹. В 1928 г. он подготовил монографию «Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма».

В этой книге Б.А. Романова проявились особенности его подхода к изучению проблемы: глобальный характер в географическом и хронологическом плане. Русско-японская война стала для историка поводом для раскрытия запутанной истории международных отношений в Восточной Азии. В первой своей книге он сосредоточился исключительно на изучении русской внешней политики. Историк заметил, что Витте был вдохновителем дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв., он же положил много сил для создания мифа о мирном характере этой политики¹⁰. Существенное различие позиций Романова и Покровского заключалось в том, что первый не снимал с Витте ответственности за войну, как это делал второй, возлагая ответственность на «безобразовский кружок». Витте подготовил все необходимое для активного проникновения в Китай, в т.ч. военными методами. И главным инструментом в этом стала железная дорога – Транссибирская маги-

⁶ Покровский 1926. Ч. III. Вып. I. С. 3.

⁷ См. подробнее: Ананьич 1991.

⁸ См., напр.: Романов 1923; 1924.

⁹ Панях 2000. С. 102.

¹⁰ Романов 1928. С. VIII–X.

страль, строительство которой началось в 1891 г.¹¹ Б.А. Романов доказал, что в течение десятилетия до Русско-японской войны внешнюю политику России определяло не министерство иностранных дел, а министерство финансов, которым руководил Витте¹². Изучая международные отношения в Восточной Азии, Романов пришел к выводу, что там столкнулись интересы не только соседних государств – Китая, Японии и России, но и далеких Англии, США, Франции, Германии¹³.

Школа Покровского откликнулась на работу Б.А. Романова. С критикой выступил А.Л. Попов¹⁴. Главное замечание касалось оценок политики С.Ю. Витте и его ответственности за войну. Рецензент отстаивал позицию своего учителя. Другие замечания касались дискретности работы (труд носил отпечаток первоначального замысла сборника статей) и стилистики. Попов отметил и отсутствие выводов, что вполне соответствовало приверженности автора позитивистской методологии. Историк продолжил исследование и сосредоточился на дипломатической истории войны. Эта тема не отпускала ученого до конца жизни.

В 1930-е гг. произошли существенные изменения в оценках дореволюционного прошлого, связанные с идеологическим поворотом середины 1930-х¹⁵. Ш. Плаггенборг заметил, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «общественный слой, до сих пор фактически не принимавший участия в политической и культурной жизни страны, взобрался на самую верхушку социальной лестницы. Отчасти он пробился туда сам, отчасти ему помогла политика Сталина и его окружения. Они принесли с собой свои замыслы и представления о жизни, воззрения на политику, не ясные, не сформулированные, не отрефлектированные»¹⁶. Утверждение у власти И.В. Сталина и формирование новой национальной идеологии и понятия советского патриотизма, возвращение к традиционным ценностям, необходимость подготовки к грядущей войне¹⁷, а также обострение ситуации на дальневосточных границах (советско-японские конфликты в 1938–1939 гг.) привели к трансформации историографических оценок Русско-японской войны. В этих условиях работы Покровского не могли служить основой для конструирования патриотических символов, что стало одной из причин разгрома его школы.

¹¹ См.: Там же. С. 9.

¹² Этот же вывод в 1927 г. прозвучал в работе Е.В. Тарле «С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики», где автор проанализировал роль Витте во внешней политике России и пришел к выводу, что он запустил процесс проникновения русских в Китай и не удержал его. Но он выступал за постепенное и планомерное продвижение (см.: Тарле 1958. Т. 5. С. 509–556).

¹³ Романов 1928. С. 471–473.

¹⁴ См.: Попов 1929.

¹⁵ См., напр.: Бранденбергер 2009.

¹⁶ Плаггенборг 2000. С. 31–32.

¹⁷ См.: Данилов 2006; Одесский, Фельдман 2008; Шановалов 2008; Платт 2008.

В обществе ощущалась потребность в героическом прошлом¹⁸, это совпадало с интересами Сталина и политической элиты. Сам Сталин выразил свои взгляды на прошлое в «Кратком курсе истории ВКП (б)»¹⁹, но в этой работе сохранилось немало противоречий и неактуальных оценок. Россия и Япония представлялись равнозначными хищниками, боровшимися за раздел Китая. Однако теперь Япония называлась агрессором и инициатором войны. В «Кратком курсе» совсем не было уделено внимания теме героизма в Русско-японской войне: русская армия характеризовалась как неподготовленная, плохо вооруженная и недостаточно обученная, под руководством бездарных начальников. Но было акцентировано внимание на пораженческой позиции большевиков и оборончестве меньшевиков и Л.Д. Троцкого²⁰. Образ Русско-японской войны оказался непроработанным, и даже в разделе, посвященном войне, больше внимания уделялось разоблачению оппозиционных групп в партии.

Задача формулирования актуального «партийного» образа Русско-японской войны легла на Е.М. Ярославского. В 1939 г. он выпустил работу «Русско-японская война и отношение к ней большевиков», которая восполнила лакуны в содержании «Краткого курса». Кроме того, автор должен был органично соединить оценки войны В.И. Лениным и сконструировать патриотический образ войны. Следуя за Лениным, Ярославский охарактеризовал конфликт с Японией как империалистический. Однако российский империализм не был равен империализму японскому, хотя обе страны и представлялись «хищниками», но агрессором и инициатором войны оказалась Япония. В отличие от М.Н. Покровского теперь в «разбойничьем нападении» виделось нарушение международного права²¹. С позиции «изнутри» война приобретала иную характеристику. Если на внешнеполитической арене Россия выступала жертвой, то во внутривнутриполитическом контексте царское правительство являлось инициатором войны, «агрессором» в отношении «трудящихся масс»²². Ярославскому не удалось полностью избавиться от наследия Покровского: он воспроизвел его концепцию «двух придворных лагерей», в которой «безобразовский кружок» выступал непосредственным виновником и «поджигателем» войны²³. Тема героизма прозвучала весьма редуцированно, несколькими штрихами были обозначены герои – солдаты и матросы, и виновники поражения – «бездарные генералы». Впервые появился персонафицированный образ героя. Им стал вице-адмирал С.О. Макаров – «лучший военный моряк». Бездарностью руководства и плохой подго-

¹⁸ См., напр.: *Гуревич* 2004. С. 86.

¹⁹ См. подробнее: И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом»... 2002; 2003.

²⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)... С. 52–53.

²¹ *Ярославский* 1939. С. 13.

²² Там же. С. 3–4, 6.

²³ Там же. С. 9–10.

товкой армии Ярославский объяснил причины победы Японии. Качества противника, его подготовка – оказались второстепенными²⁴.

В складывающемся образе Русско-японской войны появились противоречия: во-первых, признание Японии агрессором и пораженческая позиция большевиков в годы войны; во-вторых, героизация некоторых эпизодов войны и негативная ленинская трактовка событий. Проблемы разрешились «верной» интерпретацией работ Ленина и попыткой связать героизм русской армии с войной, а поражение большевиков с революцией. Таким образом, солдаты-герои воевали с внешним врагом, а большевики-революционеры с внутренним – царизмом. Противоречия Ярославский объяснил просто: «35 лет назад мы были пораженцами в Русско-японской войне, т.к. эта война была войной империалистической, войной несправедливой. С 7 ноября 1917 г. мы стали оборонцами своего социалистического отечества, пламенными его патриотами»²⁵.

Тогда же, в 1939 г., с критикой взглядов М.Н. Покровского на Русско-японскую войну вышла статья А.Л. Сидорова²⁶. Она была опубликована в печально известном сборнике, посвященном критике школы Покровского²⁷. Среди прочего Сидоров отметил, что советский историк не может оправдывать японский милитаризм, он должен был разоблачить сущность агрессии Японии в 1904 г.²⁸

Поиски новой истории привели к созданию новых учебников истории²⁹. Очень важно было транслировать на детей с раннего возраста функциональные, патриотические образы прошлого: ведь школьники – это будущие красноармейцы. В 1938–1939 учебном году в школах СССР обучался 31 миллион человек. Из них 9 миллионов учились в 8–10 классах³⁰. Через несколько лет они оказались на фронтах Великой Отечественной войны, а в 1945 г. воевали с японцами в Маньчжурии.

«Учебник истории классовой борьбы. XVIII–XX века»³¹ не подходил для реализации поставленных задач. Это должен был быть учебник истории Отечества, и в 1937 г. он появился. В первом сталинском учебнике истории («Краткий курс истории СССР», под ред. А.В. Шестакова) Русско-японской войне уделялось пять абзацев, причем война представлялась как средство предотвращения революции (т.е. на конфликт Николай II шел сознательно), но агрессорами все же назывались японцы, ибо они первыми начали войну. Далее, по Сталину, «хорошо вооруженная и

²⁴ Там же. С. 13–17.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Сидоров 1939. Ч. 1. С. 460–494.

²⁷ См. подробнее: Артизов 1991; Пихоя 2004.

²⁸ Сидоров 1939. Ч. 1. С. 478, 480.

²⁹ См. подробнее: Как Сталин критиковал... 2004.

³⁰ Медынский 1947. С. 25, 72.

³¹ Бочаров, Иоаннисиани 1928.

обученная японская армия стала бить отсталую царскую армию, плохо вооруженную и руководимую бездарными генералами – взяточниками и ворами»³². Из истории войны осторожно устранялись наиболее одиозные оценки конфликта, вина за который перекладывается на Японию.

Более подробно Русско-японская война была описана в изданном в 1941 г. учебнике «История СССР» для 10-го класса средней школы³³, который потом долгие годы оставался единственным источником знаний по истории для большинства советских граждан, причем многочисленные переиздания претерпели незначительные изменения: каждый год учебник дополнялся описанием текущих событий. В 21-м издании, вышедшем в 1962 г., история Русско-японской войны подавалась так же, как в 1940-е гг.³⁴ Материал о ней размещался во второй главе «Русско-японская война. Революция 1905–1907 годов в России – первая народная революция эпохи империализма»³⁵. Школьники должны были понимать, что война с Японией была империалистической. Россия наряду с другими странами участвовала в разделе Китая. Вина за войну полностью возлагалась на Японию, которая целенаправленно готовилась к войне, обеспечивала себе союзников, строила флот и обучала армию. Образ русской армии узнаваем: нижние чины – герои, С.О. Макаров и Р.И. Кондратенко – талантливые военачальники, большинство генералов и офицеров не подготовлены к войне, а в армии процветает казнокрадство. А.М. Стесель, сдавший Порт-Артур, назван предателем и изменником. Тем не менее, оборона крепости, сражения в порту Чемульпо и в Маньчжурии, Цусимский бой представляются примерами героизма русских воинов³⁶.

В 1930-е гг. в СССР вышел ряд работ по истории Русско-японской войны³⁷. Их издание, видимо, не связано с кампанией против школы Покровского, хотя на определенном этапе и они были вовлечены в процесс пересмотра оценок прошлого. Скорее, их появление связано с обострением советско-японских отношений, восприятием Японии в правительственных кругах как потенциального противника из-за ее активных действий в Китае, оккупации в 1931 г. Маньчжурии и распространении зоны влияния Японии к границам СССР³⁸. Необходимость изучения потенци-

³² См.: Краткий курс истории СССР... 1937. С. 122. (Тираж учебника составил полтора миллиона экземпляров).

³³ См.: *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1948.

³⁴ Единственное изменение произошло после 1956 г.: исчезла связь Русско-японской и советско-японской войн, с цитированием речи Сталина 2 сентября 1945 г.

³⁵ *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1962. С. 17–21.

³⁶ *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1941. С. 24, 26–29, 38.

³⁷ Авторами были профессиональные военные: *Карбышев* 1933; *Левцкий* 1935; *Вотинов* 1939; *Птицын* 1941; Русско-японская война... 1933; *Колубовский* 1940; *Рабинович* 1940; *Гончаров* 1935; *Денисов* 1935.

³⁸ Подробнее о конструировании образа Японии в советской периодической печати см.: *Ложкина* 2010.

ального противника и вероятного театра боевых действий и привела советских ученых-военных к проблеме Русско-японской войны, так как будущая война, если она и должна была произойти, то на территории северо-восточного Китая. Преподаватель Военной академии командного и штурманского состава ВВС полковник Б.Г. Птицын в материалах по курсу военной истории отметил: «Опыт Русско-японской войны для нас и в настоящее время имеет большое значение. Изучение этой войны, как и всех японских империалистических грабительских войн, помогает изучению одного из самых наглых противников советского народа»³⁹.

Авторами исследований стали преподаватели Военной академии им. М.В. Фрунзе, которые позднее перешли во вновь образованную Академию Генерального штаба РККА, Д.М. Карбышев (1880–1945)⁴⁰ и Н.А. Левицкий (1887–1942). Д.М. Карбышев сам участвовал в войне с Японией 1904–1905 гг. и свою небольшую работу посвятил обороне Порт-Артура⁴¹. Наиболее полное исследование, подготовленное комбригом Н.А. Левицким, вышло в свет в 1935 г., но было подвергнуто критике за допущенные методологические ошибки: следование за оценками М.Н. Покровского⁴². В 1936 г. работа претерпела переиздание с исправлениями. Критики вновь обнаружили грубые идеологические ошибки и следы влияния Покровского⁴³, и Левицкий еще раз переработал свой труд, который вышел третьим изданием в 1938 г.⁴⁴

Для того чтобы понять, в каком плане происходила переработка книги, приведу один пример. В издании 1935 г. Н.А. Левицкий так охарактеризовал русского солдата: «забитый и бесправный крестьянин обнищавшей деревни – ни в какой мере не удовлетворял высоким требованиям, предъявлявшимся к бойцу сложными условиями войны нового времени как в области общего культурного развития, так и в отношении общей технической подготовки»⁴⁵. Здесь чувствуется влияние М.Н. Покровского. В переиздании 1936 г. в этом же месте читаем: «Русский солдат, храбрость, самоотверженность и стойкость которого в бою отмечались иностранцами на всем протяжении истории России, не мог удовлетворять на рубеже XX столетия высоким требованиям, которые предъявлялись к бойцу сложными условиями нового времени»⁴⁶. Но во всех изданиях остались неизменными характеристики русского офицерства и генералитета: низкое развитие, отсутствие инициативы и стремле-

³⁹ Птицын 1941. С. 63.

⁴⁰ Карбышев Дмитрий Михайлович... 1973. Т. 11. С. 409.

⁴¹ См.: Карбышев 1933.

⁴² См.: Иolk 1936.

⁴³ См.: Попов 1937.

⁴⁴ См.: Левицкий 1935; 1936; 1938.

⁴⁵ Левицкий 1935. С. 21.

⁴⁶ Левицкий 1936. С. 25.

ния к новаторству, неспособность к проявлению творческой инициативы⁴⁷. Этим автор и объяснил причины победы Японии.

Основная часть книги, посвященная описанию состояния вооруженных сил сторон, подробному анализу боевых действий в Маньчжурии, не менялась. Автор оставил за пределами своей работы события на море и оборону Порт-Артура, что было до него описано Д.М. Карбышевым. В этом заключалась одна из претензий рецензентов, а А.Л. Попов отмечал, что в книге не хватает показа действий живых людей, непосредственных участников сражений⁴⁸. Хотя Н.А. Левицкий в предисловии предупреждал читателей: «Книга написана применительно к требованиям Военной академии имени Фрунзе. Основное внимание уделено главнейшим операциям Русско-японской войны»⁴⁹, многие ожидали от него описания конкретных примеров героизма, а не сухого анализа передвижений войск, тактики и стратегии сторон. Попытки сделать книгу доступной не только для военных специалистов не увенчались успехом.

Книга Н.А. Левицкого не удовлетворила «государственный заказ» и запросы общества на героические символы. Работа над прошлым продолжилась. Этому способствовала и актуальность дальневосточной тематики: военные столкновения Красной Армии с японцами в 1938 г. у озера Хасан, а в 1939 г. на реке Халхин-Гол. И издания, посвященные Русско-японской войне, появились⁵⁰. В них авторы подробно остановились на примерах героизма русских войск. Вновь повторялся уже знакомый тезис: «Не доблесть японских войск, не талант японских генералов, а бесталанность Куропаткина и его ближайших помощников, гнилость царского строя дали победу японцам»⁵¹. В этих брошюрах война с Японией приобрела ожидаемую героическую основу. Появились «живые» солдаты и моряки, младшие офицеры – герои войны и примеры их героизма – Путиловская сопка (сражение на реке Шахэ), оборона Порт-Артура. Освещение героических эпизодов должно было убедить, что предстоящее столкновение будет победоносным для Красной Армии.

Великая Отечественная и советско-японская войны подвели черту под определенным этапом развития историографии Русско-японской войны. Речь Сталина 2 сентября 1945 г. по случаю капитуляции Японии явилась рубежной. Она оказалась не менее парадоксальной, чем «Краткий курс»: если ранее историки, публицисты, политики отмечали, что Русско-японская война – это преступление царизма, то теперь Сталин отмечал в обращении к народу: «Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время Русско-японской войны. Как

⁴⁷ Левицкий 1935. С. 24–25; 1936. С. 27.

⁴⁸ Попов 1937. С. 193.

⁴⁹ Левицкий 1935. С. 3.

⁵⁰ См.: Левин 1939; Лунин 1939; Быков 1942.

⁵¹ Левин 1939. С. 30.

известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, – напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. <...> Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. <...> Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»⁵².

Таким образом, Сталин связал разные события в один процесс противостояния России и Японии в Восточной Азии, которое завершилось победой России. Важно, что эта победа произошла под руководством генералиссимуса И.В. Сталина, что он положил конец череде поражений, которые начались в 1904–1905 гг., и продолжились японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Затрагиваемые события имели различную природу, по крайней мере, если руководствоваться работами В.И. Ленина и пониманием Русско-японской войны как империалистической. Должен ли был народ переживать разгром 1904–1905 гг., если Ленин назвал Портсмутский мир поражением не народа, а царского правительства? Должен ли был русский народ сорок лет ждать реванша, если не желал Русско-японской войны, если русские были справедливо биты за собственную отсталость?

Послевоенная историография Русско-японской войны восприняла новые идеи Сталина, которые воплотились в целом ряде работ⁵³. История войны получила законченный героический образ в учебной литературе⁵⁴. С России окончательно сняли вину за развязывание войны. Исследователи сформировали героические образы обороны Порт-Артура, боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в порту Чемульпо, а также героев войны С.О. Макарова, Р.И. Кондратенко, В.Ф. Руднева и др.

Опираясь на статьи В.И. Ленина, историки по-прежнему определяли войну как империалистическую, однако роль России в разжигании конфликта нивелировалась. Ведущими игроками на восточноазиатской арене представлялись США и Великобритания, которые подтолкнули Японию к войне с Россией. Например, у Е.Д. Черменского читаем: «Полвека назад хищническая военно-феодалная Япония, провоцирует»

⁵² Сталин 1948. С. 204–205.

⁵³ См.: Сидоров 1946; Сидоров, Панкратова 1951; Сорокин 1947; 1948; 1951; 1954; 1955; 1956; Пантелеев 1951; Быков 1951.

⁵⁴ Базилиевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт 1948. С. 45, 304.

мая и активно поддерживаемая империалистами США и Англии, совершила нападение на Россию»⁵⁵. Япония выступает инициатором войны, так как ей нужен плацдарм на материке. Кроме того, позиции России придается позитивная окраска за счет того, что она выступает в роли защитника интересов Китая⁵⁶. Так война превратилась из империалистической в оборонительную для России.

Образ России и русской армии в работах А.Л. Сидорова, А.И. Сорокина, Е.Д. Черменского неоднороден. По классовому признаку выделяются две группы: помещики и буржуазия – с одной стороны, крестьяне и рабочие – с другой. Первые предстают инициаторами империалистической политики царского правительства и угнетают вторых внутри страны. Вторые не заинтересованы в войне, но они – патриоты, защитники родины, и поэтому вынуждены сражаться на двух фронтах: внешнем – с японцами и внутреннем – с господствующим классом. Вооруженные силы империи отражают отсталость государства, в армии, как и внутри страны, наблюдается противостояние двух лагерей. Защитники отечества, герои – это нижние чины, лучшие представители офицерства, некоторые генералы и адмиралы. Их образ персонифицируется в героических фигурах С.О. Макарова, В.Ф. Руднева, Г.П. Беляева, А.С. Сергеева, Р.И. Кондратенко⁵⁷, которые опираются на богатые русские военные традиции⁵⁸. Им противостоят «предатели», представители «господствующего класса» Е.И. Алексеев, А.М. Стессель, А.В. Фок, «бездарные», «тупые» командиры, которые способствовали засилью в армии «рутины» и «косности», «самодурства» и «канцелярщины». Разнородность командования не позволяла активно действовать и принимать быстрые и адекватные решения⁵⁹. Поэтому, несмотря на героизм солдат и матросов, высокий моральный дух, русской армии не удалось одержать победу. Оправдывается и пораженческая позиция большевиков, выступавших за обращение штыков против внутреннего врага – самодержавия⁶⁰.

Образ врага состоит из трех действующих лиц – Японии, США и Великобритании. США и Англия представляются главными действующими лицами: они руками Японии ослабляют Россию, чтобы подчинить себе Китай. Япония – это агрессор, который долго и упорно готовился к войне. Японцы наделены чертами вероломства, за ними численное превосходство и выгодная обстановка. Япония – динамично развивающаяся, индустриальная страна, имеющая кадровую армию, не лишенную, однако, недостатков. Победы японцев объясняются в большей мере

⁵⁵ Черменский 1954. С. 3.

⁵⁶ Сидоров 1946. С. 10; Черменский 1954. С. 11.

⁵⁷ Сорокин 1954. С. 149–150; Сидоров 1946. С. 52.

⁵⁸ Черменский 1954. С. 18–28, 32–33.

⁵⁹ Сорокин 1954. С. 29, 36, 42, 70, 130, 133, 162; Сидоров 1946. С. 42.

⁶⁰ Черменский 1954. С. 29; Сорокин 1954. С. 57.

не подготовленностью войск, а поддержкой союзников, просчетами русского командования, его бездарностью⁶¹.

Так после Великой Отечественной войны был сконструирован популярный (упрощенный) канонический образ Русско-японской войны. За его рамками остались исследования Б.А. Романова. В 1928 г. Б.А. Романов не оставил тему Русско-японской войны и продолжил изучение международных отношений в Восточной Азии. В 1934–1935 гг. он подготовил книгу «Русско-японская война. 1895–1905 (политико-исторический очерк)» и в 1941 г. по этой работе защитил докторскую диссертацию⁶². Труд вышел в свет в 1947 г.⁶³ и получил положительные отзывы, монография чуть не была номинирована на Сталинскую премию⁶⁴. Автору посоветовали продолжить исследование и подробнее остановиться на вопросе о мирных переговорах в Портсмуте⁶⁵. Работа над вторым изданием была драматична. Первым ударом стал отказ в доступе к материалам Архива внешнеполитической разведки. В письме к В.Н. Куну Б.А. Романов отмечал: «В этой работе (поистине каторжной, как вспомню, и для мозговых сосудов, и для глаз) меня увлекало то, что я называю сцепкой фактов, рассыпанных по всему земному шару и сплетавшихся во взаимозависимости. Такова, например, переключка шести империалистических столиц во время Портсмутской конференции...»⁶⁶. Последнюю безуспешную атаку на книгу произвел генерал-майор и автор книг по истории Русско-японской войны А.И. Сорокин. Б.А. Романов писал Н.Л. Рубинштейну: «Издательство передало мне контрольную рецензию генерала Сорокина, разнесшего меня в пух за отсутствие патриотизма, недружелюбие ко всему русскому, за пристрастие к “болтовне” дипломатов и за краткость в отношении всего военного...» (31 августа 1955 г.)⁶⁷. Однако рецензия Сорокина не повлияла на выход книги и ее содержание. В 1955 г. появилось второе издание «Очерков дипломатической истории Русско-японской войны»⁶⁸.

В «Очерках дипломатической истории Русско-японской войны» историк продолжил «возведение непроницаемой плотины из фактов»⁶⁹. Автор так обозначил задачи книги: 1) показать, как «к этой войне толкали царское правительство крупная буржуазия, искавшая новых рынков,

⁶¹ Сорокин 1954. С. 27, 74, 173.

⁶² Ананьич 1991; Панях 1993. С. 129, 131; 2000. Т. 1. С. 235.

⁶³ См.: Романов 1947.

⁶⁴ Панях 2000. Т. 1. С. 240.

⁶⁵ См.: Гальперин 1948.

⁶⁶ Цит. по: Панях 2000. Т. 1. С. 243.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Романов 1955.

⁶⁹ Цит. по: Панях 2000. С. 103. В этой фразе, произнесенной Б.А. Романовым на защите докторской диссертации в 1941 г., выражается определение позитивистской методологии, которой придерживался историк в своих трудах.

и наиболее реакционные слои помещиков», т.е. проиллюстрировать «Краткий курс» истории ВКП (б); 2) показать захватнический характер политики японского империализма, и 3) показать сложную работу дипломатий всех шести держав, результатом которой явилось первичное оформление Антанты в 1907 г.⁷⁰ Б.А. Романов согласился с империалистическим характером войны, но многократно подчеркнул, что русский империализм отличался от японского, английского или американского: дальневосточная политика России имела позитивные последствия⁷¹. Выступая с патриотической позиции, он не обошел вниманием и «японский милитаризм». Однако у него трудно найти героические образы, он не касается боевых действий, отправляя читателя к труду Н.А. Левицкого, и сосредоточивается на дипломатической истории. Для него было гораздо важнее выявить многочисленные дипломатические каналы и способы сношений по ним, поэтому в работе предстает образ Земного шара, на котором в разных уголках происходит «международная игра». Историк пытался изобразить ее во всех подробностях, представив войну проявлением или апофеозом дипломатического процесса. Он доказал, что Русско-японская война была в последнюю очередь вызвана противоречиями между Россией и Японией. Важнейшей причиной конфликта была необходимость определить соотношение сил в англо-германском противостоянии и принадлежность России к тому или иному блоку. Так Россия приобрела образ жертвы в руках великих держав – Англии, США, Германии, Франции. Война 1904–1905 гг. определила место России в грядущей схватке⁷². Самой войне уделяется второстепенное значение, ибо боевые столкновения – лишь вершина вскрытой историком мировой политической, стратегической, геополитической борьбы.

Существенные дополнения не изменили характера книги. Рецензент Л.А. Березный отмечал: «Романов исходил из оценок войны Лениным. Автор всей своей книгой убедительно доказывает, что война была порождена столкновением империалистических интересов царской России и Японии, и, хотя эту империалистическую войну непосредственно развязала Япония, за ее спиной стояли англо-американские империалисты»⁷³. Б.А. Романов не стремился кого-то разоблачить. Он остался верен традициям петербургской школы и выше всего ставил документ и факт, за которыми следовал, восстанавливая картины прошлого. Его труды занимают особое место в историографии Русско-японской войны. Советские историки неоднократно подчеркивали полноту научного анализа, яркую форму изложения материала. Работы Б.А. Романова не формировали упрощенно-патриотический образ войны. Они предостав-

⁷⁰ Романов 1947. С. 6–7.

⁷¹ Там же. С. 44.

⁷² Романов 1947. С. 161, 396; 1955. С. 4.

⁷³ Березный 1957. С. 189.

ляли возможность читателю делать самостоятельные выводы, опираясь на бескрайнее «полотно фактов». Поэтому многие учебные пособия включали его книги в списки рекомендуемой литературы⁷⁴.

Однако начало «Холодной войны» поставило вопрос о разоблачении империалистической, захватнической сущности США. В рамках истории Русско-японской войны ученые начали акцентировать внимание на экспансионистской политике США в Восточной Азии: американцы стали чуть ли не главными инициаторами войны⁷⁵. В истории XIX века обнаружили множество примеров экспансии западных стран в Китае, борьба которых и привела к Русско-японской войне. Япония представлялась орудием в руках Англии и США. В связи с началом «Холодной войны» наметились некоторые изменения и в историографии Русско-японской войны. Так, изменился порядок перечисления государств, наиболее активно проникавших в Китай: если ранее перечень возглавляла Англия, то теперь США. Историки «вспомнили» продажу Аляски в 1867 г., проникновение американцев на русский Дальний Восток, неравноправные договоры с Китаем и Японией, доктрину «открытых дверей» в подтверждение экспансионистских позиций США в Азии⁷⁶, что связывается с современностью: войной в Корее в 1950–1953 гг.

В 1920–1950-е гг. образ Русско-японской войны в культурной памяти претерпел существенные трансформации. После революционных потрясений 1917 г., Гражданской войны и установления советской власти место политической элиты заняли недавние маргиналы. До революции непопулярный, непатриотичный, «радикальный» образ Русско-японской войны получил возможность занять доминирующую позицию. Однако уничтожение героического прошлого, упразднение символов доблести предков, интернационализация истории не нашло поддержки в широких слоях населения. Общество нуждалось в комфортном прошлом. Культурный поворот 1930-х гг. нивелировал ленинскую революционную риторику и запустил процесс реставрации традиционных, героических, значимых символов. Этот процесс отразился и на Русско-японской войне, особенно после победы над Японией в 1945 г. Война с Японией, отдельные сражения стали примерами героизма русской армии. Кульминацией коммеморации этой темы явилась 50-летняя годовщина войны, в ходе которой на государственном уровне осуществлялась легитимации героического образа Русско-японской войны⁷⁷.

⁷⁴ См., например: *Черменский* 1965. С. 85; *Бовыкин* 1960. С. 205.

⁷⁵ См.: *Гальперин* 1947; *Международные отношения...*; *Добров* 1952.

⁷⁶ См.: *Нарочницкий* 1956.

⁷⁷ *Антитин* 2012.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ананьич Б.В. Мемуары С.Ю. Витте в творческой судьбе Б.А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Романова / отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1991. С. 30–40.
- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
- Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102–120.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 7-е. М., 1948; Изд. 21-е. М., 1962.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учебник для X класса средней школы под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941.
- Безобразовский кружок летом 1904 г. / вступ. ст. Б.А. Романова // Красный архив. 1926. № 17. С. 70–80.
- Березный Л.А. Б.А. Романов Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 188–193.
- Бовыкин В.И. Очерки внешней истории России: конец XIX века – 1917 год: Пособие для учителя. М., 1960.
- Бочаров Ю.М., Иоаннисиани А.З. Учебник истории классово-борьбы. XVIII–XX века / под общ. ред. А.Д. Удальцова. Изд. 2-е стереотип. М.; Л., 1928.
- Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.
- Быков П.Д. Сражение у о. Цусима // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 348–367.
- Быков П. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М., 1942.
- В штабе адм. Е.И. Алексеева: (Из дневника Г.А. Плансона) / вступ. ст. А.Л. Попова // Красный архив. 1930. № 41–42. С. 148–204.
- Вильгельм II о Русско-японской войне и революции 1905 года / подготовка текста и коммент. А.А. Сергеева // Красный архив. 1925. № 9. С. 56–65.
- Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939.
- Гальперин А. Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М., 1947.
- Гальперин А. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 гг. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1947. 492 с. // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 122–128.
- Гончаров Л.Г. Некоторые тактические уроки Цусимы: (К тридцатилетию Цусимского боя) // Морской сборник. 1935. № 10. С. 12–37.
- Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.
- Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества в первые послереволюционные десятилетия // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / под ред. А.В. Гладышева, Б.Б. Дубенцова. СПб., 2006. С. 133–147.
- Денисов Б. Минная война у Владивостока в 1904–1905 гг. // Морской сборник. 1935. № 10. С. 26–31.
- Денисов Б. Минная война у Порт-Артура в 1904 г. // Морской сборник. 1935. № 10. С. 86–95.
- Дневник А.Н. Куропаткина / вступ. ст. М.Н. Покровского // Красный архив. 1922. № 2. С. 5–117.
- Добров А. Дальневосточная политика США в период Русско-японской войны. М., 1952.
- И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом» истории ВКП (б) / вступ. ст. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 3–29; № 12. С. 3–26; 2003. № 3. С. 3–23; № 4. С. 3–25.
- Из писем ген. Н.Н. Левашова А.Н. Куропаткину // Красный архив. 1926. № 14. С. 216–222.
- Июль Е. «Русско-японская война 1904–1905 гг.» // Правда. 1936. 31 июля.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938.
- Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936) / вступ. ст. и публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3–30.
- Карбышев Д. Оборона Порт-Артура (1904 год). М., 1933.

- Карбышев Дмитрий Михайлович // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М., 1973. Т. 11. С. 409.
- Колубовский И. Библиография о Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 6. С. 140–142.
- Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.
- Левин Н.М. Атака Путиловской сопки: Эпизод из сражения на реке Шахэ Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1939.
- Левитский Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935; Изд. 2-е, испр. М., 1936; Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1938.
- Ложкина А. Два огромных зуба, торчащих изо рта: Формирование образа Японии в советской периодической печати // Родина. 2010. № 9. С. 10–12.
- Лукин Б. В. Донские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1939.
- Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М., 1947.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / под общ. ред. Е.М. Жукова. М., 1951.
- Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956.
- Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеология «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109–123.
- Панях В.М. Борис Александрович Романов (1889–1957) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Москва; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 228–246.
- Панях В.М. Борис Александрович Романов: Письма друзьям и коллегам // Отечественная история. 1993. № 3. С. 125–154.
- Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
- Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. / вступ. ст. Г. Стопалова // Красный архив. 1926. № 19. С. 64–82.
- Письма В.В. Верещагина Николаю Романову // Красный архив. 1931. № 45. С. 167–171.
- Письмо ген. А.М. Стесселя ген. В.Г. Глазову о начале Русско-японской войны / вступ. ст. В. Селванова // Красный архив. 1926. № 16. С. 218–220.
- Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28–53.
- Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Платт К.М. Ф. Репродукция травмы: Сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 63–85.
- Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1967. Кн. 3.
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 2-е перераб. М.; Л., 1926. Ч. III: XX век. Вып. I: 1896–1906.
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. III: XX век. Вып. I: 1896–1906.
- Попов А. Б.А. Романов. «Россия в Маньчжурии (1892–1906)» // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 173–182.
- Попов А. Левитский Н. Русско-японская война 1904–1905 годов. Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР. 2-е испр. изд. М., 1936 // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 192–197.
- Портсмут / вступ. ст. Б.А. Романова // Красный архив. 1924. № 6. С. 3–47; № 7. С. 3–31.
- Птицын Б.Г. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Материалы по курсу военной истории. Тема № 10 / под ред. Е.И. Татарченко. Монино, 1941.
- Рабинович М. Химические средства в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 127–128.
- Романов Б.А. «Лихунчангский фонд»: Из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 77–126.
- Романов Б.А. Концессия на Ялу: К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое: Историч. сборник / под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Ю. Гессена. Пг.; М., 1923. С. 87–108.

- Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; Изд. 2-е испр. и доп. М.; Л., 1955.
- Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.
- Русско-японская война: сб. мат-лов / сост. П.Ф. Яровой, под ред. и с предисл. В.П. Викторова. Л., 1933.
- Сидоров А.Л. Русско-японская война (1904–1905 гг.). М., 1946.
- Сидоров А.Л., Панкратова А.М. Русско-японская война. Первая буржуазно-демократическая революция в России (1905–1907 гг.): Лекции, прочитанные в высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1951.
- Сидоров А. Ошибки М.Н. Покровского в оценке Русско-японской войны 1904–1905 годов // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 460–494.
- Сорокин А.И. Бой в Желтом море 28 июля 1904 года // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 319–331.
- Сорокин А.И. Военное и военно-морское искусство во время героической обороны Порт-Артура // Русское военно-морское искусство / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 336–348.
- Сорокин А.И. Выдающийся русский флотоводец С.О. Макаров // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 283–299.
- Сорокин А.И. Героическая оборона Порт-Артура. М., 1955.
- Сорокин А.И. Действия Владивостокских крейсеров и бой 1 августа в Корейском проливе // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 331–336.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. М., 1947.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура: Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1948.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура: Русско-японская война. М., 1954.
- Сорокин А.И. Подготовка Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 303–319.
- Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг.: (Военно-исторический очерк). М., 1956.
- Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1948.
- Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 509–556.
- Черменский Е.Д. История СССР: Период империализма (90-е гг. XIX в. – март 1917): Пособие для учителей и студентов педвузов. Изд. 3-е, переработ. и доп. М., 1965.
- Черменский Е.Д. Русско-японская война 1904–1905 годов. М., 1954.
- Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 124–132.
- Ярославский Е. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.

REFERENCES

- Anan'ich B.V. Memuary S.Ju. Vitte v tvorcheskoj sud'be B.A. Romanova // Problemy social'no-jekonomicheskoj istorii Rossii: sb. statej k 100-letiju so dnja rozhdenija B. A. Romanova / отв. ред. А.А. Fursenko. SPb., 1991. S. 30–40.
- Antipin N. A. 50-letie Russko-japonskoj vojny v SSSR: kommemorativnye praktiki, 1954–1955 // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 79–93.
- Artizov A N. Kritika M.N. Pokrovskogo i ego shkoly (k istorii voprosa) // Istorija SSSR. 1991. № 1. S. 102–120.
- Bereznyj L.A. B.A. Romanov Oчерки diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907 // Voprosy istorii. 1957. № 12. S. 188–193.
- Brandenberger D. Nacional-bol'shevizm. Stalinskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956). SPb., 2009.
- Gurevich A.Ja. Istorija istorika. M., 2004.
- Danilov V.N. Vlast' i formirovanie istoricheskogo soznaniya sovsetskogo obshhestva v pervye poslerevoljucionnye desjatiletija // Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka / pod red. A.V. Gladysheva, B.B. Dubencova. SPb., 2006. S. 133–147.

- I.V. Stalin v rabote nad «Kratkim kursom» istorii VKP (b) / vstup. st. M.V. Zelenova // Voprosy istorii. 2002. № 11. S. 3–29; № 12. S. 3–26; 2003. № 3. S. 3–23; № 4. S. 3–25.
- Kak Stalin kritikoval i redaktiroval konspekty shkol'nyh uchebnikov po istorii (1934–1936) / vstup. st. i publ. M.V. Zelenova // Voprosy istorii. 2004. № 6. S. 3–30.
- Lozhkina A. Dva ogromnyh zuba, torchashhih izo rta: Formirovanie obraza Japonii v sovetskoj periodicheskoj pečati // Rodina. 2010. № 9. S. 10–12.
- Mezhdunarodnye otnoshenija na Dal'nem Vostoke (1870–1945 gg.) / pod obshh. red. E.M. Zhukova. M., 1951.
- Narochnickij A.L. Kolonial'naja politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke 1860–1895. M., 1956.
- Odesskij M.P., Fel'dman D.M. Ideologija «patriot» v russoj, sovetskoj i postso-vetstkoj kul'ture // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 1. S. 109–123.
- Panejah V.M. Boris Aleksandrovich Romanov (1889–1957) // Portrety istorikov: Vremja i sud'by. V 2 t. Moskva; Ierusalim, 2000. T. 1. S. 228–246.
- Panejah V.M. Boris Aleksandrovich Romanov: Pis'ma druž'jam i kollegam // Otechestvennaja istorija. 1993. № 3. S. 125–154.
- Panejah V.M. Tvorčestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb., 2000.
- Pihoja R.G. Vostrebovannaja vremenem istorija. Otechestvennaja istoričeskaja nauka v 20–30-e gody XX veka // Novaja i novejšaja istorija. 2004. № 2. S. 28–53.
- Plaggenborg Sh. Revoljucija i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdru Ok-tjabr'skoj revoljucij i jepohoj stalinizma. SPb., 2000.
- Platt K.M.F. Reprodukcija travmy: Scenarii russoj nacional'noj istorii v 1930-e gody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 2. S. 63–85.
- Pokrovskij M.N. Izbrannye proizvedenija v chetyreh knigah. M., 1967. Kn. 3.
- Romanov B.A. Očerki diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907. M.; L., 1947.
- Romanov B.A. Očerki diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907. Izd. 2-e ispr. i dop. M.; L., 1955.
- Sidorov A.L. Russko-japonskaja vojna (1904–1905 gg.). M., 1946.
- Sorokin A.I. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gg.: (Voenno-istoričeskij očerok). M., 1956.
- Tarle E.V. Graf S.Ju. Vitte. Opyt karakteristiki vneshnej politiki // Tarle E.V. Sočinenija. M., 1958. T. 5. S. 509–556.
- Chermenskij E.D. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 godov. M., 1954.
- Shapovalov V.F. Rossijskij patriotizm i rossijskij antipatriotizm // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 1. S. 124–132.

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (Челябинск); antipin87@mail.ru

Manipulation of memory: the transformation of images of the Russian-Japanese war in the Soviet historiography, 1920s – 1950s

The article deals with the process of transformation of images, evaluation, and perception of the Russian-Japanese War of 1904–1905 in Soviet historical science in the 1920s – 1950s. On the basis of historiographical sources, three stages are reconstructed: “struggle” with the heroic past (1920s), attempts to find a compromise between the international ideology and heroic characters (1930s), rehabilitation of war and embedding it in a heroic past (since 1945).

Keywords: the Russian-Japanese War of 1904–1905, images of war, cultural memory, historiography, commemoration

Nikolay Antipin, Ph. D (History), Associate Professor of the Department domestic and foreign stories of the South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, antipin87@mail.ru

Р. С. ЧЕРЕПАНОВА

**ЖИЗНЬ КАК РОМАН
ПУБЛИЧНОЕ «ПРИВАТНОЕ» И ФЕНОМЕН «САМОСОЧИНЕНИЯ»
В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Представляемая статья анализирует феномен личного дневника с точки зрения переплетения в нем приватного и публичного. Выделяя разные уровни и языки приватности, рассматривая дневник как нарратив, автор опирается на работы Х. Уайта и на концепцию «самосочинения» (автофикшн). На примере одного конкретного личного дневника 1960-х гг. прослеживается тождество культурных, мировоззренческих и поведенческих стереотипов русской / советской, интеллигенции на протяжении двух столетий. Источник – личный дневник Николая В. из фондов Центрального Московского Архива-Музея Личных Собраний – впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: *дневник, нарратив, приватное, публичное, дискурс, интеллигенция*

Несколько лет назад в одном из фондов Центрального Московского Архива-Музея Личных Собраний в мои руки попал личный дневник некоего молодого человека, Николая В-ского, датированный 1962-1967 гг. Документ этот, никого из исследователей, очевидно, прежде не заинтересовавший, производил странное впечатление искусственности и вымученности: словно автор писал его не из внутренних побуждений, а по обязанности, выполняя нелегкий долг. Поражало сочетание книжно-возвышенных оборотов с шокирующим натурализмом отдельных описаний. Озадачивали старомодные практики предоставления дневника для прочтения другим лицам (в частности, матери), или коллективного ведения записей (с друзьями). Удивляло огромное для двадцатилетнего «тепличного» юноши, количество мазохистских самобичеваний, вряд ли заслуженных. Не вполне обычным было и то, что дневник молодого человека хранился в бумагах его матери, довольно известного советского историка, и после ее смерти вместе с другими документами попал в ее персональный архивный фонд. А что же сам Николай, как сложилась его судьба? Информации на этот счет в архиве не имелось. После непростых розысков в социальных сетях мне удалось списаться с сыном Николая, который сообщил, что отец его, ныне покойный, прожил вполне заурядную и благополучную преподавательскую жизнь, никаких личных дневников домашним не оставил и о своем юношеском дневнике никогда при близких не вспоминал. В завершении беседы сын любезно разрешил мне использовать записи его отца в качестве исторического источника.

Прояснив этим разговором одни вопросы, взамен я получила другие. Почему Николай, уже пожилой к тому времени человек, отдал в архив вместе с бумагами матери и свой весьма откровенный юношеский дневник, но не выразил желания оставить потомкам никаких иных своих

документов? В то, что дневник мог попасть в собрание случайно – то есть в то, что профессиональный историк Николай передал в архив бумаги матери, тоже историка, хотя бы не просмотрев их – верилось с трудом. Если же столь интимный текст уже не был дорог своему автору, его (текст) можно (и должно) было бы или уничтожить, или передать сыну и внукам в качестве опыта «воспитания чувств». Однако Николай предпочел оставить свои самые сокровенные переживания духовного и физического плана на суд безвестного будущего коллеги-историка. Как прежде доверил их на хранение матери-историку. Или, точнее: историку-матери, поскольку духовно-корпоративные связи определенно оказывались в этом случае приоритетнее кровных и личных. На этом фоне то простое обстоятельство, что прочие свои бумаги, вполне прозаического и публичного характера, Николай в архив передавать не пожелал, также стало приобретать особое значение. Получалось, что интимное он сознательно стремился сделать публичным, а публичное (справки, статьи, открытки, дипломы, официальные автобиографии, какие в обилии писали советские люди по заказу различных партийных, профсоюзных и делопроизводственных служб) – оставить в интимном пространстве семьи.

Невозможно было от всех этих перевертышей не погрузиться в размышления о природе частного и публичного, и о природе дневникового пространства, в частности. Известно, что писание дневника чаще всего представляется занятием интимным, совершающимся исключительно для самого себя в ситуациях дефицита общения или же по причинам повышенной персональной рефлексивности и занудности¹. Существует, однако, и противоположное мнение о дневнике как о некоем общественном перформансе, хотя бы в силу того простого обстоятельства, что уже «сам акт письма подразумевает некоторую публичность, адресованность...»², а дневник, ведущийся в чистом виде «для себя», в идеале подлежал бы уничтожению³. Иными словами, как утверждают специалисты: «...многие дневники мы прочли, и ни один из них, кажется, не был предназначен исключительно для собственного употребления»⁴. В пользу именно второй интерпретации дневника как способа кокетливой игры вокруг темы приватности говорит и то обстоятельство, что еще задолго до появления блогов и ЖЖ – в XVIII и XIX столетиях – личные дневники активно передавались на прочтение друзьям и возлюбленным, оставались в назидание внукам, завещались к посмертной публикации или даже издавались при жизни автора.

Все дело в том, что с самого момента своего изобретения приватность (которая есть в полной мере продукт Нового времени) выступала

¹ Михеев 2007. С. 5, 18.

² Савкина 2000. С. 104.

³ Михеев 2007. С. 123.

⁴ Кобрин 2003. С. 291.

маркером элитарности. Поэтому ее наличие гордо позиционировали и – каким бы оксюмороном это не казалось – публично демонстрировали. Соответственно кругу этого позиционирования, можно определить несколько уровней приватности: 1) для демонстрации обществу в целом и 2) своей социальной группе, 3) для демонстрации кругу знакомых, коллег, соседей, 4) для «использования» в компании друзей, любовников, семьи, 5) для самого себя (то, что может быть проговорено и, таким образом, сохранено в виде источников), и, наконец, 6) то, что невозможно проговорить даже самому себе, что остается вне речевых практик и, следовательно, в значительной своей части ускользает от исследователя.

Все эти уровни могут сосуществовать в личном дневнике, как средстве фиксации и позиционирования приватности, и ясно различаются по набору используемых речевых конструкций. Так, тексты, написанные в чистом виде «для себя» («пятый» уровень приватности) едва ли будут полны риторических вопросов, развернутых литературных описаний, пояснений о деталях, которые неизвестны посторонним, самооправданий и обращений («помилосердствуйте», «видите ли», «только ты, мой дневник», и т.п.), – то есть того, что выдает интервенцию публичности в виде литературных или политических дискурсов. Зато эти тексты полны сокращений и обрывов, непонятных для постороннего. Они кажутся скучными именно потому, что автор не описывает обстоятельства или чувства, а делает лишь пометки о них. Он может написать: «Получил письмо от Маши», или: «Замечательно гулял, много думал», или: «Поссорился с В.», или: «Опять А. С этим нужно что-то делать», и этого упоминания ему будет достаточно, чтобы через многие годы вспомнить и ситуацию, и свои переживания в этот момент. Классический пример такого рода записей – дневники Николая II, о которых принято было писать в советскую эпоху, что они поражают своей пустотой.

Все остальные тексты могут быть в той или иной степени признаны тем, что я уже назвала выше игрой вокруг приватности. В немалой доле случаев эта игра призвана удовлетворять тщеславию автора, который посредством дневника стремится показать миру и самому себе, чего он на самом деле стоит: как он умен, тонок, наблюдателен, какую интересную жизнь ведет, с какими солидными людьми входит в соприкосновение, и как его любят, наконец. Автор таких дневников может никогда никому их не показывать, и все-таки они будут написаны вовне, для публики («для истории») и принадлежать публичному дискурсу. При этом чрезвычайно интересно сравнивать, в каком градусе, в каком круге приватности помещаются у каждого конкретного автора хозяйственно-бытовые, физиологические, любовные, эротические или политические записи: что на самом деле для него является наиболее интимным, то есть наименее помещенным в публичный дискурс и наименее пригодным для озвучивания?

Дихотомия «публичное-приватное» становится еще более запутанной, когда речь заходит о текстах, рожденных в кругу интеллигенции. «Общее дело», наличие «общественных интересов» и гражданской позиции, которые очень часто по объективным причинам невозможно широко озвучить и тем более реализовать, становились неперемненными атрибутами внутренней («частной») жизни российских интеллигентов, как дореволюционных, так и советских. Для них заменой неосуществленной гражданской деятельности и формой привлечения общественного внимания нередко выступал гипертрофированный интерес и болезненное фокусирование на интимной стороне человеческого существования и человеческих взаимоотношений, демонстративное выставление интимности напоказ в качестве своеобразного симулякра «свободы». Кого-то к этому подталкивало классическое интеллигентское стремление к «побиванию» телесности ради возвышения «духа». В некоторых случаях можно предположить и чисто художественное любопытство к творческим экспериментам на грани порнографии.

Наконец, не стоит отождествлять собственно приватность и язык говорения о приватности. Одно вполне может не совпадать с другим или существовать без другого. Когда, анализируя автобиографический текст полуграмотной женщины «из народа» Евгении Киселевой, Н. Козлова и И. Сандомирская утверждают, что в том кругу, в котором живет автор, еще не сформировалась область приватности⁵, хочется возразить, что, на самом деле, Евгения Киселева имела ровно ту же «частную жизнь», что и большинство советских людей. Но вот язык, которому эта женщина училась в начальной школе, по советским газетам, официальным речам, телепередачам, язык ее рабочего и зачастую полумаргинального окружения едва ли был пригоден для публичного выражения и передачи этой приватности. Впечатление «пустоты» от дневников Николая II или Брежнева также в первую очередь создает их язык – язык функционеров, привыкших к стилистике официальных документов. Но совсем другую картину мы обнаруживаем в дневниках интеллигенции. Даже в сталинскую эпоху, стремившуюся предельно сжать и поставить под государственный контроль сферу приватного, эти люди, активно читавшие классическую литературу, могли выражать и выражали свои чувства, в зависимости желания и настроения, в разных оттенках, от насыщенно-грубоватого до прозрачно-лиричного. Ярким примером тому служит известный дневник совсем молодой девушки, дочери московского журналиста Нины Костериной. С детства погруженная в литературную среду, она замечательно свободно владеет разными языками выражения приватности, описывая и свой быт, и свои эстетические, гражданские, дружеские и даже эротические (в самых разных нюансах) переживания. Здесь ей, как и многим дру-

⁵ Козлова, Сандомирская 1996. С. 67.

гим дневниковисателям, конечно, приходят на помощь многочисленные романы и повести, с XVIII в. лавинообразно захватывающие литературный рынок, написанные в форме дневника, и, соответственно, обучающие читателя тому, какие события следует включать в приватное пространство, как их переживать и каким языком описывать. Эти произведения предписывают порядочному человеку иметь, обдумывать и переживать как явления своего приватного пространства события эстетические, «гражданственные», эротические, а также, разумеется, особое место занимает «дружба» и размышления о ее природе. Все эти элементы мы ожидаемо находим в дневнике интеллигентной девочки Нины Костериной. Она демонстрирует все причитающиеся аспекты состоявшейся приватности духовно развитого человека. А богатство языка, способность выстроить связный нарратив, обилие персонажей, каждый из которых прослежен в собственной внутренней эволюции, многоуровневость повествования (мы видим картины внутреннего мира автора, события личной и семейной истории, школьного и университетского сообществ, страны в целом), и, наконец, невероятная для «простой школьницы» литературность дневника Нины Костериной поднимают его практически до уровня герценовских «Былого и дум». И, так же, как в случае с Герценом, заставляют поставить вопрос о степени фактической достоверности этого «дневника». Допридумывание, «подправление» реальности в сторону, удобную для поддержания желаемой самоидентификации автора, является важнейшей функцией дневниковисания вообще, но в некоторых случаях возвышается до уровня autofiction, сочинения себя, самосочинения⁶. Человек не только пишет свою жизнь, как роман, но и тут же проживает ее как роман. Так, добрую половину своей, Героя и Борца, биографии, как она зафиксирована и в дневниках, и тем более в «Былом и думах», Герцен художественно «подправил», тут же, на ходу, искренне проживая описываемые чувства и обстоятельства⁷. В других своих сочинениях («Кто виноват?», «Доктор Крупов») не очень яркий беллетрист, хотя и мечтавший о славе большого писателя, Герцен лучший свой роман написал о себе самом. Причем слово «роман» следует понимать не в метафорическом, а в самом буквальном смысле, как обозначение литературной формы, развивающей «драму самоидентификации» героя (Х. Уайт), рисующей его трудный путь к себе. Даже не поднявшийся до подлинного autofiction, простой и безыскусный дневниковисатель все равно пребывает в рамках романного мышления, то есть выстраивает свои записи драматургически, организывает их ритм, медленные философские размышления чередует с «экшенами», следит за красотой и выразительностью фраз, развивает сюжет – о становлении личности центрального персонажа – и, соответ-

⁶ Левина-Паркер 2010. № 103.

⁷ Подробнее об этом см., напр.: Малия 2010; Паперно 2010.

ственно, относится к своему образу в дневнике как к персонажу. Нельзя не отметить по этому поводу поразительную драматургическую выстроенность дневника Нины Костериной, в котором читатель последовательно проходит через «пролог» (наслаждение невинностью мира и самой героини), затем через момент «грехопадения» мира и героини (арест отца, мучающие ее и кипящие вокруг нее чужие страсти), затем следует преодоление кризиса, апофеоз и катарсис (приход настоящей зрелой любви, осознание истинной дружбы), и, наконец, закономерный итог-подвиг, к которому все предшествующее было только приготовлением (уход героини на фронт и ее последующая гибель). Свой дневник, включая самые сокровенные его страницы, Нина изначально писала не только для себя: он нередко бывал доступен ее приятелям, он был прямо завещан ее друзьям, а обращен, по сути, к самой широкой аудитории близких по духу интеллектуалов. И так же, как «Былое и думы» стали, по меткому замечанию Ирины Паперно, матрицей для русской интеллигентской автобиографической и дневниковой прозы, дневник Нины Костериной, опубликованный в начале 1960-х в «Новом мире», а затем отдельным изданием, вызвал определенную волну подражательства в кругу советской интеллигентской молодежи. Одним из таких дневников-подражаний в значительной мере являются и обнаруженные мной записи Николая В-го.

В первый раз юноша принялся за них в 19-летнем возрасте преимущественно из чувства тоски по идеальному понимающему другу («Мой милый», «Теперь я бы хотел рассказать тебе», – обращается он к дневнику), но также и в целях амбициозно-профессиональных: «Я уже давно собирался вести дневник. Во-первых для того, чтобы наконец научиться правильно писать, т.е. писать грамотно. Во-вторых мне, как будущему историку, будет интересно узнать, вернее не узнать, а вспомнить о событиях и людях, которые меня окружали, о моих взглядах на окружающий меня мир», «Все, что здесь пишется, разумеется, не для всеобщего прочтения, а так, для себя» (здесь и далее сохранены оригинальные авторские орфография и пунктуация)⁸. Впрочем, кажется, автор немного лукавит, и пишет свои заметки скорее не себе как будущему историку, а просто *будущему историку*, который напишет его, Николая, биографию: «Для того, чтобы легче и свободнее писать в дневнике я хотел бы вначале рассказать ему о себе, о том, кто я, кто мои родители и т.д. и т.п.»⁹. Возможно также, это первый приступ писания автобиографии или мемуаров – приступал же Герцен к аналогичным записям с самой молодости. Разного рода отсылки к Герцену вообще будут встречаться в дневнике Николая постоянно. Возможно, потому, что Герценом и народниками профессионально занималась мама нашего героя. Но можно предположить и

⁸ ЦММЛС, ф. 23, оп. 1, д. 236, л. 2.

⁹ Там же.

более глубокие причины. Имя Герцена и его судьба стали для русской, в т.ч. советской, интеллигенции, особым кодом, пропуском в корпорацию. Помимо записей Николая и дневников Нины Костериной, помимо мемуаров Людмилы Алексеевой, помимо исследований на эту тему Ирины Паперно¹⁰, сошлюсь на пример моего собственного отца, не литератора, не ученого и не диссидента – обычного врача, который, тем не менее, всегда был просто одержим Герценом, постоянно в библиотеках изучая материалы о нем и в рассуждениях о советской власти неизменно апеллируя к его имени. Очевидно, авторитаризм и «застой» эпохи Николая I смыкался в сознании советской интеллигенции с жесткостью сталинского режима, с «застоем» позднего Хрущева и Брежнева, а Герцен, в быту своим человек самолюбивый и эгоистичный, любивший и ценивший комфорт, достаточно свободно говорящий о собственных эротических переживаниях, вырвавшийся из суровых объятий Родины в эмиграцию, неуспокоенный и мятежный по природе, застрявший между буржуазным индивидуализмом и идеей социальной справедливости, выступал символом всего, что интеллигенция связывала со свободой. Герцен – это был ее, интеллигенции, желаемый образ себя, коллективный автопортрет, объект самоидентификации. «Сейчас сидел и читал дневниковые записи Герцена. Сравнивал со своими. Глупо! И вот начинаешь себя грызть и терзать. А стоит ли? Не лучше ли пустить все на самотек? Пусть все идет как идет. Авось кривая вывезет. Опять глупо. Тем человек и отличается от животного, что делает все по разуму. Ведь человек может все!»¹¹. В этой трогательной записи Николая так и слышен стиль Герцена, весь его упрощенный просветительский рационализм.

Как Герцен сопрягал свое рождение с нашествием Наполеона и национальным подвигом, так юный Николай сопрягает свое рождение с успехами в другой Отечественной войне. Как Герцен, Николай, по видимому, рожден вне брака (и первый, и второй мужа матери были репрессированы в 1930-х и вскоре погибли, сведениями о третьем ее замужестве мы не располагаем). Как Герцен, он бравивирует своим дистанцированием от отца и глубокой связью с матерью: «Родился я в городе Красноярске в год великого перелома на фронте, в 1943 г. Мама говорит, что после того, как я родился, отступлений почти не было. 28 апреля, т.е. в день, когда начинается роман Л. Толстого «Воскресенье». Об отце я знаю очень мало. Знаю только, что фамилия его была Юрьев, а звали его Алексей, даже отчества я его не помню»; «Кажется, в 1940 году, когда мама была в лагере, у них родился сын Юрик, который в том же году и умер. Вообще мама почему-то не любит рассказывать об отце. Я не знаю, да и не хочу знать, кто он был, ведь это и неважно. Для меня отец вылил-

¹⁰ См., напр.: Paperno 2009.

¹¹ ЦМАМЛС, ф. 23, оп. 1, д. 236, л. 26-об.

ся в лицо биологическое, которое на определенной стадии выполнило свою отцовскую функцию, а затем исчезло или было убито на войне». Тот факт, что рождение двух детей не может быть результатом случайной и ничего не значащей связи, и что мать может молчать об его отце по другим причинам, нежели равнодушие, нашему юному максималисту в голову не приходит. Второй муж матери, профессор МИПИ, кажется Николаю более пригодным на роль духовного отца. Во-первых, потому что он был ученый; во-вторых, потому, что отбывал срок в сталинских лагерях – погибшая, но несломленная жертва режима. Почти как Герцен.

Другой несомненный Герой, еще более близкий Николаю – его мать. Она умна, деятельна, организована; пройдя через лагеря, сумела добиться реабилитации для себя и, посмертно, для обоих своих репрессированных мужей; не только вернулась в профессию, но и достигла в ней статусных высот; она постоянно прикрывает оплошности сына и дает ему профессиональные советы, она курит и у нее «мужской» голос. Она, несомненно, Супер-Эго для Николая. Мы видим это очень типичное для русской интеллигенции переворачивание гендерных ролей, когда мужчины рефлексивны и женственны, а женщины решительны и жестки, и Николай признается: «Для меня отцом всегда была мать»¹². Она, безусловно, подавляет масштабом своей личности этого наивного юношу, самого младшего и единственного выжившего из троих ее детей, слабо начитанного и пишущего с ошибками, несмотря на старания репетиторов. Он должен как-то соответствовать матери и стоящим за ее плечами призракам дорогих ей людей. Но как? И Николай, как ему кажется, нашел ответ: он должен стать выдающимся историком и написать или книгу о матери, или, шире, вообще о жертвах сталинских репрессий. Николай даже думает начать записывать рассказы «реабилитированных» и приобрести для этой цели магнитофон (как и следовало ожидать, дальше мечтаний дело у Николая не пошло).

На этом первый приступ дневникописания у молодого человека закончился. После коротких заметок июня-августа 1962 г., совершенно «публичных», адресованных городу и миру и всему человечеству, последовал полугодовой перерыв: поступление в МГУ, которое, по замыслу Николая, должно было коренным образом изменить его жизнь и продвинуть к исполнению избранной миссии, не состоялось по причине сокрушительного и, по-видимому, заслуженного провала на вступительных экзаменах. Судьба взяла паузу – и автор дневника тоже взял паузу. Стимулом к возобновлению записей в феврале 1963 г. стало первое знакомство Николая с дневником Нины Костериной: «Совершенно потрясающая вещь», «эпоха отражена, по словам мамы, очень хорошо. Здесь

¹² Там же, л. 2.

есть все и вера в будущее, и любовь и проч. В общем, понравилось очень. И я решил снова начать писать дневник»; «Конечно, понятно, что если полгода назад я писал ерунду, то за это время мало что могло измениться. Сейчас я учусь на подготовительных курсах в университет»; «Сейчас я сравнил, что делала Нина в моем возрасте, что она успела, и что успел за это время я. От этого становится еще более неприятно»¹³.

Таким образом, у дневника Николая теперь появляется еще одна важная, непроговариваемая, но от этого еще более значимая, мистическая функция: подтолкнуть судьбу, которая почему-то медлит с великими событиями и проявлениями его, Николая, талантов. Дневник становится средством заклинания судьбы: «Итак сегодняшней день может быть решающим в моей жизни», «Когда же я осознаю себя, свои возможности?», «Вокруг меня множество людей, считающих меня личностью незаурядной...»; «Как хочется, чтобы все побыстрее кончилось, чтобы я, наконец, узнал свою судьбу»¹⁴, и т.п. В общем, молодой человек снова, со второй попытки, готовится начать свой жизненный Роман, свою книгу становления, ярких встреч, жизненных исканий. Поскольку в романе, разумеется, должна присутствовать любовь, и в дневнике Нины прекрасно выписано вызревание чувств во всей их сложности, Николай вводит в свое повествование двух барышень и даже пытается по этому поводу изобразить какую-то неловкую интригу из сочетания дружбы и ревности (что-то подобное как раз описано у Нины). Но получается неубедительно и более всего напоминает вымученные «головные», (т.е. выведенные из теории) любви русских западников XIX в.¹⁵

Но не только с любовью, а и с самым главным – жизненным призванием – судьба решительно не спешила подыгрывать Николаю: летом 1963 г. он снова не смог поступить на вожделенный истфак. Так патетически готовится к научному поприщу, расти вблизи столь выдающихся персон – и дважды оказаться несостоятельным: поистине, жизненный Героический Роман Николая никак не складывался. Согласно известной классификации, другими возможными нарративными формами, помимо Романа, выступают Комедия, Трагедия и Сатира¹⁶. Но кто же захочет в двадцать лет осмыслять себя как комедийного или сатирического персонажа? Поэтому, если не Роман, то Трагедия. И вот записи Николая достигают поистине чеховского драматического накала: «Вся моя сознательная жизнь прошла очень скучно, серо, однообразно, в общем гадко и гнусно. Ничего не сделано»; «Я хочу быть историком. Но ведь историков очень много, а таких, как Тарле, Ключевский, Дружинин, Панкрато-

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 40, 41, 27-об.

¹⁵ См. об этом, напр.: Фреде 2001.

¹⁶ См.: Уайт 2002.

ва, таких очень мало. А быть серятиной не хочется, очень не хочется»; «Сколько было намечено? А сделанного? Ничего, почти, не сделано»; «А пока тоска и больше ничего. Никакого действия»¹⁷, и т.д.

Однако Трагедия логически должна заканчиваться гибелью или мира, или Героя, а так далеко Николай зайти был не готов, да и поприще для красивой гибели в мирном 1963 г. найти было нелегко. В итоге Николай, устав от пафоса страданий, возвращается к романной форме, но теперь он пишет уже не героический роман, а, так сказать, реалистический, представляя в своем дневнике как иронический бытописатель, бесстрастный и ценный свидетель времени, взрослый и умный игрок, этакий Печорин. Периодически эта маска Печорина слетает с Николая, выдавая в нем наивного, домашнего и закомплексованного мальчика, но затем водружается на прежнее место. Хотя похожий конфликт идентичностей («Циник» vs «Идеалист») еще в XIX в. описали такие столпы романного жанра, как Достовский («Подросток») и Тургенев («Первая любовь»), в силу слабой начитанности Николая трудно сказать, насколько он был осведомлен о своих литературных прототипах и в какой степени мог их «проживать». Во всяком случае, оба эти персонажа дневника, «Циник» и «Идеалист», как Джекилл и Хайд, имеют собственные языки и общаются с читателем на разных уровнях приватности. Если «Цинику» для его рискованных откровений нужен доверительный собеседник, приятель, то мечтательный «Идеалист» обращается сразу ко всему человечеству или в крайнем случае к духовно близкой корпорации интеллектуалов.

В образе «Циника» Николай прагматично замечает, что надо бы решить, чем заниматься целый год, до следующей попытки поступления. Не хотелось бы попасть в армию. Не исключен вариант, рассуждает он, что и на следующий год поступить на истфак не удастся, в этом случае можно переориентироваться на медицинский институт. Устроенный вскоре матерью на какое-то скромное место в Институт истории, Николай здраво предполагает, что если с третьей попытки все-таки поступит в университет, то потом обратно на такую хорошую работу вернуться уже не сможет, и эта перспектива вызывает в нем сожаление. Кроме того, в Институте начались сокращения, и Николай тревожится о том, что им вдвоем с матерью (семейственность!) будет непросто удержаться. Довольно желчно критикует Николай и межличностные взаимоотношения в Институте, когда: «Все время надо грызться то с одним, то с другим», и «Всюду склоки»¹⁸. Игра в Печорина диктует и определенные отношения с женщинами. К сожалению, реальных отношений с женщинами в жизни Николая почти нет, и он описывает – цинично, как и полагается Печорину – свои вполне невинные фантазии и познания. «Немного сблизился с

¹⁷ Там же, л. 2-об., 3, 26-об., 32.

¹⁸ Там же, л. 6, 13-об., 14, 28-об.

Юркой Кривченко. Ему около 26, и он страшный бабник. С ним занятно, хотя и не очень он много знает о женщинах, но весь его мир сосредоточен в тряпках и в женском поле. Т.к. я в этом деле еще совершенный ребенок, то эта близость даже имеет свои положительные стороны. Он показал мне и дал прочесть маленькую брошюрку индуса «Три трактата о любви». Возбуждение было сильнейшее. Внутри все кипело. Голова затуманилась, от того сладостного чувства, которое ожидает мужчину в половой любви»; «Мне кажется, что вся любовь это есть половые отношения»; «Женька говорит, что любить можно и дуру, лишь бы была мордочкой ничего. Я думаю наоборот любить можно и некрасивую, но не дуру и не мешанку. Хотя красота здесь и играет определенную роль»¹⁹.

В образе «Идеалиста» Николай разворачивает борьбу со своими несовершенствами, физическими и духовными. Лень, неспособность к самоорганизации, недостаточная эрудиция, – свои пороки он разбирает обстоятельно и беспощадно, при этом стиль его абсолютно публичен. В этом Николай, возможно, сам того не зная, продолжает традицию еще дореволюционной русской интеллигенции к выставленному на суд товарищей и всего мира нравственному самообнажению. Особенно много гнева, отчаяния и нравственных сил он посвящает греху самоудовлетворения. Едва ли юноша, который к тому времени не читал даже хрестоматийных критических статей Белинского, мог читать его переписку с Бакуниным и Боткиным середины 1830-х гг., и вряд ли о содержании этих писем Николаю рассказывала его мать, профессионально занимающаяся русским западничеством и народничеством. Но и по градусу откровенности перед корпорацией, и по сладострастной ненависти к телесности во всех ее проявлениях, и по общей мазохистской интонации Николай прекрасно вписывается в двухсотлетнее наследие русской интеллигенции.

Убедимся сами. Белинский – Бакунину: «Я начал тогда, когда ты кончил – 19-ти лет... Сначала я прибег к этому способу наслаждения вследствие робости с женщинами и неумения успевать в них; продолжал же уже потому, что начал. Бывало в воображении рисуются сладострастные картины – голова и грудь болят, во всем теле жар и дрожь лихорадочная: иногда удержусь, а иногда окончу гадкую мечту еще гадчайшей действительностью»; «Бывало Ст(анкевич), говоря о своих подвигах по сей части, спрашивал меня, не упражнялся ли я в этом благородном и свободном искусстве: я краснел, делал благочестивую и невинную рожу и отрицался»²⁰. А вот как пишет об этой же стороне своей жизни Николай: «Вообще меня как-то неестественно возбуждает вид моего, да и не только

¹⁹ Там же, л. 30-об., 21-22.

²⁰ Данные отрывки были процитированы в статье В. Сажина «Рука победителя. Выбранные места из переписки В. Белинского и М. Бакунина» («Литературное обозрение», 1991, № 11), а также вошли в работу И. Кона «Клубничка на березе: Сексуальная культура в России».

моего тела. Мне сразу хочется... и сегодня я с трудом себя сдерживал. Все это я считаю своим самым основным пороком, от которого мне очень трудно избавиться. Это вконец изматывает меня и затем, после свершившегося бывает страшно неловко перед собой. Начинаешь себя грызть за это и повторять, что это в последний раз, а в следующий раз, забыв обо всем, снова повторять то же. Мне это уже надоело и опротивело»; «После этого было, как всегда, угрызение совести и т.п. Весь день из-за этого себя чувствовал отвратительно»; «Дошло дело даже до того, что пришлось выйти во двор, не найду ли одной девочки, которая, я знаю, питает ко мне кое-какие чувства, разделить со мной постель. Конечно, не нашел, а если бы нашел? Что тогда? Смог бы я это сделать? Думаю, что смог. Потом было бы гадко на душе. Как, впрочем, и сейчас. Но человек в такие минуты превращается в совершеннейшее животное, которому надо удовлетворить свои потребности, свою похоть. Человек теряет контроль над собой, он выходит из повиновения, разума»; «Мне Женя Виттенберг рассказывал в воскресенье как все это делается. И он и она превращаются в зверей. Больше зверь, конечно, он. Он борется с ней, чтобы обладать ею. И она, подчиняясь, ему отдается. Эта борьба, должно быть, страшно выматывает человека, отнимает силу, как, впрочем, и все другое»; «Мне бы все-таки хотелось испытать это животное чувство, даже с проституткой»; «Мне иногда хочется наложить на себя руки, до того я бываю противен. Слабый, пошлый трус, который ни на что не способен, даже красиво любить, вот каков я»²¹. Заметим, что эти записи адресуются Николаем именно корпорации, а не самому себе: это видно по литературности описания вкупе с уклонением от непечатных слов и выражений. Можно сказать, что друга Бакунина рядом нет, но он подразумевается. Целью таких признаний интеллигенции всегда было предполагаемое в результате нравственное возвышение, самосовершенствование.

Кодекс духовно развитой интеллигентной личности предписывает иметь «гражданственность» и быть политически активным. Николай страстно записывает критические замечания в адрес советской системы в целом, отмечая ее гипербюрократизированность, выхолощенность, отсутствие у людей должной веры и идеалов. Он отдает себе отчет в том, что пишет «крамолу», и наслаждается этим: «Боже мой, если бы эти записи прочли наши руководители, что бы было. Крамола»²². «Крамольные» записи делает преимущественно «Циник», со свойственной ему адресацией «для своих» и закрытостью перед «чужаками»: «Только что пришла мама. Рассказала несколько любопытных историй, характеризующих степень разложения в правящей верхушке. Приходишь к выводу, что <порядочнее> всех Хрущев, или потому что мы о нем мало что знаем.

²¹ ЦММЛС, ф. 23, оп. 1, д. 236, л. 5-об., 24 об.-25.

²² Там же, л. 7.

Гнуснее всех этот подонок Козлов. Говорят, что он получил два инсульта. И поделом ему. Во-первых, он антисемит и имеет выговор. Представляю, что надо было сделать, чтобы получить его. Потом он с головой ушел в г. и грязь. Ему хочется власти, этой сволочи. Представляю что с нами будет»²³. Недоговоренные обстоятельства, ясные автору текста, но неясные нам, посторонним читателям, стыдливый намек на нелитературную лексику красноречиво свидетельствуют о переходе разговора на более высокий градус интимности. Вот так политика для советского/русского интеллигента оказывается подчас более интимной сферой, чем секс.

Еще в XIX столетии в основе политического сознания интеллигенции укоренилась дихотомия «власти» и «народа». И вот, в свои неполные двадцать лет, летом 1963 года советский юноша Николай посредством дневника делится с человечеством собственными планами «хождения в народ»: «Если же человек-руководитель отрывается от народа, стоит над ним и считает народ «винтиком и гаечкой», и держит народ в страхе и повиновении, тем хуже он делает для народа, тем скорее сойдет о нем память, и народ его будет ненавидеть и презирать. И вот для того, чтобы узнать жизнь, узнать народ я, если не сдам экзамены, уйду «в народ», т.е. пойду по стране пешком и буду зарабатывать себе кусок хлеба физическим трудом. Но я буду в гуще народа, я узнаю его. Я узнаю жизнь. Хороша ли она, или ее стоит переделать»²⁴. Заметим по этой записи за внешним смирением Николая его огромное скрытое честолюбие. Так кем же он собирается стать на самом деле? Историком или народным вождем? Возможно, что роль Героя/Герцена Николаем просто отложена до лучших времен, но не забыта. Проговаривается же он время от времени то о «бомбе», то о «революции», без которых «ничего изменить нельзя»²⁵.

Проговаривается и даже готовится. Так, во исполнение этой высокой цели, почти принял решение об огромной жертве: хотя бы на несколько лет полностью отказаться от чувственной стороны жизни. «Сейчас сижу на работе, – отчитывается он. – Передо мной моя соседка, Наташа, очень интересная». Из последовавших намеков можно понять, что Наташу и Николая связывает некий невинный флирт. Именно его-то Николай и намеревается кинуть на алтарь революции, поскольку сакральная природа революции и героизма требует абсолютной нравственной и физической чистоты: «Я дал себе слово, что к ней я никогда не прикоснусь. И вообще к женщинам. Я считаю, что Рахметов был прав, когда говорил об этом»; «Никаких женщин до 25 лет...»; «Это не монашество. Если бы я родился в 30-х годах, этого тоже не было бы, т.к. я был бы воспитан сталинской эпохой. Но когда сейчас идет борьба

²³ Там же, л. 27.

²⁴ Там же, л. 21.

²⁵ Там же, л. 19-об, 20, 27.

между старым и новым, <...> когда народ еще спит <...> я не могу не вести такой образ жизни»²⁶. Невозможно не вздохнуть по прочтении этой записи: бедная Наташа! Бедные русские женщины, подруги русских интеллигентов! Именно так с ними и поступали за столетие до Николая В. и Станкевич, и Белинский, и Боткин, что вполне исчерпывающе описал в свое время еще Милюков²⁷.

Впрочем, когда перо берет Циник, оказывается, что на самом деле Николай вполне спокойно готов пользоваться минусами только что раскритикованной Идеалистом бюрократической системы, в частности, пресловутым советским «блатом». Он надеется, что историю сдаст в любом случае, «лишь только потому, что у меня мама историк и экзаменаторы будут знакомые», а в случае возникшей в Институте угрозы перевода его на худшие условия работы, Николай тут же «побежал звонить маме!», и угроза была ликвидирована²⁸. В конце концов, именно благодаря связям матери Николаю удалось в этом же 1963 г. поступить на вечернее отделение истфака, однако связей этих оказалось недостаточно, чтобы тут же, по горячим следам, перевести Николая с вечернего отделения на дневное. Записи 1963 года заканчиваются Николаем в сентябре на вполне позитивных тонах: он все-таки попал в университет и устроен на престижную и перспективную работу. Жизненный роман продолжается, и, как принято писать в таких случаях, «прошло несколько лет».

Следующий эпизод начинается 1 января 1967 г. ожидаемой констатацией, чего за это время достиг и не достиг автор: «Уже 4 курс. 23 года. Студент. Историк. <...> Подвожу итоги и намечаю планы. Итоги плачевные, планы неосуществимые». Кажется, что за прошедшие годы в Николае Печорин одержал верх над Рахметовым, но вскоре выясняется, что это не совсем так: теперь в юноше поселился тоскующий от пустоты сердца Онегин, причем на пару с философствующим Иваном Карамазовым. Последний «выдумал себе бога», у которого просит о своих желаниях и тот ему «киногда помогает», но «об этом говорить нельзя» никому. Никому нельзя, но дневнику можно – градус интимности дневника существенно повышается, балансируя между уровнями «только для себя» и «для самых близких друзей, которых пока нет». Декларируемый Карамазовым «высокий» повод к возобновлению дневника («выразить и понять себя») тут же корректирует Онегин: повод к возобновлению дневника – нереализованная потребность любить, значит, требуется не просто понять себя, а конкретно, понять, почему любви до сих пор нет в его жизни. Литературно и эмоционально записи Николая выглядят более тонкими и зрелыми, а его отношения с девушками впервые и наконец настоящие, а

²⁶ Там же, л.19-об. – 20.

²⁷ См.: Милюков 1902.

²⁸ ЦМАМЛС, ф. 23, оп.1, д. 236, л. 22-об., 30.

не придуманные: «Поводом для этой малиновой тетради послужили сегодняшние события. В 11 часов встретился с Наташей. Ее совсем не знаю, она очень трудная, но вместе с тем по-детски забавна. Мы расстались совсем детьми. Сейчас ей 19, мне 24 – разница возрастов не так ощутима как в 7 и 13 лет. Очень много изменилось. Мы пытались по ее инициативе встречаться – не выходило, что-то мешало. Она скрытна и замкнута, очень издергана и не нашла еще себя, впрочем, как и я. <...> Для нее не существуют авторитеты, не говоря уж об авторитете родительском. Как и у всех у нее сейчас есть куча мальчиков, но отношения ее к ним – загадка. Вообще же Наташа сама для меня загадка. Что она есть? – не знаю»²⁹. Вторая мучительная и старая загадка – «Алка»: «Началось это и давно и недавно. С 7 класса и с этой зимы, после возвращения из Польши»; «Года 1½ назад я ее поцеловал впервые, бог мой, как она побледнела, ей стало дурно – отчего? Затем зимой я начал математически помогать ей – зачем, не лучше ли сохранять чисто дружеские отношения. Нет, мне этого мало, у меня никого нет, мне кто-то нужен. Я выбрал ее. Не жалею. Сначала все шло прекрасно, она начала привыкать ко мне (глупо звучит), затем пробежал какой-то холодок». Заметим, как деликатно и сдержанно, без натуралистических описаний, на сей раз Николай рассказывает об интимной стороне своей жизни. Просто она, эта сторона, наконец появилась, и ничего больше не нужно доказывать ни окружающим, ни самому себе. Демонстративно-статусная функция дневника исчерпана. Теперь дневник нужен Николаю прежде всего как эмоциональная отдушина. Молодой мужчина не может, а возможно и не хочет делиться своими сложными и мучительными чувствами с реальными собеседниками. Остается только дневник, и вряд Николай теперь, как когда-то в 1963 г., согласен будет предоставить его на прочтение и суд матери.

Градус интимности новых записей Николая: «только для себя», хотя выбранный для записей язык все-таки принадлежит публичному дискурсу – это романский язык говорения об интимном. «Сейчас... лучше бы этого не было», – с горечью продолжает Николай анализировать свои отношения с «Алкой». – «Она меня боится, что может быть хуже. «Я ее мучаю» – вот как. Сегодня она смотрела на меня почти с ненавистью. Разговаривали о съезде писателей. Я сказал, что Шолохов и его пр-ния дерьмо. Она – надо разграничивать личность от произведения. Я – у меня эти понятия совмещены. Шолохов как личность хорош в Тихом Доне (которого я, кстати, не читал), но дурен и глуп в Поднятой Целине (читал). Она стала защищать и Поднятую и Судьбу ч-ка. Я возразил, что Твардовский как личность и как автор несравненно выше Шолохова. Она – а чего стоят его стихи о Сталине. Я – а кто не писал – все писали. Она – Но ведь у него они бездарны. Я – Ничуть не хуже, чем Шолоховские. Она

²⁹ Там же, л. 33.

– «Геркин в аду» – бред и мелкие уколы, у тебя величайшим пр-нием сов.лит-ры оказывается Гинзбург (мне не понятно ее отношение к ней, она говорит что это страшно, все, что описывает Гинзбург, но в чисто литературном отношении это бездарно. Для меня Гинзбург не литературное произведение, а действительность, через которую прошли миллионы сталинских жертв). Я – Несомненно правдивее писать как Гинзбург, чем как Шолохов в Поднятой целине. <...> Я ушел. Постараюсь ей не напоминать о себе. К чему дразнить ее. Я и сам не знаю люблю ли ее или так, привык просто. Но что она меня не любит, и мне не верит несомненно. Алка... Алка... Тяжелые мысли, идиотское настроение, неверие себе и в себя. Что-то будет. Подумаешь, – а к чему все это, не лучше ли все бросить и кинуться в мутный и грязный поток жизни, засосет и ладушки. Нет, чего-то трепыхаешься, ведь человек же, а не пиявка»³⁰. Эта сцена, когда юноша и девушка, как бы разговаривая о литературе, на самом деле выясняют и разрывают ставшие тягостными для обоих личные отношения (смесь старой школьной дружбы, детской влюбленности, физического притяжения и, возможно, неловкости за разочаровавшую физическую близость) действительно заслуживает попадания в роман, она психологически очень глубока, трагична и определенно литературно хороша. Жизненный роман Николая приобретает глубину и красоту, наверное, это само по себе может служить утешением дневникписателю. Заметим также, что «антисистемные» настроения Николая, конечно, больше не включают мечтаний о «бомбе», но, тем не менее, зреют и крепнут.

Заканчивается эпизод 1967 года рассказом о коллективной (с друзьями, матерью и ее коллегами – настоящая арбатская интеллигенция, профессура, как комментирует Николай) поездке на Валдай. Характерно, что Николай начинает эпически описывать природу (какой же роман без описаний природы!), но запись обрывается буквально посреди незаконченного предложения. Жизнь, какие-то неотложные ее обстоятельства, отвлекли Николая от изображения этой жизни. И хотя дальше Николаем был оставлен чистый лист, очевидно, чтобы потом в спокойной обстановке, дописать впечатления, но впечатления эти так и остались незаписанными. Жизнь не только отрывала Николая от литературы, но и явно побеждала ее. Николай, путешествующий с ручкой и тетрадкой, очевидно, вызывал шутки приятелей, и в итоге они принялись диктовать Николаю, что именно он должен записывать. Под заголовком «Запись Морякова, сделанная В-ким», следует совершенно иной по стилистике текст. Легко и иронично описывается поход всей компании, когда молодежь пытается (успешно) втайне от родителей оживить себя алкоголем, Николай называется Колюней, властный голос его матери именуется «трубным прокурренным басом». Автор слегка подтрунивает над зависимостью Николая

³⁰ Там же, л. 33 – 34-об.

от матери, затем прямо берет в свои руки перо и продолжает уже от себя писать в дневнике Николай: «Мне надоела лит. обработка В-го, который думает по ½ часа над словом и сюсюкает о колхознице». Новый автор в дневнике Николай, Моряков, явно предпочитает романному жанру Комедию. Попутно делая ценнейшие бытовые зарисовки, он описывает приключения фляги с чудодейственной жидкостью, которую нетрезвые уже путешественники (точнее, молодая часть их компании) чуть не утопили, уронив за борт: «Капитан маневрировал 10 минут, Колюня с дикими воплями носился по палубе. С берега пловец бросился в пучину озера...», затем, «выматерившись, гребец, наконец, водворил ее на корабль. Тысяча благодарн.», правда, Николай все-таки «получил по лбу» от матери, которая посчитала, что ее сын проявил такую активность именно потому, что он и утопил флягу. «Дальше все было спокойно. Вскоре мы уже ужинали и пили водку», «Пьяный В. ...кадря девок двигался по Валдаю. От девок он получил наименование <неразб.> Тогда он стал врать, что он Васька Шуйский личный друг царя Бори Годунова. Реакция была та же. Они (девки), наверное, не знали истории. Разгневанный Коля отправился лечить раны оскорбл. души на пристань»³¹. Нельзя не отметить, читая эти записи, что для историка, в плане житейских подробностей, Комедиограф определенно выглядит предпочтительнее Романиста.

Следующий и последний эпизод дневника приходится на 1969 год. Николай пытается писать диплом, переживая и по этому поводу и вообще глубокое разочарование в себе самом. Ругает себя за лень, растрату времени, безволие, поверхностность мыслей и суждений. Насколько можно этому верить, вот вопрос. Ведь именно так воспитывал себя в своих дневниках, к примеру, Лев Толстой. И как Лев Толстой, Николай каждый день составляет список необходимых дел и буквально заставляет себя их выполнять. Недюжинная работа над собой, на самом деле.

Самое же главное заключается в том, что Николай наконец находит для себя подходящее жизненное поприще, на котором можно стать Героем (Борцом с Системой), оставаясь в рамках реальной, простой, обыденной жизни. Идеальное сочетание. Что же это за поприще? – «Берут меня в качестве технического секретаря Отдела комплексных проблем истории, на самую минимальную ставку – 74 рубля. Эта работа представляется мне пока что наиболее удобной по след. причинам. 1) Проблемы, разбирающиеся здесь очень интересуют меня. Эти проблемы носят чисто теоретический, отвлеченный характер, связанный с поиском новых методологических теорий всемирноисторического процесса. Работа эта идет, как мне кажется по двум различным направлениям – переосмысление марксистской теории, очистка ее от догматических положений, которые были привнесены сюда извне (сталинизм, эконом. материализм и др.) – правда, не

³¹ Там же, л. 35 – 37-об.

учитывается, а м.б. и учитывается догматическая природа м<аркси>зма. Если и учитывается, то в свете знаменитой фразы Ленина о том, что м<аркси>зм не догма, а руководство к действию, т.е. что м<аркси>зм, как живое учение изменяется и должен изменяться под воздействием постоянно меняющихся исторических условий. Ведь многие положения м<аркси>зма, верные для XIX и начала (даже середины) XX вв. в настоящее время не имеют никакой силы и превращаются в догматические лозунги, удобные для правящей элиты удерживать массы в повиновении, отучающие, а у нас отучившие массы думать, а следовательно критиковать элиту. <...> Другая струя в разработке методологических основ исторической науки держится, как мне кажется другого, еще не окончательно выразившегося направления – замена марксистской теории, другой, на данном этапе более верной и прогрессивной теорией. Причем здесь есть кажется, сочетания м<аркси>зма как метода с новыми идеями в современной философии (структурализм и др.). <...> Это же в свою очередь, такая подготовка, <которая> может в дальнейшем, но не обязательно, явиться толчком для колоссального взрыва, который разрушит варварскую, абсолютно не демократическую и уж конечно, никак не социалистическую систему. Такой Отдел, в котором я буду работать»³². Иначе говоря, Николай собирается устроиться в Отдел по теоретическому разрушению Системы/Государства. Это не бумажная и малооплачиваемая скучная работа – это исполняется его собственная «Герценовская-клятва-на-Воробьевых-горах», данная на первых страницах дневника: бороться с системой. Именно так. Дневник не обрывается, не остается незавершенным, как можно было бы вначале подумать; он заканчивается открытым финалом – распространенный и красивый литературный прием. Теперь можно было бы придумывать ему подходящее название, может быть, «Что делать?» или «Накануне». Именно эта, через столетия, устойчивость и воспроизводимость сознания русской интеллигенции, со всеми его стереотипами и комплексами, независимо от актуального политического режима, поражает в дневнике Николая больше всего. Можно, впрочем, поставить вопрос шире и вести речь вообще о специфике интеллектуальной корпорации с ее особым нравственным кодексом и особым этосом в странах «догоняющего развития»³³.

Работая с любым источником личного происхождения, необходимо делать поправку на нарративный жанр этого текста (Роман, Комедия, Трагедия, Сатира) и на внутренний автобиографический «сценарий» его автора (Герой/Борец, Золушка, Колобок, Спящая Красавица, Шут, и т.д.)³⁴. Дневник Николая В-го – это, безусловно, роман (история о становлении личности и поисках себя), а жизненный сценарий, лежащий в его

³² Там же, л. 42-об. – 43.

³³ Подробнее об этом см.: Черепанова 2010.

³⁴ Подробнее об этом см.: Черепанова 2015.

основе – история о Герое/Борце. В роман (дневник) вошли именно те эпизоды, которые раскрывали тему подготовки протагониста к героическому поприщу (включая крах «личного счастья» или отказ от него под разными предложениями). При этом Николай совершенно не лгал, как не лгали ни Герцен, ни Нина Костерина, он просто максимально подгонял свои реальные жизненные обстоятельства под желаемую картину жизни. И, прекрасно уже понимая, что никакой он на самом деле не герой, Николай закончил свой роман именно на том моменте, на котором следовало: Герой выходит на поприще. Если бы повествование продолжилось, несостоятельность нашего протагониста неизбежно обнаружилась бы, и тогда пришлось бы менять жанр рассказа на Комедию, Трагедию или Сатиру. Поэтому Николай поступил совершенно правильно: вовремя закончил текст, отдал его на хранение Истории (матери-истории, так и хочется сказать), и, очевидно, продолжил свою жизнь в некоем новом сценарии. Что это был за сценарий, остается только гадать: доктор Дымов с философией малых дел? «Маленький честный человек» из романов Достоевского? Разочарованный умница Версильев? Очевидно только, что самоощущение Николая продолжало оставаться романским: вся его жизнь была долгим и трудным путем к себе, к примирению с собой, к обретению собственной идентичности. И можно твердо сказать, что роман этот завершился красиво. Основания для такого вывода предоставляет мне одно маленькое, но крайне важное обстоятельство: единственного и позднего сына Николай назвал именем того самого, по-видимому, очень простого, человека, своего родного отца, которого он никогда не видел и о котором он так жестоко и пренебрежительно отзывался в молодости – Алексей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Paperno, Irina. *Stories of the Soviet experience: memoirs, diaries, dreams*. Cornell University Press, 2009. 304 p.
- Козлова Н.Н., Сандомирская, И.И. "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.
- Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288-295.
- Левина-Паркер, Маша. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 12-40.
- Малия М. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812 – 1855. Пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
- Милоков П. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПб., 1902. 331 с.
- Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М.: «Водолей Publishers», 2007. 264 с.
- Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850-1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 41-66.
- Савкина, И.Л. *Я и Ты в женском дневнике* // *Models of self. Russian Women's Autobiographical Texts*. Ed. by Marianne Liljestrom, Arja Rozenholm and Irina Savkina. Helsinki: Kikumora Publication, 2000. С. 103-118.
- Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 527 с.

- Фреде, В. История коллективного разочарования: дружба, нравственность и религиозность в дружеском кругу А.И. Гертсена – Н.П. Огарева 1830-1840-х гг. // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 159-190.
- Черепанова, Р.С. «Заведомый антигерой»: русская интеллигенция в комплексах борьбы и подвижничества // Нева. 2010. № 11. С. 165-187.
- Черепанова, Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. Опыт чтения и интерпретации текстов устной истории / Р.С. Черепанова. Челябинск: «Каменный пояс», 2015. 402 с.

REFERENCES

- Paperno, Irina. Stories of the Soviet experience: memoirs, diaries, dreams. Cornell University Press, 2009. 304 p.
- Kozlova N.N., Sandomirskaya I.I. "Ya tak khochu nazvat' kino". "Naivnoe pis'mo": opyt lingvotsiologicheskogo chteniya. M.: Gnozis; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. 256 s.
- Kobrin K. Pokhvala dnevniku // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 61. S. 288-295.
- Levina-Parker, Masha. Vvedenie v samosochinenie: autofiction // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 3 (103). S. 12-40.
- Malia M. Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma 1812–1855. M.: Territoriya budushchego, 2010. 568 s.
- Milyukov P. Iz istorii russkoi intelligentsii. Sbornik statei i etyudov. SPb., 1902. 331 s.
- Mikheev, M.Yu. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX-XX). M.: Vodolei Publishers, 2007. 264 s.
- Paperno I. Intimnost' i istoriya: semeinaya drama Gertsena v soznanii russkoi intelligentsii (1850-1990-e gody) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 3 (103). S. 41-66.
- Savkina I.L. Ya i Ty v zhenskoy dnevnike // Models of self. Russian Women's Autobiographical Texts. Ed. by Marianne Liljestrom, Arja Rozenholm and Irina Savkina. Helsinki: Kikumora Publication, 2000. S. 103-118.
- Uait Kh. Metaistoriya: Istoricheskoye vobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 527 s.
- Frede V. Istoriya kollektivnogo razocharovaniya: druzhba, nravstvennost' i religioznost' v druzheskom krugu A.I. Gertsena – N.P. Ogareva 1830-1840-kh gg. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 49. S. 159-190.
- Cherepanova R.S. «Zavedomyi antigeroy»: russkaya intelligentsiya v kompleksakh bor'by i podvzhnichestva // Neva. 2010. № 11. S. 165-187.
- Cherepanova R.S. «Obychnyi nablyudatel'»: KhKh vek v vospominaniyakh provintsial'noi intelligentsii. Opyt chteniya i interpretatsii tekstov ustnoi istorii. Chelyabinsk: «Kamennyi poyas», 2015. 402 s.

Черепанова Розалия Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета; rozache@mail.ru

Life is like a novel. “Public privacy” and phenomenon of “autofiction” in the tradition of the Russian intellegentsia (on material of the diary of Nicholas V.)

The article analyzes the phenomenon of personal diary through the weave of private and public spheres in it. The author relies on the work of H. White and the concept of autofiction in highlighting different levels and languages of privacy, and considering the diary primarily as a narrative. One personal diary of the 1960s has been used; author illustrates the details of cultural identity and behavioral stereotypes of Russian intellectuals for over two centuries. Personal diary of Nicholas V. from the collections of the Central Moscow Archive-Museum of Personal Collections has been analysed for the first time

Keywords: diary, narrative, private, public, discourse, intellectuals

Rozalia Cherepanova, PhD. (History), assistant professor of Russian History Department, South Ural State University; rozache@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

А. А. ПЛЕШКОВ

ОБРАЗЫ ВЕЧНОГО В РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ*

В статье рассматриваются ключевые образы вечного, характерные для ранней греческой мысли: время богов, темпоральный статус закономерностей природы, мемориализация славных деяний прошлого. Наряду с философскими фрагментами анализируются поэтические, исторические, драматические произведения, в которых впервые была артикулирована проблематика временного и вечного. Экспликация и анализ этих образов представляется весьма важной задачей как для общего понимания картины мира древних греков, так и для дальнейшей разработки проблематики вечного в рамках философии, истории идей и интеллектуальной истории.

Ключевые слова: вечность, образы вечного, время, ранняя греческая мысль, древнегреческая философия, философия времени, время богов, законы природы, память

Категория «вечности» всегда играла важную роль в европейской философии, религии, искусстве¹. Однако П.П. Гайденок отметила, что философия и наука XX в. последовательно исключали вопрос о вечности из собственной повестки, ведь «вектор современной секулярной культуры указывает не на вечное»². Тем не менее, начало нового столетия знаменует возрождение интереса к данной тематике³. В этой связи представляется весьма важной рефлексия идейных истоков категории вечности.

Как часто бывает, эти истоки обнаруживаются современными исследователями в древнегреческой мысли. В обыденном смысле, под вечностью понимается некоторый довольно долгий период времени⁴, но в философии понятие «вечность» концептуализируется иначе. Первый спо-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ См., напр.: Гайденок 2006; Панофски 2009. С. 123–164; God and Time... 2001.

² Гайденок 2006. С. 17–18.

³ Выходят работы, переосмысляющие бытование идеи вечности в античной и средневековой философии (напр.: Keizer 1999; Ramelli, Konstan 2007), в аналитической философии религии интенсифицируется обсуждение божественной вечности (напр.: Craig 2001; God and Time... 2001), выходят работы, посвященные реконструкции места вечности в истории мысли (напр.: Eternity... 2016). Вполне соответствует этому общему тренду отечественная философия и интеллектуальная история (напр.: Гайденок 2006; Бибииков 2010).

⁴ Например, когда говорят «вечно ты не берешь трубку телефона» или «я знаю его целую вечность», подразумевают некоторую обозреваемую на протяжении длительного времени регулярность или просто отсылают к некоторому длительному периоду времени.

соб концептуализации (*этернализм*), традиционно возводимый к диалогам Платона, иногда и к фрагментам Парменида, рассматривает вечность как особый вневременный и лишенный длительности тип существования, т.е. *трансцендентность*⁵. Второй (*темпорализм*), обычно ассоциирующийся в древнегреческой традиции с именем Аристотеля, рассматривает вечность как двунаправленную бесконечность во времени, т.е. *всевременность*⁶. В конце XX в. появляется третий способ концептуализации вечности (*неоэтернализм*), во многом обусловленный наработками аналитической философии и обычно связывающийся в истории философии с именем Бозция⁷ (хотя в последнее время характерная для этого подхода интерпретация понятия распространяется на Аристотеля, Платона и, видимо, Парменида⁸). Для неоэтернализма характерно рассмотрение вечности как особого типа существования *невременного, но длительностного*.

Несмотря на то, что представители темпорализма, этернализма и неоэтернализма отстаивают принципиально разные позиции, почти всех их роднит незаинтересованность в том интеллектуальном контексте, в котором и из которого рождаются философские концепции вечности. В частности, создается впечатление, что аналитика времени древнегреческих философов (прежде всего, Аристотеля), к которой примыкают и рассуждения о вечности – башня из слоновой кости посреди бушующего моря наивных мифологем, несурзных заблуждений и неоформившихся понятий о времени, характерных для древнегреческой культуры как таковой. Еще одна особенность рассмотрения проблематики вечного заключается в том, что идеи древнегреческих философов рассматриваются через призму позднейших теологических споров о божественной вечности, т.е. в той концептуальной рамке, которая была выработана философской мыслью почти через тысячу лет.

Древнегреческая философия существовала не изолированно от других типов мудрости (поэтической, риторической, исторической, софистической и т.д.), но во взаимодействии и соревновании с ними приобретала свой специфический статус. А потому исследование философских концепций вечности может быть осуществлено только в широком идейном контексте. Как отмечает Пьер Видаль-Накэ, для интерпретации темпоральных представлений древних греков «необходимо обращаться как к текстам эпических поэм, трагедий, исторических сочинений и даже

⁵ Понимание вечности как трансцендентности, как и приписывание этого взгляда Платону, имеет долгую историю: Lackeit 1916; Dodd 1953. P. 160; Sorabji 1983. P. 143–151; Rogers 1994; Stamatellos 2007. P. 104; Гайденко 2006. С. 22–26; Бородай 2010.

⁶ Такое видение вечности можно назвать доминирующим в современной аналитической философии религии: Pike 1970; Swinburne 1993; Swinburne 1994; Уолтерсторф 2007.

⁷ Stump, Kretzmann 1981; Leftow 1991; Stump, Kretzmann 1992.

⁸ McKirahan 2008; Wilberding 2016. P. 17–32.

речей, так и к собственно философским текстам»⁹. Этот «завет междисциплинарности» представляется актуальным и сегодня.

Целью данной работы является реконструкция образов вечности, или, точнее, *образов вечного*, характерных для ранней греческой мысли. Именно в поэтических, исторических, драматических произведениях впервые разрабатывалась проблематика временного и вечного, столь важная для последующей философской рефлексии. А потому экспликация и анализ этих образов представляется важной задачей как для общего понимания темпоральной проблематики в древнегреческой культуре, так и для дальнейшей разработки проблематики вечного в рамках истории философии, истории идей или интеллектуальной истории.

Время богов

Поиск идеи вечности в древнегреческой культуре логично начать с религиозной мифологии. Очевидно, что о вечности древнегреческих богов можно говорить лишь условно, в обыденном значении довольно длительного, но все же безграничного времени. Так, боги рождены¹⁰, они, безусловно, могут изменяться и подвержены изменениям¹¹, наконец, их жизнь описывается с помощью обычных временных маркеров (дни, месяцы, годы и т.д.)¹². Ключевые характеристики богов – не вечность, а бессмертность (*ἀθάνατος*) и неподверженность старению (*ἀγήραος*)¹³. И если можно отвлечься от столь специфических их свойств, то в остальном они практически такие же обусловленные временем существа, как и люди.

Более внимательное рассмотрение, тем не менее, позволяет говорить об особом временном статусе древнегреческих богов. Хотя для описания их жизни и используются человеческие меры и маркеры, время, в котором разворачивается жизнь богов, качественно иное. Вслед за П. Видаль-Накэ¹⁴ можно говорить о существовании, во всяком случае на ранних этапах древнегреческой культуры, двух времен. Речь идет о *времени богов* и *времени людей*, различающихся в двух главных смыслах.

Во-первых, время богов телеологично. Например, время в «Теогонии» Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) имеет довольно строгий, однонаправ-

⁹ Видаль-Накэ 2001. С. 70.

¹⁰ Даже Хаос, по словам Гесиода, рождается в определенный момент (*ἦ τοι μὲν πρόπιστα Χάος γέγενετ' – «Теогония» 116*), а не существует извечно.

¹¹ Здесь можно вспомнить, что некоторые из богов мужают (что неравносильно старению), а не сразу рождаются взрослыми (напр., Зевс или Дионис). Эмоциональные изменения богов и вовсе не вызывают сомнения.

¹² Одна из формул божественной вечности – *ἡμέραι πάντων* (все дни). Также можно вспомнить о заточении на тринадцать месяцев Ареса великанами Отом и Эфиальтом (Гомер. «Илиада» V. 383–391) или *годовой* «летаргический сон» и *девятнадцатилетнее* изгнание, грозящее богам за нарушение клятвы (Гесиод. «Теогония» 794–805).

¹³ См.: Clay 1982. P. 112–117.

¹⁴ Видаль-Накэ 2001. С. 69–91.

ленный и линейный характер. Однако можно заметить, что «хронологический» порядок повествования обусловлен существованием порядка иного рода, он подчинен определенной цели. Видаль-Наке отмечает, что в генеалогическом ряду богов есть свой смысл и своя цель – победа Зевса и его воцарение на Олимпе. Воля Зевса проявляет себя еще до его рождения – его победа над Кроносом проливает свет на события далекого прошлого¹⁵ («Теогония» 458–460): «Знал он [*Кронос*. – *А.П.*] от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана, / Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном, / Как он сам ни могуч, – умышльнем великого Зевса» (пер. В.В. Вересаева). Целесообразным может быть и человеческое время, но эта целесообразность неразличима для его участников: цели полагаются богами как бы извне времени людей, а понимание этих целей доступно лишь самим богам или приближенным им людям¹⁶. Весьма интересна в этой связи работа голландской исследовательницы Ирене де Йонг¹⁷, посвященная временной структуре текстов Гомера. Автор концентрирует внимание на символических параллелях¹⁸, аналепсисах¹⁹ и пролепсисах²⁰, в изобилии встречающихся в «Илиаде» и «Одиссее». С помощью этих литературных приемов, как отмечает де Йонг, не только выстраивается целостный образ событий, вопреки концентрации повествования на определенных моментах обширных историй, но и объясняется причинно-следственная связь происходящего²¹. Иными словами, используя эти приемы, Гомер раскрывает причины и цели происходящего во времени людей, зачастую недоступные и неосознаваемые самими персонажами. Важно заметить, что знание Гомера обусловлено не только и не столько тем, что он уже знаком с рассказы-

¹⁵ Ibid. С. 73–74.

¹⁶ Ibid. С. 71–72.

¹⁷ Jong 2007. Р. 28–30.

¹⁸ Т.е. сценах, напоминающих и вызывающих к жизни события начала или конца истории, периферии основного повествования. Например, каталог кораблей, дуэль Менелая и Париса, взгляд со стены – все эти сцены провоцируют воспоминания о начале войны. Или, напротив, сцена погребения Патрокла предполагает скорую смерть и погребение Ахиллеса.

¹⁹ Т.е. обращениях к ранее описанным в тексте фактам, явлениям, событиям. Примеры внутренних (internal – т.е. воспроизводящих предшествующие события основной истории): «Илиада» II. 688–689; V. 79; XI. 809; XVI. 511–512 и др.; «Одиссея». V. 321, 372; XIII. 125–127. Примеры внешних (external – т.е. описывающих периферийные, не входящие в основу историю события): «Илиада» II. 547–551, 690–693; XI. 104–106 и др.; «Одиссея» I. 429–433; XV.225–255; XVII. 292–295 и др.

²⁰ Т.е. обращение к фактам, событиям, явлениям, которым еще предстоит быть описанным в тексте. Примеры внутренних пролепсисов: «Илиада» XII. 113–117; XIII. 602–603; XVII. 497–498 и др.; «Одиссея» XVII. 364; XVIII. 155–156; XXIV. 470–471. Примеры внешних пролепсисов: «Илиада» II. 274–275; XVII. 197; XXII. 410–411 и др.; «Одиссея» XI. 121–137.

²¹ Jong 2007. Р. 36–37.

ваемой историей, но что сам он – приближенное богам лицо, напрямую к ним обращающееся («Илиада». I. 1): «Гнев, богиня, воспой [...]».

Во-вторых, время богов оказывается более компактным или целостным, что в действительности имплицитно подразумевается его телеологичностью. В рамках божественного времени возможно непоследовательное, по крайней мере с точки зрения человека, изменение временных состояний. Так, например, Афина является Одиссею то в образе старца, то юноши²², да и сама она может сделать Одиссея дряхлым стариком, а затем вернуть ему молодость²³. Боги могут легко переносить людей по оси времени вперед и назад, а также изменять собственный образ, доступный человеческому восприятию, нарушая естественную для нас хронологию. Но принадлежность целостному божественному времени позволяет не только «играть» со временем человеческим, она предполагает качественно иное переживание времени. Так, в «Илиаде» Гера устремляется к Олимпу, дабы возвестить богам волю Зевса (XV.79–83):

Бросилась с Иды горы, устремляясь быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
«Там проходил я, и там», и про многое вдруг вспоминает, –
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера.

(Пер. Н. И. Гнедича)

Сравнение опыта времени богов с человеческим мышлением или воспоминанием в противоположность протяженной последовательности человеческого времени весьма показательна. Человек переживает время как последовательную смену состояний, событий, явлений; время же для богов намного более компактно. Иными словами, жизнь человека дробится временем, жизнь же богов, хотя и протекает во времени, в намного большей степени сохраняет целостность²⁴. Как пишет Аликс Первс:

«Это сравнение иллюстрирует, что время на Олимпе – другого качества, и также воспринимается по-другому, чем время на земле. Боги понимают движение человеческого времени и для его определения используют те же временные маркеры, что и люди (например, закат). Тем не менее обычно они не представляют, что такое переживание времени. [...] Тогда как человеческая жизнь, умирание и

²² «Одиссея». VIII. 193–199; XIII. 221–286.

²³ «Одиссея» XIII. 430–433; XVI. 207–212.

²⁴ Здесь нужно остерегаться поспешного отождествления идеи времени древнегреческих богов с идеей вечности Бога монотеистических религий (за это замечание я благодарен И.Е. Сурикову). Так, например, традиционная интерпретация высказывания Бозэция: «[В]ечность есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечной жизни» предполагает, что бытие Бога трансцендентно времени и длительности, а потому – *не было, не будет, но только есть (totum simul)*. Бытие же древнегреческих богов, как было сказано, имманентно времени: они были рождены в однажды прошлом и в будущем, теоретически возможно, могут прекратить свое существование. Стоит отметить, однако, что течение времени может «калиброваться» в зависимости от интересов или решений богов, но не людей.

смерть происходят во времени, боги остаются стабильными и неизменными. Они всегда во времени, но не движутся вместе с ним [...] Кроме того, с позиции вне времени, они способны наблюдать и контролировать время смертных²⁵.

Представление о божественном целостном времени характерно не только для гомеровского эпоса. Лирические поэты VII–V вв. от нестабильного времени человеческой жизни, представляющего собой лишь череду случайных и непредвиденных событий²⁶, обращаются ко времени как некоей целостности, времени, несущему справедливость и истину²⁷. У Солона в «Благозаконии», например, справедливость (*dike*) не изменяется с течением времени, но в определенный момент может вмешаться и изменить ход человеческой истории (4 West 14–16): «Но, и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было: / Пусть, хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!» (пер. Г.Ф. Церетели)²⁸. Сходные идеи могут быть обнаружены и у греческих трагиков²⁹. С одной стороны, человек, живущий во времени, обречен на пиндаровскую эфемерность; все, что у него есть – это то, что каждый день приносит неведомая ему судьба³⁰. С другой стороны, божественное время выступает в роли судьбы, раскрывающего загадочный для человека жизненный порядок³¹. Это не обычное время, исчисляемое календарями или часами, это поистине время богов (Софокл «Аякс» 646): «Безмерное, превыше чисел, время / Скрывает явь и раскрывает тайнь» (пер. С. В. Шервинского)³².

Закономерности природы

Идея вечности как некоторой целостности, раскрывающей порядок вещей в изменчивом мире, получает развитие и в поиске *закономерностей* и *регулярностей* природы, теснейшим образом связанном с зарождением древнегреческой науки и философии. Здесь можно вспомнить переданные Диогеном Лаэртием истории о двух предсказаниях Фалеса – затмения и урожайного года³³. Или обратиться к высказыванию Анаксимандра (B1 DK): «[И]з каких [начал] вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени (*katà tήν τοῦ χρόνου τάξιν*)» (пер. А.В. Лебедева), фиксирующему представление о присущей космосу справедливости. На дру-

²⁵ Purves 2006. P. 195.

²⁶ Пиндар. «Пифийские песни» VIII. 95–97; Вакхилид. «Эпиникии». 1. 165–173.

²⁷ О времени в древнегреческой лирике см. подр.: Fränkel 1960. S. 8–13; Лосев 1977. С. 62–70.

²⁸ Ср.: Софокл. «Эдип в Колоне» 1213–1214.

²⁹ О времени в древнегреческой трагедии: Romilly 1967; Лосев 1977. С. 70–87.

³⁰ См. напр.: Эсхил. «Просительницы» 734; Софокл. «Аякс» 125–126; 131; «Трахинянки» 129–131.

³¹ Видаль-Накэ 2001. С. 74–77.

³² Также: Софокл. «Эдип в Колоне» 607–609.

³³ Диоген Лаэртий. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. I. 26.

гой стороне греческого мира Эмпедокл пишет о «необходимости» (ἀνάγκη) – древнем (παλαιός) и вечном (αἰδῖος) законе богов, регулирующем как мир богов, так и весь космос (B115 DK): «Есть Необходимость, оракул [~рок] богов, древнее постановление, / заверенное печатью, / Вечное, скрепленное пространными клятвами» (пер. А.В. Лебедева)³⁴.

Эти и многие другие примеры из ранних греческих философов показывают, как время богов переосмысливается и переопределяется в ранней греческой философии в терминах имманентных миру законов. Объяснение солнечных и лунных затмений, занятия наблюдательной астрономией, создание измеряющих время орудий, составление лунных и солнечных календарей и попытки привести их в соответствие друг с другом³⁵ – все это можно рассматривать как попытку увидеть за изменчивой и изменяющейся действительностью некую стабильную парадигму. Важно отметить, что в отличие от мифологического или религиозного объяснения причин и целей извне, т.е. объяснения причинных связей событий человеческого мира посредством апелляции к миру богов, эти новые формы знания пыгались обнаружить именно внутреннюю логику мироздания³⁶.

Важно, что поиск имманентного миру закона или ритма мироздания не является установкой исключительно философского или научного сознания. Уже Гесиод в «Трудах и днях» предлагает своеобразную инструкцию для начинающих земледельцев, основывающуюся на наблюдениях за сезонными изменениями и звездным небом. При более внимательном рассмотрении становится ясно, что речь у него идет не только и не столько об обучении ремеслу земледельца, сколько об общих вопросах справедливости: «[Ф]игура земледельца используется в поэме, потому что именно посредством земледелия человек погружается в процессы природы, и земледелец – это тот тип человека, который наиболее очевидным образом должен соотносить свое поведение с требованиями и обстоятельствами природных паттернов»³⁷. Во взаимосвязи человеческого быта и космического порядка раскрывается чуждый современному мышлению страх перед непостоянством времени. Так, в «Трудах и днях» Гесиод сетует на свою принадлежность к поколению людей пятого века и говорит о скором уничтожении «железных людей» Зевсом (174–181):

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им. [...]

³⁴ О понятии «необходимость» (ἀνάγκη) у Эмпедокла см.: Laks 2005.

³⁵ О важности вопросов, связанных с пониманием календарей и технических средств, при обсуждении представлений о времени древних греков см.: Guetter 2003; Hannah 2009; Суриков 2010; 2012. С. 195–208.

³⁶ Graham 2006. P. 10–14; Wright 2008. P. 414.

³⁷ Slatkin 2004. P. 28.

Зевс поколение людей говорящих погубит и это
 После того, как на свет они станут рождаться седыми.

(пер. В.В. Вересаева)

Причина гибели железных людей видится Гесиодом в том, что они, как его брат Перс, перестали соотносить свою жизнь с жизнью космоса. Этот «грех» выражается в нарушении положенной меры и несвоевременном поведении³⁸. Такое поведение не просто ведет к неудачам в сельскохозяйственной деятельности или потере богатства, но нарушает космический порядок и приводит к неизбежной жестокой каре: «Удивительно то, что признаком последней стадии развращенности среди смертных, когда они становятся столь испорченными, что Зевс собирается уничтожить их, является то, что их время не синхронизировано [...] Когда новорожденные выглядят как старики, время нашей жизни действительно оказывается вывернутым наизнанку³⁹. Интерпретация Лауры Слаткин, стоит оговориться, является маргинальной и противоречит простому и прямолинейному архаическому представлению о цикличности времени, а также о последовательной деградации мира⁴⁰. Определенную поддержку, однако, эта интерпретация получает в диалоге «Политик», где Платон переосмысливает и развивает «миф о поколениях» Гесиода⁴¹. Интересно, что Платон предваряет свое обсуждение «большого мифа» указанием на возможность космических переворотов: «ведь там, где теперь Солнце восходит, в те времена был закат, и, наоборот, там, где теперь закат, тогда был восход» (269а). Согласно мифу «Политика», вселенная (τὸ πᾶν) находится под двойным управлением: пока ей управляет бог (θεός), она вращается в одну сторону, когда же бог оставляет ее на «самообеспечение» (αὐτοβίατος), она начинает двигаться в обратном направлении. Причем, если первоначально это движение сохраняет размеренность, то постепенно приходит в хаос, т.к. вселенная причастна материи (269с–d). Этот упадок, угрожающий распадом, предполагает новое вмешательство божества, что, таким образом, замыкает цикл существования космоса (273с–d).

Для Платона, насколько мы можем судить из других диалогов, характерно отождествление времени и движения небесных светил («Государство» VII. 530а–b; «Тимей» 38b–39e), а потому изменение направления вращения вселенной неизбежно предполагает и обращение времени. Неудивительно, что противонаправленное движение вселен-

³⁸ Ср. с указ. фр. Анаксимандра В1 DK.

³⁹ Slatkin 2004. P. 15.

⁴⁰ Я благодарен за это замечание А.А. Россиусу. Обзор предшествующих интерпретаций мифа о поколениях, как и о проблематичности линейной «логики деградации» у Гесиода, см.: Clay 2003; Smith 1980.

⁴¹ О связанности двух авторов вообще, и двух мифов в частности см.: Plato and Hesiod... 2010.

ной предполагает и обращение всех жизненных процессов. Так Платон описывает момент поворота космоса («Политик» 270d–e):

Возраст живых существ, в каком каждое из них тогда находилось, сначала таким и остался, и все, что было тогда смертного, перестало стареть и выглядеть старше; наоборот, движение началось в противоположную сторону и все стали моложе и нежнее: седые волосы старцев почернели [...] гладкими стали также и тела возмужалых юнцов, с каждым днем и каждой ночью становясь меньше, пока они вновь не приняли природу новорожденных младенцев и не уподобились им как душой, так и телом. Продолжая после этого чохнуть, они в конце концов уничтожились совершенно.
(Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн)

Здесь отчетливо видно, что изменение направления движения небесных светил приводит и к обращению жизненных процессов, что вполне соответствует «выворачиванию» времени наизнанку⁴². Если высказывание Гесиода о «седовласых младенцах» и не предполагает, вопреки Слаткин, рассинхронизации и обращения времени, но лишь указывает на краткую жизнь последних «железных людей», которые рождаются уже стариками, то точно оставляет место для такой интерпретации.

Древнегреческая традиция явно признает возможность изменения движения времени как следствия человеческой дерзости (ὄβρις) или несправедливости (ἀδικία), превышения положенной человеку меры⁴³. Так, пресекая обман Фиестом своего брата, Зевс обращает движение солнца вспять⁴⁴. Интересно, что позднейшая традиция склонна видеть в изменении направления движения солнца не знамение, призванное преодолеть обман Фиеста, но реакцию Зевса на чудовищный пир, устроенный Атреем своему брату⁴⁵. Представление о взаимосвязи человеческой дерзости и течении времени смыкается в мифе о Фаэтоне. Попытка Фаэтона управлять колесницей своего отца, бога Гелиоса, привела к изменению траектории движения солнца, чуть не спровоцировав катастрофу (Еврипид «Фаэтон»), а по Платону – должна была спровоцировать⁴⁶.

⁴² Невозможно согласиться с Кристофером Роу, что в мифе «Политика» время и история сохраняет направление движение (Plato and Hesiod... 2010. P. 302). Это предполагает, что у Платона есть некая концепция абстрактного времени, несводимого ни к движению небесных светил, ни к жизни как таковой, что противоречит его текстам.

⁴³ Об отношении категорий дерзости, справедливости и меры, как и о космическом значении человеческих решений, см. Бугай 2010; 2012.

⁴⁴ Еврипид «Орест» 1000-1008; «Электра» 719-736; «Ифигения в Тавриде» 188-204.

⁴⁵ Гигин. «Мифы» 88. Пьер Видаль-Накэ считает, что такое прочтение характерно и для Софокла (Видаль-Накэ 2001. С. 307).

⁴⁶ Платон. «Тимей» 22c–d. Об изменении движения Солнца пишет и Геродот («История» II. 142): «В это время [11 тысяч лет правления в Египте смертных, а не богов в людском обличи. – А.П.], рассказывали жрецы, солнце четыре раза восходило не на своем обычном месте: именно, дважды восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит. И от этого не произошло в Египте никакой перемены в смысле плодородия почвы и растений, режима реки, болезней или людской смертности». Геродот здесь отрицает необходимую связь между движениями небесных светил и нарушением меры и катастрофическими событиями. Тем не ме-

Рассинхронизация времени, важно отметить, не обязательно происходит по вине развращенных людей, но, например, может оказаться следствием природных катаклизмов. Например, Архилох Паросский весьма красочно и эмоционально описывает реакцию на солнечное затмение, свидетелем которого он стал (122 West 1–9):

Можно ждать чего угодно, можно веровать всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Все должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться нам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор. (пер. В.В. Вересаева)

Как отмечает Даниэль Аллен: «У Гесиода моральная деградация приводит к коллапсу времени. Здесь же мы видим противоположное. Затмение солнца приводит к полному исчезновению всех границ, держащих вещи на положенных местах»⁴⁷. Отголосок страха возможного исчезновения порядка из мира, иными словами, исчезновения закономерностей природы, встречается и в текстах ранних греческих философов. Фрагмент Гераклита (B94 DK): «Солнце не перейдет своей меры, иначе его бы настигли Эринии, помощницы Правды», – отсылает нас к тому же ощущению нестабильности времени. Сама форма гераклитовского высказывания снижает уверенность утвердительного предложения до уровня выражения ожидания или надежды. Казалось бы, предписывающее, как бы законодательное высказывание «Солнце не перейдет своей меры» дополняется указанием, что даже на солнце найдется управа, в случае его неправильного поведения. Иными словами, логика высказывания такова: не просто «солнце не перейдет», но «солнце не перейдет [я надеюсь]»⁴⁸.

нее, сам факт необходимости такой оговорки говорит об укорененности этой идеи в древнегреческой традиции.

⁴⁷ Allen 2003. P. 66.

⁴⁸ Ibid. P. 64. А.В. Лебедев, наиболее авторитетный исследователь Гераклита сегодня, трактует этот фрагмент как иллюстрацию основного закона космоса (Лебедев 2014. С. 373–374), указывая, кроме прочего, на возможное происхождение формулы «если нарушу [...] пусть покарают Эринии, союзницы Правды». Он относит фрагмент B94 DK к «агональной модели» (т.е. космос как стадион), и предполагает, что древнегреческие атлеты могли перед соревнованиями клясться в соблюдении правил, используя эту формулу: «В таком случае употребление этой формулы во фр. 56 [нумерация по Лебедеву. – А.П.] просто риторический способ сказать, что Солнце само связано великой клятвой (божественным законом меры), которую оно никогда не может нарушить» (Лебедев 2014. С. 73). Здесь, однако, возникает вопрос, насколько наличие клятвы гарантирует невозможность нарушения предмета договора? Во-первых, и древнегреческий спорт был знаком со случаями жульничества атлетов, т.е. нарушением клятв (Forbes 1952); во-вторых, в клятве нуждается только такой договор, который (в принципе) может быть нарушен. В этой связи, само использование

Еще раз обратимся к творчеству Архилоха, странствующего поэта и наемника, редко попадающего в фокус внимания историков философии. С одной стороны, он размышляет об окружающем мире еще в русле гомеровской традиции, прямо признавая полную зависимость человеческих существ от божественной воли (131 West): «Настроения (θυμός) у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын, / Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс. / И как сложатся условия, таковы и мысли их» (пер. В.В. Вересаева). Вместе с тем в вихре человеческих страстей Архилох призывает человека искать некоторую внутреннюю логику событий и руководствоваться в жизни именно знанием⁴⁹ (128 West 6–7): «В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй. / Познавай тот ритм (γίνωσκε δ' οἷος ῥυθμός), что в жизни человеческой сокрыт». Таким образом, обнаружение законов, определяющих как мир космоса в целом, так и мир людей, оказывается необходимым для жизни и выживания человечества.

Итак, нестабильность времени вынуждает человека искать закономерности природы, чтобы он мог скорректировать течение собственной жизни в соответствии с ними. Эти закономерности, однако, имеют мало общего с абстрактными законами современной физики: они выступают в качестве некоей регулятивной схемы, всегда наполненной конкретным жизненным содержанием⁵⁰. Изменчивое время не только противопоставляется стабильному закону, но и наполняет его. Выражаясь метафорически, закономерности природы можно сравнить с руслом реки – они ограничивают и направляют бурный жизненный поток, но не гарантируют невозможность паводка.

Память

Еще одна ипостась вечности в древнегреческой культуре связана с *памятью*. В самом начале «Истории» Геродот говорит, что цель его работы состоит в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение⁵¹ (ὥς μήτε τὰ γεγόμενα ἐξ ἀνθρώπων τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γένηται) и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности (ἀκλεῖᾷ γένηται)» (Hdt. 1.1.0). Ранее было указано, что главное отличие древнегреческих богов от людей состоит не в том, что боги живут вне времени (пусть время богов и отличается от времени людей), но в том, что они бессмертны и не подвержены старению. Именно в историях, рассказах о значимых деяниях прошлого, луч-

Гераклитом формулы, характерной для клятв атлетов, вполне согласуется с условной модальностью предложения в интерпретации Аллен.

⁴⁹ Fränkel 1960. S. 9.

⁵⁰ Восприятие времени как всегда имеющего качественное содержание, времени наполненного есть характерная особенность опыта времени в ранних культурах (Савельева, Полетаев 2010. С. 87–88).

⁵¹ О биологических и даже растительных коннотациях «забвения» (ἐξίτηλος) значимых в данном контексте см.: Bakker 2002. P. 14–15.

шие представители человеческого рода и обретают вечную жизнь. Такое представление о вечности, как о культурном бессмертии, встречается не только в исторических сочинениях. Эта идея тесно связана с понятием славы (κλέος), определяющей героическое мировосприятие на протяжении всего архаического периода⁵². Именно славные деяния и прославленные герои обретают вечность в культурной памяти последующих поколений, ибо только слава способна преодолеть деструктивную мощь времени. Именно стремление обрести ее привело Ахиллеса к стенам Трои, даже несмотря на то, что он знал, что этот поход станет для него последним⁵³. Как говорит Диотима в «Пире» Платона (208d–e):

Захотелось бы Алкестиде умереть за Адмета, Ахиллу – вслед за Патроклом, а [...] Кодру – ради будущего царства своих детей, если бы все они не надеялись оставить ту бессмертную память (ἀθάνατον μνήμην) о своей добродетели, которую мы и сейчас сохраняем? Я думаю [...] что все делают всё ради такой бессмертной славы об их добродетели (ἀρετῆς ἀθανάτου καὶ τοιαύτης δόξης εὐκλειοῦς) [...] Бессмертие – вот чего они жаждут (τοῦ γὰρ ἀθανάτου ἐρῶσιν). (Пер. С.К. Апта)

По замечанию мудрой мантиянки Диотимы без этого свойства славы – делать сыскавшего ее бессмертным – поведение героев прошлого выглядело бы попросту бессмыслицей, абсурдом (ἀλογία – 208c). О славе, противостоящей уничтожающей силе времени, пишет и Симонид (VI–V вв. до н.э.) (26 West):

Светел жребий и подвиг прекрасен
Убиенных перед дверью фермопильской!
Алтарь – их могила; и плач да смолкнет о них, но да будет
Память о славных живую в сердцах! Время
Не изгладит на сей плите письмен святых,
Когда все твердыни падут и мох оденет их следы!
Тут схоронила свой цвет Эллада? любовь свою.
Ты, Леонид, мне свидетель о том, спартанский воин,
Чей не увянет вечный венец (ἀέναον κλέος). (Пер. В.В. Иванова)

Славная жизнь, достойная рассказа – человеческий путь к бессмертию⁵⁴. Э. Баккер в статье, посвященной идеологии и времени в древнегреческой литературе и философии, отмечает, что, хотя жизнь любого героя неизбежно «подходит к концу, этот конец становится началом бессмертия, “перерождением” в эпическое тело, которое, таким образом, может быть рассмотрено как постоянная, неизменная культурная институция»⁵⁵. Интересно, что, как и в случае с вечностью богов, обретенная героями в нарративе вечность все же не подразумевает неизменность. Традиционные сюжеты могут быть переосмыслены, подвергнуты изменению в деталях, хотя практически всегда такого рода рассказы сохра-

⁵² См.: Йегер 2001. С. 29–65.

⁵³ «Илиада» IX. 410–416.

⁵⁴ См.: «Илиада» IX. 412–416; Гиртей 12 West 27–32; Пиндар. «Пифийские песни» I, 93–94 и др.

⁵⁵ Bakker 2002. P. 26–27.

няют свою идейную целостность⁵⁶. Тем не менее, культурная память – не единственный способ бессмертия, доступный смертным. Каждый человек по своей природе смертен, но человечеству как роду доступна определенная форма бессмертия. Речь идет о биологическом воспроизведении, смене поколений, когда человек «сохраняет» себя в потомках. В «Гимне к Афродите» («Гомеровы Гимны» IV) рассказывается история Анхиза, получившего такой тип бессмертия в дар от богини.

Афродита, притворяясь смертной, соблазняет Анхиза. Когда тот узнает, что в его постели побывала богиня, он молит ее даровать ему бессмертие, не оставляя жить среди людей, «Ведь силы навеки теряет / Тот человек, кто с бессмертной богиней ложе разделит!» (189–190). Афродита отвечает отказом, напоминая две истории об обретении бессмертия смертными. Первая (202–217), позитивная – о Зевсе и Ганимеди, когда бог, плененный красотой юноши, забрал его в свой дом, и наделив вечной юностью и бессмертием, сделал виночерпием на пирах богов. Вторая (218–238), негативная – о Тифоне и Эос, когда богиня попросила Зевса сделать своего возлюбленного бессмертным, забыв упомянуть про вечную молодость. Тифон полностью лишился жизненных сил, но так и не умер, пребывая в вечном мраке за закрытыми дверями спальни Эос. Афродита не может взять Анхиза на Олимп, сохранив его молодость и сделав бессмертным (ведь она хвасталась среди богов, которых неоднократно сводила со смертными, собственным целомудрием в «мире людей»), но не желает своему любовнику и жуткой участи Тифона, а потому дарует ему бессмертие в другой форме, обещая: «Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится. / Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной» (Гомеровы Гимны. «К Афродите» 196–197). Платон, обсуждая этот же тип бессмертия, пишет («Пир» 206e–207d):

Рождение – это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу [...] А значит, любовь – это стремление и к бессмертию. Ведь у животных, так же как и у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем – порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого (τῆ γενέσει, ὅτι αἰεὶ καταλείπει ἕτερον νέον ἀντὶ τοῦ παλαιού).
(Пер. С.К. Апта)

В некоторых случаях мы встречаемся и с более радикальной идеей: даже механическое замещение может рассматриваться как аналог бессмертия. Например, знаменитый элитный отряд войска Ксеркса – «бессмертные» (ἀθάνατοι) – получил такое название в связи с тем, что «Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал [...], то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда бывало ровно 10 000 воинов – не больше и не меньше» (Геродот. «История» VII. 83); или способные вызвать недоумение у современных читателей договоры о «бес-

⁵⁶ О переосмыслении мифологических сюжетов в древнегреческой литературе (прежде всего в драме) см.: Древнегреческая трагедия. М., 2000. С. 317–403.

смертии» рабов, когда при передаче рабов в аренду, арендодатель гарантирует постоянное число арендуемых рабов (т.е. «пополняет» их число в случае смерти на рабочем месте), а заемщик оплачивает изначально фиксируемое количество труда⁵⁷.

Грегори Надь противопоставляет два эти типа бессмертия – предполагающий героическое деяние достойное вечной славы (κλέος), случай Ахилла; второй – зависящий от непрерывности рода, гарантирующего сохранение себя в потомстве (γένεσις), случай Анхиза⁵⁸. Такое противопоставление находит определенную поддержку и у древних авторов. Например, в «Пире» (209d) Платон различает эти два типа бессмертия, говоря о предпочтительности «пути славы»: потомство Гомера и Гесиода (их поэтические произведения), Солона и Ликурга (законы) «достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу (ἀθάνατος κλέος) и сохраняет память (μνήμη) о них, потому что и само незабываемо и бессмертно». Тем не менее, бессмертие через славу и бессмертие через род не являются взаимоисключающими: очевидно, что культурное наследие нуждается в биологическом воспроизведении. Для Платона приоритет славы перед воспроизведением в «Пире» является следствием предшествующего обсуждения онтологического главенствования идеального над материальным⁵⁹. Слава же в обычном понимании, т.е. не связанная со стремлением души к разумению и добродетели, рядоположена биологическому воспроизведению, как он пишет в «Законах» (IV. 721b–c):

[Ч]еловеческий род по природе своей причастен бессмертию, всяческое стремление к которому врождено каждому человеку. Именно это заставляет стремиться к славе и к тому, чтобы могила твоя не была безымянной. Ведь род человеческий тесно слит с совокупным временем (τοῦ παντός χρόνου), он следует за ним и будет следовать на всем его протяжении. Таким-то образом род человеческий бессмертен, ибо, оставляя по себе детей и внуков, род человеческий благодаря таким порождениям остается вечно тождественным и причастным бессмертию (ταῦτόν καὶ ἐν ὧν αἰεὶ γενέσεται τῆς ἀθανασίας μεταληφέναι). (Пер. А.Н. Егунова)

Сама по себе идея гарантирующей бессмертие славы вне эпической традиции менее радикальна и индивидуалистична, она напрямую связана с идеей биологического выживания и сохранения полиса⁶⁰. Если для эпического героя Ахилла существует безусловный выбор – или неувыдающая слава (ἄφθιτος κλέος), или долгая, полная жизнь (δῆρὸς αἰὼν) в отечестве (Гомер. «Илиада» IX. 410–416), то, например, для рядового спартанского воина слава (как посмертная, так и прижизненная) мыслима только в терминах полиса и рода (Тиртей. 32 West 26–42):

⁵⁷ Ксенофонт «О доходах» IV. 14–15. Эти и другие примеры «бессмертия» через механическое замещение приводит Пьер Видаль-Накэ (Видаль-Накэ 2001. С. 223–226). См. также: Bakker 2002. P. 17–19.

⁵⁸ Nagy 1979. P. 119, n. 5.

⁵⁹ Ср.: Платон. «Пир» 208e – 209a.

⁶⁰ Bakker 2002. P. 17–18. См. также: Svenbro 1993. P. 65–68.

[С]тоном застонут о нем
 Все без разбора, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
 И сокрушенный тоской город (πόλις) родной заскорбит.
 Будет в чести и могила героя, отведают чести
 Дети, и дети детей, и все потомство его (γένος ἐξοπίσω),
 И не погибнет вовек ни громкая слава (κλέος ἐσθλὸν), ни имя, -
 Будет бессмертным всегда, даже под землю сойдя,
 Тот, кто был доблести полн [...]
 Если ж боец, избежав усыпляющей смерти, победой
 В ратном стяжает бою громкую славу себе,
 Чтят его все, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
 И, сладость жизни вкусив, тихо он сходит в Аид.
 Он и стареясь меж граждан всегда пребывает в почете (γῆράσκειν δ' ἄστοισι
 μεταπρέει),
 Чести и прав у него не отнимает никто, -
 Нет, перед ним каждый отрок, и сверстник, и ветхий годами
 Встанут, и место свое все предоставят ему. (Пер. Г.Ф. Церетели)

Также Солон в «Истории» Геродота (I.30) рассказывает Крезу, что человек, достойный считаться образцом счастья (ἄλβος), – это афинянин Телл. Во-первых, он жил в цветущее для родного города время [полис], во-вторых, у него были прекрасные сыновья и внуки [потомство], наконец, он пал смертью храбрых в бою [слава] (немаловажно, Солон отмечает и признание храбрости Телла согражданами, устроившими ему погребение за государственный счет [вновь, полис]). Таким образом, не только и не столько воинская доблесть славит человека и сохраняет его имя навечно, сколько совокупное счастье, связанное в не меньшей степени с полисом и потомками⁶¹.

Рассмотренные сюжеты, возможно, не исчерпывают все образы вечного в ранней греческой мысли. Тем не менее, они раскрывают специфику древнегреческого понимания вечности. Очевидно, что ни время богов, ни вечная память о героях, ни общие закономерности природы не требуют для своего объяснения специальной концепции вечности. Речь здесь чаще всего идет именно об обыденном значении слова: вечность есть долгое, но не бесконечное время. Вечность, следовательно, длится во времени и теснейшим образом связана с его течением. Далее необходимо определить, какая из концепций вечности наиболее органично следует из этого первоначального опыта мышления о вечном.

⁶¹ В связи с бессмертием через потомство можно вспомнить и практику именованья детей в честь отличительных добродетелей (ἄρεταί) отца (напр., Астианакт, получивший имя в честь своего отца Гектора, главного защитника Трои (Гомер. «Илиада» 22.506–508); дети Нестора – Эхефрон и Писистрат, получившие свои имена в честь выдающихся интеллектуальных (ἐχέ-φρων – «обладающий разумом») и риторических (πεισί-στρατος – «убеждающий войско») способностей своего отца (Гомер. «Одиссея» III. 413–415)) или наследование сыном имени отца, а также патронимии. См. подр.: Svenbro 1993. P. 64–79; Strauss 1993. P. 25–27).

Попытка укоренения этерналистского понимания вечности, т.е. вечности как трансцендентности, в древнегреческой традиции является крайне проблематичной. Безусловно, само развитие философии предполагает процесс постепенного уточнения мысли посредством разработки и корректировки релевантного философского языка. Порождение новых идей и понятий в философии неизбежно связано с некоторым насилием над традицией: выхватыванием традиционных образов из привычного контекста с последующим понятийным и даже терминологическим их оформлением в рамках философской картины мира⁶². Но только осознание этого контекста и позволяет заметить смысловой сдвиг, значимый для понимания понятия. Как вопрошает Ганс-Георг Гадамер «Кому еще слышится в "субъ-екте" первоначальное "под-лежащее"? Однако спрошу и иначе: кому оно там *не* слышится?»⁶³ Вечность как трансцендентность, в этом смысле, совершенно чуждая фигура мысли для традиции, в которой вечное не мыслится в отрыве от временного.

По этой же причине невозможно толковать вечное в ранней греческой мысли и в духе темпорализма – как бесконечности во времени. Действительно, вечное не мыслится древнегреческими авторами независимо от времени: боги живут во времени, хотя и обладают иным опытом временного; законы природы немислимы вне конкретного бытийного содержания, раскрывающегося в опыте времени, хотя и узнаются нами как сравнительно стабильная схема природных изменений; память нуждается во временной последовательности, хотя и оказывается противопоставленной ничтожащей силе времени. Вечное всегда во времени, но именно в опыте времени вечное и узнается как иное. Так Платон, этот «последний досократик»⁶⁴, называет время вечной копией (αἰώνιος εἰκόν – «Тимей» 37d) вечности. Традиционно фокус внимания исследователей направлен на то, что время является «всего лишь»⁶⁵ копией (εἰκόν) вечности. Тот же факт, что при этом время является сродным (ὁμόνυμος – 52a) вечности, попросту игнорируется.

Итак, необходимо понимать вечное в ранней греческой мысли не как трансцендентность и не как всевременность. Вечное, можно сказать, живет с родственным ему временным под одной крышей, хотя и отличается от него. Временное существует в изменении, а потому описывается в терминах последовательности – будет, затем есть, затем было. Оно несет на себе печать негации, ведь прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее есть лишь *соскальзывание* из будущего в прошлое. Вечное

⁶² См.: Аверинцев 2004; Миронов 2012.

⁶³ Гадамер 1991. С. 35.

⁶⁴ Curd 2004. P. 228.

⁶⁵ В действительности, Платон нигде не принижает значимость этой копии, напротив, характеризуя творимое (время и космос) в терминах наибольшего возможного совершенства (κάλλιστος καὶ ἄριστος – 68e; см. также: 37c; 39e; 41b etc.)

тоже существует во времени, но описывается не через последовательность, а через перманентное присутствие – *и было, и есть, и будет* (потому, например, будущее событие может обуславливать некое положение дел в прошлом). Оно противостоит негации, потому что за нескончаемыми изменениями являет то, что есть. Несмотря на то, что вечное длится во времени, оно точнее описывается лишенным формы времени инфинитивом «*быть*».

Именно невременное (т.е. независящее от дифференциации прошлого–настоящего–будущего), но длительностное существование представляется наиболее адекватной характеристикой вечности в ранней греческой мысли. А потому дальнейшее осмысление и разработка проблематики вечного у древнегреческих авторов в духе неозтернализма является весьма важной и эвристически перспективной задачей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беззгий. «Утешение философией» и другие трактаты / отв. ред. Г.Г. Майоров; пер. В.И. Уколовой, М.Н. Цейтлина. М.: Наука, 1990.
- Геродот. История / пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
- Гесиод. Полное собрание текстов / пер. В.В. Вересаева. М.: Лабиринт, 2001.
- Гигин. Мифы / пер. Д.О. Торшилова; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб: Алетейя, 1997.
- Гомер. Илиада / пер. В. В. Вересаева. М.-Л.: Гослитиздат, 1949 [Homer. Iliada / per. V.V. Veresaeva. M.-L.: Goslitizdat, 1949].
- Гомер. Одиссея / пер. В. В. Вересаева. М.: Ладомир, 2002.
- Гомеровы гимны / пер. В.В. Вересаева. М.: Недра, 1926.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд., испр. М.: Мысль, 1986.
- Древнегреческая трагедия / коммент. С.К. Апта, Ф.А. Петровского, В.Н. Ярхо. М.: Художественная литература, 2000.
- Еврипид. Трагедии. В 2 томах / пер. И.Ф. Анненского; изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, Ладомир, 1969, 1999.
- Ксенофонт. О доходах / пер. Э.Д. Фролова // Хрестоматия по истории древней Греции. М.: Мысль, 1964. С. 343–357.
- Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. / пер., ст. и комм. М.Л. Гаспарова; отв. ред. Ф.А. Петровский. М.: Наука, 1980.
- Платон. Собрание сочинений. Т. 1–4. М.: Мысль, 1990–1994.
- Софокл. Драмы / пер. Ф.Ф. Зелинского; под ред. М.Г. Гаспарова, В.Н. Ярхо; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1990.
- Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подгот. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989.
- Фукидид, Ксенофонт, Геродот. Вся история Древней Греции. М.: АСТ, 2010.
- Эллинские поэты. VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М.: Ладомир, 1999.
- Эсхил. Трагедии / пер., комм. Н. Подземской. М.: Искусство, 1978.
- Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда / Аверинцев С.С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 106–149 [Averincev S.S. Klassicheskaya grecheskaya filosofiya kak yavlenie istoriko-literaturnogo ryada / Averincev S.S. Obraz antichnosti. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. S. 106–149].
- Бибиков М.В. Эон новозаветный и ранневизантийский: бесконечность во времени и пространстве // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / под. ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 167–184 [Bibikov M.V. Eon novozavetnyj i

- rannevizantijskij: beskonechnost' vo vremeni i prostranstve // *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya – Vostok – Zapad* / pod. red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2010. S. 167–184].
- Бородай Т.Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // *Интеллектуальные традиции античности и средних веков (Исследования и переводы)*. М.: Круг", 2010. С.107–121 [Borodaj T.Yu. Vopros o vechnosti mira i popytka ego resheniya Fomoy Akvinskim // *Intellectual'nye tradicii antichnosti i srednix vekov (Issledovaniya i perevody)*. M.: Krug", 2010. S.107–121].
- Бугай Д.В. Правовое мышление в архаической Греции: Dike у Гомера и Гесиода // *Вопросы философии*. 2010. No. 9. С. 106–116 [Bugaj D.V. Pravovoe myshlenie v arхаической Grecii: Dike u Gomera i Gesioda // *Voprosy filosofii*. 2010. No. 9. S. 106–116].
- Бугай Д.В. Правовое мышление в архаической Греции. Dike у ранних элегиков // *Вопросы философии*. 2012. No. 1. С. 79–88 [Bugaj D.V. Pravovoe myshlenie v arхаической Grecii. Dike u rannix e'legikov // *Voprosy filosofii*. 2012. No. 1. S. 79–88].
- Видаль-Наке П. Черный охотник. М.: Ладомир, 2001 [Vidal-Naquet P. Chernyj oхotnik. M.: Ladomir, 2001].
- Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26–43 [Gadamer H.-G. Istoriya ponyatij kak filosofiya // Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 26–43].
- Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006 [Gajdenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. M.: Progress-tradiciya, 2006].
- Йегер В. Пайдейя. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001 [Jaeger W. Pajdejya. T. 1. M.: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 2001].
- Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014 [Lebedev A.V. Logos Geraklita. Rekonstrukciya mysl'i i slova. SPb.: Nauka, 2014].
- Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977 [Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii. M.: Nauka, 1977].
- Миронов В.В. Философия и Слово (или Ещё раз о специфике философии) // *Вопросы философии*. 2012. No. С. 14–27 [Mironov V.V. Filosofiya i Slovo (ili Eshhyo raz o specifike filosofii) // *Voprosy filosofii*. 2012. No. S. 14–27].
- Пановски Э. Этюды по иконологии. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 123–164 [Panofsky E. E'tyudy po ikonologii. SPb.: Azbuka-klassika, 2009. S. 123–164].
- Савельева И.М., Поletaев А.В. Образы и структуры времени в архаических культурах // *Образы времени и исторические представления* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг", 2010. С. 79–97 [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Obrazy i struktury vremeni v arхаических kul'turax // *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya* / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2010. S. 79–97].
- Суриков И.Е. Полис, Логос, Космос: Мир глазами элина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012 [Surikov I.E. Polis, Logos, Kosmos: Mir glazami e'lina. Kategorii drevnegrechskoj kul'tury. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2012].
- Суриков И.Е. Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // *Образы времени и исторические представления* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг", 2010. С. 113–144 [Surikov I.E. Temporal'nye predstavleniya v Drevnej Grecii polisnoj e'poxi // *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya* / pod red. L. Repinoj. M.: Krug", 2010. S. 113–144].
- Уолтерсторф Н. [1975] Бог бесконечен во времени // *Философия религии: Альманах (2006–2007)* / Отв. ред. В.К. Шохина. М.: Наука, 2007. С. 212–225 [Wolterstorff N. [1975] Bog beskonechen vo vremeni // *Filosofiya religii: Al'manax (2006–2007)* / Otv. red. V.K. Shochina. M.: Nauka, 2007. S. 212–225].
- Allen D.S. The Flux of Time in Ancient Greece // *Daedalus*. 2003. No. 132. P. 62–73.
- Bakker E.J. Khronos, Kleos, and Ideology from Herodotus to Homer // *EPEA PTEROENTA. Beiträge zur Homerforschung. Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag* / ed. M. Reichel and A. Rengakos. Stuttgart: Steiner, 2002. P. 11–30.
- Clay J.S. Hesiod's Cosmos. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Clay J.S. Immortal and Ageless Forever // *Classical Journal*. 1982. Vol. 77, No. 2. P. 112–117.

- Craig W. *Time and Eternity: Exploring God's Relationship to Time*. Wheaton, Ill: Crossway Books, 2001.
- Curd P. *The legacy of Parmenides. Eleatic monism and later presocratic thought*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004.
- Dodd C.H. *New Testament Studies*. Manchester: MUP, 1953.
- Eternity: A History* / ed. by Y.Y. Melamed. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Forbes C.A. *Crime and Punishment in Greek Athletics* // *Classical Journal*. 1952. Vol. 47, No. 5. P. 169–173; 202–203.
- Fränkel H. *Die Zeitauffassung in der Frühgriechischen Literatur* // *Wege und Formen frühgriechischen Denkens. Literarische und philosophische Studien*. 2. Aufl. München: Oscar Beck, 1960. S. 1–22.
- God and Time: Four Views* / ed. by Ganssle G.E. Downers Grove, IL: Inter Varsity Press, 2001.
- Graham D.W. *Explaining the Cosmos: The Ionian Tradition of Scientific Philosophy*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006.
- Guetter D.L. *Celestial Circles in the Timaeus* // *Apeiron*. 2003. No. 36. P. 189–203.
- Hannah R. *Time in Antiquity*. L., NY: Routledge, 2009.
- Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. 1–2 / ed. by M. L. West. Oxford: Clarendon Press, 1971–1972.
- Jong I.J.F. de. *Chapter One. Homer* // *Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*, vol. II / ed. by de Jong I.J.F., Nünlist R. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 17–38.
- Keizer H.M. *Life-Time-Entirety. A Study of ΑΙΩΝ in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999.
- Lackeit C. *Zeit und Ewigkeit in Sprache und Religion der Griechen*. Königsberg: Hartungsche Buchdruckerei, 1916.
- Laks A. *Some thoughts about Empedoclean cosmic and demonic cycles* // *The Empedoclean Cosmos: Structure, Process and the Question of Cyclicity. Proceedings of the Symposium Philosophiae Antiquae Tertium Myconense, 2003* / ed. by A.L. Pierris. Patras: Institute for Philosophical Research, 2005. P. 265–282.
- Leftow B. *Time and Eternity*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.
- McKiranhan R. *Signs and Arguments in Parmenides B8* // *Oxford Handbook of Presocratic Philosophy* / ed. by Patricia Curd, Daniel W. Graham. Oxford, NY: OUP, 2008. P. 189–229.
- Nagy G. *The Best of the Achaeans. Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1979.
- Perseus Digital Library // [Tufts Univ., 1985–2016]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>.
- Pike N. *God and Timelessness*. New York: Schocken, 1970.
- Plato and Hesiod* / ed. by G.R. Boys-Stones, J.H. Haubold. Oxford: OUP, 2010.
- Purves A. *Falling into Time in Homer's Iliad* // *Classical Antiquity*, 2006. Vol. 25, No. 1. P. 179–209.
- Ramelli I., Konstan D. *Terms for Eternity: aïōnios and aïdios in Classical and Christian Texts*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2007.
- Rogers K.A. *Eternity has no duration* // *Religious Studies*. 1994. Vol. 30, No. 1. P. 1–16.
- Romilly J. de. *Time in Greek Tragedy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1968.
- Slatkin L. *Measuring Authority, Authoritative Measures: Hesiod's Works and Days* // *The Moral Authority of Nature*. Chicago, 2004. P. 25–49.
- Smith P. *History and Individual in Hesiod's Myth of the Five Races* // *The Classical World*. 1980. No. 74. P. 145–163.
- Sorabji R. *Time, Creation and the Continuum: Theories in Antiquity and the Early Middle Ages*. London: Duckworth, 1983.
- Stamatellos G. *Plotinus and the Presocratics. A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads*. NY: State University of New York Press, 2007.
- Strauss B.S. *Fathers and Sons in Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Stump E., Kretzmann N. *Eternity* // *Journal of Philosophy*, 1981. No. 8, Vol. 78. Pp. 429–458.
- Stump E., Kretzmann N. *Eternity, Awareness, and Action* // *Faith and Philosophy*. 1992. No. 9. P. 463–482.
- Svenbro J. *Phrasikleia: An Anthropology of Reading in Ancient Greece*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1993.

- Swinburne R. *The Coherence of Theism*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Swinburne R. *The Christian God*. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Wilberding J.G. *Eternity in Ancient Philosophy // Eternity: A History* / ed. by Y.Y. Melamed. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 15–55.
- Wright M.R. *Presocratic Cosmologies // Oxford Handbook of Presocratic Philosophy*. Oxford, 2008. P. 413–433.

Плешков Алексей Александрович, кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поляева, НИУ «Высшая Школа Экономики» (Москва); apleshkov@hse.ru

Images of the eternal in the early Greek thought

The article discusses the key images of eternal which are typical for early Greek thought: the time of gods, the temporal status of the laws of nature, and the memorialization of the glorious deeds of the past. Along with the philosophical fragments, poetic, historical, and dramatic works are analyzed. Here the problematics of temporality and eternity was articulated for the first time. Thus, the explication of inherent images of eternal is extremely important for an understanding of ancient Greeks' worldview, and for the further development of the concept of eternity in philosophy, history of ideas and intellectual history.

Keywords: eternity, images of eternal, time, early Greek thought, ancient Greek philosophy, philosophy of time, the time of gods, laws of nature, memory

Alexey Pleshkov, PhD (philosophy), Junior Research Fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow); apleshkov@hse.ru

ГИЛЬОМ ИЗ СЕН-ТЬЕРРИ ПРОТИВ ГИЛЬОМА КОНШСКОГО: КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ ДВУХ МОДЕЛЕЙ ПОЗНАНИЯ?¹

Около 1125 г. Гильом Коншский опубликовал свой первый самостоятельный трактат «Философия». Благодаря ряду новых идей он довольно быстро начал распространяться в ученой среде. Один из экземпляров ок. 1140 г. попал в руки богослову Гильому из Сен-Тьерри, близкому другу Бернарда Клервосского. Придирчивый читатель всех интеллектуальных и богословских новинок, он уже выступил в те годы главным обвинителем Абеяра, что привело к временному отлучению знаменитому философа. Одновременно он попытался добиться суда над Гильомом Коншским, обратившись с посланием к своему влиятельному другу. Суда не последовало, но послание представляет собой важное свидетельство о стиле интеллектуальных дискуссий. В статье предлагается сравнительный анализ послания и «Философии».

Ключевые слова: *Шартрская школа, космология, ранняя схоластика, аскетическая традиция, богословие, средневековый гуманизм, Гильом Коншский, Гильом из Сен-Тьерри, Петр Абеяра, Бернард Клервосский.*

В 1125–1130 гг. Гильом Коншский, молодой нормандский грамматик, преподававший в школе Шартрского собора, опубликовал свое первое самостоятельное сочинение, дав ему несколько необычное, не без вызова, заглавие: «Философия». Как часто бывало тогда с подобными сочинениями, заглавие и авторство быстро начали меняться, хотя и не забылись полностью². Лишь медиевистика XX в. вернула Гильому должное место в истории знаний³. Однако не все его сочинения опубликованы, в биографии многое остается гипотетической реконструкцией, и даже «Философия», один из самых новаторских текстов Ренессанса XII в., издана не по всем рукописям, только в первой редакции и со спорным немецким переводом⁴. Важнейшим подспорьем для ее подробного анализа станет подготовленный к печати полный перевод этого сочинения⁵, но сегодня нас интересует вызванный появлением «Философии» в Северной Франции, конфликт, за которым стоят характерные особенности интеллектуальной истории Запада в середине XII в.

¹ В статье использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

² Dutton 2011. P. 467-486.

³ Gregory [1955]. Хотя высказывались и достаточно авторитетные скептические суждения. Так, Ричард Сазерн всю шартрскую мысль считал для своего времени устаревшей: Southern 1970. P. 83.

⁴ Guillelmus de Conchis 1980.

⁵ Шартрская школа... 2017.

Известно, что автор относился к своему раннему сочинению одновременно с уважением и долей иронии: «наша книжка под названием *Философия*, которую мы написали несовершенно, в несовершенной нашей юности»⁶. Так он пишет двадцать лет спустя, оставив Шартр ради воспитания наследников герцога Нормандии и графа Анжу Жофруа Плантагенета, будущего короля Англии Генриха II⁷. Высокое покровительство, видимо, стало для магистра чем-то вроде почетной пенсии: он потерял постоянный контакт с важнейшим интеллектуальным центром своего времени, но смог написать развернутую версию «Философии» – «Драхматикон философии». Вполне вероятно, что он пересмотрел и раннее сочинение, и свои комментарии и глоссы на древних, занимавших его уже в шартрские годы: «Тимей» Платона⁸, «Комментарий на Сон Сципиона» Макробия, «Утешение философией» Боэция, на сатиры Ювенала и на позднеантичного грамматика Присциана.

Уже по этим названиям можно видеть, что Гильом сочетал в своем преподавании интерес к натурфилософии древних с наукой, которая в системе семи свободных искусств называлась грамматикой, но оперировала теми методами анализа текстов, к которым генетически восходит современное литературоведение. В задачу учителя грамматики входило раскрытие «покровов» древних текстов – по сути, интерпретация мифа, например, космогонического мифа «Тимея». Макробий помогал в этом, но и сам нуждался в раскрытии⁹. «Коншский грамматик», как называл его в воспоминаниях Иоанн Солсберийский, благодарный ученик¹⁰, был в свои годы одним из лучших гуманистов такого рода, к которому принадлежали также Петр Абеляр, Теодорих Шартрский и Бернард Сильвестр¹¹. Впрочем, особенность шартрских мыслителей, их отличие от того же Абеляра – в том, что Библия, за исключением рассказа о Творении, «шестоднева», не становилась предметом их специальной интерпретации. То есть Шартр, будучи хранителем великой реликвии хитона Девы Марии и крупным епископством, в лице своей соборной школы формально не стал участвовать в захватившем другие центры обновлении богословия и превращении его в самостоятельную науку¹². Говорю *формально*, потому что шартрская традиция оказала влияние и на богословие, но ведя диалог как бы извне. Этот простой, но важный факт, ча-

⁶ Guillelmus de Conchis 1997. P. 7.

⁷ См., например: Burnett 1997 (Lecture 2, «The Education of Henry II»).

⁸ Guillelmus de Conchis 2006.

⁹ Jeuneau 1973. P. 265-308.

¹⁰ Johannes Saresberiensis 1991. P. 50-55.

¹¹ Основную историографию вопроса можно найти в: Воскобойников 2016.

¹² Chenu 1966. P. 26-29. В этой классической работе Шеню показал значение шартрцев, но важно и то, что формально они не считали себя богословами, даже если о такой «специальности» или «профессии» для того времени говорить еще рано.

сто игнорируемый даже в современной историографии, следует иметь в виду, чтобы правильно понять суть интересующего нас конфликта.

Обе «Философии» Гильома, и ранняя, и поздняя, сохранились в более, чем семидесяти рукописях каждая, в т.ч. XII в. Это серьезная цифра, говорящая об успехе и влиянии. Гильому и другим шартрцам подражали во второй половине столетия и в начале XIII в.¹³ Вместе с тем, мы должны себе представить довольно сложную судьбу оригинального текста «Философии»: что-то в нем правил на протяжении жизни автор, что-то – его современники, например, делая эксцерпты, т.е. выбирая из его трактата то, что им казалось важным в каждом конкретном случае, для дидактических или иных нужд. Такие эксцерпты, уже не имеющие отношения к авторской воле, тоже дошли в нескольких рукописях. Сама дидактически продуманная структура сочинения, поделенного на четыре книги и небольшие главы, располагала к такому отношению. В ней читатель мог найти, прежде всего, новейшую для своего времени версию христианской космологии. Она зиждилась, безусловно, на библейской картине мира, но корректировала ее, во-первых, за счет «Тимея» и других упомянутых выше авторитетов древности, во-вторых, за счет греко-арабской медицины, с которой Запад впервые познакомился благодаря первым переводам на латынь, выполненным в Южной Италии Константином Африканским в стенах влиятельного аббатства Монтекассино.

Гильом стал одним из тех новаторов, кто сразу почувствовал интеллектуальный импульс, данный этими переводами, и смог передать его ученикам и читателям: композиция и тональность «Философии» тому свидетельство. Ее «скромное» заглавие (по содержанию трактата, это, конечно, синоним «космологии», науки о мироздании, натурфилософии) сродни абелярвской «Теологии» в разных ее модификациях («христианская теология», «теология для учеников»). В нем манифест, сопоставимый, если не побояться анахронизма, с хайдеггеровским «Бытием и временем» или дройзеновской «Историкой». Молодой учитель грамматики, первой науки тривиума, не клирик, не богослов, демонстрировал современникам, как именно им искать верного понимания мироздания, и это не просто риторика или претензия¹⁴. Начав с того, что такое философия, он, как правоверный христианин, переходит к Богу и основным догматам христианства, т.е. невидимому, но истинно существующему миру, без которого немислим видимый, изучаемый «физиком» и «философом» мир. Вот как разворачивается повествование о стихиях или элементах:

¹³ Характерный пример – «Философия» англичанина Даниила из Морли, путешествовавшего в поисках знаний по всей Европе и некоторое время, на правах «свободного слушателя», участвовавшего в работе школы переводчиков в Толедо, при Герарде Кременском. – Maurach 1979.

¹⁴ Cadden 1995.

Есть такие, кто, никогда не читав ни Константина, ни иного физика, из гордыни считая недостойным себя учиться у других, дерзко выдумывают чего не знают и, чтобы не выглядеть отгмалчивающимися, говорят, что элементы суть свойства видимых, то есть жар, сухость, холод и влажность. Против таких охотников, разжившихся физикой, словно добычей, она возопиет устами Платона, называющего элементы «материями», поскольку никакие качества не могут быть материей для чего-либо. Материя есть то, что превращается в нечто, приняв форму. Возопиет она и через Иоанниция, толкующего в своем «Исагоге», что элементы – одно, их смешения – другое: горячее с сухим и т.д. Возопиет, наконец, с Макробием: «Поскольку в каждом элементе находились разные качества, бог дал каждому из них такое, родственное и подобное, которое он мог бы найти в соседнем, например, вода в земле находила холод, воздух в воде – влажность, огонь в воздухе – жар»¹⁵. Обрати внимание, он не сказал, что элементы – это качества, но что качества им присущи. Раз нечто, присущее чему-то, отлично от того, чему принадлежит, значит качества не суть элементы¹⁶.

Очевидно, что автору важно не только привести свои «авторитеты», как делали ученые во все времена и делают по сей день. Гильом, собственно, далеко не всегда так корректен в отсылке к мнениям других, многих он обходит молчанием. Но ему важно представить *свои* авторитеты в пику неким невеждам, игнорирующим интеллектуальные новинки. Если христианская рецепция Макробия началась уже при Каролингах¹⁷, то Константина Африканского, переводчика с арабского медицинских текстов древности, прежде всего галеновского «Пантехне» знали немногие. Иные же могли подобные тексты прочесть, но не принять, хотя бы потому, что человек в этих текстах – предмет не богословствующей антропологии, а физического описания, вовсе не чуждого морали, но и не ставящего своей целью спасение души. Такую позицию мы тоже должны себе представить и понять ее причину.

За Иоанницием, одним из немногих, кого Гильом вообще цитирует и хвалит, скрывается переводчик и философ из несториан Хунайн ибн-Исхак (809–873), его «Исагог», т.е. «Введение», служил настольной кни-

¹⁵ Сравнительно вольное резюме «Комментария на Сон Сципиона», 1, 6, 25 сл.

¹⁶ «Sunt quidam, qui neque Constantini scripta neque alterius physici umquam legerunt, ex superbia ab aliquo discere dedignantes, ex arrogantia quae nesciunt confingentes, ne nihil dicere videantur, dicunt elementa esse proprietates istorum quae videntur, calorem, scilicet siccitatem, frigiditatem et humorem. Sed istis Physicam velut in partem praedae elementa materias, cum nullae qualitates materia alicuius esse possint. Est etenim materia quod accepta forma transit in aliud. Reclamat item ore Ioannicii qui in Isagogis suis ait aliud esse elementa, aliud commistiones eorum, quae sunt calidae et siccae, et sic de aliis. Iterum reclamat ore Macrobbii qui dicit: ‘Cum in singulis elementis essent diversae qualitates, talem unicuique dedit, ut in eo cui inhaereret, et cognatam et similem reperiret, ut aqua cum terra frigiditatem, aer cum aqua humiditatem, ignis cum aere calorem’. Vide ut dixit elementa non esse qualitates, sed qualitates esse in elementis! Si ergo quod alicui inest, diversum est ab eo cui inest, non sunt qualitates elementa». *Guillelmus de Conchis*. Philosophia. II, 23. P. 28.

¹⁷ Caiazza 2002. P. 33; Петрова 2007. С. 140-141.

гой медиков вплоть до Нового времени, но тогда, в начале XII в., такая пропедевтическая медицинская литература стала откровением для всей натурфилософии¹⁸. В одном из первых комментариев на этот «Исагог» Гильом мог почерпнуть труднопереводимый термин, использующийся в той же главе «Философии»: *elementatum*, что-то вроде «элемента второго порядка». Это субстантивированное пассивное причастие, образованное от основы, не использовавшейся для создания глагола, тем не менее, признак результата некоего действия, произведенного «элементами» над самими собой или ими испытанного, в этом неологизме ощущался сразу. Пара *elementum* / *elementatum* прижилась в космологии позднего Средневековья, как и типологически схожая с ней *natura naturans* / *natura naturata*, возникшая в начале XIII в. и активно использовавшаяся еще Спинозой¹⁹. Вот как описывает элемент, т.е. основу физического мира этот анонимный, еще не опубликованный и мало изученный комментарий, называемый специалистами «Комментарий Дигби» по названию рукописной коллекции, в которой он до нас дошел:

Элемент есть простейшая и минимальная частица тела. Она минимальна в отношении других частей тела, проста в отношении к самой себе. Простым мы называем то, что подобно себе и в сущности и в частях, не в том смысле, что простые элементы имеют части, а в том, что они подобны себе в частях, потому что всякий элемент в простоте своей подобен такому же элементу, составляющему другое тело. Или можно сказать то же об *elementatis*, поэтому некоторые полагают, что элементы не что иное, как эти самые *elementata*, их и называют простыми по отношению к составным вещам, как называют простыми схожие друг с другом простые члены²⁰.

Есть мнение, что неологизм, отражающий специфический взгляд на видимый мир, изобретен самим Гильомом²¹. Но цитированный комментарий на «Исагог», скорее всего, итальянского происхождения, на что указывают некоторые особенности морфологии сохранившей его рукописи первой половины XII в. Поскольку южно-итальянские рукописи были доступны в Шартре, а обратное движение в это время менее вероятно (хотя и не невозможно), я склонен считать, что шартрский грамма-

¹⁸ Jacquart 1996. P. 100-101.

¹⁹ Weijers 1978.

²⁰ *Elementum est simpla et minima (minimi ms) corporis particula. Minima quantum ad quantitatem aliarum parcium corporis dicitur, simpla quantum ad se ipsam. Simplam autem rem dicimus, scilicet, cum que est in eadem essentia similis e[st] in partibus, non quod simplicia elementa partes habeant, sed similia sunt in partibus, id est simplicia, quia unumquodque elementum alii idem corpus co[m]ponenti in simplicitate simile est. Vel dicatur hoc de elementatis, ex hoc tamen quidam volunt habere quod non sint elementa, nisi hec que diximus elementata, et hec dicunt simplicia quantum ad alia magis composita, sicut consimilia membra dicuntur simplicia.* Oxford. Bodleian library. Ms. Digby 108. Fol. 5v.

²¹ См. об этом подробнее, с разбором позиций Ришара Леме, Питера Дронке и др., в недавней работе Ирене Каяццо: Caiazzo 2011.

тик здесь должник, причем долга своего не отрицает. Эта филиация идей с юга на север, через Альпы, важна. В Южной Италии начали переводить с арабского на латынь медицинские тексты, а заодно с ними был переведен с греческого трактат «О природе человека» Немезия Эмесского, по сути, святоотеческий текст, дававший обоснование благородства человека как венца творения с использованием терминологии той же греко-римской медицины, взбудоражившей воображение сначала первых ученых медиков Салерно, затем – того же Гильома Коншского²². Неслучайно его «Философия» описывает и строение мира, и строение человека, подобно тому, как в литературной, сочетающей поэзию и прозу форме, такое же описание космоса даст двумя десятилетиями позже Бернард Сильвестр. Однако, если Бернард и в прозе остается поэтом, то Гильом хочет быть именно «физиком», человеком строгой прозы. Но этот «физик», подобно называвшим себя *physici* салернским медикам того же века, изучает и мироздание, и человека. Его описание мирового устройства, *machina mundi*, еще не выводит Творца «за скобки», как осмелится сделать ближе к концу столетия Урсон Салернский, едва ли не крупнейший из этих *physici*²³. Но для Гильома, Его всемогущество уже не служит, как у Отцов, как у Амвросия Медиоланского, аргументом в споре. Например, оспаривая возможность существования замороженных вод, подвешенных над небесной твердью, он пишет:

Знаю, что они скажут: «Не знаем, как это происходит, но знаем, что Бог на это способен». Несчастные! Что может быть ничтожнее, чем сказать «это есть потому, что Бог может так сделать», не видя того, что есть, не зная причины, почему оно есть, не умея показать полезность того, что есть? Бог ведь не совершает все, что может совершить. Выражаясь по-простецки, «Он может из пня сделать бычка», – но разве делает? Либо пусть приведут разум-

²² Немезий Эмесский 1998. То, что этот трактат был переведен просвещенным архиепископом Салерно Альфаном I, видимо, знакомым с Константином Африканским, монахом Монтекасино, говорит о том, что знакомство латинского мира и с греческой медициной, и с христианской антропологией греков было частью своеобразной культурной программы, задуманной церковной элитой под покровительством монтекассинского аббата Дезидерия, обладавшего огромным влиянием в бенедиктинском ордена. – *Nemesius episcopus* 1917.

²³ У него Бог упоминается лишь в начале в качестве «высшей причины», *causa causalissima*, чьей властью первобытный хаос воплотился в устроенный мир. «Ex hac autem rudi et inordinata rerum iactantia ordinata et admiranda rerum processit series, dum summi artificis potentia creata eiusque sapientia humanam rationem effugiente soluta, discreta potestatis sensualitate accensa, *transeundi desiderio in actum* (курсив мой — *O.B.*) sue potestatis creantis imperio effrenata, sitibunde transitionis fluctuati iocunditate quasi simplicissima adventantium accidentalium applicatione formarum induta in ea simpla, sensualia et discreta actu prodiit, quibus sola potestate innitebatur, scilicet in quatuor elementa, que cum essent corpora, erant quanta, qualia, localia, temporalia, composita, simpla, partium omnium habentia identitatem». – Urso von Salerno 1975. S. 43-44. См. подробный анализ этого непростого текста: Van der Lugt 2011.

ное основание, почему оно так, либо покажут полезность, либо пусть пере-станут доказывать, что оно действительно есть. Так что нет там заморожен-ных вод и других над ними²⁴.

Это высказывание звучало смело, поскольку вера в существование верхних вод считалась догматом, а в ряду «несчастных» оказывались Отцы. Например, Абельяр, комментируя «Шестоднев», осторожно следо-вал за Августином²⁵. Впрочем, Абельяр был новатором в логике и бого-словии, физика интересовала его мало. Гильом же строит повествование в форме постоянного диалога то с незримым учеником, то с незримыми оппонентами. И тому, и другому он все время что-то доказывает, оттачи-вая свой язык, словно меч:

Голая правда нам милее наряженной в тогу лжи. Если же кому-то не по нра-ву сухость нашей речи, поняв, что у нас на душе, он не только не станет про-сить красивых слов, но подивится самому предмету нашего исследования. Разве есть место украшению там, где нужно сначала подумать, что и как чи-тать, затем изложить прочитанное, использовать его в диспутах против лжи, вынести суждение о находках других и наточить язык в борьбе против за-вистников, чтобы исполнилось в нас сказанное о сынах Израиля, которые, восстанавливая храм, в одной руке держали меч, в другой камень?²⁶

В этом прологе ко второй книге, каком угодно, но не «сухом», ощущается своеобразная воинственная удаль, но и готовность к спору и диалогу. В этой диалогичности связь ранней, «несовершенной» «Фило-софии» с поздним, как бы «зрелым», более мирным по духу «Драхмати-коном». Только во втором участники диалога названы, а в первой пред-ставлена живая семинарская дискуссия, участники которой выдвигают аргументы за и против, как в абеляровском «Да и нет».

Таков Гильом, и приведенные цитаты, надеюсь, дают некоторое представление о его интересах, стиле мышления и изложения мыслей²⁷. Он не был единственным, кто искал физический смысл рассказа Книги

²⁴ «Sed scio quid dicent: 'Nos nescimus, qualiter hoc sit, sed scimus dominum posse facere'. Miseri! Quid miserius quam dicere istud est: 'Quia deus illud facere potest', nec videre sic esse nec rationem habere, quare sic sit, nec utilitatem ostendere, ad quam hoc sit? Non enim quidquid deus potest facere facit. Ut autem verbis rustici utar: 'Potens est deus de trunco facere vitulum': Fecitne umquam? Vel igitur ostendant rationem, quare; vel utilitatem, ad quam hoc sit; vel sic esse iudicare desinant. Sic ergo nec aquae congelatae ibi sunt nec super eas aliae sunt». *Guillelmus de Conchis*. Op. cit. II, II, 5. P. 43.

²⁵ Petrus Abaelardus 1855. Col. 736; Августин. О Граде Божиим. С. 231-232.

²⁶ Неем. 4, 17. Maluimus tamen praetendere nudam veritatem quam palliatam falsita-tem. Si quis tamen est, cui ariditas nostri animi occupationes cognoverit, non tantum ornatum sermonis non quaesierit, sed de illo quod agimus stupebit. Quis enim ullus reliquus locus potest esse ornatu, cum oporteat, quid et qualiter legamus cogitare, deinde legendo exponere, in disputationibus contra falsa declamare, de aliorum inventis iudicare, contra invidorum detractones linguam acuere, ut iam in nobis impletum sit illud de filiis Israelis, qui reaedificantes templum in una manu gladium, in alia lapidem habebant?» – *Guillelmus de Conchis*. *Philosophia*. II. Prologus. P. 41.

²⁷ *Ibid.* I, VII-X, 19-35. P. 26-33.

Бытия, не отвергая истинности этого рассказа. Ни разу не упомянутый им Теодорих Шартрский, уже знакомый русскому читателю, видимо, вызывал некоторую зависть нашего грамматика, поскольку тот пользовался не меньшей популярностью и, вероятно, как канцлер собора, большим авторитетом. Сходство его «Трактата о шести днях творения» с «Философией» довольно очевидно: Теодорих видел именно в «физическом» истолковании «Шестоднева» букву Писания, он тоже зачитывался «Тимеем» и «Асклепием», и его трактат в иных пассажах выглядел как минимум деистическим, если не сугубо материалистическим²⁸. Полемический, доходящий до воинственной презрительности тон Гильома, чуждый Теодориху и Бернарду Сильвестру, находит параллели в интеллектуальной среде того времени, в особенности, у провозвестников новой астрологии: Раймунда Марсельского, Аделарда Батского²⁹ и в двух кратких апологиях новой астрономии, написанных Петром Альфонси в 1110-х гг. и анонимным южноитальянским переводчиком птолемеевского «Альмагеста», работавшим в середине века. Петр, крещенный просвещенный иудей, бравировавший своим знанием астрологии, о которой его новые единоверцы в те времена едва слыхали, смеялся и над любителями Макробия, по его мнению, глубоко устаревшего, и над традиционной в христианской Европе системой свободных искусств. Сицилийский аноним, проповедуя благородство науки о небе, повторю, абсолютно новой для своего времени, но освященной авторитетом седой древности, возмущался самоуверенным невежеством судей, которые

вершат дела, в которых ничего не смыслят, а чтобы не показаться неучами, все неведомое объявляют либо бесполезным, либо достойным презрения. Арабы говорят, что нет большего врага у науки, чем невежда. И обвинители тем упорней, чем им самим очевиднее позор, грозящий им от всякой хвалы в адрес науки. Умолчу о таких ревнителях благочестия, которые ополчаются и на самые благочестивые науки. Прямо скажу: это благочестивые грешники, которые, стараясь пресечь тлетворную мирскую суету, ополчаются на питательницу всякого благого начинания – философию – и страшно хулят ту ее ветвь, которая вскормлена ярчайшими умами и тем более достойна называться мудростью, что она, в своей возвышенности и ясности, словно приятными оковами пленяет души человеческие для радостного созерцания. Это заблуждение, слабнваемое то их радением о вере, то злопыхательством, взрастило ненависть к знаниям и среди невежд, коих большинство³⁰, посеяло уверенность, что наука о числах и измерениях бессмысленна и бесполезна, а изучение звезд – идолопоклонство³¹.

²⁸ Теодорих Шартрский 2010. С. 332-333.

²⁹ Raymond de Marseilles 2009. P. 160. Аделард Батский, переводчик с арабского астрологических и астрономических текстов, как и Гильом Коншский, был связан с двором Генриха Плантагенета. Burnett 1998. P. XVII.

³⁰ Возможно, здесь отсылка к пассажи в начале «Экклезиаста» (Еккл. 1:15): «Stultorum infinitus est numerus», который в Вульгате сильно отличается от синодального перевода («Чего нет, того нельзя сосчитать»). Не знаю, на каком именно основа-

Конечно, резонно предположить, что еще довольно редкие в то время знатоки не только латинской, но и арабской, еврейско-арабской или греческой интеллектуальных традиций сами по себе были людьми более открытыми новшествам. В гуманистическом желании поделиться своими открытиями с современниками они ратовали за новые горизонты и клеймили ретроградов. Долг западноевропейской науки по отношению к этим первопроходцам велик и ни у кого уже не вызывает сомнения. Но важно и то, что это движение нашло отклик у тех, кто, как Гильом Коншский, не нашел времени, желания или возможности выучить какой-либо из названных языков, но выступил в защиту новых методов познания христианской истины³²:

Мы говорим, что всему надо искать разумное объяснение, если оно найдено. Если что-то нам непонятно в Священном Писании, предадимся Святому Духу и вере. Моисей ведь не говорит: «Если невозможно съесть агнца, пусть сожгут его», но «пусть возьмет с соседом своим, ближайшим к дому своему», а если и тогда не достанет едоков, тогда да будет сожжен³³. Исследуя божественное, если мы чего-то не понимаем, надо позвать ближайшего соседа, то есть спросить приверженца католической веры. Если же ни мы, ни он не понимаем, тогда предадим этот вопрос огню веры. Те же, имея множество соседей у дома своего, по гордости не хотят никого звать и предпочитают оставаться в неведении, чем спросить у другого, а как узнают, что кто-то другой задает вопросы, называют его еретиком, больше полагаясь на капюшон своей рясы, чем на разумение. Прошу, не доверяйся их облику, ведь в них исполнилось сказанное сатириком:

К лицам доверия нет, – ведь наши полны переулки
Хмурых распутников...

и далее:

Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью³⁴.

нии бл. Иероним передал словом *stultorum* («дураков», «невежд») еврейское *heseron*, «недостаток», «отсутствие», вполне соответствующее и *hustérema* Септуагинты.

³¹ Воскобойников 2015. С. 469-470. Здесь дан полный перевод предисловия к переводу «Альмагеста» и «Письма к перипатетикам Франции» Петра Альфонси.

³² *Nos autem dicimus in omnibus rationem esse quaerendam, si potest inveniri. Sin autem alicui deficiat quod divina pagina affirmat, sancto spiritui et difei esse mandandum. Non enim ait Moyses: 'Si agnus non potest coedi, statim igne comburatur', sed 'prius convocet vicinum, qui coniunctus est domui suae'. Et si nec ita sufficiant ad esum agni, tunc demum igne comburatur'; quia cum de divinitate aliquid queramus, si ad illud comprehendendum non sufficimus, vicinum domui nostrae coniunctum convocemus, i.e. manentem in eadem fide catholica inquiramus. Sin autem neque nos neque ille ad id comprehendendum sufficimus, tunc igne fidei comburamus. Sed isti multos habentes vicinos domui suae coniunctos ex superbia nolunt aliquem convocare maluntque nescire quam ab alio quaerere, et si inquirentem aliquem sciant, illum esse haeticum clamant plus de suo capicio praesumentes quam sapientiae suae confidentes. Sed quaeso, ne habitui credas, iam enim in eis impletum est quod ait Satiricus: 'Fronti nulla fides, quis enim non vicus abundat tristibus obscaenis?' et iterum: 'Rarus sermo illis et magna libido tacendi'». *Guillelmus de Conchis*. Op. cit. I, XIII, 45. P. 39-40.*

³³ Пересказ Исх. 12, 4–10, где речь идет о пасхальном агнце.

³⁴ *Ювенал*. Сатиры. II, 8–9; 14.

Перед нами – поиск *разумной веры*, не прекращавшийся на протяжении всей истории средневекового христианства, от Отцов до флорентийских неоплатоников. Но мы чувствуем по тональности речи, по язвительности, с которой в нее влетается понятная ученикам античная сатира³⁵, что Гильому было с кем спорить. Кто эти «похотливо молчащие» «хмурые распутники»? Чьего облика, *habitus*, следует опасаться школяру, которому адресована «Философия»? Кто тот не названный «некто» или «иной», тот *quidam*, который вечно противоречит всему, что излагает автор? Его собственный внутренний голос, обретший дар речи вопросительный знак? Очевидно, что речь о том, кто имеет право обвинять в ереси, т.е. если не о цензорах в нашем смысле слова, то о ревнителях, хранителях правоверия.

В начале 1140-х гг. «Философия» попала в руки Гильома из Сен-Тьерри, оставившего бенедиктинский орден ради Сито, преданного соратника и будущего агиографа Бернарда Клервосского. В отличие от харизматического лидера цистерцианской аскезы, прекрасного психолога, поэта и проповедника, но не философа, не ученого, Гильом стал своеобразным посредником между миром соборных школ и монастырской духовностью. Именно он мог спорить с магистрами вроде Абеяра на их языке, хотя бы потому что придирчиво вчитывался в новинки, распространявшиеся во Франции. Известна его роль в деле Абеяра: сам Бернард около 1140 г. пытался усмирить его пыл, но суровая критика, которой подверг «неумного носорога» Гильом из Сен-Тьерри, привела-таки к осуждению и отлучению немолодого богослова, имевшего и общеевропейский авторитет, и высокое покровительство в церковных и светских кругах. За примирение попавшего в опалу магистра с Церковью и Бернардом пришлось взяться лично аббату Клуни Петру Достопочтенному³⁶. Еще в молодости Гильом резко ответил богослову Руперту из Дойца, возмущившись «новшествами» его литургии³⁷. Неудивительно, что и в «Философии», хотя и попавшей к нему более десяти лет спустя после выхода в свет, влиятельный критик увидел яблоко от абеяровской яблони. Его реакция выразилась в послании-трактате, адресованном к еще более влиятельному (хотя и не всеильному) главе цистерцианцев. Рукописи не донесли до нас авторского или иного названия; современные издатели условно назвали его «Заблуждения Гильома Коншского»³⁸.

Автор послания выдвигает против оппонента очень серьезные обвинения в конкретных, названных по имени формах ереси (савеллиан-

³⁵ Напомню, что Гильом комментировал Ювенала в классе. Jeuneau 2011.

³⁶ В настоящее время я готовлю полный перевод полемического послания Гильома из Сен-Тьерри против Абеяра.

³⁷ Guillelmus a Sancto Theodorico 2003. P. 47-52.

³⁸ Guillelmus a Sancto Theodorico 2007. P. 61-70.

ство и манихейство), и предлагает Бернарду ратовать за отлучение магистра, что, несомненно, заставило бы его умолкнуть и прекратить преподавание. Вместе с тем, чтение письма и сопоставление приводимых в нем пассажей показывает, что наш богослов работал, как минимум, впопыхах. Занимают его лишь первые главы «Философии», где Гильом Коншский предпосылает своей космологии небольшое, но важное богословское введение. В случае с Абельяром он нашел время и силы, чтобы систематически разобраться в сочинениях оппонента, в сути его метода, а свое развернутое опровержение отправил Бернарду и шартрскому епископу Жофруа Левскому вместе с абеляровскими текстами, снабдив их своими примечаниями на полях. Опровержение Гильома Коншского – результат быстрого знакомства с некоей версией «Философии», которую сейчас трудно реконструировать: сопоставление конкретных мест показывает, что либо сам критик, либо, что менее вероятно, переписчик попавшей к нему рукописи мог невинно заменить *divinitas*, «божество», на *trinitas*, «троицу». Поскольку наказание за «ошибки» ожидалось суровое, такие «неточности» в цитировании (или традиции текста?) не могут не обескураживать. Вполне вероятно, что Гильом из Сен-Тьерри просто спешил «пришить» дело своего тезки к готовившемуся им же разбирательству по Абельяру, которое и развернулось в Сансе в начале 1141 г.³⁹

Каскад оскорбительных эпитетов обрушивается на голову Коншского грамматика уже в самом начале. Наверное, особенно обидно для не лишённого честолюбия магистра было оказаться на подпевках у Абельяра, о котором в Шартре, конечно, хорошо знали, но вовсе не воспедали. Тем не менее, критику важно подчеркнуть, что оба новатора, корольки без роду без племени, несут одинаковое зло. Прислушаемся к тональности его филиппики:

Поскольку мы говорим о Боге, будем придерживаться не только формы здоровой веры, но и здоровых о вере слов: как этот наш философ любит говорить словами своих философов, так и мы будем говорить исключительно словами Отцов, учителей и вожатых наших, придавая их словам их настоящее значение, опираясь на их наследие и ничего не выдумывая от себя. Опасно всякое дерзание там, где не соблюдается авторитетное суждение или не очевидны разумные доводы веры. Разум же веры в том, чтобы всякое человеческое разумение ставить вслед за верой или как пленника⁴⁰ отдавать ей его в услужение, не забывать о границах ее, установленных отцами нашими и не переходить их ни в чем. Этот человек, чьи суждения приведены выше, и Петр Абельяр, насколько можно судить по их писаниям, и по манере речи и по сходству ошибок единодушны, в едином духе блуждают, одними и теми же авторитетами вдохновляются, духу милости творят оскорбление, исследуя божественные выси в духе мира сего⁴¹. И знают, и

³⁹ Dutton 2006. P. 10-11.

⁴⁰ Как пленника – ср. 2 Кор 10, 5.

⁴¹ Духу милости... мира сего – ср. 1 Кор 2, 11-13.

говорят они одно, разве что иногда один опережает другого, если тот чего-то не знает, или один скрывает, другой выкрикивает то, что известно обоим. Пусть читающие полное изложение веры этого человека и его философию о Боге, которую он взял в уста свои⁴², посмотрят, есть ли там что-то здоровое или что-то не совсем безрассудное и не совсем еретическое⁴³.

Как видим, делая своих оппонентов приверженцами одной секты, Гильом в одной фразе четыре раза использует слово «дух», *spiritus*, и такой настойчивый повтор знаменателен, ведь вопрос о мировой душе и третьем лице Троицы принципиален в их споре. Использование столь важного понятия сразу в четырех значениях, от самого прозаического до возвышенного, несказанного, таинственного. Но Гильом – не обскурантист в богословии. Важно то, что ложному, с его точки зрения, мирскому философствованию о Боге у него противостоит настоящая интеллектуальная и мировоззренческая позиция, укладываемая в лаконичном – и очень выразительном – оксюморе: *ratio fidei*. В моем переводе он передается сначала как «разумные доводы веры», затем – понимая всю рискованность этого выбора – как «разум веры». В первом случае, как я думаю, *ratio fidei* выступает однородным членом к *auctoritates*, вставая на место «разумных доводов» и «рациональных оснований», которых во всем требовал искать Гильом Коншский. Во втором же случае, в начале следующей фразы, перед нами уже раскрытие интеллектуальной, философской и, возможно, жизненной позиции, утверждению которой посвящено все богатое творчество Гильома из Сен-Тьерри.

Суд над Гильомом Коншским не состоялся, возможно, потому, что шартрский епископ отстоял своего «сотрудника», возможно, из-за отсутствия особого интереса со стороны Бернарда – его реакция на послание соратника неизвестна. Правда, велик соблазн увидеть в уходе Коншского магистра из Шартра ответ всем церковникам, не только Сито. Но нельзя

⁴² *В уста свои* – ср.: Пс 49, 16.

⁴³ «*Ut autem, cum de Deo loquimur, formam non solum sanae fidei, sed et sanorum in fide uerborum teneamus, sicut philosophus hic noster loqui amat ex philosophis suis, sic et nos loquamur quidquid loquemur ex Patribus, et doctoribus et ductoribus nostris, ipsis eorum uerbis sensus eorum afferentes, uestigiis eorum inhaerentes, nil de nobis praesumentes. Periculosum enim nimis est audere in talibus, nisi ubi uel euident tuetur auctoritas, uel manifesta ducit ratio fidei. Ratio autem fidei est omnem rationem humanam fidei postponere uel in obsequium fidei captiuatam redigere, terminos fidei ipsius, quos posuerunt patres nostri, non ignorare nec in aliquo eos praeterire. Hic autem homo, cuius sunt quae praemissa sunt, et Petrus Abaelardus, quantum ex scriptis eorum potest aduerti, et modo loquendi et similitudine errandi unius spiritus sunt, eodem spiritu ambulant, eisdem uestigiis, spiritui gratiae contumeliam facientes, cum spiritu huius mundi scrutantur alta Dei. Idem sapiunt, idem dicunt, nisi quod alter alterum, dum nescit, prodit, cum aliquando alter dissimulat, alter praecipitat, quod uterque sentit. Videant enim qui legunt totum contextum fidei hominis istius, et philosophiam de Deo, quam assumpsit per os suum, si quid in ea uel omnino sanum, uel non omnino sit insanum et haereticum».* *Guillelmus a Sancto Theodorico. De erroribus. Cap.2. P. 62-63.*

не учитывать и то, что симпатия к новой рефлексии над мирозданием находила сторонников и в высшем клире, в том числе, в 1140-х годах. Тот факт, что именно тогда папа-цистерцианец Евгений III читал и одобрил удивительно смелую «Космографию» Бернарда Сильвестра и не менее смелые видения Хильдегарды Бингенской, свидетельствует о том, что гуманистические тенденции были достоянием не только отдельных интеллектуальных центров, не только отдельных смельчаков, но постепенно становились достоянием всей просвещенной Европы. Более того, сам Гильом из Сен-Тьерри – автор не только глубоко аскетических «Благочестивейших размышлений» (*Meditationes devotissimae*). Полемизируя с «физиками», защищая собственную вселенную веры и разума, которая ошибочно представлялась магистрам ханжеским и озлобленным молчаливством, он написал специальное сочинение «О природе души и тела». Здесь наследие Отцов наравне с наследием Константина Африканского, т.е. с греко-арабской медициной, помогают ему обрисовать вполне актуальный для его времени образ человека как неразделимого единства совершенной, божественной души и такого же совершенно устроенного, функционирующего по природным законам тела⁴⁴. Напомним, наконец, что переводы иногда абсолютно антихристианских текстов в Толедо шла под покровительством архиепископов, предстоятелей всей кастильской церкви. Вполне вероятно, что ригористское крыло цистерцианцев слабело: его попытка подвергнуть разбирательству и осуждению другого философа-новатора, Жильбера Порретанского, тогда епископа Пуатье, а незадолго перед тем канцлера Шартрского собора, провалилась, и это тоже симптоматично⁴⁵. Епископат, склонный к компромиссам и не чуждый научному любопытству, бичуемому Бернардом⁴⁶, умел за себя постоять. В большой же исторической перспективе эта охватившая церковные круги «мода» на интеллектуальные новинки открыла путь для зарождения новой западноевропейской науки о природе, непосредственной предшественницы физики Нового времени.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Августин.* О Граде Божиим. В 4 т. М., 1994 [Avgustin. O Grade Bozhiem. V 4 t. M., 1994].
- Воскобойников О.С.* Праздное и несправдное любопытство в XII веке // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2012. N. 2 (10). С. 218-239 [Voskobojnikov O.S. Prazdnoe i neprazdnoe ljubopytstvo v XII veke // Istorija. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal. 2012. N. 2 (10). С. 218-239].
- Воскобойников О.С.* Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 453-472 [Voskobojnikov O.S. Dva golosa v pol'zu nauk o nebe v XII veke // Mnogolikaja sofistika: nelegitimnaja

⁴⁴ Guillelmus a Sancto Theodorico 2003. P. 101-148.

⁴⁵ Godman 2000. P. 125-134.

⁴⁶ Воскобойников 2012.

- argumentacija v intelektual'noj kul'ture Evropy Srednih vekov i rannego Novogo vremeni / otv. red. P.V. Sokolov. M., 2015. S. 453-472].
- Воскобойников О.С.* Право на миф. Введение в поэтику Шартрской школы // *Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе* / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 139-182 [Voskoboynikov O.S. Pravo na mif. Vvedenie v pojetiku Shartskoj shkoly // *Polystoria: cari, svjatyje, mifotvorcy v srednevekovoj Evrope* / отв. ред. М.А. Воjцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 139-182].
- Воскобойников О.С.* Молчание Абельяра. Письмо Петра Достопочтенного к Элоизе // Средние века. 2016 [Voskoboynikov O.S. Molchanie Abeljara. Pis'mo Petra Dostopochtennogo k Jeloize // *Srednie veka*. 2016].
- Немезий Эмесский.* О природе человека / пер. Ф.С. Владимирского. М., 1998 [Nemezij Jemesskij. O prirode cheloveka / per. F.S. Vladimirsogo. M., 1998].
- Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и мироздании в поздней античности. М., 2007 [Petrova M.S. Makrobij Feodosij i predstavlenija o dushe i mirozdanii v pozdnej antichnosti. M., 2007].
- Теодорих Шартрский.* Трактат о шести днях творения. Гл. 17 / пер. О.С. Воскобойникова, П.В. Соколова // *Космос и душа. Выпуск второй. Учения о вселенной и человеке в античности, в Средние века и Новое время (исследования и переводы)* / Под ред. А.В. Серегина. М., 2010. С. 326-344 [Teodorih Shartorskij. Traktat o shesti dnjah tvorenija. Gl. 17 / per. O.S. Voskoboynikova, P.V. Sokolova // *Kosmos i dusha. Vypusk vtoroj. Uchenija o vselennoj i cheloveke v antichnosti, v Srednie veka i Novoe vremja (issledovanija i perevodj)* / Pod red. A.V. Seregina. M., 2010. С. 326-344].
- Шартрская школа. Теодорих Шартрский, Гильом Коншский, Бернард Сильвестр, Алан Лильский. / Изд. подг. О.С. Воскобойников. М., 2017. Сер. «Литературные памятники» [Shartorskaja shkola. Teodorih Shartorskij, Gil'om Konshskij, Bernard Sil'vestr, Alan Lil'skij / Izd. podg. O.S. Voskoboynikov. M., 2017. Ser. «Literaturnye pamjatniki»].
- Adelard of Bath.* Conversations with his Nephew. On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds / Ed., transl. Ch. Burnett. Cambridge, 1998.
- Burnett Ch.* The Introduction of Arabic Learning into England. L., 1997.
- Burnett Ch. Introduction // *Adelard of Bath. Conversations with his Nephew. On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds* / Ed., transl. Ch. Burnett. Cambridge, 1998.
- Cadden J.* Science and Rhetoric in the Middle Ages: the Natural Philosophy of William of Conches // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 56. 1995. P. 1-24.
- Caiazzo I.* The Four Elements in the Work of William of Conches // *Guillaume de Conches: Philosophie et science au XIIe siècle* / Dir. B. Obrist, I. Caiazzo. Firenze, 2011. P. 11-17.
- Caiazzo I.* Lectures médiévales de Macrobie. *Les Glosae colonienses super Macrobius*. P., 2002.
- Cappuyns M.* Le *De imagine* de Grégoire de Nysse traduit par Jean Scot Érigène // *Recherches de théologie ancienne et médiévale*. Vol. 32. 1965. P. 205-262.
- Chenu M.-D.* La théologie au douzième siècle. P., 1966.
- Dutton P.H.* The Mystery of the Missing Heresy Trial of William of Conches. Toronto, 2006.
- Fidora A., Niederberger A.* Philosophie und Physik zwischen notwendigem und hypotetischem Wissen. Zur wissenstheoretischen Bestimmung der Physik in der Philosophie des Wilhelm von Conches // *Early Science and Medicine*. Vol. 6. 2001. P. 22-34.
- Godman P.* The Silent Masters. Latin Literature and its Censors in the High Middle Ages. Princeton, NJ, 2000.
- Gregory T.* Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955].
- Guillaume de Conches: Philosophie et science au XIIe siècle / dir. B. Obrist, I. Caiazzo. Firenze, 2011.
- Guillelmi a Sancto Theodorico opera omnia. Pars III: Opera didactica et spiritualia / Ed. St. Ceglar SDB, P. Verdeyen SJ. Turnhout, 2003.
- Guillelmi a Sancto Theodorico opera omnia. Pars V: Opuscula adversus Petrum Abaelardum et de fide / Ed. P. Verdeyen SJ. Turnhout, 2007.

- Guillelmus de Conchis*. *Philosophia* / Ed. Gr. Maurach. Pretoria, 1980.
- Guillelmus de Conchis*. *Dragmaticon philosophiae* / Ed. I. Ronca. Turnhout, 1997.
- Guillelmus de Conchis*. *Glosae super Platonem* / Ed. E. Jeuneau. Turnhout, 2006.
- Jacquot D.* La médecine arabe et l'Occident médiéval. Paris, 1996.
- Jeuneau E.* "Lectio philosophorum". Études sur l'école de Chartres. Amsterdam, 1973.
- Johannes Saresberiensis*. *Metalogicon* / Ed. J.B. Hall, K.S.B. Keats-Rohan. Turnhout, 1991.
- Macrobe*. *Commentaire au Songe de Scipion* / Ed. M. Armisen-Marchetti. 2 tomes. Paris, 2003.
- Maurach G.* Daniel von Morley, «Philosophia» // *Mittellateinisches Jahrbuch*. 1979. Bd. 14. S. 204–255.
- Nemesius episcopus*. *Premnon physicon a N. Alfano archiepiscopo Salerni in latinum translatus* / Ed. K. Burkhard. Leipzig, 1917.
- Petrus Abaelardus*. *Expositio in hexaameron* // *Patrologia latina* / Ed. J.-P. Migne. Vol. 178. Paris, 1855. Col. 731-782.
- Raymond de Marseille*. *Opera omnia*. Tome I. *Traité de l'astrolabe, Liber cursuum planetarum* / Ed. M.-Th. d'Alverny (†), Ch. Burnett, E. Poulle. P., 2009.
- Southern R.* *Medieval Humanism and Other Studies*. Oxford, 1970.
- Urso von Salerno*. *De commixtionibus elementorum libellus* / Hg. W. Stürmer. Stuttgart, 1975.
- Van der Lugt M.* Chronobiologie, combinatoire et conjonctions élémentaires dans le *De commixtionibus elementorum* d'Urso de Salerne, fin XIIe siècle // *La misura*. *Measuring*. *Micrologus*. Vol. XIX. 2011. 277-324.
- Weijers O.* Contribution à l'histoire des termes 'natura naturans' et 'natura naturata' jusqu'à Spinoza // *Vivarium*. Vol. 16. 1978. P. 70-80.

Воскобойников Олег Сергеевич, кандидат исторических наук, PhD, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ovoskoboynikov@hse.ru

William of Saint Thierry versus William of Conches: conflict or dialogue of two epistemological models?

Shortly after 1125, William of Conches, young grammarian at the School of Chartres, published his first treatise, the *Philosophia*. Thanks to some of its new ideas and style, it became popular and circulated largely in intellectual milieu. Around 1140, one copy reached the theologian William of Saint Thierry, close friend and biographer of saint Bernard of Clairvaux. This faultfinding reader of all novelties touching the ground of faith was already intervening in the second trial on Peter Abaelard, which eventually led to his excommunication. He proposed the same measure against the "heretic" from Conches, but did not succeed. However, his critical letter on William of Conches addressed to the leader of Citeaux remains a startling document of the intellectual atmosphere and the style of discussion, which dominated France in that years. The article proposes a comparative analysis of this letter and of the Conches' *Philosophia*. In the appendix, the first full translation of the letter and of the chapters on the elements from the *Philosophia*, into Russian are published.

Keywords: Chartres School, cosmology, early scholasticism, ascetical tradition, theology, medieval humanism, William of Conches, Williem of Saint Thierry, Peter Abaelard, Bernard of Clairvaux.

Oleg Voskoboynikov, PhD, School of historical sciences, Faculty of humanities, National research university Higher School of Economics; ovoskoboynikov@hse.ru

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ДРЕВНЕРУСКИЕ АНТИЛАТИНСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XII–XIII ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Предметом статьи является восприятие западной церкви древнерусскими книжниками, источниками – антилатинские слова и поучения XII–XIII вв. В литературе принято акцентировать неудачную композицию и вторичное содержание древнерусских полемических произведений против латинства. Однако сопоставление таких сочинений с их наиболее вероятными прообразами показывает, что древнерусские книжники были способны уточнять представления о Западе, сформированные богословами-греками, на основании самостоятельных наблюдений и рассуждений. Обращение к вопросу о том, когда жили, и кто были эти интересующиеся жизнью Запада люди, позволит существенно обогатить знания о международных связях Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь и Запад, антилатинская полемика, *Filioque*, хлеб Причастия, именовслов, убранство церквей, пищевые запреты, матримональные практики

Хорошо известно, что воздействие церковного раскола 1054 г. на политические, экономические и культурные связи Руси и Западной Европы обнаружилось далеко не сразу. Как пишет М. Колуччи, «несмотря на свои тесные и многоуровневые связи с Византией, затрагивавшие не только религиозную жизнь, но и все области культуры, Киевская Русь почти не имела реальных поводов разделять ту резкую враждебность к Западу, которая наблюдалась в отдельных сегментах византийского общества. Благодаря своей экономической и военной мощи, Русь была достаточно независима для того, чтобы выработать собственную систему представлений, оставлявшую место разным течениям, и, время от времени, допускавшую определенный уровень открытости»¹.

В подобном контексте не приходится удивляться ни важности западного «направления» в матримональных связях династии Рюриковичей², ни тому, что (судя по всему) именно первые крестовые походы послужили важнейшим стимулом развития древнерусского паломнического движения, ни даже тому, что граффити на древнерусском языке обнаруживаются на стенах известных католических святынь³. Та почти непреодолимая стена, которая сегодня разделяет религиозную жизнь «православной» России и «католического» Запада, возникла не ранее, чем в XIV–XV вв. Однако, чем больше мы узнаем о повседневном взаимодействии домонгольской Руси и Запада, тем актуальнее становится проблема восприятия конфессиональных различий, существовавших

¹ Colucci 1990. P. 586.

² Религиозный аспект этих браков исследуется в: Назаренко 2009. С. 269–283.

³ Назаренко 2001. С. 617–640; Назаренко 2009. С. 284–297; Brun et al. 2014.

между участниками такого рода контактов. Древнерусские книжники XII–XIII вв., несомненно, знали, что уже у ближайших соседей – в Польше, Чехии или Венгрии – «вера» иная. Но как именно понималась эта инаковость? Какие ее аспекты воспринимались наиболее остро и почему?

К ответу на поставленные вопросы можно продвигаться разными путями. С одной стороны, целесообразно выявить и систематизировать все те ситуации, когда в древнерусской книжности домонгольского периода упоминаются конкретные эпизоды взаимодействия между приверженцами восточного и западного христианства. Обобщение характеристик, которыми наделяются западные партнеры Руси в агиографии, летописании и «литературе путешествий», позволяет сделать определенные выводы о динамике восприятия западной церкви древнерусскими книжниками домонгольской поры⁴. С другой стороны, уже в первые десятилетия после Схизмы на Руси возникла традиция обличительных слов и поучений против латинян, призванных сформировать у местной аудитории общее представление о «развращенности» западной церкви. В основе этой традиции – сочинения, написанные митрополитами-греками, прежде всего Ефремом (ок. 1055 – ок. 1065)⁵ и Никифором (1104–1121)⁶, переведенные в дальнейшем на древнерусский язык. Однако существовали и сочинения местного происхождения, написанные, по-видимому, сразу по-русски: «Слово о вере христианской и о латинской» (далее СВХЛ) и «Сязание с латиною Георгия, митрополита киевского» (далее СГ)⁷. Древнейший список СВХЛ датируется рубежом XIV–XV вв., а единственный список СГ относится ко второй четверти XV в. Атрибуция обоих произведений представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему⁸, но то, что учительные сборники, в составе которых они находятся, в значительной степени восходят к оригиналам XII–XIII вв.⁹, позволяет говорить о вероятно раннем происхождении как СВХЛ, так и СГ, а соответственно и видеть в них воплощение наиболее раннего этапа в развитии «западной темы» русской культуры.

Еще в XIX в. ученые обратили внимание на то, что как «оригинальным русским» поучениям против латинян, так и их греческим «первоис-

⁴ Гладкова и др. 1996; Гладкова и др. 2002.

⁵ Чичуров 1997; Чичуров 2007; Čičurov 1998.

⁶ Никифор 2006. С. 124–184.

⁷ Новейшее издание обоих произведений: Антология 2013, с. 268–278, 516–518.

⁸ СВХЛ подписано именем Феодосия Печерского и регулярно публикуется среди его сочинений (напр., Еремин 1947. С. 170–173). Однако сомнения в авторстве Феодосия возникли еще в XIX в. (Голубинский 1901. С. 859–860), и с тех пор только укрепились (ср., напр.: Назаренко 2009. С. 316, прим. 9). В свою очередь, митрополит Георгий правил в Киеве в 1060–1070-е гг., но приписанное ему СГ «было составлено на основе послания митрополита Никифора Владимиру Мономаху о вере латинской» (Баранкова 2006. С. 43), а значит не могло быть написано ранее второй четверти XII в.

⁹ Ср.: Антология 2013. С. 3–5.

точникам» присущи композиционные недостатки. Так, А.Н. Попов писал о неспособности отделить «существенное от несущественного в деле веры», вследствие чего «рядом с догматом о св. Троице стоят вопросы о нечистой пище, о ношении перстня латинскими епископами, о перстосложении, изображении икон, о пении аллилуия, о стрижении бороды и т.п.»¹⁰. В свою очередь, А.С. Павлов связал неразработанность структуры антилатинских слов с общим уровнем древнерусской религиозности, отмечая, что «характер византийской полемики против латинян, насколько она усвоена древнею Русью, определенлся самим существом дела и степенью духовного развития той новой среды, в которую с конца X в. перенесена была эта полемика», и это рассуждение предвосхитило наблюдения современных исследователей о том, что в древнерусском понимании «веры» доминировала именно внешняя, формально-обрядовая сторона¹¹. Как следствие маловероятно, чтобы древнерусский спор с западной церковью принес с собой какие-то значительные богословские изыски.

Эффективность антилатинской «пропаганды», которую вела русская церковь, также была невысока, во всяком случае в домонгольскую эпоху. Ключевыми адресатами поучений «на латину» были князья – обращения к ним составляют системообразующий атрибут как переводных, так и созданных на русской почве сочинений этой группы¹². И именно от князей следовало бы, таким образом, ожидать наиболее жесткой позиции по отношению к вероотступникам. Однако анализ династических связей Рюриковичей с Центральной, Северной и Западной Европой, показывает, что, невзирая на все усилия иерархов, правители Руси явно предпочитали следовать логике политических союзов, а не стремиться к «строгому соблюдению церковных канонов»¹³. Неудивительно на таком фоне, что бытовавшие на Руси антилатинские сочинения затрагиваются современными исследователями лишь в рамках изучения иных проблем, будь то внешнеполитические связи Древней Руси¹⁴, текстология юридических и учительных сборников или «историческая лексикология русского языка» и история переводческого дела у восточных славян¹⁵. Системный анализ содержательной стороны новаций, привнесенных местными книжниками в полемику с западным христианством, не проводился.

¹⁰ Попов 1875. С. V.

¹¹ Павлов 1878. С. 4. Ср.: Юрганов, Данилевский 1998. С. 152–154.

¹² Митрополит Никифор адресовался к Владимиру Мономаху (Никифор 2006. С. 129) и некоему «Ярославу князю Муромскому Святославличу, сына Ярославля» (Там же. С. 153), которого А.Н. Попов идентифицировал как Ярослава Святополчича, кн. волынского (1100–1118) (Попов 1875. С. 118); неизвестный автор СВХЛ адресует к князю Изяславу (Антология 2013, с. 268), т.е., скорее всего, к Изяславу Мстиславичу, князю киевскому в 1146–1149 и 1151–1154 гг. (Подскальски 1996. С. 296).

¹³ Назаренко 2009. С. 273–275.

¹⁴ Там же. С. 269–283.

¹⁵ Шапов 1978. С. 167–168; Баранкова 2006 (в сокращенном виде статья переведена в: Антология 2013. С. 434–443); Баранкова 2003. С. 330.

Однако сами авторы и переписчики обсуждаемых поучений считали борьбу с «латинским зловерием» исключительно важной задачей всякого «правоверного», и чем больше было неизбежных политических и экономических контактов с Западом, тем данная задача становилась важнее, ведь Русская земля «исполнялась» представителями «злыя тоя вѣры». В подобной ситуации уклоняться от полемики с приверженцами Римской церкви значило бы обрекать своих («несведущих» по большей части) единоверцев на гибель в пасти сатаны – именно с такими словами обращался к своему адресату-князю составитель СВХЛ: «ты же, вѣдѣние имы, и не скрѣи въ собѣ, нѣ помози правовѣрнымъ на кривовѣрныхъ, и аще имъ поможеш, то яко овьца избавиши от усть лвовъ, аще ли умолчиши, то яко отъемъ у Христоса, прѣдаеш их сотонѣ»¹⁶. Такое обостренное восприятие религиозных различий диктовало творческий подход к делу полемики против западного христианства. Опираясь на греческие образцы, местные книжники дополняли сведения и полемические приемы, воспринятые от византийских учителей, собственными наблюдениями и рассуждениями. За исключением двух значительных по объему фрагментов, завершающих собой СГ, самостоятельные наблюдения и рассуждения древнерусских авторов лаконичны и никак не разграничены с текстом, дословно заимствованным у предшественников-греков; эта характерная для Средневековья творческая манера делает оригинальный вклад русских книжников неочевидным для позднейшего читателя. Дело дополнительно осложняется нестабильностью композиции антилатинских слов и поучений: в каждом следующем произведении порядок следования обвинений будет не таким, как в предыдущем. Однако если, абстрагировавшись от композиционных особенностей каждого конкретного текста, сосредоточиться только на вычленении тех фрагментов СВХЛ и СГ, которые не имеют прямых параллелей в сочинениях иерархов-греков, и рассмотреть эти дополнения как систему, складывается примечательная картина, раскрывающая перед современным наблюдателем своеобразие восприятия западного христианства на Руси.

Местные книжники не проявили интереса к принципиальному богословскому спору об исхождении Святого Духа. В перечислении латинских прегрешений, включенном в состав СВХЛ, соответствующее обвинение занимает последнее место и сводится к простой констатации: «се же паки глаголють и Духа Святаго исходящаго [от] Отця и от [Сына]. Мы же не глаголемъ “от [Сына]”»¹⁷. Заметно подробнее вопрос освещен

¹⁶ Антология 2013. С. 270-271.

¹⁷ Там же. С. 270. Издатели подчеркивают, что в обоих древних рукописях СВХЛ читается не «от Отця и от Сына», а «от Отця и от насъ» [Там же, прим. 1 и 2], однако чтение *от насъ* могло возникнуть не по концептуальным причинам, а из-за простой небрежности при переписке. На нынешнем этапе представляется уместным принять конъектуру, введенную в текст СВХЛ еще А.Н. Поповым (Попов 1875. С. 77).

в СГ, но это не должно вводить в заблуждение, поскольку рассуждение СГ о Filioque практически дословно воспроизводит аналогичный фрагмент в послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху:

СГ

Иже въ святѣмъ правилѣ, рекше “Вѣрую въ единого Бога”, такового приложенья творити злое, злѣ и бѣднѣ смысляше. Святини бо отьци, написавше сиче: “и Духа Святаго Господа животворящаго, от Отьца исходяща”, а си особѣ приложиша “иже от Отьца и от нас”, иже есть зловѣрье велико, и на жидовство прѣводятъ и въ савельскую ересь. Сего бо приложивше, отсѣкають вѣру святыхъ отьць първаго сбора и втораго, и того слова Христова, иже о приходѣ Святаго Духа глагола ученикомъ, якоже Иоанъ еунгелиистъ глаголетъ, тако рече: “егда угѣшителъ приидеть Духъ истинный, иже от Отця исходитъ, тѣ научить вы на всяку правду”. Христу бо не рекшо: “иже от насъ”, тако ти приложиша, зловѣрье бо то есть и ересь велика¹⁸.

Послание Никифора

Осмое же: въ святѣмъ правилѣ, рекше въ “Вѣрую въ единого Бога” такового приложение творити злое, злѣ и бѣдне смысляше. Святини бо отьци, написавше сиче: “и въ Духа Святаго животворящаго, от Отьца исходяща”, то ти приложиша, иже от Отьца и от Сына, еже есть зловѣрство велико и на жидовство приводя, и въ савельскую ересь. Сего бо приложивше, отсѣкають и вѣру святыхъ отецъ първаго събора и втораго, и того слова Христова, еже о приходе Святаго Духа глагола ученикомъ, якоже и еунгелиистъ глаголетъ, тако рече: “егда угѣшителъ приидеть Духъ истинный, иже от Отьца исходитъ, тѣ научить вы”. Христу бо не рекшо: “и от Сына”, то како ти приложиша? Зловѣрье бо то есть и ересь велика¹⁹.

Составитель СГ точнее процитировал 8-й член Символа веры (у Никифора пропущено слово *Господа*) и верно связал слова о Духе-утешителе с Евангелием от Иоанна²⁰. Однако не исключено, что и слово *Господа*, и имя евангелиста пропали по небрежности позднейшего переписчика послания Никифора, тогда как составитель СГ воспользовался более исправным текстом. Говорить о какой-либо самостоятельности древнерусских полемистов в трактовке проблемы Filioque нельзя.

С существенно бóльшим вниманием отнеслись древнерусские авторы к вопросу о хлебе Причастия. Упрек в служении над опресноками, которое, с точки зрения восточной церкви, делает главное христианское таинство неполноценным, был одним из ключевых уже в самый момент Схизмы²¹, и, естественно, присутствовал в сочинениях митрополитов Ефрема и Никифора²²; более того, последний счел нужным привлечь внимание местной паствы как к литургической, так и к «текстологиче-

¹⁸ Антология 2013. С. 273.

¹⁹ Никифор 2006. С. 131–132.

²⁰ Начальная часть приводимой цитаты («егда угѣшителъ приидеть Духъ истинный, иже от Отця исходитъ») восходит к Ин 15:26, завершение («тѣ научить вы на всяку правду») является сокращенным пересказом Ин 14:26.

²¹ В известном послании Михаила Кирулария Петру Антиохийскому, непосредственно посвященном обстоятельствам раскола 1054 г., служение над опресноками упоминается как минимум пять раз и оказывается наиболее известным из заблуждений западной церкви; существование других раскождений константинопольский патриарх считает нужным подчеркнуть особо: «фимляне поражают не только одним этим коплем — опресноками, — но многими и различными, из-за чего я и обратился к этим вопросам как к необходимым» [PG 1864. Col. 789; рус. пер.: Герд, Лурье 2001].

²² Січугов 1998. С. 343 (§ 2); Никифор 2006. С. 130, 155, 172–173.

ской» стороне вопроса, упомянув о неправомерном, по мнению греческих богословов, использовании глагола *corrumpere* ‘портить, повреждать, уничтожать’ в латинском переводе 1 Кор. 5:6²³: «еже изменяти слово святаго Павла, глаголюща тако: “маль квас все вмѣшение квасит”, а они тако мльвять, яко “маль квась все вмѣшение тлит”. Да вонми, княже мои, како о тои вещи лъжють. Квась бо вмѣшение, рекше, въ муку и въ воду, то паче растит и квасить, и велико творить, а не растлит, еже есть погубит. Стыдяще бо ся ти, имъже причащаются опрѣсноки, тѣм премениша слово апостольское и въ “квасить” мѣсто написаша “тлит”»²⁴. В СВХЛ, где содержание спора двух церквей в принципе передается конспективно, дело ограничилось простым указанием на то, что на Западе «опрѣснокомъ [в другом списке «оплаткомъ» – Д.Д.] служить»²⁵. Однако составитель СГ не только воспроизвел информацию, имевшуюся в сочинениях митрополита Никифора, но и дополнил рассуждения предшественника ссылкой на исторический пример – «вечного священника» Мелхиседека, который, встретив Авраама, благословил его не опресноком, а квасным хлебом и вином²⁶. Таким образом, антилатинская полемика обогатилась новым историческим примером.

Определенные трансформации претерпела под пером русских книжников критика принятых на Западе правил имянаречения. С точки зрения Ефрема и Никифора у используемых латинянами имен было два недостатка: они (а) брались не из святцев и (б) уподобляли своих носителей животным: «а крестящимся не наричють имен святыхъ, но звѣрина имена наричють – Левъ, Пардус и прочихъ звѣрей»²⁷. Известно, что в средневековье имя считалось феноменом огромного магического значения, а значит данные упреки должны были звучать убедительно, но русские книжники предпочли обратиться к новому аспекту проблемы: и в СВХЛ, и в СГ наряду с некалендарным характером имен отмечается, что на Западе выбор имени доверен не священнику, а родителям: «имени же не нарицяють святаго, нъ како прозовуть родители, в то имя крестятъ»; «и не наричають имене въ крещеньи епископи и попове по имени святаго или святыхъ, нъ имъже мати наречеть, в то же имя и крестятъ»²⁸. Вопрос этимологии и символического содержания имен уступил место критике процедуры их присвоения. Можно спорить о причинах замены²⁹, но

²³ В Синодальном переводе «Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?»; в Вульгате «Nescitis quia modicum fermentum totam massam corrumpit?».

²⁴ Никифор 2006. С. 134–135.

²⁵ Антология 2013. С. 269, 517.

²⁶ Там же. С. 276–277.

²⁷ Никифор 2006. С. 157 (ср.: Там же. С. 174); Ёсѣуров 1998, S. 344 (§ 18).

²⁸ Антология 2013. С. 269–270 (ср.: с. 517), 276; курсивы в цитатах мои – Д.Д.

²⁹ Свою роль могла сыграть непоследовательность греческих иерархов в разработке темы имянаречения. В частности, критика западного именованья отсутствует в важнейшем источнике СГ – послании Никифора к Владимиру Мономаху. Вполне

известная независимость древнерусских проповедников от своих греческих учителей в любом случае остается налицо.

Часть дополнений, внесенных русскими книжниками в рассуждения их греческих «учителей», касается организации храмового пространства. И Ефрем, и Никифор отмечали, что латинский обряд не предполагает последовательного отделения алтарного пространства от остального храма, какое практиковалось на Востоке: «не разделяють святаго от сквернаго, ни чьстять святаго олтаря боле, яко же прияхомъ и научихомся от святыхъ отецъ, а приборнокъ и предъдверие въ иномъ чину имѣемъ, и въ нихъ стояти велимъ простцем и женамъ, вънутрении жъ църкви паки инѣхъ книжъникъ ставляемъ, въ вышнѣи жъ странѣ лѣпшая и книжнеишая. Въ святемъ же олтари въ время святаго литургия по еуангелии входятъ жены въ олтар и целуютъ иеуангелие и попы – не токмо честныя и добрыя жены, но и скверныя робы»³⁰. Составитель СВХЛ об устройстве храмов не писал. В свою очередь, составитель СГ дополнил заимствованные у Никифора сведения двумя новыми наблюдениями – о расположении захоронений («а гробы въ олтарехъ ихъ»³¹), и об отсутствии в принятой на западе литургии т. наз. «входов» – особых процессий, во время которых священнослужители через открытые врата торжественно вступают в алтарь: «въ святѣи службѣ на переносъ не выходятъ, ни на великыи, ни на малыи, а службу творять не в олтари, нъ по всеи църкви»³². Аналоги этим фрагментам в антилатинских сочинениях, переведенных с греческого, неизвестны. Скорее всего, составитель СГ самостоятельно сформулировал новый упрек.

Самостоятельность автора СГ проявилась и в переформулировании одного из обвинений, построенных вокруг предполагаемого неуважения западной церкви к священным символам. Ефрем и Никифор упрекали приверженцев латинского обряда в том, что они рисуют крест на земле: «въ църковь въходяще на лицахъ падають, и шепчуще крестъ начертающе

вероятно в этой ситуации, что составители СВХЛ и СГ, не будучи знакомы с текстом других сочинений Никифора, формулировали очередную претензию самостоятельно, и – естественным образом – при единстве общих интенций, детали реализации оказались немного иными. С другой стороны, издатель сочинения митрополита Ефрема И.С. Чичуров обоснованно обратил внимание на то, что в XI–XIII вв. нехристианские имена оставались в ходу не только на Западе, но и на Руси [Чичуров 2007, с. 126–127]. Иначе говоря, обличая «латинников» за использование некалендарных имен, книжник косвенно ударял бы и по восточным славянам. Для греческого митрополита это не составляло проблемы; наоборот, за обращением Ефрема и Никифора к теме именованности следует (как и предлагает И.С. Чичуров) видеть похвальное стремление приближать свою проповедь к специфическим «недугам» местной паствы. Однако авторам СВХЛ и СГ критиковать, пусть и косвенно, обычай, но совсем чуждые и их собственной родине, было бы, все-таки, немного не с руки.

³⁰ Никифор 2006. С. 135; ср.: Čičurov 1998. S. 344 (§ 11).

³¹ Антология 2013, С. 273.

³² Там же. Благодарю А.Ю. Виноградова за помощь в освоении литургического смысла данного фрагмента.

пръсти своими на земли цѣлуют, и встающе попирают ногами своими»³³; на востоке подобные проявления религиозности были запрещены 73-м правилом Трулльского собора именно как чреватые «попранием» главного символа христианства³⁴. Создатель СВХЛ ограничился конспективным изложением соответствующего обвинения: «и крестъ цѣлуютъ, лежаще, написавше на земли, а вставше попирають ногами»³⁵. Напротив, составитель СГ обратился к схожей, столь же проблематичной символически, но все же иной западной практике – помещению сюжетных, в т.ч. священных, изображений на полу церковных зданий: «святыхъ иконъ въображенъ на мраморѣхъ и на помостѣхъ църковныхъ напишють, и не да я почыстятъ, нъ попирають ногами не токмо простыци, нъ и попове и чърньци ихъ»³⁶. Замечание русского книжника имеет под собой конкретные основания. На Западе еще с поздней античности было в ходу украшение полов с помощью сюжетных мозаик, включавших не только светские образы (знаки зодиака, персонификации времен года, искусств и ремесел, изображения антиподов и варваров), но и фигуры почитаемых персонажей: царей Давида и Соломона, пророков, апостолов и святых³⁷. Более того, сомнения в уместности подобных композиций высказывались представителями самой католической церкви – критика помещена в XII главе «Апологии к Гвиллельму» Бернарда Клервосского³⁸. Неизвестный древнерусский книжник едва ли читал полемические сочинения французского аббата; скорее, в данном случае имело место спонтанное совпадение, обусловленное типологическим сходством средневековой русской и западноевропейской культур. Но, как бы то ни было, сопоставимых рассуждений в сочинениях греческих предстоятелей русской церкви нет, а значит составитель СГ добывал необходимые сведения об особенностях декора западных храмов самостоятельно.

Большой интерес у греческих иерархов и у их местных «учеников» вызвала тема пищевых ограничений. В число обсуждаемых вопросов входил, с одной стороны, календарь ежедневных и многодневных постов (включая известную проблему поста в среды и пятницы, приходящиеся на великие праздники), а с другой – содержание ограничений. Не все замечания о пищевых практиках Запада, находившиеся в сочинениях Ефрема и Никифора, были восприняты с равной долей внимания. Любопытно, в частности, что наши книжники не оценили наблюдения митрополита Ефрема о разной продолжительности поста в разных частях за-

³³ Никифор 2006. С. 173; ср. также: Їіуров 1998. С. 344 (§ 8).

³⁴ Славянский текст правила по Ефремовской кормчей: Бенешевич 1906, с. 189-190.

³⁵ Антология 2013. С. 269; ср.: Там же. С. 517.

³⁶ Там же. С. 276.

³⁷ Подробный анализ иконографии мозаичных полов см. в: Barral i Altet 2010, p. 61–154. Благодарю О.С. Воскобойникову за указание на работы данного автора.

³⁸ PL 1879. Col. 915.

падного мира. Митрополит особо упомянул о «Лехии» (Польше), где постятся 9 недель³⁹, и в этом, полагает И.С. Чичуров, сказалось стремление греческого иерарха учесть «исторический контекст русско-польских отношений», и, в частности, тот факт, что современный Ефрему киевский князь Изяслав был женат на дочери польского короля Мешко II Гертруде⁴⁰. Соответствующий фрагмент текста был заимствован в греческое сочинение под названием «О франках и о прочих латинах», перевод которого, в свою очередь, в конце XIII в. вошел в состав Кормчей т. наз. русской редакции⁴¹. Однако ни в СВХЛ, ни в СГ проблема разной продолжительности поста не затрагивается; очевидно, календарный аспект дела наших книжников не заинтересовал.

Напротив того, активной правке подверглись списки «отреченных животных», мясо которых употреблялось в пищу на Западе несмотря на канонический запрет. Ефрем утверждал, что латиняне употребляют как минимум семь запрещенных блюд: удавленину, животных, убитых хищниками, падаль, кровь, медведину, бобровину, мясо шакалов, а также многое «еще более отвратительное и нечистое» (*Καὶ πικτὰ ἐσθίουσι. καὶ τὰ θηρίαλωτα καὶ τὰ θνησιμαῖα, καὶ τὸ αἷμα καὶ τὰς ἄρκτους, καὶ τοὺς κυνοποτάμους καὶ τὴν τζακάλην, καὶ τὰ ἔτι τούτων μισαρτέρα τε καὶ μισρότατα*)⁴². В послании Никифора к Владимиру Мономаху данный пункт обвинений разделен на два, снабжен историческими параллелями, и, в то же время, лишен конкретики: «Второе же ядять давленину, егоже не творяху ни жидове, отрече бо то Моисеовъ законъ и еуангельскыи, и от святыхъ апостоль явѣ възбраняеться въ правилѣхъ ихъ. <...> Пятое же нечистаа ясти, и отреченыхъ животинь»⁴³. Детализированный перечень «гнуностей» находится в другом послании того же митрополита, адресованном «князю Ярославу Муромскому»: «Давленину ядять и звѣроядину, и мертвечину, и кровь, медвѣдину, и вѣверичину, бобровину, и вся гнунонѣиша сего»⁴⁴. Примечательно при этом, что экзотических и для Восточной, и для Западной Европы шакалов Никифор заменил на явно более распространенных в средних широтах белок. Иначе говоря, уже иерархи-греки делали попытки адаптировать изложение темы запрещенной пищи к интересам и уровню восприятия своей паствы⁴⁵.

³⁹ Čičurov 1998. S. 345 (§ 28).

⁴⁰ Чичуров 2007, с. 128–129.

⁴¹ Čičurov 1998. S. 349 (§ 24); Щапов 1978. С. 168; русский текст перевода опубликован в Попов 1875. С. 58–69, обсуждаемый фрагмент находится на с. 66.

⁴² Čičurov 1998. S. 344.

⁴³ Никифор 2006. С. 130–131.

⁴⁴ Там же. С. 156; ср.: Там же. С. 173.

⁴⁵ Естественно задаться вопросом об обоснованности подобных упреков и о том, не использовался ли негативный образ «нечистых латинян» для косвенного обличения практик, распространенных на самой Руси. Однако этот вопрос требует самостоятельного изучения с привлечением значительного корпуса дополнительных источников, как латинских, так и древнерусских, и пока его лучше оставить за скобками.

Но под пером русских книжников приспособление к конкретным условиям пошло еще дальше. По наблюдениям автора СВХЛ, последователи римского папы «ядять жьлвы и дикѣи кони, и осылы, и удавленину, и мьртвѣчину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровыи ядять въ говѣнье»⁴⁶. Таким образом в списке запрещенной пищи появилось разу несколько новых позиций. В свою очередь, автор СГ дополнил изложение не только названиями запрещенных видов мяса, но и пересказом рассуждений, которые, по его сведениям, приводят на Западе в оправдание своих пищевых привычек: «15. Иже ядять удавленину и мьртвѣчину, егоже не творяху ни жидове <...>. 16. Иже нечисто ясти отреченыхъ животинъ, ѣдять бо и жьлвь нечистую, нарицающе ю кокошью <...>. 18. Иже ядять медвѣдину и ослы, и попове ихъ ядять въ говѣние бобровину, глаголють бо яко “от воды есть”, и “рыба всяко есть”»⁴⁷. Ни одно другое обвинение латинян не обогатилось под пером наших книжников таким количеством мелких бытовых деталей.

Более того, спор двух конфессий о допустимых видах пищи имел несколько уровней, и наряду с блюдами, «отреченными» для всех, обсуждались запреты, касающиеся только монашествующих. Греческие иерархи называли две проблемы: во-первых, всем западным монахам допускалось употреблять в пищу «свиное сало, еже при кожи», а во-вторых — «епископы их» имели право разрешать «чернецам» употребление любого другого мяса, особенно если те «разболятся»⁴⁸. В СВХЛ вопрос сведен к одной фразе («и чьрънци ихъ ядять лои»⁴⁹), но составитель СГ не просто воспроизвел оба обвинения, а попытался внести собственный вклад в полемику с латинянами, ответив на контраргументы и встречные упреки последних, в частности — на утверждение, что православные монахи употребляют в пищу яйца и молочные продукты. Получившийся пространный ответ сочетает физиологическую аргументацию («тучная сала процвитають съ либѣвыми мясы и прѣходять, и кровавица купно сърослася суть съ собою вся») со своеобразной наивностью и грубоватым юмором («вложимъ яйца въ одинъ горньць, и вьложимъ сала тучная въ инии горньць, и си обоя особъ варимъ, яйца и сало, да сереблемъ же мы уху яичную <...>, вы же паки да сереблѣте вашихъ соль уху, да видимъ убо, кыхъ насъ завьици тольще будутъ»)⁵⁰. Трудно сказать, где в данном случае серьезный спор, а где — попытка сатиры. Но в любом случае, налицо большое внимание к проблеме пищевых ограни-

⁴⁶ Антология 2013. С. 269; во втором раннем списке произведения завершение фразы построено по-другому, от чего в списке возникает еще одно недозволенное блюдо: «и въ говѣние ядят мяса, пуцающе в воду» (там же, с. 517).

⁴⁷ Там же. С. 275; курсивы во всех случаях мои — Д.Д.

⁴⁸ Никифор 2006. С. 131, 158, 174; ср.: Ćićurov 1998. S. 345 (§ 27).

⁴⁹ Антология 2013. С. 269, 517.

⁵⁰ Ср.: Антология 2013. С. 275 («вина» под номером 17), 277-278.

чений и значительная самостоятельность древнерусских книжников, проявленная, в т.ч., в поиске новых сведений о нравах западных соседей.

Иногда активность местных сочинителей приводила к переосмыслению обвинений, выдвинутых греческими иерархами. Так, один из упреков, адресованных римской церкви митрополитом Ефремом, был связан с тем, что на Западе, хоть и нечасто, но практиковались «параллельные» браки, при которых две семьи породнились несколько раз подряд⁵¹). Эта же претензия присутствует в послании митрополита Никифора князю Ярославу: «тии же и се измѣну творять в свадбахъ: давъ дщерь свою замуж, поимают паки свата своего дщерь за своя сыны, или за братию свою, или за ближнихъ своихъ»⁵². Тесные династические связи русских князей с западной аристократией должны были повысить актуальность вопроса для русской церкви, поскольку существовала вероятность, что рано или поздно в подобный союз окажутся вовлечены и представители дома Рюриковичей⁵³. Но уже в послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху это обвинение было заменено на другое, отсылающее к практике, осужденной еще в апостольских правилах: «еже две сестреници поимати мужеви, поимъ бо первую, то смръти тоа паки поимаетъ сестру ея»⁵⁴. В свою очередь, составитель СВХЛ отбросил комментарий об обстоятельствах женитьбы на второй из сестер, и в результате сравнительно конкретное обвинение превратилось в нечто и вовсе фантастическое: «женящеса у нихъ поимають двѣ сестреницѣ»⁵⁵. Такая же судьба ожидала полемику по поводу целибата: на смену канонической аргументации, опиравшейся на 13-е правило Трулльского собора⁵⁶, пришли упреки предельно общего характера, призванные убедить читателя в общей распущенности западного клира; при этом утверждалось, что «попове ихъ не женятся законьюю женою, нъ съ робами дѣтеи до-

⁵¹ Їсѣуров 1998. С. 345 (§ 26). Подобные браки запрещались 54-м правилом Трулльского собора. – Бенешевич 1906. С. 179–180.

⁵² Никифор 2006. С. 158; ср.: Там же. С. 174.

⁵³ Перспектива была реальной, что показывает пример вдовы волынского князя Ярополка Изяславича († 1086) Кунигунды Орламюндской. Овдовев в 1104 г. во второй раз, Кунигунда вышла замуж за Викперта II, графа Гройсского; параллельно ее дочь, Кунигунда-младшая была выдана за сына Викперта [см.: Назаренко 2016, с. 124–126 и таблица на с. 127]. Правда, отцом Кунигунды-младшей был не Ярополк, а второй муж Кунигунды-старшей, Куно, граф Байлихингенский, так что прямого отношения к Рюриковичам данная конкретная ситуация не имела. Но кто мог дать гарантию, что вдова какого-нибудь следующего князя не устроит аналогичным образом личную жизнь девочки княжеского рода? Примечательно, при этом, что описанные династические хитросплетения завязывались как раз тогда, когда киевскую кафедру занимал митрополит Никифор, за обращением которого к 54-му правилу Трулльского собора может, таким образом, скрываться вполне конкретный исторический подтекст.

⁵⁴ Никифор 2006. С. 133; ср. 19-е правило св. апостолов в: Бенешевич 1906. С. 65; также толкования этого правила: Никодим 1911–1912. Т. 1. С. 80–81.

⁵⁵ Антология 2013. С. 269; ср.: Там же. С. 517.

⁵⁶ Никифор 2006. С. 132–133; ср.: Бенешевич 1906. С. 152–154.

бываюче, и служить невъзбранно»⁵⁷. В результате, аргументированная критика уступила место общему представлению о том, что на Западе все «не так». Впрочем, подобное переосмысление, при всей его ксенофобской направленности, скорее исключение, чем правило: рассмотренные примеры убеждают, что древнерусские книжники (отчасти даже вопреки ожиданиям современного читателя) не утрачивали контакт с реальностью, расширяя рассуждения своих византийских «учителей» прежде всего за счет реалистичных и легко идентифицируемых деталей.

Некоторые из подобных добавлений могут быть связаны с пока еще неизвестными полемическими сочинениями, которые привлекались нашими книжниками параллельно с поучениями митрополитов-греков. Так, и в СВХЛ, и в СГ фигурирует утверждение (не имеющее аналогов ни в сочинении Ефрема, ни в посланиях Никифора), будто латиняне едят из одной посуды с домашними животными; кроме того, составитель СВХЛ сообщает, что на Западе «пьють <...> свои съчь»⁵⁸. Представление о том, что латиняне неспособны соблюдать гигиену (и, более того, имеют подчеркнута антисанитарные привычки), можно было бы счесть обычным оскорблением или литературным «общим местом» в описании иноверцев⁵⁹. Однако еще А.Н. Попов обратил внимание на то, что обе упомянутые детали (употребление пищи из общей посуды с собаками и питье мочи) фигурируют в византийском полемическом сочинении «Обвинения против латинской церкви»⁶⁰, причем автор не только описывает отвратительные, по его мнению, привычки, но и дает мотивировку одной из них: оказывается, на Западе умываются мочой и пьют ее под тем «предлогом», что это может способствовать «здоровой внешности»⁶¹. Сомнительно, чтобы ссылка на рассуждения самих латинян сопровождала выдуманные подробности. Скорее, перед нами результат непосредственного столкновения с какой-то спорной в гигиеническом смысле практикой. «Обвинения...» в том виде, как они опубликованы Ж.Б. Котелье, содержат рассказ о поведении крестоносцев в Константинополе после его захвата⁶², а значит были составлены не ранее 1204 г., и потому не могли оказать влияния на СВХЛ и СГ, если хотя бы одно из обсуждаемых сочинений появилось в XII в. В то же время, полемическая часть «Обвинений...» носит ярко выраженный компилятивный характер⁶³.

⁵⁷ Антология 2013. С. 269; ср.: Там же. С. 517; аналогичный упрек появился и в СГ: Там же. С. 274.

⁵⁸ Антология 2013. С. 269, 275, 517.

⁵⁹ Ср. утверждение Речи Философа, будто мусульмане «омывают оходы своя», а потом ту же воду «в ротъ вливають и по браде мажутся» (ПСРЛ 1997. Стб. 86).

⁶⁰ Попов 1875. С. 71.

⁶¹ Cotelerius 1686. P. 506 (§ 55).

⁶² Ibid. P. 510–520.

⁶³ Скажем, непосредственно между замечаниями о еде из одной посуды с собаками и питье мочи, читается фрагмент о разной продолжительности поста в «Ле-

Вполне вероятно, что и сведения о царящей среди латинян антисанитарии восходят к какому-то более раннему произведению, которое, в свою очередь, могло попасть на Русь до IV крестового похода и повлиять на восприятие латинян еще до вторжения последних в столицу Византии.

В определенных случаях древнерусские книжники проводили изыскания на основании исторических и богословских сочинений, не связанных напрямую с задачей обличения латинства. Так, упомянутый выше фрагмент СГ о Мелхиседеке в значительной части совпадает с завершающей частью апокрифического «Слова о Мелхиседеке», приписывавшегося в традиции Афанасию Александрийскому:

СГ

Егда великий праотць Авраамъ богопознанныи въ Ходагомора отць сущихъ с нимъ изяти Лота сыновья своего, и възвращышюся ему отъ сѣчь въ удоль Савгинь (се бѣ поле цесарь), и Мелхиседекъ, цесарь Салимескъ, изнесе хлѣбъ и вино, бѣ же иереи Бога Вышняго, и благослови Авраама, и рече «Благословень Авраамъ Богу Вышнему, иже створи небо и землю, и благословень Богъ Вышний, иже прѣдасть врагы твоя подь руку твою», и тогда хлѣбы и вино подасть ему и сущимъ с нимъ домочадцьомъ, сущомъ тремъ стомъ и осми надесяте, прообразуя сию святую и благодатную Господа нашего Иисуса Христа службу. Слыша ли, латинине, какъ ти не опрѣснокы съ виномъ растворенымъ изнесе святыи пьрвыи ереи Бога Вышняго Мелхиседекъ, егда благослови великаго отьдомъ начальника Авраама, нъ хлѣбы изне [так!] съ kwasомъ смѣшаны. Сега ради пророкъ Давыдъ рече: «ты еси ереи въ вѣкы по чину Мелхиседекову»⁶⁴.

Слово о Мелхиседеке

И егда же стретиль Мельхиседекъ царь Салимский Авраама, возвратившася отъ сечи Хольдгомора, изнесе Аврамъ хлѣбъ и вино, бѣше священникъ Бога вышняго, и благослови Авраама, и рече: «Благословень Авраамъ Богомъ вышнимъ, иже созда небо и землю, и благословень Богъ вышний, иже преда враги твоя в руце твои». И даде Авраамъ Мелхиседеку десятину отъ всего, и предложивъ уломокъ хлѣба людемъ его, числомъ тремъ стомъ и осминадесятимъ. По сему же чину есть по образу Сына Божия, а не по благодати. И тако первое уставникъ бысть Мелхиседекъ безсмертной жертве, образъ сотвори о святей просвирѣ. Темъ и глаголють «ты еси ерей во веки по чину Мелхиседекову», понеже уставъ бысть бескровней просвире, подавъ Авраамови и тремъ стомъ осминадесятимъ»⁶⁵.

По оценке исследователей, Слово Афанасия Александрийского о Мелхиседеке «было весьма распространено в рукописях»⁶⁶; чуть другая версия того же сказания в определенный момент вошла в состав Пролога⁶⁷, и, кроме того, сведения о Мелхиседеке присутствовали в сочинениях хронографического жарна, включая Хронику Георгия Амартола⁶⁸, Толковую и Хронографическую Палеи⁶⁹, а также Летописец Еллинский и Римский⁷⁰. С другой стороны, обращение к истории благословения Авраама хлебом и вином в контексте полемики с приверженцами за-

хии» и в Италии [Pbid (§ 54)], явным образом восходящий к уже рассмотренному выше пункту из сочинения Ефрема.

⁶⁴ Антология 2013. С. 276–277.

⁶⁵ Порфирьев 2005. С. 134–135.

⁶⁶ Там же. С. 54–55; ср.: СККДР 1987. С. 62–63.

⁶⁷ Опубликовано в: Пыпин 1862. С. 22–23.

⁶⁸ Истрин 1920–1930. Т. 1. С. 85–86.

⁶⁹ Палея 1892. С. 130–131; Водолазкин 2006. С. 902.

⁷⁰ ЕЛ 1999–2001. Т. 1. С. 12.

падного обряда не может считаться индивидуальной новацией составителя СГ, поскольку к данному эпизоду священной истории в споре с «опресночниками» прибегал еще как минимум автор знаменитого «Хождения» в Святую Землю игумен Даниил, живший и писавший в конце XI — начале XII в.⁷¹ Все это дает широкий простор для гипотез об обстоятельствах и механизме заимствования рассуждения о Мелхиседеке в СГ. Впрочем, широкий кругозор неизвестного составителя данного произведения в любом случае очевиден.

Но особенно примечательны те фрагменты древнерусских антилатинских поучений, которые «показывают в авторе непосредственное знакомство с католическим богослужением»⁷². Поводом к этим словам А.С. Павлова послужили наблюдения автора СГ о захоронениях в алтарях и отсутствии у латинян «входа» как самостоятельного элемента службы. Однако и отказ от погребения покойников в алтарной части храма, и развитие «входов» в самостоятельный элемент богослужения напрямую связаны с выделением алтаря как обособленного пространства; иными словами, замечания СГ являются прямым продолжением рассуждений митрополита Никифора. Соответственно, нельзя исключать, что перед нами результат не наблюдений, а логических умозаключений (нет алтаря как обособленного пространства – значит, некуда и торжественно входить). В то же время, логика едва ли могла указать составителю СГ на то, что в западных храмах помещают «воображения святых икон» на полу. Проще всего думать, что в данном случае книжник опирался на впечатления, полученные при непосредственном знакомстве с церковным убранством, а значит или сам создатель СГ, или его информаторы должны были в храмах с подобными полами побывать.

К сожалению, приходится пока оставить без ответа принципиальный для источниковедческого исследования вопрос об обстоятельствах создания рассмотренных антилатинских сочинений. Малое число ранних списков и противоречивые данные о времени создания как СВХЛ, так и СГ не позволяют пока установить конкретные факторы, определившие особенности древнерусского восприятия латинян. В то же время, представляется важным еще раз подчеркнуть, что вопреки сложившемуся в историографии мнению, древнерусские антилатинские поучения не были простым воспроизведением сведений, полученных от представителей Византии. Местные книжники не только были способны уточнять свои представления о Западе на основании самостоятельных наблюдений и рассуждений. Обращение к вопросу о том, когда жили и кто были эти книжники, позволит существенно обогатить наше знание о международных связях Древней Руси.

⁷¹ БЛДР 1997. С. 100.

⁷² Павлов 1878. С. 57.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / подгот. Г.С. Баранкова, Н.В. Савельева, О.С. Сапожникова. М.; СПб., 2013.
- Баранкова Г.С. Антилатинские послания митрополита Никифора: лингвистический и текстологический аспекты исследования // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2002–2003. М., 2003. С. 317–359
- Баранкова Г.С. «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2004–2005. М., 2006. С. 29–58.
- Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / труд В.Н. Бенешевича. Т. 1. СПб., 1906.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
- Водолазкин Е.Г. Краткая Хронографическая Палея (текст): выпуск 1 // Тр. / Ин-т рус. лит. РАН. Отд. др.-рус. лит. СПб., 2006. Т. 57. С. 891–915.
- Послание святейшего патриарха константинопольского Михаила Кирулария блаженнейшему патриарху антиохийскому Петру (1054 г.) / пер. Л.А. Герд под ред. и с коммент. В.М. Лурье. URL: <http://www.vertograd.ru/2001-09-71/tradition.html>.
- Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. / О.В. Гладкова, А.С. Демин, Ф.С. Капица и др. М., 1996.
- Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество / О.В. Гладкова, А.С. Демин, Ф.С. Капица и др. М., 2002.
- Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1901.
- Летописец Еллинский и Римский / [текст подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой; вступ. ст., археограф. обзор, критич. аппарат, коммент. и иссл. О.В. Творогова]. СПб., 1999–2001.
- Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Тр. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отд. др.-рус. лит. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 159–184.
- Истрин В.М. Книги временьяны и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: текст, исследование и словарь. Пг.; Л., 1920–1930. Т. 1–3.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне: (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Назаренко А.В. «Кодекс Гертруды» после Гертруды: судьба книги на династических перекрестках XII в. // *Polystoria*: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе: [сб. статей]. М., 2016. С. 85–136.
- Творения митрополита Никифора / изд. подготовлено С.М. Полянским. М., 2006.
- Правила (κανονες) православной церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. СПб., 1911–1912. Т. 1–2.
- Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / труд учеников Н.С. Тихонравова. [Вып. 1.] М., 1892.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М., 1875.
- Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. [Репринт. изд.] М., 2005.
- Полное собрание русских летописей. [Репринт. изд.]. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным. СПб., 1862.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987.
- Чичуров И.С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве // *Russia mediaevalis*. 1997. Т. 9, 1. S. 43–53.
- Чичуров И.С. Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55–1061/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vat. Gr. 828 // *Вестник ПСТГУ*. Сер. 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 107–122.

- Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // *Одиссей: человек в истории. Культурная история социального*. 1997. М., 1998. С. 144–170.
- Barral i Altet, X. Le décor du pavement au Moyen Âge: les mosaïques de France et d'Italie. [Rome], 2010.
- Brun A.-S. et al. Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // *Slovène: International Journal of Slavic Studies*. 2014. Vol. 3, № 2. P. 110–129.
- Colucci M. The Image of Western Christianity in the Culture of Kievan Rus' // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 12/13 (1988/1989). Cambridge, [1990]. P. 576–586.
- Ecclesiae graecae monumenta / pariter editore et interprete J.B. Cotelerio. T. 3. [Parisiis], 1686.
- Čičurov I. Ein antilatinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // *Forschungen zur byzantinische Rechtsgeschichte: fontes minores: X* / hrsg. von Ludwig Burgmann. Frankfurt a/M., 1998. S. 319–356.
- Patrologiae cursus completus. Seires graeca / accurante J.P. Migne. T. 120. Parisiis, 1864.
- Patrologiae cursus completus. Seires graeca / accurante J.P. Migne. T. 182. Parisiis, 1879.

REFERENCES

- Antologija pamjatnikov literatury domongol'skogo perioda v rukopisi XV v.: Sofijskij sbornik / izd. podgot. G.S. Barankova, N.V. Savel'eva, O.S. Sapozhnikova. M.; SPb., 2013.
- Barankova G.S. Antilatinskie poslanija mitropolita Nikifora: lingvisticheskij i tekstologičeskij aspekty issledovanija // *Lingvisticheskoe istočnikovvedenie i istorija russkogo jazyka: 2002–2003*. M., 2003. S. 317–359
- Barankova G.S. «Stžazanie s latinoju» kievskogo mitropolita Georgija // *Lingvisticheskoe istočnikovvedenie i istorija russkogo jazyka: 2004–2005*. M., 2006. S. 29–58.
- Drevneslavjanskaja kormčaja XIV titulov bez tolkovanj / trud V.N. Beneshevicha. T. 1. SPb., 1906.
- Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4: XII vek. SPb., 1997.
- Vodolazkin E.G. Kratkaja Hronograficheskaja Paleja (tekst): vypusk 1 // *Tr. / In-t rus. lit. RAN. Otd. dr.-rus. lit. SPb.*, 2006. T. 57. S. 891–915.
- Poslanie svjatejšhego patriarha konstantinopol'skogo Mihaila Kirularija blazhennejšemu patriarhu antiohijskomu Petru (1054 g.) / per. L.A. Gerd pod red. i s komment. V.M. Lur'e. URL: <http://www.vertograd.ru/2001-09-71/tradition.html>.
- Drevnerusskaja literatura: vosprijatje Zapada v XI–XIV vv. / O.V. Gladkova, A.S. Demin, F.S. Kapica i dr. M., 1996.
- Drevnerusskaja literatura: tema Zapada v XIII–XV vv. i povestvovatel'noe tvorčestvo / O.V. Gladkova, A.S. Demin, F.S. Kapica i dr. M., 2002.
- Golubinskij E.E. Istorija russkoj cerkvi. T. 1: Period pervyj, kievskij ili domongol'skij. Pervaja polovina toma. M., 1901.
- Letopisec Ellinskij i Rimskij / [tekst podgot. O.V. Tvorogovym i S.A. Davydovoj; vstupit. st., arheografich. obzor, kritich. apparat, komment. i issl. O.V. Tvorogova]. SPb., 1999–2001.
- Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Feodosija Pecherskogo // *Tr. / AN SSSR. In-t rus. lit. Otd. dr.-rus. lit. M.; L.*, 1947. T. 5. S. 159–184.
- Istrin V.M. Knigy vremen'nyja i obraznyja Georgija Mniha: Hronika Georgija Amartola v drevnem slavjanorusskom perevode: tekst, issledovanie i slovar'. Pg.; L., 1920–1930. T. 1–3.
- Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah: mezhdisciplinarnye očerki kul'turnyh, trgovyh, političeskijh svjazej IX–XII vekov. M., 2001.
- Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' i slavjane: (istoriko-filologičeskije issledovanija). M., 2009.
- Nazarenko A.V. «Kodeks Gertrudy» posle Gertrudy: sud'ba knigi na dinasticheskijh perekrestkah XII v. // *Polystoria: cari, svjatye, mifotvorcy v srednevekovoj Evrope: [sb. statej]*. M., 2016. S. 85–136.
- Tvorenija mitropolita Nikifora / izd. podgotovleno S.M. Poljanskim. M., 2006.
- Pravila (κονοῦς) pravoslavnoj cerkvi s tolkovanijami Nikodima, episkopa dalmatinsko-istrijskogo. SPb., 1911–1912. T. 1–2.
- Pavlov A.S. Kritičeskije opyty po istorii drevnejšej greko-russkoj polemiki protiv latinjan. SPb., 1878.

- Paleja Tolkovaja po spisku, sdellanomu v g. Kolomme v 1406 g. / trud uchenikov N.S. Tihonravova. [Vyp. 1.] M., 1892.
- Podskalski G. Hristianstvo i bogoslovskaja literatura v Kievskoj Rusi (988–1237 gg.). SPb., 1996.
- Popov A.N. Istорико-literaturnyj obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenij protiv latinjan (XI–XV v.). M., 1875.
- Porfir'ev I.Ja. Apokrificheskie skazanija o vethozavetnyh licah i sobytijah po rukopisjam Soloveckoj biblioteki. [Reprint. izd.]. M., 2005.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej. [Reprint. izd.]. T. 1: Lavrent'evskaja letopis'. M., 1997.
- Lozhnye i otrechnnye knigi russkoj stariny, sobrannye A.N. Pypinym. SPb., 1862. (Pamjatniki starinnoj russkoj literatury, izdavaemye gr. G. Kushelevym-Bezborodko. Vyp. 3.)
- Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 1: XI — pervaja polovina XIV v. L., 1987.
- Chichurov I.S. Shizma 1054 g. i antilatinskaja polemika v Kieve // *Russia mediaevalis*. 1997. T. 9, 1. S. 43–53.
- Chichurov I.S. Antilatinskij traktat kievskogo mitropolita Efrema (ok. 1054/55–1061/62 gg.) v sostave grecheskogo kanonicheskogo sbornika Vat. Gr. 828 // *Vestnik PSTGU. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofija*. 2007. Vyp. 3 (19). S. 107–122.
- Shhapov Ja.N. Vizantijskoe i juzhnoslavjanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M., 1978.
- Jurganov A.L., Danilevskij I.N. «Pravda» i «vera» russkogo srednevekov'ja // *Odissej: chelovek v istorii. Kul'turnaja istorija social'nogo*. 1997. M., 1998. S. 144–170.
- Barral i Altet, X. *Le décor du pavement au Moyen Âge: les mosaïques de France et d'Italie*. [Rome], 2010.
- Brun A.-S. et al. Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // *Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2014. Vol. 3, № 2. P. 110–129.
- Colucci M. The Image of Western Christianity in the Culture of Kievan Rus' // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 12/13 (1988/1989). Cambridge, [1990]. P. 576–586.
- Ecclesiae graecae monumenta / pariter editore et interprete J.B. Cotelerio*. T. 3. [Parisiis], 1686.
- Čičurov I. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // *Forschungen zur byzantinische Rechtsgeschichte: fontes minores: X / hrsg. von Ludwig Burgmann*. Frankfurt a/M., 1998. S. 319–356.
- Patrologiae cursus completus. Seires graeca / accurante J.P. Migne*. T. 120. Parisiis, 1864.
- Patrologiae cursus completus. Seires graeca / accurante J.P. Migne*. T. 182. Parisiis, 1879.

Добровольский Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ddbrowolski@hse.ru

Old Russian Anti-Latin works of the 12th – 13th centuries as historical sources

The article is concerned with the vision of the Western Church by Russian intellectuals of the 11–12th centuries as far as it can be studied on the basis of the “anti-Latin” sermons produced by Russian orthodox clergy of the time. These sermons are often regarded as badly composed and non-original. However, the systematic comparison of such texts with their most probable prototypes demonstrates that Russian intellectuals were competent enough to add their own observations and estimations to the available information about the West leaning. Our knowledge of political and cultural relations between Rus' and western Europe extends remarkably when we establish by whom and when the noted amplifications were made.

Keywords: Old Rus', Russia and the West, anti-Latin polemics, Filioque, sacramental bread, onomastic, church decorations, food restrictions, matrimonial practices

Dmitriy Dobrowolski, PhD (History), associate professor, School of History, Faculty of Humanities, National research university “Higher School of Economics”; ddobrowolski@hse.ru

С. А. ВАСИЛЬЕВА

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК БРИТАНСКИХ ТЮРЕМНЫХ РЕФОРМ XVIII ВЕКА

Автором проведен дискурсивный анализ сочинения Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» в контексте христианского мировоззрения англичан XVIII в. Джон Говард известен как врач, филантроп, инициатор и вдохновитель тюремных реформ. Его предложения пенитенциарной модернизации опирались на идеалы Просвещения и основы христианской этики. Для обретения поддержки тюремных реформ со стороны общественности Говард представлял этот процесс как исполнение христианского долга и бескорыстного служения ближнему. Автор пришел к выводу, что особенности духовного развития общества, религиозные искания английских протестантов обусловили прямую зависимость пенитенциарных реформ от религиозного фактора.

Ключевые слова: Джон Говард, пенитенциарные реформы, «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», филантропия, христианская этика.

Пенология (учение об исполнении наказания) рассматривает XVIII столетие как исходную точку эпохи тюремных реформ, которые кардинальным образом изменили отношение общества к уголовному наказанию и привели к созданию национальных *пенитенциарных*¹ систем. Пенитенциарные реформы связаны с исследованиями и практической деятельностью выдающихся английских мыслителей Джона Говарда и Иеремии Бентама. Причем И. Бентаму, которого Дж. Тревелян называл «отцом реформы английского закона»², принадлежит заслуга теоретического оформления классических фундаментальных принципов назначения наказания и исполнения тюремного заключения, а Дж. Говарду – первенство практического исследования и формирование в общественном мнении мощного движения в поддержку тюремных реформ.

Джон Говард известен как врач, филантроп, инициатор и вдохновитель тюремных реформ, основатель социологического метода в юриспруденции. Он дважды посещал Российскую империю: исследовал госпитали и тюрьмы, представлял правительству проекты пенитенциарных реформ и устройства благотворительных лечебных заведений. Англичанин умер от чумы в Херсоне в 1790 г. и на гранитном обелиске, возведенном вскоре после его смерти, на русском и латинском языках выбита надпись «Vixit propter alios» (*Жил для других*). В столетнюю годовщину смерти филантропа в рамках грандиозного по масштабам события – Чет-

¹ От лат. *poenitentia* (раскаяние) – государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом. Наряду с карательной функцией, одно из важнейших направлений деятельности пенитенциарной системы – *исправление* заключенных и профилактика рецидива преступлений.

² Тревелян 2002. С. 379.

вертого Международного пенитенциарного конгресса в Петербурге – русское правительство объявило конкурс «О значении наследия Дж. Говарда». Конкурсная комиссия в составе известных российских юристов под руководством Н. Таганцева, оценив 15 работ, заключила, что ни одно эссе не заслуживает высшей награды (золотая медаль и премия), которую разделили между собой англичанин А. Гриффис и француз А. Ривьер, серебряную медаль присудили работе англичанина Э. Казалета³.

В 1891 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышел биографический очерк, посвященный жизни и деятельности Дж. Говарда⁴. Эта работа создала образ английского реформатора в отечественной историографии, который, в отличие от историографии зарубежной, за десятилетия практически не менялся, обогащаясь отдельными сочинениями панегирического характера. Криминологи и правоведы сделали из Говарда первого пенолога⁵, детально изучив предложенные им принципы тюремного содержания. В учении Говарда, по оценке известного российского юриста С.К. Гогеля, предложены идейные основы гуманного обращения с заключенными («рациональная система мер борьбы с преступностью»), оказавшие значительное влияние на мировую пенитенциарную практику⁶. Эти принципы сводятся к установлению религиозно-нравственных основ тюремного заключения: переход к практике *исправительного* труда, введение четкого разделения осужденных на категории, отказ от «позорящих» унижительных наказаний, религиозное и светское обучение арестантов, досрочное освобождение трудолюбивых и хорошо учившихся арестантов. Лейтмотивом пенитенциарных проектов Говарда стало знаменитое выражение: «сделайте людей трудолюбивыми, и вы сделаете их честными». Интересно, что советская историография легко приняла «имидж» реформатора, сформированный в предшествующей исследовательской традиции, а зародившаяся в 1960-е гг. исправительно-трудовая педагогика с должным вниманием отнеслась к идеям трудового перевоспитания осужденных⁷. Советских медработников заинтересовал Говард-врач, который сыграл большую роль в организации борьбы с чумой⁸. Современные исследователи, обращаясь к темам филантропии и христианского служения в эпоху Просвещения, открывают в деятельности английского реформатора новые грани⁹.

³ Казалет 1892.

⁴ Слиозберг 1891.

⁵ Пенология – учение об исполнении наказания, практически-ориентированная отрасль социальной науки, которая возникла в начале XIX века, развивалась параллельно с эволюцией тюремной системы и недавно возникших институтов современного уголовного судопроизводства.

⁶ Гогель 1906. С. 490.

⁷ Наташев, Стручков 1967.

⁸ Ревенок 1976.

⁹ Нахапетов 2001; Чекалюк, Подолян 2015.

Фундаментальный труд Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе»¹⁰ получил мировую известность как первое эмпирическое психологическое исследование. Этот труд переведен на ряд европейских языков, но не на русский, хотя широко цитировался и цитируется отечественными специалистами с середины XIX в. В русскоязычной традиции изучение наследия Говарда велось до сих пор преимущественно с позиций криминологии, пенитенциарной педагогики, исторического сравнительного правоведения. Здесь будет впервые представлен дискурс труда Говарда в контексте христианского религиозного мировоззрения, характерного для идеологической основы социальных реформ XVIII столетия.

Современные исследователи придерживаются мнения, что Говард был не столько реформатором-практиком, сколько идейным вдохновителем и популяризатором пенитенциарных преобразований¹¹. Свои идеи и проекты по гуманизации тюремного заключения Говард неоднократно излагал перед палатой общин, что в итоге привело к принятию в 1779 г. Пенитенциарного акта, положившего начало тюремным преобразованиям в Великобритании. Однако реформатор хорошо понимал, что выступление проект не будет иметь успеха, если не пройдет «апробацию» в зеркале общественного мнения, поэтому, обращаясь к широкой аудитории, он использовал множество аргументов, рассчитанных на привлечение разных социальных слоев. Базисом его социальных программ, обеспечивших им популярность и содействие, стали идеалы Просвещения и основы христианской этики. Для обретения общественной поддержки тюремных реформ Говард представил этот процесс как исполнение христианского долга и бескорыстного служения ближнему.

По наблюдению современного историка В. Высоковой «в самой сердцевине британского Просвещения» были заложены вопросы: Какова «воля Бога»? Кто может знать «Его волю»? Какими средствами она осуществляется?»¹² Рассуждая об особенностях религиозной жизни рядовых британцев в XVIII в., Дж. Тревелиян отметил, что «не отвлекаясь от жизненных дел», представители торговых и ремесленных классов, наряду с представителями высшего общества, «старались посвятить их Богу». Это, в свою очередь, нашло выражение во всплеске благотворительности: «новый евангелизм объединился с активной филантропией» и англичанин «непреодолимо тянулся к служению человеку, который из-за нищеты, невежества или распутства лишал Бога той славы, которой он был достоин»¹³. Джон Локк, призывавший к «разумности христианства», объяснил англичанам, что именно Бог и Божественное откровение без

¹⁰ Howard 1792.

¹¹ Тепляшин 2005. Глава II.

¹² Высокова 2014. С. 76.

¹³ Тревелиян 2002. С. 383, 389.

труда дарует людям те истины, которые они никогда бы не открыли для себя сами, и на этих истинах в XVIII в. сложился своеобразный этический кодекс, которым руководствовались в жизни большинство рядовых членов английского общества. В заповедях Нового Завета содержалось главное руководство к действиям: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповеди нет»¹⁴. На этих двух заповедях изначально утверждалась традиционная английская благотворительность. Проповедники и богословы позиционировали участие в благотворительности как лучший путь быть угодным Господу, следовать Его природе и Его воле, подражать Ему в делах. Известный английский теолог XVIII в., магистр Тринити-колледжа Кембриджского университета Исаак Барроу в трактате «Возлюби ближнего» поучал: «благотворительность во многом напоминает благочестие, на самом деле это подлинная дочь благочестия, так как... они движимы одинаковыми порывами души, произрастают от одних и тех же корней и принципов – доброты, отзывчивости, справедливости и благодарности»¹⁵. Любое несчастье «соседа» добрый христианин воспринимает как собственное, сопереживая чужой беде, оказывая возможную духовную или физическую помощь. Исходя из этого посыла, узники в тюрьмах имели все шансы на сострадание, сочувствие и помощь. Своим трудом Говард подавал пример благотворительности, исходящей от бескорыстной любви к Богу и человеку. Сострадание к заключенным будет искренним только тогда, считал реформатор, когда и отдельный христианин, и общество в целом сможет преодолеть негативное отношение к ним.

Образы Священного Писания, к которым Говард обращался в своей пропаганде тюремных реформ, способствовали изменению общественного отношения к преступнику: от неприятия и презрения к сочувствию и состраданию. В предисловии к «Состоянию тюрем» Говард указывает на «сострадание к *страждущим*» и отмечает: «Я не могу наслаждаться едой и бездельем, если Провидение предоставило мне возможность смягчить страдания *страждущих*»¹⁶. Библейское понятие «страждущие» (англ. *miserable*) в тексте встречается 22 раза как прямой синоним таких слов как «узник» (*prisoner*) и «заключенный» (*convict*). В стремлении преодолеть стойкое негативное общественное отношение к преступникам и узникам реформаторы и тюремные проповедники обращались к трем притчам о благодати, включенным в Евангелие от Луки. В 1750 г. в Дублине была размножена брошюра проповеднического характера

¹⁴ Св. Евангелие от Марка 12:30-31.

¹⁵ Barrow 1845. P. 258.

¹⁶ Howard 1792. P. 2.

«Заблудшая овца, утерянная дхарма и блудный сын: содержание беседы», в которой известный автор религиозных гимнов Джон Сенник пространно объяснял: если сказано, «что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии», то и вор и блудница и пьяница нуждаются в «особом отношении» и «большем милосердии»¹⁷. И если христианское отношение будет способствовать тому, что с пути греха преступник, ставший узником, вернется к пути праведности, это будет «могучим триумфом религии»: ведь вместо пастырства девяноста девяти праведников, удастся спасти одного кающегося. Если первые две притчи фокусируются на образе кающегося грешника и ценности его спасения, то последняя притча в этой триаде «О блудном сыне» использовалась в проповеднической риторике как поучение обществу каким образом необходимо принимать в свои ряды раскаявшихся и обращенных. На примере позиции отца, который поучает другого сына: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся»¹⁸, – выстраивалась модель общественного отношения к преступникам. Призывая к христианской добродетели, апеллируя к примеру всепрощающего отношения Христа к грешникам, Его любви и Его готовности простить их и принять, Говард пытался переломить сложившееся в обществе презрительно-пренебрежительное отношение к преступникам, как к «отбросам общества», без шанса влиться в изгнавшую их социальную среду. Если шанс вернуться к Господу, а значит и праведной жизни есть у каждого, то общество просто обязано принять их обратно, как отец из притчи о блудном сыне.

Самым популярным евангельским текстом, к которому обращались и тюремные проповедники, и пенитенциарные реформаторы, была 25 глава Евангелия от Матфея, в которой Сын Человеческий предстает голодным, нищим, странствующим, болящим и узником: «ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». И праведникам было сказано: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (25:35-36,40). Теолог и проповедник из Нортхэмптона Ричард Грей убеждал паству, что если Христос не стыдится назвать их (нагих, больных, узников – авт.) *братьями*, то «они как никто заслуживают нашего сострадания и милосердия, ведь они братья и нам, так как все мы дети одного Отца-Создателя»¹⁹. Этот отрывок Писания наглядно представляет все категории нуждающихся в христианском милосердии; узни-

¹⁷ Cennick 1770. P. 4-5.

¹⁸ Св. Евангелие от Луки 15:32.

¹⁹ Grey 1744. P. 3-4.

ки английских тюрем XVIII века попадали сразу под несколько рангов страждущих, так как в подавляющем большинстве были и нищими, и большими телесно и духовно. Радикальный политический деятель Джошуа Дорнфорд, призывая к пенитенциарным преобразованиям в 1785 г. писал: «Ничего кроме *настоящей реформы* не сможет спасти нас от разложения как нации... Я с горечью признаю, что мы совсем не заботимся о телесном здоровье узников, но еще менее того о душевном»²⁰.

Не будем забывать, что Говард в первую очередь был врачом и посвятил немало времени проблеме здоровья населения и борьбе с эпидемическими заболеваниями, характерными для средневековья и нового времени. Складывается впечатление, что реформатор пытался «лечить» арестантов, применяя наработанные методы санации и оздоровления. Характеризуя состояние медицины времен Говарда, Тревельян отмечал: «Все XVIII столетие медицина двигалась вперед от мрачных веков мнимой учености и традиционных суеверий к свету знаний. Росли не только знания врачей, хирургов, аптекарей и практиков, не имеющих врачебного диплома, но и их преданность своему делу, особенно в отношении к бедноте, которая до сих пор находилась в ужасном пренебрежении. Наука и филантропия были лучшей стороной духа «века просвещения», и этот дух вдохновлял отдельных лиц на улучшение медицинского образования и медицинской практики»²¹. Несмотря на то, что в XVIII в. отношение врача к природе болезни уже совершило поворот к научному обоснованию причин и этиологии, средневековый анахронизм считать болезнь Божьей карой разделяли многие рядовые англичане. Ветхозаветная история, повествующая о наказании египтян, когда «сделалось воспаление с нарывами на людях»²², сформировала стойкое убеждение в том, что массовые болезни – исход Божественного гнева и кары, предупреждение нечестивым²³. Проповедники убеждали народ, что первопричина болезни – грех, червоточина души, которая распространяет миазмы на тело. Но Писание содержит многочисленные свидетельства того, что Бог способен как нанести телесные раны, так и чудодейственным образом исцелить больного, что повлияло на «складывание в христианской мысли и целительской практике стойкого убеждения о тесной связи между спасением души и исцелением тела»²⁴. Представители медицинских профессий XVIII в. – хирурги, аптекари, «лекари души» говорили на особом «сленге», в котором центральное место было отведено возванием к Божьей помощи и прощению, «исцелению немощи грешника». Несмотря на успехи науки, медицинская практика еще не

²⁰ The Oxford History of the Prison... 1995. P. 77.

²¹ Тревельян 2002. С. 372.

²² Книга Исход 9:10.

²³ Porter 1987. P. 27-28.

²⁴ Lindemann 1999. P. 207.

освободилась от религиозного влияния: назначение лекарств для тела и молитвы для «предохранения души» без внутренних противоречий соседствовали в рецептах и предписаниях лечащего врача. Специалист по интеллектуальной истории Британии этой эпохи Т.Л. Лабутина уверена, что «даже для большинства ученых Библия оставалась «главным авторитетом»²⁵. С другой стороны, функциональные обязанности священнослужителя нередко включали и минимальные «целительские навыки»: грамотность и доступ к медицинским текстам, регулярные вызовы к «болящим и немощным», – все это способствовало накоплению опыта и превращало их в «практиков, не имеющих врачебного диплома».

Основываясь на этой грани христианской ментальности англичан, Говард пытался призвать заключенных к праведности, суля в качестве потенциальной награды телесное исцеление. Предлагая ввести в практику ежедневные богослужения и индивидуальные беседы со священником, он подчеркивал, что душа нуждается во врачевании, как больное тело. Тот, кто жаждет исцеления тела, должен начать с очищения души. Пуританское сознание, убежденное в том, что «человек мертв по преступлениям и грехам»²⁶, легко принимало веру в «вечную тюрьму Ада» и вечное проклятие для грешников. Картина «адовой тюрьмы» была знакома даже юным прихожанам, разглагольствования о вечных мучениях, в которые погружается душа грешника, входили в обязательную часть проповеди священника, страшавшего толпу накануне публичной казни преступников: «ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов»²⁷ и «тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем, и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его»²⁸.

Однако Говард не относился к ортодоксальным пуританам, убежденным в предопределенности проклятие. Скорее он был близок к умеренным протестантам, считавших, что покаяние и возвращение к благочестивой жизни может привести к избавлению. Евангелисты старались вселить в верующих надежду, что Божье прощение достигнет тех, кто истинно верит, напоминали заключенным, что «провидение предусужено» и поместило их в эти условия за нарушение нравственных законов Завета. И если «страдание – логическое завершение плохой дорожки, на которую вступил преступник», то только изменение этого выбранного пути отведет его от пучины страданий, мук и лишений²⁹. Но прощение

²⁵ Лабутина 2015. С. 22.

²⁶ Послание к Ефессянам 2:1.

²⁷ Св. Евангелие от Матфея 13:50.

²⁸ Книга Откровение 14:10-11.

²⁹ Hilton 1988. P. 14.

достигается в упорной ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в способности подавить свои злые наклонности и очистить собственную жизнь и жизнь общества в целом³⁰.

В год смерти Говарда в свет вышла религиозная брошюра «Проповеди для узников», эпиграф к которой возвещал: «в память о Джоне Говарде, который неумоимо стремился облегчить бедственное положение узников... и пожертвовал собой в служении человечеству»³¹. Анализ содержания предлагаемых проповедей выявляет «пошаговую программу» покаяния и обретения надежды на спасение. Для нравоучительных бесед предлагались соответствующие притчи и назидания Священного Писания, к примеру: «Бойтесь того, кто, по убийении, может ввергнуть в геенну»³², «Худые сообщества развращают добрые нравы»³³, «Кающийся вор»³⁴, «Узник надежды – это узник Господа»³⁵ и др.

Говард понимал, что болезни тела не искоренить только исцелением души. Поэтому, забота о санитарном состоянии тюрем также становится во главу угла его борьбы за модернизацию системы наказания. Он составил минимальный набор санитарных правил, предъявляемых к тюремному помещению: система вентиляции, условия для организации карантина, здоровое питание, наличие штатного фельдшера. Говард последовательно проводил мысль, что, только совместив попечительство о душе с заботой о теле, реформаторы увеличат шансы заключенных на выживание и возвращение в общество. Практическое воплощение этой мысли выразилось в требовании введения штатных должностей тюремного персонала – врача и капеллана. С 1773 г. городские магистраты получили санкцию парламента назначать в тюрьмы священника и врача за соответствующую заработную плату, но это не получило широкого распространения³⁶. Жалование, которое могли выделить магистраты, было таким мизерным, что зачастую врачи и священники посещали заключенных исключительно движимые милосердием. Голландская исследовательница Л. Хааконсен убеждена, что образ Христа-врачевателя помог европейским врачам сформировать свой кодекс этики: как перед Богом все пациенты равны, как Христос врачевал всех – и бедных, и нечестивых, так и врач должен нести моральную ответственность перед всеми слоями населения, будь то богатые или бедные, уважаемые граждане или отверженные в глазах общества преступники, наполнявшие тюрьмы³⁷.

³⁰ Ibid. p. 98.

³¹ Brewster 1790.

³² Св. Евангелие от Луки 12:4-5.

³³ Послание к Коринфянам 15:33.

³⁴ Св. Евангелие от Луки 23:32,39-43.

³⁵ Книга пророка Захарии 9:11.

³⁶ The Oxford History of the Prison... P. 77.

³⁷ Naakonssen 1997. P. 158.

Совмещение медицинских познаний с христианской этикой – неотъемлемая черта мировоззрения Дж. Говарда как врача и филантропа – стало моральной основой его предложений тюремных преобразований. Через воззвания к христианской этике и милосердию, через доказательство того, что заключенные и преступники также имеют право на медицинскую помощь и исцеление души, Говард сдвинул с места «рычаг» общественного отношения к нарушителям. От позиции «Возмездие за грех – смерть»³⁸ в отношении преступников, начинается восхождение к позиции «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»³⁹.

Успех движения Говарда за тюремную реформу многие объясняют громким общественным резонансом его труда. А его популярность основана на тех аргументах, которые он смог подобрать, обращаясь к широкой аудитории. Культивируя «религиозный альтруизм», Говард значительно увеличил шансы на успех своей социальной реформы. Изучение наследия Говарда и его применение на практике началось еще при жизни реформатора и остается актуальным в наше время. Идеи Говарда воплощены в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (1955), с 1921 г. на международной арене успешно действует неправительственная организация «Лига Джона Говарда по реформе пенитенциарной системы».

Оценка исторической роли Говарда в утверждении принципов гуманизма как базовых основ исполнения уголовных наказаний, заложенная классиками истории криминологии и уголовного права, нашла подтверждение в трудах историков первой половины XX в. В фундаментальном пятитомном произведении польско-британского криминолога Л. Радзиновича «История английских уголовных законов с 1750 года» Джон Говард позиционируется как «человек исключительных моральных качеств» и «первое величайшее имя в пенологии»⁴⁰, а в знаменитой классической работе супругов Уэбб «Английские тюрьмы и местное самоуправление» Говард представлен как «вдохновленный верой» борец за облегчение страданий узников⁴¹. Одним из лучших и наиболее подробных биографических исследований жизни и наследия Говарда в настоящее время считается работа М. Саусвуда «Джон Говард: тюремный реформатор. Рассказы о его жизни и путешествиях»⁴².

Однако, проводя анализ труда Говарда на предмет христианской направленности, попробуем избежать его односторонней оценки. Наследие Говарда за несколько столетий снискало массу апологетов среди

³⁸ Послание к Римлянам 6:23.

³⁹ Послание к Филиппийцам 2:4-5.

⁴⁰ Radzinowicz 1948. P. 13.

⁴¹ Webb S. and B. 1922. P. 32-33.

⁴² Southwood 1958.

классиков криминологии, историков права и пенитенциаристов, поэтому «ложка дегтя» в виде существующей критики его деятельности только добавит ему популярности, ввиду дискуссионности некоторых положений. Так, историки, подходившие к проблемам реформирования системы уголовных наказаний с позиций марксовой теории преступности, в целом склонны недооценивать роль европейских просветителей в отходе от карательных традиций уголовного правосудия. Последователи криминологической теории К. Маркса видят причину возникновения преступности в классовом расслоении общества, а причину перехода от смертной казни и телесных наказаний к принудительному труду в форме каторги, ссылки, галер или в режиме длительного тюремного заключения – в экономических условиях капитализма. Таким образом, система арестантского труда рассматривается в качестве источника трудовых ресурсов⁴³, а не как средство исправления или ресоциализации преступника, как это предусматривали проекты Дж. Говарда.

Панегирики филантропу Говарду уступили место критике, подчас весьма суровой, в трудах ревизионистов и сторонников «теории социального контроля». В русле неклассического подхода ревизии были подвергнуты мотивы пенитенциарных реформаторов (и в первую очередь Джона Говарда!), как исключительно гуманистические, а также оспорен основной результат – переход к *исправительной прогрессивной* системе исполнения наказания. Ревизионисты рассматривают переход к пенитенциарным учреждениям как результат изменения социальной природы наказания. Вдохновившись одной из самых провокационных теорий Мишеля Фуко, изложенной в его работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», исследователи подвергли «ревизии» цели пенитенциарных реформ конца XVIII – начала XIX в. По убеждению последователей Фуко, если в средние века смыслом уголовной репрессии был карательный захват «тела» и публичное причинение страдания, то реформированная система наказаний задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к юридическому лицу, обладающему правом на жизнь. Фуко назвал это время «эрой карательной сдержанности», когда наказание не исчезает, а постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры⁴⁴. Ревизионисты единодушны в оценке социальных реформ конца XVIII века как отправной точки создания целого механизма контроля бедноты со стороны правящего класса посредством закона. Усмотрев в социальных реформах «разумный эгоизм», сторонники теории социального контроля склонны расценивать новаторства Говарда не как деятельность в пользу заключенных, а как естественную

⁴³ Melossy, Pavarini 1981. P. 13-16.

⁴⁴ Фуко 1999.

«санацию» общества от вредных элементов. Призывая к санитарии в тюрьмах по медицинским соображениям, а также к духовному попечению о заключенных – по религиозным, Говард стремился оградить здоровое общество от «миазмов тюремной заразы» как в духовном, так и в медицинском плане. В своем труде «Состояние тюрем» реформатор действительно постоянно обращает внимание общественности на то, что от тюремной реформы в целом выиграют именно те, кто на свободе – профилактика эпидемических заболеваний остановит их распространение за пределы тюрем, а поддержание идей тюремной благотворительности «зачтется» добрым христианам как проявление милосердия и сострадания. Так, Роберт Купер охарактеризовал Говарда как «узколобого, нетерпимого, эгоцентричного, деструктивного и возможно умалишенного фанатика», который «провалил» движение за тюремную реформу⁴⁵. А Род Морган пытался доказать, что усилия Говарда в отношении узников «породили большую жестокость, страдания и порок, чем те, что он пытался своими действиями предотвратить»⁴⁶.

Историографии 1980-х присущ определенный «контр-ревизионизм». В 1983 г. американский историк-криминолог М. Игнатиефф выступил со статьей, в которой подверг критике ревизионистов, в т.ч. свои более ранние работы, за «упрощенный подход» к такой многосторонней проблеме как становление тюремных режимов, а также преувеличенное внимание ревизионистов к роли государства в пенитенциарном реформировании и утилитаризм в понятийном аппарате, сводящем сложные социальные процессы к выстраиванию «вертикали подчинения»⁴⁷. Одновременно были подвергнуты критике те положения марксистских теорий, объяснявших переход к использованию труда заключенных исключительно развитием капитализма и колебаниями рыночного спроса на этот ресурс.

Начало XXI в. отмечено появлением оригинальных работ нового направления интеллектуальной истории – изучения идей через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей. М. Гаскилл предложил метод изучения истории преступности через призму социальной истории ментальностей и открыл последователям интересную научную перспективу: «мы пришли к аргументированному согласию в вопросе о том, *как* действовал уголовный закон, но вопрос, *почему* он был именно таким, все еще остается открытым»⁴⁸. Первыми ответами на его призыв можно считать появление новых диссертационных исследований, посвященных мировоззрению и деятельности Говарда⁴⁹.

⁴⁵ Cooper 1976. P. 75.

⁴⁶ Morgan 1977. P. 391.

⁴⁷ Ignatieff 1983. P. 183–211.

⁴⁸ Gaskill 2000. P. 19.

⁴⁹ Erb 2009.

Обращение к христианскому милосердию, подчинение идеям просвещения и гуманизма с одной стороны, и обоснование социальной полезности – с другой, это общая стратегия социальных реформаторов XVIII–XIX вв., нацеленная на привлечение максимального числа сторонников за счет широкой пропаганды своих идей. Именно эта двойственность помогла Говарду добиться желаемого: аргументация социальной полезности подвигла парламентариев к принятию первого тюремного статута, а обращение к религиозно-нравственным убеждениям, альтруизму и человечности привлекли и продолжают привлекать к поставленной им проблеме просвещенную общественность.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Высокова В.В. «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения рационализация религии и секуляризация исторического письма // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 76-94 [Vysokova V.V. «Svetskaja» i «duhovnaja» istorija v Britanii v jepohu Prosveshhenija racionalizacija religii i sekularizacija istoricheskogo pis'ma // Dialog so vremenem. 2014. № 48. S. 76-94].
- Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований. С.-Петербург: «Общественная Польза», 1906. 646 с. [Gogel' S.K. Voprosy ugovol'nogo prava, processa i tjur'movedenija. Sbornie issledovanij. S.-Peterburg: "Obshhestvennaja Pol'za", 1906. 646 s.]
- Казалет Э.А. О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы. М., 1892. 91 с. [Kazalet Je.A. O znachenii Dzhona Govarda v istorii tjuremnoj reformy. M., 1892. 91 s.]
- Лабутина Т.Л. Английская революция середины XVII в. и интеллектуальный мир англичан // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 16-29 [Labutina T.L. Anglijskaja revoljucija sereidiny XVII v. i intellektual'nyj mir anglichan // Dialog so vremenem. 2015. № 53. S. 16-29].
- Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с. [Natashev A.E., Struchkov N.A. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava. M., 1967. 190 s.]
- Нахаметов Б.А. Джон Говард и его вклад в эпидемиологию чумы // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 3–15 [Nahapetov B.A. Dzhon Govard i ego vklad v jepidemiologiju chumu // Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki. 2001. № 3. S. 3–15].
- Ревенок Н.Д. Рыцарь добра и справедливости. К 250-летию со дня рождения Джона Говарда // Медицинская сестра. 1976. № 12 [Revenok N.D. Rycar' dobra i spravedlivosti. K 250-letiju so dnja rozhdenija Dzhona Govarda // Medicinskaja sestra. 1976. № 12].
- Слиозберг Г.Б. Д. Говард. Его жизнь и общественно-филантропическая деятельность (биографический очерк). С.-Петербург: «Общественная Польза», 1891. 72 с. [Slizozberg G.B. D. Govard. Ego zhizn' i obshhestvenno-filantropicheskaja dejatel'nost' (biograficheskij ocherk). S.-Peterburg: "Obshhestvennaja Pol'za", 1891. 72 s.]
- Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. 219 с. [Teplyashin P.V. Istoki i razvitie anglijskogo tjur'movedenija. Krasnojarsk: Sibirskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2005. 219 s.]
- Треvel'ян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с. [Trevel'jan Dzh. M. Social'naja istorija Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii. Smolensk: Rusich, 2002. 624 s.]
- Чекалюк В., Подолян Т. Гений добра и любви к человечеству. Очерк о Джоне Говарде // RELGA: научно-культурологический журнал. 2015. № 8 (296) [Chekaljuk V., Podoljan T. Genij dobra i ljubvi k chelovechestvu. Ocherk o Dzhone Govarde // RELGA: nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. 2015. № 8 (296)].
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999 [Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. M.: Ad Marginem, 1999].
- Barrow I. Sermon XXV: Of the Love of our Neighbor // The Works of Isaac Barrow, D.D. N.Y.: John C. Ricker, 1845. Vol. 1. Pp. 256-267.

- Brewster J. Sermons for prisons to which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement. Stockton: R. Christopher, 1790. 212 p.
- Cennick J. The Lost Sheep, Piece of Silver, and Prodigal Son. Being the substance of a discourse. Dublin Printed. London Re-printed. M. Lewis. 1770. 24 p.
- Cooper R.A. Ideas and their Execution: English prison reform // Journal of Eighteenth-Century Studies. № 10. 1976. Pp. 73–93.
- Erb M.C. The Rhetoric of Reform: Metaphors of Disease in John Howard's «The State of the Prisons». Thesis Submitted to the Faculty of the Department of History. Vanderbilt Un-ty, 2009.
- Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000. 396 p.
- Grey R. The Encouragement to Works of Charity and Mercy, from Christ's Acceptance of Them as Done to Himself. Northampton: William Dacey, 1744. 112 p.
- Haakonssen L. Medicine and Morals in the Enlightenment: John Gregory, Thomas Percival and Benjamin Rush. Amsterdam: Editions Rodopi, 1997. 247 p.
- Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford: Clarendon; Oxford University Press, 1988. 422 p.
- Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. 4th ed. London: J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. 540 p.
- Ignatieff M. State, civil society and total institution: a critique of recent social histories of punishment // Legality, ideology and the state / ed. by D. Sugarman. N.Y., 1983. Pp. 183–211.
- Lindemann M. Medicine and Society in Early Modern Europe. New Approaches to European History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 249 p.
- Melossi D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. London, 1981. 243 p.
- Morgan R. Divine philanthropy: John Howard reconsidered // The Journal of the Historical Association. Vol. 62, № 206, October 1977. P. 388–410.
- Porter R. Disease, Medicine and Society in England: 1550–1860. Cambridge: CUP, 1993. 84 p.
- Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. L.: Stevens & Sons, 1948. 853 p.
- Southwood M. John Howard. Prison Reformer. An account of his life and travels. L.: Independent Press Ltd, 1958. 144 p.
- The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 425 p.
- Webb S. and B. English prisons under Local Government. L.: Longmans, Green, 1922. 261 p.

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; Vasi-svetlana@yandex.ru.

Christian ethic as the intelligent source of British penal reform in the 18th century

The article focuses on the content-analysis of the opus “The State of Prisons in England and Wales” by John Howard in the context of the British Christian mentality in the 18th c. Howard’s proposals for penitentiary modernization are based on the ideals of the Enlightenment and Christian ethics. He presented penal reforms as the fulfillment of Christian duty and benevolence to gain the support from the public. The author comes to the conclusion that the particular spiritual development of English society, religious quest of English Protestantism led to the direct dependence of the penal reform on the religious factor.

Keywords: John Howard, penal reforms, “The State of Prisons in England and Wales”, philanthropy, Christian ethics.

Svetlana Vasileva, PhD. (History), Deputy head of the Chair of Philosophy and History of the Academy of Penal Service of Russia; Vasi-svetlana@yandex.ru

И. Е. РУДКОВСКАЯ

МИКРОСТРУКТУРА «ИСТОРИИ АНГЛИИ» Д. ЮМА СПЕЦИФИКА “ОТОБРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТА”

В статье анализируется микроструктура исторического нарратива Д. Юма, в котором были заложены основы историографического канона позднего Просвещения. Рассматриваются комплексы повторяющихся и однотипных рубрик, выделенных Юмом по наиболее значимым аспектам воссоздаваемого прошлого, в качестве маркеров его целенаправленных усилий по систематизации исторических фактов.

Ключевые слова: историографический канон позднего Просвещения, компаративный анализ, макроструктура, микроструктура, повторяющиеся и однотипные рубрики

“...структура – это, в сущности,
отображение предмета, но отображение
направленное, заинтересованное...”¹

Исследование внутренней архитектоники текста «Истории Англии» Д. Юма предпринято автором статьи в связи с изучением исторического творчества Н.М. Карамзина. Российские историографы позднего Просвещения, М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин, имели возможность учитывать при создании своих трудов достижения крупнейших британских историков Д. Юма, В. Робертсона и Э. Гиббона. Юмом были заложены основы нового историографического канона: элементы новизны в его «Истории Англии» были очевидны уже на уровне макроструктуры. Микроструктура его труда была поистине новаторской. Рамки статьи ограничивают возможности компаративного анализа, поэтому здесь будет представлен преимущественно анализ микроструктуры «Истории Англии», дополненный отдельными ссылками на микроструктурные параллели в трудах последующих британских и российских историков.

Под *макроструктурой* автор статьи понимает деление на главы и другие основные элементы текста, как ординарные, так и экстраординарные². *Микроструктурой* признаются комплексы рубрик на полях, внутреннее деление наименьшей из единиц текста, выделенных в рамках макроструктуры³. В процессе исследования микроструктуры труда Юма были выделены 7 комплексов рубрик: 1) о личностных особенностях и деятельности правителей; 2) о политической элите; 3) об управлении, правосудии, внутреннем и внешнем положении; 4) о религии и церкви; 5) о внутренних и внешних конфликтах; 6) о нравах, обычаях; 7) об об-

¹ Барт. 1989. С. 255.

² Рудковская. 2013. № 42. С. 158-159.

³ Рудковская. 2013. № 43. С. 90.

разовании, науке, литературе, искусстве. Учитывалась и частота включения в рубрики терминов «система», «дух», «причины», «следствия», признанных маркерами формирования рациональной науки, сциентизации историописания на начальном этапе той, ранней историографической революции, при всех ее отличиях от современной⁴.

Наряду с содержательными признаками учитывалась и формальная структура. Маркерами *целенаправленного процесса систематизации* данных источников были признаны повторяющиеся и однотипные рубрики. *Повторяющиеся рубрики (ПР)* – рубрики, дублирующие друг друга с минимальными допусками в плане вариативности. *Однотипные рубрики (ОР)* – рубрики, частично дублирующие друг друга. Необходимость систематизации информации **в сносках** обусловила введение аббревиатуры ПР и ОР, как и ряда других условных обозначений⁵. В качестве подвидов основных видов выделены пролонгированные и двойные рубрики. *Пролонгированные рубрики* - серии рубрик, объединенных общим началом, представляющие собой компактный вариант ряда однотипных рубрик. *Двойные рубрики* – рубрики, однотипные или повторяющиеся, несущие в себе двойной набор информации. Эти подвиды позволяют уточнить информацию о заложенной в рубриках «памяти текста», расширяя сумму контекстов, в которых, по словам Ю.М. Лотмана, «данный текст приобретает осмысленность»⁶.

К *единичным рубрикам* были отнесены рубрики, не имевшие очевидных аналогов в микроструктуре; предоставляя информацию о конкретном событии, они «играли на понижение» уровня систематизации материала. Опираясь на известный тезис Ф. Броделя о том, что, говоря о структурах и конъюнктурах, имеют в виду «в первом случае длительные, а во втором – небольшие промежутки времени»⁷, следует признать единичные рубрики регистраторами элементов прошлого, актуального в границах данного отрезка времени, на уровне конъюнктуры. В отличие от единичных, повторяющиеся и однотипные рубрики выделяли преимущественно реалии, сегодня именуемые структурами.

Макроструктура труда Юма может произвести впечатление поделенной на главы истории королей, тем более что на титульном листе тома I в издании 1762 года подчеркивалось, что том содержит историю их

⁴ Могильницкий. 2008. С. 14.

⁵ Цифры перед ПР и ОР означают количество *вариантов*; количество ПР *одного варианта* указывается в скобках после рубрики, представляющей вариант; различия ПР отделяются знаком «/»; количество рубрик в главе указывается в скобках после № главы; отнесение рубрик к ОР при выделении аналога в ином сегменте микроструктуры сопровождается ссылкой на аналог в конце сноски (см.: ...); данные о микроструктуре нарративов других историков эпохи вводятся так же.

⁶ Лотман. 2014. С. 28.

⁷ Бродель. 2002. С. 25.

правлений, перечислялись их имена, начиная с Вильгельма Завоевателя⁸. Однако анализ микроструктуры «Истории» позволяет выдвинуть гипотезу о существенных расхождениях между ролью, которая отводилась королям на уровне макроструктуры и на уровне микроструктуры. Имен правителей либо заменяющих их местоимений и титулов в рубриках «Истории» много⁹. Рубрик об их рождении – минимум¹⁰, но факты восшествия королей на престол, изгнания или восстановления на престоле¹¹, их браки¹², успехи¹³ фиксировались регулярно. Итоги жизненного пути правителей Юм подводил в вариативных рубриках о смерти, характере¹⁴, реже – о делах царствования¹⁵. Уникальной была микроструктура главы II, состоявшая только из имен королей¹⁶.

Табл. 1. Правители в микроструктуре «Истории Англии» Юма¹⁷

Содержание рубрик	Количество упоминаний (по томам)						
	гл. I-XLIV				гл. XLV-LXXI		
	I	II	III	IV	V	VI	
правители / правительницы	62/2	50/4	30/27	4/10	5/1	17/-	24/-

⁸ *Hume*. 1762. Vol. I.

⁹ *Hume*. 1830. Vol. I. Ch. II (13), III (7), IV (2), V (3), VI (4), VII (7), VIII (4), IX (7), X (7), XI (6), XII (5). Vol. II. Ch. XIII (5), XIV (7), XV (2), XVI (2), XVII (5), XVIII (2), XIX (4), XX (2), XXI, XXII (6), XXIII (4), XXIV (6), XXV, XXVI (6), XXVII (4). Vol. III. Ch. XXVIII (8), XXIX (4), XXX (5), XXXI (2), XXXII (5), XXXIII (3), XXXV (2), XXXVI (3), XXXVII (4), XXXVIII (6), XXXIX (4). Vol. IV. Ch. XLI (2), XLII (10), XLIII (3), XLIV (3), XLV-XLVI, XLVIII, XLIX (2). Vol. V. Ch. LIV, LV (2), LVIII (2), LIX (6), LXI (4), LXII (2), LXIII-LXIV. Vol. VI. Ch. LXV (2), LXVI (3), XLIX (2), LXX (2), LXXI (14).

¹⁰ *Ibid.* Vol. III. Ch. XXXI. Vol. V. Ch. LXI. Vol. VI. Ch. LXX.

¹¹ **2 ОР:** «Accession of Henry»; «The King dethroned». Vol. I. Ch. V (2), VI (2), VII (4), XI. Vol. II. Ch. XIV, XX-XXI, XXII (3), XXIII, XXIV (2), XXV. Vol. III. Ch. XXXVI.

¹² **3 ПР:** «Marriage of the King» (2); «King's Marriage» (3); «His Marriage» (2). *Ibid.* Vol. I. Ch. VI, XI. Vol. II. Ch. XIX, XXIV, XXVII. Vol. IV. Ch. XLVII. Vol. V. Ch. LXIII. **2 ОР:** «King's second Marriage»; «Queen's Marriage with Philip». *Ibid.* Vol. I. Ch. VI. Vol. II. Ch. XX, XXII. Vol. III. Ch. XXXII, XXXVI, XXXIX. Vol. VI. Ch. LXVI.

¹³ **ОР:** «Progress of Fransis I». *Ibid.* Vol. III. Ch. XXVIII. Vol. IV. Ch. XLIII. Cp.: «Progress of the colony». *Robertson*. The History of America. Vol. I. B. I. P. 72. B. III. P. 251, 274. Vol. III. B. VI. P. 191, 206.

¹⁴ **7 ПР:** «Death and Character of Henry» (2); «Death and Character of the King» (5); «Death of the King» (3); «His Death» (2); «and Death» (2); «His Character» (3); «and Character» (5). *Hume*. 1830. Vol. I. Ch. VI-VII, IX-XII. Vol. II. Ch. XIII-XIV, XVI-XVIII, XIX (2), XXVI (2). Vol. III. Ch. XXXIII (2), XXXV. Vol. IV. Ch. XLIV (2), XLIX. Vol. V. Ch. LIX. Vol. VI. Ch. LXIX. **ОР:** «Death and Character of Richard III». *Ibid.* Vol. I. Ch. IV-V. Vol. II. Ch. XXII-XXIII.

¹⁵ **2 ПР:** «Miscellaneous Transactions of this Reign» (6); «Miscellaneous Transactions during this Reign» (2). *Ibid.* Vol. I. Ch. IX-X, XII. Vol. II. Ch. XIII-XIV, XVI-XVII, XIX, XXI. **ОР:** «Miscellaneous Transactions». *Ibid.* Vol. III. Ch. XXXIII.

¹⁶ **ОР:** «Egbert... – Edward the Martyr». *Ibid.* Vol. I. Ch. II (13).

¹⁷ Особая значимость первоначальной, «стюартовской», части труда Д. Юма обусловила выделение в таблицах 2-х частей тома IV: до Стюартов и при Стюартах.

Далее интенсивность упоминаний королей повышалась в моменты их активизации (гл. XXVIII, XLII, LXXI). Тем не менее отсутствие таких упоминаний в микроструктуре «королевских» глав – явление ординарное. Информация о них минимальна уже в «стюартовской» части: Якову I в 5 «именных» главах отведено 4 рубрики, Карлу I в 10 главах – 11, Карлу II в 7 главах – 4, Якову II в 2-х главах Юм уделит 10 рубрик ввиду его противостояния с Вильгельмом Оранским¹⁸. Минимизация «королевского» сегмента микроструктуры позволила вывести на авансцену представителей политической элиты, достойно конкурировавших с правителями, а в «стюартовской» части заметно потеснивших их.

Табл. 2. Политическая элита в микроструктуре «Истории Англии» Юма

Содержание рубрик	Количество упоминаний (по томам)						
	гл. I-XLIV				гл. XLV-LXXI		
	I	II	III	IV	V	VI	VI
элита / ее представители	6/12	3/53	-/42	-/15	-/17	-/31	-/28

Об элите как группе речь шла лишь в Аппендиксе I и в рубриках о внутренних конфликтах¹⁹. Объем и вариативность «элитарного» сегмента микроструктуры определяли персоналии²⁰. В рубриках речь шла об их взлетах и падениях²¹, судах над ними, обвинениях, лишении прав состояния²², казнях²³, убийствах, смерти²⁴; изредка – о характере²⁵.

¹⁸ **3 OP**: «King's journey...»; «King leaves...»; «The King seized...». Ibid. Vol. IV. Ch. XLV, XLVIII, XLIX (2). Vol. V. Ch. LIV, LV (3), LVIII (2), LIX (6), LXIII. Vol. VI. Ch. LXVI, LXIX (2), LXX (2), LXXI (8).

¹⁹ **2 PP**: «Insurrections of the (Norman) Barons»; «Discontent(s) of the Barons» (3). **OP**: «Usurpation of the Barons». Vol. I. Ch. IV, XI, XII (3). Vol. II. Ch. XIV, XVII.

²⁰ **5 OP**: «Simon de Mountfort, Earl of Leicester»; «The Earl of Essex»; «Sir Thomas More»; «Wolsey Minister»; «Stafford». Ibid. Vol. I. Ch. XII. Vol. II. Ch. XIV (2), XXI, XXIII-XXV, XXVII. Vol. III. Ch. XXIX, XXXI, XXXIV. Vol. IV. Ch. XLII, XLIII. Vol. V. Ch. LVII, LXII. Vol. VI. Ch. LXVII.

²¹ **3 OP**: «Wolsey's Fall»; «Fall of Bacon»; «Rise of Somerset». Vol. III. Ch. XXX, XXXII. Vol. IV. Ch. XLVII (3), XLVIII. Vol. V. Ch. LXIV.

²² **5 OP**: «Trial of Norfolk»; «Argyle's trial»; «Trial and Execution of Stanley»; «Impeachment of Buckingham»; «Attainder of the Duke of Norfolk». Ibid. Vol. II. Ch. XXI, XXV. Vol. III. Ch. XXVIII, XXXI, XXXIII-XXXV, XL. Vol. IV. Ch. XLIV, L, LII. Vol. V. Ch. LIV, LXIII. Vol. VI. Ch. LXVII (2), LXVIII, LXIX (3).

²³ **PP**: «His Execution» (7). Ibid. Vol. III. Ch. XXXII, XXXIV-XXXV, XL. Vol. IV. Ch. XLIV, XLVIII, LXIX (2). **3 OP**: «Execution of the Earl of Kent»; «Execution of Stafford»; «Buckingham executed». Ibid. Vol. II. Ch. XIV, XV (2), XX, XXIII (2), XXVI (2). Vol. III. Ch. XXXIII - XXXV, XXXVI (2), XXXVII. Vol. IV. Ch. XLIV. Vol. V. Ch. LIV, LVII, LXIII (2). Vol. VI. Ch. LXVIII-LXIX, LXX (2).

²⁴ **PP**: «Murder of Duke of Gloucester» (2). Ibid. Vol. II. Ch. XVII, XX; **3 OP**: «Assassination of the Duke of Burgundy»; «Murder of Rizzio»; «Death of Buckingham». Ibid. Vol. I. Ch. XI-XII. Vol. II. Ch. XIV, XIX-XX, XXI (2), XXII (2), XXIII. Vol. III. Ch. XXX, XXXIX-XL. Vol. IV. Ch. XLIII, LI. Vol. V. Ch. LVI. Vol. VI. Ch. LXVII.

²⁵ Ibid. Vol. II. Ch. XXVII. Vol. IV. Ch. XLIX. Vol. VI. Ch. LXV.

Необходимой частью микроструктуры были рубрики об урегулировании наследования, доходов, престола²⁶, об управлении в разные периоды²⁷, включая периоды малолетства королей²⁸. Особенно велик комплекс рубрик о парламенте. Маркером периода его регулярной деятельности следует признать повторяющуюся рубрику «A Parliament»²⁹.

Табл. 3. Парламент в микроструктуре «Истории Англии» Юма

Содержание рубрик	Количество упоминаний (по томам)						
	гл. I-XLIV					гл. XLV-LXXI	
	I	II	III	IV	IV	V	VI
«Парламент» / другие рубрики	-/3	6/2	25/7	6/1	5/12	1/22	10/13

Кроме того, Юм выделил рубрики о новом парламенте, его созыве, роспуске, новой сессии, неистовстве палаты общин³⁰, рубрику-отступление об устройстве парламента, рубрики о парламентских делах³¹, разгоне, восстановлении парламента и др.³², пролонгированную рубрику о месте заседаний³³. По уровню систематизации микроструктуры «парламентский» сегмент лидировал в «Истории Англии», что дает основания видеть именно в парламенте эпицентр исторических интересов ее автора. Эксперимент Юма был замечен: повторяющиеся «парламентские» рубрики вскоре появились в «Истории Шотландии» В. Робертсона³⁴.

²⁶ **ПР:** «Settlement of the Government» (3); **ОР:** «Settlement of the Succession». Ibid. Vol. I. Ch. IV, XII (2). Vol. III. Ch. XXXII. Vol. V. Ch. LXIII. Vol. VI. Ch. LXXI. Ср.: «Settlement of the government in New Spain». *Robertson*. The History of America. Vol. III. B. V. P. 96.

²⁷ *Hume*. 1830. Vol. I. Appendix I-II. Vol. II. Ch. XIII. Vol. IV. Appendix III-IV.

²⁸ **ПР:** «Government during the Minority» (2). Ibid. Vol. II. Ch. XVII, XX. Vol. IV. Appendix III-IV.

²⁹ **ПР:** «A Parliament» (52) / «The Parliament». Ibid. Vol. II. Ch. XXII, XXIV, XXV (2), XXVI-XXVII. Vol. III. Ch. XXIX, XXX (3), XXXI (2), XXXII (3), XXXIII (3), XXXIV (2), XXXV (2), XXXVI (2), XXXVII (2), XXXVIII, XXXIX (2), XL (2). Vol. IV. Ch. XLI (2), XLII, XLIII (2), XLIV, XLV, XLVI (2), XLVIII-XLIX. Vol. V. Ch. LXII. Vol. VI. Ch. Vol. VI. Ch. LXV (4), LXVI (3), LXVII, LXX (2).

³⁰ **6 ПР:** «A New Parliament» (3); «New Parliament» (2); «A Convocation» (2); «Dissolution of the Parliament» (3); «A new Session» (2) / «New Session»; «Violence of the Commons» (2). Ibid. Vol. III. Ch. XXXI (2), XXXV. Vol. IV. Ch. LI. Vol. V. Ch. LX-LXIII, LXIV (3). Vol. VI. Ch. LXVII, LXVIII (4).

³¹ **2 ОР:** «Digression concerning the Constitution of Parliament»; «Parliamentary Transactions». Ibid. Vol. II. Ch. XIII, XVIII. Ср.: «Digression concerning the ecclesiastic State»; «Miscellaneous Transactions». Ibid. Vol. III. Ch. XXIX, XXXIII.

³² **5 ОР:** «Monk declares for the Parliament»; «The Army subdue the Parliament»; «Dissolution of the long Parliament»; «Parliament restored»; «Third Parliament». Vol. IV. Ch. L-LI, LIII. Vol. V. Ch. LIX (2), LXI, LXII (6), LXIII. Vol. VI. Ch. LXVII, LXVIII (2).

³³ «A Parliament at Westminster. – At Oxford». Ibid. Vol. IV. Ch. L (2).

³⁴ **2 ПР:** «A Parliament» (2); «A Parliament held» (4). *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. B. III. P. 28, 94. B. IV. P. 203. B. V. P. 248. B. VI. P. 428. Vol. III. B. VII. P. 28.

Среди рубрик об изменениях в правовой сфере в нарративе Юма немало однотипных³⁵, в т.ч. и столь характерная для историографии эпохи рубрика о происхождении («Origin...»)³⁶. Правовой сегмент неуклонно разрастался в трудах последующих историков: Э. Гиббон только в главе о римской юриспруденции выделил 60 рубрик, Н.М. Карамзин в главе о «Русской правде» – 30³⁷. В «Истории государства Российского» правовой сегмент был одним из самых структурированных³⁸.

Повторяемость и предсказуемость микроструктуре труда Д. Юма, наряду с рубриками о парламенте, придали рубрики о положении («State of...»), о делах / о положении дел («Affairs of...», «State of affairs...»). Рубрики о положении правительства, регентства, двора, нации³⁹, о положении партий⁴⁰ были призваны формировать у читателей представление о значимости обобщений в истории; однотипная рубрика «Views of the parties» положила начало традиции рубрик-рассмотрений⁴¹. Заметную роль играли рубрики о положении Шотландии, ее урегулировании⁴², о положении Ирландии⁴³. Комплекс рубрик был посвящен ситуа-

³⁵ **8 ОР:** «Civil Laws»; «Origin of the feudal Law»; «Introduction of the feudal Law»; «Habeas corpus bill»; «Bill of exclusion»; «Coventry Act»; «Act of Indemnity»; «Exclusion-bill rejected». *Hume*. 1830. Vol. I. Appendix I. Ch. IV. Appendix II (2). Vol. V. Ch. LIV (2), LXIII (4). Vol. VI. Ch. LXV (2), LXVII (2), LXVIII (2). Ср.: «Origin of the Reformation», «Introduction of the Canons and Liturgy». *Ibid.* Vol. III. Ch. XXIX. Vol. IV. Ch. LIII.

³⁶ **ОР:** «Origin of Scots». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. B. I. P. 1-2, 15. Vol. II. B. III. P. 48. «Origin of their civil policy». *Robertson*. The history of America. Vol. III. B. VII. P. 274, 324. «Происхождение Козаков». *Карамзин*. Кн. I. Т. I. Гл. II. Т. III. Гл. VIII. Кн. II. Т. V. Гл. IV.

³⁷ **3 ОР:** «Законы римских царей»; «Период третий»; «Право собственности» и др. *Гиббон*. Ч. V. Гл. XLIV (6). **3 ОР:** «Законы уголовные»; «Общий характер законов»; «Устав церковный». *Карамзин*. Кн. I. Т. II. Гл. III (4). Ср.: «Законы гражданские»; «Общий характер Василиева правления». Там же. Кн. I. Т. I. Гл. X. Кн. II. Т. VII. Гл. I.

³⁸ **3 ПР:** «Законы» (4); «Уставные грамоты» / «Уставная грамота»; «Право наследственное» (2) / «Наследственное право»; «Правосудие» (2); «Суд в Орде» (2). *Карамзин*. Кн. I. Т. II. Гл. II, III. Т. III. Гл. VII. Т. IV. Гл. VII, XII. Кн. II. Т. V. Гл. III-IV. Т. VII. Гл. III-IV. Т. VIII. Гл. III. Кн. III. Т. IX. Гл. VII. Т. XII. Гл. I, V.

³⁹ **3 ОР:** «State of the Court»; «State of the Court and Ministry»; «State of the ministry in England». *Hume*. 1830. Vol. II. Ch. XXIII. Vol. III. Ch. XXXIV. Vol. IV. Ch. LII. Vol. VI. Ch. LXVIII, LXIX (2).

⁴⁰ **ПР:** «State of parties» (2). *Ibid.* Vol. V. Ch. LVI. Vol. VI. Ch. LXVIII.

⁴¹ *Ibid.* Vol. VI. Ch. LXXI. **2 ОР:** «A view of the Revolutions...». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. B. II. P. 150. Vol. III. B. VIII. P. 188; «View of the policy and trade...». *Robertson*. The History of America. Vol. III. B. VII. P. 270, 367. Vol. IV. B. VIII. P. 1.

⁴² **5 ПР:** «State of Scotland» (3); «State of affairs in Scotland» (5); «Affairs of Scotland» (11); «Scotch affairs» (3); «Settlement of Scotland» (3). *Hume*. 1830. Vol. II. Ch. XIII, XV, XVIII, XXV. Vol. III. Ch. XXVIII, XXXII-XXXIV, XXXVII-XL. Vol. IV. Ch. XLI (2), XLII-XLIII, XLVII. Vol. V. Ch. LV, LXIII-LXIV. Vol. VI. Ch. LXVI-LXVII, LXIX-LXXI.

⁴³ **ПР:** «State of Ireland» (7); «State of affairs in Ireland». *Ibid.* Vol. I. Ch. IX. Vol. IV. Ch. XLIV, XLVI. Vol. V. Ch. LVI, LXIV. Vol. VI. Ch. LXIX, LXX (2). «State of England. – of Scotland. – of Ireland». *Ibid.* Vol. V. Ch. LX (3).

ции в области иностранных дел, дел в Европе, во Франции, в Нидерландах, Испании, Палестине⁴⁴. Аналогичные рубрики встречались в трудах Робертсона⁴⁵, Гиббона⁴⁶, Щербатова⁴⁷, Карамзина⁴⁸.

Такой традиционный сюжет, как дела церковные, в силу внимания Юма к истории Реформации, отражал не столько статику, сколько динамику. Он затрагивал церковное управление и нововведения в нем, взаимоотношения между гражданской и церковной властью, крестовые походы⁴⁹. Рубрика «Отступление, касающееся положения церкви» объединила 4 подрубрики: о возникновении Реформации, ее лидере, о борьбе с ней, о причинах ее успехов⁵⁰. Историк отметил начало Реформации в Англии, ее прогресс в Англии и Шотландии и папистские заговоры⁵¹. Юм ввел рубрики о запрещении малых и больших монастырей, о характере пуритан и индепендентов, о религиозных принципах народа, коро-

⁴⁴ **3 ПР:** «Foreign affairs» (4); «State of Foreign Affairs» (2); «State of Europe» (4). Ibid. Vol. I. Ch. VIII. Vol. II. Ch. XXV, XXVII. Vol. III. Ch. XXX, XXXIV, XXXIX. Vol. IV. Ch. XLV. Vol. V. Ch. LXI-LXII. Vol. VI. Ch. LXIX. **ОР:** «State of Scotland. – Of Spain. – Of the Low Countries – Of France – Of Britany». Ibid. Vol. I. Ch. VIII (2). Vol. II. Ch. XXV (5). **2 ПР:** «State of France» (6); «Franch affairs» (5). Ibid. Vol. II. Ch. XVI (2), XIX (2), XX (2). Vol. III. Ch. XXXVIII, XL (2). Vol. IV. Ch. XLIII-XLIV. Vol. V. Ch. LXIV. **3 ОР:** «State of Palestine»; «Affairs of the Low Countries»; «Spanish Affairs». Ibid. Vol. I. Ch. X. Vol. III. Ch. XL. Vol. IV. Ch. XLI.

⁴⁵ «Состояние Венецианской Республики – Тоскании – Герцогства Савойского – Соединенных Нидерландов – России – Дании и Швеции». Робертсон. Т. IV. С. 253-257; **ПР:** «State of the colony in Hispaniola» (2). Robertson. The History of America. **ОР:** «State of the colonies at this period». Idem. The History of America. Vol. I. B. III. P. 243, 293. Vol. II. B. V. P. 265. Vol. III. B. VII. P. 357. Vol. IV. B. IX. P. 244. B. X. P. 305.

⁴⁶ **ПР:** «Положение Италии» (2). Гиббон. Ч. IV. Гл. XLIII. Ч. V. Гл. XLIX. **ОР:** «Положение Британии». Там же. Ч. I. Гл. XI, XIII. Ч. II. Гл. XVII. Ч. III. Гл. XXV-XXXVI, XXXI. Ч. IV. Гл. XLII. Ч. VI. Гл. LI, LIII, LVII. Ч. VII. LXV, LXIX.

⁴⁷ **3 ПР:** «Состояние России» (2); «Состояние Польши» (4); «Состояние дел в Польше» (2). Щербатов. Т. II. С. 555. Т. IV. Ч. I. С. 3. Т. V. Ч. II. С. 317, 321. Т. V. Ч. III. С. 201. Т. VI. Ч. I. С. 121. Т. VI. Ч. II. С. 105. Т. VII. Ч. II. С. 161; **ОР:** «Состояние Швеции». Т. V. Ч. II. С. 53, 209, 285. Т. VI. Ч. I. С. 69, 174, 189, 229. Т. VI. Ч. II. С. 76.

⁴⁸ **ПР:** «Состояние России» (3). Карамзин. Кн. I. Т. IV. Гл. I, V. Кн. III. Т. XII. Гл. V. **3 ОР:** «Состояние Москвы»; «Ужасное состояние России»; «Состояние Ливонии». Там же. Кн. I. Т. I. Гл. X. Т. II. Гл. VI. Кн. II. Т. VI. Гл. VII. Т. VIII. Гл. V. Кн. III. Т. IX. Гл. VII. Т. XII. Гл. II.

⁴⁹ **2 ОР:** «Innovations in the Church»; «Introduction of the Canons and Liturgy». Hume. 1830. Vol. I. Ch. IV. Vol. IV. Ch. LII-LIII. Ср.: «Introduction of the feudal Law». Ibid. Vol. I. Ch. IV. **3 ОР:** «Continuation of the Quarrel with Anselm, the Primate»; «King's final Breach with Rome»; «Breach betwixt the King and the church». Vol. I. Ch. VI-IX, XI. Vol. III. Ch. XXX (6). Vol. VI. Ch. LXX. Ср.: «Continuation of the civil Wars». Vol. I. Ch. VII. **ПР:** «The Crusades» (2) / «Crusades». Vol. I. Ch. V-VI, IX.

⁵⁰ Ibid. Vol. III. Ch. XXIX (5).

⁵¹ **ПР:** «Father Progress of the Reformation» (2); **3 ОР:** «Commencement of the Reformation in England»; «Progress of the Reformation»; «Reformation in Scotland». Vol. III. Ch. XXX (2), XXXI, XXXIV (2), XXXVIII. «The popish plot... – Popish plot». Vol. VI. Ch. LXVII (2).

ля, министров⁵², повторяющуюся рубрику «Церковные дела»⁵³, которая появлялась затем в трудах В. Робертсона и Н.М. Карамзина⁵⁴.

Серьезных усилий по систематизации требовала информация о внутренних и внешних конфликтах. Как правило, в рубриках о недовольствах⁵⁵, заговорах⁵⁶, бунтах и восстаниях⁵⁷ Юм выделял либо субъектов конфликта, либо охваченные им территории. Сложные сочетания форм конфликтов фиксировались в двойных однотипных рубриках; значителен комплекс рубрик о гражданских войнах, но особенно много рубрик о войнах с Шотландией и Францией; о других – минимум⁵⁸. Выделены рубрики о разрыве отношений, вторжениях, о военных кампаниях 1674–1678 гг.⁵⁹ Как показывает компаративный анализ, опыт Юма

⁵² **4 OP:** «Suppression of the lesser Monasteries»; «Character of the Puritans»; «Rise and Character of the Independents»; «Religious Principles of the People – of the King – of the Ministers». Ibid. Vol. III. Ch. XXXI (5), XL. Vol. V. Ch. LVII.

⁵³ **1P:** «Ecclesiastical Affairs» (3). Ibid. Vol. III. Ch. XXXII, XXXIV. Vol. V. Ch. LVIII. **OP:** «Ecclesiastical Government». Vol. IV. Appendix IV.

⁵⁴ **1P:** «Church affairs» (4). **OP:** «Affairs of the church»; «Ecclesiastical Affairs». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. II. B. III. P. 137. B. IV. P. 185. B. V. P. 311. B. VI. P. 357, 405. Vol. III. B. VII. P. 29. **2 PP:** «Дела церковныя» (5), «Учреждения церковныя» / «Церковныя учреждения». *Карамзин*. Кн. I. Т. II. Гл. XVI. Т. IV. Гл. XI. Кн. II. Т. V. Гл. I (2), II-III. Т. VIII. Гл. III. Кн. III. Т. IX. Гл. VII.

⁵⁵ **2 PP:** «Discontent(s) of the Barons» (3). «Discontents of the People» (2) / «Discontents among the People». *Hume*. 1830. Vol. I. Ch. XII. Vol. II. Ch. XIV, XVII, XXIV. Vol. III. Ch. XXXI, XXXV. **OP:** «Discontents in Scotland». Ibid. Vol. IV. Ch. LIII (2).

⁵⁶ **1P:** «Conspiracy against the King» (2). Vol. I. Ch. V. Vol. II. Ch. XIV; **5 OP:** «Conspiracy against Somerset»; «Raleigh's Conspiracy»; «New Conspiracy of the Duke Norfolk»; «Conspiracy of the Royalists»; «Conspiracies in England». Vol. III. Ch. XXXV, XL (2). Vol. IV. Ch. XLI, XLII, XLV-XLVI. Vol. V. Ch. LV, LXII. Vol. VI. Ch. LXIX.

⁵⁷ **2 OP:** «Revolt of Prince Robert»; «Revolt of Scotland». Vol. I. Ch. IV, IX (2). Vol. II. Ch. XIII, XXIV. **3 PP:** «Insurrection (2) / «Insurrections»; «An Insurrection» (2); «An Insurrection in the North» (2). Vol. II. Ch. XIV, XVIII, XXIV-XXVI. Vol. III. Ch. XXXI, XXXV, XL. Vol. V. Ch. LXII; **2 OP:** «Insurrection of the Royalists»; «Insurrection in Scotland». Vol. I. Ch. IV (2), VII, XI. Vol. II. Ch. XVII (2), XVIII, XXI-XXII, XXVI. Vol. III. Ch. XXXIX. Vol. IV. Ch. XLVIII. Vol. V. Ch. LXI.

⁵⁸ **OP:** «Wars and Insurrections»; «Insurrection and massacre». Vol. I. Ch. IX. Vol. V. Ch. LV. **2 PP:** «Renewal of the Civil Wars» (2); «Civil Wars of France» (2). Vol. I. Ch. XI-XII. Vol. III. Ch. XXXIX, XL. **4 OP:** «Civil Wars of the Barons»; «Civil Wars in Scotland»; «Preparations for civil war»; «Commencement of the civil war». Vol. I. Ch. VII, XII. Vol. III. Ch. XXXVIII, XL. Vol. V. Ch. LV-LVI. Cp.: «Usurpation of the Barons»; «Preparations for War with France». Vol. I. Ch. XI-XII. Vol. II. Ch. XV. **3 PP:** «War with Scotland» (10); «War with France» (11); «Renewal of the War with France» (2). Vol. I. Ch. IV, VII, IX, X (2), XI. Vol. II. Ch. XIII (3), XIV, XV (3), XX, XXV, XXVII (2). Vol. III. Ch. XXIX (2), XXXIII, XXXV, XXXVII. Vol. IV. Ch. L. **2 OP:** «Dutch War»; «War with Spain». Vol. II. Ch. XV. Vol. III. Ch. XXIX. Vol. V. Ch. LX-LXI. Vol. VI. Ch. LXV.

⁵⁹ **1P:** «Rupture with France» (3). Vol. II. Ch. XVI. Vol. III. Ch. XXXIII. Vol. V. Ch. LXIV. **2 OP:** «New Rupture»; «Rupture with Spain». Vol. III. Ch. XXXIII. Vol. IV. Ch. XLIX. Vol. V. Ch. LXIV (2). Vol. V. Ch. LXIV (2). **1P:** «Invasion of France» (6). Vol. II. Ch. XV-XVI, XXII, XXV, XXVII. Vol. III. Ch. XXIX (2). **4 OP:** «Invasion by Duke

был учтен Щербатовым и Карамзиным⁶⁰ при выстраивании комплекса рубрик о междоусобных конфликтах.

Рубрика «Обычаи» повторяется в Приложениях трижды; отдельные и часть двойных (включая обычаи) рубрик посвящены развитию наук и искусств⁶¹. Этот сегмент микроструктуры, принципиально значимый для Юма, оставил заметный след в историографическом каноне эпохи. Вряд ли можно согласиться с В.В. Высоковой в том, что Юму «приходилось делать пространные отступления», «пассажи о достижениях в области искусства и науки», выходявшие за рамки «традиционного повествования»⁶²: он основан на спорном предположении, что текст «Истории Англии» традиционен. Робертсон выделил в «Истории Америки» однотипные рубрики о ситуации в искусстве⁶³. У Карамзина рубрики о нравах, обычаях, искусстве, науке, литературе относительно регулярны⁶⁴.

Термины «система» и «дух» не выходили на уровень микроструктуры, термин «причина» появлялся изредка⁶⁵, «следствия» – лишь однажды⁶⁶: возможно, сказалось сомнение Юма в готовности читателей, знакомившихся с произведением первоначально по оглавлению, к погружению в насыщенный терминологическими новациями текст. В «Истории

Robert»; «Invasion of that Kingdom»; «French Invasion of Britany»; «New Invasion of France». Vol. I. Ch. V, VI. Vol. II. Ch. XV-XVI, XIX (2), XXIII, XXV. Vol. V. Ch. LVII, LXIV. **ОР**: «Campaign of 1674... – Campaign of 1678». Vol. VI. Ch. LXVI (5). В рубриках о битвах обычно указывалось место битвы: **2 ОР**: «Battle of Crecy»; «Battle of Stratton. – Of Lansdown. – Of Roundway-down». Vol. I. Ch. IV, XII (2). Vol. II. Ch. XIV-XVI, XVIII-XX, XXI (4), XXII (3), XXIII-XXIV, XXVI, XXVII (2). Vol. III. Ch. XXIX, XXXIV, XXXVII. Vol. V. Ch. LVI (5), LVII (3), LVIII, LX (2). Vol. VI. Ch. LXV.

⁶⁰ **2 ОР**: «Междоусобия в России»; «Междоусобие в Смоленске». *Щербатов*. Т. II. С. 133, 391-392. Т. IV. Ч. I. С. 405, 417, 566. Т. V. Ч. I. С. 264. Т. VII. Ч. I. С. 271. Т. VII. Ч. II. С. 204; **3 ПР**: «Междоусобия» (9); «Междоусобие» (3); «Междоусобие в южной России» (2). Там же. Кн. I. Т. II. Гл. IV (2), V, VI (2), IX-X. Т. III. Гл. II, IV. Т. IV. Гл. I, XI. Кн. II. Т. V. Гл. I, III (2). **4 ОР**: «Междоусобие в Рязани»; «Междоусобия в Княжениях»; «Междоусобия Тверских Князей»; «Новая вражда». *Карамзин*. Кн. I. Т. II. Гл. VIII (2), XII, XIV. Т. III. Гл. III, VIII. Т. IV. Гл. V-VI. Кн. II. Т. V. Гл. I, III.

⁶¹ **ПР**: «Manners» (3). *Hume*. 1830. Vol. I. App. I-II. Vol. IV. App. IV. **2 ОР**: «Manners and Arts»; «Learning». *Ibid.* Vol. IV. App. III-IV. Vol. V. Ch. LXII. Vol. VI. LXXI.

⁶² *Высокова*. 2013. С. 84.

⁶³ **2 ОР**: «Their arts»; «State of arts». *Robertson*. The History of America. Vol. II. B. IV. P. 172. Vol. III. B. VII. P. 335. Ср.: «Their art of war»; «State of the colony...». *Ibid.* Vol. II. B. III. P. 243, 293. B. IV. P. 144.

⁶⁴ **3 ПР**: «Художества» (2); «Пословица» (2) / «Пословицы»; «Словесность» (3). Там же. Кн. I. Т. III. Гл. VII. Кн. II. Т. V. Гл. I, III, IV (3). Т. VII. Гл. IV. Кн. III. Т. X. Гл. IV. **3 ОР**: «Язык и грамота»; «Успехи разума»; «Художества и ремесла». Там же. Кн. I. Т. I. Гл. III, X. Т. IV. Гл. X. Кн. II. Т. V. Гл. IV. Кн. III. Т. X. Гл. IV. **ПР**: «Нравы» (2). Там же. Кн. I. Т. I. Гл. X. Т. III. Гл. VII. **2 ОР**: «Нравы Скифов: их падение»; «Свойства и обычаи». *Карамзин*. Кн. I. Т. I. Гл. I, III. Кн. II. Т. VII. Гл. IV. Кн. III. Т. X. Гл. IV.

⁶⁵ «Causes of the Progress of the Reformation». *Hume*. 1830. Vol. III. Ch. XXIX-XXX, XXXVII. Vol. IV. Ch. XLII. Vol. V. Ch. LV.

⁶⁶ «Consequences of the Battle of Hastings». *Ibid.* Vol. I. Ch. IV.

Шотландии» Робертсон выделил рубрику об аристократическом духе феодального правления, несколько рубрик о причинах, одну – о следствии⁶⁷. Но уже в следующем его труде появился термин «система», «дух» – многократно⁶⁸, как и рубрики о причинах⁶⁹ и о следствиях, нередко сопровождаемые определениями⁷⁰. В микроструктуру «Истории Америки» термины «система», «дух», «причины», «следствия» вводились еще чаще⁷¹. В рубриках Гиббона и «система», и «дух» – явление редкое, но причины встречались регулярно; иногда он давал точное число причин или указывал на единственную; рубрики о следствиях относились либо к группе рубрик об «Общем», либо к группе двойных рубрик о характере; следствиям также давались определения⁷². Щербатов, представляя конфликты, предпочитал вводить рубрики о причинах, реже – о следствиях⁷³. Карамзин не вводил в микроструктуру термин «систе-

⁶⁷ «General causes...». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. B. I. P. 15, 17, 26, 81. B. II. P. 150. Vol. II. B. IV. P. 157; «The effects of it». Ibid. Vol. II. B. III. P. 24-27.

⁶⁸ «...для системы равновесия в могуществе». *Робертсон*. Т. I. С. 107. Т. III. С. 366-367, 372; «воинственный дух Европейцев...». Там же. Т. I. С. 8, 50, 67, 177. Т. II. С. 171. Т. IV. Кн. XI. С. 140, 152, 154, 165, 185.

⁶⁹ **ОР:** «Причины падения Римской империи». Там же. Т. I. С. 5 (2), 6, 39, 75, 104, 113, 148. Т. II. С. 95. Т. III. С. 87, 103, 118, 153, 166. Т. IV. С. 66, 137, 149.

⁷⁰ **ПР:** «Следствия этого» (2) / «Следствия его» / «Последствия». Там же. Т. I. С. 40, 65, 73, 92. Т. III. С. 218; «Следствия этого насилия». Там же. Т. II. С. 185. Т. IV. С. 41; благотворные, пагубные, худые и др. Там же. Т. I. С. 2, 44, 52, 57, 69, 79.

⁷¹ «a new system». *Robertson*. The History of America. Vol. II. B. IV. P. 55, 196. Vol. III. B. V. P. 66. B. VII. P. 331. Vol. IV. B. VIII. P. 5; **2 ОР:** «Independent spirit»; «Intolerant spirit of the church». Ibid. Vol. I. B. I. P. 52. Vol. II. B. IV. P. 146, 230. Vol. III. B. V. P. 38. B. VI. P. 222. B. VII. P. 329, 350. Vol. IV. B. VIII. P. 63. B. IX. P. 129. B. X. P. 257, 286; **2 ПР:** «Reasons for...»; «Causes of...». Ibid. Vol. I. B. III. P. 335. Vol. II. B. IV. P. 9, 120, 141. B. V. P. 337. Vol. III. B. VII. P. 364. Vol. IV. B. VIII. P. 2; **2 ПР:** «Fatal effects of this» / «Fatal effects of it»; «Effect of these» / «The effect of it» / «Effects of this». Ibid. Vol. I. B. II. P. 212. B. III. P. 299. Vol. III. B. VI. P. 146. B. VII. P. 334. Vol. IV. B. VIII. P. 65. **ОР:** «Fatal effects of that measure». Ibid. Vol. I. B. I. P. 35. B. II. P. 85, 177. B. III. P. 250, 299. Vol. III. B. V. P. 13. B. VI. P. 217. B. VII. P. 327, 357. Vol. IV. B. VIII. P. 2, 5, 8, 47, 82, 102. B. IX. P. 168, 200, 235. B. X. P. 283.

⁷² **3 ОР:** «Общая идея императорской системы»; «Система Платона»; «Познания и вольный дух римлян». *Гиббон*. Ч. I. Гл. III (2), VIII. Ч. II. Гл. XXI (2), XXIII. **3 ОР:** «Причины их восстаний»; «Пять причин успехов христианства»; «Причина крестовых походов». Ч. I. Гл. IX (2), X. Ч. II. Гл. XV (2), XVI. Ч. III. Гл. XXV. Ч. IV. Гл. XXXVII. Ч. VI. Гл. LVIII. Ч. VII. Гл. LXXI (5). **3 ОР:** «Пагубные последствия этих узурпаций»; «Общие последствия крестовых походов»; «Характер и последствия Реформации». Ч. I. Гл. V, X. Ч. IV. Гл. XXXVII. Ч. VI. Гл. LIV. Ч. VII. Гл. LXI.

⁷³ **2 ОР:** «Причины несогласия между Кагана и Славен»; «Причина нещастия Новгорода». *Щербатов* Т. I. С. 134, 191, 238. Т. IV. Ч. I. С. 176, 462. Т. V. Ч. II. С. 13, 217, 286, 293. Т. VI. Ч. I. С. 319. Т. VI. Ч. II. С. 11. Т. VII. Ч. I. С. 218. Т. VII. Ч. II. С. 17, 170, 257, 383; **ПР:** «Следствие сея победы» / «Следствия победы сей». Там же. Т. IV. Ч. II. С. 51. Т. VII. Ч. I. С. 247. **2 ОР:** «Следствие тех же побед, и мир с Сарматами», «Последования отмщения Ярополкова». Там же. Т. I. С. 49. Т. II. С. 130, 163, 520. Т. VII. Ч. II. С. 115.

ма», «дух» ввел лишь дважды⁷⁴, «причины» и «следствия» – несколько чаще⁷⁵, максимально приблизившись к варианту Юма.

Анализ микроструктуры текста труда Юма убеждает в том, что он целенаправленно выстраивал свой нарратив, с помощью рубрик на полях донося до читателей информацию о повторяющихся структурах истории, о наиболее значимых институтах, развитие которых постепенно приводило к усилению гражданского общества. Разрабатывая последовательность ввода в микроструктуру повторяющихся и однотипных рубрик, он проектировал траекторию ухода от традиционного жанра истории королей, моделировал, в соответствии с избранным названием, новый жанр – историю страны. Формировался новый исторический текст, где исследовательский план начинал перекрывать хронологически выстроенную событийную ткань уже на уровне микроструктуры. Последующие истории разнопланово развивали заложенные в нем идеи по структурированию текста, внося свой вклад в созидание нового историографического канона позднего Просвещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. 1989. С. 253-261.
- Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. М.: Языки славянской культуры. 2002.-496 с.
- Высокова В.В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 70-87.
- Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: Ч. I-II. 1993. Ч. III. 2008. Ч. IV. 2006. Ч. V-VII. 2004.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга I-IV. Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 годов. М.: Книга. 1988-1989.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2014. 416 с.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций: III: Историографическая революция. Томск. 2008. 554 с.
- Робертсон В. История государственования императора Карла V. Т. I-IV. М., 1839.
- Рудковская И.Е. Макроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина: от перманентного эксперимента к коммуникативному прорыву // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 158-179.
- Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2013. 43. С. 90-114.
- Щербатов М.М. История Российской от древнейших времен. Санкт-Петербург. Т. I. 1794. Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Ч. II. 1783. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Ч. II-IV. 1789. Т. VI. Ч. I-II. 1790. Т. VII. Ч. I. 1790. Ч. II-III. 1791.
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry VII. Vol. I. London, 1762.
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. London, 1830.

⁷⁴ **ОР:** «Мятежный дух Полочан». *Карамзин*. Кн. I. Т. II. Гл. XV. Т. III. Гл. III.

⁷⁵ **4 ОР:** «Причина успехов Батыевых»; «Новые причины к негодованию»; «Кончина Святослава: ее следствия»; «Следствие нашего ига». Там же. Кн. I. Т. II. Гл. XVI. Т. IV. Гл. I. Кн. II. Т. V. Гл. IV. Т. VI. Гл. II. Кн. III. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. V.

- Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III // The works of W. Robertson in 12 vols. Vol. I-III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W. The history of America. Vol. I-IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII-XI. Edinburgh; London, 1819.

REFERENCES

- Bart R. Структурализм как деятельность // Bart R. Избранные работы. Semiotica. Poetica. M.: Progress. 1989. S. 253-261.
- Brodel F. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. M.: Языки славянской культуры. 2002. 496 с.
- Vysokova V.V. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Девида Хьюма // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 45. S. 70-87.
- Gibbon E. Историю упадка и разрушения Римской империи. Ч. I-II. СПб., 1993. Ч. III. 2008. Ч. IV. 2006. Ч. V-VII. 2004.
- Karamzin N.M. История государства Российского. Книга I-IV. Reprintное воспроизведение издания 1842-1844 годов. M.: «Kniga». 1988-1989.
- Lotman U.M. Внутри мышлешных миров. СПб.: Azbuka, Azbuka-Attikus. 2014. 416 с.
- Mogilnitsky B.G. История исторической мысли XX века: Курс лекций: Историографическая революция. Томск. 2008.-554 с.
- Robertson W. История государствования императора Карла V. T. I-IV. M. 1839.
- Rudkovskaya I.E. Макроструктура трудов М.М. Шчербатова и N.M. Карамзина: от постоянного эксперимента к коммуникативному прорыву // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 158-179.
- Rudkovskaya I.E. Микроструктура трудов М.М. Шчербатова и N.M. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 43. S. 90-114.
- Shcherbatov M.M. История Российская от древнейших времен. T. I. СПб., 1794. T. II. 1805. T. III. 1774. T. IV. Ч. I. 1781. Ч. II. 1783. Ч. III. 1784. T. V. Ч. I. 1786. Ч. II-IV. 1789. T. VI. Ч. I-II. 1790. T. VII. Ч. I. 1790. Ч. II-III. 1791.
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry VII. Vol. I. London. 1762.
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. London. 1830.
- Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III // The works of W. Robertson in twelve vols. Vol. I-III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W. The history of America. Vol. I-IV // Robertson W. The works... Vol. VIII-XI. Edinburgh; London. 1819.

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; iri-rudkovskaya@yandex.ru

Microstructure of “The history of England” by D. Hume: peculiarity of “display subject”

The article analyzes the peculiarity of the microstructure of the historical narrative by D. Hume, in which were laid the foundations of the historiographical canon of the late Enlightenment. The author considers the complexes of duplicate and similar rubrics on the most important aspects of reconstructing the past, which were single out by D. Hume, as the markers of his purposeful efforts aimed at systematization of the historical facts.

Keywords: historiographical canon of the late Enlightenment, comparative studies, macrostructure, microstructure, duplicate (DR), similar (SR) rubrics.

Irina Rudkovskaya, PhD. (History), associate professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University; iri-rudkovskaya@yandex.ru

Е. А. ВИШЛЕНКОВА

ШОТЛАНДСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЭЛИТЫ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА¹

В статье проанализирован проект 1816 г. по подготовке профессоров медицины для российских университетов и медико-хирургических академий из «природных русских». Автор проекта – шотландский медик Я.В. Виллие – дослужился на российской службе до звания лейб-медика императора, должностей президента Петербургской медико-хирургической академии и главного медицинского инспектора армии. Он предложил остановить международные наймы ученых врачей и перейти к подготовке медицинской элиты в Эдинбургском университете. Проект был успешно реализован. Автор статьи контекстуализировал замысел Виллие в историю медицинских и образовательных теорий начала XIX века, объяснил его происхождение национальными проектами и политэкономическими концепциями современного государства.

Ключевые слова: история российской медицины, национальный проект, история университетов, Российская империя начала XIX в.

Вернувшись с Александром I после заграничных походов и европейских конгрессов, главный медицинский инспектор русской армии, лейб-медик императора Яков Васильевич Виллие представил правительству проект подготовки профессоров медицины из «природных русских» в Эдинбургском университете. «С великим трудом, – писал он, – можно было до сих пор находить для каждой [медицинской] науки профессор. Ни по одной почти нельзя было обойти при замещении кафедр без иностранцев; даже часто должно было поручать одному и тому же профессору преподавание нескольких наук, употреблять к должности людей посредственных талантов и наконец поручать иную часть такому человеку, которому или вовсе не известно непосредственное применение оной к прочим частям медицины, или который не имеет достаточного знания русского языка»². Его инициатива имела большие и долгосрочные последствия в истории России и медицины.

Хорошо известен проект С.С. Уварова по подготовке русских профессоров в западных университетах³. По инициативе министра народного просвещения, а иногда и при его участии, на выпускных экзаменах отбирались лучшие воспитанники университетов для подготовки к профессорскому званию. Сначала их отправляли для обучения специальности и

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Российская империя в зеркале «новых» социогуманитарных дисциплин: роль медицинских, биологических и естественнонаучных подходов (XIX – начало XX в.)» при поддержке РФФИ (грант № 16-06-00467).

² РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8 «По отношению президента академии о средствах поддержать и улучшить врачебное образование в академии», 1816. Л. 46.

³ Петров 2002. С. 18; Виттекер 1999. С. 11.

освоения немецкого языка в Дерпт, после чего избранники направлялись в зарубежные университеты, подобранные в соответствии с их будущей академической карьерой или по договоренности с известным западным профессором⁴. Считалось, что таким образом российские университеты смогут отказаться от найма иностранных профессоров и получить европейски подготовленных, национально мыслящих и политически преданных интеллектуалов из «природных россиян». К.А. Ильина реконструировала вторую часть этой истории – ускоренные защиты магистерских и докторских диссертаций вернувшихся стажеров и кадровую политику министерства народного просвещения, она же выяснила, что замену «старых» немецких профессоров на «новых» русских начал осуществлять предшественник Уварова – министр К.А. Ливен, а параллельно подобную технологию подготовки правоведов использовал М.М. Сперанский⁵.

Проект подготовки профессоров медицины Виллие более ранний, и в нем предложена организационная схема, которая в конце 1820-х и в 1830-е гг. будет воспроизведена министрами народного просвещения. Не менее важен факт формулирования в нем национальных интересов Российской империи в сфере образования, а то, что это сделал иностранный врач на российской службе, усложняет понимание процессов и источников национальной самоидентификации в России. Кроме того, проект позволяет изучить пути формирования русской врачебной профессии, понятой как цепь конвенций и солидарностей; влияние на эти соглашения опыта взаимодействий с врачебными корпорациями других стран.

В XVIII и в первом десятилетии XIX в. российское правительство обеспечивало империю учеными врачами посредством международных наймов⁶. Иностранные врачи (их статус был прописан в законодательстве и в государственных аттестатах) осуществляли медицинскую поддержку военных действий и социальный контроль над населением (борьбу с эпидемиями, осмотры рекрутов, оспопрививание, данные о больных и умерших, судебно-медицинские осмотры и акты). Иностранцы же, разбавленные горсткой россиян с западными степенями, учили студентов в медико-хирургических академиях и на медицинских факультетах университетов⁷.

В принципе мобильность школяров и ученых врачей была для Европы тех лет делом обычным⁸. Будущие врачи перемещались из страны в страну, выбирая для учебы не столько университет, сколько ученых

⁴ Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012. С. 149-151.

⁵ Ильина 2016. Вып. 57. С. 169-187.

⁶ Подробнее об этом: Frieden 1981; Renner 2008.

⁷ А вот управление «медицинской частью» и лицензирование врачебной практики осуществлял альянс высших медицинских чиновников иностранного и российского подданства (Моисеев 1913). Такова была политическая установка правительств Екатерины II, унаследованная Александром I.

⁸ Об этом, напр.: Бекасова 2001; «Auch in Moskwa...» 2014.

светил. Многие студенты изучали анатомию в одном университете, хирургию в другом, фармакологию в третьем, а клиническую практику проходили у именитого доктора в каком-либо госпитале. Такую, например, программу обучения разработал для своего сына эдинбургский профессор анатомии Александр Монро. Кажется, никто в ведущих университетах Европы не интересовался соотношением преподавателей-иностранцев и туземцев. Читающие лекции на латыни, профессора откликались на выгодные приглашения и свободно перемещались из одной страны в другую. На рубеже веков европейские университеты испытали лишь первую и весьма слабую прививку национализма. Их преподаватели рассуждали о духе народов, национальном подъеме, фольклоре и языке, но солидарности внутри факультетов рождались не на основе общности языка или происхождения, а из соединения профессиональных или корпоративных интересов. Случай российских медицинских школ не был в этом отношении исключительным. Другое дело, что западные университеты, как правило, не только собирали, но и производили интеллектуалов. Россия же ученых врачей главным образом нанимала.

За XVIII век лишь несколько россиян достигли высших административных и ученых должностей в медицине. Для этого нужно было получить духовное образование в семинарии или академии, где учили латыни, затем учиться в госпитальной школе, потом в зарубежном университете (в основном, в Геттингене, Страсбурге и Лейдене), куда правительство Екатерины II направляло способных лекарей. Таковы, например, карьеры воспитанников Киево-Могилянской духовной академии – Н.И. Максимовича-Амбодика, А.М. Шумлянського и М.М. Тереховского. Все они были стипендиатами фонда Е.Д. Голицыной. С 1761 г. эта частная стипендия выделялась каждые шесть лет и предназначалась для обучения «природных русских» акушерскому искусству в Страсбургском университете.

Получившие опыт западного обучения, российские медики участвовали в 1780-е гг. в разработке инициированных правительством планов организации высшего медицинского образования. Шумлянський и Тереховский – тогда преподаватели патронируемого императрицей медико-хирургического института при Калинкинской больнице – провели за границей два года (1785–1786), изучая работу ведущих медицинских школ. Надо думать, что в силу свободного владения немецким языком, они отдавали предпочтение университетам в германских землях. В учрежденной на базе госпитальных школ в 1799 г. медико-хирургической академии эти ученые врачи получили профессорские кафедры.

В 1808 г. президентом академии был назначен Я.В. Виллие. Выпускник Эдинбургского университета он имел богатый опыт медицинского служения в армейских частях, а также частной практики в доме блистательного аристократа, князя Б.В. Голицына. Медицинская коллегия присудила Виллие степени доктора медицины, а затем доктора меди-

цины и хирургии (1800). При патронаже А.И. Кутайсова он стал лейб-медиком Павла I и во время дворцового переворота констатировал его смерть от апоплексического удара. Обретя особую доверенность Александра I, Виллие сопровождал молодого монарха во время походов и даже спас от грозящего плена под Аустерлицем. Покровительство императора обеспечило шотландскому врачу быструю карьеру. В 1806 г. он получил должность главного медицинского инспектора русской армии, придуманную специально для него, и сам сформулировал для нее обязанности. Главная из них состояла в том, чтобы заботиться о «пользе государства»⁹. Он управлял военными врачами и госпиталями, вошел в Медицинские советы при Министерстве народного просвещения и Министерстве полиции, руководил работой Медико-хирургической академией, разрабатывал проекты эффективного медицинского управления.

Его подход к назначению профессиональной школы был прагматичным. Во всех своих инициативах он отстаивал приоритет медицинского опыта, наблюдений и практики лечения, добивался преимуществ для армейских и флотских лекарей. Властность и военные приоритеты Виллие привели к разрыву с ректором академии – выдающимся ученым, создателем медицинской полиции И.П. Франком¹⁰. В 1808 г. тот ушел со своего поста и вскоре уехал из России. В том же году император подписал новый устав академии, а министр внутренних дел А.Б. Куракин, сделав на заседании Комитета министров доклад, объявил мораторий на досрочный выпуск академических воспитанников на государственную службу. Такая практика сложилась спонтанно в связи с острым дефицитом армейских врачей в условиях начавшейся войны. Получившие после разделения в 1805 г. армейских и флотских врачей в свое распоряжение, военные министры требовали от МВД и подчинявшейся ей академии покрытия врачебных вакансий. В таких случаях Кочубей или заменявшие его чиновники организовывали досрочный выпуск студентов 4-го и даже 3-го года обучения. Не прошедшие клинического обучения выпускники оказывались малопригодными к госпитальной службе, многого не умели, что навлекало недовольство министров на администрацию академии.

Руководивший военной медициной, Виллие прекрасно знал о дефиците кадров в армии. Став президентом академии, он как никто был заинтересован в приостановке поставляющего неготовую продукцию конвейера. Дефицит врачей правительство рассчитывало покрыть за счет широ-

⁹ Столетие Военного министерства... 1902. С. 28.

¹⁰ Иван Петрович Франк (1745–1821) – врач-гигиенист, реформатор медицинского образования, воспитанник Геттингенского и Страсбургского университетов. С 1784 г. – профессор Геттингенского университета, с 1785 г. преподавал в университете Павии, с 1795 г. профессор Венского университета. В 1804 г. принял предложение переехать в Российскую империю и преподавать в Вильно. В 1805 г. стал ректором и профессором Петербургской медико-хирургической академии.

кого международного найма¹¹. Но в условиях идущей в Европе войны рекрутинг оказался неудачным. На него было потрачено много казенных средств, а в Россию прибыли неопытные, без дипломов, не знающие русского языка молодые медики; их вынужденно направляли на доучивание в Дерптский университет или в Петербургскую медико-хирургическую академию. Осознав безуспешность такой практики, Виллие стал добиваться прекращения международного найма и увеличения казенно-коштных мест (т.е. расширения бюджетного финансирования) в Петербургской и Московской академиях, а также на медицинских факультетах в учрежденных университетах¹². Правительство поддержало его инициативу финансами. «Об умножении числа казенных воспитанников» гласят постановления 1814 г. (на 15 мест для студентов и на 5 для кандидатов при Харьковском университете), 1819 г. (до 50 воспитанников в Московском университете), 1820 г. (до 50 студентов-медиков в Виленском университете), 1823 г. (на 40 воспитанников в Казанском университете). В 1819 г. при Московском университете был открыт медицинский институт на 100 казенных воспитанников и при Дерптском университете на 40 воспитанников¹³. Кроме того, президент академии хлопотал об улучшении условий службы военных врачей через изменение процедуры чиновного производства¹⁴. Его проект 1810 г. обязывал каждого выпускника отслужить по распределению не менее восьми лет на военной службе. И только если были серьезные проблемы со здоровьем либо студент учился за свой счет или за счет какого-либо ведомства, он мог выбрать иную службу. Вместе с тем, проект подразумевал предоставление врачам тех преимуществ, какие имели военнослужащие: ускоренное продвижение в чинах, добавочное жалование, денщиков, прогонные деньги, бесплатное квартирование, пенсии, обеспечение вдовам и сиротам. Частично эти условия были реализованы до войны, но в основном – только после победы.

Получивший признание императора за эффективную организацию полевых госпиталей, в январе 1816 г. Виллие подал на рассмотрение министра А.К. Разумовского проект организации обучения русских профессоров медицины. Судя по его обоснованию, лейб-медик уловил и использовал патриотические настроения в армии и при дворе¹⁵, в свете которых международные наймы врачей выглядели анахронизмом, сви-

¹¹ Правила для вызова иностранных врачей... ПСЗ–1. № 22974. С. 194.

¹² РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 68. Д. 123 «Дело о прекращении выписки иностранных врачей для Сибирского края», 1810; Там же. Д. 41 «О прекращении выписки иностранных врачей...», 1810; Там же. Л. 414 об.

¹³ Об учреждении при Московском университете... 1873. № 436; Об учреждении при Дерптском университете... 1873 № 451.

¹⁴ РГИА. Ф. 1294. Оп. 3. Д. 19 «О проекте касательно производства и наград медицинских чинов», 1816. Л. 4-56.

¹⁵ В то время звучала риторика культурного превосходства русского народа и политического превосходства Российской империи. – Вишленкова 2011. С. 229-230.

детельствовавшем о культурной зависимости от более развитых в научном отношении стран. Виллие писал о лекарях как о военно-стратегическом ресурсе империи: «Дабы могла она [Россия] иметь своих собственных врачей в соразмерности с ее народонаселением и с военным ее положением, необходимо нужно учредить рассадник для самих профессоров, иначе все здание легко может рушиться»¹⁶. В этом заявлении использован редкий для российских политических текстов того времени термин «народонаселение» вместо привычного понятия «жители»¹⁷.

В такой новации можно уловить отсылку к разгоревшимся во второй половине XVIII в. спорам об эффективной демографической политике. Книга Мальтуса так и называлась «Опыт закона о народонаселении в связи с будущим совершенствованием общества» (1798)¹⁸. В противовес теориям Годвина и Кондорсе, обосновывавших зависимость благосостояния государства от прироста населения, Мальтус утверждал, что рост жителей приводит к сокращению ресурсов, разорению государства и обнищанию страны. Как врач, борющийся за жизни людей, и администратор, сталкивающийся в России с дефицитом кадров, Виллие вряд ли мог согласиться с опасениями Мальтуса. Скорее бы он поверил основанным на статистике аргументам Кондорсе. В пользу этого предположения говорит фраза Виллие о соразмерности числа врачей народонаселению и армии. Эта проблема создавала головную боль многим чиновникам в России.

В XVIII в. потребности Российской империи во врачах измерялись административно-территориальными единицами (три врача на губернию) и количеством судов и армейских частей (один штаб-лекарь на дивизию или судно)¹⁹. При таком расчете «штаты медицинской части» оказывались намного выше возможностей международного найма, поэтому Медицинская коллегия постоянно сообщала о вакансиях и дефиците лекарей. Виллие предлагал изменить принципы расчетов, сделать их из соотношения «врач-пациент». Тогда бы густонаселенные уезды получили больше лекарей, чем малонаселенные, а увеличение армии сопровождалось бы увеличением штата военных врачей. Однако реализация его предложения натолкнулась на отсутствие у правительства статистических данных: не было точных сведений о числе больных, раненых, здоровых жителях, родившихся, умерших. Чиновники медицинских экспедиций и департамента в трех министерствах не могли определить число вакансий на государственной службе, не знали, сколько частнопрактикующих врачей в империи²⁰. Вопрос правильной организации сбора таких сведений обсуждался в правительстве всю первую половину XIX в., порождая ука-

¹⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 45 об.

¹⁷ Об этимологии термина «народонаселение» см: Шелестов 1982. С. 63-64.

¹⁸ Malthus 1798.

¹⁹ Доклад Медицинской коллегии... ПСЗ-1. № 17743. С. 287.

²⁰ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 68. Д. 41.

зы об обязанности врачей вести ведомости и присылать медико-топографические описания, учреждение статистических комитетов, специальные поручения медицинским факультетам, постоянное редактирование формуляров ведомостей и прочие инициативы. Виллие напомнил, что до войны 1812 г. правительство тратило огромные средства на наймы врачей и профессоров медицины. Это было обусловлено слабостью собственных медицинских школ²¹. Устав медико-хирургической академии 1808 г. радикально изменил ситуацию (так Виллие скромно подчеркнул свои заслуги). Академия, заверял он, напрочь забыв о существовании российских университетов, является единственным учебным заведением, которое снабжает врачей военное, морское и гражданское ведомства. «Нововведенная метода учения» в ней (Виллие противопоставлял российскую школу германским) дала империи необходимое количество качественно подготовленных врачей. В результате российская армия обошлась без помощи иностранных медиков и даже помогала лечить раненых союзников. Он напомнил о заслугах военных хирургов и о восхищении их искусством английских докторов. (Это упоминание было сделано специально для Александра I, которому льстило признание за его армией высокого уровня хирургии). И если с подготовкой врачей теперь всё обстояло хорошо, то гораздо хуже ситуация с профессорами.

Судя по всему, сын пастора не питал пиетета к ученым аристократам. У него на родине университетскую кафедру мог получить только сын профессора по наследству или выходец из обеспеченной семьи. Приглашенные профессора не имели опыта военной службы, не оперировали раненых на полях сражений, не руководили госпиталями, не боролись с эпидемиями в охваченных паникой санитарных зонах. Это были кабинетные ученые с дипломами престижных голландских и немецких университетов. Виллие убеждал чиновников в неэффективности государственных трат на таких сибаритов. Во-первых, приходится довольствоваться теми из них, которые по каким-то причинам захотели покинуть свои благополучные университеты. Во-вторых, постоянная нехватка специалистов порождает в российских школах практику совмещения преподавания по нескольким кафедрам. Но один, даже хороший, ученый не может быть сведущим во всех медицинских науках. В-третьих, иностранцы не знают русского языка, что осложняет все коммуникации. И, наконец, в-четвертых, среди академических профессоров, сообщал автор проекта, сейчас много людей старых и немощных, не только по годам.

Возможно, в замысле Виллие была «вторая подкладка». Судя по его прежним инициативам, он нуждался в единомышленниках в руководстве академии и на прочих административных постах. Стремясь сосредоточить все ветви государственной медицины в руках профессио-

²¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 44.

нальной элиты, которую именовал «врачебное сословие»²², он наталкивался на сопротивление влиятельных российских бюрократов, а опереться на именитых иностранцев (он пытался это сделать в 1810 г.), ему не удавалось. Конфликт с ректором И.П. Франком, потом с генерал штаб-доктором по гражданской части А.А. Крейтоном, осторожная позиция лейб-медика и генерал штаб-доктора флота Я.И. Лейтона не оставляли надежд на то, чтобы сплотить влиятельных врачей на основе их «чужеземности» или даже общности «сословных» интересов. Перспектива вырастить преданных соратников из бедных и всем ему обязанных российских семинаристов представлялась более отсроченной, но реальной возможностью создать сплоченную профессиональную элиту.

Успешность замысла зависела от качества исходного культурного материала. «При нынешнем состоянии академии, в которую без дальнего разбора качеств студенты и ученики принимаются», выбор у Виллие был ограничен²³. Чтобы его расширить, президент хотел забирать из духовных семинарий 25-30 лучших выпускников («без физических и нравственных изъянов»). Отбирать их на экзаменах мог специально направленный в семинарии и духовные академии профессор медицины. Здесь не было ничего необычного. С самого основания академии (1799) правительство осуществляло своего рода «рекрутские наборы» студентов-медиков в духовных семинариях. Архиепископы роптали, но противиться этому не могли. Благодаря такой практике, поповичи получили шанс выйти из духовного сословия. За это они должны были обречь себя на учебную аскезу и трудную службу при низком жаловании. Даже министр внутренних дел признавал, что жалование русских врачей не покрывает необходимые жизненные потребности²⁴. Для зачисления в медико-хирургическую академию от семинаристов требовалось только высказанное желание. Брли всех без экзаменов, обязывая губернаторов обеспечить провоз будущих студентов-медиков в Петербург²⁵.

Но на этот раз Виллие намеревался найти в духовных школах 25-30 лучших выпускников и забрать их, не спрашивая согласия. Избранникам предстояло два года доучивать светские науки в Главном педагогическом институте. Особый упор в педагогическом институте следовало

²² Виллие пытался это сделать после избрания деканом Медицинского совета Министерства народного просвещения: РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Св. 52. Д. 43 «О выборе ученого секретаря медицинского совета для отправления дел декана за отсутствием его и о назначении комитета для преобразования врачебной науки в России», 1810. Л. 13-13 об.

²³ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 46 об.

²⁴ ПСЗ-1. № 21866. С. 1156.

²⁵ См., напр.: РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 71. Д. 129 «О помещении прибывших в академию семинаристов», 1810; Там же. Оп. 9 а. Кн. 84. Д. 59 «О вытребовании семинаристов для поступления в воспитанники медико-хирургической академии. Тут же и о заплате за них губернаторам прогонных денег», 1817.

сделать на изучение истории и географии, а также на естественную историю, математику, физику, химию, английский язык. В программу их обучения следовало включить право естественное и народное, а также гражданское и уголовное²⁶. Эти предметы в педагогическом институте ранее не преподавались. Виллие считал, что они необходимы будущим врачам для последующего изучения наук «судебная медицина» и «медицинская полиция». После Педагогического института стажеры должны быть приняты на второй курс и пройти полное обучение в медико-хирургической академии. Дальше Виллие намеревался отправить их учиться в Эдинбург и далее в Европу. Вернувшись в Россию, все они (или большая их часть) займут академические и университетские кафедры или получают административные позиции в госпиталях. Таким образом, через восемь лет Российская империя обретет европейски образованных русских профессоров и высших медицинских чиновников.

Технология такого производства культурных элит не была для российского правительства новой. Так же в 1770-е гг. действовали масоны, выбиравшие лучших воспитанников духовных школ для обучения в Учительской семинарии. Так же Уваров собирал студентов в Главный педагогический институт. Кстати, он почти тогда же послал за границу четырех воспитанников учиться новейшим педагогическим методикам. Однако в проекте Виллие есть отличия и нюансы, важные для истории врачебной профессии и для истории российского образования.

Недоумения министра, а затем и всех знакомившихся с проектом чиновников вызвало намерение лейб-медика готовить русских профессоров медицины в Шотландии. Понятно, что это родина Виллие, и что он сам учился в Эдинбурге, но всё же. Эдинбургский университет никогда ранее не рассматривался российскими сановниками как «внушающий уважение». В 1808 г. министр внутренних дел рекомендовал военным министрам отдавать предпочтение найму врачей с дипломами Венского, Геттингенского, Эрлангенского (Нюрнбергский) и Вурцбургского университетов²⁷. Всё это немецкие университеты – традиционный ориентир правительственных реформаторов²⁸. Виллие же предлагал радикально иное направление ученого паломничества. Он заверил Разумовского, что «университет сей почитается в числе первейших по всем факультетам, а особливо по медицинскому»²⁹. И это была правда. Своим расцветом в XVIII в. Эдинбургский университет обязан активности нескольких политических деятелей и интеллектуалов³⁰. Среди них был шотландский врач

²⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 54 об.

²⁷ Правила для вызова иностранных врачей в Российскую службу. С. 196.

²⁸ О приоритетах немецких университетов... 1821. С. 180.

²⁹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 54 об.

³⁰ Emerson 2008.

и антиквар Роберт Сибболд (1641–1722). Получив медицинское образование в Париже, он изучал народную медицину Шотландии, считая, что для успешного научного лечения должна быть создана естественная история этой страны. Он заложил в 1677 г. в Эдинбурге ботанический сад с лекарственными растениями. С 1726 г. в университете, где ранее преподавались только науки о духе, началось обучение медицине по модели Лейденского университета, причем лицензирование практикующих врачей оставалось в прерогативе Королевского колледжа терапевтов (врачебная корпорация). Таким образом, в Шотландии имело место разделение функций обучения и контроля медицинских знаний. В Эдинбурге с 1758 по 1808 г. лекции читал прославленный Александр Монро-второй, изучавший анатомию и хирургию не только в Шотландии, но и, по настоянию отца, в Берлине, Париже, Лондоне. Став опытным исследователем, он описал строение головного мозга, лимфатическую систему, развивал сравнительную анатомию. В 1783 г. Монро открыл явление внутричерепного давления и опубликовал исследование нервной системы, в 1788 г. – описание 70-ти пар мышечных сумок. Эти знания эдинбургский профессор применял для диагностики заболеваний, в т.ч. методом пальпации. Он же ввел для студентов обязательную клиническую практику.

Достижением шотландской медицины считается организация сбора и использование статистических данных. Под влиянием механистической философии Декарта флотский врач (впоследствии реформатор флотской медицины) Гилберт Блейн (1749–1834) изучал цифры заболеваемости на судах. Это позволило ему в обход философских и религиозных теорий здоровья обосновать эффективность профилактических мер и снизить смертность британских моряков. Основателем военной медицины считается шотландец Джон Прингл (1707–1782), разработавший систему санитарно-гигиенических мер для госпиталей и казарм, чем добился снижения смертности в войсках. В 1773 г. шотландец Джон Грегори (1724–1783) опубликовал лекции по врачебной этике – первое после античных авторитетов произведение такого рода. Используя моральную философию своего соотечественника Д. Юма, он утверждал, что медицина является скорее искусством, чем торговлей, потому что врач испытывает сочувствие к пациенту, а не просто оказывает ему платные услуги. Его идеи были оформлены в каноническом тексте по медицинской этике, который в 1803 г. издал другой воспитанник Эдинбурга Томас Персиваль (1740–1804). Этими именами гордилась Шотландия. Ими мог аргументировать направление стажировок для русских студентов Виллие.

На рубеже XVIII–XIX вв., между пиками популярности голландских и следующим расцветом германских университетов, Эдинбургский университет действительно считался одним из лучших в северной Европе³¹.

³¹ The Oxford Companion to Scottish History... 2007. P. 141-142.

К началу XIX в. его медицинский факультет имел шесть кафедр и стал центром научных исследований, клинической практики и образования. Успехи и доходы потомственных врачей обеспечивали им богатую частную практику и высокий социальный статус³². Выпускники университета, не имевшие родовых состояний и профессиональных связей, отправлялись на военную службу в Англию, либо в другие страны.

Впрочем, к моменту обсуждения проекта Виллие ситуация в Эдинбурге стала меняться. Кафедру хирургии и анатомии унаследовал Монротретий – посредственный преподаватель, не славившийся искусством лечить, а в 1820-е гг. репутацию местной медицинской школы поколебал судебный процесс над торговцами трупами. Медицину в Эдинбурге преподавали не только профессора, назначенные городским советом, но и члены врачебных корпораций («королевских колледжей»), а также вольные учителя медицины, каким был Роберт Нокс. Его лекции по хирургии и анатомии забирали студентов из аудиторий. Университетские и академические профессора испытывали дефицит трупов для занятий. Нокс же для демонстраций покупал «кадавры» у двух ирландских рабочих. Впоследствии выяснилось, что ради заработка те не только выкапывали покойников на кладбищах, но и убивали бродяг и пьяниц. Судебное дело 1828 г. настроило горожан против ученых медиков.

Второй аргумент Виллие в пользу Эдинбурга состоял в том, что необходимо «познакомить российских врачей вообще с английскою, американскою и индийскою врачебною литературой, о которой они никакого почти не имеют понятия»³³. Речь шла о сенсационных выводах, полученных британскими врачами в метрополии и особенно в Индии благодаря медицинской топографии³⁴. Прибывшие вместе с войсками Ост-Индской кампании, военные врачи, стремясь защитить британцев от опасностей «жаркого климата», изучали физические и культурные особенности регионов, выясняли источники местных болезней и способы их излечения. Это позволило перейти от практики акклиматизации к методам оздоровления территорий. Войны с Османской империей, освоение причерноморских степей, присоединение Молдовы и Валахии, продвижение на Кавказ делали этот опыт важным для Российской империи. Виллие и коллег по академии интересовали и достижения социальной медицины в Лондоне³⁵ и медицинской полиции в растущих американских городах³⁶.

В то время профессора медицины знали по именам всех ведущих специалистов Европы, следили за их публикациями, быстро адаптировали новшества. Для молодой российской медицинской профессии настоя-

³² О статусе английских врачей: Peterson 1978; Waddington 1984; Digby 1994.

³³ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 54 об.

³⁴ Harrison 2000; Jepson 2004.

³⁵ Hamlin 1998. P. 18.

³⁶ Mitman, Numbers 2003. P. 393.

щей проблемой было то, что направленные на службу в гарнизоны, госпитали и во врачебные управы лекари утрачивали доступ к информации об этих открытиях, не получали новейшую литературу, в т.ч. по истории медицины, нозологии и медицинской топографии. Иностранцы врачи на российской службе компенсировали такой дефицит посредством личной переписки, частных приобретений, поездок на родину, а также через деятельность научных обществ (Общество соревнования врачебных и физических наук, Виленское медицинское общество, Виленское фармацевтическое общество, Петербургское общество немецких врачей, Московское общество немецких врачей, Рижское общество немецких врачей), где происходил обмен сведениями и опытом. При переходе России на режим собственного производства ученых лекарей организовать систему обновления их знаний оказалось не просто. Оно осложнялось низкими доходами (которые не позволяли приобретать новейшую литературу), плохой работой почты, языковым барьером³⁷ и отсутствием профессиональных сообществ. Сокращая международные наймы, российская медицина всё явственнее ощущала информационный голод, который приводил к ее отставанию и восстановлению зависимости от западных университетов. Вероятно, это обстоятельство побудило Ливена и Уварова продолжить проект Виллие и даже распространить его на прочие факультеты.

И наконец, третий аргумент Виллие состоял в том, что русских студентов нельзя посылать в германские университеты, так как последние заражены платонической философией, а это пагубно сказывается на преподавании медицины и на лечении. В шотландских же университетах господствует философия здравого смысла. Вероятно, практического хирурга волновало широкое распространение мистицизма в медицине, идеалистические рассуждения Шеллинга и Гегеля о сущности «болезни» и «здоровья», на которые ссылались последователи витализма³⁸ и особенно – месмеризма³⁹. Веру в животный магнетизм исповедовал самый известный врач Пруссии, лейб-медик короля, профессор патологической анатомии Берлинского университета, основатель Берлинского медицинского

³⁷ В 1823 г. редакторы «Военно-медицинского журнала» сетовали, что «русские военные врачи не знают иностранных языков» и не в состоянии читать зарубежные медицинские издания (Предуведомление // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823. С. VI).

³⁸ Учение о наличии в живых организмах сверхъестественной «жизненной» силы («онтелехия»). От нее зависят все процессы в биологических организмах.

³⁹ Месмеризм (животный магнетизм) – теория немецкого врача и астролога Фридриха Месмера. По ней люди выделяют особую энергию или флюиды. Добываясь гармоничного перераспределения флюидов, доктор погружал пациентов в транс. В этом отношении он является основателем практики гипноза. В 1780-е гг. Месмер основал в Париже Институт магнетизма, а затем Общество вселенской гармонии. На рубеже веков от месмеризма отпочковалось идеалистическое направление, соединившееся с масонством и практиковавшее спиритические сеансы.

института К.В. Гуфеланд (1762–1836). Несмотря на разоблачительное заключение назначенной королем комиссии 1812 г., министр В. фон Гумбольдт и канцлер К.А. фон Гарденберг поддержали открытие кафедр мезмеризма в Берлинском и Боннском университетах. Судя по характеру проведенной им реформы медицинского обучения и организации медицинского управления, Виллие был последователем английского клинициста Томаса Сиденгама (1740–1789), придававшего большое значение наблюдениям и описанию болезней у постели больного, но высказаться резко негативно о лечении магнетизмом и флюидами не мог, поскольку в том же 1816 г. мистически настроенный император Александр I разрешил квалифицированным врачам практиковать магнетизм в России.

Виллие полагал, что кроме Эдинбурга русским воспитанникам нужно познакомиться с иными центрами медицинской науки, среди которых называл Лондон, Гронинген, Берлин, Геттинген и Вену⁴⁰. Интересно, что в различных редакциях проекта картография мест научного паломничества изменялась. Например, из более поздних предложений исчезли университеты Нидерландов, вместо Гронингена появились университеты в Галле, Лейпциге и Фрайбурге. Возможно, Виллие еще не знал о напряженном внимании российских властей к студенческому движению в этих германских университетах⁴¹. Некогда почитаемый российскими министрами Варцбург стал в 1817 г. эпицентром национального антироссийского движения. Спустя пару лет страх перед студенческим вольнодумством и политическим радикализмом спровоцировал в России ревизии университетов и размышления об их необходимости для империи.

Очевидно, коррективы в карту медицинского образования вносились Виллие в результате обсуждений проекта с другими иностранными коллегами на русской службе, а также по следам переписки с профессорами, принимающими русских школяров. В результате проведенной аналитической работы в 1817 г. российское правительство получило картографию элитного медицинского образования в Европе:

По части практической медицины, акушерства, судебной медицины и медицинской полиции, хирургии, окулистики и ветеринарной науки: Вена, Берлин, Геттинген, Эдинбург и Лондон.

По части математико-физики, химии и фармацевии: Лейпциг или Галле, Берлин, Геттинген, Эдинбург и Лондон.

По части анатомии и физиологии вообще и сравнительных их частей: Галле, Берлин, Геттинген, Эдинбург, и Лондон.

По части фармакологии и ботаники: Вена, Берлин, Геттинген, Эдинбург и Лондон.

По части минералогии и зоологии: Фрейберг, Берлин, Геттинген, Эдинбург и Лондон⁴².

⁴⁰ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 91.

⁴¹ См об этом: Хаазер 2012.

⁴² РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 109.

Наличие в ней германских университетов можно объяснить тем, что профессора медицины могли рассуждать следующим образом: получившие академическую подготовку в Петербурге, а затем двух-трехлетнюю стажировку в консервативной Шотландии, довольно взрослые воспитанники обретут устойчивость к философским увлечениям немецких коллег. При этом они смогут познакомиться с их научными открытиями, организацией клиник, установить личные связи.

В 1817 г. Виллие рассчитывал построить карьеру отобранных стажеров следующим образом. Пока не освободятся для них места профессоров, вернувшиеся из заграницы лекари будут служить в военно-сухопутном и морском госпиталях, получая при этом профессорское жалование⁴³. Была и альтернатива: подобно прочим воспитанникам, получившим докторскую степень, они могли вернуться в Академию на должности адъюнктов и получать оклад младших лекарей 1-го класса (500 руб. в год). За это время они должны защитить диссертации на ученые звания. Как только образуется вакансия, бывшие стажеры будут переведены на профессорские кафедры.

Учитывая послевоенную инфляцию, проект Виллие был чрезвычайно дорогостоящим. К тому же он требовал жертв от Синода и затрагивал интересы С.С. Уварова, курировавшего Главный педагогический институт. Синод должен был отдать лучших своих воспитанников, а Педагогический институт – создать для этих 25-30 учеников особую, сокращенную программу обучения. Понятно, что и архиепископы и Уваров убедительно и горячо возражали. На духовных особ Виллие мог оказать давление посредством князя А.Н. Голицына, которому они с 1817 г. подчинялись, с Уваровым справиться было труднее.

После длительных обсуждений, математических подсчетов и переписки заинтересованных чиновников правительство отказало Виллие в семинаристах и в финансировании проекта. Голицын убедил императора, что забирать выпускников сейчас, когда разворачивается реформа духовного образования, нельзя⁴⁴. А «приличное жалование» стажеров, путевые расходы на них и профессора-экзаменатора, перестройка работы Главного педагогического института вылились в значительную сумму, исчисляемую отнюдь не ассигнациями. Денег в казне на это не нашлось.

Отказ раздосадовал Виллие, но не заставил отказаться от плана. Он осуществил замысел в усеченном объеме и за счет бюджета медико-хирургической академии. В 1817 г. среди выпускников разных лет были отобраны десять адъюнктов. Президент добился разрешения Комитета министров потратить на их стажировку сэкономленные от вакансий и прочими способами средства. В последний момент Московская медико-

⁴³ Там же. Л. 57.

⁴⁴ Там же. Л. 70-71.

хирургическая академия решила присоединиться к проекту и послать в Эдинбург двух своих воспитанников. В результате в Шотландию отправились 12 человек: Иван Спасский⁴⁵, Прохор Чаруховский⁴⁶, Христиан Соломон⁴⁷, Иосиф Калинин⁴⁸, Степан Нечаев⁴⁹, Степан Хотовицкий⁵⁰,

⁴⁵ Спасский Иван Тимофеевич (1795–1861) – доктор медицины, профессор Петербургской медико-хирургической академии, преподавал судебную медицину в Училище правовердения, автор первого учебника по судебной медицине для юристов. Проходил стажировку и был принят в Галле в масонскую ложу «Трех мечей». В 1822 г. назначен в звании штаб-лекаря на должность адъюнкт-профессора по кафедре зоологии и минералогии в Академию. В 1824 г. защитил на латыни докторскую диссертацию по зоологии. Практиковал в качестве петербургского акушера. С 1827 г. – ординарный профессор зоологии. С 1833 г. читал лекции по кафедре фармакологии и общей терапии.

⁴⁶ Чаруховский Прохор Алексеевич (1790–1842) – терапевт, профессор Петербургской медико-хирургической академии. После возвращения из-за границы в 1822 г. был назначен адъюнктом терапии и ординатором Военно-сухопутного госпиталя. В 1823 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. С 1824 г. преподавал семиотику, с 1828 г. – профессор клинической терапии и редактор Военно-медицинского журнала.

⁴⁷ Соломон Христиан Христианович (1797–1851) – хирург, профессор Петербургской медико-хирургической академии. По возвращении из-за границы ликвидировал эпидемию глазных болезней среди матросов Кронштадта. С 1825 г. – профессор по кафедре практической хирургии и хирургической клиники. Активно публиковался в Военно-медицинском журнале.

⁴⁸ Калинин Иосиф Федорович – доктор медицины и хирургии, офтальмолог и терапевт, академик, профессор Петербургской медико-хирургической академии.

⁴⁹ Нечаев Степан Яковлевич (1799–1862) – доктор медицины и хирургии, профессор химии и физики. Он был самый молодой из стажеров, потому что поступал в академию сам, без духовной семинарии. В 1822 г. получил звание штаб-лекаря, назначен ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь и адъюнкт-профессором химии в Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1828 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины и стал ординарным профессором. Публиковался в Военно-медицинском журнале, заведовал академической библиотекой. С 1833 г. – профессор химии, физики и математики. Преподавал в артиллерийском училище. В 1837 г. осуществлял закупки в Лондоне и Берлине инструментов для научных кабинетов академии. В 1839 г. без испытаний за заслуги ему присвоена в академии ученая степень доктора медицины и хирургии.

⁵⁰ Хотовицкий Степан Фомич (1796–1885) – детский врач, доктор медицины и хирургии, профессор кафедры акушерства и учения о женских и детских болезнях Петербургской медико-хирургической академии. В 1822 г. в звании штаб-лекаря назначен адъюнктом на кафедру судебной медицины, повивального искусства и медицинской полиции Петербургской медико-хирургической академии, став помощником профессора С.А. Громова, ординатор в клинике сухопутного госпиталя при академии. В 1823 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. В том же году направлен для борьбы с неизвестной в России эпидемией холеры в Астрахань. Два года изучал ее проявления, а в 1831 г. участвовал в холерном комитете в Москве и выпустил книгу «О холере». С 1828 г. фактически исполнял должность старшего городского акушера в Петербурге. С 1833 г. – ординарный профессор академии и главный редактор Военно-медицинского журнала. В 1833 г. вступил в Общество русских врачей в Петербурге (19 членов).

Петр Лукин⁵¹, Людовиг Сакович⁵², Петр Савенко⁵³, Иван Лобачевский, Иванов, Иван Костомаров⁵⁴. Последние двое стажеров – москвичи⁵⁵. На основе оценок по предметам и отзывам педагогов, для каждого из них была выбрана специализация. В соответствии с ней были разработаны индивидуальные программы и маршруты стажировок, определены университеты и специалисты, у которых предстояло учиться. Поскольку будущие стажеры изучали в академии латынь, греческий и немецкий языки, с 1817 г. их начали интенсивно обучать английскому языку.

Весной 1817 года (по другим сведениям – в январе 1818 года) десять петербургских лекарей уехали в Эдинбург, а на следующий год вслед за ними отправились два москвича. После завершения обучения в Шотландии они должны были направиться в Лондон и в Германию.

В архиве Медицинского совета МВД есть письма нескольких стажеров из столицы Англии. Они жаловались на дороговизну местных продуктов и жилья, просили добавить им денег на содержание. В Лондоне стажеров-медиков курировал российский посол Х.А. Ливен, брат попечителя Дерптского учебного округа и будущего министра К.А. Ливена – того самого, что в конце 1820-х гг. будет посылать университетских выпускников для обучения за границу. Из переписки явствует, что Христофор Андреевич изучал программы обучения российских лекарей, проверял их чеки, давал советы, писал прошения и отчеты министрам образования и внутренних дел. Возможно, что он же обращался с письмами к английским профессорам медицины.

Судя по карьерам российских стажеров, проект Виллие оказался успешным. Его молодые избранники провели за границей по четыре-пять лет и вернулись в Россию в 1822–1823 гг. с хорошей европейской подготовкой, свободным знанием английского и немецкого языков, с профессиональными контактами. В 1823–1824 гг. они защищали диссертации на степень доктора медицины, на рубеже 1820–1830-х гг. часть из них полу-

⁵¹ Лукин Петр Илларионович (?–1848) – доктор медицины, профессор ветеринарии. В 1822 г. стал штаб-лекарем и адъюнктом по ветеринарной патологии, зоофармакологии, диететики, ординатором Петербургского военно-сухопутного госпиталя. В 1829 г. назначен ординарным профессором, с 1835 по 1847 г. служил инспектором студентов в академии.

⁵² Сакович Людовиг (?–1831) – доктор медицины, педиатр. С 1823 г. – адъюнкт Петербургской медико-хирургической академии. Умер от холеры.

⁵³ Савенко Петр Назарович (1795–1843) – профессор хирургии и окулистики. С 1822 г. – адъюнкт кафедры окулистики Петербургской медико-хирургической академии. Вместе с Соломоном боролся с эпидемией глазных заболеваний в Кронштадте. В 1824 г. защитил докторскую диссертацию. В 1828 г. получил звание адъюнкта окулистики. Исследователь Кавказских минеральных вод. С 1831 г. – ординарный профессор по кафедре теоретической хирургии. Автор «Истории лиотритии» (1839).

⁵⁴ Костомаров Иван (1791–1837) – адъюнкт Московской медико-хирургической академии.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8. Л. 108.

чила профессорские должности в академии, а затем возглавили госпитали и стали редакторами медицинских изданий. Покровительство Виллие, возглавлявшего медицинскую академию до 1838 г., обеспечила им относительно спокойное восхождение по академической лестнице. Но воспитанники переросли замысел учителя. Они не стали его опорой в борьбе за власть и привилегии, не образовали элитарной группы «именитых врачей», отстаивавшей интересы профессиональной верхушки перед лицом российской бюрократии. В 1834 г. став профессорами, они вошли в основанное в Петербурге Общество русских врачей⁵⁶, задачи которого отличались от иностранных обществ. Деятельность ОРВ направлялась на объединение разбросанных по просторам империи русских лекарей в единое профессиональное сообщество и на популяризацию среди них западных медицинских открытий. Один из членов Общества, К.И. Грум-Гржимайло посвятил этому своё частное медицинское издание «Друг здравия». Инициаторы Общества сразу заявили об альянсе с просвещенным правительством и о защите национальных интересов («русской медицины»). В этом они разошлись со своим шотландским учителем. Спустя годы лейб-медик С.Ф. Вольский⁵⁷ вспоминал: «На предпринятое мною намерение основать Общество русских врачей, иностранные, находящиеся в русской службе, и многие отечественные врачи, в особенности баронет Я.В. Виллие, смотрели с неблагоприятием до такой степени, что военные врачи, чтоб не потерять по службе, должны были оставить Общество; а доктор Нагумович⁵⁸ и лейб-медик Мандт⁵⁹ письменно отказались от данного ими обещания принять участие в основании Общества».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бекасова А.В. Из истории русско-голландских научных связей в XVIII в. // Наукovedение. 2001. № 1. С. 155-188 [Bekasova A.V. Iz istorii russko-gollandskih nauchnyh svjazej v XVIII v. // Naukovedenie. 2001. № 1. S. 155-188].
- Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999 [Vitteker C. H. Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremja. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 1999].
- Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение Российской империи, или Увидеть русского дано не каждому. М.: НЛО, 2011 [Vishlenkova E.A. Vizual'noe narodovedenie Rossijskoj imperii, ili Uvidet' russkogo дано не kazhdomu. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011].

⁵⁶ РГИА. Ф. 1299. Оп. 17. Д. 1217 «О разрешении учредить Общество русских врачей в Петербурге», 1833.

⁵⁷ Семен Федорович Вольский (-1849) – лейб-медик императора, президент Общества русских врачей. См. Архангельский 1997. С. 53-55.

⁵⁸ Лев Яковлевич Нагумович (1792–1852) – выпускник Виленского университета, действительный статский советник, доктор медицины, писатель, военный врач, хирург, участник войны 1812 г., русско-турецкой войны 1828 г., подавления польского восстания 1831 г.

⁵⁹ Имелся в виду лейб-медик и консультант Николая I М.В. фон Мандт (1800-1858), профессор Петербургской медико-хирургической академии

- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012 [Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaja korporativnost' ili professional'naja solidarnost'. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012].
- Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823.
- Ильина К.А. Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А.И. Чивилева // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 169-187 [Il'ina K.A. Traektorii nauchnoj attestacii v rossijskikh universitetah 1830-h godov: opyt zashhity A.I. Chivileva // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 57. S. 169-187].
- Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб, 1913.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Том. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002 [Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovanija v Rossii. Tom. 1. Rossijskie universitety i Ustav 1804 goda. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002].
- Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое] (ПСЗ–1). № 22974; ПСЗ–1. № 17743; ПСЗ–1. № 21866.
- РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Св. 52. Д. 43 «О выборе ученого секретаря медицинского совета для отправления дел декана за отсутствием его и о назначении комитета для преобразования врачебной науки в России», 1810.
- РГИА. Ф. 1294. Оп. 3. Д. 19 «О проекте касательно производства и наград медицинских чинов», 1816.
- РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 68. Д. 123 «Дело о прекращении выписки иностранных врачей для Сибирского края», 1810.
- РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 68. Д. 41 «О прекращении выписки иностранных врачей, Также о числе лекарских вакансий в министерствах», 1810.
- РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 71. Д. 129 «О помещении прибывших в академию семинаристов», 1810.
- РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 а. Кн. 84. Д. 59 «О вытребовании семинаристов для поступления в воспитанники медико-хирургической академии. Тут же и о заплате за них губернаторам прогонных денег», 1817.
- РГИА. Ф. 1297. Оп. 9 в. Кн. 100. Д. 8 «По отношению президента академии о средствах поддержать и улучшить врачебное образование в академии», 1816.
- РГИА. Ф. 1299. Оп. 17. Д. 1217 «О разрешении учредить Общество русских врачей в Петербурге», 1833.
- Медико-физический журнал. 1821. Ч. 2.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. Изд. 2. СПб, 1873.
- Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. 8. Главное военно-медицинское управление. Исторический очерк. СПб., 1902.
- Хаазер Р. От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813-1819 гг. // Историк и историческая память: Межвузовский сб-к научных трудов. Саратов: Саратовский гос. ун-т, Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. Вып. 6. С. 31-63.
- Шелестов Д.К. О возникновении демографической науки // Вестник Московского университета. Сер. 6 «Экономика». 1982. №4. С. 63-64 [Shelestov D.K. O vzniknovenii demograficheskoj nauki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6 «Jekonomika». 1982. №4. S. 63-64]
- «Auch in Moskwa habe ich Ursache zufrieden zu sein». Christian von Schölzers Privatkorrespondenz mit der Familie. Akademische Lebenswelten, Wissens- und Kulturtransfer in Russland am Beginn des 19. Jahrhunderts / Hg. A. Kaplunovskiy. Berlin: LIT Verlag, 2014.
- Digby A. Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720-1911. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Emerson R. Academic Patronage in the Scottish Enlightenment: Glasgow, Edinburgh and St Andrews Universities. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.

- Frieden Nancy M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905*. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Hamlin Ch. *Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800-1854*. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Harrison M. Differences of Degree: Representations of India in British Medical Topography, 1820-c. 1870 // *Medical History*. 2000. Vol. 44. P. 51-69.
- Jepson W. Of Soil, Situation, and Salubrity: Medical Topography and Medical Officers in Early Nineteenth-Century British India // *Historical Geography*. 2004. Vol. 32. P. 137-155.
- Malthus T. R. *An Essay on the Principle of Population, as It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers*. L., 1798.
- Mitman G., Numbers R. L. *From Miasma to Asthma. The Changing Fortunes of Medical Geography in America* // *History and Philosophy of the Life Science*. 2003. № 25 (3). P. 391-412.
- Peterson J. *The Medical Profession in Mid-Victorian. L.: Berkeley*, 1978.
- Renner A. *Russische Autokratie und Europäische Medizin: organisierter wissenstransfer im 18. Jahrhundert*. Koeln, Univ., Habil.-Schr., 2008.
- The Oxford Companion to Scottish History / Ed. by M. Lynch. Oxford: OUP, 2007.
- Waddington I. *The Medical Profession in Industrial Revolution*. Dublin: Gill & Macmillan, 1984.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических наук им. А.В. Поletaева, ординарный профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; evishlenkova@mail.ru

Scottish origins of the Russian medical elites in the beginning of the 19th century

The article is focused on a governmental project to train professors of medicine for Russian universities and Medical and Surgical Academies from native Russians. The project was launched in 1816. The author of the project was a Scottish physician James Wylie who obtained the position of a surgeon at the Russian Imperial Court and was promoted at the presidential post in the Medical and Surgical Academy in St. Petersburg and appointed as the General Inspector for Army Board of Health. Wylie proposed to cease the international recruitment of professional physicians and to proceed with the training of Russian medical elite in the University of Edinburgh. The project was successfully implemented. The author places Wylie's ideas in the contexts of medical and educational theories of the beginning of the 19th c. and demonstrates them originating from the political and economic concepts of the modern state.

Keywords: history of Russian medicine, national project, history of universities, early XIXth-century Russian Empire

Elena Vishlenkova, Dr.Sc. (History), Deputy Director of the A. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), Professor of the History Department, National Research University Higher School of Economics (Moscow); evishlenkova@mail.ru

Н. Ю. ЗАМЯТИНА

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА
КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ «КРЕМНИЕВУЮ ДОЛИНУ» И ГОРОДА
СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА¹

Проведено сравнение культурной среды в территориальных сообществах, связанных с передовыми научно-исследовательскими разработками своего времени: «Кремниевой долины» в США (с 1940-х до 1980-х гг.) и в КБ-11 (будущий Саров) в первые годы реализации советского атомного проекта. Выявлены неожиданные сходства в их культуре поведения: широкое распространение неформальных контактов (что обеспечивало более быстрое решение нестандартных технологических проблем), смелость и одержимость работой участников проекта. Это способствует раскрытию факторов обеспечения эффективного научно-исследовательского процесса.

Ключевые слова: инновации, культурная среда, атомный проект, «Кремниевая долина», Саров, доверие

Актуальность развития в России высоких технологий, направленных на обеспечение политической и экономической безопасности страны, не вызывает сомнений. Однако в современных условиях сложно однозначно обозначить спектр необходимых мер по обеспечению успешной и эффективной научно-исследовательской работы. С одной стороны, однозначно не могут быть воспроизведены многие приемы того времени, когда лучшие ученые страны трудились в печально известных «шарашках». С другой стороны, идеи прямого воспроизводства западных схем инновационного развития, попытка прямого переноса на нашу почву опыта условной «кремниевых долин» тоже едва ли осуществима: слишком специфична институциональная среда России в целом.

Зарубежные исследователи регионального развития в последние два десятилетия немало внимания уделили роли местной культурной среды в инновационном процессе. Само понятие культура² было переосмыслено экономистами как фактор экономического – и прежде всего, инновационного – развития, как фактор размещения и развития наиболее передовых, инновационных производств, как элемент развития кластеров и районов высокотехнологичной промышленности, обеспечения

¹ Статья подготовлена в рамках госбюджетной темы кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Географические проблемы социально-экономического развития стран мира».

² Уже в 1950-е гг. приводилось более 150 определений культуры (см.: Гидденс 2005); в данном случае принимается широкое понимание культуры как «ценностей, норм и продуктов материального производства, характерных для данного общества» (Там же. С. 68), включая в данное определение совокупность концептов и понятий, которыми оперирует данная культура. *Feldman* 1994. Р. 2.

экономических «прорывов» отдельных регионов и стран. Роль культуры в экономике описывается через понятия ценностей, институциональных норм, «укорененности» (*embeddedness*) экономической деятельности, культурного (человеческого) и социального капитала, местной идентичности и привязанности к месту; она учитывается в концепциях «зависимости от пути» (*path dependence*), кластерного развития, региональных инновационных систем, в процессе изучения распространения инноваций и миграций образованных кадров. При этом ключевое значение придается именно локальной среде. Местные институциональные условия и поведенческие установки рассматриваются сейчас как одна из неотъемлемых составляющих территориально выраженных систем генерации инноваций – кластеров, «районов Бекаттини», региональных инновационных систем, технопарков и технополисов. Влияние культурной среды здесь заключается в обеспечении перетоков знания (в первую очередь, неявного знания, *tacit knowledge*), которое, в свою очередь, рассматривается как одна из ключевых составляющих инновационного процесса³.

Цель настоящей работы состоит в сопоставлении локальных механизмов инновационного творчества в разных странах. Как показывает опыт исследования, здесь, на низовом уровне лабораторий и исследовательских коллективов различий не так много, как может показаться на первый взгляд. Сравнение позволяет выявить в историческом опыте организации советских научных разработок *универсальные составляющие*, опираясь на которые можно в современных условиях использовать традиции отечественных научных коллективов, еще не забытые нынешним поколением ученых. Для этого сравним факторы обеспечения успеха инновационных разработок, известные по западным работам, с культурной средой прикладных научно-технических разработок в СССР. Конечно, чтобы быть решенной во всей полноте, поставленная задача требует детальных качественных исследований микроуровня, направленных на выявление механизмов научного и инновационного творчества⁴.

За рубежом изучение культурной среды инновационного процесса – один из наиболее популярных сюжетов региональной науки⁵, причем большое внимание уделяется локальным инновационным системам, формирующимся по типу «Кремниевой долины» и т.п. Однако в России лишь единичные работы, направлены на изучение отдельных аспектов жизни территориально выраженных научных сообществ – наукоградов⁶. Поэто-

³ Как выразилась по этому поводу известный экономико-географ М. Фельдман, «Локализованный характер перетоков знания объясняется тем фактом, что идеи проще преодолевают коридоры и улицы, чем океаны и континенты». *Feldman* 1994. P. 2.

⁴ В данном случае мы не учитываем различия между научным и инновационным процессами, рассматривая их как разные проявления единого креативного процесса.

⁵ Более детально см.: *Замятина* 2015.

⁶ Например: Новосибирский академгородок... 1997.

му для России данное направление пока остается пионерным. На первом, пионерном этапе, нацеленном на само описание механизмов и факторов научного и инновационного творчества, как известно⁷ целесообразен анализ конкретных кейсов с применением, в первую очередь, качественных методов исследования, что и будет предпринято с опорой на существующие источники в отношении поведенческих установок коллективов, занятых прорывными научными разработками.

Одно из наиболее детальных исследований инновационного процесса «изнутри» принадлежит А. Саксениан. Ее работа по знаменитой «Кремниевой долине» США⁸ стала практически хрестоматийной (согласно индексу Google scholar, по данной книге сделано 9,8 тыс. цитирований). Сама же «Кремниевая долина» стала образцом инновационного региона. В 1959 г. именно здесь была создана кремниевая интегральная микросхема – а затем тысячи изобретений, улучшений, технических и дизайнерских решений и рационализаций. Здесь родились такие «изобретательские» фирмы как Hewlett-Packard (название происходит от фамилий двух выпускников Стэнфордского университета, мастеровивших в конце 1930-х гг. инновационное оборудование в гараже городка Пало-Альто), Apple, Xerox, Facebook, Google и сотни других, менее маститых.

Что касается выбора российского источника, то остановимся на воспоминаниях А.Д. Сахарова⁹ – той их части, которая посвящена работе в закрытой лаборатории КБ-11 (будущий Саров) под руководством И.Е. Тамма. И уровень ученых, упоминаемых в воспоминаниях, и уровень их разработок (водородная бомба) позволяет говорить о том, что выбранный источник освещает одну из важнейших страниц отечественных инновационных разработок второй половины XX в. Конечно, в отличие от книги А. Саксениан, проводившей сотни интервью и сопоставлявшей выводы качественных исследований со статистическими и другими точными данными, воспоминания А.Д. Сахарова не могут рассматриваться как исчерпывающий источник. Но, как уже говорилось, комплексных исследований условий жизни в научных городках и тем более «шарашках» пока не проводилось (хотя они и насуточно необходимы). Поэтому ограничимся детальным анализом текста воспоминаний Сахарова как первичного источника. На данном этапе важно понять, возможен ли вообще поиск сходства условий столь различных примеров творческой деятельности, как разработка полупроводников в рыночных условиях американской «Кремниевой долине» и разработка водородной бомбы в закрытой лаборатории за колючей проволокой в СССР. Именно с этой целью и была проанализирована работа Сахарова.

⁷ Качественные методы... 2009.

⁸ *Saxenian* 1994.

⁹ *Сахаров* 1996.

Социальные нормы в региональном развитии: укорененные отрасли и адаптация инноваций

Два-три десятилетия назад в сфере изучения регионального развития произошли радикальные изменения: культурная среда стала восприниматься как важная составляющая процесса. Еще раньше проблему «социальной укорененности» экономики поставил М. Грановеттер, опиравшийся на работы К. Полани¹⁰, но начиная с 1990-х гг. обращение к локальной культуре стало преобладающей тенденцией: от макроэкономических подходов стали все чаще обращаться к описанию кейсов.

Погрузившись в изучение факторов развития именно инновационных отраслей, современные регионалисты подняли на щит более чем вековой давности работы А. Маршалла о специфической «атмосфере» районов локализованной промышленности, обеспечивающей распространение инноваций на местном уровне. Следующий фрагмент, многократно процитированный в последние два десятилетия, оказался удивительно созвучен ситуации в «Кремниевой долине»:

«Когда какое-либо производство выбрало для себя местонахождение, то вероятнее всего, что оно будет оставаться там долго, поскольку уж очень велики выгоды, извлекаемые людьми, принадлежащими к одной квалифицированной профессии, из близкого соседства друг с другом. Тайны профессии перестают быть тайнами, но как бы пронизывают всю атмосферу. ...если один предложил новую идею, ее подхватывают другие и дополняют собственными соображениями¹¹».

Вернувшиеся к работам Маршалла экономисты вскоре выделили и детально описали особый тип промышленных районов, сформированных множеством небольших предприятий схожей специализации (новые промышленные районы, или районы Бекаттини по фамилии описавшего их итальянского экономиста). По структуре и среде они очень напоминают «Кремниевую долину» (в описании Саксениан): множество мелких фирм, между которыми существуют, с одной стороны, отношения конкуренции, с другой – мощный информационный обмен, причем возможность интенсивного информационного обмена обуславливается местной культурной средой. Материал наблюдения частично тех же самых районов (в частности, в области Эмилия-Романья, или «Третья Италия») использовался в концепции кластеров, оформленной М. Портером¹². При этом важный элемент обмена знанием – неявное, или неcodифицируемое знание (*tacit knowledge*), которое можно передать только при контакте «лицом к лицу», показать «на пальцах» – а не, допустим, через публикацию научной статьи. В силу специфики неявного знания обмен им зависит от интенсивности общения на местах. Интенсивность обмена на местах, в свою очередь, определяется местной культурной средой.

¹⁰ Granovetter 1985.

¹¹ Маршалл. 1993.

¹² Портер. 1993.

Роль культуры в развитии инновационных отраслей позднее изучалось в рамках концепций инновационной среды (*innovative milieu*)¹³ и региональных инновационных систем: местная культурная и институциональная среда рассматривается очень широко, включая роль региональных правительств, местных банков и др. организаций¹⁴. Взаимодействие между местными игроками поднимает проблему доверия и социального капитала. Помимо обмена информацией и особенно неявным знанием, существуют и другие культурные факторы, влияющие на местное экономическое развитие. Это установки на определенные модели поведения, например, «одержимость работой» (в общем, близкая «протестантской этике»). Это хорошо показано на примере влияния на производительность инновационных фирм специфической культуры штата Юта (США)¹⁵. В мормонском штате Юта высока значимость ценности семьи, семейного досуга. Здесь модель поведения, замечательно маркированная через образ «спальника под столом» (работа в офисе в выходные и по ночам, жертва семейным досугом во имя производственного проекта) не столь распространена, как в других районах США. Не удивителен поэтому и результат: эффективность возглавляемых мормонами фирм штата (конкретно: в сфере ИТ) существенно ниже, чем других.

Условия для перетоков знания и общее отношение к работе – основные специфические параметры местной культурной среды, описанные и в отношении «Кремниевой долины».

Культурная среда «Кремниевой долины»

Особый интерес Саксениан вызывает тот факт, что «Кремниевая долина» не просто стала порождать все новые и новые фирмы в сфере информационных технологий, но и как район в целом сумела одолеть в конкурентной борьбе первый район концентрации высокотехнологичных фирм в США – т.н. «шоссе 128» вокруг Бостона, питаемое талантами знаменитейшего Массачусетского технологического института, МТИ.

В 1980-е гг. в «Кремниевой долине» сложилось специфическое бизнес-сообщество, представлявшее собой «питательную среду» для развития бизнеса в области производства компьютеров и комплектующих. Суть благотворного влияния среды заключалась в том, что сообщество способствовало широкому обмену информацией, за счет чего стало возможным сократить время вывода на рынок новых товаров – фактор, критичный для инновационных разработок в компьютерной индустрии. Именно благодаря нему «Кремниевая долина» сложилась как мощный центр инновационных (в тот период – полупроводниковых) разработок в 1960–1970-е гг. В последующие годы фирмы, буквально «попавшие

¹³ *Camagni*. 1995.

¹⁴ *Кук*. 2012.

¹⁵ *James*. 2005.

в резонанс» с местной культурной средой, преуспели, тогда как иные, не почувствовавшие преимуществ местной среды, потерпели неудачу.

Жизненно важный для обеспечения быстрого ввода новых товаров обмен информацией происходил, в первую очередь, через личные контакты сотрудников разных фирм, которые были знакомы друг с другом по совместному обучению или прошлой работе (в первую очередь в компании *Fairchild Semiconductor*, которая стала «инкубатором» для специалистов и новых стартапов «Кремниевой долины» в 60-е). Ключевым фактором интенсификации информационного обмена стал высокий уровень доверия: в сообществе с высоким уровнем доверия многие вопросы решались без лишних бюрократических проволочек. Высокий уровень доверия обеспечивался тесными социальными связями: по сути, внутриотраслевой обмен информацией шел между бывшими сокурсниками; позже – между членами китайской, индийской и других диаспор.

Многочисленные интервью передают дух этого сообщества профессионалов – одновременно партнеров и конкурентов: «Когда кончался газ, ты звонил товарищам в компании через улицу, и они разрешали пользоваться их газом. Или если ломалось какое-нибудь оборудование (epi-reactor), товарищ из другой фирмы делал тебе чипы на своем оборудовании, а через неделю ты помогал ему – и все это делалось без оформления бумаг». Как вспоминала одна из немногочисленных предпринимательниц «Кремниевой долины», у нее поначалу не было возможности приобрести дорогое по тем временам компьютерное оборудование, и друзья в руководстве Hewlett-Packard пускали ее ночью поработать на их офисных компьютерах; и однажды утром была обнаружена в спальнике в офисе Hewlett-Packard¹⁶. «Горение на работе» и добровольная исключительно высокая интенсивность труда были нормой. Если в Массачусетсе коллеги, встречаясь вне работы, говорили о гольфе и погоде – в «Кремниевой долине» даже в столовой за всеми столиками говорили о полупроводниках. Личные контакты облегчались высокой концентрацией фирм на ограниченном пространстве: при смене фирмы не надо было переезжать, а иногда даже менять место парковки автомобиля. В «Кремниевой долине» оказались «открыты» границы не только между отдельными фирмами (при этом обмен информацией с конкурентами привел к суммарному положительному эффекту), но и между фирмами и университетами – в первую очередь, Стэнфордским, на базе которого были налажены специальные экспресс-программы для «производственников» (в то время как МТИ «смотрел» на производственников свысока).

Важным фактором конкурентоспособности района стало легкое отношение к риску, в отличие от пуританской культуры Массачусетса, «замешанной» на традициях и иерархии:

¹⁶ *Saxenian*. 1994. С. 44.

«Если я в Бостоне скажу, что хочу основать компанию, люди посмотрят на меня и скажут: “Ты уверен, что хочешь идти на такой риск? Ты ведь хорошо устроен в большой, солидной компании. Почему бы тебе не сделать там карьеру вице-президента?”. В Калифорнии, если я основал компанию, я становлюсь народным героем – и не только для коллег. Мой страховой агент, водопроводчик – все мне сочувствуют»¹⁷.

Наконец, фирмы Калифорнии – в отличие от старинных массачусетских фирм – были в меньшей степени обеспечены оборонными заказами, что подталкивало их к более активному поиску новых рыночных ниш.

Становление сообщества «Кремниевой долины» было связано со спецификой формирования человеческого капитала в районе пионерного, фронтирного освоения – в том смысле, что большинство калифорнийских компьютерщиков 1960-1970-х гг. были новоприбывшими из других районов страны: аутсайдеры, с приездом на Запад освободившиеся от рамок поведения «старых» сообществ; они были открыты для эксперимента и готовы к сотрудничеству с товарищами по эксперименту.

Таким образом, ключом к успешному развитию «Кремниевой долины» как инновационного района стало удачное совпадение специфики местного сообщества (сложившейся к определенному периоду) со спецификой инновационной отрасли (короткий цикл введения новых товаров как важнейшее конкурентное преимущество), а непосредственным механизмом воплощения преимущества – широкий информационный обмен, горизонтальная кооперация небольших фирм и отдельных изобретателей.

Люди советского атомного проекта

Перейдем к воспоминаниям одного из разработчиков термоядерной бомбы и, позже, общественного деятеля, А.Д. Сахарова о работе в закрытом городе физиков-атомщиков (позже его назвали Саров, также Кремлев, Арзамас-16). Парадоксально, но многие его наблюдения буквально «укладываются» в тезисы Саксениан. Наибольшее удивление – с учетом условий работы в буквальном смысле за колючей проволокой (хотя ученые и не были репрессированы, но находились под жестким контролем) вызывает высокий уровень доверия. Перед примерами Сахарова о степени неформальности контактов между физиками разных подразделений «меркнут» рассказы Саксениан о «спальнике под столом»:

«Так как изделие шло вне постановлений, на него не было выделено ядерного заряда. Конечно, ничего не стоило снять эти вещества с серийного производства, но Славский не подписал приказа. Я (единственный раз в жизни) проявил чудеса блат, собрав детали из кусочков плутония (или урана-235), взятых взаймы у “фикобынщиков”. Детали были склеены эпоксидным клеем»¹⁸.

Как и в «Кремниевой долине» незаформализованность производственных коммуникаций радикально ускоряла решение технологических вопросов:

¹⁷ *Saxenian*. 1994. С. 63.

¹⁸ *Сахаров*. 1996. С. 309.

«Решения о сроке испытания только увеличили темп работы по “третьей идее”, и без того очень напряженный. Я уже писал о тесном взаимодействии с конструкторами. Получилось так, что особенно многое тут выпало на мою долю. Я, не дожидаясь окончательных расчетов и вообще окончательной ясности, писал технические задания, разъяснял конструкторам то, что казалось мне особенно важным, писал “разрешения” на разумные послабления первоначально слишком жестких технических условий; в общем, очень много брал на себя, на свою ответственность, опираясь не только на расчеты, но и на интуицию. Я часто бывал в конструкторском секторе, завязал тесные, непосредственные деловые отношения с конструкторами»¹⁹.

Теплая, открытая, демократичная атмосфера, царившая на ранних этапах работы, неоднократно отмечается ученым:

«Были прогулки лыжные и пешие, а летом – выезд на купания... Вместе с нами на равных принимал участие и шофер отдельской машины Павлик Гурьянов. В том мире, который образовывался всюду вокруг Игоря Евгеньевича [Тамма], это было абсолютно естественно... Потом, имея дело с другим начальством, я увидел совсем другие отношения с подчиненными»²⁰.

Примечательно, что Сахаров отмечает (как будто вторя известному высказыванию Фельдман), важную роль пространственной (в западной региональной науке принято понятие «географической») близости (proximity) в обеспечении доступности контактов:

«На работе наши кабинеты были рядом (первые годы это не были отдельные кабинеты, мы сидели с кем-то еще – я с Игорем Евгеньевичем и с Романовым). Коттеджи, в которых мы жили, тоже были рядом или через улицу... В течение дня то он, то я по несколько раз забегали друг к другу, чтобы поделиться вновь возникшей научной мыслью или сомнением, просто пошутить или что-то рассказать»²¹.

Бросается в глаза и исходная открытость ученых новому знанию во всех сферах жизни, несмотря на необходимость приложения иногда немалых усилий для его получения – свойство, не столь актуальное в условиях Калифорнии, но важное в СССР и в современных условиях:

«Игорь Евгеньевич обычно рассказывал новости, которые узнавал из передач иностранного радио (он регулярно слушал Би-Би-Си на английском и русском языках, тогда это было довольно необычно), – политические, спортивные, просто курьезные; ...Как и во всем, что рассказывал Игорь Евгеньевич, главное было даже не содержание, а его отношение – умного, страстного, необычайно широкого человека. Игорь Евгеньевич не давал нам, как говорится, закусать; будучи сам увлекающимся и общительным человеком, он и нас заставлял отдыхать активно и весело. Были в моде у нас вечерние игры в шахматы и их модификации (игра вчетвером, игра без знания фигур противника с секундантом и т.п.; И.Е. показал нам китайские игры «Го» и «выбирание камней»...)»²².

¹⁹ Там же. С. 257.

²⁰ Там же. С. 181.

²¹ Там же. С. 189.

²² Там же. С. 180-181.

По сути, ученые-атомщики в 1940–1950-е гг. устраивали насколько возможно креативный досуг, пользуясь современным языком – задолго до возникновения концепции креативного класса Р. Флориды. Но, конечно, важнейшим фактором успеха была, судя по воспоминаниям, глущайшая концентрация на работе:

«Обстановка объекта, его «мононаправленность», даже соседство лагеря и режимные «излишества» – в немалой степени психологически способствовали той поглощенности работой, которая, как я пытался показать, была определяющей в жизни многих из нас. Мы видели себя в центре огромного дела, на которое направлены колоссальные средства, и видели, что это достается людям, стране очень дорогой ценой. Это вызывало, как мне кажется, у многих чувство, что жертвы не должны быть напрасными»²³.

При всем различии среды – сходство в общей устремленности к цели: «все вокруг разрабатывали полупроводники». Что касается способности к риску, то и по ней советские ученые-атомщики (отчасти в силу необходимости) превосходили отчаянных основателей новых калифорнийских фирм полупроводниковой отрасли: здесь приходилось рисковать не бизнесом, а зачастую жизнью – и многие шли на это, не задумываясь:

«В середине 50-го года на объект прибыла комиссия (то ли из Главного Управления, то ли еще откуда-то) для проверки руководящих научных кадров. На комиссию вызывали по одному. Мне задали несколько вопросов, которых я не помню; потом был и такой:

– Как вы относитесь к хромосомной теории наследственности?

(Это было после сессии ВАСХНИЛ 1948 года, когда лысенковский разгром генетики был санкционирован Сталиным; таким образом, этот вопрос был тестом на лояльность.) Я ответил, что считаю хромосомную теорию научно правильной. Члены комиссии переглянулись, но ничего не сказали. Никаких оргвыводов в отношении меня не последовало. <...> Оказывается, Альтшулеру на комиссии был задан такой же вопрос, как и мне, и он, со свойственной ему прямотой, ответил так же, как я». (Там же, с. 191)

«В это время Курчатов собирался организовать в своем институте в порядке меценатства некое прибежище для опальных генетиков, и ему нужно было иметь рядом беспристрастных людей, с которыми он мог бы посоветоваться». (Там же, с. 276)

Отметим и другие черты сходства – например, прямой контакт коллегтивов, работавших над прикладными проектами, с «передовой» наукой. В 1950-е гг. таковой контакт обеспечивался путем принудительного приобщения ведущих теоретиков к «оборонным» исследованиям:

«Игорь Евгеньевич стал говорить, быстро и взволнованно, что Сахаров – очень талантливый физик-теоретик, который может сделать очень много для науки (от волнения он даже не сказал – советской), для ее самых важных разделов переднего края. Целиком ограничивать его работу прикладными исследованиями – совершенно неправильно, не по-государственному. Ванников слушал вроде внимательно, но чуть-чуть усмехаясь. В этот мо-

²³ Там же. С. 187.

мент раздался звонок вертушки (телефона специальной, "кремлевской" телефонной сети). Ванников снял трубку, лицо и поза его стали напряженными. Ванников: – Да, они у меня. Что делают? Разговаривают, сомневаются.

Пауза.

– Да, я вас понял.

Пауза.

– Слушаюсь, я это им передам.

И, повесив трубку:

– Я говорил с Лаврентием Павловичем (Берия). Он очень просит вас принять наше предложение.

Больше разговаривать было не о чем» (Там же, с. 151).

Тем не менее, даже на «объекте» физики совмещали теоретические и прикладные разработки:

«Большую часть своего времени он [Боголюбов] открыто использовал на собственную научную работу, не имевшую отношения к объекту (много после я стал делать то же самое), а также на писание монографий по теоретической физике. Главным образом для этого он привез с собой Климова, Ширкова и Зубарева, о которых я выше писал. Наибольшего успеха он достиг с самым молодым из них – Митей Ширковым. Их совместная монография по квантовой теории поля получила всеобщее, заслуженное признание»²⁴.

Как показывает проведенное сопоставление, на низовом уровне культурные среды двух ведущих территориальных инновационных систем, сформировавшихся в разных странах и в радикально разных политико-экономических и идеологических условиях, имеют ряд схожих характеристик – по-видимому, универсальных условий инновационного творчества. Конечно, изучение низового уровня инновационного развития не решает всех практических вопросов, и в первую очередь, вопросов «встройки» первичных исследовательских коллективов в институциональную и экономическую систему страны. По-видимому, именно на этом, более высоком, уровне закладываются радикальные различия между странами по инновационному потенциалу (очень ярко роль институциональных условий в инновационном развитии на уровне страны описана недавно на примере Израиля²⁵). Однако это не отменяет важности понимания первичных культурных условий научного творчества, и сейчас их можно обозначить достаточно четко.

Прежде всего, это высокий уровень доверия друг к другу людей, задействованных в передовых разработках; широкое развитие неформальных коммуникаций, товарищеская обстановка. Высокий уровень доверия оказывается важнейшим фактором облегчения циркуляции информации, что, в свою очередь, вносит важный вклад в инновационный процесс. Затем, энтузиазм, специфический «драйв», одержимость работой, исследованиями – вне зависимости от внешних обстоятельств. Наконец, третий

²⁴ Там же. С. 186.

²⁵ Сенор, Сингер. 2012.

фактор – смелость, умение идти на риск – также оказывается в числе важнейших условий инновационных прорывов. Не случайно первый советский «атомный» город – Саров (в отличие уже от второго – Снежинска) собрал неординарных и не всегда «удобных» властям личностей.

Обратимся снова к А.Д. Сахарову: «Министерство (особенно при преемниках Завенягина) явно протезировало второму объекту. Вероятно, далеко не случайно там была гораздо меньшая еврейская прослойка в руководстве (а у нас Харитон, Зельдович, Альтшулер, Цукерман, я, грешный, хотя и не еврей, но, быть может, еще похуже, и многие другие)»²⁶. Но именно так – с «закрытием глаз» на вольнодумство, с неформальными коммуникациями на уровне «одалживания плутония у фикобынщиков», с жадностью до нового знания и всеобщей одержимостью работой – был обеспечен в кратчайшие сроки рывок в создании атомного оружия. Именно на эти черты следует обратить внимание, планируя инновационное развитие современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл. Пер. С англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: УРСС, 2005. 630 с.
- Замятина Н. Культурные факторы географической дифференциации социально-экономического развития: зарубежные подходы // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 4-14.
- Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009. 356 с.
- Кук Ф. Региональные инновационные системы, кластеры и экономика знаний // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. Ред. А. Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 237–264.
- Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. 594 с. (электронная версия) URL: <http://institutiones.com/strategies/1229-principy-ekonomicheskoy-nauki.html>
- Новосибирский Академгородок в 1996 г.: условия жизни и деятельности ученых / Аблажей А.М., Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М., Путилов А.А. // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 68-77.
- Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.
- Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. / Ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996. Т. 1. 912 с.
- Сенор Д., Сингер С. Нация умных людей. История израильского экономического чуда / Пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера Пресс, 2012. 336 с.
- Camagni R. The concept of the Innovative Milieu and its Relevance for the Public Policies in European Lagging Regions // Paper in Regional Science, 1995. Vol. 74, №4, pp. 317–340.
- Feldman M.P. The Geography of Innovation // Economics of Science, Technology and Innovation, 1994. Vol. 2, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Boston, London. 155 p.
- Granovetter, Mark. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology (November 1985). Vol. 91. P. 481–510.
- James A. Demystifying the Role of Culture in Innovative Regional Economies // Regional Studies. Vol. 39. 9. December 2005. Pp. 1197–1216.
- Saxenian A. Regional Advantage. Culture and Competition on Silicon Valley and Route 128. Harvard University Press. 1994. 226 p.

²⁶ Там же. С. 256.

REFERENCES

- Giddens E. Sotsiologiya / Ed. 2. Moscow: Editorial URSS, 2005. 630 p.
- Zamiatina N. Kul'turnye faktory geograficheskoi differentsiatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia: zarubezhnye podkhody // Regional'nye issledovaniia. 2015. № 2. Pp. 4-14.
- Kachestvennye metody. Polevye sotsiologicheskie issledovaniia / I. Shteinberg, T. Shanin, E. Kovalev, A. Levinson / Ed. by I. Shteinberg. S.-Petersburg: Aleteia, 2009. 356 p.
- Kuk F. Regional'nye innovatsionnye sistemy, klastery i ekonomika znaniia // Sinergii proststva: regional'nye innovatsionnye sistemy, klastery i peretoki znaniia / Ed. by A.N. Pili-asov. Smolensk: Oikumena, 2012. P. 237–264.
- Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki. Moscow: Progress, 1993. 594 p. (electronic version). URL: <http://institutiones.com/strategies/1229-principy-ekonomicheskoy-nauki.html>
- Novosibirskii Akademgorodok v 1996 godu: uslovia zhnii i deiatel'nosti uchenykh / Ablazhei A.M., Gordienko A.A., Eremin S.N., Pliusnin Iu.M., Putilov A.A. // Sotsiologicheskie issledovaniia. 1997. № 12. Pp. 68-77.
- Porter M. Mezhdunarodnaia konkurentsiia. Konkurentnye preimushchestva stran. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniia, 1993. 896 p.
- Sakharov A.D. Vospominaniia : v 2 t. / Ed. by E. Kholmogorova, Iu. Shikhanovich. Moscow: Prava cheloveka, 1996. Vol. 1. 912 p.
- Senor D., Singer S. Natsiia umnykh liudei. Istoriia izrail'skogo ekonomicheskogo chuda. Moscow: Kar'era Press, 2012. 336 p.
- Camagni R. The concept of the innovative milieu and its relevance for the public policies in European lagging regions // Paper in Regional Science, 1995. Vol. 74, №4, pp. 317–340.
- Feldman M. P., The geography of innovation // Economics of Science, Technology and Innovation, 1994. Vol 2, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Boston, London. 155 p.
- Granovetter Mark. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness, American Journal of Sociology (November 1985). Vol. 91. P. 481–510.
- James A. Demystifying the role of culture in innovative regional economies // Regional Studies. Vol. 39. 9. December 2005. Pp. 1197–1216.
- Saxenian AnnaLee. Regional advantage. Culture and Competition on Silicon Valley and Route 128. Harvard University Press. 1994. 226 p.

Замятина Надежда Юрьевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова; nadezam@yandex.ru

**Cultural environment as the factor of innovations:
the case of the Soviet atom project in comparison to the Silicon Valley**

The article is devoted to the similarities of the cultural environment of the two territorial communities associated with the advanced scientific research: the Silicon Valley in the USA (from the 40's to the 80 years of XX century) and in KB-11 (the future of Sarov) in the first year of implementation of the Soviet atomic project. There were found some unexpected similarities in the culture of behavior of both communities such as a wide spread of informal contacts, courage and obsession with the work of the project participants. The article allows to move in the field of research most important factors in ensuring an effective innovative process.

Keywords: innovations, cultural environment, Silicon valley, atom project, Sarov, trust.

Nadezhda Zamyatina, candidate of geographical sciences, leading researcher at Lomonosov Moscow State University; nadezam@yandex.ru

А. А. ИЛЬИН

**“РАЗДИРАЮЩИЙ ДУШУ ВОПЛЬ”
СПОР А. И. ГЕРЦЕНА И Б. Н. ЧИЧЕРИНА
О РОЛИ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИКЕ**

В статье рассматривается спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина на страницах газеты «Колокол» в 1858–1859 гг. Показано, что основным предметом дискуссии была роль эмоций в политике. Анализ различных аргументов демонстрирует, что А.И. Герцен был сторонником искреннего проявления чувств в журналистике и политике, в то время как Б.Н. Чичерин поддерживал рационализацию политической сферы ради предотвращения беспорядков и революций. Обосновывается вывод о том, что этот спор повлиял на отношение к эмоциям социалистов и либералов в России.

Ключевые слова: *А.И. Герцен, Б.Н. Чичерин, эмоции, история эмоций, «Колокол»*

Эмоции стали в последние годы предметом пристального внимания представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин, в т.ч. историков. Можно говорить о появлении нового направления – истории эмоций¹ Историки, занимающиеся проблемой эмоций, опираются на разные теории и приемы исследования, но можно выделить два положения, получившие практически всеобщую поддержку. Первое из них: эмоции не являются «естественной» частью психики человека, но, как минимум в некоторой мере, представляют собой социальный или культурный конструкт. Второе следует из первого: эмоции имеют собственную историю, так как общество и культура, влияющие на них, постоянно меняются.

Эмоции скоротечны и практически не оставляют следов в источниках, что создает серьезную проблему для их исследования. Историки поэтому сосредоточились на том, что изучать гораздо легче, на наборах правил, которые регулировали эмоции в разные эпохи, определяя, как эмоции следует демонстрировать, описывать и оценивать. Было замечено, что эти правила (составляющие, в терминах У. Редди, “эмоциональные режимы”) регламентируют эмоциональность людей не только в их частной жизни, но и в публичной сфере. На протяжении столетий разные политические силы создавали свои собственные эмоциональные режимы, которые находились в тесной взаимосвязи с другими элементами их идеологии². В настоящей статье исследуется столкновение двух разных эмоциональных режимов и стоящих за ними политических направлений. «Эмоциями» или «чувствами» будут называться сильные субъективные переживания, которые участники исследуемой дискуссии противопо-

¹ Plamper 2015; S. Matt, Stearns 2013; Плампер, Шахадат, Эли 2010.

² Reddy 2001. P. 55.

ставляли «разуму» и называли буквально или метафорически «чувством», «страстью», «порывом», «сердцем», «воплем» и т.д.

Прежде чем приступить к рассмотрению самого спора следует сказать несколько слов об авторстве текстов, которые являются источниками по его истории. Их атрибуция на протяжении более чем ста лет вызывала разногласия и породила много неточностей и искажений. Не вызывало сомнения у историков то, что именно Б.Н. Чичерин написал статью против Герцена, озаглавленную «Обвинительный акт». Тот отвечал Чичерину, по общему мнению, в редакторском предисловии к письму последнего³ и в статье «Нас упрекают»⁴. Нет разногласий и в том, что автором частного письма в поддержку Герцена, которое подписали семь петербургских литераторов, был его друг и бывший соратник К.Д. Кавелин⁵.

Такой определенности нет относительно двух открытых писем в поддержку Герцена, которые вышли на страницах «Колокола» в декабре 1858 и январе 1859 гг.: протест против статьи Чичерина с небольшой вступительной заметкой от редакции⁶ и его продолжение, подписанное «Письмо к издателю Колокола»⁷. Первым эти статьи опубликовал М.П. Драгоманов в своем издании писем К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева Герцену, которые исследователь извлек из архива, принадлежавшего тогда Татьяне Александровне, дочери А.И. Герцена. Никаких дополнительных источников, кроме подшивки «Колокола», у него не было. Он приписал эти статьи Кавелину⁸, видимо, основываясь на том, что в одном из личных писем к Герцену он касался своего несогласия с Чичериным и высказывал мысли, близкие к тем, что можно обнаружить в этих анонимных статьях⁹. Предположения издателя-эмигранта раскритиковал историк и архивариус Н.П. Барсуков. В 15-й книге «Трудов и дней М.П. Погодина» (1901), он, ссылаясь на личное мнение Чичерина, приписал письмо в «Колоколе» от 15 декабря Н.Г. Чернышевскому¹⁰. Действительно, в Петербурге практически все общественные деятели (кроме Н.А. Милютина) выступили на стороне Герцена. Навести на мысль о причастности Чернышевского могло и то, что он вскоре после описыва-

³ Герцен 1958. Т. 13. С. 404-406.

⁴ Герцен 1958. Т. 13. С. 261-263.

⁵ ОР РГБ Ф. 334 П. 2 Ед хр. 22. Л. 17-26. В «Колоколе» вышли и другие материалы неуставленного авторства в поддержку или с критикой Чичерина (Спартанский 1859; Еще и еще письма ... 1859. С. 315-316; Из второго письма 1859. С. 327-329), но они не вызывали ни заметного интереса, ни тем более разногласий исследователей, поэтому проблемы их атрибуции не будут затрагиваться.

⁶ Протест против ... 1858. С. 253-254.

⁷ Панаев В.А. 1859. С. 260-264.

⁸ Драгоманов 1892. С. 16-43.

⁹ Кавелин 1892. С. 13-14.

¹⁰ Барсуков 1901. С. 259-261.

емых событий, в мае 1859 г., напечатал в «Современнике» резко негативную рецензию на сборник статей Чичерина «Англия и Франция». В ней можно увидеть намек на споры вокруг «Колокола»¹¹. Ошибку Чичерина можно связать также с тем, что он принадлежал к московским либеральным кругам, большая часть его жизни была связана с Москвой, а не Петербургом, петербургские события он обычно узнавал из вторых рук. Кроме того, зимой 1858–1859 гг. он жил в Ницце, и потому мог не знать многих подробностей происходившего в то время в России.

Точка в споре, казалось, была поставлена благодаря появлению нового источника. В 1902 г. в «Русской старине» вышли мемуары В.А. Панаева, двоюродного брата издателя «Современника» И.И. Панаева. В них он детально описал историю своего знакомства с Герценом, а также историю создания писем в его защиту¹². М.К. Лемке, редактор собрания сочинений А.И. Герцена, в комментариях к 9-му тому поместил подробную историю попыток атрибуции писем в защиту редактора «Колокола» и сделал вполне убедительный вывод, опираясь на вышедшие воспоминания, что именно В.А. Панаев был автором двух названных статей¹³.

Тем не менее, история продолжилась: в 13-м томе полного собрания сочинений Герцена, вышедшем в 1958 г., была допущена новая неточность. Составители поместили в нем не только заметку Герцена, но и первое письмо В.А. Панаева, следовавшее в газете сразу за ним¹⁴. Создавалось впечатление, что автор всего текста – сам Герцен, чему способствовала и ссылка в комментарии на Лемке, который, как пишут редакторы, установил авторство Герцена¹⁵. На самом деле утверждения Лемке относились не ко всему тексту, а лишь к анонимному редакторскому предисловию к письму читателя; он специально остановился на вопросе авторства, чтобы доказать, что вступление написал А.И. Герцен, а не второй редактор, Н.П. Огарев. Эта неточность послужила основой для далеко идущих выводов в докладе, прозвучавшем на конференции по случаю 200-летия со дня рождения А.И. Герцена, прошедшей в 2012 г. в Институте философии РАН. В статье, написанной на основе доклада, читаем:

«Поглощенный конфликтом, Герцен не заметил, что начинает действовать совершенно уж неприлично и даже низко. В номере от 15 декабря, то есть через 14 дней после публикации письма Чичерина, Герцен как бы невзначай в разделе «Смесь» публикует письмо анонимного автора из Германии, в котором тот обрушивается на «г. Ч.» и превозносит гражданское мужество Герцена, его заслуги перед Россией. При этом сам Герцен в предисловии к этому письму кокетливо заявляет, что положение обязывает его публиковать статьи против себя, но приличие не позволяет ему публиковать статьи в свою

¹¹ Чернышевский 1985.

¹² Панаев 1902.

¹³ Герцен 1919. С. 406-424, 440-442, 484-495.

¹⁴ Герцен 1958. Т. 13. С. 416-418.

¹⁵ Герцен 1958. Т. 13. С. 604.

поддержку. Однако автор требует, и он публикует данное письмо. Можно было бы удивляться скорости работы почты и оперативности печати, если бы только текст письма не принадлежал перу... самого Герцена. Такие поступки говорят, конечно, о многом. <...> Авторство Герцена было установлено еще в начале XX века. Письмо вошло в 13-й том собр. соч. (в 30 т.)»¹⁶.

Скорость публикации ответа Чичерину можно объяснить тем, что газета выходила в Лондоне, а В.А. Панаев в то время находился в Брюсселе. Сам Герцен писал, что письмо пришло из Германии, но это следствие ошибки или каких-то конспиративных соображений. Географическая близость двух городов делает вполне вероятным появление ответа Панаева в газете уже через две недели после публикации «Обвинительного акта». Без прояснения вопроса авторства было бы невозможно приступить к анализу соотношения позиций Герцена с позициями других участников дискуссии. В противном случае, пришлось бы признать, что Герцен спорил и соглашался в разных статьях сам с собой.

Александр Иванович Герцен был одним из тех, кто начал общественную дискуссию о реформах, затеянных правительством после восшествия на престол Александра II в 1855 г. Выходившие в Лондоне нелегальные издания его «Вольной русской типографии» пользовались большим спросом в Российской империи в 1855–1863, гг., пока его поддержка польского восстания 1863 г. не сказалась на их популярности. Прежде всего, это альманах «Полярная звезда» и выходившая в качестве приложения к нему газета «Колокол», сборник «Голоса из России». Наибольшим влиянием пользовался «Колокол», Герцен не только издавал газету, но также редактировал, помещал в ней множество собственных статей и небольших заметок. Читателей привлекало в ней то, что она не была подвластна цензуре, в ней без ограничений публиковались сообщения о злоупотреблениях представителей власти, а также слухи и даже секретные документы, относящиеся к разработке предстоящих реформ.

Герцен стремился привлечь максимально широкую аудиторию, поэтому программа «Колокола» была относительно умеренной, чтобы не отпугивать потенциальных читателей: отмена цензуры, крепостного права и телесных наказаний¹⁷. Тем не менее, довольно быстро наметились разногласия между либеральной и радикальной аудиториями издания. Это можно объяснить тем, что Герцен никогда не скрывал свои социалистические и демократические взгляды, которые находили выражение в содержании газеты. Если статьи за его подписью обычно были довольно взвешенными, то материалы от корреспондентов из России подчас были резки, содержали призывы к насильственному решению существующих в России проблем, что не могло найти сочувствия у либеральных читателей¹⁸.

¹⁶ Чижков 2013. С. 103-104.

¹⁷ Герцен 1958. Т. 13. С. 8.

¹⁸ Письмо из провинции... 1860.

Наметившиеся разногласия свидетельствовали о размежевании двух политических лагерей в России: либерального и радикального. Одним из самых заметных эпизодов стала публикация статьи Б.Н. Чичерина «Обвинительный акт» на страницах «Колокола» в 1858 г., в которой он выступил резко против издателя газеты и его сторонников из числа социалистов и демократов¹⁹. Вслед за этой публикацией в «Колоколе» вышел ряд статей как в поддержку Чичерина, так и против него. Разгорелся спор вокруг ситуации в России накануне реформ. Все его участники сходились в том, что Россия нуждается в преобразованиях, и что определяющую роль в их проведении будет играть правительство. Тем не менее, не было единства по поводу того, что должна делать публика в этих условиях: следует ли ей критиковать правительство, готовящее реформы? Герцен и его сторонники считали, что критика властей «Колоколом» подстегивает преобразования, создает необходимое давление на власти: в противном случае правительство бы действовало нерешительно и постаралось бы минимизировать невыгодные для себя перемены. Чичерин и те, кто его поддержал, настаивали на том, что резкая критика лишь пугает правительство и общество и тем самым тормозит реформы.

Спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина неоднократно рассматривался исследователями²⁰. В настоящей статье будет предложена новая точка зрения на эту дискуссию и на ее предмет. Герцен и Чичерин говорили не только о конкретных политических целях и способах их достижения, но и о том, по каким принципам должна быть устроена политическая жизнь в России. Речь шла, прежде всего, о роли эмоций в политике. Стороны не могли прийти к единому мнению о том, могут ли политические агенты демонстрировать эмоции или же они должны их скрывать; можно ли агитировать за свою позицию посредством эмоций, а не рациональных доводов; стоит ли действовать, руководствуясь эмоциями.

Начало спору, можно считать, было положено анонимным и неизвестным нам автором письма в редакцию, который критиковал Герцена за то, что тот из осторожности и нежелания ссориться с русскими властями не печатает действительно острых материалов, присылаемых из России²¹. Герцен был представлен в статье как руководствующийся чувствами человек, который путает патриотизм и лояльность конкретному русскому правительству и монарху: «Увлекаясь сердцем, вы ставите невольно вперед вашу личность с вашей теплой любовью к России, тоской по ней. Не позволяйте же этому нежному чувству превратиться в слабость, которою может воспользоваться казенная Россия»²². По мне-

¹⁹ Чичерин 1858.

²⁰ Герцен 1919. С. 406-424, 440-442, 484-495; Бушканец 1956; Kelly 1977; Чижков 2013.

²¹ Опоздавшие письма ... 1858. С. 188-190.

²² Опоздавшие письма ... 1858. С. 189.

нию анонимного автора, Герцен должен был оставить надежды на примирение с официальным Петербургом и позволение вернуться в Россию. Вместо этого следовало сосредоточиться на «ее будущности», ради будущей России продолжить свои разоблачения России настоящей. «Факты, факты и факты!»²³ – таково было главное требование. Он не подвергал критике подверженность Герцена чувствам как таковую, но он настаивал на том, что чувства всегда должны иметь правильный, осознанный предмет. Герцену как патриоту следовало любить Россию будущего, а не официальную Россию настоящего.

Более радикальную позицию по журналистской деятельности Герцена занял Б.Н. Чичерин. Он посетил Герцена в его доме в Лондоне, но они быстро разошлись во взглядах. Многочисленные противоречия проявились в личном общении и переписке и привели к публикации статьи «Обвинительный акт». Обвиняя издателя «Колокола» в безответственности и склонности к радикализму, Чичерин видел причину в его излишней эмоциональности. Он признавал важность разоблачительных статей, открывающих для публики новые факты, но выступал резко против того, что Герцен придавал присланным из России сообщениям броскую, яркую, провокационную форму. Чичерин утверждал, что Герцен, в погоне за популярностью, способствовал возбуждению страстей у публики. Вместо этого, утверждал он, Герцену следовало выработать последовательную политическую программу по актуальным вопросам и тем самым начать формировать полноценное общественное мнение в России. По мысли «Ч.» (так была подписана статья), журналистика, как и политическая деятельность, на которую она может оказывать существенное влияние, всегда основываются на рациональных аргументах в пользу тех или иных решений и действий. Чичерин критиковал «Колокол» не за то, что газета занимала радикальную политическую позицию. У газеты, считал он, вообще отсутствовала какая-либо позиция, потому что для любой определенной точки зрения, в том числе радикальной, требуется рациональное описание и оправдание. Даже для того, чтобы быть революционером, писал он, требуется «такт» и «мысль»²⁴.

«Колокол», по мнению Чичерина, состоял из сообщений и призывов, рассчитанных на то, чтобы вызывать гнев и негодование, которые распространялись в публике подобно эпидемии. Под действием страстей, как сам Герцен, так и его аудитория, постоянно меняли свое мнение, бросались из крайности в крайность. Следовательно, они не были способны поставить перед собой долгосрочную цель, выдвинуть политическую программу для решения существовавших проблем. Так, согласно Чичерина, те, кто был подвержен эмоциям, обрекали себя на без-

²³ Опоздавшие письма... 1858. С. 190.

²⁴ Чичерин 2010. С. 404.

действие именно в тот момент, когда политическая ситуация требовала противоположного. Чичерин говорил, что он, как и другие «мыслящие люди России», не могут доверять подобному подходу:

«Мы слышим от Вас не слово разума, а слово страсти. [...] Вы человек брошенный в борьбу, вы исходите страстной верой и страстным сомнением, истощаетесь гневом и негодованием, впадаете в крайность, спотыкаетесь много раз. Это ваши собственные слова. Но неужели это требуется от политической деятельности? Я полагал, что здесь именно необходима обдуманность, осторожность, ясное и точное понимание вещей, спокойное обсуждение цели и средств; я полагал, что политический деятель, который истощается гневом, спотыкается на каждом шагу, носится туда и сюда по направлению ветра, тем самым подрывает к себе доверие, что впадая в крайность он губит собственное дело»²⁵.

Интересно, что с этим доводом согласился не только единственный из публично выступивших сторонников Чичерина²⁶. Авторы писем против «Обвинительного акта» либералы В.А. Панаев и К.Д. Кавелин, тоже заявили, что в целом разделяют взгляды своего оппонента. Панаев, написавший письмо в «Колокол» от лица все тех же «мыслящих людей России»²⁷, позднее вспоминал: «Обвинительный акт написан был очень умно, во многом был справедлив, но был написан тоном издевательства над деятельностью Герцена. Находя, что автор «Обвинительного акта» не понимал роли и значения изданий Герцена, я написал возражение и послал его для печати в Лондон»²⁸. Действительно, напечатанная в «Колоколе» статья Панаева начиналась с утверждения, что «обвинительные пункты» вполне возможно справедливы²⁹. Парадоксальную позицию занял К.Д. Кавелин, друг и соратник Чичерина, ранее высказывавший практически те же самые идеи по поводу деятельности Герцена. В их совместной статье 1855 г. уже звучали упреки последнему в пристрастии к «мелодраматическим сценам»³⁰. Теперь же, по-прежнему соглашаясь с Чичериным по существу, он, тем не менее, счел нужным поддержать «Колокол»:

«Основная мысль Вашего письма как нельзя вернее. После первых взрывов негодования на порядок дел, какой у нас есть, на лица, которые стоят у нас на первом плане, давным давно следовало серьезнее подумать о том что предстоит делать, чего ожидать, по какому направлению идти. К сожалению, не только Лондонская, но и Русская наша литература, с этой стороны, сильно смахивает на фразу, мало питая ум. Если бы Вы сказали только это, Вы были бы совершенно правы; но рядом с тем Вы сказали много такого, чего сказать конечно не хотели»³¹.

²⁵ Чичерин 1858. С. 237. См. также Чичерин 2010. С. 402–404.

²⁶ Некий А. Спартанский – псевдоним не раскрыт. См.: Спартанский 1859.

²⁷ Панаев 1859. С. 260.

²⁸ Панаев 1902. С. 231.

²⁹ Панаев 1859.

³⁰ Кавелин, Чичерин 1855. С. 31.

³¹ ОР РГБ. Ф. 334 П. 2 Ед хр. 22. Л. 17. См. Чичерин 2010. С. 397.

Панаев и Кавелин не стремились опровергнуть призывы Чичерина к умеренности и рациональности, их недовольство было вызвано неуважительным к издателю «тоном» его послания. Резкий «тон», по их мнению, свидетельствовал о том, что Чичерин не отдавал должного важной роли «Колокола» в подготовке реформ и, фактически, солидаризировался с консервативными противниками либерализма.

Герцен выбрал другую стратегию защиты в своих статьях против Чичерина. Он не остановился на критике «тона» последнего, но попытался дойти до сути их противоречий. Отправной точкой его размышлений было иное, нежели у Чичерина, представление о политике. Для того она была упорядоченной областью, где при помощи сложных институтов «согласуются враждебные интересы»³². Герцен же писал о политике как о деятельности, которая лишена правил и ограничений. Политика, по мнению Герцена, являлась жестокой борьбой разных групп. Участие в ней закономерно порождает эмоции. Эмоциональность, настаивал он, не означает бездеятельности, скорее наоборот:

«...люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге – много раз споткнувшись. Не имея ни исключительной системы, ни духа партии – всё отталкивающего, – мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас – от ребячества до седых волос, в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок!*»³³

Герцен был убежден, что эмоции являются неустранимой частью не только политической жизни человека, но и жизни вообще. Поэтому скрытые или подавленные эмоции он считал признаком неискренности, лжи и неестественности. В человеке, по его мнению, разум и чувства были одинаково важны, поэтому они должны получать равные развитие и выражение в деятельности каждого. Равенство чувств и разума требовало реализации принципа искренности, т.е. неограниченного проявления чувств³⁴.

Герцен старался продемонстрировать, что если человеческие отношения и культура эмоциональны по своей природе, то утаивание этого аспекта было бы своего рода политической цензурой и одновременно отказом от принципа реалистического всестороннего описания действительности. «Колокол» должен был предоставлять площадку не только «мыслящим людям России» с их рациональными аргументами, но также и «людям, страдающим в России, их боли и ненависти, «раздирающему душу... воплю».³⁵ В «Колоколе» действительно часто появлялись материалы, которые не могли оставить равнодушными как читателя, так и саму редакцию. Так, в номере от 15 марта 1859 г. вышла заметка о наси-

³² Чичерин 1858. С. 237.

³³ Герцен 1958. Т.13 С. 262-263.

³⁴ Герцен. 1953. Т. 3. С. 195, 233.

³⁵ Из второго письма 1859. С.329.

лии и издевательствах помещика Гутцейта над своей крепостной – 12-летней девочкой. Герцен не стремился представить дело как преступление частного лица. Эта рассчитанная на эмоциональную реакцию публики история в его изложении явно приобретала политические коннотации, так как была опубликована в разгар обсуждения составленных в губернских дворянских комитетах проектов отмены крепостного права. Для Герцена представился удобный повод, снова вернуться к позиции «г. Ч.»:

«А тут советуют иметь холодную кровь, спокойное дыхание амфибий, серафимское терпение Симеона Столпника и кротко ждать, чем разродят плантаторские комитеты, в то время как наших сестер и дочерей розгами будут подгонять под господ... «Это уж, кажется, что-то неприлично?» – Да вы взгляните на вашу аркадскую жизнь, на ваши пастушечьи нравы, – взгляните на соседей и убедитесь, что об вас нельзя говорить прилично»³⁶.

В «Колоколе» противники позиции Герцена неоднократно обвинялись в «холодности»³⁷, т.е. в неспособности и нежелании испытывать эмоции. Еще резче выразился один из корреспондентов Герцена, окрестив Чичерина и его сторонников «скопчески-либеральным направлением».³⁸ Но Чичерин никогда не выступал против эмоций как таковых, его критика была сосредоточена на эмоциях, выражаемых публично и влияющих на политику. Чичерин признавал «поэтическую прелесть» «порывов» в сфере личных отношений и в искусстве,³⁹ но он протестовал против любого их использования в политической сфере. Он выступал за строгое разделение частного и публичного, и за создание нейтральной публичной сферы, которая была бы местом, зарезервированным только для рациональных аргументов, при помощи которых представители гражданского общества могли влиять на государство, обладавшее правом и реальной силой претворять в жизнь те или иные меры⁴⁰.

Герцен никогда не был сторонником строгого либерального разделения на частное и публичное⁴¹, хотя и получил характеристику либерала от некоторых исследователей⁴². Например, в своем самом известном произведении, «Былом и думах», Герцен достаточно откровенно делился с публикой подробностями своей частной жизни, которая была для него метафорой и примером реализации его политических идей. В статьях на социально-политические темы он также не стремился скрыть свое отношение к происходящему. Его интроспективные описания эмоций свободно перетекали в политические заявления. Излюбленный

³⁶ Герцен 1958. Т. 14 С. 74.

³⁷ См. также: Из второго письма 1859. С.328.

³⁸ Письмо из России ... 1956. С. 212.

³⁹ Чичерин 1858. С. 257.

⁴⁰ Чичерин 1858; Kelly 1977; Чичерин 1862. С. 26-28.

⁴¹ Чуковская 1966 С. 26, 28; Гинзбург 1957. С. 49-50; Малия 2010. С. 201; Астон 1979. Р. 2.

⁴² Берлин 2001; Паперно 2010.

жанр произведений Герцена в связи с этими особенностями получил название «лирическая публицистика»⁴³.

Симптоматично, что после появления «Обвинительного акта» Чичерин в личных письмах продолжил заверять Герцена в своем расположении и в том, что его собственное отношение к нему никак не изменилось⁴⁴. Герцен же объявил ему о полном разрыве, сравнив себя и его с учтивыми офицерами двух воюющих армий⁴⁵. Чичерин, видимо, еще некоторое время после публикации статьи надеялся встретиться с Герценом лично и все уладить⁴⁶, но тот отказал ему во встрече⁴⁷. Герцен не проводил границы между публичными и личными отношениями.

Заметная особенность полемики А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина заключалась в многочисленных отсылках к политическому опыту европейских стран, а именно к истории революций. Исторические примеры переплетались с размышлениями об актуальных на тот момент вопросах внутренней политики России.

Как уже было сказано, автор «Обвинительного акта» считал, что подверженные эмоциям индивиды и группы, строго говоря, неспособны к действию. Тем не менее, он предполагал, что их беспорядочная активность создает множество проблем и опасностей. Чтобы доказать пагубность последствий, к которым ведет рост значения эмоций в политике, он обратился к истории революций. По его словам, крайности революций в прошлом возникали из-за ослепления страстями. Эмоции, как он считал, несовместимы с рефлексией, подверженные их влиянию люди стремятся достичь желаемого как можно скорее и не считают с последствиями. Таким образом, возникает условие для деспотизма, как наиболее просто устроенного и предлагающего самые простые решения политического режима: «К чему может привести разгар общественных страстей, как не к самому жестокому деспотизму? Каждая почти революция представляет этому пример»⁴⁸. По мысли Чичерина, в ходе революций отдельные индивиды и целые народы, движимые страстями, стремятся создать неограниченные демократические деспотические режимы. Чичерин не видел в тот период почвы для народной революции в Российской империи, но все же предполагал, что и в России страсти в политике вызовут к жизни деспотизм и насилие, хотя он отмечал, что у этого процесса, скорее всего, будет другой механизм. Он опасался, что начавшееся брожение и «возгорание страстей» может вызвать ужесточение политического режима, умеренное самодержавие превратится в диктатуру.

⁴³ Чуковская 1966. С. 50; Орлова 2004.

⁴⁴ Чичерин 1883.

⁴⁵ Герцен 1962. Т. 26. С. 222.

⁴⁶ Коллективное письмо ... 1892. С. 43.

⁴⁷ Кавелин 1892. С. 14.

⁴⁸ Чичерин 1858. С. 238.

Таким образом, контрреволюция представлялась Чичерину в некотором смысле еще одним видом революции. Ей, как и любой революции, присуще насилие, а надежды на нужные изменения посредством насилия Чичерину представлялись призрачными. Впрочем, правительственную диктатуру, вызванную необходимостью подавить народные волнения, он ставил выше демократической диктатуры и в некоторой степени оправдывал: «И точно, если больной, вместо того, чтобы спокойно и терпеливо выносить лечение, предается бешеным порывам, растравляет себе раны и хватается за нож чтобы отрезать страдающий член, с ним нечего больше делать, как связать его по рукам и ногам»⁴⁹.

Отвечая на эти обвинения Чичерина, В.А. Панаев также обратился к истории революций, но перевернул предложенную оппонентом схему. По его мнению, именно умеренные, рациональные и не допускающие эмоций в политику либеральные правительства зачастую оказываются виновниками насилия. Панаев воспользовался примером восстания рабочих в Париже в июне 1848 г. Всю вину за жертвы он, вслед за Герценом⁵⁰, возложил на подавившее восстание левое республиканское правительство, а не на восставших рабочих, которые протестовали против закрытия общественных мастерских. Это правительство, несмотря на свое революционное происхождение, по мнению автора, было воплощением буржуазного принципа либеральной умеренности:

«Садитесь пожалуйста рядом с вашими родными братьями, благородными представителями Франции 1848 года, которые вызвали сами резню, а потом нещадно казнили безвинных. Будьте покойны, «Колокол» не будет причиной пролития, хотя единой капли крови. Это вы! Вы! единственно вы можете быть причиной»⁵¹.

Герцен тоже прибегал к историческим параллелям с французской революцией. В разгар дискуссии, он заметил в письме к М.К. Рейхель, что его собственная позиция восходит к якобинизму с его руссоистским культом искренности и эмоциональности, а его умеренный оппонент является идейным наследником сдержанных и либеральных жирондистов⁵².

Революция была крайним и вместе с тем далеким от российских реалий примером проявления эмоций в политике. Но примеры европейских политических переворотов представляли интерес, поскольку в России, по мнению участников спора, существовала некоторая возможность революции. Для Герцена, осуждавшего политическое насилие, революция, тем не менее, не была чисто отрицательным явлением. Революционные изменения были вызваны или сопряжены, как он считал, с искренним и естественным желанием революционеров помочь народу, а

⁴⁹ Чичерин 1858. С. 238.

⁵⁰ Герцен 1955. Т. 5. С. 153-156.

⁵¹ Панаев 1859. С. 261.

⁵² Герцен 1962. Т. 26. С. 252.

также освобождением чувств и желаний последнего от пут цивилизации⁵³. Для его оппонентов искренность и сострадание в революционной политике ассоциировалась скорее с преступлениями и хаосом бессмысленных действий толпы и радикальных правительств. Видя причину хаоса в эмоциональности, либеральные деятели считали, что ее следует избегать всеми возможными средствами. Европейские революции стали грозным предостережением против доктрины искренности в политике.

Таким образом, причиной формирования двух полярных точек зрения на роль эмоций в политике, которые проявили себя в названном споре, возможно, стала разная оценка опыта революций во Франции и в других странах. Судя по всему, эта ситуация не была уникальной. Существуют работы, посвященные сходным интеллектуальным движениям в Великобритании и Франции. Там рефлексия о французской революции (1789–1799 гг.) приводила некоторых общественных деятелей и писателей к выводам, что ее жестокости и преступления могут быть объяснены разгулом страстей. Идея искренности, свободного выражения чувств оказывалась скомпрометированной, и на первый план выходили требования рационализации политической сферы⁵⁴.

В заключение целесообразно сказать о возможности обобщения и о его границах. Было бы излишне осторожным говорить, что выявленная в представленном споре взаимосвязь между политическими идеями и определенным отношением к эмоциям присуща только А.И. Герцену, Б.Н. Чичерину; а также считанному числу их сторонников, непосредственно участвовавших в дискуссии. Герцен упоминает о десятках «якобинских» писем от молодежи⁵⁵, есть свидетельства о широкой поддержке Чичерина московскими либеральными кругами и окружением либеральной великой княгини Елены Павловны⁵⁶.

История эмоционального режима /режимов русских народников, анархистов и социал-демократов, на которых мог повлиять Герцен, – тема для отдельного масштабного исследования. На данном этапе невозможно создать целостную картину. Оправдание страсти как движущей силы политики и прогресса можно обнаружить в теоретических работах, например, у друга Герцена анархиста М.А. Бакунина⁵⁷. Политические стихи и песни, бытовавшие в среде радикально-демократической молодежи начиная с 1850-х⁵⁸, позволяют сделать вывод о тесной связи эмоциональности и политики в представлениях широких кругов формировавшегося народничества. Однако нельзя утверждать, что существова-

⁵³ Герцен 1955. Т. 5. С. 155; Т. 6. С. 138.

⁵⁴ Reddy 2001. P. 211-256; Maniquis 1989.

⁵⁵ Герцен 1962. Т. 26. С. 252.

⁵⁶ Чичерин 2010. С. 393-394; Герцен 1956. Т. 8. С. 249-250.

⁵⁷ Бакунин 2010 С. 413-415.

⁵⁸ См.: Бушканец 1961.

ла строгая связь между определенным кругом политических идей и повышенным вниманием к эмоциональности. Начиная с 1860-х гг. среди русских социалистов имело определенный вес мнение, что опорой в общественно-политических преобразованиях должны быть подчеркнута беспристрастные и объективные социальные науки⁵⁹. Характерен также пример одного из самых влиятельных авторов-народников П.А. Лаврова, который утверждал в «Исторических письмах» (опубл. в 1868–1869 гг.), что история делается под влиянием мысли, а «аффекты» обычно оборачиваются лишь «личными драмами»⁶⁰.

Столь же неоднозначной выглядит ситуация с отношением к чувствам в русском либеральном движении. Можно утверждать, что либералы были сторонниками рациональности и умеренности в политике. Тем не менее, материалы, относящиеся к данному спору, показывают, что аргументы в пользу этих принципов сами вполне могли быть эмоционально окрашены. Критики замечали, что Чичерин, выступая за беспристрастность, возражал Герцену под влиянием задетых чувств, а не одного лишь холодного расчета, что выразилось в резком тоне его послания⁶¹. Сторонники умеренного и разумного пути реформ Панаев и Кавелин для оправдания своей позиции свободно прибегали к эмоционально окрашенным выражениям, которые легко могли бы встретиться в произведениях того же Герцена⁶².

Хотя эмоциональные режимы были точками сборки различных политических направлений, на практике их отношения с политическими идеями подчас имели довольно запутанный и неоднозначный характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 334 П. 2. Ед хр. 22. Л. 17-26.
- Герцен А.И. Чичерину Б.Н. (черновое) 16 ноября 1858 г. // Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 26. С. 222.
- Герцен А.И. Рейхель М.К. 6-7 апреля 1859 г. // Полн. собр. соч. 1962. Т. 26. С. 251-252.
- Чичерин Б.Н. Герцену А.И. 11 ноября 1858 г. // // Вольное слово. 1883. №61-62. С. 6.
- Бакунин М.А. Письмо к С.Г. Нечаеву // Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 390-430.
- Барсуков Н.П. Труды и дни М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.
- Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности / Пер. с англ. И. Казаковой // История свободы в России. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 85-126.
- Бушканец Е. Г. О дух «писем» в редакцию «Колокол» // Литературное наследство. Т. 63. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 212-219.
- Возражения на «Обвинительный акт» // Колокол. 1858. № 30-31. С. 253-254.

⁵⁹ Серно-Соловьевич Н.А. 1908. С. 496-505

⁶⁰ Лавров 1965. С. 105.

⁶¹ Панаев 1859. С. 261.

⁶² См.: Возражения... 1858. С. 254. «Обвинительный акт» предаёт посмеянию то, что бьется в груди». ОР РГБ. Ф. 334 П. 2. Ед хр. 22. Л. 21. «С каким пренебрежением, даже презрением, трактуете Вы наше горе и наши страдания! С издания рескриптов 20 ноября и 5 дек., чего, чего, Боже великий, мы не натерпелись и не вынесли!».

- Герцен А.И. Былое и думы // Полн. собр. соч. 1956. Т. 9. С.
- Герцен А.И. Возражения на обвинительный акт // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 416-418.
- Герцен А.И. Нас упрекают // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 261-263.
- Герцен А.И. Обвинительный акт // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 404-406
- Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Полн. собр. соч. 1955. Т. 5. С. 7-226.
- Герцен А.И. Письма об изучении природы // Полн. собр. соч. 1953. Т. 3 С. 89-315.
- Герцен А.И. Постельная барщина продолжается // Полн. собр. соч. 1958. Т. 14. С. 74-75.
- Герцен А.И. Предисловие к «Колоколу» // Полн. собр. соч. 1958. Т. 13. С. 7-12.
- Герцен А.И. С того берега // Полн. собр. соч. 1955. Т. 6. С. 7-142.
- Герцен А.И. Собрание сочинений и писем: В 22 т. / Под ред. М.К. Лемке. П.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению. 1919. Т. 9. С. 406-424, 440-442, 484-495.
- Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. М.: Художественная литература. 1957. 375 с.
- Еще и еще письма против обвинительного акта помещенного в 29 листе „Колокола“ // Колокол. 1859. № 39. С. 315-316.
- Из второго письма // Колокол. 1859. №40-41. С. 327-329.
- Кавелин К.Д. Герцену А.И. 21 августа 1859 г. // Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева: Украинская типография, 1892. С. 11-16.
- Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон: Trubner & Co., 1856. вып. 1. С. 9-36.
- Коллективное письмо к К. Дм. Кавелину // Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева: Украинская типография, 1892. С. 42-43.
- Лавров П.Л. Исторические письма // Философия и социология: В 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 5-295.
- Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855 / пер. с англ. А. Павлова, Д.Узланера. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
- Нелегальная поэзия революционных кружков конца 50-х - начала 60-х годов XIX века / Под ред. Е.Г. Бушканца. Казань: Издательство Казанского университета, 1961. 41 с.
- Опоздавшие письма из Петербурга. 2 // Колокол. 1858. №23/24. С. 188-190.
- Орлова Р. Последний год жизни Герцена // Вестник Европы. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>
- Панаев В.А. Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1902. № 5. С. 317-336.
- Панаев В.А. Письмо к издателю Колокола // Колокол. 1859. №32-33. С. 260-264.
- Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции // НЛЮ. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
- Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / Под ред. М.П. Драгоманова. Женева: Украинская типография, 1892. С. 16-43
- Письмо из России по поводу обвинительного акта г. Ч. // Литературное наследство. Т. 63. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 212-219.
- Протест против «Обвинительного акта» // Колокол. 1858. № 30/31. С. 253-254.
- Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Платнера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
- Русский Человек Письмо из провинции // Колокол. 1860. № 64. С. 533-535.
- Серно-Соловьевич Н.А. Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки? // Лемке М.К. Очерки освободительного движения 1860-х годов. СПб.: Изд-во О.Н. поповой, 1908. С. 496-505.
- Спартанский А. Письмо в защиту г. Ч. // Колокол. 1859. № 32/33. С. 264-265.
- Чернышевский Н.Г. Г. Чичерин как публицист // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1985. С. 644-673.
- Чижков С.Л. Герцен и Чичерин: драма размежевания политических течений // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. М.: Канон-плюс, 2013. С. 95–108.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2010. Т. 1. 497 с.
- Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по государственному праву // Несколько современных вопросов. М.: Издание К. Солдатенкова, 1862. С. 23-42.
- Чичерин Б.Н. Обвинительный акт // Колокол. 1858. № 29 С. 236-239.
- Чуковский Л.К. «Былое и думы» Герцена. М.: Художественная литература, 1966. 184 с.

REFERENCES

- Herzen A.I. Chicherin B.N. (chernovoe) 16 nojabrja 1858 g. // Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. T. 26. S. 222.
- Herzen A.I. Rejhel' M.K. 6-7 aprelya 1859 g. // Sobranie sochinenij. T. 26. 1962. S. 251-252.
- Bakunin M.A. Pis'mo k S.G. Nechaevu // Izbrannye trudy. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 390-430.
- Berlin I. Herzen i Bakunin o svobode lichnosti / Per. s angl. I. Kazakovoj // Istorija svobody v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. S. 85-126.
- Bushkanec E. G. O dvuh «pis'mah» v redakciju «Kolokol» // Literaturnoe nasledstvo t. 63. Literaturnoe nasledstvo. T. 63. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. S. 212-219.
- Ginzburg L.Ja. «Byloe i dumy» Herzena. M.: Hudozhestvennaja literatura. 1957. 375 s.
- Lavrov P.L. Istoricheskie pis'ma // Filosofija i sociologija: V 2 t. M.: Mysl', 1965. T. 2. S. 5-295.
- Malia M. Aleksandr Herzen i proishozhdenie russkogo socializma. 1812-1855 / per. s angl. A. Pavlova, D. Uzmanera. M.: Territorija budushhego, 2010. 568 s.
- Nelegal'naja poezija revolucionnyh kruzhkov konca 50-h - nachala 60-h godov XIX veka / Pod red. E.G. Bushkanca. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1961. 41 s.
- Orlova R. Poslednij god zhizni Herzena // Vestnik Evropy. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html>
- Paperno I. Intimnost' i istorija: semejnaja drama Herzena v soznanii russkoj intelligencii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
- Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocij / Pod red. Ja. Plampera, Sh. Shahadat, M. Jeli. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 512 s.
- Chernyshevskij N.G. G. Chicherin kak publicist // Sochinenija: V 2 t. M.: Mysl', 1985. S. 644-673.
- Chizhkov S.L. Herzen i Chicherin: drama razmezhevanija politicheskikh techenij // Aleksandr Ivanovich Herzen i istoricheskie sud'by Rossii. M.: Kanon-pljus, 2013. S. 95-108.
- Chicherin B.N. Vospominanija: V 2 t. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, 2010. T. 1. 497 s.
- Chukovskaja L.K. «Byloe i dumy» Herzena. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1966. 184 s.
- Acton E. Alexander Herzen and the role of the intellectual revolutionary. Cambridge: CUP, 1979. 194 p.
- Doing Emotions History / Ed. S. Matt, P. Stearns. Champaign: Un-ty of Illinois Press, 2013. 224 p.
- Kelly A. "What Is Real Is Rational": The Political Philosophy of B. N. Chicherin // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. 18. P. 195-222
- Maniquis R. Holy Savagery and Wild Justice: English Romanticism and the Terror // Studies in Romanticism. 1989. Vol. 28. № 3. P. 365-395.
- Plamper J. The History of Emotions: An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 368 p.
- Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 p.

Ильин Андрей Александрович, специалист, аспирант ИГИТИ им. А.В. Поletaева, НИУ ВШЭ; andrew.a.ilyin@gmail.com

“A soul-wrenching cry”: The debates of A.I. Herzen and B.N. Chicherin about the role of emotions in politics

The article examines the debates between A.I. Herzen and B.N. Chicherin in the newspaper “Kolokol” in 1858-1859. It's shown that role of emotions in politics was the main subject of the controversy. Analysis of various arguments demonstrates that A.I. Herzen was a proponent of sincere expression of emotions in politics and journalism, whereas B.N. Chicherin advocated rationalization of the political sphere for the sake of prevention of unrests and revolutions. It is argued that the controversy had a certain impact on attitude of Russian socialists and liberals towards emotions.

Keywords: A.I. Herzen, B.N. Chicherin, emotions, history of emotions, “Kolokol”

Andrey Ilyin, Specialist, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, graduate student, Higher School of Economics, andrew.a.ilyin@gmail.com

О. В. ВОРОБЬЕВА, Ф. В. НИКОЛАИ

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СТРАХА ЭМОЦИИ, АФФЕКТЫ И ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ*

Статья посвящена актуальному диалогу трех направлений современных гуманитарных исследований: истории эмоций, повороту к аффекту и культурной критике дискурса безопасности. Основным направлением их усилий становится переосмысление эмоционально-аффективной, экспрессивной составляющей языковой практики. Язык (дискурс) не противопоставляется материальности тела, но рассматривается в качестве триггера, запускающего работу сложных комплексов, внутри которых оказываются переплетены соматические, сознательные и бессознательные феномены.

Ключевые слова: история эмоций, поворот к аффекту, дискурс безопасности, исследования культуры, военная антропология, проблемы репрезентации

В современных гуманитарных исследованиях на Западе история эмоций переживает «бум» популярности, хотя ее теоретические и концептуальные основания остаются неоднородными. Это не значит, что ранее историки не уделяли внимания эмоциональной составляющей жизни человека – интерес к ней можно обнаружить, например, в истории ментальностей или исторической психологии. Однако в рамках этих направлений эмоция рассматривалась как универсальная антропологическая константа, имеющая психологическую природу, и изучалась, прежде всего, с опорой на концептуальный и методологический аппарат психологии. Представители же истории эмоций как нового проблемного поля трактуют эмоцию не только как особый вид психических процессов, но и как *культурно-историческую переменную*, акцентируя тем самым ее нахождение в сложных зазорах между природным и культурным, сознательным и бессознательным, коллективным и индивидуальным. Это позволило, с одной стороны, увидеть поистине неисчерпаемую проблематику данного предметного поля (историческая динамика эмоций, культурная и социальная характеристика эмоциональных концептов, соотношение когнитивной и эмотивной составляющей в социальном становлении личности, роль эмоций в исторической памяти, способы вербализации эмоций и их публичного выражения), а с другой – указать на необходимость разработки нового концептуального аппарата и исследовательского инструментария (эмотив, эмоциональный режим, эмоциональное сообщество, эмоциональный тезаурус, эмоциональные карты и др.), которые позволили бы историку работать с междисциплинарным по

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФ, проект № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

своему характеру материалом в разных пространственно-временных границах. Актуализация эмоционального начала в современной жизни и одновременно активизация т.н. «эмоциональной политики» (как в публичной, так и в приватной сфере) привносит свою толику интереса к этой проблематике, заставляя обратить внимание на эмоции как основные стимулы и механизмы управления человеческим поведением. Становится очевидным, что эмоции содержат в себе скрытые ресурсы, во многом определяющие всю историю культуры и социальные отношения.

Однако в российской историографии история эмоций лишь начинает набирать обороты, ограничиваясь историографическими и теоретическими работами¹. В этих условиях крайне трудно рецензировать европейские или американские работы данного направления за последние годы (особенно многочисленные сборники), уточняющие нюансы уже сложившихся концепций или применяющие их к новым предметным сферам. Данная статья ставит задачей проследить общую динамику лишь одного из ключевых для данного направления сюжета – *культурной истории страха*. Не претендуя на обзор всех ответвлений этой темы (от истории фобий в античности и «охоты на ведьм» до современных дискуссий о «моральной панике» и «геополитике эмоций»; от обсуждения фрейдовской демаркации тревоги, страха и «ужасного» [uncanny] до актуальных исследований риска и «интеллектуальной истории террора»), обозначим лишь основные теоретико-методологические проблемы.

С 1980-х гг. историки и социологи эмоций, отстаивая тезис о социально-культурной обусловленности человеческого поведения², стремились проблематизировать индустрию «воспитания чувств». Веками ключевую роль в «контроле над душой», управляющем аффектами и страстями³, играл страх, который, как отмечает Кори Робин, стал первой эмоцией, появляющейся в Библии⁴. Хотя вслед за Р. Ароном можно предположить, что страх – «примитивное чувство, которое находится, так сказать, вне политики»⁵, и не требует определения, представлять его уни-

¹ Российская империя чувств... 2016; Хмелевская 2011; Винницкий 2012; Воробьева 2015; Николаи, Хазина 2015; Зорин 2016; и др.

² Американский антрополог К. Латц отмечала: «Эмоциональный опыт не является до-культурным, но по большей части лежит внутри культуры». Lutz 1988. P. 5.

³ Муфф 2011.

⁴ Где Адам «убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт. 3:10). «Для творцов Библии страх – самая ошеломляющая из эмоций. До того, как их охватил страх, Адам и Ева существуют и действуют в мире, но без какого-либо осязательного опыта этого мира. С обретением страха их сметают переживания, а Господь предвещает еще большее: Еве – боль деторождения, Адаму – тяготы труда и обоим – пугающее знание смерти». Робин 2007. С. 9.

⁵ Хотя в то же время «это самое всеобъемлющее чувство, чувство, свойственное человеку более других, это то чувство, которое объясняет само существование государства». Арон 1992. С. 39-40.

версальным (над- либо до-культурным) феноменом вряд ли корректно. Культурная история страха демонстрирует мобильность, социальную и дискурсивную обусловленность форм его выражения.

Британский социолог Фрэнк Фуреди в работе «Культура страха: мораль умеренных ожиданий и принятие рисков» (1997), отгалкиваясь от концепции «общества риска» У. Бека, так обозначил проблему *разрыва* между современным ростом общественных страхов и персональным опытом, который формирует наши ожидания, опасения и воображение в целом: «Сегодня многие наши страхи не связаны с личным опытом. Население западных обществ гораздо меньше знакомо с болью, страданием, болезнями и смертью, чем когда-либо прежде. И тем не менее, несмотря на беспрецедентный уровень личной безопасности, страх стал неотъемлемой и неуклонно растущей частью нашей жизни. Культура страха доминирует в западном обществе. Ее определяющей чертой стало убеждение, что человечество постоянно сталкивается с мощными разрушительными силами, которые угрожают нашему повседневному существованию»⁶. К таким страхам и надуманным рискам можно отнести беспокойство о качестве пищи и генно-модифицированных продуктах, опасности авиаперелетов, эффективности вакцин и угрозах здоровью (вероятности заболеть онкологией или болезнью Альцгеймера). По данным британских соцопросов, число людей, считающих себя нетрудоспособными по болезни с 1985 по 1996 г. выросло на 40% (причем среди молодежи от 16 до 19 лет прирост составил 155%). Само слово “риски” с 1994 по 2000 г. стало появляться в британских СМИ в 9 раз чаще, а “стихийное бедствие” в 51 раз чаще⁷. Важно отметить, что если в XIX – первой половине XX в. подобные риски относились в основном к технологической сфере, то сегодня они переносятся на естественные (природные) факторы. Кроме того, *потенциальная возможность* (фактор риска) превращается в *прямую угрозу*. Фуреди объясняет подобные трансформации рядом факторов: секуляризацией христианской идеи жертвенности, влиянием медиа, кризисом социальной солидарности, активностью «потребительских лобби» и групп интересов, интернализацией контроля, а также расколом мнения экспертов и широкой публики⁸. Ключевую роль Фуреди отводит структурным трансформациям представлений о рисках: сформировавшись на основе персонального опыта, в эпоху модерна они стали исходной моделью для макро-политических и культурных представлений, тогда как сегодня набирает силу обратный процесс –

⁶ Furedi 2002. P. vii.

⁷ После событий 2001 г. эти тенденции еще больше усилились. – Ibid., p. xiii.

⁸ Например, первые (в отличие от широкой публики) склонны минимизировать опасности атомных электростанций или ядерных отходов, а вторые (в отличие от экспертов) – опасность курения и алкоголя.

из сферы социального воображаемого они проецируются на повседневную активность обычных людей. Именно поэтому традиционная (рациональная) критика этих процессов не срабатывает: она апеллирует к реальности, тогда как риски всегда имеют дело с различием между реальным и *возможным* (потенциальным). «Смысл риска формируется через понимание обществом возможности управлять переменами и прогнозировать будущее»⁹. Распад социальных связей разрушает представления о связи прошлого и настоящего. В результате Фуреди отмечает современную «эрозию субъективности», – схлопывание пространства для самостоятельной активности: «Неподконтрольность факторов риска отменяет приоритет человека в отношении индивида и опыта. Автономный индивид исчезает, оказывается подчинен факторам риска». «Эрозия субъективности предполагает отсутствие уважения ко всему, что создается человеком. <...> Отсутствие реального выбора становится основой повышенной тревожности в обществе риска»¹⁰.

Обращаясь к проблеме взаимосвязи социальных опасений и индивидуального опыта, Питер Стернс в работе «Американский страх: причины и последствия повышенной тревожности» напрямую соединяет эти уровни: политики и медиа нагнетают тревогу для мобилизации электората (как это происходило, например, в эпоху маккартизма), а общество стремится смягчить подобные идеологические воздействия или даже прямо им сопротивляется, апеллируя к существующим культурным традициям. Обе стратегии предполагают *рациональное управление* страхом и важность его морализаторского использования.

«Страх вызывает два основных последствия, вытекающих из его первичной функции – подготовки тела к преодолению опасности. Во-первых, даже когда он не провоцирует прямое действие, он обостряет внимание к происходящему вокруг, к потенциальным угрозам. В этом смысле страх предупреждает. Он может быть конструктивным. Но далее (и это во-вторых) эмоциональная интенсивность страха может блокировать рациональные суждения, провоцируя преувеличение опасности, нагнетая объективно ненужный дискомфорт и способствуя принятию решений, которые далеко выходят за рамки реальных потребностей или даже усугубляют опасность. На этой второй стадии страх сбивает с толку, и временами весьма серьезно. Он повышает общий уровень тревоги, который в лучшем случае отвлекает, а в худшем - вредит»¹¹.

По мнению Стернса, «оправданный и полезный» страх во всем мире, в эпоху холодной войны вызывали гонка ядерных вооружений и кризисы международных отношений (например, Карибский кризис 1962 г.). В 1990-е гг. объективный источник опасений исчез, но сама эмоция не угасла, а оказалась перенесена на другие объекты, принципиально важ-

⁹ Ibid. P. 18.

¹⁰ Ibid. P. 20, 169.

¹¹ Stearns 2006. P. 201.

ные для общества потребления – персональное здоровье, карьеру, уровень жизни и т.д. Основным посредником в трансляции новой «культуры страха» стали медиа. Впрочем, их усилия, как и целенаправленную политику неоконсерваторов, возрождающих «образ врага» в новых формах, нельзя считать исключительно внешними манипуляциями: они накладываются сверху на более глубокие культурные тренды (восстановление религиозности, рост родительской опеки, партикуляризацию общества и массовое распространение повседневных практик, связанных с риском).

В этих условиях ключевой задачей истории страха представляется рационализация указанных тенденций: укрепление стрессоустойчивости у детей, прогнозирование рисков, общественный контроль над медиа.

«Одна из перспектив изучения исторических истоков современной американской культуры страха заключается в идее, что ее можно модифицировать, важно осознать, какие культурные силы она может создать, а какие способна уничтожить. <...> Понимание ее исторического контекста и более объективный анализ страха позволят снизить его разлагающие последствия. Тогда как попытки полностью изгнать страх и риски из американской культуры открывают дверь для новых (часто ненужных) опасений и тревог. Понимание историчности этого процесса является первым шагом к его корректировке»¹².

Впрочем, разделение страха на «полезный» и «вредный» (адекватный / чрезмерный) представляется весьма сомнительным, ибо не предполагает четких критериев демаркации. В ряде случаев оно может совпадать с дискурсом безопасности, который Стернс критикует. Кроме того, он не разделяет сам страх и нарративы, а также практики его выражения. Остается непонятным, насколько эти практики способствуют либо препятствуют развитию страха, какую форму они ему придают. Например, Стернс отмечает, что военная литература времен второй мировой войны требовала от солдат подавлять свой страх, культивируя мужество в глазах товарищей, тогда как от участников «войны в заливе» 1990–1991 гг. командование требовало обсуждать свои опасения с психологами и даже репортерами. В данном случае трансформации страха оказываются неразрывно связаны с дискурсом его признания/отрицания.

В книге «Страх: культурная история» британский историк Джоанна Бурк прослеживает корреляцию ключевых объектов страха в XIX–XX вв. (от бедности и опасений быть похороненным заживо до борьбы со СПИДом и раком) и связанных с ними трансформаций социального и медицинского дискурса (от либерального патернализма и фрейдовского психоанализа до современной биоэтики и «войны с террором») ¹³. Основные векторы этих изменений – секуляризация и медиализация дискурса –

¹² Ibid. P. 219.

¹³ В этом смысле ее позиция существенно отличается от подхода П. Стернса: мы можем говорить о дискурсе страха, но не о его феноменологии / сущности, которая оказывается витгенштейновским «жуком в коробке». «Меняются слова – меняется и значение эмоции в данной культуре». Bourke 2006. P. 75.

представляются очевидными. Однако третий тезис Бурк, отмечающей масштабную интернализацию тревоги – ее *проекции на человеческое тело* (а не вовне, на природные или технологические катастрофы, как у Фуреди) – представляется весьма важным для дальнейшей разработки.

Во всяком случае, эта аналитическая линия выходит за рамки социального конструктивизма, сохраняющегося во многих работах по истории эмоций, например, в антологии «Культуры страха». Ее авторы во главе с культурными антропологами У. Линк и Д. Смит делают акцент на *деконструктивистской критике* дискурса безопасности (секьюритизации), легитимирующего военное вмешательство “ведущих мировых держав” в дела “развивающихся стран” как “хирургическую операцию”. Работая на стыке критической теории и мир-системного анализа, они рассматривают “индустрию шока” (Н. Кляйн) и “войну с террором” как прямое продолжение экспансионистской логики капиталистических империй: «Террор неразрывно связан с логикой мировой капиталистической системы, которая управляется глобальным американским патронажем и контролем. Акты сопротивления становятся топливом для поддержания беспрецедентного государственного насилия – войны с террором, которая не просто воспроизводит (внешнеполитический) милитаризм, но и способствует появлению новых пространств секьюритизации, все больше влияющих на внутреннюю национальную политику»¹⁴. Дискурс безопасности легитимирует физическое насилие и укрепляет ментальные границы между центром мир-системы (которую Н. Мирзоев называет «империей лагерей»¹⁵) и ее периферией. Интернализация страха превращается в рамках этого дискурса в повседневную онтологическую практику¹⁶. Соответственно, задача исследований культуры (включая историю страха) – показать циничность такой модели, деконструировать ее логику террора, а также ее воплощенность в социальных институтах и практиках.

Занимая сходную позицию, Джеффри Сколл в работе «Социальная история страха: террор, пытки и смерть в пост-капиталистическом мире» доказывает, что теракты 2001 г. спровоцировали радикальную трансформацию капиталистической мир-системы. Если Запад второй половины XX в. можно назвать «обществом риска» в смысле У. Бека, то сегодня неоконсервативная политика страха вышла на новый уровень: манипулируя рисками (в равной степени создавая и контролируя преступность внутри государства и терроризм за его пределами), она полностью подчинила сферу социального воображаемого с его приоритетом визуальных образов вместо логоцентризма модерна¹⁷. Сколл называет эту новую модель социального управления *фракталом* – границы общества в целом

¹⁴ Linke, Smith 2009. P. 21.

¹⁵ Mirzoeff 2009.

¹⁶ Linke, Smith. 2009. P. 14.

¹⁷ Skoll 2010. P. 9.

здесь совпадают с индивидуальными точками (социальным воображением граждан) и поддерживаются именно на уровне эмоций.

В книге «Страх. История политической идеи» К. Робин переносит акцент на «интеллектуальную историю страха» – его понимание в политических теориях Т. Гоббса, Ш.Л. Монтескье, А. де Токвиля и Х. Арендт. С его точки зрения, страх – это не чистая эмоция, но комплекс ощущений, чувств и представлений, связанных как с индивидуальным опытом, так и с *когнитивным осмыслением политической сферы*. Отмечая, что в XX в. сама идея универсальности была основана во многом именно на страхе¹⁸, К. Робин в откровенно конструктивистском ключе утверждает далее, что речь идет всего лишь об *инструменте*, который могут использовать как элиты, так и сопротивляющиеся им сообщества:

«Политический страх возникает из конфликтов между сообществами <...> Он может научить значимости политических ценностей. Например, страх перед гражданской войной порождает признание верховенства закона, страх тоталитаризма – уважение к либеральной демократии, страх перед фундаментализмом – важность толерантности и плюрализма. В отсутствии опасностей и вызванного ими страха мы теряем уверенность в политических ценностях, и более того, теряем вообще какую-либо уверенность. Мы чувствуем себя мертвыми. Только перед лицом страха мы пробуждаемся к действию и признаем, что в мире есть что-то, оправдывающее наши усилия, чтобы остаться в нем»¹⁹.

В духе конструктивизма (хотя в несколько ином ключе) дискурс безопасности или секьюритизации рассматривают представители Копенгагенской школы Барри Бузан, Оле Вейвер и их ученики. Для них важна *риторика страха*, работающая в духе теории речевых актов Дж.Л. Остина, – она относится не к дескриптивному уровню (описанию реальности, которое может быть истинным или ложным), но призвана «изменить вещи [общественное мнение] при помощи слов». Любопытным тезисом сторонников копенгагенской школы, объединяющим авторов статей сборника «Время безопасности: этнография страха, протеста и будущего», представляется специфическая темпоральная структура страха – его ориентированность в будущее и укорененность во временном опыте.

«Центральный тезис этой книги состоит в том, что (без)опасность может восприниматься в рамках одной из множества темпоральных логик, сложные конфигурации которых можно этнографически изучать и сравнивать с другими. Например, время безопасности можно представить в линейной и прогрессивной терминологии: как будущее состояние определенности и отсутствие каких-либо рисков, или наоборот, может восприниматься эсхатологически, в том смысле, что безопасность – это состояние, связанное с божеством, и потому не достижимое в будущем (по крайней мере, обозримом). С другой стороны, время безопасности как циклическое по своей природе, связанное с определенными формами церемониальных (периодически

¹⁸ Robin 2004. P. 10.

¹⁹ Ibid. P. 3-4.

повторяющихся) действий. В иных этнографических контекстах, с точки зрения леворадикальных групп, безопасность может выступать как имманентная потенциальная актуальность (*immanent potential present*), невидимая при обычных условиях, но проявляющаяся в моменты откровения...»²⁰.

Отталкиваясь от функционализма Б. Малиновского, редакторы и авторы сборника приравнивают безопасность к понятию *определенности* и далее прослеживают двойную связь локальных культур страха и политических представлений (набора дискурсов и практик - «от Платона до НАТО»²¹). Как и у К. Робина, дискурс безопасности здесь может использоваться в равной степени и левыми, и правыми силами²². Культуры страха чаще всего амбивалентны: защитники могут мгновенно превращаться в нападающих²³. Задача исследователей в этом контексте - выявить структуры власти, а также дискурсивные механизмы ее функционирования. При этом критика все чаще отходит на второй план, а в некоторых случаях может граничить с легитимацией и оправданием борьбы за власть тех или иных социальных групп.

Таким образом, сформировавшись на волне социально-политической критики «войны с террором» в 2000-е гг., преобладающая до сих пор линия культурной истории страха становится все более замкнутым на себя теоретическим дискурсом. Аргументы ее сторонников все чаще вторяют друг друга, а выводы оказываются слишком прогнозируемыми. В ходе анализа языка секьюритизации она все увереннее возвращается к аналитической традиции (с ее все более прозрачными прагматическими импликациями). Культурная антропология становится в этом контексте скорее средством академической легитимации для очередного направления *studies*²⁴, чем осознанно выбранной теоретической программой. Кроме того, главная линия критики дискурса безопасности, как уже было отмечено выше, не очень срабатывает, ибо оказывается нацелена лишь на рациональную сферу восприятия. Неоконсервативная же политика страха действует не столько на сознательном, сколько на аффективном уровне.

Более актуальной представляется другая линия исследований страха, нацеленная на анализ бессознательной структуры трансмиссии страха и выступающая за более масштабную ревизию дисциплинарных границ

²⁰ Pedersen, Holbraad 2013. P. 2.

²¹ «Отсутствие безопасности (*insecurity*) – это неопределенность, доведенная до экзистенциального уровня, причем не в смысле индивидуального страха (универсально присущего человеческому роду, с точки зрения экзистенциалистов) или социальных страхов природных катаклизмов. Мы превращаем безопасность в культурно, социально и исторически изменчивый политический аффект, который противопоставляется «экзистенциальным угрозам» сообществам разного уровня». Ibid. P. 2.

²² Kroijer 2013.

²³ Risor 2013.

²⁴ Лишь косвенно апеллирующего к знаменитой работе «Страх смерти в примитивных религиях» (1936) Д. Фрэзера.

между гуманитарными исследованиями, нейронауками и когнитивной психологией. Впрочем, пока эта линия просматривается весьма условно и не имеет единой теоретической программы. Речь идет о попытках выстроить системный диалог нескольких направлений. Прежде всего, это сторонники Б. Массуми²⁵, для которых страх как эмоция становится психосоматическим выражением аффектов – гетерогенных импульсов и движений как природных, так и социальных объектов. «Поворот к аффекту» вызывает отклик, с одной стороны, в военной антропологии, рассматривающей практики выживания и жизнестойкости участников современных постгероических войн²⁶. А с другой – встречает определенную (но вполне продуктивную) критику в исследованиях по истории науки²⁷. Косвенно проблематику страха и аффекта затрагивают также история боли, пытающаяся выйти за рамки противостояния эссенциализма и социального конструктивизма, и американские *trauma studies*²⁸. Анализ этого второго интеллектуального тренда выходит за рамки данной статьи. Отметим лишь, что обе линии в исследованиях страха пока не могут согласовать свои концептуальные основания и теоретические программы. Так, например, авторы сборника «Антропология страха: культуры по ту сторону эмоций» лишь упоминают о существовании исследований аффекта и тут же возвращаются к социально-культурной линии:

«Аффективный поворот» в социальных науках создает новые способы анализа формирования, циркуляции и действия эмоций. Обращаясь к работам антропологов, которые утверждают, что эмоции скорее являются результатом социокультурных практик и исторического контекста, а не физиологических процессов внутри мозга, новая социальная теория исследует отношения между эмоциями, властью и политикой»²⁹.

В заключение отметим, что помимо важных различий указанные тренды обладают и общими чертами. Прежде всего, это признание, что страх представляет собой подвижный и исторически изменчивый комплекс ощущений, эмоций, чувств и состояний, которые некорректно редуцировать к какой-либо одной из составляющих. Более того, пока речь идет лишь об общей разметке данного проблемного поля и подборе концептуальных ключей для работы с ним. Во-вторых, обе они все больше внимания уделяют неотрефлексированным практикам и габитусам, отталкивающимся от прагматики существования. Кроме того, они признают важность анализа дисциплинарных рамок анализа страха, которые сами участвуют в кодировании исторического опыта и потому во

²⁵ *Massumi 2017, Кобылин 2017.*

²⁶ *MacLeish, 2015; Wool 2015; etc.*

²⁷ *Leys 2011.*

²⁸ *Bourke 2014; Moscoso 2012; Кобылин, Николаи 2017.* С другой стороны, практикующие историки лишь начинают работать с этими сюжетами. – См.: *Платтер 2010.*

²⁹ *The Anthropology of Fear: Cultures beyond Emotions 2014. P. 3.*

многим определяют аналитические выводы. Поэтому сегодня даже исследования среднего уровня (не говоря уже о претензиях на макро-обобщения) должны учитывать предельно широкий спектр подходов к изучению эмоций. Тогда как замыкание в рамках одного дискурса, в том числе историко-антропологического, оказывается не особенно продуктивным как в академическом, так и в социально-культурном плане.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aron P. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с. [Aron R. *Etapy razvitiija sociologičeskoj mysli*, Moscow, Progress, 1992, 608 p.]
- Винницкий И. Заговор чувств или русская история на эмоциональном повороте // НЛО. 2012. № 117 [Vinnitskij I. *Zagovor čuvstv ili russkaja istorija na emocionalnom povorote (obzor rabot po istorii emocij)*, in: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 117].
- Воробьева О.В. «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций // История: электронный научно-образовательный журнал. 2015. Том 6. № 9 (42) [Vorobieva O.V. "Industrija emocij": institucionalnye i intellektualnye resursy istorii emocij, in: *Istorija: elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj žurnal*. 2015. T. 6. No. 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1>].
- Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: НЛО, 2016. 568 с. [Zorin A.L. *Pojavlenie geroja: iz istorii russkoj emocionalnoj kultury konca XVIII – nachala XIX veka*, Moscow, NLO, 2016, 568 p.]
- Кобылин И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25-38 [Kobylin I. "Avtonomija affekta": istorija, stanovlenie, biopolitika, in: *Dialog so vremenem*, 2017, No. 58, pp. 25-38].
- Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Культурная история эмоций и поворот к аффекту: по ту сторону эссенциализма и социального конструктивизма // Профессия – историк. К юбилею Л.П. Репиной / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 69-98 [Kobylin I.I., Nikolai F.V. *Kulturnaja istorija emocij i povorot k affektu: po tu stranu essencijalizma i socialnogo konstruktivizma*, in: *Professija – istorik. K jubileju L.P. Repinoj*, Отв. ред. О.В. Vorobieva, Moscow, Akvilon, 2017, pp. 69-98].
- Муфф Ш. Демократическая политика в эпоху постфордизма // Художественный журнал. 2011. № 83. [Muff Sh. *Demokraticeskaja politika v epohu postfordizma*, in: *Hudozhestvennyj žurnal*, 2011, No. 83, URL: <http://permm.ru/menu/xzh/axriv/83/demokraticeskaja-politika-v-epohu-postfordizma.html>].
- Николаи Ф.В., Хазина А.В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 97-117 [Nikolai F.V., Khazina A.V. *Istorija emocij i "affektivnyj povorot": problemy dialoga*, in: *Dialog so vremenem*, 2015, No. 50, P. 97-117].
- Плампер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛО, 2010. С. 401-430 [Plamper Ja. *Strah: soldaty i emocii v istorii voennoj psihologii*, in: *Rossijskaja imperija čuvstv: podhody k kulturnoj istorii emocij*, Pod red. Ja. Plampera, Sh. Shahadat, M. Jeli, M., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, pp. 401-430].
- Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Прогресс-традиция, 2007. 368 с. [Robin K. *Strah. Istorija političeskoj idei*, Moscow, Progress-tradicija, 2007, 368 p.]
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛО, 2010. 512 с. [Rossijskaja imperija čuvstv. *Podhody k kulturnoj istorii emocij*, Pod red. Ja. Plampera, Sh. Shahad, M. Jeli, M., NLO, 2010, 512 p.]
- Хмельевская Ю.Ю. История эмоций в современной историографии: истоки, возможности, проблемы // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452-461 [Khmelevskaja Ju.Ju. *Istorija emocij v sovremennoj istoriografii: istoki, vozmožnosti, problemy*, in: *Istoričeskaja nauka segodnja: teorii, metody, perspektivy*, Moscow, LKI, 2011, pp. 452-461].
- Bourke J. *Fear: A Cultural History*. Emeryville: Virago, 2006. 500 p.

- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Emotions, Politics and War / Ed. by L. Ahall, T. Gregory. N.Y.: Routledge, 2015. 240 p.
- Fear: Across the Disciplines / Ed. J. Plamper, B. Lazier. Univ. of Pittsburgh Press, 2012. 240 p.
- Furedi F.* Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation. N.Y., L.: Continuum, 2002. 205 p.
- Kroijer S.* Security Is a Collective Body: Intersecting Times of Security in the Copenhagen Climate Summit // Times of Security. Ethnographies of Fear, Protest and the Future / Ed. by M.A. Pedersen, M. Holbraad. N.Y.: Routledge, 2013. 240 p. C. 33-56.
- Linke U., Smith D.T.* Fear: A Conceptual Framework. // Cultures of Fear: A Critical Reader / Ed. by U. Linke, D.T. Smith. L., N.Y.: Pluto Press, 2009. 345 p. P. 1-23.
- Lutz C.A.* Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory. University of Chicago Press, 1988.
- MacLeish K.* Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community. Princeton: Princeton University Press, 2015. 280 p.
- Massumi B.* Politics of Everyday Fear. University of Minnesota Press, 1993. 352 p.
- Mirzoeff N.* Empire of Camps // Cultures of Fear: A Critical Reader. / Ed. by U. Linke, D.T. Smith. L.; N.Y.: Pluto Press, 2009. P. 313-327.
- Moscoso J.* Pain: A Cultural history. N.Y., London: Palgrave Macmillan, 2012. 300 p.
- Risor H.* 'Captured with Their Hands in the Dough': Insecurity, Safety-Seeking, and Securitization in El Alto, Bolivia // Times of Security. Ethnographies of Fear, Protest and the Future / Ed. by M.A. Pedersen, M. Holbraad. N.Y.: Routledge, 2013. 240 p. C 57-79.
- Robin C.* Fear: The History of a Political Idea. Oxford, N.Y.: OUP, 2004. 316 p.
- Skoll G.R.* Social Theory of Fear: Terror, Torture, and Death in a Post-Capitalist World. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 234 p.
- Stearns P.N.* American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y., L.: Routledge, 2006. 243 p.
- The Anthropology of Fear: Cultures beyond Emotions / Ed. A. Boscoboinik, H. Horakova. LIT Verlag, 256 p.
- Wool Z.* After War: The Weight of Life at Walter Reed. Duke University Press, 2015. 264 p.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; научный сотрудник Центра когнитивных программ и технологий РГГУ; vorobushek1@yandex.ru

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru

Cultural History of Fear: Emotions, Affects and Security Discourse

The article is devoted to the actual dialogue of three directions of contemporary historiography: the history of emotions, the affective turn and the cultural criticism of security discourse. The main direction of their analytical efforts is the rethinking of the emotionally-affective, expressive component of language practice. Language (discourse) is not opposed to the materiality of the body, but is viewed as a trigger for complex operations of intertwined somatic, conscious and unconscious phenomena.

Keywords: history of emotions, affective turn, security discourse, cultural studies, war anthropology, problems of representation.

Olga Vorobieva, PhD in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; researcher of the Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities, vorobushek1@yandex.ru

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; fvnik@list.ru

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

И. В. КРЮЧКОВ

Г. Д. МАВРОКОРДАТО: ВЕНГРИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. в России возник значительный интерес к Австро-Венгрии, прежде всего к положению в ней славянских народов. Однако отрицательное отношение к политике Австро-Венгрии мешало ее изучению, особенно в том, что касается венгерской половины империи Габсбургов. Секретарь генерального консульства России в Будапеште Г.Д. Маврокордато в донесениях в посольство России в Вене, а позже в изданной им книге попытался восполнить этот пробел.

Ключевые слова: *Венгрия, Генеральное консульство, Будапешт, словаки, сербы, дипломат, национальный вопрос, Балканские войны, внешняя торговля*

В начале XX в. донесения работавших в Австро-Венгрии российских дипломатов являлись основным источником получения информации из империи Габсбургов для правящих кругов России. Частично некоторые донесения публиковались на страницах официальных изданий, таких как «Вестник промышленности, торговли и финансов», «Сборники консульских донесений» и др. Данные публикации предназначались, прежде всего, для деловой элиты. В России в начале XX в. развернулась оживленная дискуссия о необходимости развития внешней торговли с государствами Балканского полуострова и Ближнего Востока¹. В Петербурге понимали, что без активного экономического проникновения в регион будет невозможно расширение политического влияния России на Балканах и Ближнем Востоке. Пример Австро-Венгрии представлялся наиболее полезным для российских предпринимателей и государственных структур, поскольку империя Габсбургов, находясь примерно на одном уровне с Россией в области развития экономики, достигла при этом значительно больших результатов во внешнеэкономических связях с Сербией, Болгарией, Грецией, Румынией, Османской империей. Поэтому изучение австро-венгерского опыта организации внешней торговли стало одной из задач для российских дипломатов в Австро-Венгрии.

Донесения дипломатического корпуса России о внутренней и внешней политике империи Габсбургов оставались абсолютно секретными. На события, происходившие в Австро-Венгрии, российские дипломаты смотрели через призму отношений с Веной, с другими великими державами и раскладом сил на международной арене². Внутриполитические

¹ Наша хроника. С. 65-67.

² Ратнер 1970. С. 173.

проблемы Австро-Венгрии отходили на второй план. Посольство России в Вене четко придерживалось данной линии при освещении положения дел, как в австрийской, так и венгерской половинах империи Габсбургов.

Несколько иначе обстояли дела в организации деятельности российских генеральных консульств и консульств, расположенных в столицах и в других городах Австро-Венгрии. Они позволяли себе отход от большой политики, сосредоточившись на анализе внутривнутриполитических событий в регионах пребывания. К тому же, в начале XX в. МИД России начинает несколько менять отношение к информации, поступающей из Австро-Венгрии, понимая, что без изучения внутривнутриполитических процессов в европейских государствах невозможно выстраивать полноценные связи с ними, тем более прогнозировать поведение оппонентов.

На территории венгерской половины империи Габсбургов (Трансильвании) действовало две дипломатические миссии: Генеральное консульство в Будапеште и консульство в Фиуме (совр. Риека). Пальма первенства в подготовке донесений в посольство России в Вене, безусловно, принадлежала генеральному консульству в Будапеште, обладавшему большими ресурсами и возможностями. Нередко между генеральным консульством в Будапеште и консульством в Фиуме возникали разногласия при оценке одних и тех же событий, в частности взаимоотношений венгерского правительства с Хорватией. Накануне Первой мировой войны секретарем генконсульства в Будапеште стал князь Георгий Дмитриевич Маврокордато, он установил хорошие связи с политиками, журналистами, общественными деятелями Венгрии и за довольно короткий срок неплохо изучил страну, что было скорее исключением для российских дипломатов, работавших в Австро-Венгрии.

Георгий Маврокордато принадлежал к знаменитой фамилии молдавских и российских политиков. Свое начало род Маврокордато ведет от уроженцев о. Хиос. Николай Маврокордато в первой четверти XIX в. переселился в Константинополь, где успешно занимался торговлей. Его сын Александр в 1688 г. был назначен в Вену послом Османской империи, признанием его заслуг стало получение княжеского титула от султана в 1698 г. Его потомки не раз становились Господарями Молдавии и Валахии в XVIII в. Один из них, Александр Маврокордато бежал в Россию, где его доброжелательно встретила Екатерина II³. Он предложил императрице собственный проект освобождения Греции. С этого времени начинается российский этап в истории семьи Маврокордато.

Георгий Маврокордато родился в 1881 г. в семье Дмитрия Георгиевича и Марии Евангелиевны Маврокордато, урожденной Бальтаджи и подданной Италии. Д.Г. Маврокордато, морской офицер, в 1873–1877 гг. занимал должность начальника Кронштадского порта, в 1877–1878 гг.

³ Записки... С. 771.

принимал участие в русско-турецкой войне, в 1913 г., уже находясь в отставке, получил звание генерал-майора⁴.

Г.Д. Маврокордато занимал различные должности в МИД и дипломатических миссиях России. За свою деятельность он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, персидским орденом Льва и Солнца 3-й степени, орденом бухарской Золотой звезды 3-й степени, японским орденом Священного сокровища 4-й степени и сербским орденом Св. Саввы 4-й степени. В 1911 г. дипломат получил чин коллежского асессора.

В Будапеште Маврокордато проработал вплоть до начала Первой мировой войны, а после получил назначение в посольство России во Франции. Он принял активное участие в оказании помощи российским подданным, оказавшимся к началу войны на территории противника⁵. После революции и гражданской войны Маврокордато переселяется в Белград, где жил вплоть до своей смерти в июле 1934 г.⁶

Получив назначение в Будапешт, Маврокордато попытался сформировать собственные представления о Венгрии, но оказалось, что в России нет необходимой литературы: в наличии было, по свидетельству князя, две-три «неплохих» книги по истории Венгрии и ни одной о ее современности⁷. Он обратился за помощью к российским путешественникам и частным лицам, не раз бывавшим в Австрии, но оказалось, что и они мало что знают о Венгрии. Маврокордато не без иронии отмечал знание российскими «специалистами» в лучшем случае гуляша и чардаша. Среди известных венгров они могли вспомнить композитора Ф. Листа, поэта Ш. Петефи (причем никто не смог вспомнить ни одного произведения) и художника М. Зичи, долгое время работавшего в России⁸. Собеседники не смогли назвать несколько венгерских городов подряд и показали полное незнание этнического происхождения мадьяр. Князю пришлось, уже находясь в Будапеште, изучать страну и ее народы.

В генеральном консульстве Маврокордато работал под началом, пожалуй, самого способного и опытного из всех российских консулов в Будапеште, Михаила Григорьевича Приклонского, большого знатока

⁴ Печалов 2006. С. 40. Младший брат Георгия Николай пошел по стопам отца: закончив Морской корпус, служил на Балтийском, затем на Черноморском флоте, принимал участие в мировой войне; в 1918 г. он с группой офицеров был расстрелян большевиками в Архангельске. – Дойков 2011. С. 41.

⁵ Деятельность князя на данном поприще получила высокую оценку посла России в Париже. См.: Донесение посольства России... С. 421.

⁶ Печалов 2006. С. 41.

⁷ Маврокордато 1916. С. VI-VIII. Накануне Первой мировой войны эту проблему поднял российский славист К.Я. Грот. По его мнению, отсутствие добротной литературы по истории и современности Венгрии объяснялось незнанием венгерского языка и недоступностью источников. Сведения о Венгрии в основном поступали в Россию через труды немецких и чешских авторов. – Грот 1914. С. 105.

⁸ Маврокордато 1916. С. VIII.

Венгрии и специфики национального вопроса в стране. Князь перед поездкой много читал о положении славян в Транслайтании, и впоследствии стремился разобраться в данной проблеме, к тому же в условиях дестабилизации ситуации на Балканах МИД России начинает проявлять особой интерес к оппозиционным движениям в Австро-Венгрии.

Большое внимание в своих донесениях Маврокордато уделил сербскому и словацкому национальному движению в Венгрии.

Сербское национальное движение во многом опиралось на автономию сербской православной церкви. Маврокордато вникает в особенности церковной и школьной автономии сербской православной церкви и специфику взаимоотношений светских политиков с духовенством. Следует отметить, что к 1912 г. сербская православная церковь в Венгрии оказалась в очень сложной ситуации, особенно после смерти патриарха Лукиана (Богдановича). По сведениям Маврокордато, она обладала колоссальной собственностью в Венгрии, часть доходов церковь бесконтрольно тратила на развитие образования сербов и их культурных учреждений⁹. Светские политики хотели получить доступ к поступающим от использования собственности церкви доходам, но духовенство не желало идти на существенные уступки. Другой конфликт разгорелся между самими сербскими светскими политиками. В условиях набирающей силу в сербском национальном движении нестабильности, по слухам, циркулировавшим в Будапеште летом 1912 г., правительство Венгрии могло установить непосредственный контроль над собственностью сербской православной церкви. Маврокордато не смог ни подтвердить, ни опровергнуть данную информацию, но она у него вызывала серьезную тревогу за будущее сербского национального движения в Венгрии¹⁰. В 1913 г. венгерское правительство фактически установило контроль над сербской православной церковью, ограничив ее автономию.

Маврокордато не сомневался в том, что в самом тяжелом положении из всех славянских народов Венгрии оказались словаки. По его мнению, правительство полностью игнорировало их политические и экономические интересы. У словаков отмечался низкий уровень грамотности, даже по меркам Венгрии, условия жизни крестьянства не выдерживали никакой критики. Бедность словаков и низкий уровень образования, по мнению Маврокордато, были тесным образом связаны друг с другом¹¹. Словацкие крестьяне не имели средств на обучение детей в школе, тем более они были задействованы в хозяйстве. Все планы Будапешта по развитию образования у словаков оказались сорванными, во многом из-за нехватки средств. Правительство, с точки зрения россий-

⁹ АВПРИ Л. 108.

¹⁰ АВПРИ Л. 107.

¹¹ АВПРИ Л. 110.

ского дипломата, уделяло мало внимания развитию здравоохранения в словацких районах. Позже возвращаясь к этой теме в своей монографии, Маврокордато отмечал колоссальную разницу в уровне развития чехов и словаков, констатируя, что у словаков даже не сформировался средний класс¹². Вследствие создавшегося положения еще в конце XIX в. началась массовая эмиграция словаков в США. Маврокордато отмечал существенное влияние словацкой эмиграции в США на развитие национального движения словаков. В США возникло несколько словацких организаций и газет, ставивших своей целью развитие национального самосознания у словаков, в т.ч. на территории Венгрии¹³. Представители эмигрантских кругов участвовали в различных национальных мероприятиях словаков на территории Венгрии.

Маврокордато считал, что пренебрежительного отношения Будапешта словаки не заслужили. В качестве одного из доводов приводились словацкие корни Ш. Петефи, руководителей венгерской католической церкви, видных общественных и политических деятелей страны¹⁴. Российского дипломата при этом удивляло отсутствие политических требований в заявлениях лидеров словацкого национального движения. Они в основном сводились к восстановлению культурной автономии, утраченной в 1874 г. по инициативе премьер-министра Венгрии К. Тисы, к улучшению экономического положения крестьян, рабочих и ремесленников.

Традиционно посольство России в Вене уделяло значительное внимание положению румын в Австро-Венгрии и взаимоотношениям империи Габсбургов с Румынией. С осени 1912 г. венгерские власти предпринимают попытку создания венгерской униатской епархии. Очевидно, они стремились оторвать румын-униатов от православных румын и тем самым расколоть румынское национальное движение. По численности румыны в Венгрии занимали второе место после мадьяр, поэтому венгерские правящие круги постоянно выражали опасения по поводу развития румынского национального движения. К тому же близость независимой Румынии придавала особую остроту данной проблеме.

Маврокордато проанализировав ситуацию, дал свои комментарии. По его мнению, протесты румын-униатов в связи с созданием униатской епархии объяснялись двумя обстоятельствами. Первое – возможностью потери части доходов, так как низшему духовенству теперь пришлось бы делиться получаемыми доходами с руководством епархии. Второе – румыны-униаты понимали замыслы венгерского правительства по расколу румынского национального движения. Потеряв часть доходов, они не могли бы эффективно поддерживать с финансовой точки зрения румын-

¹² Маврокордато 1916. С.221.

¹³ АВПРИ Л. 110.

¹⁴ АВПРИ Л. 109.

ские партии и общественные организации, настроенные оппозиционно по отношению к правительству. Действия Будапешта осудили практически все румынские политики Венгрии, но Маврокордато сомневался в эффективности протестов¹⁵. Своих соотечественников в Венгрии активно поддерживали многие политические силы в Румынии.

Осенью 1912 г. Г.Д. Маврокордато констатировал общее осложнение политической ситуации в Венгрии. Этот факт связывался не только с конфликтом правительства с национальными меньшинствами, но и с глубоким расколом в рядах венгерского (мадьярского) правящего класса. Венгерская (мадьярская) оппозиция устроила обструкцию премьер-министру, полиции пришлось усмирять депутатов, наиболее рьяных выводить из здания парламента. Склоки в парламенте привели к проведению оппозицией массовой демонстрации в Будапеште и столкновениям демонстрантов с полицией. Российский дипломат прогнозировал дальнейшие активные действия венгерской (мадьярской) оппозиции¹⁶.

В одном из донесений Маврокордато писал о перспективах развития экономических связей Венгрии с Россией. В торговле империи Габсбургов с Россией доминировала австрийская половина. Экономические связи Венгрии с Россией во многом тормозились по политическим причинам: правящие круги помнили о российской интервенции в 1849 г. и подозревали Россию в поддержке панславистского движения на территории Венгрии. Свою роль в торможении экономических контактов сыграла ориентация России и Венгрии на экспорт сельскохозяйственной продукции, из-за чего они часто выступали на рынках Европы как конкуренты¹⁷. Маврокордато также отметил обеспокоенность венгерских аграриев в 1911–1912 гг. по поводу возможного увеличения экспорта сербского зерна в империю Габсбургов: правящие круги в Вене стремились понизить цены на венгерское зерно внутри страны и привязать Сербию к экономике Австро-Венгрии. Российский дипломат отметил возникшее желание венгерских предпринимателей развивать экономические связи с Россией, ее емкий рынок мог стать выгодным потребителем венгерской продукции, поэтому представители ряда торговых фирм Венгрии в 1912 г. посетили Россию с целью налаживания деловых контактов¹⁸.

В октябре 1912 г. в парламенте начинается обсуждение бюджета Венгрии на 1913 год. Маврокордато обращает внимание посольства в Вене на увеличение расходов на строительство и эксплуатацию железных дорог. (Дипломаты пристально следили за строительством железных дорог, имевших стратегическое значение в случае войны.) Возросли расхо-

¹⁵ АВПРИ Л. 112-113.

¹⁶ АВПРИ Л. 116-117.

¹⁷ См. подробнее: Донесение генерального консула в Стокгольме... С. 11.

¹⁸ АВПРИ Л. 121.

ды на образование. Правительство Венгрии стремилось увеличить число детей, посещавших школы, но, кроме борьбы с неграмотностью, преследовалась еще одна цель: Будапешт пытался с помощью мадьяризации школы бороться с сепаратизмом национальных меньшинств¹⁹. Маврокордато признавал сомнительность этого проекта, так как большинство детей, представлявших национальные меньшинства в сельской местности, не знало венгерский язык, а у правительства не было средств для последовательной мадьяризации школы. Возросли военные расходы²⁰.

В условиях обострения международной ситуации российские дипломаты активно собирали информацию о положении дел в армии Австро-Венгрии. В эту работу включился и Маврокордато. В сентябре 1912 г. на территории Венгрии прошли очередные маневры австро-венгерской армии. Секретарь генконсульства сделал два важных вывода из анализа маневров. Во-первых, военно-воздушные силы Австро-Венгрии показали низкий уровень боеготовности: из 17 самолетов в воздух смогло подняться менее половины. Во-вторых, он признал высокий профессионализм медицинской службы армии²¹. Следует отметить, что кроме общеимперской армии австрийская и венгерская половины империи Габсбургов имели небольшие собственные вооруженные силы, которые в случае войны переходили в ведение общеимперского командования.

Начало Первой Балканской войны обострило отношения между ведущими европейскими государствами. Маврокордато внимательно отслеживал реакцию Венгрии на ход событий. Он отмечал, что венгерская общественность выступала против непосредственного участия Австро-Венгрии в этом конфликте. Она больше беспокоилась по поводу краха на Будапештской бирже и роста цен на продовольствие, в чем российский дипломат видел одно из последствий войны для венгерской половины империи, несмотря на военные заказы Болгарии, размещенные на предприятиях страны²². В первых сообщениях, князь указывал, на протурецкие настроения венгерской общественности и ее полную уверенность в победе Турции над балканской коалицией²³. Некоторые венгерские политики призывали направить волонтеров в турецкую армию. Необходимо отметить, что в Венгрии на рубеже XIX–XX вв. получила большую популярность идея туранского происхождения венгров (мадьяр), поэтому к туркам многие венгерские интеллектуалы относились как к родственному народу. Поражение Османской империи вызвало шок в венгерском обществе. Для подтверждения своей позиции Маврокордато приводил высказывания ведущих периодических изданий страны, которые в дей-

¹⁹ Яси 2011. С. 346–347.

²⁰ АВПРИ Л. 119–120.

²¹ АВПРИ Л. 114.

²² АВПРИ Л. 122–123.

²³ АВПРИ Л. 127.

ствиях балканских государств видели очередные происки России и призывали Австро-Венгрию при необходимости вмешаться в войну. Маврокордато серьезно относился к этим заявлениям. Он доносил о переброске частей австро-венгерской армии в Боснию-Герцеговину, Трансильванию, Южную Венгрию поближе к границам Сербии²⁴. Одним из последствий успехов балканской коалиции в Первой Балканской войне, по мнению дипломата, стало улучшение положения солдат славянского происхождения в армии Австро-Венгрии, так как командование стремилось заручиться их лояльностью на случай войны. Князя очень тревожила нарастающая политическая нестабильность на Балканском полуострове и рост воинственных настроений в Австро-Венгрии. Общественность империи Габсбургов призывала остановить славянскую (российскую) экспансию, что могло привести к ее войне с Сербией, а возможно и с Россией.

В 1916 г., уже находясь в Париже, Г.Д. Маврокордато издал первый том монографии «Описание Венгрии. Внутреннее устройство, сельскохозяйственная жизнь, торговля, промышленность, население, язык и религия». Очевидно, после этого должно было последовать издание второго тома, но, к сожалению, нам не удалось его обнаружить в библиотеках России и других стран, скорее всего он так и не был издан. «Описание Венгрии» до наших дней является наиболее полным и содержательным изданием по истории Венгрии. Автор продемонстрировал прекрасное знание истории страны, ее законодательной базы, экономики, государственно устройства, национальной структуры населения и т.д. Нет сомнений в том, что эту книгу следует переиздать.

Князь признавал крайнюю политизацию подготовленных российскими исследователями трудов по истории Венгрии, что объяснялось непростыми взаимоотношениями венгров (мадьяр) со славянами. Поэтому главную задачу собственного исследования он видел в подготовке объективного труда, лишённого политических оценок: «В настоящем труде нет места политике»²⁵. Он опирался на изучение статистики и трудов ведущих европейских специалистов по истории Венгрии.

Венгры (мадьяры), по мнению автора, показали удивительный характер и стремление к свободе. Они, зажатые более многочисленными народами, смогли сохранить национальную идентичность и государственность²⁶. Венгры (мадьяры) внесли огромный вклад в развитие европейской культуры, причем, они, на взгляд Маврокордато, демонстрировали открытость к восприятию других культур. Он был приятно удивлен наличию на венгерском языке значительного количества книг известных зарубежных писателей, в т.ч. российских.

²⁴ АВПРИ Л. 133.

²⁵ Маврокордато 1916. С. XV.

²⁶ Маврокордато 1916. С. IX.

Князь не сомневался в востребованности его книги в России: «Венгрия и мадьяры должны по многим причинам заинтересовать русского читателя, ибо взаимоотношения угров (мадьяр – *И.К.*) со славянами вообще и с русскими в частности... существовали издавна... и играли серьезную роль в истории обоих народов»²⁷. Отмечая между венграми (мадьярами) и русскими много общего, Маврокордато среди схожих качеств выделял радушие, гостеприимство, чистосердечность и беспечность. Уклад жизни венгров (мадьяр) очень напоминал ему повседневность соседних славянских народов. Такой межкультурный диалог представлялся ему вполне закономерным, поскольку славяне и венгры (мадьяры) соседствовали, оказывая влияние друг на друга, в течение многих веков. В духе времени, дипломат много рассуждал о значительном проценте славянской крови у венгров (мадьяр), что накладывало отпечаток на их повседневность и мироощущение. Вслед за К.Я. Гротом, Маврокордато полагал, что именно приток славянской крови помог венграм (мадьярам) сохранить свою историческую активность и не погибнуть подобно другим кочевым культурам²⁸. Не раз он отмечал значительное число заимствований в венгерском языке из словацкого языка и языков других народов Средней Европы²⁹. Надо признать, что в России от этого соседства, зачастую, отмечали больше вреда для славян, чем пользы. А.С. Будилович, на которого так любил ссылаться Маврокордато, с ужасом констатировал поглощение мадьярами славян³⁰. Российский дипломат не сомневался, что и в будущем Венгрия сохранит свой национальный характер, и далее будет оказывать существенное влияние на развитие Средней Европы. Следовало тщательно изучать историю Венгрии, так как ее взаимоотношения с Россией и славянскими народами будут дальше развиваться.

В своем труде автор дает большой исторический экскурс, его основным лейтмотивом является становление и развитие парламентаризма в Венгрии, которую Маврокордато признавал одной из родоначальниц европейского конституционализма. По его мнению, ни один народ Европы, не принимал такого активного участия в парламентской жизни, как венгры, защищая конституцию от внутренних и внешних врагов³¹.

В «Описании Венгрии» Маврокордато анализирует дуалистический период в истории Венгрии, останавливаясь на его ключевых проблемах. Российский дипломат не сомневался в закреплении мадьярской гегемонии в Венгрии после заключения дуалистического соглашения 1867 г., открывшего путь для постепенной мадьяризации страны³². Пока

²⁷ Там же. С. X.

²⁸ Там же. С. XIII.

²⁹ Там же. С. 164-167.

³⁰ Будилович 1902. С. 9-11.

³¹ Маврокордато 1916. С. 9.

³² Там же. С. 172-173.

у власти оставались отцы-основатели дуализма Ф. Деак и Й. Этвеш, Будапешт, по мнению автора, проводил грамотную национальную политику. Все изменилось с приходом к власти К. Тисы, взявшего курс на притеснение национальных меньшинств.

Маврокордато признавал стремление венгерского правящего класса преувеличить процент мадьяр с помощью фальсификации статистических данных. Он констатировал неблагоприятную демографическую ситуацию у мадьяр, связанную с сокращением рождаемости при практически неизменном уровне смертности³³. В то время, как практически все авторы в России, обращали внимание только на демографические проблемы национальных меньшинств, игнорируя аналогичную ситуацию у мадьяр. В России много писали об угрозе эмиграции национальных меньшинств для численности населения³⁴. Маврокордато, признавал весомый процент представителей национальных меньшинств среди эмигрантов. При этом он писал, что на первом месте по числу выехавших из страны в начале XX в. находились венгры (мадьяры), но этот факт игнорировался в российской литературе. Отмеченное с 1910 г. снижение эмиграции из Венгрии он объяснял началом экономического кризиса в США и усилиями правительства Венгрии по улучшению положения крестьян, в том числе в районах проживания национальных меньшинств³⁵.

Интерес Маврокордато к экономике Венгрии в период дуализма подогревался тем, что Россия и Венгрия столкнулись практически с одинаковыми проблемами, переживая болезненный процесс модернизации. Однако венгерскому правительству удалось достичь результатов с помощью грамотной политики в аграрном секторе страны. Князь скрупулезно описывал все реформы, надеясь на востребованность венгерского опыта в России. Он позитивно оценивал и политику Будапешта по развитию национальной индустрии. Несмотря на нехватку инвестиций, узость внутреннего рынка, Венгрия смогла создать собственную промышленность, ставшую одним из локомотивов развития ее народного хозяйства.

Очерк о национальном вопросе в Венгрии Маврокордато начинает с рассуждений путешественников, посещавших Венгрию в конце XIX – начале XX в. и отмечавших чистоту и ухоженность мадьярских, убогость румынских и нищету русинских сел³⁶. Сам автор не комментировал данный сюжет, оставляя все на усмотрение читателя.

По мнению Маврокордато, венгерская система образования стала точкой преткновения во взаимоотношениях национальных меньшинств с правительством, так как оно стремилось сделать из школы инструмент

³³ Маврокордато 1916. С. XIII.

³⁴ См., напр.: Василевский 1906. С. 52-53.

³⁵ Маврокордато 1916. С. 55.

³⁶ Маврокордато 1916. С. 57.

формирования «единой венгерской политической нации», предполагавшей полную или частичную мадьяризацию национальных меньшинств, а их лидеры пытались сохранить преподавание и на родном языке³⁷.

Раздел о положении сербов в Венгрии перекликался с донесениями князя в 1912 г. Он выделял причины кризиса сербской религиозной автономии: притеснения со стороны правительства Венгрии; падение авторитета патриарха; острая борьба светских деятелей с духовенством³⁸.

В то же время на примере сербов князь показывал, что не все безнадежно в положении славян в Венгрии³⁹. Сербь имели несколько культурно-просветительских организаций, свои образовательные учреждения, ориентированные на развитие сербского языка и культуры. Большую роль в развитии национальной идентичности играли представители деловых кругов, жертвовавшие значительные средства на поддержку культурных и образовательных структур сербов в Венгрии⁴⁰. Сербский пример мог стать образцом для других национальных меньшинств.

Примечателен очерк о русинах Подкарпатской Руси. По Маврокордато, русины проявляли полную политическую индифферентность, у них отсутствовали как панславизм, так и русофильство. О России они знали мало, российская пропаганда в регионе была слабо выражена и велась в основном через русинов, проживавших в США⁴¹. В начале XX в. правительство Венгрии предпринимает усилия по улучшению положения крестьян в Подкарпатской Руси, которая принадлежала к числу наиболее отсталых регионов Венгрии⁴². Однако Маврокордато считал, что эти меры носили пропагандистский характер, называл их недостаточными и неспособными радикальным образом изменить ситуацию к лучшему⁴³.

Судьба остальных национальных меньшинств Венгрии, писал Маврокордато, складывалась по-разному: румыны, хорваты и отчасти словаки активизировали борьбу с Будапештом за свои права, в т.ч. в политической сфере. Евреи и немцы в значительной степени мадьяризовались и оказались, по сведениям официальной статистики, в рядах венгров (мадьяр). Князь признавал заслуги евреев в развитии экономики, науки и образования Венгрии. Ведя речь о мадьяризации немцев венгерской половины империи Габсбургов, он исключал из этого процесса немцев («саксов») Трансильвани, которые, находясь в окружении румын

³⁷ Там же. С. 174.

³⁸ Там же. С. 239.

³⁹ На этом настаивали многие российские авторы. См. напр.: Сиротин 1903. С. 2.

⁴⁰ Маврокордато 1916. С. 213.

⁴¹ Там же.

⁴² Перени 1957. С. 134-135. Даже ведущие венгерские политики и публицисты признавали вопиющую бедность населения Подкарпатской Руси. – Яси 2011. С. 296-297.

⁴³ Маврокордато 1916. С. 142.

и венгров (мадьяр), сохраняли свою национальную идентичность и культуру, а также немцев в приграничных районах Венгрии с Цислайтанией.

Будучи на дипломатической службе в Будапеште, Г.Д. Маврокордато попытался разобраться в особенностях исторического, экономического и политического развития Венгрии и народов ее населявших, ориентируясь на запросы, поступавшие из посольства и Санкт-Петербурга. В то же время, в его донесениях отсутствует идеализация национального движения немадьярских народов, констатация тотальной русофобии политической элиты венгров (мадьяр), «повального» русофильства славян Венгрии, заостренности экономических и политических структур венгерской половины империи Габсбургов. Маврокордато признавал способность Будапешта проводить успешную политику модернизации, особенно в области экономики. Одновременно, он осуждал политику мадьяризации, особенно в области образования, но, в отличие от большинства российских авторов, призывал не абсолютизировать ее, ввиду полного провала ассимиляторской политики в сельской местности.

Личные наблюдения и материалы, не вошедшие в официальные отчеты, послужили основой для написания фундаментальной монографии по истории и современности Венгрии. Маврокордато высоко оценивал стремление венгров (мадьяр) к свободе и защите национальной идентичности. Сила венгров (мадьяр), по мнению российского дипломата, во многом заключалась в их конституционализме и в межкультурном диалоге с соседними народами. Критикуя крайности внутренней политики венгерского правительства, Маврокордато, положительно оценивал его экономическую программу, полагая, что данный опыт будет востребован в России, переживавшей примерно такие же сложности при проведении модернизации, особенно в сельском хозяйстве.

Г.Д. Маврокордато не сомневался в необходимости активизации изучения в России истории и современного развития Венгрии без идеологических клише, поскольку Россия и Венгрия, как соседи, были обречены на расширение сотрудничества в различных сферах. К тому же он предполагал дальнейшее усиление роли венгерской половины в политической и экономической жизни империи Габсбургов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585.
Будилович А.С. Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1902. 12 с. [Budilovich A.S. Sovremennyyi mad'yarizm v perspektiva khugoro-slavyanskoi istorii i zhizni. St. Petersburg, 1902. 12 p.]
Василевский Л.М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. СПб.: Типография С.М. Проппера, 1906. 63 с. [Vasilevskii L.M. Avstro-Vengriya. Politicheskii stroi i natsional'nye voprosy. St.Petersburg: S.M.Prapper's printing office, 1906. 63 p.]
Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. 774 с. [Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. Vol. 2. Odessa, 1850].
Грот К.Я. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. Пг.: Тип. министерства путей сообщения, 1914. 118 с.

- [Grot K.Ya. Avstro-Vengriya ili karpato-dunaiskie zemli v sud'bach slavyanstva i v russkikh istoricheskikh issledovaniyakh. Petrograd: Printing of the Ministry of Railways, 1914].
- Дойков Ю. Памятная книжка Красного террора в Советской Арктике. 1910-1923 гг. (документальные материалы). Архангельск, 2011. 212 с. [Doikov Yu. Pamyatnaya knizhka Krasnogo terrora v Sovetskoi Arktike. 1910-1923 gg. Arkhangelsk, 2011].
- Донесение генерального консула в Стокгольме А. Кудрявцева от 22 июля 1893 г. // Консульские донесения по вопросам, предложенным Высочайше учрежденную при Министерстве внутренних дел, Комиссии по поводу падения цен сельскохозяйственные произведения. Вып. I. СПб.: Тип. В. Киришаума, 1894 [Donesenie general'nogo konsula v Stokgol'me A. Kudrjavceva ot 22 ijulja 1893 // Konsul'skie donesenija po voprosam, predlozhenным Vysochajshe uchrezhdenнuju pri Ministerstve vnutrennih del, Komissii po povodu padenija cen sel'skohozjajstvennye proizvedenija. Issue I. St.Petersburg, 1894].
- Донесение посольства России в Первый департамент МИД от 16 февраля 1915 г. // Министерство иностранных дел в годы Первой мировой войны: сб. док. Тула: Акварис, 2014 [Donesenie posol'stva Rossii v Pervyi departament MID ot 16 fevralya 1915 g. / Ministerstvo inostrannykh del v gody Pervoi mirovoi voiny: sbornik dokumentov Tula: Akvaris, 2014].
- Наша хроника//Торгово-промышленный Юг (Одесса). 1913. № 19 [Nasha hronika // Torgovo-promyshlennyj Jug (Odessa). 1913. No. 19].
- Маврокордато Г.Д. Описание Венгрии. Внутреннее устройство, сельскохозяйственная жизнь, торговля, промышленность, население, язык и религия. Париж: Унион, 1916. 255 с. [Mavrokordato G.D. Opisanie Vengrii. Vnutrennee ustroistvo, sel'skokho zyaistvennaya zhizn', trgovlya, promyshlennost', naselenie, yazyk i religiya. Paris: Union, 1916. 255 p.]
- Перени И. Из истории закарпатских украинцев (1849–1914). Будапешт: Akademiai Klado, 1957. 160 с. [Pereni I. Izistorii zakarpatskikh ukraintsev (1849–1914). Budapest: Akademiai Klado, 1957. 160 p.]
- Печалов Е. Российские дворяне молдавского происхождения // Русин (Кишинев). 2006. №3. С. 35-37 [Pechalov E. Rossiiskii dvoryane moldavskogo proiskhozhdeniya // Rusin (Kishinev). 2006. No. 3. P. 35-37].
- Ратнер И.Д. Очерки истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М.: Наука, 1970. 222 с. [Ratner I.D. Ocherki istorii pangermanizma v Avstrii v kontse XIX v. M.: Nauka, 1970. 222 p.]
- Сиротин А. Народная школа у словаков. СПб.: Тип. И.Скорородова, 1903. 71 с. [Sirotin A. Narodnaya shkola u slovakov. St. Petersburg: I.Skorokhodov'sprinting office, 1903. 71 p.]
- Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 222 с. [Jasi O. Raspad Gabsburgskoj monarhii. Moscow: Tri kvadrata, 2011. 222 p.]

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета; igory5@yandex.ru

G.D. Mavrocordato: early 20th – century Hungary through the eyes of a Russian diplomat

In the early 20th century, Russia developed a significant interest to Austria-Hungary and, first, to the situation of Slavic nations in it. At the same time, negative attitude towards the domestic and foreign policy of Austria-Hungary dominated in Russia, and this interfered with its comprehensive study; Russians did not have a good grasp of affairs in the Hungarian half of the Habsburg Empire. The Russian Consulate General Secretary in Budapest G.D. Mavrocordato attempted to fill this vacuum and to present a multi-facet image of Hungary in reports to the Russian Embassy in Vienna and later in his book.

Keywords: Hungary, Consulate-General, Budapest, Slovaks, Serbs, diplomat, the national question, the Balkan Wars, foreign trade

Igor Kryuchkov, Dr.Sc. (History), Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Sciences and International Relationships of North Caucasus Federal University, igory5@yandex.ru

К. П. КУРЫЛЕВ, В. Г. ДЖАНГИРЯН, Д. В. СТАНИС

МАСОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. НА ПРИМЕРЕ А.И. КОНОВАЛОВА

В статье исследуется масонская деятельность предпринимателя и политика А.И. Коновалова (1875–1948). Особое внимание уделяется верификации факта его участия в масонстве, причинам вступления в ложу и характеру участия в ней. Сделан вывод, что, вступая в масонскую ложу Коновалов стремился создать единый антиправительственный блок. Масонство в России накануне Февральской революции позволяло на нейтральной платформе и в условиях конспирации координировать деятельность оппозиции. Но уход от морально-этических исканий в сторону политической борьбы обусловил непризнание российского масонства братствами в других странах.

Ключевые слова: *А.И. Коновалов, масонство, масонская ложа, либерализм, предпринимательство, революция*

А.И. Коновалов – предприниматель нового типа

Александр Иванович Коновалов родился 17 сентября 1875 года в Москве в семье хлопчатобумажного фабриканта. Семья Коноваловых была костромского происхождения и имела старообрядческие корни. Александр Иванович был представителем четвертого поколения династии предпринимателей. Вековые традиции старообрядчества, забота о ближнем, радение и ответственность за свое дело и за окружающих, острое чувство справедливости, стремление доказать окружающему миру свою полезность и особенность, – все это позволило А.И. Коновалову вполне осознанно определить свое отношение к существующим в стране порядкам и найти свое место в общественно-политической жизни России. Обучение за рубежом, раннее начало трудовой деятельности, воздействие среды – все эти факторы оказали влияние на формирование личности А.И. Коновалова и привели его в либеральный лагерь.

Он был противником вмешательства государства в экономику, хотя признавал его регулирующую роль. «Обосновывая необходимость широкого привлечения иностранного капитала, он выступал против засилья иностранного производства. Осуждая монополии, А.И. Коновалов признавал возможность их введения в случае крайней необходимости. Критикуя стихийные выступления рабочих, он предлагал меры, направленные на их предупреждение и выступал за право рабочих на забастовки, но под контролем рабочих организаций, которые необходимо было создать. Осознавая недостатки общины, А.И. Коновалов осуждал попытки ее насильственной ликвидации»¹. В общественно-политической сфере Ко-

¹ Курылев 2004. С. 69.

новалов был сторонником конституционной монархии с широким национальным представительством, выступал за неприкосновенность личности и собственности, за предоставление широких гражданских прав и политических свобод населению России. Он полагал, что главная причина отсталости России заключается в отсутствии в ней политических прав и свобод. «Будучи сторонником сохранения единой и неделимой Российской империи, он противостоял шовинистическим взглядам реакционеров, осуждал насильственные методы разрешения национального вопроса, ратовал за сохранение и развитие культурных особенностей народов, входящих в состав Российского государства»².

Взгляды Коновалова можно охарактеризовать как национально-либеральные, он стремился соединить опыт европейского либерализма с достижениями прогрессивной российской общественной мысли, найти средства адаптации либеральных ценностей к отечественным условиям.

Послужной список А.И. Коновалова свидетельствует о кипучей активности: в 1905–1908 гг. он – председатель Костромского комитета торговли и мануфактур; с 1906 г. – член Совета Съездов представителей промышленности и торговли; с этого же года старшина, а 1908–1911 гг. – товарищ председателя Московского биржевого комитета; в 1906–1911 гг. – член Московского отделения торговли и мануфактур; в 1908–1911 гг. – председатель Совета Российского Страхового Союза; в 1912 г. – один из учредителей и член Совета акционерного коммерческого банка Рябушинских; с 1908 г. – гласный Московской Городской думы; в 1905 г. становится одним из организаторов торгово-промышленной партии. В 1912 г. А.И. Коновалов участвует в создании и входит в Центральный Комитет партии прогрессистов. Тогда же он баллотируется в Государственную думу IV-го созыва от этой партии, где становится одним из лидеров процесса объединения оппозиции правящему режиму, и организатором «Прогрессивного блока». С февраля 1917 г. он занимает пост министра торговли и промышленности во Временном правительстве³.

Однако при столь богатой биографии, его личность лишь фрагментарно затрагивалась в работах по предпринимательству и политической деятельности русской буржуазии накануне и после Февраля 1917 г., а масонская деятельность не стала предметом для изучения историками.

Масонство в России

Отношение к масонству характеризуется прямо противоположными оценками. Кто-то восхищается «королевским искусством», а кто-то приписывает масонам участие в политических интригах, заговорах, владении тайными знаниями и даже управлении миром. Столь разные взгляды на масонство определяются тем, что оно всегда было окутано

² Там же. С. 80.

³ См.: Курьлев 2010. С. 67–68.

атмосферой тайны. Хотя относить его к тайным обществам было бы ошибочным. В большинстве стран мира вполне можно отыскать масонский храм, не говоря уже о том, что сегодня масонские организации представляют информацию о себе в Интернет и социальных сетях. Масонство это не тайное, а закрытое от непосвященных общество.

Определений масонству дано множество. Великий Мастер Великой Ложи Австрии А. Гизе называл масонство, «союзом свободных мужчин с хорошей репутацией»⁴. Есть и такие определения: «Масонство – это историческое, культурное и духовное явление невероятной сложности, хотя его основополагающие принципы могут быть поняты многими. Это изумительная по красоте система нравственности, завуалированная аллегорией и иллюстрируемая символами»⁵. Существуют и более конкретные определения: «Масонство представляет собой философско-этическое и социально-психологическое объединение, базирующееся на совокупности символических принципов, будучи средоточием особого рода ассоциаций без единого центра. Его братства принадлежат к федерациям или послушаниям с собственными уставами и регламентами, ставя целью постепенное создание на планете совершенного общества посредством морального воспитания адептов в духе свободы, равенства, братства, солидарности»⁶. А есть и такие определения: «Масонство – тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудейского учения об избранном народе»⁷.

Напомним, что современное масонство зародилось в XVIII в. Официально принято считать, что 24 июня 1717 г. четыре лондонские ложи – ложа таверны «Виноградной кисти» в Вестминстере, ложа таверны «Яблоноя» на Чарльз-стрит, ложа «Гусь и противень» при церкви Святого Павла и ложа пивной «Корона» на Друри-стрит решили объединиться и образовать Великую ложу Лондона. С 1738 г. она «стала именоваться Великой Ложей Англии. Именно от нее пошло распространение на европейский континент и по всему миру английской системы масонства»⁸.

В источниках не осталось свидетельств, подтверждающих деятельность масонских структур в России в начале XVIII в., но в мировом масонстве принято ссылаться на передаваемые из поколения в поколение устные свидетельства, согласно которым Петр Первый был посвящен в масонство во время пребывания за рубежом в составе Великого Посольства⁹. Если курс Александра I на проведение либеральных реформ в первый период его правления способствовал возрождению масонства в Рос-

⁴ Гизе 2006. С. 5.

⁵ Морамарко 1990. С. 22–23.

⁶ Соловьев 2001. С. 268.

⁷ Платонов 2011. С. 8.

⁸ Карпачев 2008. С. 33–35.

⁹ Богданов, Белявский 2015. С. 258.

сии, то уже 1 августа 1822 г. вышел рескрипт императора о запрещении масонских лож и других тайных обществ в России»¹⁰. Последующий интерес к масонству уже в начале XX в. был, согласно В.И. Старцеву, подготовлен несколькими факторами, в т.ч. общественным подъемом после реформ 1861–1864 гг. «Во-вторых, деятельность первых народнических групп и партий показывает, что они использовали организационный опыт масонских обществ (особенно Италии) в отношении дисциплины, строгой централизации, конспирации и прочего. Наконец, изменение внутренней политики во второй половине царствования Александра II и его колебания вызвали раздражение и недовольство в либеральной части общества. Оно усилилось после того, как император Александр III в апреле 1881 г. открыто встал под знамена политической реакции»¹¹.

Первая русская революция активизировала процесс возвращения масонов в Россию. Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший право собраний и союзов, открыл перед русскими масонами перспективу восстановления своего ордена. «Первым работы по возрождению масонства в России начал М.М. Ковалевский. 11 января 1906 г. он обратился в Совет Ордена Великого Востока Франции с просьбой делегировать представителей для открытия ложи в Москве или Санкт-Петербурге». 15 ноября 1906 г. под юрисдикцией Великого Востока Франции в Москве была образована ложа «Возрождение». Позднее в Петербурге была создана временная ложа «Полярная звезда». В мае 1908 г. они были инсталлированы при участии высокопоставленных представителей Великого Востока Франции. Почему же Ковалевский, масон Великой Ложи Франции обратился за помощью к Великому Востоку Франции? А.И. Серков связывает это со сложным положением Великой Ложи Франции в этот период и сосредоточением ее деятельности на масонской работе в пределах Франции, а также с внутривосточной ситуацией в России: «из соображений конспирации открыть ложи с французским ритуалом было легче (обрядность в них была упрощена); кроме того, вопросы нового социального устройства больше занимали умы интеллигенции в России, чем посвятельная работа. В этом отношении установка Великого Востока Франции на активное участие в политической жизни страны была, несомненно, близка новому поколению русских масонов»¹².

Конечно, масоны из окружения М.М. Ковалевского «преследовали политические цели. Но главным для них была культурная работа, деятельность по привитию в России элементов западной культуры, включая масонство. Они пытались использовать этот феномен для развития российского просвещения. Поэтому у масонов Ковалевского нравственная и культурная составляющие масонства превалировали над чисто полити-

¹⁰ Карпачев 2008. С. 366.

¹¹ Старцев 2004. С. 36–37.

¹² Серков 2009. С. 142–143.

ческой». Однако привлечение в восстановленные в России ложи людей, которые, не прошедших школу западноевропейского масонства, привело к тому, что среди принятых оказалось много деятелей политических партий. Как отмечает С.П. Карпачев, «в конце концов “новые” масоны взяли верх над “старыми”. Стремясь освободиться от ненадежных с точки зрения конспирации и политической борьбы “болтунов”, молодые политики, ведущую роль среди которых играл Н.В. Некрасов, осуществили маневр по переводу отечественного масонства на чисто политические рельсы. В феврале 1910 г. был собран конвент российского масонства, на котором «политики» предложили “усыпить”, то есть прекратить, действие лож, мотивируя это слежкой полиции, разоблачениями прессы, опасностью репрессий... и т.д. Но уже в 1911 г. масоны “новой волны” во главе с Н.В. Некрасовым возобновили деятельность лож без “французских” масонов М.М. Ковалевского. При этом связи с материнской ложей Великим Востоком Франции оказались прерванными»¹³.

По мнению В.И. Старцева, именно последствия «внутренней политики в России привели к тому, что в возрождавшееся масонство потянулись не консервативные и благонадежные элементы, связанные с властью, а либерально настроенные дворянские и разночинные интеллигенты, недовольные политикой правительства»¹⁴.

Участие А. И. Коновалова в политическом масонстве

Одним из масонов «новой волны» был и А.И. Коновалов.

Изучению истории политического масонства в России начала XX в. препятствует скудость и фрагментарность источниковой базы отражающей деятельность лож, что объясняется жесткой конспирацией, царившей в их среде. Если политические партии и движения, существовавшие в самодержавной России, скрывали от внешнего мира ряд сторон своей внутренней жизни, прежде всего – персональный состав, но стремились открыто заявлять о политических целях и вести активную пропаганду, то масоны облекали тайной сам факт своего существования. Даже в эмиграции они продолжали молчать. По свидетельству Б.И. Николаевского, «историк, который берется теперь за эту тему, принужден работать, не имея абсолютно никаких доступных ему источников: не известны ни документальные данные об этой организации, ни мемуары ее деятелей, ни даже элементарная газетная информация»¹⁵. Близкую позицию занимала и Н.Н. Берберова, по словам которой «...историки не располагают нужными им масонскими материалами не потому, что они засекречены, а потому, что их нет. Масоны не вели масонских дневников и не писали масонских воспоминаний. Они соблюдали клятву молчания». Те же ма-

¹³ Карпачев С. 368-369.

¹⁴ Старцев 2004. С. 36-37.

¹⁵ Николаевский 1990. С. 3-5.

териалы, которые имелись, были, по ее словам, «уничтожены во время красного террора и гражданской войны...»¹⁶. И все же, накопилась некоторая информация, отразившая участие отдельных представителей русской оппозиции, в т.ч. и А.И. Коновалова, в масонской ложе.

Сам Коновалов не подтверждал и не опровергал участия в этой организации. Интересна беседа, состоявшаяся между ним и Берберовой летом 1936 г. в Париже. По свидетельству Берберовой, после ее просьбы рассказать «о роли масонства в России, в Государственной думе, во время великой войны», Коновалов, «неподвижно и долго смотрел на меня. – Если вы мне ничего не расскажете, я Василия Алексеевича спрошу (Маклакова – *авт.*). Он мне все расскажет», – сказала я в шутку, но Коновалов не улыбнулся. – Нет, – сказал он медленно, – Василий Алексеевич ничего вам не расскажет, и я ничего не скажу. – Тогда напишите и заройте на сто лет. – И этого я не сделаю»¹⁷. По словам Николаевского, «Гучков масоном не был, центральными фигурами были Керенский, Некрасов, Чхеидзе, Терещенко, Коновалов...», а меньшевик Н.В. Вольский отмечал: «Кускова, несомненно, по масонской линии была в тесной связи с Керенским и Коноваловым»¹⁸. Согласно меньшевику Г.Я. Аронсону, в состав масонской ложи, носившей название «Великий Восток народов России», входили «Львов, Керенский, Некрасов, Чхеидзе, Маклаков, великий князь Николай Михайлович, Коновалов, Терещенко»¹⁹. Энэс Я.Г. Фрумкин в письме к Керенскому также подтверждал масонство Коновалова: «Не секрет больше, что масонами были не только Вы, но и Некрасов, Коновалов и мн. другие»²⁰. Наконец, на членство Коновалова в масонской ложе указывал и социал-демократ А.Я. Гальперн, по его словам, «в думскую ложу входили депутаты: Ефремов, Коновалов, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев и другие»²¹. Это позволяет сделать вывод, что Коновалов действительно состоял членом масонской «тройки», а позднее «пятерки», которая действовала в составе думской ложи, входившей в «Великий Восток народов России». Примерную дату вступления Коновалова в ложу можно установить по словам С.П. Мельгунова: «основное ядро масонства составила тройка А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко. Эта тройка превратилась в пятерку в 1916 г., когда к ней присоединяются А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов»²².

По словам Берберовой, «“тройка” или “Триумвират”»: Керенский, Терещенко, Некрасов, – как его иногда расшифровывают – Терещенко, Некрасов, Коновалов (вокруг Керенского), показывает с несомненностью, что членом

¹⁶ Берберова 1997. С. 334–335.

¹⁷ Берберова 1996. С. 360–361.

¹⁸ Берберова 1997. С. 255, 260.

¹⁹ Аронсон 1959. С. 17.

²⁰ Берберова 1997. С. 287.

²¹ Николаевский 1990. С. 53.

²² Мельгунов 1979. С. 180–187.

тайного общества объединяло нечто более сильное и прочное, чем профессия, политическая партия или родство. Что, действительно, было общего между Керенским, профессиональным юристом и политиком, членом трудовой партии, и баловнем судьбы Терещенко, балетоманом, молодым купеческим сыном, который сегодня – издатель модных журналов, завтра – балетный критик, послезавтра – министр иностранных дел великой державы? Или между инженером-путейцем, автором отречения великого князя Михаила Александровича от трона Некрасовым, «попавшим в сети демократии, ищущего связи с ней, хоть он и не социалист» и председателем Военно-промышленного комитета, миллионером-текстильщиком Коноваловым, который на Московской бирже, в банках, на своих фабриках (где, как говорили тогда, он выстроил для рабочих больницу), чувствует себя как дома, а вот в министерском кресле, после нескольких месяцев, - все еще в гостях? И где найти таких других четырех людей, которых объединяло бы что-то, о чем они не могли сказать даже близким, и что держало их крепче, чем полковая служба, спортивная команда, родство по крови»²³.

Действительно, состав пятерки вызывает недоумение, ибо в нее вошли абсолютно разные по происхождению, образованию, жизненным и профессиональным интересам, по политическим пристрастиям люди.

Схожие характеристики союза этих столь разных личностей дал П.Н. Милуков. Он отметил в своих «Воспоминаниях»:

«...хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским, Некрасовым и двумя неназванными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли: но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике оба последние министра – новички, и их появление в этой среде вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен как меломан в петербургских кругах; другой «министр-капиталист», почти профессиональный пианист, ученик Зауэра. Но он в момент крайней опасности для Керенского, вдруг оказывается в третьей коалиции на посту его заместителя, отнюдь не имея для этого поста ни личных, ни политических данных. Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу. Если я не говорю о нем здесь яснее, то это потому что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника значительно позднее существования Временного правительства»²⁴.

Таким образом, Милуков, не сказав открыто о «масонской связи», полностью подтвердил ее существование. Как и Берберову, его поразила внешняя несовместимость членов «пятерки», и он пришел к выводу, что имела некая сила, связывающая этих людей, благодаря которой они сотрудничали, невзирая на различия во взглядах и положении.

²³ Берберова 1997. С. 55–56.

²⁴ Милуков 1990. С. 332–333.

По данным Г.Я. Аронсона, в организацию «Великий Восток народов России», входили «Львов, Керенский, Некрасов, Чхеидзе, Маклаков, великий князь Николай Михайлович, Коновалов, Терещенко». Он подчеркивал, что, несмотря на пестроту «...имен из списка масонской элиты, которые на первый взгляд кажутся совершенно не укладывающимися в одну организацию», на то, что в ней «так неожиданно сочетаются социалисты всех мастей с миллионерами, представители радикальной и либеральной оппозиции с лицами, занимавшими видные посты на бюрократической лестнице», на деле они все были «тесно связаны между собой на политическом поприще»²⁵.

Ложа «Великий Восток народов России» объединяла несколько других масонских лож: думскую, военную, литературную и т.д. Думская группа заботилась о сглаживании конфликтов и противоречий между фракциями в Государственной думе и обеспечивала их совместные выступления. В думскую ложу «Роза» входили А.М. Колюбакин, В.А. Виноградов, Н.В. Некрасов, Ф.Ф. Кокошкин, А.И. Шингарев, Н.С. Чхеидзе, И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский. Число членов не ограничивалось. Общее руководство осуществляли секретари Верховного Совета (до лета 1912 г. и в 1915 г. Некрасов, в 1912–1914 гг. – Колюбакин, в 1915–1916 гг. – Керенский, с лета 1916 г. – А.Я. Гальперн, с декабря 1918 г. – С.А. Балавинский, с лета 1919 г. – И.П. Демидов)²⁶.

Находясь под надзором полиции, ложи не имели архивов, письменных приглашений на собрания, не вели протоколов. Состав ложи не превышал 14 человек, которые не знали членов других лож.

Цели и задачи масонской организации Великий Восток Народов России, созданной в 1911 г. на основе лож Великого Востока Франции в России («Полярная Звезда» и «Возрождение»), изложены в ее «Уставе» 1912 г. Они сводились к «созданию связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена», предполагая то, что «братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина». Иными словами, масоны ставили перед собой цели, которые на протяжении многих лет являлись основой программы многих либеральных партий России.

Посвященные приносили клятву: «Обещаю любить братьев моих масонов. Защищать их от опасности, хотя бы жизни моей грозила бы смерть. Обещаю хранить существование братства, хотя бы я был спрошен об этом на суде, не раскрывать ничего, что я узнаю, как брат. Обещаю исполнять постановления ложи и высших масонских властей»²⁷. Содержание клятвы во многом объясняет причину скудости информации о деятельности масонов в России. Кроме того, согласно клятве, члены думской

²⁵ Аронсон 1959. С. 17.

²⁶ Серков 2000. Т. 3. С. 507.

²⁷ Старцев 1990. С. 139–155.

ложи должны были выполнять решения масонского Верховного Совета, что ставило его выше партийной организации.

Подчеркнем, что действия «Великого Востока Народов России» были направлены на достижение компромисса между буржуазными, мелкобуржуазными и буржуазно-помещичьими партиями. По словам депутата государственной думы, кадет и масона Л. Велихова, он «вступил в так называемое “масонское объединение”, куда входили представители от левых прогрессистов, левых кадетов, трудовиков, социал-демократов (меньшевиков), и которое ставило своей целью создать блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия»²⁸.

Представители партий и движений, входившие в масонскую организацию в Думе, были объединены оппозиционным отношением к правящему режиму и стремлением достичь политической свободы. Масонская ложа играла роль координатора действий политических сил, не позволяющего «разногласиям подорвать нашу солидарность»²⁹. Масонство было универсальным средством, которое помогало либеральной оппозиции преодолевать внутренние противоречия, способствовало ее сплочению если не на политической платформе, то на основе развития тесных личных связей, эмоциональной близости, окутанной некоей тайной.

Вхождение самого А.И. Коновалова в масонскую ложу определялось рядом факторов. «Братья» были заинтересованы в нем, как крупнейшем финансисте, который мог, пользуясь авторитетом в торгово-промышленной среде, привлечь в ложу других крупных российских предпринимателей, а вместе с ними и огромные средства для осуществления генеральной идеи – свержения самодержавия. По свидетельству Г.Я. Аронсона, «функции в пятерке распределялись следующим образом: Некрасов держал связь с либеральными кругами, земцами и членами Государственной Думы; Керенский обрабатывал радикалов и социалистов всех мастей; Терещенко вел работу среди военных. Если прибавить к ним Коновалова и Ефремова, влиятельных в торгово-промышленных кругах, то мы получим, что все ниши возможных перемен в политическом режиме России, во всяком случае, по масонской линии, были сосредоточены в руках пятерки»³⁰.

Вступление А.И. Коновалова в ложу было вызвано и его стремлением создать оппозиционный антиправительственный блок. В открытой политической деятельности мешали партийные разногласия, приведшие к срыву ряда предпринятых им попыток. В масонстве он видел инструмент, с помощью которого можно было сплотить людей разных политических убеждений. Задачи ложи были «во многом, аналогичными зада-

²⁸ Замойский 1990. С. 96.

²⁹ Керенский 1993. С. 29–33.

³⁰ Аронсон 1959. С. 17.

чам «Прогрессивного блока» 1915–1917 гг. только с левым уклоном: без октябристов, но с трудовиками и социал-демократами: в ней Совет пытался создать объединение левой оппозиции». Гальперн также отмечал, что последнее собрание Великого Востока Народов России перед революцией, назначенное на воскресенье 26 февраля, «должно было состояться на квартире Коновалова, на Фурштатской»³¹, т.е. именно резиденция Коновалова стала местом проведения оппозиционных совещаний, здесь закладывались основы будущего Временного правительства.

Постепенно в масонской среде зрели заговорщицкие настроения, а в организацию вовлекались люди, которые могли бы принять участие в свержении самодержавия. По словам князя Т.И. Полнера, «вопрос об отстранении царя и царицы возникали не раз в течение войны. Г.Е. Львов на совещаниях земских и городских деятелей, среди которых были А.И. Коновалов, В.А. Федоров, Н.И. Астров, М.В. Челноков, С.А. Смирнов, Н.М. Кишкин и другие, неоднократно, исходя из политических побуждений, восклицал: “С таким царем немцев не победить”»³². Таким образом, среди оппозиционеров все большее распространение получила идея отстранения от власти царя, на которого возлагалась вся ответственность за неудачи на фронте и кризисное положение экономики.

Недовольство проникало и в армию, подталкивая офицеров к связям с масонами, а те пытались укрепиться за счет привлечения военных. Есть сведения, что генералы М.В. Алексеев, А.М. Крымов и некоторые другие были членами военной масонской ложи³³. По свидетельству М. Лемке, «между Гучковым, Крымовым, Коноваловым, Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кто-то»³⁴. О связях между масонами и представителями высшего командования писал и великий князь Александр Михайлович: «Генерал Алексеев связал себя с заговорами (вместе с ген. Рузским и Брусиловым), с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (кн. Львов), Красного Креста (Гучков), Военно-промышленного комитета (Коновалов), и другие. Все генералы хотели, чтобы Николай II немедленно отрекся от престола. Это были генералы-изменники»³⁵.

Сложившаяся ситуация привела к вызреванию заговора. В феврале 1917 г. самодержавие было свергнуто. Но был ли заговор организован масонами? На этот счет нет единого мнения. По словам Н.Н. Берберовой, «при помощи и непосредственном участии лож было создано Временное правительство. В его первый состав «входили 10 «братьев» и 1 «профан»,

³¹ Николаевский 1990. С. 53–54.

³² Полнер 1932. С. 44.

³³ Берберова 1997. С. 44–45. По другим данным с ними начали искать контакты только в преддверии февральских событий. – Аврех 1990. С. 147.

³⁴ Селянинов 1988. С. 48.

³⁵ Романов 1991. С. 286.

который многое понимал и о многом догадывался (П.Н. Милюков – *авт.*)»³⁶. Однако, это не подтверждается фактами. Действительно, в правительство вошли четверо из думской масонской «пятерки» (А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко). Известна и принадлежность к масонству А.И. Шингарева. Информация о масонстве И.В. Годнева, А.А. Мануйлова, В.Н. Львова отсутствует. Достоверно известно, что князь Г.Е. Львов и П.Н. Милюков не были масонами. Сведения о масонстве А.И. Гучкова противоречивы³⁷.

Иначе оценивал цели масонов А.Я. Гальперн: «Политического заговора, как сознательно поставленной цели, в программе нашей работы не было, и если бы кто-либо попытался в задачи организации такой заговор ввести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись, – например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку проводили осторожно и закрепить её в качестве официальной точки зрения организации не стремились»³⁸. Гальперн также отмечал, что «после революции собраний Верховного Совета как таковых не было. Но группа руководящих деятелей Верховного Совета – Керенский, Коновалов, Некрасов, Карташев, Соколов, все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении, но говорить о нашем сознательном воздействии на формирование правительства нельзя: мы все были слишком растеряны и сознательно задачи сделать состав Временного правительства более левым, во всяком случае, не ставили»³⁹. Гальперн минимизирует роль масонов в создании и деятельности Временного правительства. С лета 1916 по декабрь 1918 г. он являлся секретарем Верховного Совета Великого Востока Народов России, вот почему его точка зрения представляется убедительной и обоснованной. По мнению А.И. Серкова, «утверждение о направляющей роли масонов во Временном правительстве, не соответствует действительности, так как виднейшие его члены Г.Е. Львов, Н.И. Астров, П.Н. Милюков, М.В. Родзянко были враждебно настроены по отношению к политическому масонству»⁴⁰.

Таким образом, подтверждается участие А.И. Коновалова в масонской организации. Его вступление в масонскую ложу объясняется стремлением создать единый оппозиционный антиправительственный блок. Возможно, его привлекало и то, что в составе масонских лож оказались многие лучшие люди России, переживавшие за судьбу страны и пытавшиеся принять участие в разрешении кризиса. Политические лидеры оп-

³⁶ Полнер 1932. С. 91.

³⁷ Аврех 1990. С. 154-159.

³⁸ Николаевский 1990. С. 62–63.

³⁹ Там же. С. 57.

⁴⁰ Серков 2000. Т. 3. С. 507.

позиции в Думе обратились к масонской организации, как единственному на тот момент надклассовому и надпартийному органу, способному сплотить все антиправительственные силы и создать единую оппозицию, готовую взять на себя ответственность за будущее страны. Не последняя роль здесь была отведена А.И. Коновалову, имевшему опыт в деле объединения партий и движений различного политического толка. Масонов привлекали и деловые контакты Коновалова. Привлечение в ложу предпринимателей способствовало бы не только притоку капиталов в кассу масонов, но и распространению их влияния на финансы и промышленность России. Многие промышленники, видимо, не хотели открыто участвовать в политике, и Коновалов обеспечивал связь этих людей с оппозиционными силами. Как указывает А.И. Серков, ««Великий Восток народов России» не создавался как надпартийная политическая организация. Однако вольные каменщики активно участвовали во всех попытках организовать надпартийный союз оппозиции: в формировании политических партий в 1905 г., во встречах 1906–1908 гг. в связи с деятельностью правительственных провокаторов, в работе “информационного” комитета весны 1914 г. и попытках оказать давление на правительство, в создании Прогрессивного блока в июле-августе 1915 г., а затем в формировании новых партий после февраля 1917 г. Таким образом, постепенно удаляясь от чисто масонских задач, русская организация вольных каменщиков к 1915–1916 гг. приобрела характер политического объединения»⁴¹.

Следует заметить, что сам А. И. Коновалов стал членом ложи тогда, когда обрядовая сторона масонства практически ушла в прошлое. Более того, масонская организация «Великий Восток Народов России» представляла скорее парамасонскую организацию. Основным видом ее деятельности была общественно-политическая работа, произошла отмена системы степеней (остались лишь ученик и мастер), факт принятия в состав ложи женщин – все это обусловило непризнание ее иностранными братствами. По мнению С.П. Карпачева, «нарушение масонских правил, прекращение связи с Великим Востоком и другими Орденами, безусловно, означает, что “политическое” масонство собственно масонством не являлось. Не зря французские масонские Ордена без проблем принимали в свой состав членов «Полярной Звезды» и «Возрождения», прошедших инициацию по правилам королевского искусства, и отказывались признавать братьями деятелей организации Некрасова – Керенского. Не получило это масонство развития и в, казалось бы, наиболее благоприятных для себя условиях, после Февральской революции. Во всяком случае, сегодня нет документов, свидетельствующих о деятельности лож в период с февраля по октябрь 1917 г.»⁴².

⁴¹ Серков 2009. С. 179.

⁴² Карпачев 2008. С. 369.

Русское масонство 1910-х гг. было своеобразным политическим клубом, объединявшим людей с разными взглядами. В масонской ложе все были братьями, и никто не имел права подвергать критике политические убеждения других. Более того, ложа брала на себя функции координационного политического центра, где представители различных партий и общественных движений обсуждали ситуацию в стране и согласовывали планы своих действий. Вместе с тем говорить о масонском заговоре вряд ли правомерно. В России вспыхнула стихийная революция, в которой различные организации, в т.ч. и масонские, пытались не только найти свое место, но и оказывать влияние на ход событий.

Масоны представляли собой наиболее политически активную, сплоченную и законспирированную часть оппозиции, что вызывало настороженность других политических сил. Последующее же участие ряда членов масонской ложи во Временном правительстве дало повод для упреков в их адрес со стороны правых сил в подготовке политического заговора и осуществлении государственного переворота. С другой стороны, во многом именно боязнь подобного рода критики заставила российских масонов хранить молчание даже после эмиграции из России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аронсон Г.Я. Масоны в русской политике. Новое русское слово, 8–12 октября, 1959.
- Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: Сoglасие, 1996. 736 с.
- Берберова Н.Н. Люди и ложи. Харьков-Москва, «Прогресс-Традиция», 1997. 400 с.
- Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993. 384 с.
- Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М.: Terra, 1990. 208 с.
- Романов А.М. Книга воспоминаний. М.: Вече, 2008. 320 с.
- Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 350 с. [Avrekh A.Ya. Masony i revolyutsiya. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1990. 350 s.]
- Богданов А.В., Белявский В.С. Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII–XVIII вв. Взгляд посвященных. М.: ИЦ «Москвоведение», 2015. 448 с. [Bogdanov A.V., Belyavskiy V.S. Proiskhozhdeniye Ordena vol'nykh kamenshchikov. Masonstvo v XVII–XVIII vv. Vzglyad posvyashchennykh. M.: «Moskvovedeniye», 2015. 448 s.]
- Гизе А. Вольные каменщики. М.: Изд-во Жигульского, 2006. 128 с. [Gize A. Vol'nyye kamenshchiki. M.: Izd-vo ZHigul'skogo, 2006. 128 s.]
- Замойский Л.П. За фасадом масонского храма. М.: Изд. полит. литературы, 1990. 288 с. [Zamoyskiy L.P. Za fasadom masonskogo khrama. M.: Izd. politicheskoy literatury, 1990. 288 s.]
- Карпачев С.П. Масоны. Великое искусство каменщиков. М.: АСТ: Олимп, 2008. 634 с. [Karpachev S.P. Masony. Velikoye iskusstvo kamenshchikov. M.: AST: Olimp, 2008. 634 s.]
- Курьлев К.П. А.И. Коновалов. Большая Российская энциклопедия. Т. 15. 2010. С. 67–68 [Kurylev K.P. A.I. Kononov. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. T. 15. 2010. S. 67–68.]
- Курьлев К.П. Политический портрет А.И. Коновалова. Видное: «Вымпел», 2004. 225 с. [Kurylev K.P. Politicheskii portret A.I. Kononov. Vidnoye: «Vympel», 2004. 225 s.]
- Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М.: Бородино-Е, 2000. 256 с. [Mel'gunov S.P. Na putyakh k dvortsovomu perevorotu. M.: Borodino-E, 2000. 256 s.]
- Милоков П.Н. Воспоминания 1859–1917. Т. 2. М.: Современник, 1990. 440 с. [Milyukov P.N. Vospominaniya 1859–1917. T. 2. M.: Sovremennik, 1990. 440 s.]
- Морамарко М. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990. 304 с. [Moramarko M. Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem. M.: Progress, 1990. 304 s.]
- Полнер Т.И. Жизненный путь князя Львова Г.Е. М.: Русский путь, 2001. 464 с. [Polner T.I. Zhiznennyy put' knyazy L'vova G.E. M.: Russkiy put', 2001. 464 s.]

- Платонов О.А. Массонский заговор в России. Труд по истории массонства. М.: Алгоритм, 2011. 1344 с. [Platonov O.A. Masonskiy zagovor v Rossii. Trud po istorii masonstva. M.: Algoritm, 2011. 1344 s.]
- Селянинов А. Тайная сила массонства. М.: Русский вестник, 1999. 350 с. [Selyaninov A. Taynaya sila masonstva. M.: Russkiy vestnik, 1999. 350 s.]
- Серков А.И. История русского массонства XX века. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2009. 264 с. Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva XX veka. V 3 t. T. 1. SPb.: Izd. N.I. Novikova, 2009. 264 s.]
- Серков А.И. Массонство // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 3. С. 507. [Serkov A.I. Masonstvo // Otechestvennaya istoriya: Istoriya Rossii s drevneyshikh времен do 1917 g. M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2000. T. 3. S. 507].
- Соловьев О.Ф. Массонство. М.: Аграф, 2001. 432 с. С. 268 [Solov'yev O.F. Masonstvo. M.: Agraf, 2001. 432 s. S. 268].
- Старцев В.И. Русское политическое массонство. 1906-1918 гг. (Документы из архива Губерновского института войны, революции и мира). // История СССР, 1990, № 1. С. 139–155 [Startsev V.I. Russkoye politicheskoye masonstvo. 1906-1918 gg. (Dokumenty iz arkhiva Guverovskogo instituta voyny, revolyutsii i mira). // Istoriya SSSR, № 1, 1990. s. 139–155].
- Старцев В.И. Тайны русских массонов. Изд. 3-е, доп.. СПб.: Изд-во «Д.А.Р.К.», 2004. 320 с. [Stratsev V.I. Tayny russkikh masonov. Izdaniye tret'ye. Dopolnennoye. SPb.: Izdatel'stvo «D.A.R.K.», 2004. 320 s. S. 36–37].

Курьлев Константин Петрович, доктор исторических наук, доцент-исследователь кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; kuryljov@narod.ru

Джангирян Владимир Гургенович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ir@pfur.ru

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент-методист кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов; dariona@mail.ru

Masonic activities of the members of liberal opposition in the early 20th century Russia: the case of A.I. Konovalov

The article explores masonic activities of businessman and politician A.I. Konovalov (1875–1948). A good deal of attention is paid to the verification of the fact of his joining the Masons, reasons to join the lodge and the character of his participation. It has been concluded that when he joined the lodge, Konovalov's intention was to create a united block opposed to the government. At the eve of the February Revolution, Russian freemasonry provided a neutral platform for the secret coordination of the actions of the opposition. However, the rejection of moral and ethical questions in favour of political agenda led to the situation when Russian masons were not recognized by freemasons in other countries.

Keywords: A.I. Konovalov, freemasonry, the masonic lodge, liberalism, revolution.

Konstantin Kurylev, Dr.Sc. (History), the associate professor-researcher of Department of the theory and history of the international relations of the Russian Peoples' Friendship University; kuryljov@narod.ru

Vladimir Dzhangiryan, PhD (History), the associate professor, professor of Department of the theory and history of the international relations of the Russian Peoples' Friendship University; ir@pfur.ru

Darya Stanis, PhD (Economics), the associate professor-methodologist of Department of the public and municipal administration of the Russian Peoples' Friendship University; dariona@mail.ru

Ю. С. ОБИДИНА

ОБРАЗ ПЕРСЕФОНЫ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается миф о Персефоне в контексте социокультурных связей древнегреческого общества и общей теории мифологии, разработанной разными школами в рамках изучения феномена мифа. Образ Персефоны играл не только важнейшую роль в Элевсинских таинствах, олицетворяя отношение к смерти и надежду на будущее бессмертие, но и служил центральным звеном взаимосвязи микрокосмоса и макрокосмоса, мира людей и мира богов. Отмечается, что образ Персефоны «очеловечивал» отношения между богами, проецируя на них культурные ценности эпохи, такие как отношение к рождению и смерти, взаимоотношение между родителями и детьми, семейные ценности, установление социальных структур.

Ключевые слова: греческая мифология, мистические культы, Элевсинские мистерии, мировоззрение, миф, Персефона, Деметра

Исследование древнегреческой мифологии имеет устойчивую традицию. Несмотря на это, греческие мифы остаются неисчерпаемым источником, к которому обращаются все новые поколения исследователей, а образы и архетипы древних мифов не теряют своей актуальности в современном обществе. Между тем одна из проблем в изучении мифологии состоит в определении, в каком исследовательском поле данный объект находится. Миф можно рассматривать как историю или хронику событий прошлого¹. Миф может быть отнесен и к религиозным источникам, так как описывает атрибуты богов и отношения между ними. Миф также представляет собой и литературный источник². Перед историками, теологами, филологами, религиоведами долгое время стояла задача определить, какое исследовательское поле мифологического материала принадлежит именно им, но с применением междисциплинарных подходов стало понятно, что любой миф может одновременно быть объектом изучения многих научных дисциплин.

По утверждению Л.П. Репиной, «в поле современных исследований все чаще оказываются социально и культурные обусловленные стереотипы, обладающие значительной устойчивостью, иногда сохраняемой на протяжении многих столетий»³. И хотя сказано это было применительно к историческим мифам, данное высказывание имеет непосредственное

¹ Bremmer 1986. P. 215.

² Seltzer 1987. P. 164.

³ Репина 2011. С. 455.

отношение и к ряду древнегреческих мифов, суть и содержание которых составляет не только значимую часть социокультурной картины мира, но и формирует коллективную идентичность и играет важную роль в трансляции культурных ценностей. Существует и проблема триады «поэт–миф–слушатель»: миф всегда открыт для изменений⁴. Поэты, безусловно, руководствуются определенными принципами, в рамках которых они должны оставаться, тем не менее, они постоянно проигрывают миф для аудитории, изменяя и адаптируя миф в угоду слушателям⁵. Поэтому имеется множество версий каждого мифа. В этой связи возникает третья проблема – какая конкретно версия мифа была впоследствии записана⁶? Или, если версий несколько, то какая из них является оригинальной, а какие отражают изменения, которые с течением времени произошли в обществе и повлияли на миф больше, чем сами исторические события? Еще одна проблема – модернизация в результате обычной практики, наблюдаемой, например, у трагиков, которые свободно корректировали мифические сюжеты, чтобы осветить политические и социальные проблемы своего времени: так Эсхил поступает с Зевсом и Прометеем, а Софокл с Антигоной и Филоклетом⁷. Еще одну трудность создают типологические различия. Выделяются два основных типа греческих мифов: божественные мифы и героические. Первые имеют дело с происхождением и действиями богов, в то время как вторые повествуют о действиях людей. Часто боги играют эпизодическую роль в героических мифах, но основная часть действия отводится именно людям⁸.

Крупная проблема, с которой сталкивается исследователь мифологии, связана не столько с самим мифом, сколько с культурными различиями между обществом XXI в. и эпохой, в которую происходило мифотворчество: «Мышление о прошлом зависит от обязательного в данное время образа исторического порядка, образ же – от актуального образа культурного порядка. То есть возникает компромисс в стихийном диалоге между коллективной памятью, исторической традицией, историографией и живыми метафорами культуры»⁹. Согласно Э. Доддсу, культура древних греков была «культурой стыда», а это означает, что, люди в обществе рассматривали конкретных лиц и определяли их статус независимо от их целеполагания и опыта. Наша сегодняшняя культура – это «культура вины», следовательно, в ее рамках мы проеци-

⁴ Bremmer 1986.

⁵ Seltzer 1987. P. 167; Bremmer 1986. P. 4-6.

⁶ Греческая мифология известна в трех традициях: гомеровской, гесиодовской и орфической. Несмотря на существенные различия, все три мирно сосуществовали. Подробнее об этом см.: Селиванова 2003.

⁷ Kirk 1972. P. 77.

⁸ Seltzer 1987; Kirk 1972.

⁹ Вжосек 2012. С. 163.

руем видение себя на других людей¹⁰. Самоценностью в такой культуре является то, что имеет наибольшее значение; не важно, как другие видят нас, важно, как мы воспринимаем себя. Это тонкая, практически невидимая грань в различиях культур, но она имеет большое значение для понимания различий в древних и современных интерпретациях мифов.

Мифология выполняла много функций в греческом мире, в частности, «историческую» (сохранение происходящих событий в памяти), дидактическую, объясняющую, легитимирующую, развлекательную¹¹. В мифах можно найти попытки ответить на вопросы: «Каково наше происхождение? Откуда мы пришли?», «Что происходит, когда мы умираем?»¹². Ни один греческий миф не стоит особняком. Все они связаны между собой, и каждый приводит к другому мифу. Каждый греческий миф, в конечном счете, стоит в плотной цепи ассоциаций с любым другим мифом¹³. Мифы формируют в итоге социокультурное пространство древнегреческого общества. Пожалуй, самым репрезентативным из них является миф о Коре, также известной как Персефоне, и Деметре. Цель статьи – показать социокультурную направленность данного мифа в контексте остальных смысловых характеристик.

Основной источник истории Деметры и Персефоны – Гомеровский гимн, который исследователи относят к VI в. до н.э. Возможно, он был написан для одного из выступлений на седьмой день Элевсинского фестиваля. Возможно, этот гимн – текст для Иерофанта, который обращался к участникам Элевсинских таинств и показывал те священные места, на которые поэма содержит много ссылок. Части текста отсутствуют, и, вероятно, некоторые дополнения являются более поздними вставками.

Что же мы узнаем из этого мифа? На поверхностном уровне, Персефона является посредником между Деметрой и Аидом. Она олицетворяет красоту, невинность, цветущую природу, но она также становится царицей подземного мира. Она живет во тьме и свете. Ее имя означает «та, которая уничтожает свет» или «приносящая разрушения». Ее фигура, вероятно, сочетает в себе две формы божества: Гекато-подобную фигуру подземного мира и образ девы Коры, которая ассоциируется с невинностью и расцветом природных сил. Двойственность характера Персефоны связана с двумя этапами персонификации, которые одинаково важны.

Миф о Персефоне – один из древнейших греческих мифов. Ее история является олицетворением самых универсальных представлений о жизни и смерти. В молодости, Персефона представляет собой мощную связь между матерью и дочерью и зачастую этап трудного перехода от детства к взрослой жизни. Как Богиня возрождения природы и перерож-

¹⁰ Dodds 1964. P. 28-50.

¹¹ Seltzer 1987. P. 179-180; Kirk 1972. P. 75; Nilsson 1932. P. 122-123.

¹² Caldwell 1993. P. 13.

¹³ Bremmer 1986. P. 6.

дения, она связана с циклами земли, которая лежит бесплодной в ее отсутствие и зацветает снова каждую весну с ее возвращением. Опыт пребывания в царстве мертвых дает настолько мощный импульс, что меняет ее жизнь навсегда – после пребывания в царстве Аида, Персефона все в большей степени играет роль богини подземного царства. В качестве царицы подземного мира Персефона часто изображается как сила, которой следует опасаться. В «Илиаде» Гомера она описана как «мрачная Персефона». В «Одиссее» она названа «ужасшающей Персефой», которая вызывает недоверие смертных¹⁴. Богиня получает подобную характеристику и в «Теогонии» Гесиода (ок. 700 г. до н.э.), где она описана как «ужасная Персефона», которая всегда на стороне «могучего Аида»¹⁵.

Однако ни одно из этих классических произведений не упоминает о жизни Персефоны, которую она вела, прежде чем стать царицей мертвых, или сияющей красавицей, привлечшей Аида настолько, что он захотел сделать ее своей женой. Между тем, гомеровский гимн к Деметре наделяет Персефону такими эпитетами, как сияющая, благородная, и вдумчивая, а Еврипид описывает ее: «Персефона, белокурая молодая богиня преисподней», а также упоминает двойственность ее природы и в отношении с матерью, когда он обращается к ней, как «богиня с двукратным именем, Персефона и доброжелательная богиня Деметра»¹⁶.

Двойственность – основная черта образа Персефоны. В ее молодые годы она часто называется Корой, олицетворяющей зерно, но как только она становится женой Аида, то в основном ее называют Персефой. Она также играет роль в качестве зимней Богини подземного царства, которая циклически изменяется в весеннюю Богиню земного царства, что является двумя очень разными персонификациями одного и того же божества. Ее двойственность также просматривается в роли женского аналога ее мужа, Аида, либо ее матери, Деметры. Одна из ее ипостасей (дочь и мать) проявляется как жизнь; другая (молодая девушка с мужем), как смерть¹⁷. Способность интегрировать все эти аспекты своей дуалистической жизни, как жены и дочери, невинности и мудрости, смерти и возрождения – и есть то, что делает Персефону такой значительной богиней.

Классической интерпретацией мифа о Персефоне является ее роль в установлении земледелия и организации Элевсинских мистерий¹⁸. Другие интерпретации мифа делают акцент на Персефоне как триаде, мощном женском архетипе, где дева, мать и жена рассматриваются как одно целое. В то время как три части этой троицы иногда рассматриваются как Деметра, Кора и Персефона, многие современные авторы сосредото-

¹⁴ Гомер. Одиссея. XI, 213-215.

¹⁵ Гесиод. Теогония, 768.

¹⁶ Еврипид. Орест, 960; Финикиянки, 680.

¹⁷ Kerényi 1969. P. 107.

¹⁸ Селиванова 2003. С. 74-80; Kerényi 1969; Новосадский 1887; Обидина 2007 и др.

чивают свое внимание на отношениях Деметры и Персефоны с богиней Гекатой. В Гимне Деметре, Геката является единственной, кроме бога солнца Гелиоса, кто услышал крики Персефоны во время ее похищения Аидом. Когда Персефона возвращается из подземного царства, Геката клянется служить ей в качестве «главного служителя».

Патрисия Монахан считает, что «греческий мир был разделен на три части: Геката правила небесным миром, Деметра управляла поверхностью земли, а Персефона правила миром загробной жизни»¹⁹. Такой трактовке мифа можно найти объяснение в дохристианских представлениях европейских народов. Во многих культурах поклонялись Великой богине в тройной ипостаси: дева, мать, старуха. Эта тройная ипостась богини выступает как метафора, либо культурный символ, с помощью которого святое отделяется от профанного в определенный исторический период. С одной стороны, это почитание женщины в период трех биологических жизненных этапов: молодой незамужней женщины, замужней женщины – матери и старухи, которые также сопоставляются с природными фазами²⁰. Это хорошо коррелируется с ролью Персефоны как богини тьмы и света – процесс зарождения новой жизни и рождения ребенка можно было символически трактовать как спуск в подземное царство и возвращение к свету, в мир живых. Возможно, и существуют некие указания, что Персефона рискнула спуститься в царство Аида самостоятельно, большинство версий все же изображают «Похищение Персефоны» в качестве центральной части ее мифа. Самое раннее известное художественное изображение ее мифа – роспись чаши для вина, относящейся к середине минойского периода (незадолго до 2000 г. до н.э.), которая показывает исчезновение Коры в пропасти земли рядом с «цветком обмана»²¹.

Цветком, сыгравшим роковую роль в судьбе Персефоны, был нарцисс. Гимн к Деметре повествует, что Персефона бродила по лугу красивых цветов, вокруг цвели розы, крокусы, фиалки, ирисы и гиацинты, когда ее взгляд остановился на самом красивом из них. Это был душистый нарцисс с сотней цветов, «цветок благовонный, ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных. Сотня цветочных головок от корня его поднималась». Очарованная красотой цветка, Персефона была застигнута врасплох, когда Аид внезапно появился из земли. «...И прынул на конях бессмертных гостеприимец–владыка, сын Кроноса многоименный. Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице быстро помчал»²². Может быть, это был единственный способ, который он знал, чтобы добиться такой красивой молодой богини. Данные о том, кто на самом деле был

¹⁹ Monaghan 1998. P. 252.

²⁰ В качестве примера можно привести образ Тройной Бригитты в Ирландии, трех Шакти в индуистской традиции и т.д.

²¹ Lincoln 1994. P. 169.

²² Гимн к Деметре, 10-12, 17-20.

свидетелем похищения Персефоны, противоречивы. В гомеровском гимне к Деметре упоминаются только имена Гелиоса и Гекаты²³. При прочтении мифа складывается впечатление, что Геката не видит самого похищения, а только слышит звуки борьбы. Но не видя ничего, Геката знает, что произошло. Несмотря на то, что она не может спасти Персефону от входа в подземный мир, она приносит факелы для поиска Персефоны и снова появляется в момент воссоединения матери и дочери.

Во время отсутствия Персефоны, Деметра теряет интерес к своим обязанностям в качестве богини земледелия. Есть упоминания о том, что она бродила по земле в поисках своей дочери в течение девяти дней, другие указывают на девять месяцев. В Гимне к Деметре описано, что «Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни: семя сокрыла Деметра прекрасновечная в почве»²⁴. Бесплодие земли – повод для возвращения Персефоны каждую весну, в качестве Богини перерождения. Воссоединение Персефоны с матерью имеет горький привкус. Персефона съела плод мертвых – зерна граната, либо по собственному желанию, либо по настоянию Гадеса²⁵. В любом случае, она была вынуждена оставаться часть каждого года, в царстве Аида. Большинство сообщений говорит о том, что она остается там в течение трех месяцев каждую зиму, и в это время Деметра скорбит и позволяет земле оставаться бесплодной²⁶, другие упоминают о шести месяцах. В любом случае, жизнь для молодой богини никогда не будет прежней. Персефона теперь жена и царица, которая была инициирована в тайны подземного мира.

Брюс Линкольн считает, что «в какой-то момент в доисторические времена, вероятно, до прихода индоевропейцев в греческие земли (ок. 1800 г. до н.э.), существовал ритуал, напоминающий тот, который описан в мифе. Он проводился для некоторых или всех женщин в этом регионе в момент наступления периода полового созревания»²⁷. С ростом населения и сосредоточением его в городах произошло снижение роли обрядов перехода во взрослую жизнь. Они превратились в элитные мистерии, которые с ростом демократических идеалов, в конце концов, стали доступны для всего населения, за исключением варваров и убийц. Действительно, Элевсинские мистерии, сосредоточенные на рассказе о Деметре и Персефоне, были самыми известными из всех древнегреческих обрядов инициации. В то время как строгий обет секретности участников мистерий привел к тому, что мы имеем очень мало информации о фактиче-

²³ Там же, 24-26.

²⁴ Гимн к Деметре, 305-307.

²⁵ Гранат считался символом плодородия и одновременно – символом смерти. См. об этом: *Павсаний*. IX, 25.1.

²⁶ *Аполлодор*. I.5.1; *Овидий*. V. 346.

²⁷ *Lincoln* 1994. P. 167.

ском опыте, есть много свидетельств о преобразующей силе инициаций. «Надежное древнее свидетельство говорит о том, что мистерии гарантировали лучшую жизнь и, вероятно, лучшую участь после смерти»²⁸.

Традиционно образ Персефоны связывают с образом Диониса–Иакха, который играл важную роль в Элевсинских таинствах. Однако можно провести параллель и между Персефой и Иисусом Христом как архетипами воскресения. Только в христианской патриархальной традиции мы видим образ Бога–отца и сына, воскресение которого дает людям надежду на лучшую долю после смерти, а в матриархальной языческой – образ Богини–матери и дочери. В мифе о Деметре и Персефоне выражен архетип материнства, когда мать является защитником своего ребенка. Структура семьи в мифе отражает основы древнегреческой культуры. Персефона – дочь Зевса, а значит Аид приходится ей дядей. Девушки часто выходили замуж за близких родственников, поскольку такой союз имел преимущество для сохранения семейного имущества в ойкосе. Как правило, отец определял, за кого его дочь выйдет замуж, а не мать²⁹. Тем не менее, Зевс слишком сильно любил свою дочь, чтобы отправить ее обратно в Аид без надежды на возвращение в обитель живых к матери. Каждый раз Персефона возвращается с цветами, которые прокладывают ей путь, чтобы рассказать историю перерождения, надежды и гармонии. И каждую осень, когда она уходит снова в подземное царство, ее мать скорбит и наступает зима, пока Деметра ждет возвращения дочери. Но Персефона не сожалеет о своей участи. Она – гордая царица подземного мира, и именно она направляет тех, кто закончил свой земной путь к следующему этапу своей жизни. Образ Зевса часто связан с установлением социальных структур древнегреческого общества, поэтому мы можем расценивать его поведение в этом мифе как обоснование силы культурных учреждений, которые бросают вызов и смягчают, если не могут полностью победить, мир природы в образе Деметры.

Библиотека Аполлодора содержит вторую версию мифа о Персефоне: она не была похищена Аидом, а рождена в Аиде ее плодовитым отцом Зевсом и подземной богиней Стикс³⁰. Но в этом варианте мифа уже заметны признаки упадка роли этой гордой и мощной греческой богини. Согласно этой версии, Персефона живет даже не в Аиде, а в Тартаре, не в доме предков и могучих воинов из прошлого, а в самой мрачной части Аида, где злодеи обречены на вечные муки. Еще одна важная роль Персефоны – роль психопомпа («проводника душ»). Платон и Софокл, признавали Персефону как «встречающую мертвых», но ни в одном из вариантов мифа мы не находим этого аспекта ее образа³¹.

²⁸ Foley 1994. P. 70.

²⁹ См. об этом: Обидина. 2014.

³⁰ Аполлодор.1.3.1.

³¹ Foley. 1994.

Персефона, древняя богиня загробной жизни, может многое рассказать исследователю. Внимательно изучив ее миф, можно даже восстановить некоторые из древних знаний, которые были потеряны с запретом Элевсинских таинств. Персефона по-прежнему обладает силой, чтобы помочь нам открыть ту мудрость, которая смогла убедить многих греков, что смерть не является злом, а несет в себе надежду. Поскольку в отличие от христианской Пасхи, провозглашающей торжество Христа над смертью, миф о Персефоне представляет смерть как загадочное продолжение жизни, а не конечности существования.

Но самый глубокий уровень мифа не может быть идеологически построен, он создается из восприятия жизни и связывает человека и космос в единое целое. Жизнеспособность любой мифологии проистекает из способности ее метафор отражать социальные и культурные ценности исторической эпохи. И в этой связи образ Персефоны является центральным звеном, которое связывает в единое целое мир людей и мир богов, добавляя антропоморфным образам человеческие ценности, эмоции и чувства, связанные с самыми важными социокультурными маркерами исторической эпохи: отношение к рождению и смерти, взаимоотношения между родителями и детьми, чувство долга и ответственности, семейные ценности, социальные и культурные установки.

Источники

- Аполлодор. Мифологическая библиотека. М.: «Ладомир», Наука, 1993. 214 с.
Античные гимны / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1988. 362 с.
Античная литература. Греция. Антология. М.: Высшая школа, 1989. 899 с.
Гомер. Одиссея; пер. В. А. Жуковского; под ред. И. М. Тронского. М.: Правда, 1985. 350 с.
Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; подг. А.И. Зайцев. М.: Худож. литература, 1990. 449 с.
Гесиод. Работы и дни. Теогония / Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты в пер. В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. С. 141–169.
Еврипид. Трагедии / Пер. И. Анненского и С. Апта. М.: Искусство, 1979. 456 с.
Овидий. Метаморфозы / Пер. С.В. Шервинского. М.: Худож. литература, 1983. 512 с.
Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. 4-е изд. (Серия «Классическая мысль»). М.: АСТ–Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 2002. 512 с.
Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. 404 с.
Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. С. Апта; вступит. статья Н. Сахарного; коммент. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. литература, 1971. 383 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев Ю.В. Апология язычества, или о религиозности древних греков // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 127–135 [Andreev Yu. V. Apologiya yazychestva, ili o religioznosti drevnix grekov, Vestnik drevnei isto-rii, 1998, No 1, p. 127–135].
Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012. 336 с. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina, M, Krug", 2012, 336 p.]
Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия. Общий очерк. Киев: Синто, 1993. 128 с. [Zelinskii F.F. Drevnegrecheskaya religiya, Obshchii ocherk, Kiev, Sinto, 1993, 128 p.]
Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Наука, 1957. 493 с. [Losev A.F. Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti., M, Nauka, 1957, 493 p.]
Новосадский Н. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. 181 с. [Novosadskii N. Elevsinskie miste-rii, SPb, 1887, 181 p.]

- Обидина Ю.С.* Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар–Ола: МарГУ, 2007. 288 с. [Obidina Yu.S. Predstavleniya o bessmertii dushi v kulture drevnei Gretsii: stanovlenie, evolyutsiya, transformatsiya v khristianskoe voskresenie, Ioshkar-Ola, MarGU, 2007, 288 p.]
- Обидина Ю.С.* Культ Диониса в социокультурном пространстве античного полиса: воображаемое, символическое и реальное // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 280–295 [Obidina Yu.S. Kul't Dionisa v sotsiokul'turnom prostranstve antichnogo polisa: voobrazhaemoe, simvolicheskoe i real'noe, Dialog so vremenem, 2013, No 44, pp. 280–295].
- Обидина Ю.С.* И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 294–310 [Obidina Yu.S. I vse-taki Adam i... Eva: grecheskaya zhenshchina v svete sovremennykh gendernykh podkhodov, Dialog so vremenem, 2014, No 47, pp. 294–310].
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv, M, Krug#, 2011, 560 p.]
- Селиванова Л.Л.* Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире). Часть II. Античный мир. М.: ИВИ РАН, 2003. 261 с. [Selivanova L.L. Sravnitel'naya mifologiya (Mify o vozrozhdenii v drevnem mire), Chast' II, Antichnyi mir, M, IVI RAN, 2003, 261 p.]
- Чистович И.* Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. СПб., 1871. 211 с. [Chistovich I. Drevnegrecheskii mir i khristianstvo v otnoshenii k voprosu o bessmertii i budushchei zhizni cheloveka, SPb, 1871, 211 p.]
- Dodds E.R.* The Greeks and the Irrational. Los Angeles: Un-ty of California Press, 1964. 316 p.
- Bremmer J.* Interpretations of Greek Mythology. Princeton: Barnes & Noble Books, 1986. 294 p.
- Lincoln B.* The Rape of Persephone. The Long Journey Home: Re-visioning the Myth of Demeter and Persephone for Our Time. Boston: Shambhala, 1994. P. 166–172.
- Caldwell R.S.* The Origin of the Gods: a Psychoanalytic Study of Greek Theogonic Myth. New York: Oxford University Press, 1993. 224 p.
- Foley H.P.* The Homeric Hymn to Demeter: Translation, Commentary, and Interpretive Essays. Princeton: Princeton UP, 1994. 297 p.
- Kerényi C.* "Kore". Essays on the Science of Mythology: The Myth of the Divine Child and the Mysteries of Eleusis / C.G. Jung and C. Kerényi. Princeton: PUP, 1969. P. 101–155.
- Kirk G.S.* Greek Mythology: Some New Perspectives // Journal of Hellenic Studies. Vol. 92. 1972. P. 74–85.
- Monaghan P.* The New Book of Goddesses & Heroines. St. Paul, MN: Llewellyn, 1998. 384 p.
- Nilsson M.P.* The Mycenaean Origin of Greek Mythology. N.Y.: WW Norton & Co., 1932. 252 p.
- Seltzer R.M.* Religions of Antiquity. New York: MacMillan Publishing Company, 1987. 164 p.
- Обидина Юлия Сергеевна*, доктор философских наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета им. Н.Н. Лобачевского; basiley@mail.ru

The image of Persephone in the structure of the sociocultural relations of Ancient Greek society

The article deals with the myth of Persephone, in the context of social and cultural relations of ancient Greek society and the general theory of mythology developed by various schools in the study of the phenomenon of myth. The author shows that the image of Persephone played not only a major role in the Eleusinian mysteries, personifying the attitude toward death and the hope of future immortality, but also served as a central element of the relationship of the world of men and the world of the gods. It is noted that the image of Persephone "humanize" the relationship between the gods, projecting to them the cultural values of the era, such as the relation to the birth and death, the relationship between parents and children, family values, the establishment of social structures.

Keywords: Greek mythology, the Eleusinian mysteries, philosophy, Persephone, Demeter

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor of Nizhny Novgorod State University, basiley@mail.ru

А. В. ВДОВИЧЕНКО

ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СЕПТУАГИНТЫ И ПЕРЕВОДА АКВИЛЫ¹

На материале библейского перевода Аквилы и Септуагинты рассматриваются различия между коммуникативной и языковой интерпретациями вербальных фактов. Концепция коммуникативного действия, совершаемого субъектом (говорящим, пишущим, жестикулирующим и пр.), полагает, что смыслообразование любого семиотического поступка содержится в мыслимых условиях совершения этого действия в сознании коммуниканта. Если грамматическая установка видит в деятельности Аквилы неумелое и небрежное соблюдение норм греческой грамматики, то коммуникативная установка предполагает многофакторную систему мыслимых координат (дискурс), в которой совершаются семиотические поступки, в данном случае, перевод. Эта система восстанавливается на основе сведений о лингвистических практиках создания, воспроизведения и изучения Писания в грекоговорящих иудейских общинах.

Ключевые слова: коммуникативное действие, языковая модель интерпретации, библейский перевод Аквилы, Септуагинта, грамматика, коммуникация

Различие между языковой и коммуникативной интерпретациями вербальных данных затрагивает любую исследовательскую процедуру, в которую так или иначе вовлечены слова и тексты. Заметить это различие и признать его методологическую неизбежность исследователя обязывает новая теоретическая диспозиция, которая возникает в лингвистической (и шире – гуманитарной) науке по мере осознания, что *любой естественный вербальный факт представляет собой действие в мыслимом коммуникативном пространстве* и что в естественной коммуникации *способны порождаться и пониматься не слова и вещи, а субъектные поступки в мыслимых условиях* (в т.ч. с участием представимых объектов, с вовлечением вербальных знаков или без них)².

Концепция действия позволяет более эффективно представить процесс формирования значения в сказанном (написанном): если в языковой концепции постулируется возникновение смысла из знаков, обладающих собственными словарно-грамматическими валентностями, то в коммуникативной (акциональной) – формирование смысла однозначно возводится к деятелю, когнитивная сфера которого является единственным источником мысли, эмоции, оценки и, соответственно, смысла данного акта и его элементов. Слова, очевидно не обладающие автономным тождеством (собственным понимаемым смыслом), получают перспективу тождественной интерпретации только в том случае, если становятся частью

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

² Вдовиченко 2016(б).

конкретного коммуникативного процесса, в котором говорящий (пишущий) самим фактом личной осмысленной семиотической процедуры обозначает твердое основание последующей интерпретации.

Необходимость смещения фокуса смыслообразования с грамматического объекта на коммуникативный (он же – когнитивный, психологический, осмысленно-поведенческий, дискурсивный) вписывается в общую тенденцию возрастания интердисциплинарности социальных и гуманитарных наук³, в более частную филологическую тенденцию поглощения языка коммуникацией⁴. В поле филологии становится очевидным, что прежний грамматический объект исследования создавался и создается на основании типологии все тех же коммуникативных поступков, которые подчиняют процессы естественного смыслообразования и, соответственно, занимают приоритетное, по сравнению с грамматикой, место в описательной модели.

Интерпретация библейского перевода Аквилы (II в. н.э.) представляет собой частный случай противостояния языкового и коммуникативного подходов к вербальному факту. Даже если считать, что такое соперничество так или иначе присутствовало в любом историко-филологическом рассуждении, интерпретация деятельности Аквилы все же указывает на то, что, по меньшей мере, иногда грамматическая парадигма доминирует и подминает под себя коммуникативную (последняя, теоретически не осознанная и потому не легализованная, имеет мало шансов отстоять свои права на участие в интерпретации).

Новый перевод Писания на греческий язык был предпринят Аквиллой (в прошлом язычником, затем христианином, и, наконец, иудейским прозелитом) на волне недовольства и неудовлетворенности иудейской общины Септуагинтой, которая к середине – второй половине II в. н.э. успела послужить идеологическим основанием распространения «ереси христианства» в иудейских синагогах на грекоязычных территориях и, таким образом, себя скомпрометировать. Переводчик, без сомнения, имел целью преодолеть опасности христианских толкований, проявивших себя к тому времени⁵. Так, тетраграмма ИВНВ остается без перевода и без изменения графической формы (в Септуагинте обычно ΚΥΡΙΟΣ), ΜΑ-ΣΗΙΑΚΗ («помазанный») переводится посредством ΗΛΕΙΜΜΕΝΟΣ (вместо ΧΡΙΣΤΟΣ Септуагинты), ΗΕΛΜΗ посредством ΝΕΑΝΙΣ «молодая женщина» (вместо ΠΑΡΘΕΝΟΣ «дева») и др.

Однако гораздо интереснее сама техника создания греческого подстрочника, степень его пословности и детализации. Так, Аквила, в рамках своей элементарной установки, отслеживая исключительную дословность, передавал заведомо неперебиваемые элементы еврейского источни-

³ Репина 2011. С. 18.

⁴ Напр., Корчинский 2015; Вдовиченко 2016.

⁵ Напр., Rajak 2006.

ка, и в результате стандарты греческой грамматики грубо попирались и теснили греческую идиоматику (включая грамматический, смысловой и комбинаторный компонент). Начало Книги Бытия в его переводе имело следующий вид: (ΕΝ ΑΡΧΗ ΕΠΟΙΗΣΕΝ Ο ΘΕΟΣ) ΣΥΝ ΤΟΝ ΟΥΡΑΝΟΝ ΚΑΙ ΣΥΝ ΤΗΝ ΓΗΝ (ср. «(В начале сотворил Бог) *вместе с* небо и *вместе с* землю, Быт. 1: 1; очевидное нарушение наблюдается в употреблении предлога ΣΥΝ: он всегда в аутентичном греческом тексте требует дательного падежа, в то время как Аквила употребляет после него в двух случаях винительный; эта странность возникает вследствие пословной передачи элементов оригинального еврейского текста, в котором предлогу ΣΥΝ соответствует элемент АТ – показатель объектного падежа и одновременно омографичный ему предлог «с, вместе»; Аквила избирает второй вариант для передачи в греческом тексте). Объясняя это, стороннику структурно-грамматической интерпретации следует предполагать, что предлог и идущее за ним существительное вообще не связаны, или что предлог имеет какое-то особое значение, представляет собой *hapax legomenon*, и пр. Неудивительно, что Аквила получил упреки уже от Иеронима, который подверг насмешкам вышеприведенную версию Быт. 1:1 (Hieronimus, Epistula 57, ad Pomma-chium, 11) как раз за дословность и возникшую вследствие этого невразумительность.

Современные знатоки греческого языка склонны поступать подобно Иерониму, упрекая Аквилу в том, что в переводе грубо (еще более ощутимо, чем в Септуагинте) нарушаются стандарты греческой грамматики – семантики, синтаксиса, комбинаторики, в целом текстуальности⁶. Такой вывод неизбежно следует из языкового (структурно-грамматического) подхода к вербальному тексту. Парадокс состоит в том, что родным языком Аквилы был греческий. Этот «язык» был известен ему гораздо более, чем любому вторичному интерпретатору, не погруженному в историко-культурно-религиозный контекст конкретного хронотопа. Обвинения в нарушении норм целевого языка и плохо исполненной переводческой работе со стороны тех, кто знает «целевой язык» в виде грамматической схемы, представляется несколько неуместным. Повидимому, Аквила видел своей целью нечто иное, нежели исполнение норм грамматики языка, который через два тысячелетия со знанием дела назовут древнегреческим или койнэ.

Деятельность переводчика (как и любого коммуниканта) следует оценивать как семиотический поступок. Неязыковая интерпретация того, что делал Аквила, позволяет представить систему координат, в которой он замыслил и производил свое коммуникативное действие (т.н. перевод). Его явно не интересовало соблюдение всего того, за что потом он собрал и продолжает собирать коллекцию упреков.

⁶ Prolegomena... 1875.

Смысл коммуникативного действия Аквилы проясняют некоторые сведения о функционировании его текста. Характерно, что, несмотря на всю свою языковую странность, этот перевод, по свидетельству Оригена (*Origenes, Epistula ad Africanum, 2*) и судя по находкам в каирской генизе (синагогальное хранилище вышедших из употребления рукописей, не ранее VI в. н.э.), пользовался большим доверием у грекоязычных евреев и широко использовался. Наиболее подробное свидетельство об использовании текста Писания в иудейских синагогах содержится в очень позднем источнике, но он позволяет судить о практике пословного толкования, для которой Аквила и создавал свой перевод, не обращая внимания на грамматичность текста. Новелла 146 («Позволение, данное евреям, читать Священное Писание, следуя традиции, по-гречески, по-латински или на другом языке»⁷), изданная в 553 г. византийским императором Юстинианом I, содержит ряд подробностей, которые волновали участников синагогальных собраний в связи с воспроизведением и пониманием текста Писания и которые помогают понять и оправдать Аквилу. В предисловии к новелле говорится:

«Необходимость требует, чтобы евреи, слушая свои священные книги, доверялись не значению буквы, но устремляли свое внимание к тем святым пророчествам, которые скрыты за ними и которые возвещают могущественного Господа и Спасителя Иисуса Христа. И хотя они все еще ошибаются и не принимают истинного учения, предаваясь бессмысленным толкованиям, мы, зная, что они не согласны между собой, не позволили продолжаться этому разногласию без вмешательства с нашей стороны. Из их собственных жалоб, которые были переданы нам, мы установили, что только некоторые [из иудеев] говорят на еврейском языке и желают использовать его для чтения священных книг и что остальные считают, что должен быть добавлен греческий перевод и что они длительное время спорят об этом. Вникнув в существо дела, мы выносим решение в пользу тех, которые желают для чтения Священного Писания также пользоваться греческим или любым другим языком, который в любой местности позволяет слушателям лучше понимать написанное».

Из последующих статей новеллы становится ясно, что одним из ключевых вопросов, вызывающих споры, является деятельность переводчиков-интерпретаторов, которые извращают текст Писания, пользуясь непониманием оригинального языка со стороны большинства:

«Ст. 1. Таким образом, мы постановляем, чтобы повсюду, где имеется еврейская община, те, кто желает этого, могли в своих синагогах читать священные книги тем, кто присутствует, на греческом языке, или латинском, или на любом другом языке. Чтобы, поскольку язык различен в разных местностях и чтение на нем различно, все присутствующие могли понимать, жить и действовать в соответствии с тем, что они слышат. Таким образом, не будет возможности для переводчиков, которые настаивают на использовании только еврейского языка, извращать его как им вздумается, поскольку их недобросовестность скрывается из-за незнания [языка] присутствующим народом».

Христианский император устанавливает градацию переводов:

«Мы постановляем, что те, кто использует греческий, должны использовать текст семидесяти толковников, который является самым точным переводом, получившим

⁷ Цит. по английскому переводу: Parkes 1934. P. 392–393.

наивысшее одобрение, поскольку случилось так, что переводчики, разделенные на две группы и работая в разных местах, все произвели один и тот же текст. <...> По преимуществу им следует использовать Септуагинту, но, чтобы не оказалось так, что мы запрещаем все остальные тексты, мы дозволяем использование перевода Аквилы, хотя он был не из их народа и его перевод значительно отличается от Септуагинты».

Борьба с произвольными переводами и толкованиями Закона в синагогальной практике выражается в том, что запрету подвергается сама Мишна как собрание неверных и небожественных толкований Писания: «Но Мишну, или, как они называют ее, вторую традицию, мы полностью запрещаем, поскольку она не входит в состав священных книг и не была передана по божественному вдохновению через пророков, но является творением рук людей, говоря только о земных вещах и не имея в себе ничего божественного. Пусть они читают непосредственно священные словеса, обходясь без комментариев и не искажая того, что говорится в священных писаниях».

Несмотря на идеологический и политический смысл указа христианского императора, желающего убедить и образумить евреев относительно Истинного Мессии, в тексте новеллы присутствует уверенность в том, что связанный текст, созданный квалифицированными переводчиками, лучше, чем практика отрывочных выборочных переводов, которыми сопровождали чтение Писания немногочисленные знатоки еврейского языка и которые страдали произвольностью интерпретаций; чтение перевода вместо «бессмысленных толкований» как раз и должно было способствовать, по мысли императора, распространению веры в Иисуса Христа среди иудеев. Кроме того, почитаемый в талмудическую эпоху среди иудеев (преимущественно перед LXX) перевод Аквилы, как и другие переводы, не подвергается запрещению, что говорит об искреннем намерении императора заставить иудеев обратиться к Писанию вне ошибочных толкований (Мишна как раз и дает простор произволу и недобросовестности переводчиков-толкователей).

Как видно, деятельность Аквилы целиком вписывается в эту практику и, наоборот, всецело не отвечает критериям языкового подхода, который ему пытаются навязать исследователи, видящие перед собой не коммуникативное событие, а «перевод», «язык», «грамматику» и «структуру текста». При этом коммуникативные действия, производимые переводчиком, обоснованы для него самого авторитетом концепции вербального знака, которая лежит в основании не только древних, но и современных структурно ориентированных представлений о значении слов («знак-значение»): «если в тексте есть предметный знак, он что-то определенное значит; если знаки единообразны, они означают что-то одно». В этом смысле практика Аквилы ничуть не менее абсурдна, чем вполне современные попытки рассуждать об автономных значениях слов при установлении смысла сказанного/написанного. Вопиющие грамматические нонсенсы нисколько не смущали Аквилу, поскольку в строгом смысле он

не переводил, а транслировал слова Писания, каждое из которых, представленное в священном тексте, имело свой, священный же, смысл.

Такая коммуникативная диспозиция для деятельности Аквилы была традиционной практикой иудейской экзегезы. Как известно, учитель Аквилы рабби Акиба (как и другие его единомышленники таннаи), по свидетельству Талмуда (Берешит рабба, I; ср. с Киддушин 57a и параллельные места), подвергал отдельному истолкованию все формальные элементы Писания, вплоть до частиц GAM, AT и др., которыми, в числе прочих слов, говорил священный текст. Аквила при создании своего перевода также реализовал «поэлементную» стратегию, оправданную вполне «логичной» языковой установкой искать смысл в каждой отдельно взятой частице смыслодержающего источника. Заметим также, что над таким текстом (с таким бэкграундом и оправданно невразумительным) до известной степени удобно совершать риторические упражнения, поскольку, чем непонятнее для толкователя и адресата общий коммуникативный контекст, тем большую нагруженность смыслами может приобретать каждый отдельно взятый участок, вне связи с целостным коммуникативным действием (о практике таких толкований как раз свидетельствует приведенная Новелла 146 Юстиниана).

Намеченная таким образом концептуальная подоплека Аквилы, стоящая за данной практикой «перевода», составляет ту самую аутентичную систему координат, которая необходима для понимания коммуникативных действий иудейского переводчика. По всей видимости, для установления значимых параметров такого способа «перевода» недостаточно грамматического «языка», который, очевидно, был не единственным ориентиром Аквилы. В этом случае лингвистическая теория с очевидностью вынуждена обратиться к многофакторному дискурсу (мыслимой коммуникативной ситуации) и дискурсивной парадигме анализа естественной коммуникации как гораздо более обширной и всеобъемлющей объяснительной теории, от которой «язык» был некогда искусственно и неправомерно обособлен. Опыт Аквилы, как и любого другого автора, обнаруживает и подчеркивает коммуникативные, а не «языковые» императивы деятельности коммуниканта, в которую вербальный элемент включен как одна из составляющих.

Создание Септуагинты, которая тоже встречает упреки в нарушении норм греческого языка, можно схожим образом понять и оправдать не как исполнение грамматических правил, а как коммуникативное действие, в свете иудейской практики интерпретации священного текста. Изменение системы оценки деятельности переводчиков (смена языкового подхода на коммуникативный) позволяет снять с них обвинения в странном и неадекватном языковом поведении. Указанный парадокс знания-незнания переводчиками (в т.ч. Аквиллой) греческого языка, в свою очередь, снимается – как вопрос, заданный неуместно и неловко.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вдовиченко А.В. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета. Лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: Издательство ПСТГУ, 2016(а). 288 с.
- Вдовиченко А.В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии, 2016(б). № 6 С. 164-175.
- Корчинский А.В. Форманты мысли: Литература и философский дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Parkes J. The Conflict of the Church and the Synagogue: A Study in the Origins of Antisemitism. New York: JPS, 1934. P. 392–393.
- Prolegomena // Origenis Hexaplorum quae supersunt / Ed. Fridericus Field. Oxonii, 1875.
- Rajak T. The Jewish Diaspora / The Cambridge History of Christianity. Vol. I. Cambridge: CUP, 2006. P. 53-68.

REFERENCES

- Vdovichenko A.V. Kazus «yazyka» Septuaginty i Novogo Zaveta. Lingvisticheskiy metod «za» i «protiv» avtorov. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2016(a). 288 s.
- Vdovichenko A.V. O nesamotozhdestvennosti yazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imyaslaviya» // Voprosy filosofii, 2016(b). № 6 S. 164-175.
- Korchinskii A.V. Formanty mysli: Literatura i filosofskii diskurs. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 288 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.
- Parkes J. The Conflict of the Church and the Synagogue: A Study in the Origins of Antisemitism. New York: JPS, 1934. P. 392–393.
- Prolegomena // Origenis Hexaplorum quae supersunt. Ed. Fridericus Field. Oxonii, 1875.
- Rajak T. The Jewish Diaspora / The Cambridge History of Christianity. Vol. I. Cambridge: CUP, 2006. P. 53-68.

Вдовиченко Андрей Викторович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, доцент кафедры теории и истории языка ПСТГУ; an1vdo@mail.ru

Language and communicative criteria of the evaluation of the Septuagint and the translation by Aquila.

This article analyzes the biblical translation by Aquila and the Septuagint and looks into the differences between communicative and linguistic interpretations of verbal acts. The concept of communicative act made by a subject (as a speech, a writing, or a gesture) helps conclude that creation of meaning for any semiotic act is in mental conditions of this act, as seen by a communicant. The grammatical model views Aquila's translation as awkward use of Greek grammar, while the communication model implies a multi-factor system of coordinates a discourse), in which semiotic acts take place, a translation in this case. This system can be reproduced on the basis of our knowledge of linguistic practices of creating, reproducing and studying of the Bible in Greek-speaking Jewish communities.

Keywords: communicative action, language model of interpretation, Aquila's Bible translation, Septuagint, grammar, communication

Andrey Vdovichenko, Dr.Sc. (Philology), leading researcher, Sector of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; an1vdo@mail.ru

Е. Н. КИРИЛЛОВА

ВРЕМЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ: ОБУЧЕНИЕ РЕМЕСЛУ В ПАРИЖЕ XIII ВЕКА¹

Главным критерием, определявшим завершение обучения ремеслу, в Париже XIII в. выступало завершение срока обучения. Время выступало базовым критерием, учитывающим нормальный ход событий и почти все жизненные обстоятельства, однако этого критерия не всегда оказывалось достаточно. Сомнения в высокой квалификации нового мастера породили требование поработать еще какое-то время (обычно «год и день») либо пройти специальную проверку. Другая сторона проблемы – хорошие ученики, научившиеся ремеслу раньше окончания срока. Сталкиваясь с такими ситуациями, парижские корпорации полагали возможным платить ученикам за работу, сократить длительность обучения или изменить отношение к ученикам.

Ключевые слова: «Книга ремесел» Парижа, ремесленные корпорации, обучение ремеслу, срок обучения, результат обучения

Правила обучения ремеслу – одна из традиционных тем при изучении «Книги ремесел» Парижа². Этот сборник из условно 100 (101) регламентов ремесленных и торговых корпораций, составленный в 1260-х гг. по указанию прево города Этьена Буало³, дает возможность сравнивать обучение разным профессиям и сопоставлять разные этапы становления средневековых ремесленных и торговых корпораций.

Обучение ремеслу не было простым и бесконфликтным процессом, и не было одинаковым для всех учеников, в силу множества объективных и субъективных обстоятельств⁴. Однако результат обучения должен был быть одинаков для всех: чтобы стать мастером, таким же, как учитель, каждый ученик должен был получить полные знания о своем ремесле, о всех и каждой его составляющей – о том, как выбирать сырье, как делать заготовки, каким инструментом и как работать, какие бывают или могут возникнуть сложности в работе, что и как можно или нельзя исправлять в изделиях и так далее. Как же парижские ремесленники определяли результат обучения? – Временем. В Париже XIII в. завершение срока обучения рассматривалось как свидетельство законченности обучения: никаких вопросов о полноте профессиональных знаний не может быть к ученику, срок обучения которого закончился.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ (проект 16-18-10393) «Самоорганизующиеся структуры средневекового города».

² Грацианский 1911. С. 105-107, 111-115; Fagniez 1877. P. 58-59.

³ Подробнее о составе «Книги ремесел»: Кириллова 2006; Bourlet 2015.

⁴ Разный возраст, пол, опыт, педагогические способности, благосостояние учителей – разный пол, возраст, родственные отношения, обучаемость учеников, плюс различия между ремеслами.

Это вряд ли вызовет сомнения, если учесть, что средний срок профессионального обучения составлял 7 лет. Это среднее арифметическое, рассчитанное для всей «Книги ремесел», и если быть точнее, для 46-ти корпораций, зафиксировавших срок обучения в своих регламентах. Действительно, обычно на это уходило не менее 6-8 лет: от двух (это наименьший срок, он был установлен у поваров (LXIX устав)), до 12, как полагалось изготовителям четок из кораллов и раковин (XXVIII). Регламент мог вообще не ограничивать время обучения⁵ или оговаривать такой традиционный для Средневековья вариант как определение платы и срока по договоренности родителей ученика с мастером⁶.

Уменьшать время обучения, установленное регламентом, было категорически запрещено⁷. Увеличивать – можно, если стороны приходили к такому соглашению⁸. Смысл удлинения и без того слишком долгих сроков – в уменьшении платы, полагавшейся мастеру за обучение: чем дольше длилось обучение, тем дешевле оно стоило. Это общая практика, и логическое ее завершение – бесплатное обучение: можно было выучиться ремеслу, вообще ничего не заплатив за это мастеру. 24 парижских ремесла зафиксировали такую возможность в своих уставах. Средний срок бесплатного обучения – 9 лет, и он обычно был на 1-2-3 года дольше обычного обучения. Например, обучение ткачихи шелка (XXXVIII) стоило 4 ливра и длилось 6 лет, за 40 су можно было учиться 8 лет, а если заплатить было нечем и ребенка брали «без денег», «Бога ради», то такое обучение тянулось целых 10 лет⁹. Это давало мастерике возможность не только вернуть потраченные на ученицу силы и средства, но и заработать, поскольку длительное обучение включало в себя бесплатную работу на мастера, когда ученик заменял квалифицированного помощника, которому следовало бы платить зарплату. Со временем сроки обучения стали сокращаться, и позднее в Париже, как и в других городах, они составляли 2-4 года, что было ближе к реальным временным затратам на освоение профессии.

В уставе сукноделов (L) сказано, что в первый год ученик еще ничего не зарабатывает, а вот если он уже может заработать, то ему должны

⁵ Как у изготовителей гамаш (LV): «...Il puet avoir tant d'aprantis come il li plaist et a tel terme com il voudra» (Le Livre des métiers. P. 113. I ст.) и у многих других парижских ремесел.

⁶ Сапожники (LXXXIV): «...на такой срок и за такую сумму денег, как он [мастер] сможет получить» – «...a tel terme et a tel soume d'argent comme il en puent avoir» (Ibid. P. 184. VIII ст.), а также перчаточники (LXXXVIII) изготовители гамаш (LV) и изготовители гербов (LXXX).

⁷ Исключение – ювелиры, о которых далее.

⁸ Только мастерницы, вышивавшие шляпы золотом и жемчугом (XCV), запрещали увеличивать срок обучения – и это единственный случай в «Книге ремесел» – «...mès ... ne les années ne pueent croire ne apeticier»: Le Livre des métiers. P. 207. I ст.

⁹ Ibid. P. 74. II ст.

платить («давать деньги»)¹⁰. Плотники (XLVII) требовали, чтобы в первый год обучения ученика не нагружали работой более того, что соответствовало бы 6 денье заработка в день¹¹. Высокую квалификацию ученика в последние годы обучения признавали ювелиры (XI), разрешая мастеру уменьшить срок (что всегда запрещалось), если ученик мог заработать на пропитание и еще 100 су в год¹². От мастера – седельного плотника (LXXIX) требовали, чтобы он держал при деле, уважал и берег ученика, который «может сделать свой шедевр», и старался бы использовать его в деле, а не как слугу или мальчику на побегушках¹³. Это единственное в «Книге ремесел» упоминание шедевра – образцовой работы, которая, в соответствии с представлениями о средневековом ремесле, выполнялась новыми мастерами, вступавшими в корпорацию: всеми учениками, завершившими свое обучение, и подмастерьями, отработавшими положенный им срок (если корпорация этого требовала) и имевшими достаточный практический опыт. Сделанное вскользь упоминание шедевра свидетельствует, что «Книга ремесел» зафиксировала тот этап истории ремесленных корпораций, когда шедевр был не сложным и дорогим препятствием на пути к званию мастера, а тем самым испытанием профессионализма, каким он и должен был быть изначально: правила его выполнения не вызывали споров и конфликтов, иначе их бы записали в регламентах и утвердили властью прево. Эти примеры подтверждают, что ученик не только учился – это не всегда человек, который еще ничего не умеет: его работа ценилась даже в начале обучения (и тогда ему должны были платить, как настаивали сукноделы) и особенно – ближе к концу обучения (и тогда можно даже сократить срок обучения). Об отсутствии необходимости в постоянном контроле за учеником в конце его обучения – по сути, о том, что его не надо больше учить – говорит нередкое для парижских ремесел разрешение взять нового ученика в последний год обучения предыдущего. Это правило записано в 7 уставах «Книги ремесел», но 8 корпораций запрещали прием нового ученика в такой момент¹⁴.

Еще одно подтверждение профессиональной пригодности учеников с незавершенным сроком обучения – практика их продажи: мастер мог уступить недоучившегося положенный срок ученика другому мастеру и получить взамен некоторую сумму в качестве компенсации¹⁵. Это было выгодно мастеру, приобретавшему таким образом не недоучку, а квали-

¹⁰ Ibid. P. 94. XIV ст.

¹¹ Ibid. P. 87. II ст.

¹² Ibid. P. 33. V ст.

¹³ Ibid. P. 175. XI ст.

¹⁴ Если только ученик за это время не умрет или не оставит ремесло навсегда – такое исключение допускали 5 ремесел.

¹⁵ Также см.: Грацианский 1911. С. 120-122; Fagniez 1877. P. 72-73. Эта практика известна и за пределами Парижа. О примерах из истории немецких ремесел XIV–XV вв.: Стоклицкая-Терешкович 1933. С. 7.

фицированного работника, которому не надо было платить за работу. Со своей стороны, ученики или их родные могли выкупить у мастера незавершенное обучение – компенсировать ему ту выгоду, которую он предполагал получить от ученика. Продажи и выкупы разрешались только при особых обстоятельствах, которые считались уважительной причиной: если мастер уходит за море (т.е. в крестовый поход), лежит больной в постели или оставляет ремесло насовсем¹⁶.

Объяснения запрету продавать учеников приводятся в уставах изготовителей железных пряжек (XXI) и ремешков (LXXXVII) – чтобы ученики не возгордились прежде, чем доучились до конца срока, и соседи не хотели бы их увести¹⁷. Ремешники уточнили, что так могли повести себя дети, проучившиеся половину или даже четверть срока, что еще раз подтверждает избыточную длительность обучения: ученики начинали испытывать «излишнюю» гордость и высоко себя ставить из-за того, что успевали освоить «весь курс» и уже знали (или полагали, что знали) все, что должен знать и уметь специалист. С другой стороны, можно рассматривать такое отношение как свидетельство способности оценивать свои достижения, воспринимая срок обучения как формальность. И судя по уставам ювелиров и седельных плотников, представление о сроке как о формальности было не чуждо и мастерам, а не только «слишком много» возмнившим о себе ученикам.

Приведенные примеры говорят о профессионализме ученика – даже во время обучения он многое знал и не должен был считаться учеником. Ему могли сократить срок обучения (что допускали ювелиры), могли начать платить за его работу (сукноделы), или хотя бы начинали уважать (седельные плотники). Речь идет об очень хороших учениках – выучившихся ремеслу раньше, чем истекал срок их обучения, что в парижских ремеслах должно было проявиться обязательно – слишком долго они желали учить новых мастеров. Другая сторона проблемы – ученики, которые учились плохо, и даже через 7-8 и более лет не становились хорошими специалистами. Тогда такого общепринятого и безусловного критерия как окончание срока обучения очевидно оказывалось недостаточно.

Парижские ремесла почти не знали проверок, которые проходил бы ученик по окончании обучения или пришедший в город чужак, заявлявший, что он настоящий мастер.

¹⁶ Описывая ремесленников в эпоху Людовика Святого, Э. Фараль ошибочно полагал, «сам ученик не мог поменять мастера, расторгнув контракт первым» (Фараль 2014. С. 91), хотя и основывался на данных «Книги ремесел».

¹⁷ XXI: «...por le reson de ce que li aprentiz ne feussent felon et orgueilleur contre leu[r] mestres, ou que leur voisin ne les vausissent fortfaire: par quoi li guarcon devenissent felon contre leur mestres, et donassent matire de eus vendre» (Le Livre des métiers 1879. P. 49. VIII ст.); LXXXVII: «por les garcons s'en orgueillissent ains qu'il aient fait la moitie de [leur terme] ou le quart, et noméement por ce que li uns ouvriers ne soustraie l'aprentiz a l'autre» (Ibid. P. 190. XIV ст.).

Лишь 7 парижских корпораций требовали, чтобы будущий мастер обязательно прошел обучение¹⁸ и лишь 5 ремесел настаивали на проверке обучения. Будущий изготовитель пряжек из бронзы (XXII) должен был доказать, что обучался по нормам и обычаям Парижа¹⁹. У изготовителей шелковых тканей, бархата и кошельков (XL) те, кто охранял ремесло, проверяли, что будущий мастер умеет делать все сам без совета и помощи другого²⁰, у портных платья (LVI) проверяли, достаточно хорошо ли будущий мастер умеет шить и кроить²¹. У изготовителей пуговиц и наперстков из бронзы и латуни (LXXII) кандидат должен был доказать, что обучился у мастера тому, чему должен был обучиться²². Прюдомы (управляющие) парижских хирургов (XCVI) клялись, что «хорошо и честно будут проверять и испытывать тех, которые, как они будут полагать и считать, достойны работать», и что ни дружба, ни неприязнь не вынудят их уклониться от этого²³. Во всех этих случаях новичку требовалось доказать свое обучение и знание ремесел. Возможно, что и для других ремесел, требовавших обучения или знания ремесла, доказательство было необходимо, но уставы это не зафиксировали²⁴.

Незнание ремесла могло плохо сказаться на самом мастере, который довольно быстро лишился бы клиентуры и заработка. Могло негативно отразиться на репутации всего профессионального сообщества – предотвращению этого служили регулярные проверки (мастерских, рынков, ярмарок, и всех изделий, где бы они ни были обнаружены в городе) со стороны уполномоченных корпорацией мастеров (а также реакция на жалобы покупателей, запись правил и т.д.).

¹⁸ Указывали длительность обучения или (в двух случаях – у изготовителей пряжек из меди и латуни (XXII) и ремешков (LXXXVII)) необходимость его соответствия нормам Парижа.

¹⁹ «... Par tant... que il se soit fait creable par devant les preudeshomes du mestier, qi'il l'apris le mestier, a Paris ou ailleurs, as us et aus coustumes de la ville de Paris, s'est a savoir que il ait paie a son mestre xl s. et vi ans servi, ou qu'il ait servi viii ans sanz argent»: Le Livre des métiers 1879. P. 50. I ст.

²⁰ «Il convendra que il le sache faire de touz poinz, de soy, sanz conseil ou ayde d'autruy, et que il soit a ce examinez par les gardes du mestier»: Ibid. P. 76. I ст. После этого следовало купить ремесло.

²¹ «... Que li mestres qui gardent le mestier aient veu et regardé s'il est ouvriers soufisant de coudre et de tailler. Et s'il se treuvent soufisant, il puet establee lever et tenir ostel comme mestres»: Ibid. P. 116. III ст.

²² «...Que il face le mestier bien et loialment, et que il se face creable que il ait fait envers le mestre qui apri l'a ce que il doit»: Ibid. P. 152. I ст.

²³ «...Que eus bien et loiaument encercheront et examineront ceus qu'il creront et cuideront qu'il ne soient digne d'ouvres»: Ibid. P. 209. IV ст.

²⁴ В уставе волочильщиков проволоки (XXIV), как и в остальных, требовавших обучения, сказано: кто хочет быть волочильщиком проволоки в Париже, может им быть при условии, что пробыл в ремесле 10 лет, знает ремесло и имеет средства – «...estre le puet, por tant que il ait esté au mestier x ans et que il sache le mestier et ait de coi»: Ibid. P. 53. I ст.

Среди всех негативных последствий особое значение для корпорации, ее репутации, обеспечения ее будущего, имело обучение следующего поколения. Прием ученика – частное дело мастера; условия приема и обучения обговаривались им с родителями или опекунами ребенка, но ожидая достойного результата обучения, корпорации беспокоились о том, чтобы учителя обладали необходимой для обучения квалификацией и материальным положением. Благосостояние, благонадежность и мастерство будущего учителя обычно определялись как обладание достаточными средствами (изготовители железных пряжек (XXI), изготовители крепа из ниток и шелка (XXXVII), ременьщики (LXXXVII)). Изготовители четок из кораллов и раковин (XXVIII) требовали, чтобы у мастера была своя мастерская. Изготовители брз²⁵ (XXXIX) настаивали, чтобы мастер хорошо обучал ученика, а сукноделы (L) считали, что прюдомы должны были взять залог у мастера, если у них возникали сомнения в будущем учителе. Во всех этих случаях (кроме XXVIII и XXXIX уставов) предполагалась проверка со стороны прюдомов, критерии которой определялись уставами как достаточность: достаточно ли у мастера средств и умения, достаточно ли он благоразумен и обеспечен, чтобы учить, воспитывать и содержать ученика в течение всего срока обучения, чтобы ученик не потерял времени, а его отец – денег²⁶.

Однако основным признаком неготовности учить корпорации видели в незавершенности обучения самого учителя. Критерием здесь также выступало время: мастер или мастерица должны были проучиться полный срок, так как меньший срок представлялся недостаточным, чтобы знать ремесло и обучать другого, какой бы ни была причина незавершенности обучения. Так считали изготовители четок из кораллов и раковин (XXVIII)²⁷, гранильщики хрусталя и драгоценных камней (XXX), прядильщицы шелка на малых веретенах (XXXVI)²⁸, изготовители крепа из ниток и шелка (XXXVII), резчики-скульпторы (LXI)²⁹.

Некоторые профессиональные сообщества требовали, чтобы после завершения обучения мастер или мастерица еще поработали в ремесле.

²⁵ Верхняя мужская одежда, разновидность штанов; у галлов они были длинными, до ступни, к XIII в. стали короче, обычно шились из льняного полотна, также из шёлка, шерсти и кожи. Подробнее о ремесле: Franklin 1906. P. 107-108.

²⁶ Такое объяснение есть у изготовителей железных пряжек (XXI), изготовители крепа из ниток и шелка (XXXVII), сукноделов (L), ременьщиков (XXXVII).

²⁷ Регламент запрещал брать ученика мастеру, который был отпущен раньше срока и потому не завершил свое обучение.

²⁸ Гранильщики хрусталя и прядильщицы шелка запрещали брать ученика мастеру и мастерице, которые выкупились из обучения, пока не пройдет срок их обучения.

²⁹ Доказательством того, что будущий учитель проучился положенный срок (здесь – 7 лет (Le Livre des métiers. P. 128. V ст.) хотя минимальный срок обучения – 8 лет (Ibid. P. 127. II ст.), является клятва, которую он должен принести в присутствии прюдомов (Ibid. P. 128. V ст.).

Изготовители меховых шляп (XCIV) запрещали брать ученика, если мастер был недостаточно опытен³⁰, не оценивая этот опыт никакими критериями. Однако большинство корпораций, полагавших дополнительный опыт необходимым для будущего учителя (волочильщики проволоки (XXIV), изготовители крепа из ниток и шелка (XXXVII), ткачихи шелка (XXXVIII)³¹, изготовители вышитых золотом и жемчугом шляп (XCV)), зафиксировали срок такой работы как традиционные для Средневековья «год и день» – именно столько должно было пройти после того, как ученик завершил свое обучение, чтобы он сам мог учить.

Парижские ремесленники измеряли знания и опыт временем: завершением срока обучения или завершением обучения плюс год и день дополнительной работы (8 ремесел). Это было и считалось достаточно, чтобы доказать квалификацию мастера, что еще раз подтверждает избыточность парижских сроков. Время выступало базовым критерием, учитывающим нормальное (усредненное) течение событий и почти все жизненные обстоятельства. Это универсальная, но недостаточная мера.

Вопрос о других критериях возникал. Это проверка результатов обучения того, кто желал работать в Париже (5 ремесел), и проверка благосостояния и мастерства будущего учителя, которую проводили прюдомы (4 других ремесла). Несовпадение ремесел, оказавшихся заинтересованными в дополнительных проверках качества обучения, является следствием разных целей проверки: контроль за чужаками в первом случае (нежелание допустить новых конкурентов на местный рынок) и контроль за своими коллегами – во втором (их недобросовестность пятнала репутацию профессионального сообщества и могла ввести его в непредвиденные расходы). Кроме того, проверки проводились на разных этапах жизни и работы мастера: в первом случае проверка проводилась после его обучения, неизвестного парижским мастерам, в т.ч. неизвестно, когда завершившегося, – и перед началом работы³². Во втором – перед

³⁰ «Item, que nus maistres du dit mestier ne puist prendre aprentiz se le maistre n'est ouvriers souffisans»: Ibid. P. 206. VI ст. Н.П. Грацианский усматривал в этом указание на достаток мастера – «мастер должен быть “человеком с достатком”» (Грацианский 1911. С. 111), Л.И. Киселева – на опыт: «...не может брать учеников, если он недостаточно опытный работник» (Регистры ремесел и торговли... С. 212).

³¹ Мастерницей (mestresse) «работница» становилась, только проработав год и день («Nulle ouvriere de Tissuz de soie ne puet ne ne doit estre mestresse eu mestier devant ce qu'elle aura esté un an et un jour a lui, puis qu'elle aura fet son terme, porce qu'elle soit soutive de son mestier garder et fere»: Le Livre des métiers. P. 74. I ст.), а учениц могли брать только мастерницы (Ibid. II ст.).

³² Проверки и клятвы подмастерьев, пришедших работать в Париж, здесь не рассматриваются. Во-первых, подмастерья по общему правилу не могли учить учеников (хотя были исключения), а во-вторых, проверяя подмастерьев, корпорации интересовались не столько их профессиональными навыками, сколько прежней и будущей лояльностью: угодили ли те своим прежним хозяевам и готовы ли поклясться в том, что будут соблюдать местные обычаи и сообщат обо всех замеченных нарушениях.

началом обучения другого, когда проверяемый сам хотел стать учителем, и опять же момент окончания его собственного обучения не указан в регламентах (а значит, не имел значения).

Этим проверки принципиально отличаются от такого критерия как время: внимание к окончанию обучения будущего учителя, отчет «года и дня» его последующей «практики» применимы только к такому учителю, который только что стал мастером. Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту в оценке обучения, к моменту записи «Книги ремесел» парижские ремесленные корпорации обладали весьма богатым опытом такой оценки и предусмотрели разные варианты предотвращения связанных с этим конфликтных ситуаций.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879. Réimp. Genève, 1980.
- Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой, под ред. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 309–362. М., 1958. Вып. XI. С. 171–221.
- Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911 [Gracianskij N.P. Parizhskie remeslennye cehi v XIII–XIV stoletiyah. Kazan', 1911].
- Кириллова Е.Н. «Книга ремесел» Этьена Буало: аутентичный текст или логика издателей // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 28–55 [Kirillova E.N. «Kniga remesel» Eht'ena Bualo: autentichnyj tekst ili logika izdatelej // Srednie veka. M., 2006. Vyp. 67. S. 28–55].
- Столцкая-Терешкович В.В. Немецкий подмастерье XIV–XV веков. М., 1933 [Stolckaja-Tereshkovich V.V. Nemeckij podmaster'e XIV–XV vekov. M., 1933].
- Фараль Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. СПб., 2014 [Faral' E.N. Povsednevnaia zhizn' v ehpohe Lyudovika Svyatogo. SPb., 2014].
- Bourlet C. Le Livre des métiers dit d'Étienne Boilleau et la lente mise en place d'une législation écrite à Paris (fin XIIIe – début XIVe siècle) // Médiévale 69. Automne 2015. Travailler à Paris (XIIIe – XVIe siècle). P. 19–48.
- Fagniez G. Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et au XIVe siècle. P., 1877.
- Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le treizième siècle. P.; Leipzig, 1906.

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН; kkirillova@mail.ru

Time as a universal criterion: apprenticeship in the 13th-century Paris

The main criterion that determined the completion of apprenticeship in Paris crafts in the 13th century was the completion of the term of apprenticeship. Time was the basic criterion that takes into account the normal course of events and almost all the circumstances, however this criterion has not always been enough. The doubt in the high qualification of a new master produced the requirement to work for extra time (usually for “one year and one day”) or to pass the guild’s examination. Another aspect – good apprentices, who learned the métier before the deadline of the apprenticeship. Then the Paris guilds offered to pay for apprentices’ work, or to reduce the term of apprenticeship, or to change the attitude for apprentice.

Keywords: “Livre des métiers” of Paris, crafts, apprenticeship, term of apprenticeship.

Ekaterina Kirillova, Dr.Sc. (History), Deputy Director of the Institute of World History Russian Academy of Science; kkirillova@mail.ru

А. Г. АЙРАПЕТОВ

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАЦИОНАЛИЗМ

Автор предпринял попытку связать с женской природой особенности восприятия женщинами России, Словении, Венгрии в 1990–2010-е годы национализма и национальной идентичности (по материалам интервью и публицистики).

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, европеизм

В научный обиход российских гуманитариев прочно вошли понятия «нация», «национализм», «национальная идея». Реалии 1990-х – начала XXI в. в странах Центральной, Восточной Европы и Центральной Азии повелительно требовали от постмарксистского общественнознания обновления теоретико-методологического багажа, пристального изучения национальных процессов. Показателем смены академического дискурса стала полная легитимация названных понятий. Нация перестала рассматриваться лишь как объективная реальность, она теперь трактовалась в первую очередь как «конструируемый концепт». Национальная идея интерпретируется как понятный большинству населения страны слоган. Категория «национализм», сохраняя негативную коннотацию («агрессивный национализм»), обрела и позитивную – близкую (или даже совпадающую) по смыслу с понятиями «национальное освобождение», «патриотизм».

В условиях существования народов, стремящихся к автономии и созданию своей государственности, национализм как идеология коллективного «мы» постулирует преданность государству, которое, в свою очередь, во главу угла своей политики ставит интересы нации (наций). Это чревато ограничением прав личности, функций гражданского общества. Тесное сплетение нации и государства ведет к установлению этнократии, которая, апеллируя к общенациональным, или государственным, императивам, может расширять или сужать границы свободы личности в зависимости от устанавливаемой самой же этнократией той или иной степени стабильности внутри страны и во внешней политике. Национализм в указанных коннотациях объединяет мужчин и женщин, людей разных возрастов, общественного положения и т.д. Но при этом национальная идеология неодинаково преломляется в сознании ее приверженцев, отличаясь смысловыми оттенками, тональностью, речевыми выражениями.

Редко можно встретить публичные высказывания женщин по национальному вопросу – не как о научной проблеме, а как об актуальной политической практике. На сайтах Интернета удалось обнаружить мнения о национализме двух просвещенных дам из России и Словении. Киноактриса, по образованию журналист-международник, Надежда Михалкова, дочь Н.С. Михалкова, в октябре 2012 г. ответила на вопросы корреспондента еженедельника «Аргументы и факты» Сергея Грачева:

«АиФ»: В реальной жизни экспансия лиц кавказской национальности сегодня многих раздражает. Что вы думаете по этому поводу?

Н.М.: Нас, русских, часто вообще не поймёшь: что мы любим, чего хотим, что нас раздражает... У нас ведь нетерпимость не только к кавказцам или азиаткам. Мы нетерпимы и агрессивны в первую очередь по отношению друг к другу. Лично я нетерпима к хамству, несправедливости, и для меня не важно, какой национальности человек. Мы в себе не хотим видеть бескультурие, но в других за милую душу это найдём. Посмотришь телевизор, считаешь газеты – и уже всех ненавидишь, и самому жить не хочется. А разговоры о том, что мы многонациональное государство, что национализм – это плохо, что надо быть терпимее друг к другу, у многих порой вызывают обратную реакцию.

«АиФ»: У меня вопросы к вам как к дипломированному журналисту-международнику: кто виноват и что делать?

Н.М.: Виноваты обе стороны: и мы ведём себя неправильно по отношению к приезжим, и приезжие часто ведут себя недопустимо. Оказавшись вне дома, вне родины, очевидно, надо вести себя по правилам, установленным на этой территории. А на вопрос «что делать?» отвечу не как актриса или журналист, а как женщина: быть добрее и внимательнее друг к другу. Наверное, нужны какие-то проекты, которые бы объединяли и знакомили нас. Мы же сегодня ничего толком не знаем о своих соседях – будь то лестничная площадка или территориально близкие нам страны. Мы во многом заложники стереотипов...¹

Обратим внимание, что русская женщина в своих рассуждениях о национализме руководствуется наднациональными, общечеловеческими критериями, в частности, мотивом справедливости, а не узкокорыстного эгоизма и тем более – не великодержавного шовинизма.

Второе мнение принадлежит сербскому лингвисту, антропологу и правозащитнику Светлане Слалпшак, основательнице журнала «Femina» (1994). В ноябре 2014 г. она дала интервью «Радио Свобода». Феминизм, согласно Слалпшак, «является природным врагом национализма». Коснувшись гражданской и межнациональной войн в Югославии, она так прокомментировала слова корреспондента радио Елены Фанайловой, что «женщины в 90-е годы спасли честь сербов»: «Да, я уверена в этом, потому что во время югославских войн я сама была свидетелем того, как женщины с разных сторон помогают друг другу, спасают даже мужчин, которые не понимают, о чем идет речь»². Итак, и в позиции Слалпшак общечеловеческое начало доминирует над национальным фактором.

Как же женщины сопрягают национализм и национальную идентичность? Среди 38 видных представителей венгерской науки и культуры – авторов двух опубликованных в Венгрии сборников³ – только две женщины: историк академик Мария Ормош и прозаик Анна Йокаи. Попробуем выяснить, как сказывается на позиции образованной, эмансипированной дамы (а именно таковы две упомянутые мадьярки) по национальному

¹ Надежда Михалкова. 2012.

² О национализмах больших и малых. 2014.

³ Изданы в переводе на русский язык: Венгры и Европа...; Венгерский гений...

вопросу женская природа. Выскажем небесспорное предположение о существовании внутренней психологической связи между женщиной, дающей жизнь человеку, и нацией – общей матерью исторически сложившейся общности людей. Как известно, существительное «нация» в языках, имеющих род – русском, других славянских, немецком, французском и др. – женского рода. А вот слово «национализм» в тех же языках – мужского рода, и, вероятно, не случайно, ведь национализм, подобно мужчине, призван наступать, позиционировать, защищать.

Академик Мария Ормош – известный и авторитетный в Венгрии и за ее рубежами историк и общественный деятель. В 1980–1990-х гг. она была деканом и ректором университета в Пече, членом ЦК Венгерской социалистической партии. Историческая трансформация Венгрии в конце XX – начале XXI в., выразившаяся в отказе от социализма и вступлении в Европейский Союз и НАТО, актуализировала в общественном мнении страны вопрос о национальной идентичности мадьяр. Он имеет по меньшей мере два аспекта: этноязыковой (труднодоступный венгерский язык остается, как и раньше, неким сфинксом для соседних славянских, германских, романских народов) и геоисторический (расположившись с конца IX в. в центре Европы, венгры воспринимают себя европейцами или нацией-медиатором между Европой и Азией). Читая эссе Ормош «Венгры на родине и дома, вчера и сегодня. Кто сегодня венгр?» (2005), невольно обращаешь внимание на то, что автор, вступая в общевенгерскую полемику, избегает категоричных оценок. Она констатирует, что в современной Венгрии «наряду с большинством людей, имеющих несомненный и однородный венгерский идентитет, бок о бок проживают диаспоры иных наций с иным национальным самосознанием». Ормош полагает, что невозможно с абсолютной точностью установить, какая из двух самоидентификаций для них первична. Иллюстрацией служит анализ положения и этнического самосознания венгерских цыган, к которым в обществе сохраняется неприязненное отношение:

«Цыган иронически именуют “смутлокожими” или “меньшинством”, произнося это слово с презрительной интонацией и сопровождая соответствующей мимикой. <...> Можно предположить, что немалая часть цыган по своему душевному, психическому складу имеет двойственную природу, и найдут ли они свое место на родине, зависит в первую очередь от того, какова эта родина. Редко встретишь цыгана, который сумел бы разрушить массовую антипатию явным, выдающимся успехом и расположить к себе значительную часть публики...». Сторонница национального равноправия, Ормош заявляет: «Провозглашение равных шансов для всех... будет чистым фарисейством, если оно не сопровождается стройной, продуманной, я даже не побоюсь этого выражения, жесткой программой. И во сколько бы это не обошлось, цыганских детей нужно обучать в дошкольных учреждениях и давать им полное среднее образование»⁴.

⁴ Там же. С. 235–236.

Говоря о положении и самосознании венгерских евреев, Ормош указывает, что антисемитизм не характерен для широкого общественного мнения: «Можно думать, что венгры, исповедующие иудаизм, или венгры-атеисты еврейского происхождения в первую очередь осознают себя венграми, и большинство венгров тоже считают их таковыми»⁵. Но она хотела бы переубедить антисемитское меньшинство, делая акцент на корни антисемитизма, на доказательство того, что антисемитизм по тем же основаниям можно легко заменить другой националистической фобией.

В последние десятилетия возник феномен наднационального общеевропейского самосознания в рамках Евросоюза. Ормош интересуется, сохраняют ли венгры, живущие за пределами родины, психологическое единство с венгерскими мадьярами или в их сознании венгерское переплетается с принадлежностью к словацкой, словенской, румынской нациям. Ведь «отечественные венгры, хотя и считают словацких или румынских венгров мадьярами, но при этом понимают, что они являются гражданами Словакии или Румынии, вследствие чего их нередко называют просто словаками или румынами. Речь идет о переходной ситуации...». На вопрос, «являются ли мадьярами зарубежные венгры», она отвечает утвердительно: «они являются таковыми, если они ощущают и признают себя венграми»⁶. Ормош призывает венгров быть самокритичными и преодолеть страхи, точнее то, что осталось от них в подсознании:

«Больше нет ни турок, ни Габсбургов, нам не угрожает Гитлер, и русские ушли к себе домой. И больше не нужно ни ударяться в бег, ни странствовать, ни скрываться... А боязнь все еще остается, и давит по-прежнему... Часть венгров по-прежнему мнят себя жертвами и отверженными париями, что им совсем несложно, поскольку вновь много, слишком много настоящих отверженных [живущих за чертой бедности. – А.А.]. В их сознании вакуум внешнего врага заполняется под влиянием экстремистской крайне правой пропаганды образом нового угнетателя в лице интегрированной Европы. Одновременно «новые парии» не скрывают ностальгии по кадаровским временам [Янош Кадар – руководитель Венгрии в 1956–1988 гг.], когда они были так или иначе социально защищены. Ностальгия по прошлому распространяется даже на режим Миклоша Хорти [1920–1944], который пытаются представить в розовом свете»⁷.

Ормош против любого силового решения межэтнических проблем. В вопросе о венгерской диаспоре она на стороне большинства мадьяр Венгрии, которые смотрят на «венгерскую проблему» прежде всего через призму национальной политики того или иного государства:

«Большинство, как представляется, амбивалентно. Они не ревизионисты [сторонники пересмотра границ и перекройки территорий, установленных Трианонским договором 1920 г. – А.А.] и не поддержали бы массовую репатриацию, но они не отказываются ни от взаимных уз, ни от соперничества и

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 240–242.

⁷ Там же. С. 243–245.

готовы содействовать реализации интересов зарубежного венгерского населения, если это не нарушает их собственных действительных или мнимых интересов... С точки зрения национальной политики оно право»⁸.

Позицию Ормош в «венгерском вопросе» предопределяет приоритет личных прав человека: «Мы, как можно предположить, – она вновь избегает императивного тона, – поступим правильнее всего, если... будем считать венгром любого, кто идентифицирует себя самого как венгра». Она включает в этот круг и всех тех, кто остается законопослушным гражданином какой-то дальней зарубежной страны, но «при этом говорит по-венгерски и поддерживает с этнической родиной какую-то связь, более того, и тех, кто сохранил хоть какие-то воспоминания о своих отдаленных венгерских корнях. И пусть эти люди уже не говорят по-венгерски, но – хвала бабушке или прабабушке! – все еще любят куриный паприкаш с салатом из огурцов со сметаной»⁹.

Завершая эссе, Ормош вновь задает риторический вопрос «Так что есть венгр сегодня?», на который нет однозначного ответа, и с оптимизмом, более присущим женщине, до конца живущей надеждой, чем мужчине, пишет: «Это маленькая нация, которая... не умеет “подвести итог своему прошлому”... и пока не освоила правил, действующих в настоящем... Вместе с тем она быстро учится (и дурному, и хорошему в равной мере) и хотела бы как можно скорее зажить хорошо и спокойно»¹⁰.

Анна Йокаи в эссе “Genius loci, Európa” (1997) осмысливает итоги полувекового развития Европы после Второй мировой войны. Главным признаком оздоровления европейского организма она называет избавление от немецкого национал-социализма и «большевистского “интернационального” социализма». Порожденное Первой мировой войной маргинальное сознание «неудачников» оказалось восприимчивым к нацистским идеям «немецкой высшей расы» или к большевистскому понятию «люди особого склада», видя в них, с надеждой или под страхом репрессий, перспективу «спасения»/«воскресения»: «Реальной угрозе подверглось ни много ни мало – само существование Genius loci (Гений места)», т.е. рожденный в Европе либеральный дух свободы, равенства, братства. Йокаи задается вопросом: «Несут ли европейские народы, включая венгров, ответственность за такой драматический ход истории?». Виной была чрезмерная самонадеянность и легкомысленность европейских наций, утверждает она. Однако ответ Йокаи не сводится лишь к укору в адрес по меньшей мере двух третей населения Европы. Описание телесных и душевных травм, перенесенных европейцами в XX в., проникнуто материнским чувством и заканчивается словами: «Как бы то ни было, Европа, ты настрадалась». Противница войны и кровопролития, Йокаи с осторож-

⁸ Там же. С. 249.

⁹ Там же. С. 250.

¹⁰ Там же. С. 275.

ным оптимизмом пишет: «Извечная, но так никогда и не осуществленная мечта – Европа как синтез мира – впервые, пожалуй, получает шансы переместиться в сферу реальности», и выводит формулу мирного межличностного и межнационального порядка: «Ненависть к другому не иссякнет до той поры, пока не забудет ключ сострадания».

Зрелость нации она измеряет великодушием к слабому. Достоинство же слабого, «того, кто в положении меньшинства, отнюдь не в стремлении поменяться местами, не в ответном насилии, но в стремлении к справедливости, в желании быть собою – не наперекор другому, а рядом с ним», что тождественно моральной революции. Совершив ее, европейцы покажут пример народам других континентов и обретут моральное право участвовать в преодолении и преодолении социальных и национальных конфликтов. <...>. Национализм – слово тайного языка, им прикрываются два прямо противоположных устремления: агрессивный, изоляционистский инстинкт разрушения и возвышающий, созидательный инстинкт самосохранения. Не зная конкретных фактов, нельзя понять, что скрывается за этим словом в том или ином случае, а потому лучше его и вовсе не употреблять»¹¹.

Призывая Европу умерить свою гордыню, она убеждена, что между Западом и Востоком нет «китайской стены». Перед лицом всемирной глобализации Йокаи напоминает о существующем уже долгое время взаимопроникновении культур: «И на Западе есть “восточное”, а на Востоке – “западное”»¹². А это означает неизбежность новых поворотов в межнациональных отношениях, новых оттенков в их интерпретации, и надо думать, что свое веское слово здесь вновь скажут женщины.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Венгерский гений. Венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современном мире. М., 2011 [Vengerskii genii. Vengry, kak oni vidyat sebya, Vengriyu, svoe mesto v istorii i sovremennom mire. M., 2011].
- Венгры и Европа. Сборник эссе. М., 2002 [Vengry i Evropa. Sbornik esse. M., 2002].
- Надежда Михалкова о национализме и профессии // Аргументы и факты. № 41. 10.10 2012 г. [Nadezhda Mikhalkova o natsionalizme i professii // Argumenty i fakty. № 41. 10.10 2012 g.]
- О национализмах больших и малых. – www.svoboda.org/content/article/26669686.html [O natsionalizmkh bol'shikh i malykh]

Айрапетов Арутюн Гургенович, доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, airahist@mail.ru

Women perception of nationalism

The article attempts to relate features of women perception of nationalism and national identity with feminine nature in Russia, Slovenia, Hungary in 1990 - 2010. The observations and conclusions made by the author on interviews and journalism.

Keywords: nationalism, tolerance, national identity, antisemitism, europeanism

Arutyun Ajrapetov, Dr.Sc. (History), Professor of Tambov State University, airahist@mail.ru

¹¹ Там же. С. 471-472.

¹² Там же. С. 472.

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ

ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА КНИГА XI. О ЧЕЛОВЕКЕ И ЧУДЕСАХ ГЛАВА 1. О ЧЕЛОВЕКЕ И ЧАСТЯХ ЕГО

(1) *Природа* (*natura*) названа по той причине, что дает всему возможность *родиться* (*nasci*), ведь властна она порождать и сотворять. Некоторые полагали, что она и есть тот Бог, которым все сотворено и [благодаря которому все] существует. (2) [Слово] *род* (*genus*) произошло от [глагола] *порождать* (*gignere*), оно восходит к слову *земля*, из которой все и рождается, ведь по-гречески земля зовется γῆ. (3) *Жизнь* (*vita*) наречена так от *жизненной силы* (*vigor*), либо оттого, что наделена она *силой* (*vis*) порождать и взращивать. Отсюда говорят, что и деревья обладают жизнью (*vita*), поскольку и они рождаются и растут. (4) *Человек* (*homo*) назван так оттого, что создан из *земли* (*humus*), как говорится [о том в книге] «Бытия»: «*Et creavit Deus hominem de humo terrae*» («И создал Господь Бог человека из праха земного»)¹. Фигурально выражаясь, всякий человек состоит из двух различных субстанций, то есть из совокупности души и тела. Но в прямом смысле *homo* (человек) [происходит] от *humus* (земля).

(5) Греки, однако, потому назвали человека ἄνθρωπος, что смотрит он вверх, от земли поднимая взор к создателю своему. На это указывает поэт Овидий, когда говорит: «*Pronaque cum spectant animalia cetera terram, / os homini sublime dedit caelumque videre / iussit, et erectos ad sidera tollere vultus*» («И между тем как, склоняясь, остальные животные в землю / Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо / В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи»)².

Человек стоит прямо и взирает на небо по той причине, что ищет бога, тогда как животные, которых природа создала согбенными и покорными желудку, глядят на землю. (6) Ведь двойственен человек, имеет он [природу] внутреннюю и внешнюю. Внутренняя его [природа] – душа, внешняя – тело.

(7) *Душа* (*anima*) получила свое наименование от язычников в силу того, что она представляет собой *дуновение* (*ventus*). Поэтому и в греческом языке дуновение зовется ἄνεμος, ибо нам кажется, что живем мы благодаря тому, что вдыхаем ртом воздух. Но совершенно очевидно, что такое понимание ложно, поскольку душа зарождается гораздо раньше, чем младенец мог бы вдыхать воздух ртом, ведь душа существует уже [тогда, когда плод находится] еще в утробе матери. (8) Следовательно, душа – это не воздух, как думали те, что не смогли понять ее бестелесную природу. (9) *Дух* (*spiritus*) есть то же, что Евангелист называет душой (*anima*), когда говорит: «*Potestatem habeo*

¹ Genes. 2:7.

² Ovid. Metam. 1, 84. Пер. С.В. Шервинского.

ponendi animam meam, et rursus potestatem habeo sumendi eam) («Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее»³). Что же до души самого Господа во время Страсти господней, вышеупомянутый Евангелист высказался [о ней] так: «*Et inclinato capite emisit spiritum*» («И, преклонив главу, испустил дух»⁴). (10) Что означает «испустить дух» (*emittere spiritum*), как не «преставиться» (*animam ponere*)? *Душа* (*anima*), однако, названа так по той причине, что *живет* (*vivere*), *дух* (*spiritus*) же – либо от его *духовной* (*spiritualis*) природы, либо вследствие того, что он *одухотворяет* (*inspirare*) тело.

(11) *Animus* (дух) есть то же, что и *душа* (*anima*), но *anima* – основа жизни, а *animus* – основа здравого разума. Отсюда философы говорят, что жизнь сохраняется и при утрате разума (*animus*), а душа (*anima*) продолжает жить и после утраты разума (*mens*); отсюда и *amentes* (неразумные). Поэтому говорят *mens* (разум), [когда речь идет] о знании, и *animus*, [когда речь идет] о сознании. (12) *Разум* (*mens*) назван так оттого, что он «*выдается*» (*eminere*) в душе, или оттого, что [имеет свойство] *помнить* (*meminisse*). Отсюда и утративших память именуют *amentes* (неразумные). По той же причине не *anima* (душой), а *mens* (разумом), зовут высшую страту души, как если бы то была голова ее или глаз. Оттуда и сам человек в силу разума его именуется подобием Божьим. Кроме того, все эти категории столь тесно связаны с душой (*anima*), что составляют одно целое. Наделена же душа различными наименованиями по соответствующим причинам. (13) Так, покуда тело живет – речь о душе (*anima*); покуда желает – о воле (*animus*); покуда мыслит – о разуме (*mens*); покуда помнит – о памяти (*memoria*); покуда правильно рассуждает – об уме (*ratio*); покуда дышит – о духе (*spiritus*); покуда что-либо ощущает – о чувстве (*sensus*). Действительно, если речь об ощущении, то вместо *animus* используют *sensus* (чувство), откуда и произошло слово *sententia* (мнение).

(14) *Тело* (*corpus*) названо так оттого, что, будучи поврежденным, гибнет (*corruptum perit*). Действительно, подверженное разложению и смерти, оно должно когда-то превратиться в глени. (15) *Плоть* (*caro*) же названа так от [глагола] *творить* (*creare*). Ведь *crementum* – мужское семя, из которого зарождаются тела животных и людей. Отсюда и родителей именуют *творцами* (*creatores*). (16) *Плоть* состоит из четырех элементов. Так, земля наличествует в мясе, воздух – в дыхании, влага – в крови, огонь – в жизненной силе. Каждый из этих элементов занимает в нас свою часть, и оказывается обреченным при распадении соединения. (17) *Плоть* (*caro*) и *тело* (*corpus*) суть не одно и то же. *Плоть* – всегда *тело*, но *тело* – не всегда *плоть*: *плоть* есть то, что наделено жизнью, и [в этом случае] она же есть *тело*; *тело* есть то, что безжизненно, и [тогда] оно не *плоть*. Ведь *телом* именуется либо то, что став мертвым, утратило жизнь, либо то, что изначально было создано безжизненным. Иногда и нечто живое [именуют] *телом* (*corpus*), а не *плотью* (*caro*), как в случае с травой или деревом.

(18) У тела пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Из них два то действуют, то бездействуют, а два действуют всегда. (19) *Чувства* (*sensus*) названы так оттого, что с их помощью душа тончайшим образом

³ *Ioh.* 10:18.

⁴ *Ioh.* 19:30. Пер. наш.

управляет всем телом силою ощущения (*sentire*). Откуда и происходит *praesentia* (присутствие), поскольку означает *prae sensibus* (перед чувствами), как *prae oculis* есть то, что находится перед глазами. (20) *Зрение* (*visus*) есть то, что философы называют *humor vitreus* (стекловидная жидкость). Некоторые убеждены, что зрение происходит либо от внешнего эфирного свечения, либо от внутреннего, следующего от мозга по тончайшим капиллярам, светового потока, который, пройдя препоны, истекает в воздух и, смешиваясь здесь с аналогичной материей, порождает зрение. (21) *Зрение* (*visus*) названо так оттого, что оно прочих чувств *стремительней* (*vivacior*) и важнее, или быстрее, и оно имеет столь большое значение, сколь и память среди прочих свойств ума. Оно же и ближе всего (*vicinior*) к мозгу, от которого все происходит; оттого и происходит так, что даже в отношении воспринимаемого иными чувствами, мы говорим «смотри». Как, например, мы говорим: «*Vide quomodo sonat*» («Смотри как звучит»), «*vide quomodo sapit*» («смотри как вкусно») и так далее.

(22) *Слух* (*auditus*) назван так оттого, что *улавливает* (*aurire*) звуки; то есть воспринимает звуки, отражаемые воздухом. *Обоняние* – *odoratus*: как бы *aeris odoris adtactus* («затронутый воздуха запахом»), ведь запах ощущается [при вдыхании] воздуха. Оттуда же и [иное слово для обоняния] – *olfactus*, поскольку обоняние *возбуждается запахами* (*odoribus adficere*). *Вкус* (*gustus*) происходит от [слова] *горло* (*guttur*). (23) *Осязание* (*tactus*) – оттого, что *ощупывает* (*pertractare*), *прикасается* (*tangere*) и рассеивает по всему телу ощущение жизненной энергии. Действительно, мы исследуем посредством осязания то, о чем не можем судить при помощи иных чувств. Имеется два вида осязания: одно, действительно, возникает снаружи при прикосновении, другое зарождается внутри, в самом теле. (24) Каждому чувству присуща собственная природа. В самом деле, то, что должно быть замечено, воспринимается глазами, что должно быть услышано – ушами; мягкость и грубость [вещей] оцениваются осязанием, вкус – вкусовыми ощущениями, запах ощущается ноздрями.

(25) Главная часть тела – *голова* (*caput*); дано ей это имя оттого, что в ней свое начало *берут* (*capere*) все чувства и нервы, и из нее происходит вся жизненная энергия. В ней же все чувства себя проявляют. Поэтому она некоторым образом играет роль самой души, которая имеет попечение над телом. (26) *Макушка* (*vertex*) – та часть головы, на которой скрепляются волосы и где длинные пряди волос *укладываются* вокруг (*vertere*); откуда и происходит ее наименование. (27) [Слово] *черепа* (*calvaria*) произошло от [фразы] *голые кости* (*ossa calva*); это существительное среднего рода⁵. *Затылок* (*obscipitium*) – задняя часть головы, как бы *contra capitium*; или оттого [зовется он], что находится с обратной стороны головы (*capiti retrorsum*).

(28) *Волосы* (*capilli*) суть *волосяной покров головы* (*capitis pili*); они служат украшением головы и защищают мозг как от холода, так и от солнца. Их называют так же и *pili* от *pellis*–кожи, из которой они растут; ведь и *пест* (*pilum*) происходит от *ступки* (*pila*), в которой растирается краситель. (29) *Локоны* (*caesaries*) названы так от [глагола] *обрезать* (*caedere*), отчего

⁵ Слово имеет форму женского рода (*calvaria*, ae), однако в ряде медицинских трактатов слово имеет форму среднего рода (*calvarium*, i).

[слово] используется только [в отношении волос] мужчин, ведь стрижься подобает мужчине, а не женщине. (30) *Comae*, в собственном смысле, – это необрезанные волосы. Слово это греческое. Действительно, длинные волосы греки называют *saĩtos* от глагола «обрезать», откуда и κεῖρειν– «стричь». Оттуда происходит и *cirrus* (завиток). Греки именуют его μαλλός. (31) *Прядями* (*crines*) именуют [только] женские локоны. Называют их так оттого, что они *укладываются* (*discernere*) с помощью лент. Откуда и название *заколок* (*discriminalia*), которыми скрепляются отдельные пряди.

(32) *Виски* (*tempora*) располагаются с правой и левой стороны черепа. Они называются так оттого, что меняются и своей изменчивостью напоминают *времена* (*tempora*) года, изменяющиеся с определенной периодичностью.

(33) [Слово] *облик* (*facies*) произошло от *effigies* (скульптурный образ). Действительно, облик дает понимание сути всякого лица и представление о фигуре человека в целом. (34) [Слово] *лик* (*vultus*) в свою очередь произошло оттого, что в нем проявляется устремление (*voluntas*) духа; ведь выражение лица посредством мимических движений меняется в соответствии с эмоциональным настроением; поэтому два термина, обозначающих лицо, и отличаются один от другого. Действительно, *facies* используется исключительно для характеристики естественного выражения лица, тогда как *vultus* – для характеристики душевных состояний. (35) *Чело* (*frons*) получило наименование от *глазниц* (*ab oculorum foraminibus*). Оно является отражением души, ибо во взгляде, радостном или печальном, отражается душевное состояние [человека].

(36) *Глаза* (*oculi*) названы так либо оттого, что, дабы быть защищенными от любого случайного вреда, *прикрыты* (*occulare*) веками, или же оттого, что обладают *скрытым светом* (*occultum lumen*), то есть потаенным или сокрытым внутри. Глаза среди всех [органов] чувств, находятся ближе всего к душе. Действительно, всякое движение мысли отражается в глазах, поэтому и смятение души и радость отражаются в них. Но глаза называют также и *lumina* (светильники). Названы они *lumina* либо оттого, что из них истекает свет (*lumen*), либо оттого, что сохраняют сокрытый в них изначально свет, либо оттого, что отражают свет, воспринятый зрением снаружи. (37) *Зрачок* (*pupilla*) есть срединная часть глаза, в которой сосредоточена сила зрения; поскольку отражающиеся в них образы кажутся нам маленькими, то и называются зрачки *pupillae*. Действительно, малышей зовут *pupilli*. Многие называют зрачок *pupula*. *Pupilla* зовется он и оттого, что чист и непорочен, каковы и девочки (*puellae*). Физиологи говорят, что те, в чьих глазах мы видим зрачки, еще не готовы умереть в ближайшие три дня, на тех же, чьи зрачки не видны, лежит печать безнадежности. (38) Та круглая оболочка, которая отделяет белые части глаза от черного круга [зрачка], зовется короной (*corona*)⁶, поскольку округлостью своей украшает (*ornare*) контур зрачка.

(39) *Веки* (*palpebrae*) – защита глаз; [названы они так] от *моргания* (*palpitatio*), поскольку всегда находятся в движении. смыкаются же они с двух сторон, чтобы постоянным их движением восстанавливать [ясность] зрения. Окаймлены они «частоколом» ресниц, [служащих для того], чтобы отторгать

⁶ Т.н. радужная оболочка.

все то, что стремится попасть в них, когда те открыты, а когда сомкнуты сном, чтобы дать возможность отдохнуть под их кровом. (40) По краям век, которые, смыкаясь, касаются одно другого, растут, храня стройный порядок, ресницы, служащие для глаз защитой, чтобы какой мусор не причинил случайно им вред и не оказались бы они в силу этого повреждены, и чтобы предотвратить контакт с пылью или некоей иной более грубой субстанцией, а также, чтобы смягчать воздействие самого воздуха, тем самым они делают зрение острым и ясным. (41) Некоторые полагают, что слово *слезы* (*lacrimae*) произошло от *душевного терзания* (*laceratio mentis*); другие утверждают, что возникло оно от греческого слова *δάκρυον* (слеза). (42) *Веки* (*cilia*) – [кожные] покровы, которыми прикрываются глаза; названы они так оттого, что *скрывают* (*celare*) глаза и предоставляют им полную защиту. *Брови* (*supercilia*) названы так оттого, что располагаются выше век (*superposita sunt ciliis*); брови для того покрыты волосами, чтобы те служили для глаз защитой и препятствовали попаданию в них стекающего со лба пота. *Переносица* (*intercilium*) – пространство между бровями, где нет волос.

(43) *Щеки* (*genae*) – части [лица] ниже глаз, где начинает расти борода. Действительно, по-гречески *γένειον* – борода. Потому щеки и зовутся *genae*, что с них начинает расти борода. (44) Выступающие под глазами части – *malae* (щеки), необходимы для их защиты. Названы же они *malae* либо оттого, что округлостью своей, которую греки именуют *μήλον* (яблоко)⁷, выдаются вперед пониже глаз, либо оттого, что находятся они над челюстями (*maxillae*). (45) *Челюсти* (*maxillae*) – уменьшительная форма от *malae* (челюсти), подобно тому как *кольшечек* (*raxillus*) происходит от *кол* (*palus*), а *изральная косточка* (*taxillus*) – от *изральной кости* (*talus*). *Нижние челюсти* (*mandibulae*) – части челюстей (*maxillae*), откуда и получили [свое] название. *Бородой* (*barba*) древние называли то, что подобает мужчинам, но не женщинам.

(46) *Уши* (*auris*) названы так оттого, что «вбирают звуки» (*voces haurire*), откуда Вергилий [говорит]: *Vocem que his auribus ausit* («И голос его своими слышал ушами»)⁸. Или оттого, что от слушания (*auditus*) сам голос греки называют *αὐδή*. Таким образом, уши (*auris*) названы так путем замены буквы, как бы *audes*. Действительно, голос, отражаясь, проходя через изгибы ушей, создает звук, который воспринимается слухом. Самая верхняя часть уха названа *pinnula* («перышко») от острого кончика. Древние ведь называли острие *pinnus*, откуда и *bipinnis* (обоюдоострая секира) и *pinna* (перо).

(47) *Ноздри* (*nares*) называются так оттого, что через них постоянно доносится (наre) или запах, или благоухание; либо оттого, что они предупреждают нас [тем или иным] запахом, чтобы мы ощутили (*noscere*) и осознали что-либо. Откуда от противного незнających и невежественных называют *ignari*. Действительно, древние использовали [глагол] *чуть* (*olfacere*) в значении *знать* (*scire*). Так Теренций [говорит]: *Ac non totis sex mensibus / prius olfecissent, quam ille quidquam coeperit* («Да прежде чем он взялся бы за что-нибудь, / Я за шесть месяцев пронюхал бы!»)⁹. (48) Прямая часть носа

⁷ Лат. *malum*.

⁸ Verg. Aen. 4, 359. Пер. С. Ошерова.

⁹ Terenc. Adelph. 397. Пер. А. Артюшкова.

зывается *колонной* (columna), поскольку схожа с ней и длиной и округлостью; кончик его – пирулой (pirula), от формы плода груши (pirus); части же, что справа и слева, – крыльями (pinnulae), от схожести с крыльями; а средняя его часть – *пограничем* (interfinium).

(49) *Рот* (os) назван так оттого, что через него, словно через врата (ostium), мы принимаем внутрь пищу и выплевываем наружу слюну; или же оттого, что через него внутрь принимается пища, а наружу выходят слова. (50) *Губы* (labia) названы так от *облизывания* (lambere). Верхнюю губу мы называем *labium*; нижнюю, поскольку она толще, – *labrum*. Другие называют губы мужчин *labra*, а губы женщин – *labia*. (51) Варрон полагает, что язык (lingua) получил свое название оттого, что *связывает пищу* (ligare cibum). Другие – оттого, что он *связывает слова*, способствуя ясному произнесению звуков. Действительно, язык, ударяя о зубы, порождает звук подобно тому, как плектр, ударяя по струнам.

(52) *Зубы* (dentes) греки называют ὀδόντες, и оттуда, как кажется, это слово перешло в латинский язык. Передние из них называют *резцами* (praecisores), поскольку всякую пищу, что попадает в рот, они измельчают прежде (prius incidere) остальных. *Клыками* (canini), называют следующие за ними, два из них располагаются в правой, а два – в левой части челюсти. Названы же они *canini* оттого, что напоминают зубы *собак* (canes), собака разгрызает ими кости, как и человек; то, что передние зубы не могут разгрызть, передается клыкам, чтобы разжевать совместными усилиями. В народе их называют *colomelli* за их длину и округлость. Последние – это коренные зубы (molares), они сминают то, что было откушено и измельчено передними зубами, *размалывают* (molere) и превращают в жидкую кашу; отсюда их и называют так. (53) Число зубов определяется полом, ведь у мужчин их больше, а у женщин – меньше.

(54) *Десны* (gingivae) названы так оттого, что из них произрастают зубы (gignere dentes). Они необходимы также и в качестве украшения зубов, поскольку без такового зубы выглядели бы жутко. (55) Наше нёбо, подобно небу, находится сверху, по этой причине [слово] *нёбо* (palatum) произошло от *небесного свода* (palus). Греки подобным же образом называют нёбо οὐρανός, поскольку из-за своей выгнутой формы нёбо имеет сходство с небом.

(56) *Горло* (fauces) названо от *издания звуков* (fundere voces), или оттого, что мы *испускаем звуки* (famur voces) через него. *Трахея* (arteria) названа так или оттого, что через нее поступает от легкого *aer*, то есть воздух, или оттого, что сохраняет она жизненное дыхание в тесных (arti) и узких протоках, откуда проистекают звуки голоса. Звуки эти звучали бы однообразно, если бы движение языка не вызывало модуляции голоса. (57) Миндалины зовутся на галльском наречии *toles*, в просторечьи их, прибегая к уменьшительной форме, именуют *tusillae*; они имеют обыкновение распухать в горле. *Подбородок* (mentum) назван так оттого, что с него начинаются челюсти (mandibulae), либо оттого, что там они смыкаются. (58) *Гортань* (gurgulio) берет свое наименование от [слова] *горло* (guttur), она имеет проход и к рту, и к носу. Этим путем голос направляется к языку, чтобы тот мог складывать слова. Откуда мы и говорим «болтать» (garrere). (59) *Рубец* (rumen) – ближе всего к гортани; им заглатываются пища и питье. Отсюда о живот-

ных, которые отрывают пищу и повторно ее заглатывают, говорят «жуют жвачку» (*ruminare*). Засов гортани – *sublinguium*, как бы маленький язычок (*lingua*), который открывает или закрывает надъязыковое отверстие.

(60) *Шея* (*collum*) названа так оттого, что она прямая и округлая как колонна (*columna*), она несет на себе голову и подпирает ее, словно это крепость. Передняя ее часть именуется *горло* (*gula*), задняя – *шея* (*cervix*). (61) *Шея* названа *cervix* оттого, что через эту часть [тела] головной мозг выстраивается в одну линию с ядром позвоночного столба, как бы *cerebri via* [букв. «путь мозга»]. Древние всегда употребляли слово во множественном числе (*services*). Первым в форме единственного числа (*cervix*) употребил его Гортензий. Однако в единственном числе *cervix* означает собственно часть тела, тогда как во множественном часто оно имеет значение «упрямство» (*contumacia*). Цицерон в речи «Против Веррия»: «*Praetotem tu accuses? Frange cervices*» («Претора смеешь ты обвинять? Удавить его!»)¹⁰.

(62) *Плечи* (*umeri*), как бы *armi*, названы так, дабы отличать человека от немой скотины, так как говорят, что люди имеют *плечи* (*umeros habere*), а животные – *лопатки* (*armos habere*). Действительно, в собственном словоупотреблении *armi* (лопатки) присущи только четвероногим. Задняя верхняя часть плеча – *ola*. (63) *Руки* (*brachia*) названы так от [слова] *сила*; действительно, по-гречески *βαρύς* означает «тяжелый» и «сильный». Ведь на руках видны бицепсы, и выдается в них их крепость. Их называют *tori*, то есть мускулами; а названы они так оттого, что в том месте телесная плоть кажется скрученной (*tortus*). (64) *Локоть* (*cubitum*) назван так оттого, что мы откидываемся на него (*cubare*), когда едим. Согласно одним, словом *ulna* именуют всю нижнюю часть обеих рук, согласно другим – локоть; и это более точно, поскольку по-гречески локоть – *ἄλενος*.

(65) *Подмышки* (*subbracchium*) названы *alae* (крылья) оттого, что от них подобное движению крыльев начинается движение рук. Некоторые называют их *ascillae*, потому что от них руки *celluntur*, т.е. «двигаются»; отсюда и маленькие маски¹¹ названы *oscilla* оттого, что *ora* (личины) *cillantur*, т.е. «движутся». Ибо *cillere* означает «двигаться». Другие же называют подмышки *subhirci*, поскольку у многих людей они источают козлиное зловонье (*hircus*).

(66) *Рука* (*manus*) названа так оттого, что она служит (*munus*) всему телу. Действительно, она подносит ко рту пищу; ею все изготавливается и распределяется; ею мы все принимаем и отдаем. Однако в переносном смысле *manus* означает «искусство» (*ars*) или «мастер» (*artifex*), откуда и *manupretium* (вознаграждение). (67) *Правая рука* зовется *dextra* от *dare* (давать), ведь ее подают в качестве залога мира; ее пожимают в знак честных намерений и приветствия; и о том у Цицерона: «*Fidem publicam iussu senatus dedi*» («По решению сената я заверил его в неприкосновенности»)¹², то есть [подал ему] правую руку (*dextra*). Откуда также и Апостол [говорит]: «*Dextras mihi dederunt*» («Подали мне правые руки»)¹³. (68) *Левая же рука* названа *sinistra* как бы от *sine dextra* (без

¹⁰ *Cic. Verr.* 6. 110. Пер. В. Горенштейна.

¹¹ Маленькие восковые изображения Вакха, вешались на ветви и раскачивались ветром.

¹² *Cic. Cat.* 3, 8. Пер. В. Горенштейна.

¹³ *Paul. Galat.* 2:9.

правой), либо оттого, что позволяет чему-либо совершаться, поскольку названа она *sinixtra* от *sinere* (позволять). (69) Ладонь с вытянутыми пальцами – *кисть* (*palma*), со сжатыми – кулак (*pugnus*). Кулак назван так от [слова] *горсть* (*pugillus*), так же, как *кисть* от вытянутых ветвей *пальмы* (*palma*).

(70) *Пальцы* (*digiti*) названы так или оттого, что их *десять* (*decem*), или оттого, что связаны *надлежащим образом* (*decenter*), ибо и само число пальцев совершенно, и располагаются они очень правильным образом. Первый назван *большим* (*pollex*) оттого, что среди остальных он *выделяется* (*pollere*) силой и мощью. Второй – *указательным* (*index*), а также *спасителем* (*salutaris*), либо указателем (*demonstratorius*), поскольку им мы обычно *спасаем* (*salutare*) или показываем. (71) Третий назван *распутным* (*impudicus*), потому что он служит, как правило, знаком позорного деяния. Четвертый – *перстневым* (*anularis*), оттого что на нем носится кольцо (*anulus*). Он же и *медицинский* (*medicinalis*), потому что врачи (*medici*) используют его для изготовления глазных мазей. Пятый – *ушным* (*auricularis*), потому что мы чистим им ухо (*auris*). (72) *Ногти* (*ungulae*) происходят от греческого слова, ведь греки называют их *ὄνυχος*.

Туловище (*truncus*) – средняя часть тела от шеи до паха. Нигидий [говорит] о нем (108): «*Caput collo vehitur, truncus sustinetur coxiset genibus cruribusque*» («Голова держится на шее, туловище поддерживается бедрами (соxae), коленями (*genua*) и голенями (*crura*)»). (73) Греки называют переднюю часть туловища от шеи до живота *thorax* (грудная клетка), мы же именуем ее *arca*, потому что в ней имеется *arcantum*, т.е. тайна, поскольку под нею сокрыты другие органы. Отсюда произошли и *arca* (сундук), и *ara* (алтарь), как если бы они означали нечто потаенное. Выступающие мясистые части грудной клетки – *груды* (*mamillae*); костистая часть меж ними зовется *грудиной* (*pectus*), справа и слева от грудей – *ребра* (*costae*). (74) *Грудина* (*pectus*) названа так оттого, что пространство между грудей покрыто *пушком* (*sit rexum*); отсюда происходит и *гребенка* (*resten*), потому что делает она волосы пушистыми. *Груды* (*mamillae*) названы так, разумеется, [от слова яблоко (*malum*)], потому как округлые, подобно яблокам; слово имеет уменьшительную форму.

(75) *Соски* (*papillae*) – кончики грудей у женщин, за которые хватают сосущие [грудное молоко младенцы]. Названы они *сосками* (*papillae*) оттого, что младенцы их как бы *кушают* (*pappare*), когда сосут молоко. Таким образом, *мамилла* (грудь) – это вся в совокупности выпяченная часть женской груди, *папилла* (сосок) же – это та ее маленькая часть, откуда цедится молоко. (76) *Женские груды* названы *ubera* либо оттого, что *богаты молоком* (*lacte uberta*), либо оттого, что подобно виноградинам (*uvae*) наполнены влагой (*uvida*) – молоком. (77) *Молоко* зовется *lac* от своего цвета, то есть от белого цвета жидкости, ведь по-гречески λευκός означает «белый»; молоко по природе своей происходит из крови. Действительно, после рождения, когда кровь не расходится на питание чрева, она течет по естественному проходу к грудям, где под воздействием их энергии превращается в белое молоко.

(78) *Кожа* (*cutis*) – [та часть], что является в теле первой, названа так оттого, что, покрывая тело, ранится первой; действительно, по-гречески κτῆς¹⁴

¹⁴ Приведенное здесь Исидором слово не известно из других источников. Латинское *cutis* имеет связь с греческим σκῆτος (кожа).

означает «надрез». Ее же [называют] *pellis*, поскольку, покрывая тело, она *защищает* (*pellere*) его от внешних неблагоприятных факторов и сносит и дождь, и ветер, и солнечное пекло. (79) Этим словом [называют] и недавно содранную шкуру; выделанная же кожа именуется *corium*. Названа же она *corium* от *caro* (плоть), поскольку плоть покрывается ею. Однако в собственном смысле [слово употребляется лишь по отношению] к глупым животным. (80) *Поры* (*pori*) тела зовутся так от греческого их наименования, в латинском в собственном смысле их называют *spiramenta*, потому что через них извне проникает живительное дух (*spiritus*). (81) *Подкожный жир* – *arvina*. *Плоть без жира* – *pulra*, названа так оттого, что *пульсирует* (*palpitare*), ведь она часто подрагивает. Многие называют ее также *viscus* (плоть), потому что она липкая¹⁵.

(82) *Части тела* – *membra*. *Суставы* (*artus*), коими сочленяются члены, названы так от [глагола] «составлять» (*artare*). (83) [Слово] *сухожилия* (*nervi*) заимствовано из греческого языка, греки называют их *вейра*. Другие же полагают, что слово это латинского происхождения, а происходит оно оттого, что сочленения суставов плотно притянуты ими друг к другу. Но совершенно определено, что сухожилия составляют основу телесной силы, ибо чем крепче сухожилия, тем большую крепость они способны придать [всему телу]. (84) *Суставы* названы *artus* оттого, что, связанные друг с другом, они сухожилиями *стягиваются* (*artare*). Уменьшительная форма слова – *articuli*. Действительно, большие суставы, такие как на руках, мы называем *artus*; маленькие же, как на пальцах, – *articuli*. (85) Головки соединительные костей – *compages*, названы так оттого, что скрепляются вместе, соединяясь (*compracta*) сухожилиями, словно неким клеем.

(86) *Кости* (*ossa*) – основа тела. Ведь в них вся его сила и форма. *Кости* названы *ossa* от *urere* (жечь), поскольку древние их сжигали, либо от *os* (уста), как полагают другие, потому что тогда как в других местах они скрыты под покровом кожи и плоти, во рту они видимы. (87) *Костный мозг* (*medulla*) назван так оттого, что *увлажняет* (*madefacere*) кости, ведь он смачивает их и укрепляет. Оконечности костей, закругляющиеся объемными утолщениями – *vertibula*; названы так оттого, что поворачиваются (*vertere*) при сгибании частей [тела]. (88) *Хрящи* (*cartilagines*) – мягкие кости без костного мозга, каковыми являются ушные раковины, носовая перегородка, концы ребер, или покровы костей в местах сочленений. Названы они *хрящами* (*cartilagines*) оттого, что при сгибании, смягчая трение, *избавляют* (*caerere*) от боли.

(89) Некоторые полагают, что *ребра* (*costae*) называются так оттого, что они *защищают* (*custodire*) внутренние органы, благодаря чему сохраняются все огражденные ими мягкие органы брюшной полости. (90) *Бок* (*latus*) [назван] так оттого, что он *скрыт* (*latere*), когда мы лежим; также зовется и левая часть тела. Правая часть более сноровиста, а левая – крепче и лучше подходит для переноски тяжестей. Откуда и названа она *laeva*, поскольку более подходит для поднятия (*levare*) или переноски чего-либо. Ведь с левой стороны носят щит, меч, колчан и прочие тяжести, чтобы правая рука была готова для действия. (91) *Спина* (*dorsum*) – [часть тела] от шеи до поясницы. Названа же она *dorsum* оттого, что эта телесная поверх-

¹⁵ Ср. лат. *viscum* – клей.

ность *тверже* (*durior*) прочих, она подобно скале, обладает необходимой силой и для переноски [тяжестей] и для превозмогания [трудностей]. (92) Оттого, что мы лежим на них на земле (*terra*) лицом вверх, а так может только человек, ведь немые животные лежат всегда либо на животе, либо на боку, [спину называют также] *tergum*. Потому то по отношению к животным *tergum* употребляется лишь в переносном значении.

(93) *Лопатки* (*scapulae*)... *Interscapilium* – пространство, что находится между (*inter*) лопаток (*scapulae*), отсюда и название. (94) *Лопатки* (*palae*) – выпирающие слева и справа части спины, названы так оттого, что во время борьбы мы кладем [противника] на них; греки называют борьбу *παλή*. (95) *Спинной хребет* назван *spina* оттого, что имеет острые шипы. Его сочленения называют *позвонками* (*spondilia*) из-за той части мозга, которая проходит через них по длинному каналу к другим частям тела. (96) «*Священный хребет*» (*sacra spina*) – та часть позвоночника, которую греки именуют *ἱερὸν ὄστρον*, поскольку она формируется первой при зачатии младенца, и по этой же причине именно эта часть жертвенного животного первой предлагалась язычниками их богам, оттуда и зовется она *sacra spina*.

(97) Варрон говорит, что *почки* (*genes*) названы так потому, что они порождают *потоки* (*rivi*) отвратительной жидкости. Действительно, кровеносные и лимфатические сосуды направляют в почки прозрачную жидкость; эта жидкость вытекает из почек в свою очередь, замутненная венеиной страстью. (98) *Чресла* (*lumbi*) названы так от *страсти* (*libido*) к распутству, ибо у мужчин в них заключена причина физического удовольствия, тогда как у женщин она – в пуповине. Отсюда и начало речи, обращенной к Иову, сказано: «*Accinge sicut vir lumbos tuos*» («Препояшь ныне чресла твои, как муж») ¹⁶, чтобы была в них готовность к сопротивлению, тогда как обычно в них доминирует желание. (99) *Пуп* (*umbilicus*) есть центр тела, назван так оттого, что представляет собой *выпуклость* (*umbus*) живота. Откуда и место в середине щита, за которое тот подвешивается, называют *umbo*. За него же и младенец подвешен в утробе [матери], через него он и питается.

(100) *Половые органы* названы *ilium* от греческого слова, ибо место это мы прикрываем, а по-гречески *ἐἰλεῖν* ¹⁷ означает «покрывать». (101) *Ягодицы* названы *clunes* оттого, что расположены рядом с *colum*, то есть рядом с толстой кишкой. *Седальце* (*nates*) – оттого, что оно служит нам основанием (*inniti*), когда мы сидим. Потому и плоть на ягодицах представляет собой округлую массу, чтобы не травмировать кости тяжестью давящего на них [при сидении] тела. (102) *Гениталии* (*genitalia*) – части тела, которые получили свое название, как само слово указывает, от *рождения* (*gignere*) потомства, так как ими оно зачинается и порождается. [Называют] их также *постыдными* (*pu'denda*) от стыда ¹⁸ либо от *растительности на лобке* (*pubes*); поэтому их и скрывают под покровом одеяния. *Непристойными* (*inhonesta*) их называют и потому, что не имеют они той внешней пристойности, как у частей, которые находятся на виду.

¹⁶ *Iob.* 38:3.

¹⁷ В оригинале *ilios*.

¹⁸ Автор имеет в виду *pudor* (стыд), хотя использует здесь *verecundia*.

(103) [Мужской орган называют] также *veretrum*, потому что имеется он только у мужчины (*virī tantum*), или потому, что из него *извергается семя* (*virus emittere*). Действительно, *virus* буквально означает жидкость, источаемую мужской (*vir*) природой. (104) *Тестикулы* (*testiculi*) – уменьшительная форма от *testes* (яички), число их не менее двух. Они доставляют семя по узкому проходу, и почки и половые органы получают его от спинного мозга с целью творения. *Мошонка* (*fiscus*) – кожная оболочка, в которой находятся тестикулы. (105) *Зад* (*posteriora*) получил наименование конечно оттого, что находится сзади, с противоположной стороны от лица. И это так, чтобы не видеть того, как очищается наш кишечник. *Задний проход* (*meatus*) назван так оттого, что через него проходят (*meare*), то есть извергаются, экскременты.

(106) *Бедрa* (*femora*) названы так оттого, что этой частью мужской пол отличается от женщины (*femina*). Они идут от паховой области к коленям. *Femina* (бедрa) – уменьшительная форма от *femora*; названы так те части, которыми мы сжимаем бока лошадей при езде верхом. Отсюда говорилось, что и воины иногда теряли лошадей из-под своих бедер (*sub feminibus*). (107) *Таз* – *soxa*, как бы *coniunctae axes* (соединенные оси); ведь он приводит в движение бедра. Вогнутые его части зовут *vertebra*, потому что в них поворачиваются (*vertere*) головки бедер. Суставы задних конечностей [именуют] *suffragines*, оттого что *subius franguntur*, сгибаются книзу, а не как плечи вверху.

(108) *Колени* (*genua*) – соединения бедер и голеней; названы же они *genua* оттого, что [у ребенка] в чреве [матери] они находятся напротив *глазниц* (*genaе*). Там они соприкасаются друг с другом, и находятся в тесной связи с глазами – источником слез и вестником сострадания. Действительно, *genua* происходит от *genaе*. (109) Наконец, когда человек, находясь в эмбриональном состоянии, формируется и развивается, колени его подняты вверх, и они способствуют формированию глазниц, так что они становятся вогнутыми и глубоко посаженными. Энный (*inc. 41*) [пишет]: «*Atque genua conprimūt arta gena*» («И глазницы прижаты плотно к коленям»). Вот в чем причина того, почему люди плачут, падая на колени. Ведь природа так захотела, чтобы они помнили материнское чрево, где, так сказать, сидели в темноте, прежде чем появиться на свет.

(110) *Голени* названы *crura* потому, что с их помощью мы *бегаем* (*currere*) и шагаем. Они идут от коленей к икрам. [Их называют и] *tibiae*, как если бы говорили *tubae* (трубы), ведь схожи они с трубами и длиной, и формой. (111) *Лодыжка* названа *talus* от *tolus*, ведь *tolus* – это выступающая округлость; отсюда и купол круглого храма называют *tolus*. Лодыжка расположена ниже голени и выше пятки. (112) *Ступни* (*pedes*) получили свое наименование из греческой этимологии, ведь греки называют их *πῶδες*, поскольку попеременными движениями твердо по земле ступают они.

(113) *Подошвы* названы *plantae* от *planities* (плоскость), поскольку они не круглые, как у четвероногих животных (иначе двуногий человек не мог бы стоять), но плоские (*planae*) и удлиненные, чтобы удерживать тело в устойчивом положении. Также *plantae* [именуют] передние части стоп, которые состоят из ряда костей. (114) *Пятка* (*calx*) – задняя часть ступни; свое наименование получила от той *мозолистой кожи* (*callum*), которой мы ступаем (*calcare*) по земле; отсюда и *calcaneus* (пятка). (115) Нижняя часть сто-

пы названа *solum* оттого, что мы оставляем ею следы на земле¹⁹. Но *solum* именуют также и все то, что подпирает что-либо, как бы *solidum* (нечто твердое); отсюда и землю называют *solum*, потому как она держит на себе все; и подошва ноги названа так оттого, что несет на себе всю тяжесть тела.

(116) Мы именуем *внутренними органами* (*viscera*) не только кишечник, но и все то, что находится под кожной оболочкой от *внутренностей* (*viscus*), что находятся между кожей и плотью. Этим же [словом] *viscera* называют жизненные (*vitalia*), то есть вокруг сердца (*cor*) находящиеся, области, как бы *viscra*, потому что в них сосредоточена жизнь, то есть душа. (117) К внутренним органам относят и сплетенные из кровеносных сосудов и жил окончания сухожилий. Также и *мускулы* – *lacerti*, или *mures* –, поскольку, подобно тому как сердце занимает центральное положение в организме в целом, они в отдельных членах занимают подобное сердцу место; зовутся они так от животных, скрывающихся под землей, напоминающих их²⁰. Действительно, [слова] *мышца* (*musculus*) и *мышь* (*mus*) сходны. *Мышцы* называют также *torti*, потому что внутренности в этих местах кажутся искривленными (*torti*).

(118) *Сердце* (*cor*) произошло либо от греческого слова, потому что греки называют сердце *кардіа*, либо от *заботы* (*cura*). Ведь в нем пребывают все тревоги и в нем основа сознания. Оно для того располагается рядом с легкими, чтобы, когда распаляется гнев, умерять его жидкостью легких. Две артерии (*arteria*) подходят к нему, из которых левая содержит больше крови, а правая – больше воздуха; именно по этой причине мы проверяем пульс на правой руке. (119) Области, соседствующие с сердцем, где концентрируется сознание, названы *praecordia* потому, что представляют собой первенствующую часть сердца (*principium cordis*) и сознания (*cogitatio*). (120) *Пульс* (*pulsus*) назван так оттого, что он *пульсирует* (*palpitare*); по его частоте мы узнаем о болезни или здравии. Его пульсации двояка: она или простая, или составная. Простая, когда удары единообразны; составная, когда состоит из нерегулярных и неравных по силе ударов. Эти удары имеют определенные интервалы: дактилический ритм – в случае здорового состояния, слишком же быстрые, как *доркаδάζοντες*²¹, или слишком медленные пульсации, как *μωπίζοντες*²², – признак смерти.

(121) *Кровеносные сосуды* (*vena*) названы так оттого, что они представляют собой проходы (*viae*) для тока крови, каналы, проходящие через весь организм, которые снабжают ею все члены. (122) *Кровь* (*sanguis*) получила свое наименование из греческой этимологии, потому что [его организм] оживляется, усиливается и живет. Находящуюся в теле кровь именуют *sanguis*, вытекающую – *cruior*. Названа же она *cruior* оттого, что *изливается* (*descurgere*), вытекающая, либо оттого, что истекает, *зубит* (*currendo curtuat*). Другие толкуют *cruior* как «порченную кровь» (*sanguine corruptum*), которая исторгается [из организма]. Третьи говорят, что кровь названа *sanguis* от своей *сладоcти* (*suavis*). (123) Кровь, однако, хорошая только у молодых людей. Действи-

¹⁹ Автор использует здесь *terra* (земля), но имеет в виду *solum*. См. далее.

²⁰ Т.е. мышей (*mus, muris*).

²¹ Букв. «быстрые как газель».

²² Букв. «слабые как муравьи».

тельно, физиологи говорят, что кровь ухудшается с возрастом, отчего у стариков и появляется дрожь. Верно, что кровь находится в ведении души. По этой причине женщины имеют обыкновение царапать [свои] щеки во время погребальной процессии; по той же причине мертвых покрывают пурпурными одеяниями и приносят им красные цветы.

(124) *Легкое* (*pulmo*) – слово, заимствованное из греческого языка, ведь греки оттого называют легкое *πλευρῶν*, что оно является опалом для сердца, в нем заключена *pleura*, то есть дыхание, благодаря чему легкое и функционирует, приходя в движение; оттуда легкие и названы *pulmones*. Действительно, по-гречески *pleura* означает «дыхание», легкое же, вдыхая и выдыхая, выделяет и получает вновь воздух; легкие движутся и трепещут под его воздействием, они раздвигаются, чтобы сделать вдох, и сжимаются, чтобы сделать выдох. Легкие, таким образом, – орган тела. (125) *Печень* называется *iesur* оттого, что в ней сосредоточен восходящий к мозгу огонь (*ignis*). Оттуда этот огонь проникает к глазам и прочим органам чувств и членам, и печень, благодаря своей высокой температуре, пропуская через себя жидкость, вытянутую из пищи, преобразует ее в кровь, которую доставляет к отдельным членам для питания их и роста. Авторы, которые обсуждают вопросы анатомии, утверждают также, что в печени [заключено] удовольствие и, равно, желание. (126) *Края печени* – *fibrae*, они подобны краям листьев цикория, как бы выступающие язычки. Названы же они так оттого, что у язычников во время жертвоприношений несли их жрицы к алтарям Феба (*Phoebe ara*), чтобы получить ответы бога, после того, как были они вознесены на алтарь и сожжены.

(127) *Селезенка* названа *splen* от *supplementum* (восполнение), чтобы не пустовало место напротив печени, [которое та занимает]. Некоторые также полагают, что она была создана, чтобы иметь возможность смеяться, поскольку мы смеемся селезенкой, гневаемся желчным пузырем, рассуждаем сердцем, любим печенкой. Когда эти четыре элемента складываются, появляется живое существо. (128) *Желчный пузырь* назван *fel* оттого, что представляет собой мешочек (*folliculus*), содержащий жидкость, именуемую желчью (*bilis*). *Желудок* (*stomachus*) в греческом языке называют *птом* оттого²³, что он является вратами живота, он получает пищу и передает ее в кишечник.

(129) *Кишечник* (*intestina*) зовется так оттого, что располагается во *внутренней* (*interior*) части тела; кишки длинными связками уложены по кругу для того, чтобы постепенно переваривать принятую пищу и не создавать препятствий для вновь поступающей пищи. (130) *Брюшина* (*omentum*) – оболочка, которая содержит большую часть кишечника; греки называют ее *ἐπίπλοον*. *Диафрагма* (*disseptum*) – внутренний орган, который отделяет живот и другие внутренности от легких и сердца. (131) *Слепая кишка* (*caecum*) – кишка, которая не имеет отверстия и выхода; греки называют ее *τυφλόνεντερον* (слепая кишка). *Тонкий кишечник* – *ieiuna*, откуда происходит и *ieiunium* (воздержание от пищи). (132) *Живот* (*venter*), *кишечник* (*alvus*) и *матка* (*uterus*) отличаются друг от друга²⁴. *Живот* – орган, который перева-

²³ Греч. στόμα – рот, στόμαχος – горло, глотка, желудок.

²⁴ Все три слова имеют в латинском языке общее значение «живот», однако автор стремится показать различия между ними.

ривает принятую пищу, он выступает наружу, идет от груди до паха, а назван он *venter* оттого, что через все тело пропускает он жизни пищу²⁵. (133) *Кишечник* – орган, который получает пищу и имеет обыкновение очищаться. Саллюстий [пишет]: «*Simulans sibi alvum purgari*» («Изображая, что очищает свой кишечник») ²⁶. Назван же он *alvus* оттого, что он *abluiatur*, то есть очищается: ведь из него истекает грязь фекалий.

(134) *Матка* (*uterus*) есть только у женщин, в ней происходит зачатие; она напоминает маленький стебель. Однако не только поэты, но и прочие авторы, в большинстве случаев используют слово *uterus* в значении «живот» в отношении обоих полов. (135) Названа же она *uterus* либо оттого, что двойственна и делится с обеих (*uterque*) сторон на две части, которые, расходясь и сплетаясь вновь, скручиваются, напоминая бараний рог; либо оттого, что наполнена изнутри (*interius*) бременем. Оттуда и *uter* (живот), поскольку содержит что-то внутри (*intrinsecus*), а именно, внутренние органы. (136) *Брюхо* (*aqualiculus*) в собственном смысле относится только к свинье, откуда его употребляют и вместо *venter* (живот). *Матка* (*matrix*) зовется так оттого, что в ней происходит порождение: ведь она согревает попавшее в нее семя, придает ему форму, вычленяет в образовавшемся теле члены. (137) *Вульва* (*vulva*) говорилось как если бы *valva* (дверная створка), то есть «дверь утробы», или оттого, что выпускает она семя, или потому, что из нее выходит плод. *Мочевой пузырь* (*vesica*) назван так оттого, что подобно сосуду (*vas*) с водой, он наполняется жидкостью, вбирая исходящую от почек мочу. У птиц этого органа нет.

(138) *Моча* названа *urina* либо оттого, что порождает *беспокойство* (*urere*), либо оттого, что выводится из *почек* (*renes*). Ее вид указывает как на будущее здоровье, так и на болезнь. Эту жидкость называют в народе *locium*, потому что с ее помощью одежда отстирывается *lota*, то есть дочиста. (139) *Семя* (*semen*) есть то, что, будучи брошенным, принимается (*sumere*) либо землей, либо маткой, с целью порождения или растения, или потомства. *Сперма* – жидкость, выработанная телом из переваренной пищи, распространяемая кровеносными сосудами и костным мозгом. Источенная ими подобно трюмной воде, она загущается в почках, а извергнутая при соитии, и попав в матку женщины, она оформляется в ее теле под воздействием высокой температуры внутренних органов и орошения менструальной кровью.

(140) *Месячные* (*menstrua*) – излишняя кровь женщин. Названы так от фазы луны, в которую они регулярно происходят; действительно, луна по-гречески зовется *μήνη*. Их называют и *muliebria*, ведь женщина – единственное живое существо, у которого бывают месячные. (141) От контакта с этой кровью перестают расти плоды, прокисает молодое вино, увядают травы, деревья не дают побегов, железо ржавеет, медяки чернеют. Если случится так, что отведают ее собаки, то впадают они в бешенство. Асфальтовая смола, которую ни железо, ни вода не берет, смоченная этой кровью, тотчас растворяется. (142) [Попавшее в женское лоно семя] после нескольких дней менструального кровотечения оказывается нежизнеспособно, по-

²⁵ Очевидно, автор имеет в виду его связь с глаголом *venio* (приходить).

²⁶ *Sall. Hist. I. fg. 52.*

тому как не остается необходимого для его орошения достаточного количества менструальной крови. Жидкая сперма не может закрепиться в женских органах; не имея же силы закрепиться, семя погибает. Точно так же и густая сперма не обладает достаточной силой порождения, потому что из-за своей чрезмерной густоты она не может смешаться с менструальной кровью. Оттуда и мужчины, и женщины оказываются бесплодными либо из-за того, что сперма и кровь слишком густы, либо, что слишком жидки.

(143) Говорят, что сердце человека образуется [при развитии плода] первым, потому что в нем вся жизнь и сознание; его сотворение занимает сорок дней, и плод в это время, как говорят, не будет исторгнут. Другие полагают, что зародыш начинает образовываться с головы. По этой причине мы видим, глядя на яйца, что сначала у зародышей птиц формируются глаза. (144) *Зародыши* (foetus) назван так оттого, что он *согревается* (fovere) в утробе. Маленький мешочек, в котором развивается плод и который выходит вместе с младенцем, зовется *последом* (secundae); назван он так оттого, что *следует* (sequi) за рождением [младенца]. (145) Говорят, что [новорожденные] походят на отцов, если отцовское семя сильнее, и на матерей, если сильнее материнское семя; схожие с обоими родителями черты лица объясняются следующей причиной: те, кто имеет сходство с обоими родителями, были зачаты от отцовского и материнского семени, смешанного в равной пропорции. Сходство с дедушками и бабушками, прадедушками и прабабушками возникает оттого, что так же, как в земле сокрыто много [разных] семян, так и в нас сокрыто семя, которое может содержать образы предков. Однако и от отцовского семени рождаются девочки, и от материнского – мальчики, потому что всякий плод порождается тем и другим семенем, пол же плода определяется тем, чьего семени оказалось больше при зачатии.

(146) В нашем организме некоторые части были созданы только ради его пользы, каковы внутренние органы; некоторые и для пользы, и для красоты, каковы органы чувств на лице, и руки и ноги на теле: от этих членов и польза большая, и вид их очень гармоничный. (147) Некоторые – только для красоты, как груди у мужчин, и пуп у обоих полов. Некоторые – с целью различия [между полами], таковы у мужчин гениталии, борода, широкая грудь; у женщин – гладкие щеки и узкая грудь, широкая поясница и бока, [необходимые] для зачатия и вынашивания плода. Итак, что касается человека и частей его тела, изложено в той или иной мере, теперь я добавлю [к тому кое-что] о возрастах человека.

Перевод выполнен А.А. Павловым

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Луттириима Сорокина; aapavlov@rambler.ru

Andrey Pavlov, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru

Е. А. ТЕРЮКОВА, Е. А. ЗАВИДОВСКАЯ

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА В. М. АЛЕКСЕЕВА ИЗ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ГМИР ОПЫТ НАУЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ¹

Вводится в научный оборот информация о рукописном архиве выдающегося отечественного синоведа, внесшего большой вклад в изучение истории китайского народного искусства и народных верований академика В.М. Алексеева (1881–1952), а также впервые публикуются фрагменты из т.н. «китайского дневника» В.М. Алексеева и их переводы на русский, выполненные Л.Н. Меньшиковым.

Ключевые слова: В.М. Алексеев, Научно-исторический архив Государственного музея истории религии, синология

Василий Михайлович Алексеев (2 (14) января 1881 г., Санкт-Петербург – 12 мая 1951 г., Ленинград) – видный российский филолог-китаист, переводчик, с 1929 г. действительный член АН СССР. Начиная с 1906 г., когда он впервые посетил Китай в качестве магистранта по кафедре китайской и маньчжурской словесности Санкт-Петербургского университета, В.М. Алексеев занимался собиранием *няньхуа* – народной ксилографической картины или лубка, эпиграфики (надписей, амулетов), малой гравюры, каллиграфии, художественной почтовой бумаги, эстампажей (оттисков) с древних каменных плит. Важную роль в формировании его коллекции сыграло участие Алексеева в 1907 г. в организованной его преподавателем по стажировке в Коллеж де Франс Э. Шаванном археологической экспедиции по Северному Китаю. Известно, что в ходе этого путешествия был собран обширный материал для дальнейшей научной работы (позднее Алексеев отмечал, что им были «обдуманы и частично подготовлены следующие работы: «Фонетика пекинского языка и теория его тона», «Китайская фонетическая хрестоматия», «Китайская лубочная картина», «Китайский амулет», «Хрестоматия древнего китайского языка», «Поэзия приветия в китайской эпистоле», «Заклиания в китайской религии» и т.д.), но и вел путевой дневник – «рукописные заметки на русском и китайском языках»². В Отчете о занятиях в период пребывания в Китае с 30 октября 1906 г. по 3 октября 1907 г. Алексеев указывал, что впоследствии этот дневник, «веденный, насколько то позволяли обстоятельства, подробно будет должным образом разработан, в особенности то, что касается документальной его части»³.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-21-10001.

² Алексеев 2012. С. 402.

³ Алексеев 1982. С. 275.

Кроме полевых записей, сделанных в ходе поездки 1907 г., Алексеев в период пребывания в Китае в 1906–1909 гг. уделил особое внимание «добыванию объяснений» к уже имеющимся у него народным картинам, а также к «имеющим еще прибыть экземплярам для коллекции». Ранее приобретенный опыт научного описания и атрибуции китайской народной ксилографии убедил его в необходимости привлечения к этой работе «толкового туземца»⁴. В Отчете за второй год командировки (01.10.1907 – 01.10.1908) Алексеев отмечал, что на предварительную обработку материалов, привезенных из путешествия с Шаванном, «чтобы добыть нужные сведения в удовлетворяющем его виде» у него ушло почти восемь месяцев ежедневных занятий. В отсутствие необходимой справочной литературы ученый прибегал к антропологическим методам исследования – «опросу многих» информантов. Вопросы, «записанные на отдельных листочках бумаги» в ходе путешествия, по выражению самого Алексеева, касались всего «непонятого, странного, интересного... главным образом надписей на храмах, лавках, домах, присутственных местах и других заведениях, их смысла, источника, происхождения и идеи применения... многое относительно статуй богов, картин, подробностей культов, исторических указаний, чего я не мог добыть из непосредственного опроса окружавших меня в часы осмотра лиц»⁵.

Из работ дочери академика М.В. Баньковской мы узнаем, что с целью понять заключенные в китайских надписях и народных картинах смыслы и значения, Алексеев использовал то, что сам называл «живой традицией»⁶: он не только вступал в диалог с художниками, продавцами и простыми тружениками, но и обращался к услугам «профессиональных консультантов» – *сяньшэнов* (китайских учителей), которых нанимал для толкования и интерпретации собранных ранее рукописных и изобразительных материалов. Один из учеников Алексеева Л.Н. Меньшиков впоследствии вспоминал: «Еще будучи в Китае, он (Алексеев – *авт.*) вместе с китайцами – своими друзьями составил объяснения к этим символическим изображениям на лубке»⁷. Б.Л. Рифтин тоже отмечал, что «пятьсот картин коллекции В.М. Алексеева снабжены описаниями, сделанными или специалистами-художниками, работавшими в мастерской по производству лубка, или китайскими учителями – *сяньшэнами*»⁸, т.е. теми, кого сам Алексеев называл «редкими китайскими учеными, которые могут понимать важность этнографической науки и с чистым сердцем дают правдивые показания»⁹.

⁴ Алексеев 1982. С. 272.

⁵ Алексеев 1982. С. 275.

⁶ Баньковская 2010. С. 91.

⁷ Меньшиков 1972. С. 128.

⁸ Рифтин 1966. С. 7.

⁹ Алексеев 1966. С. 172.

Таким образом, в ходе первой поездки в Китай В.М. Алексеев заложил основы как личной коллекции разнообразных образцов китайского народного искусства, так и научного архива, в состав которого вошли не только полевые записи самого исследователя, но и материалы, подготовленные по его заказу его китайскими образованными информантами-консультантами. Впоследствии этот архив был пополнен во время поездок Алексеева в Китай в 1912 и 1926 гг., а также благодаря корреспонденции, которую он получал из Китая от своих друзей.

Большинство из экспедиционных материалов В.М. Алексеев не успел обработать и опубликовать при жизни. Уже после его смерти в 1951 г. эту работу завершили вдова Н.М. Алексеева и дочь М.В. Баньковская. Их усилиями в 1958 г. дневник ученого увидел свет под названием «В старом Китае», переиздание 2012 г. дополнено дневниковыми записями о поездке 1912 г. и сопровождается пояснительной статьей академика Б.Л. Рифтина. Большая часть материалов до сих пор не переведено на русский язык. Редкое исключение составляют сохранившиеся в Научно-историческом архиве Музея истории религии тетради с немногочисленными переводами отдельных пояснений сяньшэнов, выполненными учениками Алексеева. Эти переводы касались главным образом т.н. «китайского дневника» и не включали пояснений *сяньшэнов* к народным картинам. Некоторые пояснения к картинам были переведены и опубликованы М.Л. Рудовой при подготовке издания народных картин из эрмитажной части коллекции Алексеева (2003)¹⁰, а также в статьях Н.Г. Пчелина и М.Л. Рудовой, Е.А. Терюковой и Е.А. Завидовской¹¹.

В последней книге об отце «Алексеев и Китай» (2010) Баньковская писала, что «дневники путешествия 1907 г., русский и китайский (а также другие 1908, 1912, 1926 гг.) Алексеев надеялся обработать и опубликовать обстоятельно, с иллюстрациями и текстами. В посмертном издании «В старом Китае» (1958) – китайский дневник использован мало по сравнению с тем, что хотел сделать сам Алексеев... (К сожалению, китайский дневник так и исчез в фондах Музея истории религии в Петербурге)»¹². Указание на китайский дневник исследователя, «который он почему-то передал потом в Музей истории религии», содержится и в предисловии Б.Л. Рифтина к подготовленному им второму, исправленному и дополненному, изданию книги Алексеева «В старом Китае»¹³.

В ходе проведенного совместной российско-тайваньской группой ученых исследования в ГМИР были выявлены упоминаемые выше и не введенные ранее в научный оборот документальные материалы академи-

¹⁰ Рудова 2003. С. 235.

¹¹ Пчелин, Рудова 2008; Терюкова, Завидовская 2015(а); 2015 (б).

¹² Баньковская 2010. С. 444.

¹³ Рифтин 2012. С. 17.

ка Алексеева, время поступления которых в учетной документации Музея не отражено. Одним из результатов стала систематизация и описание рукописного наследия ученого из фондов ГМИР. В частности, удалось установить, что этот архив включает датированные 1907–1940 гг. разрозненные рукописные и печатные материалы на разных языках (китайском, уйгурском, русском, английском) и первично систематизирован самим академиком (все записи были разложены по конвертам, каждый из которых помечен штампом В.М. Алексеева и подписан самим собирателем)¹⁴. Всего в личном фонде академика В.М. Алексеева числится 22 дела.

Первый блок материалов представлен «китайским дневником». Он состоит из автографов (авторских рукописных текстов) преимущественно на китайском языке, датированных 1907 г. и собранных во время поездки по Северному Китаю с Шаванном. Блок включает полевые материалы по храмовой эпиграфике, промаркированные самим исследователем как Дневник I, Дневник II и Дневник Sup (III) (пояснения сяньшэнов №№ I,1-226, №№ II,29-218, №№ III,10-13 с пробелами), их фрагментарный перевод на русский язык, выполненный учениками, а также полевые заметки самого ученого на русском и китайском языках. Например, составленные китайскими иероглифами пояснения сяньшэнов о культуре Чэнхуана – бога-покровителя города, о культуре патриарха Люя (Люй Цзу, одного из Восьми даосских бессмертных), описания лубочных картин с изображением загробных мук. Всего 1619 рукописных листов.

Второй блок содержит пояснения сяньшэнов к сюжетам китайских народных картин: к картинам с изображением богов – привратников (мэнь-шелей), купленным на Новый 1909 год в Пекине и привезенным из Ханькоу, Сучжоу и Шанхая; «Альбом 萬神» [Альбом ваньшэнь – «весь пантеон божеств»] – пояснения сяньшэнов о пантеоне китайских богов, изображаемых на народных картинах; «Альбом 門神» [Альбом мэньшэнь – «духи привратники», т.е. хранители дверей] – пояснения сяньшэнов к народным картинам с изображением богов – привратников (мэнь-шелей), «Альбом 灶» [Альбом цзао – «о боге очага»] – пояснения сяньшэнов к народным картинам с изображением Цзао Вана – бога домашнего очага; «Альбомы 符 и 午» [Альбомы фу (талисман) и у (циклический знак)] – пояснения сяньшэнов о талисманах и сюжетах народных картин, приуроченных к празднику драконьих лодок – 端午 [«дуаньфу»] праздник начала лета (5-го числа 5-го месяца по старому календарю)]. Всего – 671 лист с иероглифическими записями.

Третий блок датирован 1912 г., т.е. временем второго путешествия в Китай. Он представлен автографами сяньшэнов – пояснениями к храмовой эпиграфике (надписям, скопированным в храме Чэнхуана – бога-патрона города – в Фучжоу, провинция Фуцзянь; в пользующихся осо-

¹⁴ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 45. Оп. 1.

бым почитанием среди верующих храмовых комплексах посвященных будхисатве милосердия Гуанинь в Нинбо и на о. Путошань).

Следующую группу документов образуют рабочие записи, заметки и библиография на русском, китайском и английском языках, составленные Алексеевым по теме «Религии, проповедуемые в Китае», а также приобретенные во Владивостоке в 1930 г. и привезенные А.Г. Шпринциным¹⁵ материалы на китайском языке по антирелигиозной пропаганде в Китае. В качестве самостоятельной группы выделяются материалы на уйгурском языке – вырезки из прессы 1935–1936 гг. на темы социального обеспечения, культурного развития и организации просвещения в Синцзян-Уйгурском районе Китая. Речь идет о малоизученном в отечественной науке периоде в истории Восточного Туркестана, отмеченному всплеском национально-освободительной борьбы уйгуров за независимость от Китая и повышенного интереса к региону со стороны СССР.

Особое место занимают документы, свидетельствующие о сотрудничестве академика с Музеем истории религии в Ленинграде в 1937–1941 гг.: рукописный оригинал подготовленных по заказу музея этикеток для выставки «Китайская народная религия» 1938 г. и письмо академика Алексева в МИР, датированное 1941 годом¹⁶.

Самостоятельный блок образуют переводы на русский язык отдельных пояснений сяньшенов из Дневника I и II, выполненные от руки или машинописью учениками и коллегами В.М. Алексева: И.С. Гуревич¹⁷, Л.Н. Меньшиковым¹⁸, В.А. Вельгусом¹⁹, О.Л. Фишман²⁰ (?), Б.Б. Вахтиным²¹, Р.Ф. Итсом²², И.Э. Циперович (?)²³.

¹⁵ Шпринцин А.Г. (1907–1974) – лингвист-синолог, многократно ездил в командировки на Дальний Восток, в 1930–1938 гг. работал в Институте востоковедения АН СССР, в конце 1938 г. арестован, по возвращении из ссылки работал во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте им. А.П. Карпинского.

¹⁶ Терюкова, Завидовская 2015 (б).

¹⁷ Гуревич И.С. (1932–2016) – лингвист-синолог, в 1956 г. окончила Восточный факультет ЛГУ по специальности «китайская филология», с 1957 г. сотрудник Института востоковедения АН СССР.

¹⁸ Меньшиков Л.Н. (1926–2005) – 1952 г. окончил Восточный факультет ЛГУ по специальности «китайская филология», с 1955 г. сотрудник Института востоковедения.

¹⁹ Вельгус В.А. (1922–1980) – синолог, в 1947 г. по приглашению В.М. Алексева приехал в Ленинград и поступил на Восточный факультет ЛГУ.

²⁰ Фишман О.Л. (1919–1986) – отечественный литературовед-синолог, в 1941 г. окончила Восточный факультет ЛГУ, ученица В.М. Алексева, в 1946–1949 гг. – преподаватель ЛГУ, с 1958 г. – сотрудник Института востоковедения АН СССР.

²¹ Вахтин В.В. (1930–1981) – ученик В.М. Алексева, в 1954 г. окончил Восточный факультет ЛГУ по специальности «китайская филология», с 1952 г. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

²² Итс Р.Ф. (1928–1990) – этнограф и организатор науки, в 1950 г. окончил Восточный факультет ЛГУ по специальности «китайская филология», ученик В.М. Алексева, с 1954 г. сотрудник Института этнографии и антропологии им. Миклухо-Маклая АН СССР, с 1982 г. – директор МАЭ РАН.

Представленные в архиве документы – важнейшие источники для изучения коллекции китайских народных картин из собрания того же Музея, а также китайских народных религиозных верований.

В качестве иллюстрации к охарактеризованным выше архивным материалам в статье впервые публикуются фрагменты из «Дневника I, а. Храмовая эпиграфика. Командировка 1907 г.» В.М. Алексеева (пояснения *сяньшиенов* – китайских учителей Алексеева) и переводы этих фрагментов из тетради «Перевод Л.Н. Меншикова». Представленные материалы позволяют наглядно показать, с одной стороны, разработанный исследователем новаторский для сиолога начала XX в. научный метод работы: сбор храмовой эпиграфики прямо в полевых условиях путем первичной письменной фиксации в виде кратких черновых наблюдений и вопросов [см. ниже записи №№ I.I51.5 (4) и I.I51.5a (2)] с последующим их комментированием грамотным информантом-туземцем) [см. ниже записи №№ I.I51.1(1)–I.I51.1(2), I.I51.2(1)–I.I51.2 (b), I.I51.3, I.I51.4, I.I51.5 (1)–I.I51.5 (3)], а, с другой стороны, демонстрируют процесс последующей обработки материала при помощи учеников академика и его дальнейшего отражения в научных публикациях исследователя.

Дневник Ia (I 39–I 166). Храмовая эпиграфика. Командировка 1907 г.²⁴

I.I51.1(1)²⁵ (Л. 233)

«家中有新喪 本家用藍色紙 書白字於上 曰某宅喪事 恕報不週 某日接三 某日首七 某日伴宿 某日發引 接三 魂死三日 必仍往家中一望 然後乃行 此因其魂歸而接侍之 首七 有財人家遇死喪 必請僧誦經 過四七二十八日 方能葬者 首七 從有死人之日起 第一之七日 中等之家 不能得僧誦經奉在人家如此之多 故首»

I.I51.1(2) (Л. 233)

«七之後 接以伴宿發引 伴宿者 次晨輿柩由家重出 埋之於地 為子孫者 不但不能望見其顏色 并此盛尸之棺 明日亦將永別 不忍相離 故伴死者宿於堂上 發引 猶起程 喪自外至者 開棺卜二字 又有書大哀字者 或書喪字 皆是知會親友 使知已家有喪之義 》²⁶.

²³ Циперович И.Э. (1918–2000) – ученица Алексеева, в 1941 г. окончила Восточный факультет ЛГУ по специальности «китайская филология», с 1948 г. преподаватель Восточного факультета, а с 1967 г. сотрудник Института востоковедения.

²⁴ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 45. Оп.1. Д.1.1

²⁵ Нумерация В.М. Алексеева.

²⁶ «Нравы Китая, в доме новый траур. В этой семье используют бумагу синего цвета, иероглифы белого цвета пишут, что в таком-то доме похороны, простите, если что-то не предуспели в связи с горем. Прием [души умершего] на третий день смерти, на такой-то день первые седмины (7ой день после смерти – E.3.). На такой-то день родные проводят ночь у гроба покойника, на такой-то день вынос тела усопшего. День приема на третий день – янская душа *хунь* три дня как умерла, непременно смотрит на родной дом, после чего приходит. Поэтому проводят прием янской души *хунь*. Первая седмица, в богатых домах во время похорон непременно пригласят буддистских или даосских монахов читать сутры, по прошествии четырех седмиц, то есть 28 дней, только после этого отправляют в родные края для захоронения. Первая седмица, со дня кончины – это седьмой по счету день. Рядовые семи не могут у гроба покой-

Тетрадь «Перевод Л.Н. Меншикова»²⁷

I.151.1(1) (л....)

«Китайский обычай

Если в доме есть недавно усопший, то там пишут на синей бумаге белыми иероглифами надпись, гласящую:

«В таком-то доме траур, простите, если не всех, за горем, уведомили.

В такой-то день – встреча (души – *от руки*) на третий день (цзе-сань 接三);

В такой-то день – обряд седьмого дня (шоу-ци 受七);

В такой-то день – совместная ночь (бань-су 伴宿);

В такой-то день – вынос гроба (фа-инь 發引)».

«Встреча на третий день» (цзе-сань 接三). На третий день после смерти все должны направиться в дом взглянуть на усопшего. Всё это делается потому, что душа (усопшего) в этот день возвращается (в дом, к телу), и ее должно встретить.

«Обряд седьмого дня» (шоу-ци 受七). В домах, достаточно богатых, проводит-ся отряд траура по усопшему. Для этого приглашаются буддистские и даосские монахи, читающие возле тела священные книги. Только по прошествии четырех недель, т.е. 7x4 дней²⁸, начинается обряд похорон (рукой Алексева, карандашом, вопрос «Это только у богатых, или у всех?»). «Седьмой день» – это седьмой день после смерти покойника. Домочадцы не могут находиться

I.151.1(2)

в это время в доме возле гроба усопшего, и потому после «обряд седьмого дня» следует «совместная ночь» и «вынос гроба».

«Совместная ночь» (бань-су 伴宿). Наутро должны вынести гроб из дома и схоронить его в земле. Дети внуки ранее не только не могли взглянуть на лицо усопшего (карандаш, рука Алексева, «А встреча на 3-й день»), но и увидеть гроб с телом, а на следующий день им предстоит навеки с ним расстаться. Не в силах снести горечь разлуки, они проводят ночь в зале рядом с гробом усопшего.

«Вынос гроба» (фа-инь 發引). Обряд отправления гроба в последний путь.

При трауре, люди входящие в дом снаружи, прежде всего видят два начертанных на дверях иероглифа: «Извещаем о трауре» (Вэнь фу 聞訃)

И дальше, где их встречают слуги, еще надпись: «Великий плач» (Да ай 大哀) или же иероглиф «Траур» (сан 喪). Все эти надписи служат для того, чтобы извещать и собрать родных и друзей и дать всем знать о том, что в этом доме траур»²⁹.

ника делать подношения так долго, причина почему после семи первых дней за приемом души, ночное бдение у гроба и вынос покойника, те, кто проводят ночь у гроба, следующим ранним утром выносят гроб из дома. Закапывают его в земле. Сыньюя и внуки не только не могут смотреть на его цвет, но и на наполненный гроб, завтра будет расставание на век, не вынести разлуки, по этой причине всю ночь проводят у гроба в центральном зале дома. Вынос гроба похож на отправление в путь, участвующие в трауре вешают оповещение из двух слов «Открываем слышим», либо слова «Великая скорбь», либо слово «Похороны», эти слова вешают на дверях друзья и родные умершего, чтобы оповестить о похоронах. (Перевод Е.А. Завидовской).

²⁷ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 17.

²⁸ Слева на полях пометка карандашом «ср. с Грубз, нечетное число дней»

²⁹ Алексеев 1958, стр. 158-159: «10 июля. До Кайфынфу нам предстоит проделывать еще 280 *ли* по дурной дороге. Перспектива! В городе Нинлинсян я написал огромное траурное объявление, висящее на дверях дома. Белыми иероглифами на синей бумаге написано: «Извещаем о трауре, великий плач». Подробно сообщают, в какие дни будут совершаться похоронные обряды: «встреча души» – на третий день после смерти, когда все родные и знакомые приходят взглянуть на усопшего, ибо в

Дневник I,а (I 39–I 166). Храмовая эпитафика. Командировка 1907 г.

I.I51.2(1) (Л. 234)

«河南州有蕭書祖師廟

漢高祖臣蕭可曹參，始為刀筆吏，其後佐高祖定天下。制律例，後世宗之。凡省州縣之習刑名學，出身為幕友者，皆崇拜穆祀蕭曹二公，稱為祖師。而不敢名，亦猶尊身祖師之為羅祖，瓦木工祖師之為魯般也。京中名儒尹學房，

I.I51.2 (2) (Л. 235)

«中書吏亦祀蕭曹，稱曰科神。»

I.I51.2 (b) (Л. 236)

«漢封平陽侯蕭公之神位，漢封平陽侯曹公之神位，神精聖書如此，蕭可曹參此廟甚大，中央列塑之二像，穿極華美之朝衣，戴冠冕，如天官形。蓋古代為丞相者朝見之福也。»

I.I51.3 (Л. 237)

«師範專習所

擇年老秀才，平日學問稍有根柢者招入專習所，肄業其中，以便卒業而為人師，將已所聞教，傳之門人，使伊等習之。»

I.I51.3 (Л. 238)

«神之格思

見詩經中庸，神之格思，不可度思。格，至也。來也。思，語助辭。按神廟中橫匾，可通用此四字。»

I.I51.3 (Л. 239)

«功繼周召，蕭曹廟匾額，言二人佐漢定天下之功，可與周代之周公召公媲美，而繼續之。»

I.I51.3 (Л. 240)

«漢世元勳蕭曹廟，漢朝大臣中之首功»

I.I51.3 (Л. 241)

«整繹筋脈蕭曹廟，言蔡俊奠興之初，繹記紊亂，賴二公首有律例，整齊頒佈，

этот день душа его возвращается к телу и ее должно встретить; обряд «седьмого дня», когда буддийские и даосские монахи читают возле тела священные книги (это, конечно, только в достаточно богатых домах!); «совместная ночь», которую родные проводят в комнате рядом с гробом, и, наконец, вынос гроба. На доме, где есть покойник, обязательно вывешивают такие надписи. Таков обычай. В соответствии с патриархальной религией и культом предков, смерти вообще уделяется чудовищное, чрезмерное внимание. Дом в трауре отличают от других по всем статьям, и надолго (по родителям около трех лет). Вместо красных надписей на дверях, косячках, карнизах и всюду – синие; картины, содержащие веселые красные краски, заменяются другими, из которых изгнан красный цвет; благожелательные надписи заменяются печальными; ближайшая родня носит грубые халаты из посконного (небеленого) холста. Похоронный обряд необычайно сложен и тянется мучительно долго. Место, где надлежит похоронить тело, должно быть избрано особым, магическим компасом в руках гадалателя-геоманта (конечно, шарлатана) и откупить его надо любой ценой. От этого весь Китай покрыт могилами, занимающими иногда большое пространство (особенно, императорские и мандаринские), отнимающими землю у живых... Панихида может тянуться чуть ли не месяц. Для заупокойного служения богатые люди приглашают всевозможных служителей культа, дабы привлечь побольше духов, все равно какого происхождения: буддистов-хэшианов, даосов-лаодао, ламайских лало, монахов и монахинь-почитательниц Гуаньинь. С удовольствием пригласили бы (и не поскупились бы на плату!) и европейских монахов, монахинь, попов, ксендзов, пасторов и всех прочих, если бы те согласились идти за гробом вместе с «желтыми» и пренебречь своей расовой гордыней».

始克平定。 (夾一阿理克俄文筆記紙片) »³⁰

³⁰ I.151.2

В Хуэйчжоу провинции Хэнань есть храм Предков Сяо и Цао

У ханьского императора Гао-цзу было два сановника – Сяо Хэ (? – 193 до н.э. – Е.3.) и Цао Шэнь (? – 190 до н.э. – Е.3.), начали они с письмоводителей, позднее помогли Гао-цзу наводить порядок в Поднебесной. Упорядочили систему законов, систему наследования в клане. В каждой провинции, префектуре, области -чжоу и уезде все изучающие судебное уложение, те, кто имеют статус письмоводителя, считают их своими учителями-предками. Сходным образом предок-учитель с бритой головой – это предок Ло (*бог покровитель нищих и цирюльников – Е.3.*), учитель-предок мастеров по обработке черепицы и дерева – Лу Бань. В каждой канцелярии столичных управ ямэней

I.151.2 (2)

письмоводители приносят жертвы Сяо и Цао, называют их богами канцелярии.

I.151.2 (6)

Именная табличка бога министра Сяо-гуна из Ханьфэна и Ганьяня

Именная табличка бога министра Цао-гуна из Ханьфэна и Пиньиня

На табличках написано следующее:

Сяо Хэ

Цао Шэнь

Это огромный храм, в середине помещены две статуи, одеты в красивейшую парадную одежду для приемов у императора. На голове шапка с крыльшками, по форме как у Небесного чиновника. Означает «увидеть счастье», первый министр прибыл на аудиенцию к императору.

I.151.3 (1)

Педагогические учебные курсы

Выбирают старого обладателя ученой степени сюцай (*самая низовая из ученых степеней, ее получали на уездных экзаменах – Е.3.*), в обычные дни приглашают на курсы тех, у кого есть небольшие зачатки знаний. Проходят здесь курс обучения, чтобы после окончания учебы быть учителями людей, скоро об этом прослышат и прознают, придут ученики, даже они (о женщинах) учатся.

I.151.3 (2)

«Снизшедшая от бога благодать»

Смотри «Книгу песен» (Шицзин) и «Учение о срединном и неизменном» (Чжун юн, из «Четырехкнижия»), «Снизшедшая от бога благодать (кит. *шэнь чжи гэ сы*), ее нельзя измерить». Слово «гэ» – это пребывать, достигать, приходить, слово «сы» – модальная частица.

В центре храма висит вертикальная доска, на которой можно прочесть эти четыре слова. (*Это строка из 16 главы «Учения о срединном и неизменном» («Чжун юн»), где цитируется «Книга песен»: «神之格思, 不可度思, 矧阿衡思» (намерения богов неведомы и непредсказуемы, как можно быть непочтительным!). Первая часть этого изречения вырезана на доске, висящей над алтарем храма Сяо и Цао – Е.3.*)

I.151.3 (3)

В достижениях наследуют за Чжоу и Чжао

I.151.3 (2)

Доска с надписью в храме Сяо и Цао

Сказано, что два человека обладают заслугами помощи дому Хань и умирения Поднебесной, сравнятся в заслугах с Чжоу (*властитель Чжоу Чэн-ван, 1055-1021 до н.э. – Е.3.*) и Чжао (*член правящего клана Чжао Гуниш, правивший с ним на пару – Е.3.*), продолжают их великие дела.

I.151.3(4)

Храм Сяо и Цао, национальных героев эпохи Хань

Тетрадь «Перевод Л.Н. Меншикова»

I.I51.2(1)

«河南州有蕭書祖印廟

Храм предков – покровителей Сяо и Цао (Сяо Цао цзу-ши мяо ? в гор. Хуйчжоу пров. Хэнань.

Сановники при ханьском Гао-цзу (вставка от руки «Лю Бан после смерти – Гао цзу (высокий предок) – табу на имя имп-ра», от руки «император или его имя? Лю Баня?») /основателе династии Хань Лю Бане/ Сяо Хэ 蕭何 и Цао Цань 曹 впоследствии – первые сановники в государстве/ в начале были писцами (даоби-ли 刀筆吏), а впоследствии стали помощниками Гао-цзу при установлении династии, устанавливали законы и уложения. Последующие поколения канонизировали их. Все служащие в провинциях, областях, округах и уездах, занимающиеся изучением кодексов о наказаниях, обычно тоже происходят из секретарей, и потому все они поклоняются двум гуннам Сяо и Цао и приносят им жертвы, называя их предками-покровителями и избегая называть их по имени.

Подобно этому, предком-покровителем брадобреев является Ло-цзу, а предком – покровителем кровельщиков и плотников Лу Бань. В каждом столичном ямыне в ведомстве государственных экзаменов

I.I51.2 (2)

чиновники-делопроизводители (чжуншу-ли 中書吏) также поклоняются Сяо (Хэ) и Цао (Цаню), называя их духами государственных экзаменов (кэ-шэнь)

I.I51.2 (6)

Трон духа Сяо-гуна, который при Хань был пожалован титулом Ханьянского хоу
Трон духа Цао-гуна, который при Хань был пожалован титулом Пиньянского хоу
Имеют таблички, на которых написано:

Сяо Хэ

Цао Цань

Храм этот очень велик и в центре его помещены две статуи вылепленные из глины. Одеты эти статуи в великолепные узорные придворные одежды, на голове их надеты чиновничьи головные уборы, подобные убору Небесного Чиновника /дух-покровитель чиновников/ - это придворные одежды, которые надевали в древности те, кто получил должность чэнь-сяна (первого советника трона).

I.I51.3 (1)

前漢館專習所

Место для передачи изученного и обучения (школа при храме) (ши-фань чуаньши со)
Выбираются старые почтенные школяры и они все дни свои посвящают учению. Те из них, кто имеет уже какие-то основы приглашаются в «место по передаче изученного» (школу при храме). Их обязанности в этой школе стать наставником остальных по тем вопросам, которые он изучил. Все, что он узнал и услышал, он передает своим ученикам, чтобы и другие тоже могли это изучить.

Выдающиеся заслуги великих сановников эпохи Хань.

I.I53.3 (5)

Упрочили устой власти и направили весть уважаемому лицу, храм Сяо и Цао
Говорят, только пала [династия] Цинь и зародилась [династия] Хань, в устоях/расчетах и записях случился беспорядок, с помощью двух министров был создан кодекс законов. Они были упорядочены и украшены, с чего началось покорение, уравнивание и стабильность [в стране].

I.151.3 (2)

(надпись в храме Сяо и Цао)

«Духи, о явитесь!» (шэнь яжи гэ сы 神之格思)

Согласно тексту Ши-цзина и Чжун-юна «Духи, о явитесь; (но на это) нельзя надеяться» (шэнь чжи гэ сы, бук э ду сы 神之格思, 不可度思). Комментарий: «гэ» означает «являться», «приходить». «Сы – это вспомогательная (грамматическая) частица.

На горизонтальных надписях (хэньбянь) храмов, посвященных духам можно повсюду употреблять эти четыре иероглифа.

I.151.3 (3)

«Заслугами продолжайте Чжоу и Шао»

(Надпись /бяньэ) в храме Сяо и Цао)

Эта надпись говорит о том, что заслуги (Сяо Хэ и Цао Цаня) при основании династии Хань стали же велики, как и заслуги Чжоу-гуна и Шао-гуна (Чжао – *рукописная вставка*) при основании династии Чжоу и что Сяо и Цао (и Инь-шан – *рукописная вставка*) продолжали дела Чжоу-гуна и Шао-гуна).

I.153.3(4)³¹

«В эпоху Хань первые по заслугам»

(надпись в храме Сяо и Цао)

Эта надпись говорит, что среди других современников династии Хань Сяо и Цао первые по своим заслугам.

I.153.3 (5)

«Исправили законы, улучшили уложения»

(надпись в храме Сяо и Цао)

Эта надпись говорит о том, что после падения династии Цинь и в начале возвышения династии Хань законы и уложения находились в беспорядке. Вследствие того, что два гунна (Сяо Хэ и Цао Цань) создали законы, исправив и улучшив их, началось укрепление порядка»³².

³¹ Здесь и ниже при переводе Л. Меньшиковым была допущена ошибка в нумерации, должно быть I.151.3(4) и I.151.3(5)

³² Алексеев 1958. С. 158-159: «10 июля. Приезжаем в Хуэйчжоу; это большой город... Заходим в интересный храм Предков, покровителей Сяо и Цао. Сяо Хэ и Цао Цань были первыми советниками при императоре, основателе Ханьской династии, как его ближайшие помощники содействовали установлению династии. В последующие века они были канонизированы, и так как оба *гуна* (князя) происходили из мелких секретарей-писцов, все чиновники, имеющие обычно точно такое же происхождение, поклоняются им, приносят жертвы и называют «предками-покровителями», явно избегая личных имен. Известно, что китайский вежливый язык вообще избегает личных наименований. Считается неприличным спросить имя, ибо это могло бы дать повод думать, что человека хотят назвать по имени, словно слугу. Поэтому, осведомившись о «благородной фамилии», спрашивают также об «уважаемом прозвании», на что обычно в ответ получают и имя и прозвание. Имена же государей были совершенно запрещены для произнесения и даже воспроизведения в письме с незапамятных времен китайской истории и заменены девизами правлений. Так, ханьский Гао-цзу, при котором состояли советники, это – девиз Лю Бана и в переводе значит «Высокий предок». Впрочем, перевод этих девизов – вещь нелегкая, ибо это почти всегда – тайный намек на канонический текст, обнаружить который не сразу может и китайский начетчик.

Предки-покровители – весьма интересный момент в общем культе предков, как переход от почитания к поклонению, обожествлению и откровенной религии. Подобных покровителей имеют многие специальности и ремесла. Так, брадобреи считают таковым некоего Ло-цзу, кровельщики и плотники – Лу Баня и т. д.

Дневник Га (I 39 – I 166). Храмовая эпитафия. Командировка 1907 г.

I.151.4 (Л. 243)

«土神前在蕭曹廟中土神，即土地神旁有鬼使，手持簿，曰萬卷書，此乃工人隨意題寫者，因嘗見人家門聯上，有家藏萬卷書，故也。»³³

Тетрадь «Перевод Л.Н. Меншикова»

I.151. 4 (I)

«Алтарь (кумирня) Ту-шэня (местного божества)

В храме Сяо и Цао

Ту-шэнь – это местное божество.

Возле (статуи) духа (божества) стоит демон-посланник (гуй-ши), который держит в руке записи, именуемые «Книга тысячи свитков» (вань цзюань шу). Это (название) произвольно написано ремесленниками (изготовившими статую), и взято с надписи на дверях дома: «В (сем) доме хранятся книги – десять тысяч свитков», каковую надпись они могли увидеть»³⁴.

I.154.4 (2)³⁵

«(Предварительная запись об этой кумирне В.М. Алексеева)

Рядом кумирня Гуань-ди (все в том же дворе.)

Рядом «Алтарь (кумирня) местного божества (ту-шэнь)» Божество в чиновничьем уборе. По бокам дьяволы: один с книгой «Книга десяти тысяч свитков» (Вань цзюань шу).

Откуда взялось совмещение трех культов в одном дворе?».

Дневник Га (I 39 – I 166). Храмовая эпитафия. Командировка 1907 г.

I.151.5 (I) (Л. 244)

火星閣

火神面赤色，三眼，紅鬚，六臂，各執器械，像兇惡。其身後復有一面貌慈善之像，此如出兵打仗時，便作祿壽形，無事便靜也。據卦中寅義，火神，名羅宣。商朝人，與副將姜太公為敵，有火箭火弓火鴉火輪箭，投其物於其處，立時火發，後

I.151.5 (2) (Л. 245)

死于陣上，封為火德星君正神。其屬下五人，曰：尾火虎，室火豬，觜火猴，翼火蛇，接火天君。民間祭祀火神，畏其焚燒之害，常有當火發近及時，不想焚燒滅，只叫求火神勿燒，幸不被焚，則以為神佑，亦至廟還願也。又俗傳長天與火神有仇，如天師進京，住店或人家，其房屋即被焚，惟住宿火神廟，則終日安靜，因火

I.151.5 (3) (Л. 246)

神不肯自燒其居也。火帝真君神位門外有星馬兒，即俗謂火名驪駒，駒到處則發火也。»³⁶

Храм очень велик. Статуи *гунов* сделаны из глины и одеты в великолепные узорные придворные одежды, на головах — чиновничьи уборы, как у небесного чиновника».

³³ «В храме Сяо и Цао есть алтарь бога Земли/местности

Бог земли – он же Ту-ди

Рядом с богом стоит демон, посланец из преисподней, в руке [Ту-ди] держит книгу, состоит из десяти тысяч свитков. Это название по своему разумению написали мастера, часто (использован неверный иерогл. омоним *чан* 嘗 вместо верного *чан* 常) можно увидеть на воротах у людей на парных надписи «в доме хранится книга из десяти тысяч свитков», [они могли ее увидеть]. Такова причина» (Перевод Е.А. Завидовской).

³⁴ Путевая заметка от того же дня, переведенная в рабочих материалах Меншикова (Л. 6-7 «Стэла десяти тысяч человек» *вань жэнь бэй*), в книгу «В старом Китае» составителями включена не была.

³⁵ Здесь при переводе Л.Н. Меншиковым была допущена ошибка в нумерации, должно быть I.151.4(2)

Тетрадь «Перевод Л.Н. Меншикова»

I.I51.5 (1)

«Кумирня Звезды Огня (планеты Марс) Хосин-гэ

Дух огня имеет красное лицо, три глаза, красную бороду, шесть рук, каждая из которых держит оружие. Вид у него устрашающе свирепый. С задней стороны у него еще одно лицо, уже прекрасное. Это значит, что при выступлении в поход и в сражениях он делает ложно-свирепый вид, а если он оставляет войну, то становится добрым и мирным.

Согласно роману «Получение ранга божества» (Фэнь шэнь янь-и) Цз.6 , глава 64, стр.5 Дух огня был человеком династии (Инь-) Шан и звали его Ло Сюань. Он был врагом полководца династии Чжоу (уничтожившей династию Инь-Шан) Цзяна Астролога (Цзян Тай-гун) . У него были огненные стрелы, огненный лук, огненная ворона и огненное колесо. Если он эти свои драгоценности бросал в каком-нибудь месте, то тотчас же там возникал огонь. Впоследствии

I.I51.5 (2)

Он погиб и в бою получил титул «Праведного духа (божества), повелителя Звезды Огненной доблести».

В подчинении у него находятся следующие пять человек (духов, демонов): тигр с огненным хвостом (Вэй хо ху), кабан с огненным ...? (Ши хо чжу), обезьяна с огненным хвостом (Вэй хо ху), змея с огненными крыльями (И хо шэ), повелитель неба, соприкасающегося с огнем (Цзе хо тянь цзюнь). Все они из 28 су (созвездий). *(Вопрос карандашом В.М. Алексеева – Т.О. каждый и.-н. звезда?)*.

В народе поклоняются Духу огня, чтобы избежать несчастий, которые приносят пожар. Нередко, когда вспыхивает пожар, люди и не помышляют о том, чтобы бро-

³⁶ «Терем Марса (звезды Огня)

Лицом бог огня красный. Три глаза, красная борода, шесть рук, в каждой держит оружие, обликом страшен и ужасен. Сзади у него доброе лицо, похоже на то, как перед выходом солдатом на войну, прибегает к магии и обретает страшный облик, а когда военных дел нет – он добрый и спокойный.

По данным романа «Возведение в ранг духов» (*фэн шэнь яньи*, роман XVI века приписываемый Сюй Чжунлиню- ЕЗ) бог огня имеет имя Ло Сюань, человек эпохи Шан, был врагом чжоуского генерала Цзян Тай-гуна, у него были такие виды волшебного оружия, как огненные стрелы, лук, огненная индейка и огненное колесо, куда он бросал эти предметы – так тут же загорался огонь, после погиб в бою. У него в подчинении пять человек, их называют: тигр с огненным хвостом, свинья огненной комнаты, обезьяна с огненным ртом, змея с огненными крыльями, Небесный господин, принимающий огонь.

В народе совершают подношения богу огня, опасаясь, что он навредит пожаром, часто в случае распространения огня, вместо того, чтобы думать, как его потушить, встают на колени и молят бога огня не жечь огнем, повезет, если не сгорят, тогда считается, что бог оберегал, а значит надо в его храме совершить «возвращение завета» (*отблагодарить подношением - ЕЗ*)

По поверью Небесный наставник Чжан (Чжан тяньши) таил зло на бога огня, когда Небесный наставник приезжал в столицу, то дома и лавки загорались. Только те, кто укрывался в храме бога огня, оставались незатронутыми, потому что Бог огня не пожелает сжигать свое собственное жилище.

Табличка с именем Истинного господина огненного императора

За воротами есть Звездная лошадь, так в просторечии зовется Огненный скакун, куда бы он не прискакал – везде появится огонь» (*Перевод Е.А. Завидовской*).

ситься гасить огонь, а лишь молятся Духу огня, прося его не жечь их. Тот, кого огонь на счастье не тронул, считает, что ему помог Дух огня и потом снова направляется в его храм, чтобы отблагодарить за милость.

Есть еще предание, что Чжан Тянь-ши (от руки – верховный владыка) был врагом Духа огня. Если Чжан Тянь-ши приезжал в столицу и останавливался на постоялом дворе или у любого человека, то дом этот тут же воспламенялся, и только когда он остановился в храме Духа огня, он смог до конца дня оставаться спокойным, потому что Дух

I.I51.5 (3)

Огня не мог сам сжечь свое святилище.

Трон праведного повелителя Духа огня

За воротами храма есть «Звездный жеребенок» (син ма-эр), которого в просторечии называют «Огненный жеребенок» (хо янь цзюй). Место, в котором появится этот жеребенок, начинает гореть.

I.I51.5 (4)

(предварительные записи В.М. Алексеева о храме Духа огня)

«Кумирня звезды огня» (хо син гэ) Курьезный павильон над воротами впереди в зелени цветов, лошадиные духи»³⁷.

Дневник Ia (I 39 – I 166). Храмовая эпиграфика. Командировка 1907 г.

I.I51.5 (Л. 247)

萬人頌德碑 上書蔣孝廉躬行十善 萬人頌德碑

按地面官去任後，百姓不忍其去，埋碑道旁，紀其事以為記念。名去思碑。德政碑，或頌德之碑，孝廉舉人之古稱，其身躬行十大善事，地方之民，皆受其益，故稱易其德，立碑紀之。
(夾一阿理克俄文筆記紙片)³⁸。

³⁷ В книге «В старом Китае» (1958, с. 159) эта исходная полевая информация нашла свое отражение в следующем виде: «Весьма интересным оказался также маленький храм-кумирня Хо-сина 火星, духа огня (обожествленная планета Марс). Само божество имеет весьма свирепый вид. У него – красная физиономия о трех глазах и шесть рук, угрожающих оружием. Однако на затылке у него еще одно лицо, красивое и благодушное. Это значит, что в сражениях он принимает ложно свирепый вид, а когда оставляет войну, то становится добрым и мирным. Постоянными атрибутами Хо-сина являются огненное колесо, огненный лук и огненные стрелы. Все эти предметы, конечно, крайне огнеопасны: если Хо-син швырнет их в чей-нибудь дом, то пожар неизбежен. В народе Хо-син очень популярен, так как ему молятся о предотвращении пожара. Но и тогда, когда дом уже горит, люди нередко и не помышляют о том, чтобы гасить огонь, а молят Хо-сина не жечь их».

³⁸ «Прославление добродетелей десяти тысяч человек.

Начертаны десять добродетелей, которые выполняет сам, в том числе почтение к родителям и честность, стела, прославляющая добродетели десяти тысяч человек. Когда местный чиновник покидает пост, народ не желает, чтобы он ушел. Вкапывают стелу у дороги, на ней записывают его деяния для памяти. Она называется «мысли об отбывшем» (добрая память о хорошем начальнике, об отбывшем из здешних мест образцовом губернаторе – E.3.). Стела о добродетельном правлении, или стела, прославляющая добродетель, старинное название получившего звание цзюйжэня 舉人 на гос. экзаменах, в своей жизни он воплотил десять великих добрых дел, местное население получило бенефиции от его правления, по этой причине воспевают его добродетели, в честь этого воздвигают стелу» (Перевод Е.А. Завидовской).

Тетрадь «Перевод Л.Н. Меншикова»

I.155.5 а (I)³⁹

«Стела десяти тысяч человек (Вань жэнь бэй)

На стеле надпись:

«Десять тысяч человек (этой) стелой воспевают добродетели сяо-ляня Цзяна, который самолично сделал десять тысяч добрых дел».

Когда данный чиновник оставил службу, народа, не в силах снести его уход, воздвиг возле дороги эту стелу, на которой записал совершенные (чиновником) дела, чтобы о них сохранилась память. Эта стела называется «Стела воспоминаний об ушедшем» (Цюй сы бэй) или «Стела добродетельного правления» (Дэ чжэн бэй) или «Стела, прославляющая добродетель» (Сун дэ бэй).

Сяо-лянь – это древнее наименование степени «Цзюй-жэнь» (вторая ученая степень в старом Китае). Он лично совершил десять больших и добрых дел, от которых все люди, живущие в этой местности, получили пользу. Поэтому люди воспели его добродетель и в память о них установили стелу».

I.151.5а (2)

«(Предварительная запись об этой стеле В.М. Алексева).

«Стела десяти тысяч человек» (Вань жэнь бэй). «Десять тысяч человек (этой стелой) воспевают сяо-ляня Цзяна, который самолично сделал десять добрых дел». (надпись сделана по-китайски).

Отдельное здание, павильон на улице»⁴⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев В.М. В старом Китае. М.: Вост. лит. РАН, 2012. 402 с.

Алексеев В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.

Алексеев В.М. Три отчета о пребывании в Китае в 1906-1909 гг.// Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Наука, 1982.

Баньковская М.В. Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце. М.: Вост. лит. РАН, 2010. 486 с.

Меньшиков Л.Н. В.М. Алексеев как коллекционер // Литература и культура Китая. Сб. ст. к 90-летию со дня рожд. академика В.М.Алексеева. М., 1972. С. 127-132.

Пчелин Н.Г., Рудова М.Л. Нянхуа // Горный журнал. Спецвыпуск. 2008. С. 85-105.

Рудова М.Л. ред. Китайская народная картина нянхуа из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2003. 235 с.

Терюкова Е.А., Завидовская Е.А. Народные картины и эстампажи из коллекции академика В.М. Алексеева в Государственном музее истории религии: новый материал для исследования народной религии // Религиоведение. № 2. 2015 (а). С. 73-90.

Терюкова Е.А., Завидовская Е.А. Академик В.М. Алексеев и Музей истории религии (из истории создания экспозиции по истории религий Китая и формирования китайской коллекции ГМИР) // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 15 (б). СПб. 2015. С. 78-104.

REFERENCES

Alekseev V.M. V starom Kitae [In Old China]. Moscow, Vostochnaja literatura, RAS, 2012. 510 p.
Alekseev V.M. Kitajskaja Narodnaja Kartina: Duhovnaja zhizn' starogo Kitaja [Chinese Popular Prints: The Spiritual Life of Old China]. Moscow: Izdatel'stvo Nauka, 1966. 260 p.³⁹ Здесь при переводе Л. Меньшиковым была допущена ошибка в нумерации, должно быть I.151.5 а (I)⁴⁰ Путевая заметка от того же дня, переведенная в рабочих материалах Л.Н. Меньшикова (Л. 11 «Стела десяти тысяч человек» *вань жэнь бэй*), в книгу «В старом Китае» составителями включена не была.

- Alekseev V.M. Tri otcheta o prebyvanii v Kitae v 1906 – 1909 gg. [Three reports on stay in China 1906–1909] // Nauka o Vostoke: Stat'i i dokumenty. Moscow: Nauka, 1982. 535 p.
- Ban'kovskaja M.V. Vasilij Mihajlovitch Alekseev i Kitaj: Kniga ob otce [Vasilij Mihajlovitch Alekseev and China. Book about my Father]. Moscow: Vostochnaja literature, 2010. 486 p.
- Men'shikov L.N. V.M. Alekseev kak kollekcijoner [V.M. Alekseev as a collector] // Literatura i kul'tura Kitaja. Sb. st. k 90-letiju so dnja rozhdenija akademika V.M. Alekseeva [Literature and Culture of China. Collected articles on the 90th birthday of Acad. V.M. Alekseev]. Moscow, 1972. P. 127-132.
- Pchelin N.G. Rudova M.L. Njan'hua [Nianhua] // Gornyj zhurnal: Specvypusk. 2008. Pp.85-105.
- Rudova M.L. ed. Kitajskaja narodnaja kartina njan'hua iz sobranija Gosudarstvennogo Ėrmitazha. Katalog vystavki [Chinese Popular Prints nianhua from the Collection of the State Hermitage Museum. Exhibition Catalogue]. Saint Petersburg: AO "Slavija", 2003. P. 235.
- Teryukova E.A., Zavidovskaja E.A. Narodnye kartiny I ěstampzhi iz kollekcii akademika V.M. Alekseeva v Gosudarstvennom muzee istorii religii: novyj material dlja issledovanija narodnoj religii [Popular Prints and Rubbings from the Academician V.M. Alekseev's Collection Held in the State Museum of the History of Religion in Saint Petersburg: New Material for the Study of the Chinese Popular Religion] // Religiovedenie. №2. 2015. Pp. 73-90.
- Teryukova E.A., Zavidovskaja E.A. Akademik V.M. Alekseev i Muzej istorii religii (iz istorii sozdanija ěkspozicii po istorii religij Kitaja I formirovanija kitajskoj kollekcii GMR) [Academician V.M. Alekseev and the Museum of History of Religion (on the history of creation an exposition of history of Chinese religion and forming of the Chinese collection of the State Museum of History of Religion)] // Trudy Gosudarstvennogo muzeja istorii religii. Issue. 15. Saint Petersburg, 2015. Pp. 78-104.

Терюкова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета; eaterioukova@yandex.ru

Завидовская Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, ассистент-профессор, Национальный университет Цинхуа, Тайвань; katushaza@yahoo.com

Academician V.M. Alekseev's manuscript heritage

in the Research-Historical Archive of the State Museum of the History of Religion

The article introduces into scientific discourse the academician V.M. Alekseev's manuscript heritage from the Research-Historical Archive of the State Museum of the History of Religion. V.M. Alekseev was a prominent Russian sinologist who made the significant contribution to study of the history of Chinese popular art and Chinese folk religions. The extracts from so called Alekseev's "Chinese Dairy" and its Russian translations of L.N. Men'shikov are published as well.

Keywords: Academician V.M. Alekseev, the Research-Historical Archive of the State Museum of the History of Religion, sinology

Ekaterina Teryukova, Ph.D (Philosophy), Associate professor, Associate professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies St. Petersburg State University; eaterioukova@yandex.ru

Ekaterina Zavidovskaya, PhD (Philology), Assistant Professor, National Tsing Hua University, Department of General Education; katushaza@yahoo.com

Е. М. МИРОНОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА САБЛИНА

Воспоминания Е.В. Саблина, дипломата и общественного деятеля, возглавлявшего русскую общину в Лондоне в период между двумя войнами, посвящены времени окончания им Александровского лицея и начала карьеры в министерстве иностранных дел Российской империи.

Ключевые слова: *Е.В. Саблин, Александровский лицей, дипломатия, министерство иностранных дел, Сербия*

Евгений Васильевич Саблин всю свою жизнь оставался верен раз выбранному поприщу дипломата. Его карьера в ведомстве развивалась поступательно и успешно. Работу в качестве второго секретаря миссии в Белграде сменит назначение секретарем генерального консульства в Танжере (Марокко). Его деятельность в качестве первого секретаря посольства в Тегеране привлекла внимание императора Николая II, написавшего на одном из его донесений: «Согласен с мнением разумного Саблина». В 1914 г. он был переведен первым секретарем в Лондон, в 1917 г. стал советником этого посольства. Дальнейший его жизненный путь испытал на себе влияние октябрьских событий в Петрограде.

Вместе со всем Русским заграницным дипломатическим корпусом он отказался подчиниться правительству большевиков. Возглавив посольство в конце 1919 г. в качестве Временного поверенного в делах не-большевистской России, он оставался на этом посту до 1924 г., когда Великобритания признала СССР. С этого момента и до конца жизни он был представителем созданного в начале 1921 г. Совета русских послов, главой русской общины в Лондоне, со временем приняв на себя функции представителя Красного Креста и приходского старосты. Так и не приняв, и не признав советскую власть, он оставался русским патриотом, государственным, верным тем принципам, на которых был воспитан.

Отрывок самых ранних воспоминаний Саблина относится ко времени окончания Александровского лицея и поступления на службу в Министерство иностранных дел. Учеба в одном из самых престижных учебных заведений, поступление казака по рождению на службу в ранее закрытое, кастовое учреждение Империи – одно из свидетельств происходившего в то время обновления государственной элиты. Юность будущего дипломата проходила в исключительно культурной среде: учеба в «пушкинском» лицее навсегда оставит след в личности выпускника, привив идеалы гуманизма, патриотизма, культурную просвещенность. Обстановке лицея соответствовал и круг общения семьи, в который входил коллекционер П.С. Киселев. Лето семья проводила в новом дачном месте на побе-

режье Финского залива – в Гунгенбурге, где сложилась удивительная культурная обстановка. Здесь проходили летние сезоны юной Анны Ахматовой, здесь обустроился с семьей писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Как следует из воспоминаний, Евгений дружил с детьми воспитателя детей великого князя Константина, родственниками Рерихов – Митусовыми.

Е.В. Саблин начал делать записки не ранее 1905 г., думается, в Марокко, что, безусловно, наложило свой отпечаток, однако разрыв во времени был не настолько велик, чтобы вытравить из памяти ощущения, восприятие мира героя в описываемое время. Он открыт миру, пытлив, внимателен и с полным прилежанием описывает то, что запало в душу при первом знакомстве с Министерством иностранных дел.

Документ представляет собой тетрадь в кожаном переплете, с вклеенным на первой странице фото. На снимке изображены мужчина и женщина старшего поколения. Видимо, это родители автора: Василий Федорович и Надежда Федотовна Саблины. Текст рукописный, писался разными перьями, сравнительно небольшими отрывками. Почерк достаточно четкий, но порой переходит в трудночитаемую скоропись.

Изложение охватывает период 1898–1902 гг., обрывается неожиданно, без концовки. В рукописи рассказывается о поступлении автора на службу в МИД, год работы в центральном ведомстве и первом месте заграничной службы – Белграде. Мы публикуем только первую часть, посвященную периоду до отъезда молодого дипломата за границуⁱ.

Воспоминания моей службы. Года 1898-1899-1900-1902

Впервые желание поступить в Министерство иностранных дел, чтобы пойти потом по дипломатической части, появилось у меня еще когда я был в 3 классе Лицея. Не могу сказать, чем мотивировал я тогда свое желание, вполне же я оценил службу в этом ведомстве только тогда, когда попал *attaché* при миссии в Сербии, т.е. в ноябре 1899 г. До марта 1898 г. мои мечтания о службе оставались в области предположений; в марте же, когда в лицее начались выпускные экзамены, начальство весьма категорично заявило, чтобы все воспитанники объявили, куда они желают причислиться; не долго думая, я на листе, который предлагался для записей против своей фамилии уверенно и бойко написал – в 1 департаментⁱⁱ МИД. Со мною же вместе записались в это министерство кн. Лев Владимирович Урусовⁱⁱⁱ, Михаил Михайлович Бибилов^{iv}, Бенно Александрович Зиберт^v и Бар. Карл Александрович Штакельберг^{vi} – первый с причислением ко 2 департаменту^{vii}, остальные по Департаменту Личного состава и хозяйственных дел.

Выпускные экзамены пролетели как видение – призрачное, когда попадался хороший билет, и ужасное, если из вытянутого билета я мог только назвать его номер.

Волнующее это было время, но теперь, когда оно уже ушло в область воспоминаний – оно рисуется в моем воображении добрым старым временем. Сколько страхов, разговоров, какой кому попадется билет; выходишь наконец к столу: «Возьмите билет», слышится голос старого генерала Фельдмана^{viii}; «который?» – такой-то! И как трудно отвечать, если билет попадет-

ся мало приятный; отвечаешь бойко, уверенно, и по всем нервам разливается какое-то приятное удовлетворение, сознание, что еще одним экзаменом меньше и вместе с тем ближе желанный конец. Готовились к экзаменам обыкновенно группами – моя группа состояла из двух человек – Жеванова^{ix} и меня. Помню, прибежал утром на Ивановскую 4: «Борька, ты спишь, идол?» «Много прошел?»

«Ни черта?»

«А ты?»

«Тоже немного». И начинаются догадки, какой билет попадется, да будут ли спрашивать кроме билета, нельзя надписать на программе и т.д.

Для пар дипломатов, как мы себя величали не без некоторой гордости, самым серьезным экзаменом было Международное право у Ф.Ф. Мартенса^x. Дело в том, что для поступления в МИД необходимо было подвергнуться двум испытаниям: *examen de saparites*^{xi}, который производил 8 ранг дипломата в присутствии нескольких чиновников, и дипломатическому экзамену, который производился Советом министерства иностранных дел, вот в этом Совете Ф.Ф. Мартенсу и принадлежало первое место, и он был грозой будущих послов и посланников. В виду этого все мы старались отличиться перед Мартенсом и до некоторой степени заставить его помнить наши ответы, дабы тем самым обеспечить себе поддержку на дипломатическом экзамене. С этой же целью все, поступавшие в МИД, избрали себе темою для выпускного сочинения какой-нибудь вопрос международного права. Я писал о Сношении России со Святейшим Престолом, и Мартенс оценил мою работу в 11 (?) бал<лов>^{xii}, упрекнув меня в стиле фельетониста. На экзамене отвечал я о правах и обязанностях консулов, и ответ мой был бы более удачным, если во время подготовки сидевший со мной рядом товарищ и друг мой Полянский^{xiii} не вздумал вступить со мной в переговоры относительно своей шпаргалки, которую он каким-то образом потерял, а без нее он был в весьма неприятном положении – Мартенс это заметил и просил нас не совещаться.

Все это не помешало нам, однако, благополучно кончить курс, проделать всё, связанное с окончанием, и поступить на службу. Последний наш экзамен был 12 мая; вернувшись с него, каждый из нас находил дома штатское платье и, конечно, тотчас же переодевался. Сей акт, столь незначительный сам по себе, имел, конечно, для каждого из нас большое значение: начиналась новая жизнь в связи с новой оболочкой. Ещё будучи лицеистом, я месяца два до окончания отправился по совету друзей в министерство иностранных дел и представился директору первого департамента Александру Константиновичу Базили^{xiv}. Базили не был мне совсем неизвестным, и я ему; приходясь отдаленным родственником Ариадны Константиновны Мартыновой^{xv}, другу нашей семьи, я встречал его еще в бытность нашу в Одессе в ее доме; в Одессе Базили имел несколько домов. Кроме этого сын Базили^{xvi}, по прозванию Коко, был также лицеистом 6 класса, и это обстоятельство обеспечивало каждому лицеисту любезный прием у папаши.

Базили принял меня хорошо; он спрашивал у меня, чем я руководствовался, поступая в карьеру, на что надеюсь и проч. Я отвечал ему, смеясь в душе, что интересуюсь Востоком, нашей политикой там и что по сему и поступаю к нему в Азиатский департамент. Тут же он предупредил меня, что желающих послужить нашей политике на востоке много, но мест мало, и что

старшие меня по выпуску товарищи служат без жалованья и не думают скоро получить какое-нибудь назначение. Для поступления, по его словам, надо было подвергнуться двум экзаменам – при департаменте и дипломатическому. Все это меня, однако, не обескуражило. Молод я был и смотрел на все с надеждой и более был оптимистом, чем глядел на грядущее с тоской, тревогой. На сем мы расстались, причем Базили просил меня по возможности явиться на службу скорее; условились мы, что после экзаменов я отдохну и к 16 июля буду в министерстве. Первый шаг, таким образом, был сделан; все остальное должно было идти по заведенной раз навсегда машине государственного механизма.

Я, счастливый и довольный, поехал по своему обыкновению в Бродки, имение моих друзей Жевановых^{xvii}, Тверской губернии, близ Волочка. Там я пробыл недолго и поехал в Гунгербург^{xviii} к родителям, где и оставался до 15 июля, когда собрали меня в путь, благословили и сказали: служи.

В Петербурге в это время было плохо: стояла жаркая погода, знакомых никого не было, к загородным садам влечения я не имел, сослуживцев не знал... все это немного разочаровало меня. А в Гунгербурге был как раз веселый сезон. Из моих друзей жили там: Урусовы^{xix}, Зеленые^{xx}, Пешковы^{xxi}, Пантелеевы^{xxii}, Енакиевы^{xxiii}, Рассели^{xxiv}, Чаплины^{xxv}, Митусовы^{xxvi} и другие. Общество было любезное, всем я приходился по вкусу, в общем было беззаботно, весело и как-то хорошо на душе. Однако медлить было нечего; пришлось ехать и 16-го, ровно в два часа я пришел в министерство.

Все на меня смотрели, и не скажу, чтобы дружелюбно, а как-то починивчески. Из лицистов в департаменте у нас были: Татищев^{xxvii}, Засецкий^{xxviii}, Крупенский^{xxix}, Арсеньев^{xxx}, Протопопов^{xxxi} и Ону^{xxxii}. Все это были милые люди, и мне они во многом облегчили мои первые шаги по службе. В особенности мило ко мне отнесся Ону, сын посланника нашего в Греции; он мне тотчас же нарисовал картину департамента и объяснил мне весь механизм. До экзамена меня посадили в Турецкий стол, под начальство Сергея Сергеевича Кетова^{xxxiii}. С.С. Кетов служил в департаменте давно, лет 12; относился он к своим обязанностям прекрасно, но при всем старании начальство не давало себе труда оценить его таланты и всякий раз его обходили, а при случае и поругивали. В момент моего поступления он был делопроизводителем VIII класса, тогда как однокашник его, Егор Антонович Плансон^{xxxiv} был уже начальником второго отделения. Кетов жаловался на свое положение всякому новому человеку, бранил начальство, жаловался на несправедливость, но, в сущности, счастлив был своим положением, ибо боялся ответственности, терял голову при пустяках и всю вину сваливал на своих помощников. Первое время моей науки я писал копии, считывал литографии, переписывал начисто и изредка приглашался в политический стол, где принимал участие в шифре. Действие сие облекалось в какую-то особенную таинственную торжественность. Скептики глумились и говорили, что то, что мы сегодня с такими таинственными минами шифровали, было вчера в Петербургском листке.

У Кетова я пробыл недолго; я как-то по совету друзей, чтобы перейти в другой стол, пожал плечами на замечание Кетова, что слова «Ваше превосходительство» недостаточно почтительно выписаны, пожал плечами (так в тексте – *Е.М.*). Кетов обиделся, причислил меня к вольнодумцам и просил

меня перевести в другой стол. Случай этот не повлиял, однако, на наши отношения впоследствии, и мы расстались с Кетовым добрыми друзьями. Тем временем в нашем отделении постепенно выяснились две партии: Приклонского^{xxxv} и Веретенникова^{xxxvi}. Приклонский появился на горизонте Первого департамента неожиданно. Будучи вице-консулом в Будапеште в бытность там Генеральным консулом А.К. Базили, Приклонский сумел сделаться необходимым человеком Базили, и когда последний был призван в директора Первого Департамента, – Приклонский не замедлил появиться вслед за ним, сперва делопроизводителем VII класса, а затем последовательно в течение года достиг начальника отделения. Человек он был в высшей степени нервный; поэтому часть возводимых на него обвинений в грубости, придирчивости и том, что называется: неприятным характером должна была отпасть; нервному человеку, подгоняемому таким суетливым и неуверенным человеком, как Базили, приходилось иногда прямо разрываться на части; невольно гнев его обрушивался на подчиненных, происходил обмен любезностей, и Приклонского нещадно ругали! В числе других и я не избежал с ним столкновения. Случилось это вот по какому поводу. Было время близкое к дипломатическому экзамену; все усиленно готовилось и к работам в Департаменте не привлекались. Дня за три до экзамена Приклонский вдруг предлагает мне снять копию с донесения Базили по вопросу о междупарламентской конференции в Будапеште. Донесение объемистое, дня на 1,5 работы. Я говорю Приклонскому, что у меня через 2 дня экзамен. На это он мне весьма резко отвечает, что в первый раз встречает чиновника, отказывающегося от предлагаемой ему работы. Я вспыхнул; ни слова не говоря, взял донесение и в один день его переписал; придя в Департамент, я приказал сторожу передать его Приклонскому, а сам в то же время прошел на свое место. Отношения наши были какое-то время натянутыми, но потом все обошлось. К слову сказать, все это не прошло незамеченным сослуживцем моим Веретенниковым, бывшим в это время делопроизводителем VII класса и имевшем в своем ведении столы славянский и греческий.

Тут нужно добавить, что насколько Приклонский был человеком Базили, настолько Гартвиг^{xxxvii}, наш олимпийский и умный директор (вице) протезировал Веретенникову. Отсюда ясны были отношения Приклонского и Веретенникова; наружно сохраняя хорошие отношения, они в душе ненавидели друг друга. В целях этих они, что называется, и вербовали себе сторонников. На стороне Приклонского были Жуковский^{xxxviii}, Ларош^{xxxix}, Дьяченко^{xl}, в клике Веретенникова числились Губарь^{xii}, Засецкий и я. Попал я в эту компанию именно в минуту моего раздражения против Приклонского; Веретенников сумел привлечь меня, и с этого момента я сделался невольным спутником этого человека. Веретенников был скорее несимпатичным человеком; он принадлежал к разряду тех натур, которые во всем стараются найти смешную сторону, хотя бы это касалось и трагических положений. С ним трудно было говорить по душе; случалось мне иметь к нему просьбу – он смеялся, нужно ли было совета – он советовал то, к чему можно было отнестись шутливо. И так все время. И я стал на стороне Веретенникова, хотя пользы от этого для себя не видел. Положение это, однако, не препятствовало мне быть в наилучших отношениях с приверженцами Приклонского. Среди них Жуковский был даже моим другом; нас сближала любовь

к музыке, к поэзии. Он был поэтом с крупнейшим дарованием; Буренин^{xlii} писал про него как про лучшего из современных поэтов. Он и переводил стихи; в особенности удачны его переводы из Эредиа^{xliiii}. Теперь он переводит из Эминеску^{xliv}, румынского стихотворца. Будучи в Департаменте, он женился, и я первый узнал о его намерениях; тут же он получил назначение в Галац. Я был его шафером на свадьбе. В отличных отношениях был я и с Ларошем; сын музыкального критика и друга Чайковского, он наследовал любовь и понимание музыки от своего отца. Это и было обстоятельством нас соединившим. Мы встречались на симфонических концертах, обменивались впечатлениями, а на другой день, встретившись в Департаменте, возобновляли обмен своих мнений накануне. Был еще в политическом столе Ник<олай> Ник<олаевич> Дьяченко, хилый, болезненный господин. Он был милым, сердечным человеком, хотя и не без позы; впрочем, последняя никому не вредила, ему же, кажется, служила на украшение. Был еще Татищев. Это был замечательный труженик; он приходил к 10 часам утра и уходил позже всех. Он никогда ни с кем не разговаривал; ни минуты не сидел, сложа руки; не принадлежал ни к одной из партий. В нашей клике были Губарь и Засецкий. Губарь породой не отличался; свою службу он исполнял добросовестно, приправлял свои разговоры сальными анекдотами; в общем, был добрым малым. Засецкий был ничтожной личностью, но прекрасно одевался; обходили его всячески. Теперь, благодаря протекции Сементовского^{xlv} положение его исправилось, но бороться с кем-либо ему не под силу.

Были и независимые у нас. Из них Смелков^{xlvi}, известный под кличкой Менелик, состоял под начальством Кетова; добрый и милый малый. Другой – Юдин Николай Петрович^{xlvii} – прекраснейшая благороднейшая личность. Большой комик по природе, он часто потешал Департамент, и ему я обязан многими минутами искреннего, здорового смеха.

Такова была физиономия нашего Департамента или, вернее, 1 отделения. Во втором отделении тоже были чиновники, но нам не приходилось с ними сталкиваться. Назову из них: Плансона, Щекина^{xlviii}, Нератова^{xlix}, Персиани¹, Ону, Протопопова, Хрулева^{li}, Половцева^{lii}. Из них Ону и Протопов были моими одноклассниками; Половцев – оригинал, молчаливый и обладавший аппетитом юноша; в прошлом году он женился на М-ле Велиховой^{liiii}, той самой Мимочке, с которой я был очень дружен в молодые лицейские годы. Хрулев из правоведов перешел к нам из II Д-та, и его бывшие коллеги спрашивали про него, говоря: «что делает у Вас наш дурак»? Подлиза, фальшивый и трусоват.

Персиани, сын бывшего посланника в Сербии, имел все качества отличного человека на лицо. Он курил трубку и любил до безумия Вагнера, будучи сам хорошим пианистом.

Над всем этим стоял добрейший Алек<сандр> Конст<антинович> Базили. Пороха он не выдумал; отличался суетливостью; боялся высшего начальства, и в минуты гнева онаго терял голову. Говорил он пресмешно, с греческим акцентом. Сын его Коко, лицеист VI класса, был притчей во языцах Первого Департамента; любовь отца к сыну были трогательны, и ежедневно в 4½ часа рара^{liv} и Коко выезжали кататься. Базили мощно подпирал Гартвиг, вице-директор. Олимпийски спокойный, умный и способный Николай Генрихович нес на своих плечах всю тяжесть департаментской работы. Не было

дела, которого бы он не знал. Писал он прекрасно и много. Ныне он Директор, Гофмейстер, кавалер орденов – словом труды его не прошли даром.

Машина работала; подчас механизм ослабевал; его подмазывали, либо Гаагской конференцией^{lv}, либо Критской резней^{lvi}. И тогда стучали машинки, скрипели перья и спины чиновников склонялись в три погибели.

Первый Департамент был в моде; ему поручали всевозможные дела, часто совершенно не входившие в его компетенцию. Так ему поручена была конференция мира в Гааге. Дело велось в секрете, и Правительственное сообщение явилось неожиданностью даже для многих чинов министерства. Творцом конференции считают Государя^{lvii}; будто бы, однако, мысль эту ему подсказал гр. Муравьев^{lviii}. Ходили слухи, что инициатором всего был Базили. Будучи еще в Пеште^{lix}, он выудил эту идею, присутствуя на заседаниях межпарламентской конференции 1894 г.^{lx}. Я не ручаюсь за достоверность вышесказанного; передаю лишь то, что рассказывалось у нас в минуты отдыха, в курилке и чайной.

Поручали нам и так называемый финляндский вопрос. Именно предлагалось разъяснить Европе через наших представителей истинный смысл Манифеста 3 февраля 1899 г.^{lxi} Была составлена брошюра: «Le manifeste Imperiale du 3 fevrier 1899 et la Finlande»^{lxii}. И разослана с циркуляром нашим послам и посланникам с предложением сообщить ее содержание местным публицистам. Брошюра эта, впрочем, никого не убедила; она вызвала много других брошюр; из оных одна оканчивалась нелестной для русского самолюбия фразой «quo il qi en soit l oeuvre achevee le 3 fevrier 1899 et dont la brochure distribuee aux diplomates russes a eu pour tache de chanter l eloge, ne peut pas etre rangee parmi les actes politiques inspires par la sagesse et le respect des lois»^{lxiii}.

Здесь не место судить, кто был прав и кто виноват. В России самой было много мнений по сему предмету. Рассуждений было много и у нас и у финляндцев. Будущее покажет, что выйдет из Манифеста 3 февраля 1899 г.

Как было упомянуто выше, я начал свою службу в июле. Полнейшему вступлению в курс дела предшествовал так называемый «экзамен при департаменте». Он состоял в том, что из архива мне было дано дело, каковое я должен был провести по всем необходимым инстанциям, наполовину по-французски. На устном испытании мне было предложено указать разницу между сербами и хорватами и несколько вопросов из географии, вроде: какой главный город Персии? Говорят, что ныне требования этого экзамена повышены; могу сказать, что мне это были сущие пустяки. Этот экзамен открывал доступ к службе в центральном учреждении – в С. Петербурге. Желавшие же идти по дипломатической части за границу, подвергались так называемому дипломатическому экзамену. Он происходил 2 раза в год: осенью и весной. Присутствовал Товарищ министра и весь Совет^{lxiv}. Экзаменовали Тов. Министра (dossier из архива на франц.<узком> яз.<ыке>), Мартенс из Международного права, Малевич Мальский^{lxv} из политической экономии и бар. Остен-Сакен^{lxvi} предлагал вопросы по заданной заранее статистической работе. За исключением Мартенса – все было пустяком. Спрашивали, напр., что такое порто-франко^{lxvii}, эмиграция, ажио^{lxviii}. Статистическая работа была компилятивной и лишенной всякой самостоятельности. Мне была дана Сербия и Черногория в статистическом отношении; существующая небольшая литература по этому вопросу вполне давала материал, чтобы

написать три-четыре листа, приправив их призрачными цифрами. Тем не менее, экзамен страшил всех; обстановка его была самая торжественная. Вталкивали нас в кабинет Тов<арища> Министра, где приходилось сидеть окруженным сановниками в парадных мундирах и с орденами. В случае успеха недели через две Департамент личного состава уведомлял каждого из нас о результате, свидетельствуя при сем свое почтение. Но патент этот был звуком пустым; для многих заграница навсегда оставалась чем-то недоступным; большее значение имела протекция.

Первое время на причисленных возлагалась главным образом обязанность литографирования^{lxxix} донесений наших представителей. Это была сравнительно интересная работа, хотя писание литографскими чернилами было подчас изводящим. В мое время только что введены были машинки Remington^{lxxx}, и молодежь приглашалась практиковаться на оных. Как было сказано выше, я сидел в Турецком столе у Кетова. У него я пробыл недолго и был переведен в Славянский стол, где разделил труды с Засецким. В конце пребывания моего в Департаменте меня откомандировали в Греческий стол к Губарю. Мы быстро привели архив в порядок и премило проводили время: работы было немного; лишь изредка Яковлев^{lxxxi} из Иерусалима подваливал своих покойников, и тогда начиналась кутерьма изрядная. Каждый покойник требовал minimum 3-4 исполнений.

Летом 1899 года я поехал в отпуск к другу своему по лицею Б.Н. Жеванову в Вышний Волочок. Мое пребывание в Бродке, так называлась усадьба Жевановых, было для меня всегда одним из приятнейших моментов жизни. Жевановы были прекрасные люди; гостеприимство их было чисто русским, радушным и сердечным. Я пробыл в Бродке недели три и вернулся в Петербург.

Бар. Ливен^{lxxii} имел двух дочерей Энни и Магду^{lxxiii} Ливен, Из них волею судьбы старшая сделалась моей женой в ноябре 1899 г., именно 14-го^{lxxiv}. Еще перед свадьбой мне приходило на ум уехать куда-либо за границу и причислиться к какой-нибудь из наших миссий. Передо мной продефилировали Константинополь, Рим, Дрезден, Бухарест; но попал я в Белград. Произошло это следующим образом. Приятель моего отца граф Павел Сергеевич Киселев^{lxxv} говорил обо мне Буксгевдену^{lxxvi} и Волкову^{lxxvii}; оба они приняли меня любезно и оба в один голос отсоветовали Дрезден, находя его полнейшей sine sigой, что не могло бы не отразиться на моей карьере. Будучи в начале ноября (1899) утром на квартире у Буксгевдена, приходит туда Базили и говорит мне: езжайте в Белград, там теперь один Мансуров^{lxxviii}; Нелидов^{lxxix} собирается бросить службу, и Вы можете занять его место. Я очень обрадовался этому предложению; оно было для меня даже лестным, ибо Белград за последнее время считался une poste de bataille^{lxxx}. Инцидент с Жадовским^{lxxxii}, его отъезд, покушение на Милана^{lxxxii} и сплетни по этому поводу – все это вместе делало Белград более интересным, чем, например, Дрезден. В настоящее время мне смешно и стыдно вспомнить, что я имел даже минуту мысли о Дрездене. Перспектива же занять место Нелидова усугубляла приятность Сербии. Расчеты мои, однако, не оправдались; после Нелидова место оставалось долго вакантным и перешло к Евреинову^{lxxxiii}.

Это, однако, не помешало мне проделать прекраснейшую дипломатическую школу.

ⁱ Тетрадь с воспоминаниями дипломата хранится в Русском архиве университета города Лидс (Leeds Russian Archive. MS. 1285/77). Документы публикуются по современным правилам правописания. Характерные особенности текста, его шрифтовые выделения, стилистика оригинала сохранены. Особую благодарность за доброжелательность, готовность всегда оказать помощь, проконсультировать хочу принести хранителю архива Ричарду Дэвису.

ⁱⁱ Первый департамент Министерства Иностранных Дел – Азиатский департамент.

ⁱⁱⁱ Урусов Лев Владимирович (1877–1933, Париж), дипломат, третий секретарь канцелярии МИД, в качестве первого секретаря работал в дипломатической миссии в Болгарии, в посольстве в Японии, вице-директор 2-го (экономического) департамента МИД, председатель общества служащих МИД. Один из первых чемпионов России по игре в лаун-теннис. С 1910 до 1933 гг. член Международного Олимпийского комитета от России.

^{iv} Бибиков Михаил Михайлович (1877–1944, Маулагузен, Германия), дипломат. Состоял при канцелярии МИД сверх штата, первый секретарь посольства в Дании, первый секретарь посольства в Греции, секретарь Российской миссии в Мюнхене.

^v фон Зиберт Бенно Александрович (1876? – 1926) был причислен к департаменту личного состава и хозяйственных дел. Позднее работал в качестве второго секретаря в посольствах в Бельгии, США, Великобритании. По некоторым сведениям, сотрудничал с германской разведкой.

^{vi} Барон Карл Александрович Штакельберг (1877–1904), был причислен к департаменту личных и хозяйственных дел, позднее был третьим секретарем канцелярии МИД.

^{vii} Вследствие реформы 1897 г. Вторым департаментом МИД стал департамент внутренних сношений.

^{viii} Фельдман Федор Александрович (1835–1902) – генерал от инфантерии. С 1896 по 1900 г. – директор Императорского Александровского лицея.

^{ix} Жеванов Борис Николаевич (1876–1938), по окончании лицея служил в Государственной канцелярии. Дружбу с ним Е.В. Саблин сохранил на долгие годы. После революции Борис Николаевич остался в СССР. Работал юристом в советских учреждениях. Впервые арестован в 1925 г., приговорен к трем годам лагерей. Расстрелян в 1938 г.

^x Мартенс Федор Федорович – *Friedrich Fromhold Martens* (1845–1909), известный русский юрист, профессор международного права. С 1881 г. член Совета МИД.

^{xi} Буквально: «экзамен способностей» (фр.) – экзамен на право занятия должности.

^{xii} В лицее в эти годы была принята двенадцатибалльная шкала оценивания.

^{xiii} Полянский Владимир Васильевич, в дальнейшем полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. Активный участник Белого движения. В эмиграции в Польше.

^{xiv} Базили Александр Константинович (1846–1902), дипломат. 1897–1900 гг. – директор первого, азиатского департамента МИД.

^{xv} Мартынова (ур. Папудова) Ариадна Константиновна (ок. 1852–1935, Париж), вдова генерала от кавалерии Андрея Дмитриевича Мартынова.

^{xvi} Базили Николай Александрович (1883–1963, Филадельфия), дипломат. Работал в канцелярии МИД, в посольстве в Париже. В 1917 г. – начальник дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего, член Совета МИД. С июля 1917 г. – 1921 г. – советник посольства в Париже. В 1922–1939 занимался банковской деятельностью. В начале Второй мировой войны уехал в Латинскую Америку. Написал две книги о советской власти в России.

^{xvii} Жевановы, видимо, имеется ввиду семья генерал-майора Николая Ильича Жеванова, отца Бориса – друга Евгения Саблина.

^{xviii} Гунгербург или Усть Нарова (совр. Нарва-Йыэсуу в Эстонии) В то время модной курорт, где активное дачное строительство вела знать Петербурга, Москвы, Костромы и Ярославля.

^{xix} Имеется в виду семья Александра Ивановича Урусова (1843–1900), яркого представителя поколения адвокатов-общественников пореформенного периода. Он был изве-

стен также как литературный и театральный критик, собиратель автографов деятелей культуры. Его сын Александр (1872 г.р.) мог быть товарищем Е. Саблина.

^{xx} Зеленые. Гофмейстер императорского двора, воспитатель детей Вел. Кн. Константина Константиновича Илья Александрович Зеленой и его жена Александра Николаевна Митусова. Их сыновья Александр (1870 г.р.) и Константин (1875 г.р.) могли быть приятелями Е.В. Саблина.

^{xxi} Пешковы – не выявлены.

^{xxii} Пантелеевы. Возможно другом юности Е.В. Саблина был уроженец Новочеркасска Александр Петрович Пантелеев (1872 или 1874 г.р.), русский и советский режиссёр, сценарист и актёр.

^{xxiii} Енакиевы – не выявлены.

^{xxiv} Рассели – не выявлены.

^{xxv} Возможно, семья известного судебного деятеля, сенатора Александра Дмитриевича Чаплина. Его сын Николай (1876 г.р.) мог быть товарищем Е.В. Саблина.

^{xxvi} Митусовы – возможно, семья тайного советника, дипломата, известного коллекционера С.Н. Митусова (1847 – после 1922) и оперной певицы, урожд. Е.В. Голинищевой-Кутузовой.

^{xxvii} Татищев Борис Алексеевич (1876–1949 Париж), дипломат. Второй секретарь посольства в Берлине, первый секретарь в Афинах и Париже. С 1916 г. – начальник канцелярии МИД, Помощник А.А. Нератова по Управлению иностранными делами Особого Совещания Юга России, в 1920 г. – начальник политической канцелярии управления иностранных сношений. 1921 – и.о. советника посольства в Париже.

^{xxviii} Засецкий Константин Александрович (1876–1954 Париж), делопроизводитель Первого департамента МИД.

^{xxix} Крупенский Александр Дмитриевич (1875–1939, Париж), был причислен к Первому департаменту, позже секретарь консульства в Яссах. В 1903–1914 гг. служил чиновником особых поручений при директоре императорских театров, управляющим Петербургской конторой Императорских театров. Театральный деятель, композитор. Во время мировой войны был главным управляющим военно-санитарными организациями Вел. Кн. Марии Павловны.

^{xxx} Арсеньев Борис Константинович (1874–1925 Париж), дипломат, камергер. Второй секретарь посольства в Японии, первый секретарь посольства в Пекине, генеральный консул в Бомбее, первый секретарь миссии в Вашингтоне, Афинах. В 1915 г. вице-губернатор в Бессарабии, в 1916–1917 гг. – в Буковине. В эмиграции – аташе при Великом князе Николае Николаевиче.

^{xxxi} Протопопов Евгений Сергеевич (1875–1944), дипломат. Консул в Ницце, вице-консул в Вене.

^{xxxii} Ону Константин Михайлович (1875–1950), дипломат, камер-юнкер, статский советник; помощник секретаря, второй секретарь русского посольства в Константинополе, первый секретарь миссии в Гааге, советник посольства в Вашингтоне, в 1920 г. советник дипломатической миссии в Константинополе.

^{xxxiii} Кетов Сергей Сергеевич. (? –1905) Другой сотрудник департамента вспоминал о С.С. Кетове, что будучи начальником политического стола, «который занимался главным образом шифровкой и расшифровкой телеграмм... не мог приступить к исполнению своих обязанностей, не вдев монокла и не закулив сигары. Впрочем, бедный Кетов дальше этой должности не пошел, отправившись вскоре на тот свет» // Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893-1922. Минск 2003. С. 11.

^{xxxiv} Плансон (Плансон-Ростков) Георгий (Егор) Антонович (1869 – после 1937, Канны), дипломат, востоковед, коллекционер. Чиновник по дипломатической части при главном начальнике Квантунской армии, генеральный консул в Сеуле, посланник в Сиаме.

^{xxxv} Приклонский Михаил Григорьевич (1864–1944, Стокгольм), дипломат, камергер. В 1894 г. был назначен 3 секретарем в генеральном консульстве России в Будапеште.

С 1897 г. делопроизводитель Первого департамента МИД, с 1912 г. – генеральный консул в Будапеште.

^{xxxvi} Веребеников Александр Порфирьевич (1870–1936, Антверпен), дипломат, общественный деятель, масон. Делопроизводитель Первого департамента МИД, в дальнейшем чиновник для особых поручений при министре иностранных дел. В период гражданской войны – секретарь Русской Делегации по делам о военных и военнопленных в Берлине, по ее окончании – заместитель начальника Офиса русских беженцев. С 1923 г. в Париже занимался издательской деятельностью.

^{xxxvii} Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914 Белград), дипломат, гофмейстер. Вице-директор (1897), директор (1900–1906) Азиатского департамента МИД, посланник в Персии и Сербии.

^{xxxviii} Жуковский Владимир Григорьевич (1871–1922), дипломат. На консульской работе в Галаце, Адрианополе, Кенигсберге, Праге. Чиновник МИД Временного Сибирского правительства, товарищ министра иностранных дел в правительстве Колчака. В 1920 г. приговорен большевиками к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

^{xxxix} Ларош Евгений Германович (? – после 1929 г), вице- консул в Каире, секретарь и драгоман в Бейруте, вице-консул в Каире, с 1914 г. состоял при ведомстве в звании коллежского советника. В 1920-е годы работал в московском Институте Востоковедения.

^{xl} Дьяченко Николай Николаевич, секретарь и драгоман представительства в Салониках, секретарь дипломатического агенства в Софии, поверенный в делах России в Черногории.

^{xli} Губарь Алексей Алексеевич (1873–1945, Париж), чиновник Первого департамента, затем второго политического отдела МИД. В период гражданской войны – директор управления личного состава Управления иностранными делами Особого Совещания Юга России. В эмиграции во Франции. Издатель, сотрудник Союза деятелей русского искусства.

^{xlii} Буренин Виктор Петрович (1841–1926), поэт, публицист, член редколлегии газеты «Новое время».

^{xliii} Жозе Марія де Эредиа́ (1842–1905), французский поэт, писатель, переводчик кубинского происхождения.

^{xliv} Эминеску Михай (настоящая фамилия — Еминович) (1850–1889), классик румынской литературы, поэт.

^{xlv} Сементовский-Курилло Дмитрий Константинович (1859–1911, София), дипломат, гофмейстер. В 1898 г – чиновник особых поручений при министре иностранных дел, позже вице-директор, директор Азиатского департамента МИД, посланник в Болгарии.

^{xlvi} Смельков Валентин Васильевич (? –1905) дипломат, секретарь консульства в Чугучаке (1900–1903), секретарь консульства в Урге (1903–1904).

^{xlvii} Юдин Николай Петрович (? –1917), дипломат. Делопроизводитель Первого департамента МИД. Помощник Козакова по Дальневосточному отделу.

^{xlviii} Щекин Михаил Сергеевич (1871–1920 Токио), дипломат, меценат. Консул в Триесте, поверенный в делах России в Пекине, советник посольства в Токио. В эмиграции в Японии.

^{xlix} Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938, Вильжюиф, Франция), дипломат, гофмейстер, член Государственного совета. С 1910 г. и до ноября 1917 г. – товарищ министра иностранных дел, и.о. руководителя Управления иностранными делами Особого Совещания Юга России, 1920-глава дипломатического представительства бар. Врангеля в Константинополе, там же представитель Совета послов до 1923 г.

^l Персиани Иван Александрович (1871 – 1930 Белград), дипломат, музыкант. Делопроизводитель Первого департамента МИД, с 1916 г. – советник российского посольства в Италии. Возглавил представительство после отъезда посла М.Н. Гирса в 1920 г. в Париж. В 1926 г. поступил на службу в МИД Королевства сербов, хорватов и словенцев.

^{li} Хрулев Дмитрий Сергеевич (1873–1950 Англия). Дипломат, статский советник, камергер. Делопроизводитель Первого департамента МИД, потом долгое время «состоял в ведомстве МИД».

^{lii} Половцев Александр Валерьянович. (?–1916) делопроизводитель VII класса Первого департамента МИД. С 1903 г. до своей смерти состоял в ведомстве Министерства иностранных дел в чине титулярного советника.

^{liii} Велихова М. не выявлена.

^{liv} Пара (фр) – отец.

^{lv} Гаагская конференция 1899 г. – первая конференция разоружения, созванная по инициативе Российской империи.

^{lvi} Критская резня. По-видимому, имеется в виду критское восстание 1897–1898 гг. В январе 1897 г. местные мусульмане при поддержке турецких военнослужащих устроили резню христиан в критских городах Ираклионе, Ретимноне и Ханья.

^{lvii} Подразумевается император Николай II.

^{lviii} Гр. Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900). Министр иностранных дел Российской империи 1897–1900 гг.

^{lix} Пешт. Венгерский город, расположенный на восточном берегу Дуная. В 1873 г. произошло его объединение с Будой, городом, занимавшим западный берег Дуная. А.К. Базили в 1896 г. был русским консулом в недавно образованном Будапеште.

^{lx} Межпарламентская конференция 1894 г. Создание старейшей международной организации сотрудничества парламентах разных стран было оформлено на межпарламентской конференции в 1894 г.

^{lxi} Манифест 3 февраля 1899 г. Положил начало политики «русификации» Финляндии. Император не отменил действовавшую на территории княжества конституцию, но объявил о праве великого князя издавать законы без согласования с представительными органами власти Финляндии.

^{lxii} Императорский манифест 3 февраля 1899 г. и Финляндия.

^{lxiii} Фр. «Как бы там ни было, но акт, предпринятый 3 февраля 1899 г., которому русские дипломаты должны были петь хвалу, не может рассматриваться как политический акт, вдохновленный мудростью и уважением законов».

^{lxiv} Совет Министерства иностранных дел был создан именным указом императора Николая I от 10 апреля 1832 г., как совещательный орган при министре.

^{lxv} Малевский-Малевич Николай Андреевич (1855–19?), в конце 90-х гг. XIX в. – директор Второго департамента МИД.

^{lxvi} Барон фон-дер Остен-Сакен Федор Романович (1832–1916), в конце 90-х гг. XIX в. – член Совета министерства, товарищ министра иностранных дел.

^{lxvii} Порто-франко – приморская гавань, пользующаяся правом беспошлинных ввоза и вывоза товаров.

^{lxviii} Ажю – превышение рыночной цены золота, курсов валют, векселей и др. ценных бумаг относительно их номинальной стоимости.

^{lxix} Литографирование – рисование (в данном случае письмо) на литографском камне специальными чернилами; печатать с камня, на котором была сделана запись. Таким путем в то время распечатывались дипломатические документы.

^{lxx} Машинки Ремингтон – первая серийно выпускаемая, коммерчески успешная, проложившая дорогу всем последующим печатная машинка.

^{lxxi} Яковлев Александр Гаврилович (1854 - 1909), с 1897 г. генеральный консул в Иерусалиме, посланник в Сиаме. Член Палестинского общества.

^{lxxii} Барон Густав Эмилианович Ливен. Хранитель Эрмитажа. Автор книги «Путеводитель по Кабинету Петра Великого и галерее драгоценностей», СПб., 1901.

^{lxxiii} Баронесса Ливен-Орлова Магда Густавовна (1885–1929), драматург, поэтесса, прозаик.

^{lxxiv} Скупое сообщение о заключении брака вызвано тем, что через пять лет Элли неожиданно попросит развод, решившись выйти замуж за богатого австрийского дипломата. Евгений Васильевич тяжело пережил произошедшее, постарался вычеркнуть первую жену из своей жизни.

^{lxxv} Граф Киселев Павел Сергеевич (1831–1906), гофмейстер императорского двора. Большой любитель истории и собиратель древностей.

^{lxxvi} Буксгевден Карл Карлович (1855–1935, Брюссель), дипломат. Шталмейстер Вел. кн. Александры Иосифовны. В конце 90-х гг – директор департамента Личного состава и хозяйственных дел. Будучи посланником в Дании в 1917 г. ушел в отставку, отказавшись служить Временному правительству. Последний царский Российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Дании.

^{lxxvii} Волков Александр Сергеевич, дипломат. В 90-е гг. XIX в. Вице-директор канцелярии МИД.

^{lxxviii} Павел Борисович Мансуров (1860–1932), дипломат, церковный деятель, участник монархического движения. 1898–1903 гг. – сотрудник русского посольства в Константинополе. В дальнейшем директор Главного архива МИД. Участвовал в Церковном Соборе 1917–1918 г. В годы советской власти был секретарем общины, членом комиссии по охране памятников и искусства Троице-Сергиевой лавры. Неоднократно подвергался арестам. Был сбит трамваем в Москве летом 1932 г.

^{lxxix} Нелидов Георгий Александрович (1874–1918), второй секретарь миссии в Сербии, управляющий отделом печати МИД.

^{lxxx} Боевой пост (фр).

^{lxxxi} Жадовский Валерий Всеволодович (1836–1916), посланник в Сербии (1897–1899), причиной его отъезда в отпуск послужили не сложившиеся отношения с королем–отцом Миланом Обреновичем

^{lxxxii} Милан Обренович (1854–1901), король Сербии. В 1889 г. отрекся от престола в пользу своего сына Александра, уехал из страны. После возвращения в Белград в 1894 г. – фактически соправитель сына. В июле 1899 Кнезевич совершил неудачное покушение в Белграде на его жизнь.

^{lxxxiii} Евреинов Борис Николаевич (1872 – после 1917 г.), дипломат, камер-юнкер. Второй секретарь посольства в Пекине. Первый секретарь представительств в Константинополе, Сербии. В дальнейшем – чиновник для особых поручений.

Миронова Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; alena.stankina@rambler.ru

Memoirs by Evgeny Vasilievich Sablin

E.V. Sablin was a diplomat and the head of the Russian émigré community in inter-war London. In these memoirs he recollects the period when he completed his education at the Alexander Lyceum and began his career in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire.

Keywords: Sablin, Alexander Lyceum, diplomacy, Foreign Ministry of Russian Empire, Gungenburg, Jevanov, Serbia

Elena Mironova, PhD (History), senior researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; alena.stankina@rambler.ru

А. А. ВОЙТЕНКО

**«Эта молодая сила достойна большего уважения,
нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины»
Письмо А.П. Смирнова к Г.П. Федотову**

Публикация письма искусствоведа А.П. Смирнова к известному представителю русской эмиграции Г.П. Федотову снабжена введением и комментариями. Письмо, написанное во время заграничной командировки Смирнова осенью 1928 г., является важным источником, поскольку, определяет «линии разлома» между той частью дореволюционной интеллектуальной элиты, которая осталась в советской России, и той, которая предпочла эмиграцию. Письмо также важно для исследования некоторых вопросов, связанных с публицистическим наследием Г.П. Федотова.

Ключевые слова: А.П. Смирнов, Г.П. Федотов, архивы русской эмиграции

В архиве Георгия Петровича Федотова, хранящемся в Бахметьевском фонде Колумбийского университета (США), находится интересное, но, насколько нам известно, еще не опубликованное письмо к нему Алексея Петровича Смирнова¹. Письмо содержит небольшую сопроводительную записку, написанную, вероятнее всего, вдовой Г.П. Федотова, Еленой Николаевной, готовившей его архив для передачи в фонд: «2 письма, осень 1928 г. Алексей Петрович Смирнов. Товарищ Г.П. Федотова по СПб Университету. Специалист по истории церкви, повернувший, как и многие ученые в те годы к арх(е)ологии. Пишет из заграничной командировки. В письме чувствуется большое отталкивание от эмиграции и Европы, вера в будущее России и стремление домой. В 1929 году осуждена (sic! – А.В.) по процессу А.А. Мейера (кружок «Воскресенье»), который судя по письму он давно перестал посещать. Умер в ссылке». Как указано в записке, в фонд передавалось два письма, однако одно из них, более раннее, разыскать не удалось.

Вероятно, Федотов был знаком со Смирновым еще со студенческих лет: оба были учениками известного российского медиевиста и специалиста по поздней Античности Ивана Михайловича Гревса. Однако, если круг научных интересов Федотова формировался вокруг истории поздней латинской Античности и галльской церкви периода Меровингов, то Смирнов, вторым учителем которого был известный историк византийской церкви Иван Дмитриевич Андреев, выбрал для себя область визан-

¹ Bakhmetev Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York. G. Fedotov Papers (Ms Coll Fedotov). Box 1. Smirnov, Aleksei Petrovich. Rome & Naples, 17 Sept. & 5 Oct. 1928. To Georgii Petrovich Fedotov 2 a.l.s. Мы выражаем искреннюю благодарность доктору философских наук И.В. Голубович (Одесса), предоставившей нам фотокопию этого письма, а также хранителю Бахметьевского архива Татьяне Чеботаревой.

тийского и древнерусского искусства. Второй раз судьба свела их в кружке «Воскресение», который оказал очень сильное влияние на взгляды Федотова в его эволюции от марксизма к богоискательству².

Смирнов написал и опубликовал немного³: вероятно, основной его стезей (как это видно из письма) была музейная работа и преподавательская деятельность. Письмо к Федотову написано в период командировки Смирнова в Италию и Грецию⁴. Начало их переписки на основе публикуемого письма установить несложно. Первое письмо Смирнов посылает Федотову из Рима 17 сентября 1928 г., случайно узнав там адрес Богословского института в Париже⁵. Федотов ему отвечает, и Смирнов пишет ему уже второе письмо, из Неаполя, которое мы и публикуем. Ответил ли Федотов на него, и как дальше сложилась их переписка неизвестно.

Письмо интересно по нескольким причинам. Прежде всего, оно проводит четкую грань между людьми «одного круга» – интеллектуальной элитой дореволюционной России, часть которой, добровольно или по принуждению оказавшись за пределами родины, уверовала в «особую миссию» русской эмиграции и «особое ее призвание», другая – к ней и относился Смирнов – не покинула бы Россию ни при каких обстоятельствах. В статье «Зачем мы здесь?», посвященной русской эмиграции, Федотов формулирует свое видение этой особой миссии:

«Все, что доносится оттуда (из СССР. – А.В.), ни в какой мере не стоит в ур-
вень с запросами грозного века. <...> И вот нам здесь, за рубежом, выпала вы-
сокая честь и бремя подать голос России – бросить его хотя бы в простран-
ство, в пустоту (где ничто не пропадает). Чтобы этот голос был чистым и не
обманул того, кто через пространство и время его поймает на неведомую ан-
тенну, наш голос должен быть свободен. Свободен от всякой оглядки на мни-
мое «общественное мнение», на призрачные «массы», на несуществующую
ответственность. <...> У нас нет ответственности, кроме как перед Богом и
своей совестью. Мы не знаем, какие выводы будут сделаны из нашей правды.
Не знаем и не должны знать. Редко в истории мысль имела право на такую
свободу: право, завоеванное последней нищетой, бездомностью, изгнанием»⁶.

Смирнов придерживался иной точки зрения: «Не так живи, как хочется, а как Бог велит».

Вторая мысль, которая служит радикальным водоразделом – отношение к пореволюционному политическому режиму в России. Для

² Сложный вопрос о воцерковлении Г.П. Федотова, который в свете последних публикаций (см. напр., Янцен 2014. С. 85-89) видится несколько по-иному, чем было принято полагать ранее, мы оставляем за рамками нашей публикации.

³ Смирнов 1926; 1928. Подготовлено к печати: «Что такое скараник»; «Литературные следы композиции распятого ангела в искусстве христианского средневековья Востока и Запада»; «Деревянный резной поставец для креста в собрании АИМК» // <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1091-smirnov.html>

⁴ Состоялась ли его поездка в Стамбул, как он планировал, нам неизвестно.

⁵ Пока не ясно, знал ли Смирнов, что Федотов в то время преподавал в институте.

⁶ Федотов 1935. С. 444.

русской эмиграции, кроме, может быть, немногочисленных евразийцев, он был абсолютным злом⁷. И Федотов, естественно, не являлся исключением. Смирнов смотрел на это совершенно по-другому: «Трудны наши условия жизни, трудно наладить духовную культуру – но разве мы знаем все будущие ее пути – но всё же там в России, несмотря на злостные ошибки идет, идет новое». Вероятно, именно поэтому он не воспользовался своей заграничной командировкой как вполне «законным» и проторенным путем для того, чтобы остаться на Западе. При этом следует помнить, что в 1925 г. Смирнов уже был арестован и отправлен в ссылку, и только благодаря ходатайству Н.Я. Марра и вмешательству друзей в Омске его сняли с этапа и вернули в Ленинград⁸.

Смирнов ни в коем случае не разделял популярного в перестроечные годы мнения о том, что в эмиграцию после 1917 г. уехал исключительно «цвет русского общества». В этом он был близок к Федотову, которому уже в Париже пришлось наблюдать процесс полного разложения «белой идеи», когда непримиримые противники демонстрировали удивительное сходство в подходах. В одной из статей Федотов писал:

«Мы видим сейчас, как дух ленинского имморализма оживает в стане реакции. <...> Люди убеждены, что низость и жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. “Мы не слоняты. Для нас перевешать 2-3-5 миллионов – плевое дело”. Так растут у пня поваленного Белого движения ядовитые грибы новой всероссийской чеки»⁹.

Однако их радикально разделяло другое. Федотов, как и вся неравнодушная часть русской эмиграции, пытался, находясь за пределами России, постоянно генерировать идеи, проекты, «смысль», которые, как им казалось, смогут вылечить ее от большевизма, указать верный путь политического развития и т.д. Смирнов видит в возвращении «бывших» всех мастей гораздо большее зло, чем существующий в России на тот момент политический режим, и формулирует это прямо и недвусмысленно:

«Я вижу для русского народа большую опасность от Вашего возвращения – не лично Вашего, Георгий Петрович, <...> – а вот всего, что за Вами, рядом с Вами, а главное, что на Ваших плечах может вернуться к власти. <...> Все же эта молодая сила достойна большего уважения, нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины».

Не менее интересны вопросы Федотова к адресату. На основе ответов Смирнова можно предположить, что, помимо интереса к деятельности «Воскресения» и его членов, Федотов спрашивал своего бывшего товарища о политической обстановке в СССР и, вероятно, о ее оценке Смирновым. Как известно, живя в Париже, Георгий Петрович пытался

⁷ В данном случае речь идет о 20-30-х гг. XX в.

⁸ См. http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/nm/

⁹ Статья «Февраль и октябрь», впервые опубликованная в 1937 г., в номере 23 журнала «Новая Россия». Цит. по: *Федотов* 1988. С. 100.

анализировать внутреннюю и внешнюю политику СССР второй половины 20-х – начала 40-х гг., результатом чего явились его многочисленные публицистические статьи. Однако вопрос, на каких источниках он строил свой анализ, не то что не исследован, но, насколько нам известно, пока не поставлен. Вместо этого предлагаются сентенции об «обостренной исторической интуиции» Федотова, о «пророческой традиции русской философско-исторической мысли» или общие слова о «блистательном анализе» Федотовым предвоенной ситуации в СССР¹⁰. Все эти «фигуры речи» профессиональному историку малоинтересны, а фраза про «блистательный анализ» вообще не выдерживает критики. Ее автор ссылается на статью «Торопитесь!», где Федотов пишет о возможности и даже необходимости политического переворота в СССР накануне войны. Нет нужды говорить, что высказывать мысль о возможности свержения Сталина накануне войны – значит показать свое незнание реальной обстановки в стране на тот момент¹¹. Кстати, в этой же статье Федотов пишет о том, что режим Сталина не способен победить немецкую военную машину¹²: в данном случае «обостренная историческая интуиция» явно его подвела.

Тем не менее, очевидно, что Федотов живо интересовался происходящим в СССР и использовал каждую возможность, чтобы побольше узнать об этом у своих бывших знакомых, прибывших «оттуда». Вероятно, их сведения и оценки, наряду с другими источниками, служили ему материалом для размышлений и анализа. Сам Федотов ясно осознавал ограниченность своих источников и «дедуктивность» своего метода:

«Россия окутана для нас густым туманом. У нас нет прямых свидетельств о ее внутреннем состоянии. Вернее, эти свидетельства противоречивы и приходят с таким запозданием, что мы не можем обойтись без дедукций в суждениях о ее сегодняшнем дне. О глубочайших процессах, совершающихся в России, мы вынуждены судить, как химик о присутствии мельчайших частиц элемента по реакции, вызываемой им, или астроном о невидимом небесном теле по производимой им пертурбации»¹³.

¹⁰ См. напр., Янцен 2014. С. 600; Бычков 1996. С. 35.

¹¹ Однако вопрос, откуда у Федотова (или шире – у какой-то части русской эмиграции) взялась вера в саму возможность такого переворота, не изучен.

¹² «В перспективе близкой войны и готовящегося раздела России нельзя не видеть, что режим тоталитарного террора, установленный Сталиным, означает почти неизбежное поражение». Федотов 1988. С. 212. Статья впервые была опубликована в № 60 «Новой России» в 1939 г. К слову сказать, не одаренная «обостренной исторической интуицией» соратник Федотова по «Православному делу» мать Мария Скобцова ни секунды не сомневалась в победе СССР над нацизмом. – см. Гаккель 1992. С. 195.

¹³ Статья «После выборов», впервые опубликована в № 38 «Новой России» в 1937 г. Цит. по: Федотов 1998. С. 165. Одним из источников для анализа Федотовым событий в СССР было критическое чтение советских газет, прежде всего, «Правды» (там же. С. 91, 101, 107-108). Но не только. Например, он посвящает целую статью анализу писем женщины из советской России, опубликованных в «Современных записках» (там же. С. 44-48).

Наконец, в письме Смирнова высказывается одна мысль, которая была повторена Федотовым более чем десять лет спустя. Это идея о необходимости наднациональной интеграции Европы как единственного средства избежать в будущем войн на этом континенте. Смирнов высказал эту идею еще в 1928 г. А в своей статье 1939 г. Федотов писал так:

«Задача не в том, чтобы уничтожить главного агрессора и ждать, вооружившись до зубов, нападения очередного агрессора. Задача в том, чтобы окончательно уничтожить бандитизм в Европе, установить в ней твердый мир – порядок, обеспеченный законом, закон, обеспеченный властью, власть, обеспеченную силой. Другими словами, Европа должна найти свое сверхнациональное политическое единство, если вообще она хочет и может жить»¹⁴.

Но, отталкиваясь от этой идеи, Федотов в своем анализе идет дальше и указывает, что, скорее всего, интеграция Европы будет происходить не в рамках «совершенно добровольной организации сверхнационального общения», а как «гегемония держав-победительниц». Представляется, что здесь он был не далек от истины в своем политическом прогнозе¹⁵.

Смирнов, как видно из его письма, выбрал для себя путь «срединного человека»: приводимые им сравнения с Аббадоной и милостивым блудником ясно на это указывают. Вероятно, полностью отойдя от всякого «кружковства» и никак не участвуя в политике, он сосредоточился на музейной работе и преподавательской деятельности, искренне полагая, что тем самым сможет принести больше пользы своей стране, чем через открытое диссидентство или «внутреннюю эмиграцию». Преподавание в нескольких местах и работа в музее давали повод для сдержанного оптимизма. Но его судьба сложилась трагически, поэтому строки из письма о том, что ему «определенно хочется в Ад», сейчас выглядят почти злоеще. Примерно через год после публикуемого письма Смирнов был арестован по делу о «Воскресении», признан виновным как «активный участник к/р церковно-монархической организации «Воскресение», занимавшейся а/с деятельностью (с момента зарождения первой группы организации в декабре 1917 г. и до ее ликвидации)», осужден на три года концентрационных¹⁶ лагерей и умер от сыпного тифа в тюремной больнице в Кемском пересыльном лагпункте на Поповом острове 10 марта

¹⁴ Статья «Гегемония и федерация» впервые опубликована в № 74-75 «Новой России». Цит. по: Федотов 1988. С. 276.

¹⁵ При этом, он полагал, что «гегемония англо-французская не страшна для свободных народов, хотя, конечно, и она не может быть бескорыстной и для всех равно справедливой» (Федотов 1988. С. 278). В публицистике Федотова подчас сочетаются трудносочетаемые вещи: интересный и глубокий (хотя часто и небеспорный) анализ с наивной и непоколебимой верой в «западные демократии» или, например, с убежденностью в том, что возможно избежать имморализма в политике.

¹⁶ Переименование концентрационных лагерей в исправительно-трудовые состоялось несколькими днями позже (27.06.1929) вынесения приговора А.П. Смирнову (22.06.1929).

1930 г. Как свидетельствуют материалы дела, он не признался в принадлежности к «Воскресению», «сообщивши, что ему не было известно, что собрания, на которых ему приходилось участвовать в квартирах Половцевой¹⁷ и Смотрицкого¹⁸, устраивались какой-либо организацией»¹⁹. О причинах его отказа признать свое участие в кружке мы, вероятно, уже не узнаем. Сохранились воспоминания друга Смирнова еще с университетских лет и его товарища по лагерному несчастью Николая Петровича Анциферова об оглашении приговора и последних дней его жизни²⁰. Они придают «человеческое измерение» сухим строчкам из материалов дела. Судя по этим воспоминаниям, Смирнов держался стойко и, будучи уже на Соловках, не терял присутствия духа, иронического и критического настроения. «Ибо слишком тяжел путь», – как писал он бывшему товарищу.

Вот как вспоминает Анциферов свою последнюю встречу с другом:

«В лагере вспыхнула эпидемия сыпняка. Многие из сослуживцев сделали ее жертвами. <...> Словно в утешение мне, в Кемь прибыл мой друг А.П. Смирнов <...>. Вечер приезда Смирнова мы провели у Бахтина²¹, который жил в рыбацкой слободе за мостом над рекой Кемью. Бахтин читал гимны смерти Баратынского:

В руке твоей олива мира,

А не губящая коса...

...Ты всех загадок разрешенье,

Ты разрешенье всех цепей.

В тот вечер мысли о смерти не смущали трех друзей, полных сил и волнующих надежд. Смерть не казалась страшной. Гимны Баратынского были нам по душе. А у дверей уже одного из нас ждала избавительница от всех цепей...

Я предложил Смирнову как знатоку старого русского искусства (до ареста он был хранителем отдела иконописи Русского музея) пройтись со мною по тому месту, где на мысу стояла старая деревянная церковь. Мы медленно обошли ее кругом, вспоминая много нас связывающего и радуясь тому, что мы опять вместе. Алексей Петрович был восхищен архитектурой церкви. Мы расстались, не подозревая, что это были последние часы нашей испытанной дружбы. На другое утро я с ужасом узнал, что А.П. экстренно направлен в больницу на Попов остров. Через 2 дня его не стало»²².

В публикации мы постарались сохранить особенности оригинала. Тем более, что это было не так сложно: письмо написано уже в поре-

¹⁷ Половцева Ксения Анатольевна (1886/87–1946), активный участник кружка «Возрождение», художник-график и архитектор. В 1915–1917 гг. была секретарем совета Санкт-Петербургского религиозно-философского общества.

¹⁸ Смотрицкий Павел Фомич (1876–1934), художник, ученик И.Е. Репина, участник кружка «Воскресение». С 1923 г. члены кружка собирались на квартирах Половцевой и Смотрицкого.

¹⁹ http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/nm/

²⁰ Анциферов 1992. С. 336-337, 342-343.

²¹ Имеется в виду Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951), историк-медиевист, также участник «Воскресения».

²² Анциферов. 1992. С. 342-343.

форменной орфографии. Расшифровка сокращений дана в треугольных скобках, наша конъектура – в квадратных. Поскольку страницы оригинала не пронумерованы, они даны в круглых скобках. Публикация также снабжена комментариями в тех случаях, которые представлялись нам необходимыми для лучшего понимания смысла текста.

(л.1.) Неаполь, птн. 5 X 1928 г.

Дорогой Георгий Петрович,

Насколько приятно и радостно было получить от Вас известие, настолько трудно мне сейчас Вам ответить, и не только потому, что мне по нутру пришелся южный климат – всё, знаете, хвораю – так что и роскошный археологический пир радует не до конца – иногда приходится целые дни высидывать дома – что всё вместе взятое замедлило мой ответ, но и кое-что поважнее. Как жаль, что мы сравнительно так поздно списались. Вашего адреса я не знал и случайно узнал в Риме уже – а я уже больше месяца за границей – адрес мон<астыря> Сергия, на который и рискнул – оказывается очень удачно – направить Вам свой первый призыв, и очень доволен успехом. Но вот ответить Вам на многочисленные Ваши вопросы, для меня дело очень трудное – конечно, о многом хотелось бы поговорить лично, но, увы, мой маршрут иной (Италия – Греция – и, если турки дадут визу, К<онстантино>поль; в Питере они мне, злодеи, не дали) и уже скоро из ближайшего к Вам соседства (Италия) я переправляюсь на Восток, т.е. 13⁰⁰ из Мессины выезжаю в Афины, куда и прошу Вас очень [написать], если только все дальнейшее, о чем я поневоле кратко скажу сейчас, не заставит Вас махнуть на меня рукой, как на человека пропащего, только прошу Вас не делайте этого и напишите мне в Афины, ибо здесь (л.1об) едва ли меня Ваше письмо застигнет, ибо я в бродячем движении с 2^x и однодневными остановками. За этим предисловием к главному. И оно отчасти задержало мой ответ на Ваше письмо, которое я получил еще 3 дня тому назад. Те обильные и большие вопросы, которые Вы в них затронули, прошлись по очень глубоким моим ранам, о которых Вы, конечно, не знали. Я их от Вас скрывать не стану, но мне хотелось бы, чтобы Вы меня поняли до конца. Так мне просто не под силу в письме изложить все мотивы, причины и внешние условия, благодаря которым у меня в последние 2-1½ года сложилась такая обстановка жизни, что я почти стал «отшельником», отошел и от того дела, которое так волнует Вас, судя по вопросам, которые Вы мне задаете, отошел от «воскресенья»²³ настолько, что теперь даже не знаю, что там делается, куда оно направляется, но мне кажется, что те из братьев его, что исповедовали самым решительным образом исконный лозунг единения, приняли там ту же жертву церкви, что и Вы. Знаю, что Вы меня и «своим человеком» считаете через воскресенье²⁴, но, увы, я остался Абадонной или тем приятным к столбу свободы между раем и адом человеком, что [изображали] на иконах страшного Суда древние наши иконописцы. И такое положение,

²³ Так в оригинале.

²⁴ Так в оригинале.

разумеется, никаких преимуществ не дает и не дает никакого (л.2) удовлетворения, становится все более и более нестерпимым и мне определенно хочется в Ад²⁵. То, что я вижу здесь, что случайно слышу или читаю о России, пугает меня и толкает домой. Несмотря на их диктатуру, у них больше прав на свободу, у них можно ее получить, да, быть может для моих эгоистических целей, неконфессиональной трактовки религиозных вопросов. Второе же, я вижу для русского народа большую опасность от Вашего возвращения – не лично Вашего, Георгий Петрович, – ох, как бы я Вас хотел обнять на улицах Питера! – а вот всего, что за Вами, рядом с Вами, а главное, что на Ваших плечах может вернуться к власти. Трудны наши условия жизни, трудно наладить духовную культуру – но разве мы знаем все будущие ее пути – но всё же там в России, несмотря на злостные ошибки идет, идет новое. Сказать, чтобы это новое было мне особенно приятно – не могу, но, во-первых, не так живи, как хочется, а как Бог велит, а затем, все же эта молодая сила достойна большего уважения, нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины. Конечно, в Вашей консолидации около м<онастыря> Сергия имеются кое-какие симпатические черты, но я не уверен, что этим путем церковь в России удержится. Слишком иные нас ценности прельщают. Нам нужна плоть (л. 2об) и бодрая, немного критически и иронически относящаяся даже к самым важным проблемам настроенность, ибо слишком тяжел путь. Лично я даже готов отказаться даже от русской идеи, если бы только нашлась для Европы какая-либо такая общеевроп<ейская> идея. Я не против Европы, но против обильных ее государственностей – это какой-то рецидив феодализма. Нужно найти что-то общеевропейски понятное. Ибо без этой предпосылки здесь дальше можно строить только военные снаряжения... и национальная идея один из видов его.

Вот мой ответ на Ваши вопросы, он несколько сумбурен – признаю, он не на все вопросы отвечает по пунктам, но мне кажется, он все их содержит в себе.

Из Ваших статей видел только об интеллигенции, но хотел бы прочесть и другие. Пришлите мне их в Афины, да пришлите кстати и Ваш адрес.

Ваш А. Смирнов

Жена и сын здравствуют, остались в Ленинграде. Е.Н. привет и передайте ей, что о В.П. Герман²⁶ ничего не сумею сказать. Повторяю, в течение 1½ года кроме Музея и своих студентов на лекциях никого не видел.

Комментарии:

адрес монастыря Сергия – имеется в виду подворье св. Сергия в Париже на рю дё Криме, рядом расположен Богословский институт, где в то время преподавал Г.П. Федотов.

отошел от «воскресенья» - «Воскресение» – религиозно-философский кружок, созданный в конце 1917 г. по инициативе А.А. Мейера и К.А. Половцовой и просуществовавший до 1928 г. В него входили представители творческой интеллигенции, которые ранее были членами Религиозно-философского общества и составляли, главным образом, его «левое» крыло, идеологическим преемником которого и принято считать «Воскресение». Состав участников был очень неоднородным. Е.Н. Федотова писала об этом так: «Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещенных евреев и, в большинстве, православных по рождению и мирозерцанию, но пока стояв-

²⁵ Так в оригинале.

²⁶ Возможно, В.Н. Герман.

ших вне таинства»²⁷. Собрания кружка были как правило не многолюдными (10-12, иногда 20 человек), но всего за 1917–1920 гг. его заседания посетили около 150 человек. Среди них были и известные имена: Н.В. Пигулевская и ее муж Г.В. Пигулевский, А.В. Карташев, И.В. Гревс, С.А. Алексеев-Аскольдов, пианистка М.В. Юдина и др. Активным членом «Воскресения» был Г.П. Федотов. Сохранились воспоминания еще одного участника кружка, Н.П. Анциферова, об атмосфере его заседаний²⁸. Состав и структура кружка менялись, часть его участников (например, Анциферов или Смирнов) во вт. пол. 20-х гг. отошли от него, часть (А.В. Карташев, Г.П. Федотов, С.С. Безобразов) эмигрировали. В 1928–1929 гг. в качестве обвиняемых по делу «Воскресения» проходило 70 человек.

исконный лозунг единения — Большинство участников «Воскресения» на ранних этапах его существования скептически относились к Православной церкви, считая, что в ней нет условий для для свободного развития христианских идей. Они искали истину на путях объединения христианства (в широком понимании) и социализма, надеясь на эволюционное изменение политического режима в России. Одной из задач, которые ставили перед собой участники кружка, было не допустить уничтожения христианской культуры.

приняли там ту же жертву церкви, что и Вы — фраза не ясна нам до конца. Но, скорее всего, речь идет о принятии крещения некоторыми членами «Воскресения» (если они не были крещены) или о возвращении их в Церковь, даже если внутренне (как Федотов) они были не во всем согласны с некоторыми положениями церковной практики или даже православного вероучения. Возможно, возвращение в Церковь было мотивировано ее положением: присоединение к гонимой Церкви было делом совсем иным, чем возвращение в Церковь господствующую²⁹.

я осталась Абадонной — Аббадон или Аввадон, греч. Аполюон (Ἀπολλών): в иудейской и христианской традиции демон разрушения и смерти. В Ветхом Завете Аввадоном именуется одна из областей [шеола](#). В Откровении Иоанна Богослова (Откр. 9:7-11) «Аввадона» уже персонифицирован и указан как «ангел безды» и повелитель жуткой по своему внешнему виду саранчи, посланной «вредить людям пять месяцев». Однако Смирнов, судя по всему, делает отсылку к романтической традиции в толковании образа Аббадона, берущей свое начало, вероятно, с «Мессиады» Ф.-Г. Клопштока. Здесь Аббадон показан как падший ангел, раскаявшийся в своем падении, признавший в Христе мессию и поэтому помилованный. Такое же толкование образа Аббадона можно найти в одноименном стихотворении В.А. Жуковского (1815), представляющего собой, по сути, вольный перевод эпилога «Мессиады». Возможно, Смирнов использует образ Аббадона, чтобы показать свое «срединное» положение между людьми, вернувшимися из «Воскресения» в Церковь, и атеистами. Но нельзя исключать и другого смысла: Смирнов, как свидетельствует содержание письма, может указывать на свою «срединность» и в политическом смысле, т. е. о том, что он и не с русской эмиграцией и не с большевистской властью.

привязанным к столбу свободы между раем и адом человеком — имеется в виду так называемый милостивый блудник. Рассказ о нем, вероятно, восходящий к греческой версии из византийского синаксаря, помещен в «Пролог» под 12 августа. Там говорится, что во времена императора Льва Исавра (VIII в.) в Константинополе жил богатый человек, который щедро раздавал милостыню, но при этом пребывал в блуде. Его посмертная судьба была открыта одному затворнику: богач оказался привязан между адом и раем и горько рыдал. На его плач явился ангел и пояснил ему, что благодаря милостыне его избавили от адских мук, но он лишен райских блаженств, так как не оставил прелюбодеяния. Фигура милостивого блудника появляется на русских иконах и фресках с изображением Страшного Суда, начиная с XVI в. Очевидно, что Смирнов использует сравнение себя с милостивым блудником в том же смысле, в котором он использует сравнение с Аббадоном.

²⁷ Федотова. 1988. С. XII.

²⁸ Анциферов. 1992. С. 323-325.

²⁹ На это, в частности, указывает Е.Н. Федотова применительно к тем евреям из кружка, кто принимал крещение — см. Федотова. 1988. С. XVII.

мне определенно хочется в Ад – вероятно, в этой фразе содержится скрытая аллюзия на частое в среде русской эмиграции (ставшее почти публицистическим «топосом») сравнение жизни в советской России с пребыванием в аду. Следующая фраза из письма также на это указывает.

из Ваших статей видел только об интеллигенции – вероятнее всего, речь идет о статье Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции», впервые напечатанной под псевдонимом «Е. Богданов» во втором номере журнала «Версты» (Париж, 1927).

Е.Н. привет – речь идет о Елене Николаевне Федотовой (урожденной Нечаевой), жене Г.П. Федотова. Как свидетельствуют воспоминания Анциферова, Смирнов был знаком с ней еще со студенческих лет.

о В.П. Герман ничего не сумею сказать – вероятно, речь идет о Вере Петровне Герман (1902?–1942), дочери известного педагога П.А. Германа. Она была осуждена по делу «Воскресения» и приговорена к 3 годам лагерей. Освобождена в декабре 1931 г.

кроме Музея и своих студентов на лекциях — имеется в виду Русский музей, где А.П. Смирнов работал в отделе древнерусского искусства, с 1922 г. – помощником хранителя. Там он подготовил несколько выставок. В это же время он преподавал на факультете общественных наук (ФОН) Ленинградского университета, где с 1924 по 1928 г. читал курс «Памятники византийского искусства». Помимо этого, с 1923 г. он состоял преподавателем на Государственных курсах при Российском институте истории искусств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, составление, прим. и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М.: Феникс-культурная инициатива, 1992.
- Бычков С.С.* Георгий Петрович Федотов (биографический очерк) // *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 т. М.: Мартис, 1996. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. С. 5-50.
- Гаккель С., прот.* Мать Мария. Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1992.
- «Если Вы находили, что моя мысль неприемлема для журнала, Вы должны были сказать мне при первом чтении»: Г.П. Федотов (публикация, вступит. статья и прим. В.В. Янцева) // «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: НЛЮ, 2014. Т. 4. С. 593-638.
- Смирнов. А.П.* Время появления имени Тамарха в византийской литературе: Тезисы докладов // Бюллетень № 2 Конференции археологов в Керчи. Керчь, 1926. С. 2.
- Смирнов А.П.* Памятники византийской живописи: Краткий путеводитель. Л., 1928.
- Федотов Г.* Зачем мы здес? // *Современные записки.* Париж, 1935. Т. 58. С. 433-444.
- Федотов Г.П.* Защита России. Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1988.
- Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // *Федотов Г.П.* Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1988. С. I-XXXIV.
- Яцен В.В.* Неизвестные страницы биографии Г.П. Федотова в США // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* Том 15. Вып. 3. 2014. С. 79-93.

REFERENCES

- Antsiferov N.P.* Iz dum o bylom: Vospominaniya / Vstup. stat'ya, sostavlenie, primechaniya i annotirovannyj ukazatel' imen A.I. Dobkina. Moskva: Feniks-kul'turnaya iniciativa, 1992.
- Bychkov S.S.* Georgii Petrovich Fedotov (biograficheskij ocherk) // *Fedotov G.P.* Sbranie sochinenij v 12 tomach. Moskva: Martis, 1996. T. 1. S. 5-50.
- Gakkel S. Mat' Mariya.* Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1992.
- «Esl' Vy nachodili, chto moya mysl' nepriemlema dlya zhurnala, Vy dolzhny byli skazat' mne pri pervom chtenii»: G.P. Fedotov (publikaciya, vstupil'naya stat'ya i primechaniya V.V. Janzena) // «Sovremennye zapiski» (Paris, 1920-1940). Iz archiva redakcii / Pod redakciej O. Korosteleva i M. Shruby. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 4. S. 593-638.
- Smirnov A.P.* Vremya poavleniya imeni Tamarcha v vizantijskoj literature: Tezisy dokladov // *Bulleten' № 2 Konferencii archeologov v Kerchi.* Kerch', 1926. S. 2.
- Smirnov A.P.* Pamyatniki vizantijskoj zhivopisi: Kratkij putevoditel'. Leningrad, 1928.
- Fedotov G.* Zachem my zdes'? // *Sovremennye zapiski.* Paris, 1935. T. 58. S. 433-444.

Fedotov G.P. Zashita Rossii. Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1988.

Fedotova E.N. Georgii Pertovich Fedotov (1886–1951) // Fedotov G.P. Litco Rossii. Sbornik statej (1918–1931). Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1988. S. I-XXXIV.

Janzen V.V. Neizvestnye stranicy biografii G.P. Fedotova v SShA // Vestnik Russkoj christianskoj gumanitarnoj akademii. 2014. T. 15. Vypusk 3. S. 79-93.

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, cesras@cesras.ru

“This young force is worthy of more respect than the obscurantism that is behind you”. Alexei Smirnov's letter to Georgy Fedotov

Publication of the letter by a Russian historian of art, Alexei Smirnov, to one of the most famous figures of Russian emigration, Georgy Fedotov has a detailed introduction and commentaries. The letter was written during Smirnov's trip abroad in the autumn of 1928 and determines some “fault lines” between one part of the pre-Revolutionary intellectual elite, which had remained in Soviet Russia, and the other that had chosen to emigrate.

Keywords: Alexei Smirnov, Georgy Fedotov, the archives of the Russian emigration

Anton Voytenko, PhD, Russian Academy of Sciences, Center for Egyptological Studies, Leading Researcher, cesras@cesras.ru

В. Н. ЕРОХИН

ЦЕРКОВЬ АНГЛИИ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ И. А. ФАДЕЕВА)

Рецензия посвящена монографии И.А. Фадеева, в которой анализируются проблемы конфессиональной самоидентификации Церкви Англии. Автор монографии обосновывает взгляд, согласно которому Церковь Англии представляет собой самостоятельное явление в христианстве, которое не следует относить к протестантизму.

Ключевые слова: Церковь Англии, Реформация, англиканство, протестантизм, католицизм, идентичность, идентификация

В изучении Реформации, несмотря на обширный комплекс исследований, остается немало пробелов. Среди духовных движений и церковно-административных структур, которые начали обретать свою идентичность в эпоху Реформации, важное место занимает Церковь Англии. Резкое размежевание между Church of England и Римско-католической церковью осталось в прошлом, между ними идет активный диалог. В 2016 г. исполнилось 50 лет со дня открытия Англиканского центра в Риме. 5 октября 2016 г. папа Римский Франциск и архиепископ Кентерберийский Джастин Уэлби совместно отслужили вечернюю службу в римской церкви Св. Григория на холме Целий. Католицизм в начале XXI в. заметно восстанавливает свое влияние в Великобритании. В свете этого приобретает особую значимость вопрос о том, что представляет собой Церковь Англии в вероисповедном отношении.

Большинство российских исследователей используют как синонимы понятия «Церковь Англии» и «англиканство», не осознавая связанные с этим терминологические сложности и то, что слово Anglican не употребляется ни в одном из важнейших исторических документов Церкви Англии: ни в Книге общей молитвы (Book of Common Prayer, 1549/1662), ни в 39 Статьях (The Thirty Nine Articles of Religion, 1571), ни в Ординале – руководстве для возведения в духовный сан епископов, священников и дьяконов (The Ordinal, или The Ordering of Bishops, Priests and Deacons, 1550/1662). К тому же, понимание церковности в Церкви Англии отличается от протестантского. Например, епископ Церкви Англии Генри Мак-Аду утверждал, что «Англиканство – не богословская система», и его самобытность «проистекает не из систематического богословия, но из духа, в рамках которого решаются богословские вопросы»¹. Это напоми-

¹ McAdoo 1965. P. 5; Фадеев 2015. С. 50.

нает католицизм с его опорой на коллективный разум церкви и церковную традицию, что характерно и для православия.

В Церкви Англии существует трехступенчатая иерархия вероучительного авторитета: Писание, учение древних Отцов и Соборов Церкви, и исторические документы, которые несут свидетельство веры. Их дополняют труды авторитетных деятелей и теологов Церкви Англии; официальные документы Ламбетских конференций; экуменические соглашения, одобренные Синодами Церкви Англии и поместных церквей; документы Палаты Епископов Генерального Синода Церкви Англии; ответы в полемике Церкви Англии с Римско-католической церковью (особенно значим среди них *Saepus Officio* от 19 февраля 1897 г. – официальный ответ архиепископов Кентерберийского и Йоркского Фредерика Темпла и Уильяма Маклагана на буллу *Apostolicae Curae* папы Льва XIII, в которой он объявил недействительными англиканские рукоположения). Из 37 провинций Англиканского Сообщества к настоящему времени лишь 12 провинций сохранили 39 статей среди доктринальных документов. Статьи фактически не являются единым доктринальным основанием Церкви Англии, англиканства². Вопрос о конфессиональной идентичности Церкви Англии остается дискуссионным.

В рецензируемой монографии И.А. Фадеев сочетает исторический, философский и религиоведческий подходы к вопросу о самоидентификации Церкви Англии, опираясь на солидную документальную базу (в 2009, 2011 и 2012 гг. в ходе научных командировок автор работал в Библиотеке Ламбетского дворца в Лондоне). Монография состоит из предисловия, введения, трех глав, библиографического списка, послесловия и приложений, в которых рассматриваются вопросы о *sola fide* как элементе западно-христианской теологической традиции, католичности как историческом феномене, об отражении истории Реформации в советской историографии, приводятся фрагменты совместных заявлений Церкви Англии и Русской Православной Церкви по вероисповедным вопросам.

Автор Предисловия, философ-религиовед И.П. Давыдов подчеркнул, что И.А. Фадеев «одним из первых отечественных историков англиканства эксплицировал расхождение формы и содержания вероучения церковью Англиканского Сообщества – в целом и Церкви Англии – в частности» (с. 7). Для прояснения этого расхождения Фадеев предпринял терминологический анализ базовых концептов «протестантизм», «реформация», «англиканство» и др., используя введенные в семиотическом анализе термины «рамочные понятия» и «понятия с плотным ядром». Теоретически значимыми для автора книги являются подходы «школы Анналов» и исторической семантики в версии билефельдской школы. Разъясняя использование понятий «идентичность» и «идентификация»,

² Фадеев 2015. С. 69-71. Далее ссылки на книгу приводятся в тексте.

Фадеев отметил, что из-за многозначной и противоречивой теоретической нагрузки понятие «идентичность» стало неудобным в качестве аналитической категории. Понятие «идентификации», по его мнению, является более подходящим исследовательским инструментом, поскольку, в отличие от понятия «идентичности», в нем отсутствуют эссенциалистские коннотации, и оно неотъемлемо от общественной жизни. Самоидентификация, вслед за Т. Эриксеном, понимается им не как результат, а как непрерывный процесс³. В понимании этого вопроса автор также отмечает конструктивное познавательное влияние взглядов Р. Брубейкера⁴.

Церковь Англии со времени своего становления в середине XVI в., по сути, избегала детальной формулировки собственной доктрины, конкретной самоидентификации и какой-либо привязки своей вероисповедной позиции к той или иной реформированной богословской доктрине. Учитывая решающее влияние политического фактора на происхождение Реформации в Англии, такое отношение Церкви Англии к доктрине было и политической позицией, и, в определенной мере, продуктивным экклесиологическим подходом, дающим возможность не оттолкнуть от Церкви Англии сомневающихся клириков и прихожан, склонных к рефлексии над доктринальными вопросами. Главное для членства в Церкви Англии – это признание монарха главой церкви, а глубокого интереса к богословским взглядам духовных лиц и прихожан светская власть фактически не проявляла, но в этом прослеживалась административно-политическая дальновидность. Со времени признания в качестве авторитетных трудов богослова Ричарда Хукера (1554–1600) высказанная им идея, согласно которой в организации церковной жизни важна опора на разум, а формы церковного устройства вторичны по своему значению⁵, стала конгениальной для всей дальнейшей истории Церкви Англии.

При широте доктринальных позиций Церкви Англии в ней находят место и людям с католическими симпатиями и тем, кто симпатизирует евангелическому протестантизму. Такой подход коррелирует с эмпиризмом английского мышления, с характерной для английской политики манерой ориентироваться не на абстрактные доктрины, а на практические интересы, действовать не догматически, а с учетом всех значимых взглядов и позиций в обществе. Эта черта восходит к английскому философскому номинализму: если что-то существует, демонстрирует жизнеспособность и эффективность, надо уделить этому явлению внимание и, по возможности, не отсекая ничего априорно, использовать. Церковь Англии

³ Эриксен 2014. С. 207.

⁴ Брубейкер 2012. С. 89-91.

⁵ Идея о том, что в церковной организации есть элементы, заповеданные Св. Писанием, и вторичные компоненты (*adiaphora*), которые могут определяться конкретными условиями разных государств, разрабатывалась Ф. Меланхтоном (1497–1560), и этот идейный контекст был воспринят Р. Хукером.

продолжает и сегодня учитывать все важные общественные тенденции, когда они начинают проникать в церковную жизнь. Например, она далеко продвинулась в интеграции феминистских принципов в свою церковно-административную организацию, и даже, как это ни удивительно, нашла уместным с 1960-х гг. воспринять идеи харизматиков-пятидесятников, не отталкивая эту группу от Церкви Англии (с. 53). Вместе с тем, в Англиканском Сообществе напоминают о себе и традиционалисты: «Истинное англиканское движение» (The Continuing Anglican Movement) появилось в США в 1977 г. как реакция на решение Епископальной церкви США о допущении женщин к священническому сану (с. 330).

В исследовании использованы документы Церкви Англии (Книга общей молитвы, 39 статей, Ординал); «Истинный закон свободных монархий» короля Якова I Стюарта; труды английских религиозных философов и теологов XVI–XVII вв., доктринальные (литургические) тексты; англикано-римско-католические и англикано-православные экуменические соглашения; католические вероучительные документы (декреты Тридентского собора, документы II Ватиканского собора); юридические документы – Собрание Канонов Церкви Англии; Кодекс канонического права Римско-католической церкви; папские буллы, энциклики, апостольские послания и другие исторические документы.

Специфика английской Реформации как разрыва церковно-административных отношений с Римом в 1534 г. привела к смысловым особенностям в употреблении понятия «протестантизм», которое в Англии XVI–XIX вв. употреблялось почти всегда как синоним понятия «антикатолицизм» и почти никогда для определения принадлежности к конкретной протестантской конфессии; понятие *protestant* описывало не конфессию (как на континенте), а юрисдикционную реальность с ярким политическим оттенком – тех, кто был против папства, «папизма». Изначально в английской Реформации использовалось еще понятие *reformed protestant religion*, где слово *reformed* подчеркивало вероучительное изменение определяемого явления, а *protestant* – административно-юридическое. К XIX в. в Церкви Англии стало нарастать стремление использовать применительно к ней не понятие *protestant*, а понятие «реформированная католическая церковь» (*reformed catholic*) (с. 82–83). В отличие от названий других направлений в христианстве (католицизм, православие), «протестантизм» является не видовым, а родовым понятием. И.А. Фадеев считает, что понятие *protestant* в значении, свойственном английскому языку до середины XIX в., лучше всего переводить как «противник абсолютной власти папы», или «антикатолический»; следует сузить значение термина «протестантизм» либо до административно-юридического (последователь тех западных церквей, которые в XVI в. вышли из общения и административного подчинения Римско-католической церкви), чтобы исключить любые аллюзии к философско-теологическому содержанию,

либо до его исторического значения, когда протестантизм в католической литературе был взаимозаменяем с понятием «лютеранство» (с. 115).

Для идентичности Церкви Англии важно, что она не считает себя самодостаточной, а осмысливается как часть чего-то большего – единой святой католической и апостольской церкви. Для Церкви Англии характерно также апостольское преемство через исторический епископат (с. 236). Становление реформированной Церкви Англии уже с первых шагов было движением по «среднему пути», *via media* (А. Дж. Диккенс). В этом смысле политика Генриха VIII в церковном вопросе – не «медлительность» и «консерватизм», а свидетельство особого пути страны, которая и не собиралась в противостоянии с Римом следовать по пути континентальных религиозных реформаторов⁶. Автор справедливо указывает на сохранение ряда элементов, связывающих Церковь Англии с Римско-католической церковью после Реформации. Даже рьяная католичка Мария Тюдор во время кратковременной реставрации католицизма (1553–1558) при своем восшествии на престол сохранила протестантский титул монарха в Англии в формулировке «защитница веры, и на земле верховный глава Церкви Англии и Ирландии». В целом ее правление несло в себе сохранение некоторых элементов протестантской церковной жизни: гораздо большее внимание к проповеди, допущение перевода Библии на английский язык и даже конкретные планы нового перевода текста Нового Завета на английский язык (с. 284). В ходе начавшейся в XVI в. Реформации в Англии не было радикального отказа от связанных с католицизмом ритуальных практик, сохранился церковный календарь, праздновались дни, посвященные святым, оправдывалась практика постов, в т.ч. в Книге общей молитвы (пост 40 дней перед Пасхой, пост по пятницам (все пятницы, кроме Рождества), кварталные постные дни (Ember Days в Книге общей молитвы). В рассуждениях об этой ритуальной преемственности Церкви Англии с католицизмом Фадеев высказывает даже чрезмерно заостренные полемические утверждения и пишет, что «в целом нам не представляется адекватным употребление понятия «протестантская реформация» применительно к реформационным событиям в Церкви Англии» (с. 125), что предполагает новую интерпретацию реформационного периода в истории Англии в духе историков-ревизионистов, самым влиятельным из которых является К. Хейг. Католики, активизировавшиеся в Англии в течение нескольких прошедших десятилетий, тоже прилагают подобного рода усилия – католическая мысль стремится взять своеобразный реванш за прошлые отступления на английской земле и поддержать наметившийся среди части англичан интерес к католицизму.

Сближение Церкви Англии и Римско-католической церкви имеет под собой серьезные основания. Сравнив каноническое право Церкви

⁶ См.: Dickens 1973. P. 249-250; Ерохин 2016. С. 52.

Англии и Католической Церкви, Фадеев показал их практическую идентичность в понимании служения священников, епископов, пресвитеров, диаконов с различиями лишь в частности. Церковь Англии, заостренно-полюемически утверждает автор, с точки зрения самопонимания не является англиканской, а наследует средневековой католической церкви в Англии. Англиканскими являются остальные церкви, входящие в Англиканское Сообщество. Церковь Англии ни в одном из своих официальных документов не упоминает понятия «англиканство» или «Англиканское Сообщество». Для Церкви Англии значимо понимание Римской Церкви как материнской, и такая трактовка их связи постепенно становилась все более значимой в течение XIX–XX вв. (с. 148, 150-152, 259).

Автор тщательно проанализировал понятие «Церковь Англии» со времени его первоначального употребления на латыни в раннее средневековье. Термин *Ecclesia Anglorum* («церковь англичан, церковь английского народа») использовал одним из первых папа Григорий Великий (ок. 601). По мнению Фадеева (со ссылкой на современных британских исследователей), церковь способствовала формированию национального единства еще в англо-саксонский период: святые ранее независимых королевств были впоследствии причислены к общегосударственным святым⁷. С середины XII в. использовалось синонимичное *Ecclesia Anglorum* понятие *Ecclesia Anglicana*; первый случай его употребления зафиксирован в письме папы Александра III от 1165 г.; оно встречается у Томаса Беккета, Иоанна Солсберийского и используется в Великой Хартии вольностей (1215). После разрыва с Римом в 1534 г. применительно к английской церковной организации использовалось и латинское понятие *Ecclesia Anglicana*, и все чаще – понятие *Church of England*, но не *Anglican*.

Понятие *Anglican* стало использоваться со второй четверти XVII в. для обозначения Английской церкви и прихожан, фактически в смысле «английский», но не для обозначения богословской доктрины. Понятие *Anglicanisme* – уничижительная римско-католическая форма использования этого понятия для обозначения Церкви Англии. Зафиксировано появление этого слова в 1616 г., и вплоть до начала XIX в. оно использовалось во французском варианте по аналогии с понятием *gallicanisme*. В форме *Anglicanism* понятие появилось в 1830-е гг. Один из основателей Оксфордского движения Джон Генри Ньюмен (1801–1890) впервые употребил его в 1837 г. Для обозначения индивидуального членства в Церкви Англии понятие *Anglican* используется с 1797 г. С 1840-х гг. этот термин приобрел высокоцерковные коннотации, а понятие «евангелик» рассматривалось как синонимичное понятию «пуританин» (с. 142-144). Согласно К. Подмору, термины «англиканин», «Англиканское Сообщество» в современном значении становятся общепринятыми только с 1867 г., когда

⁷ Campbell 2000. P. 11.

была созвана Первая Ламбетская конференция. В XIX – начале XX в. понятие *Anglican* не освободилось еще от национальной коннотации, наряду с обозначением группы независимых церквей, объединенных общей исторической связью с Церковью Англии⁸.

Фадеев делает обоснованный вывод, что использование терминов *Anglican*, *Anglicanism*, *Anglican Church* применительно к английской религиозной истории XVI – первой половины XVII в. приводит к нарушению принципа историзма, впадению в анахронизм. Наиболее же адекватным является понятие *the English Church*, или *Church of England* до XVI в., а после XVI в. – *Church of England*, *Reformed Church of England*. После принятия Акта о веротерпимости 1689 г. в отношении диссентеров Церковь Англии перестала быть общенациональной, всеобъемлющей. Статус государственной церкви (*the Established Church*) был за ней закреплен Актом об устройении (*Act of Settlement*) 1701 г., согласно которому монарх не мог принимать причастие в Римско-католической церкви и исповедовать католическую религию, жениться на католичке. События «Славной революции», легализация диссента привели к появлению в Церкви Англии клерикальных партий и их политизации. Был дан стимул к развитию широкого доктринального подхода, латитудинарианства (английского варианта крайнего адиафоризма), связанного с влиянием идей Меланхтона. С XVIII в. Церковь Англии чаще всего обозначалась как *the Establishment*, *the Established Church*, *the English Establishment*; в XIX в. – *the Reformed Catholic Church*, *the Reformed Episcopal Church* (с. 141-148, 214).

Понятие «высокая церковь» было введено в оборот известным пуританским богословом Р. Бакстером в 1650-е гг., но получило широкое распространение только к рубежу XVII–XVIII вв., и в начале XVIII в. для памфлетистов-вигов оно было синонимом слова «тори». В то же время многие высокоцерковные деятели находили это название своей группы оскорбительным, предпочитая самоназвание «ортодокс», которое использовалось в 1620-е гг. У. Лодом для обозначения тех, кто не соглашался с пуританской критикой Церкви Англии. Понятие «низкая церковь» при его появлении в начале XVIII в. было пренебрежительным, обозначая беспринципных соглашателей, и до 1830-х гг. применялось в основном к доминировавшему в XVIII в. латитудинарианству, стремившемуся примирить полярные доктринальные позиции, тяготевшие к католицизму и протестантскому евангелизму. Латитудинарианство затем стали именовать «широкой церковью». Странники адиафоризма, акцентировавшего рациональность христианского откровения, нашли политическую поддержку партии вигов, стоявших на позициях религиозного плюрализма. В первой трети XIX в. в Церкви Англии было влиятельно евангелическое движение. При этом многие церковные деятели, отказываясь пользовать-

⁸ Podmore 2005. P. 37.

ся понятиями «высокая церковь» и «низкая церковь», употребляли вместо них слова «ортодоксы» и «евангелики». Понятие «англо-католик» использовалось по отношению к высокоцерковникам с XVII в. Оксфордское (трактарианское) движение в 1830-е гг., вновь актуализировав понятие «англо-католик», способствовало не только возрождению понятий, которые к XIX в. вышли из активного употребления, но и наделило их новым смыслом. Посттрактарианская терминология впоследствии закрепилась. Церковь Англии стала настаивать на том, что она является и католической, и реформированной (с. 55, 61–63, 214).

С 1730-х гг. государственная Церковь Англии переживала «Великое возрождение», в рамках которого сложились два новых движения: методизм и евангелизм. В 1784 г. методизм откалывается от государственной церкви и начинает свое независимое существование. В XX в. предпринимались усилия по объединению Церкви Англии и методизма, но эти попытки остались безрезультатными. Евангелики всемерно подчеркивали важность реформационных элементов конфессиональной идентичности Церкви Англии, отвергали учение о видимой католической церкви, рассматривая ее исключительно как невидимую, подчеркивали важность личного обращения и личной веры в пиетистском духе, высоко ценили частное суждение в вопросах веры, и некоторые из них также восприняли кальвинистское учение о предопределении. Вехами в дальнейшей церковной истории стали: 1828 г., когда произошла эмансипация диссентеров-нонконформистов, и 1829 г. – эмансипация католиков (с. 219).

В 1833 г. правительство вигов во главе с Чарльзом Греем (1764–1845) внесло в парламент предложение о ликвидации ряда епархий в Ирландии, парламент по факту начал менять церковную организацию, на что широкая церковь, евангелики не реагировали, а ортодоксальная часть клира резко возразила, и это стало отправной точкой в возникновении Оксфордского (трактарианского) движения. Из Оксфордского движения развились англо-католицизм и ритуалистическое движение (они стали использовать в литургической практике переведенный на английский язык молитвенник Римско-католической церкви – missal), приняли католическое учение о пресуществлении (с. 221).

И.А. Фадеев подчеркнул ряд существенных моментов, свидетельствующих об особом положении Церкви Англии в рамках христианства. В XVI в. одним из центральных пунктов в полемике между католиками и протестантами были вопросы о понимании Евхаристии и предопределения, и в этой идейной борьбе Церковь Англии заняла не столь радикально антиримскую позицию, как другие протестанты. Для евхаристической доктрины Церкви Англии характерен подход, который принято называть умеренным реализмом. По мнению Фадеева, в рамках английской реформированной традиции учение о Евхаристии является результатом синтеза томистской и восточно-христианской богословских традиций.

Для Церкви Англии важна роль ритуала, она привержена богословскому принципу *lex orandi – lex credenda* (закон молитвы – закон веры). Основы учения Церкви Англии о Евхаристии изложены в чине мессы, содержащемся в Книге общей молитвы, т.е. церковная позиция выражена литургическим языком, а не через доктринальные принципы. Для католической церкви тоже была важна роль ритуала, которая проявлялась как реакция на реформационное движение XVI в. (с. 71, 267, 280). Как пишет автор, Хукер, отвечая на обвинения в том, что практика ритуала в Церкви Англии очень близка римской практике, писал, что по пути разума Церковь Англии может следовать в некоторых пунктах даже за теми, кого не любит, но при этом не впадать в дефекты и не подражать ошибкам тех, кого любит, и не меняет лучшее на худшее (с. 299). Хукер, оставаясь в рамках августинианской теологической парадигмы, пытался творчески синтезировать ее с интеллектуальным наследием Аристотеля, критически воспринятым и осмысленным. Хукер также уделял пристальное внимание трудам восточных Отцов Церкви (с. 98-101). Хукер утверждал, что человек обладает «силой» отвергнуть дар Божьей благодати и сделать выбор в пользу греха. Он отводил делам гораздо большую роль в спасении, чем это делается в лютеранском и кальвинистском учениях. Представления Хукера о свободе воли, благодати и оправдании не только укладываются в августинианскую философско-теологическую матрицу, но и созвучны с вероучением Тридентского собора об оправдании. Как показал И.А. Фадеев, Хукер в вопросе предопределения, оставаясь в рамках августинианской модели, оказывался вне рамок лютеранского/кальвинистского учения (с. 104-107).

В настоящее время, когда ожесточенность богословских дискуссий эпохи Реформации ушла в прошлое, стал возможен взгляд, согласно которому видно гораздо больше точек соприкосновения между католиками и протестантами. И.А. Фадеев пишет: «нами выявлена общая философско-теологическая матрица христианского дискурса, берущая свое начало в трудах Аврелия Августина и ставшая ядром западно-христианской богословской традиции (человеческая природа – естественная свободная воля – первородный грех – благодать – вера – избрание – предопределение – спасение)». Вокруг этой, сформулированной автором монографии схемы, действительно, вращается значительная часть дискуссий между католиками и протестантами (с. 18).

Фадеев предлагает вывод, который несет немалый заряд дискуссионности, и в протестантской среде наверняка будет оспариваться: «принцип *sola fide* не является специфически протестантским и не может считаться критерием для определения той или иной деноминации как протестантской, и мы не находим оснований для определения Церкви Англии как протестантской». «Гуманизированное августинианство» (так автор определяет взгляды Лютера), не представляет собой такого разрыва

с учением католической церкви, как это традиционно считалось. Он даже заявляет, что Реформация XVI в. – не уникальное явление, если сравнивать ее с церковной реформой XI в., которую не совсем оправданно называют иногда григорианской. Концепция *ecclesia semper reformanda* (всегда реформирующейся, обновляющейся церкви), которую отстаивали «протестантские» идеологи XVI в., применима к церкви в любую эпоху. Реформация лишь маркирует переход средневековых структур повседневности на новый этап развития в рамках «долгого средневековья». Оправдание верой, так ценимое Лютером (*sola fide*), обосновывается также Августином и Фомой Аквинским: благодать – дар от Бога, который невозможно заслужить делами, вера – следствие благодати, через веру оправдывается человек, за этим следуют и благие дела. Предопределению к спасению предшествует избрание, которое всецело зависит от суверенного желания Бога спасти человека, человечество (с. 113, 378-390).

Как думается, современный католицизм надеется на то, что протестантизм если и не совсем увянет во «времени большой длительности», которым западное христианство вполне может измерять свою историю, то, по крайней мере, рассчитывает на то, что протестанты ослабят свой полемический заряд и непримиримую позицию по отношению к католицизму, пойдут на переговоры и поиски компромисса.

В Церкви Англии, как можно предполагать, процесс сближения с католицизмом уже пошел, облегчаемый тем, что Церковь Англии далеко и не уходила от Римско-католической церкви. В вопросе о соотношении Писания и Предания выделяются два подхода: *Prima Scriptura* – Библия является первым и первоочередным, но не единственным источником учения, данного в Божественном откровении; *Sola Scriptura* – Библия является единственным источником вероучения, преподанного через Божественное откровение. В 39 статьях Церкви Англии, отмечает Фадеев, заметны очевидные черты *Prima Scriptura*, и за Церковь признается право устанавливать обряды и церемонии и обладать авторитетом в спорах о вере, но одновременно также утверждается, что Церковь не может устанавливать ничего, что противоречит Писанию. Как отмечал в свое время Хукер, через разум и авторитет Церкви люди поняли, что Писание – это Писание как Слово Божие. Церковь может дедуктивно делать выводы из содержания Писания (с. 240-243). В середине XIX в. представители Оксфордского движения (трактарианцы) предлагали интегралистское видение соотношения Писания и Предания. Предание Церкви в таком случае рассматривалось как авторитетный интерпретатор Писания и предусматривался безусловный приоритет церковной интерпретации Писания, по сравнению с личной. Церковная интерпретация находила выражение в догматике, литургической и канонической практике (с. 246). В развитии Церкви Англии с середины XIX в., как показал Фадеев, католицизм по-

стоянно расширял свою сферу влияния. К тому же, уже после парламентской эмансипации католиков в Англии в 1829 г., 29 сентября 1850 г. буллой папы Пия IX *Universalis Ecclesiae* была восстановлена католическая иерархия в Англии, и примас католиков Англии и Уэльса стал носить титул архиепископа Вестминстерского. В 1859 г. было образовано одно из первых англо-католических обществ – Союз Английской церкви, продвигавший идеи ритуализма, в 1880 г. основано первое в Церкви Англии марианское общество «Братство детей Марии» (с 1903 г. «Братство Девы Марии»), в 1886 г. появился Союз Святого Розария. В последней четверти XIX в. еженедельное причастие стало общепринятой практикой среди ортодоксов, а ритуалисты рассматривали ежедневное совершение литургии в качестве идеала. Количество ритуалистических приходов возросло с 200 церквей в 1875 г. до 2000 – в 1904 г. В 1917 г. была оформлена Федерация католических священников. С 1920-х гг. англо-католики стали появляться среди епископата. В межвоенный период проводятся англо-католические конгрессы. Даже священники-евангелики стали подражать англо-католикам и переносить столы в церкви к востоку, обращаться во время службы к востоку, устанавливая распятия на алтарях (с. 319).

Католические элементы службы все активнее проникали в ритуальную жизнь Церкви Англии. Еще в 1920-е гг. были попытки ревизии Книги общей молитвы, которые не удались, но в 1980 г. появился Альтернативный молитвенник (*Alternative Service Book*), замененный в 2000 г. новым молитвенником «Общее богослужение» (*Common Worship*), который остается официально одобренной альтернативой Книге общей молитвы (с. 322-323). В Церкви Англии произошла маргинализация ортодоксальной партии. В 2000 г. Книга общей молитвы была лишена литургической монополии, произошел отказ от концепции единообразия в богослужебной области. Вместе с тем, ведется работа над *Anglican Covenant* – своеобразной конституцией, которая может превратить Церковь Англии в более унифицированную организацию, какой могло бы стать Англиканское Сообщество, но выработка этого документа столкнулась с серьезными проблемами (с. 333).

Опираясь на проведенный анализ истории, И.А. Фадеев делает один из самых важных выводов своего исследования: «уточнение границ семантических полей понятий *Protestant* и *Anglican*, а также философско-религиоведческий анализ экклесиологии Церкви Англии заставляют сделать вывод о том, что Церковь Англии представляет собой самостоятельное явление в христианстве, что не позволяет отнести ее к категории “протестантизм” в рамках существующей на сегодняшний день традиции типологизации основных направлений христианства» (с. 44).

Монографию И.А. Фадеева отличают новизна, актуальность и высокая познавательная значимость.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брубейкер Р.* Этничность без групп / Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012. 408 с.
- Ерохин В.Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.
- Фадеев И.А.* Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе / Под общ. ред. И.П. Давыдова и О.В. Осиповой. Предисл. И.П. Давыдова; послесл. А.М. Прилуцкого. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2015. 416 с. (Серия «Библиотека сайта “TERRA RELIGIOSA”») Вып. 1).
- Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 240 с.
- Campbell J.* The Anglo-Saxon State. London: Hambledon, 2000. XXIX, 290 p.
- Dickens A.G.* English Reformation. London: Collins, 1973. 511 p.
- McAdoo H. R.* The Spirit of Anglicanism: A Survey of Anglican Theological Method in the Seventeenth Century. London: Adam & Charles Black, 1965. X, 422 p.
- Podmore C.* Aspects of Anglican Identity. London: Church House Publ., 2005. XI, 196 p.

REFERENCES

- Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp / Per. s angl. M.: Izd. dom GU VSHE, 2012. 408 s.
- Yerokhin V. N. Stanovlenie natsii. Religiozno-politicheskaya istoriya Anglii XVI – pervoy poloviny XVII v. v sovremennoj britanskoj istoricheskoy nauke. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 752 s.
- Fadeev I. A. Tserkov' Anglii: problema konfessional'noj samoidentifikatsii v istoricheskoy perspective / Pod. obshch. red. I. P. Davydova i O. V. Osipovoj. Predisl. I. P. Davydova. poslesl. A. M. Prilutskogo. M.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2015. 416 s. (Seriya «Biblioteka sajta “TERRA RELIGIOSA”») Vyp. 1).
- Eriksen T. H. Chto takoe antropologiya? M.: Izd. dom GU VSHE, 2014. 240 s.
- Campbell J. The Anglo-Saxon State. London: Hambledon, 2000. XXIX, 290 p.
- Dickens A. G. English Reformation. London: Collins, 1973. 511 p.
- McAdoo H. R. The Spirit of Anglicanism: A Survey of Anglican Theological Method in the Seventeenth Century. London: Adam & Charles Black, 1965. X, 422 p.
- Podmore C. Aspects of Anglican Identity. London: Church House Publishing, 2005. XI, 196 p.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; erohin_vladimir@inbox.ru

Church of England: a Definition of Confessional Identity (considerations on monograph by I. A. Fadeev)

This review is devoted to the monograph by I. A. Fadeev who analyses problems of confessional auto-identification of Church of England. The author of the monograph substantiates the view according to which Church of England represents by itself an independent phenomenon in Christianity that, contrary to present typological approach, cannot be related to Protestantism.

Keywords: Church of England, Reformation, Anglicanism, Protestantism, Catholicism, identity, identification

Vladimir Yerokhin, Dr.Sc. (History), Head of the Department of World History, Kazan Federal University; erohin_vladimir@inbox.ru

С. А. ЭКШТУТ

ИСПОВЕДЬ БЮРОКРАТА

Опыт осмысления впервые опубликованной обширной мемуарной книги «Пережитое», автор которой Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923), полвека проводивший на государственной службе, занимал высшие посты в Российской Империи.

Ключевые слова: *бюрократия, дворянство, чиновничество, крепостное право, социальная мобильность, политическая организация общества, мемуаристика, Николай II, историческая альтернатива, Великая русская революция*

Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923) был бюрократом такого крупного калибра, который лишь изредка встречался в истории государства Российского. Долгие годы этот политический зубр, ровно пятьдесят лет проводивший на государственной службе, занимал высшие посты в Империи: руководил канцелярией Комитета министров, а в конце своего служебного поприща, с 15 июля 1915 г. по 1 января 1917 г., был председателем Государственного совета. Он не понаслышке знал не только парадные залы, но и «политическую кухню» высших органов государственной власти и поделился своим опытом на страницах воспоминаний. Без его объемной, впервые опубликованной «Политической энциклопедией» 1038-страничной книги «Пережитое», сложно представить труды и дни административного Олимпа за последние полвека Петербургского или Императорского периода истории России¹.

Книга вынуждает пересмотреть расхожие представления о бюрократах, бюрократизме и методах их работы. Якобы бюрократ – это всегда влиятельный человек и очень крупный чиновник; кабинетный работник, начисто лишенный инициативы, погрязший в официальных бумагах и не знающий реальную жизнь; педант, формалист, волокитчик. Анатолий Николаевич был не таким. Только в 1896 г. действительный тайный советник и гофмейстер Двора Его Императорского Величества Куломзин, определявший направления переселенческой политики Империи, был командирован в Сибирь: «Всего, проездив 3 месяца, я сделал, не считая железной дороги, 2200 верст водными путями и 5000 верст грунтовыми дорогами и лично опросил переселенцев 135 поселков. В приложении к своему всеподданнейшему отчету по этой поездке я указал на 76 поселков, где предстоит в ближайшем будущем соорудить церкви, по

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост, вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с. (Далее ссылки на это издание приводятся в скобках в основном тексте). Пользуюсь случаем, чтобы отметить высокий профессионализм д.и.н. К.А. Соловьева, проявленный при подготовке этого тщательно фундированного издания.

удаленности этих поселков от существующих церквей, и 188 поселков, нуждающихся, по числу в них детей школьного возраста, в основании школ» (с. 651). Побольше бы России таких бюрократов.

А.Н. Куломзин происходил из дворянского рода, предположительно – мордовского происхождения, чье родословное древо уходит корнями в середину XVI в. Устойчивое словосочетание «дворянское гнездо» не было для Куломзина пустой метафорой: он родился в большом родовом имении – в селе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии, которым более 300 лет владели его предки (с. 6). Куломзин был богат, прекрасно образован, умен, наблюдателен и независим. Если и испытывал в жизни страх, то только «к видимым знакам казенной неволи» (с. 133). Он был истинным аристократом, если понимать это слово в том смысле, что вкладывал в него Константин Лёвин, герой романа Л. Толстого «Анна Каренина». Напомним читателю главу XVII второй части романа. Стива Облонский в разговоре с Лёвиным отметил «совершенный аристократизм и будущее положение в свете» графа Алексея Вронского. Лёвин возразил ему очень резко. «Ты считаешь Вронского аристократом, но я нет. Человек, отец которого вылез из ничего пронырством, мать которого бог знает с кем не была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей, подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарованье и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед. И я знаю много таких. ...Мы аристократы, а не те, которые могут существовать только подачками от сильных мира сего и кого купить можно за двугривенный».

И сам Куломзин, и его отец, отставной офицер лейб-гвардии Финляндского полка, были людьми с университетским образованием, которым в те поры могли похвастаться лишь немногие представители благородного сословия. В 1858 г. Анатолий Николаевич окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата, но быстро понял, что происходившие из духовного звания профессора, «по большей части из семинаристов», были не в состоянии обогатить своих питомцев «положительными знаниями» (с. 45, 69). И, не находя свое образование оконченным, не стал спешить с определением на государственную службу, а решил продолжить учебу. «Меня чинопроизводство не манило, и более всего, я дорожил свободой» (с. 73). Слушал лекции в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, изучал на практике финансовую систему и банковское дело во Франции, Бельгии, Англии, Шотландии и Германии. В Лондоне не побоялся навестить А.И. Герцена. «Пробывать в Англии и не побывать у Герцена считалось невозможным» (с. 97). Но, резонно опасаясь за свое будущее и не желая попасть в составляемые III Отделением списки неблагонадежных, не стал продолжать знакомство

с политическим эмигрантом. Слушал лекции в Оксфорде и быстро усвоил его главное начало – «не забивание головы схоластическим преподаванием, а развитие самостоятельного ума и характера» (с. 109).

В соответствии с этим принципом лишь через четыре года после окончания университета он поступил на службу в МВД и спустя два года был переведен в Государственную канцелярию. Так начался его стремительный подъем по ступеням служебной лестницы: имея невысокий гражданский чин коллежского секретаря (X класса Табели о рангах), Куломзин занял должность, причисленную к VI классу, т.е. на четыре ступени выше имевшегося у него чина. (Поясню для наглядности на примере военных чинов: X класс – в то время штабс-капитан, а должность VI класса – полковничья!) Он быстро повышался в чинах и в 30 лет был назначен исполнять должность начальника отделения канцелярии Комитета министров. Это было начало эпохи Великих реформ и перед Куломзиным открылось широчайшее поле деятельности. В 1865 г. он женился на Екатерине Дмитриевне Замятниной, дочери министра юстиции и владелице 3,5 тыс. десятин земли в Новгородской губернии. Этот брак, без сомнения, способствовал упрочению успешно начатой карьеры. Впрочем, и здесь Куломзин остался верен себе. Будущий тесть захотел выхлопотать ему к свадьбе звание камер-юнкера, чтобы зять венчался в роскошном, богато вышитом золотом придворном мундире. «Я сказал, что если это случится, то я откажусь от женитьбы. Я твердо решил не иметь на совести какого-либо упрека, что я будто бы женился для протекции...» (с. 217). Куломзин дослужился до чина действительного тайного советника, имел звание статс-секретаря Его Величества и все высшие российские знаки отличия до ордена Андрея Первозванного включительно.

Куломзин обладал самостоятельным и цепким взглядом, позволявшим ему под неожиданным ракурсом смотреть на привычные вещи. Его воспоминания содержат ряд выразительных и говорящих подробностей, о которых умалчивают другие современники. Былое предстает в мемуарах пластичным, сочным, отчетливым и объемным. Именно этим и интересна книга «Пережитое». Мы можем внести существенные коррективы в устоявшиеся и обросшие исследовательской литературой суждения. Перелистаем пухлый том и убедимся в справедливости этого утверждения.

В течение трех лет Куломзин был мировым посредником по Кинешемскому уезду и участвовал в реализации Положений 19 февраля 1861 года, разрешая противоречия между помещиками и их бывшими крепостными. Он искренне приветствовал отмену крепостного права, но его взгляд на экономическую сферу жизни общества и крепостническую систему ведения хозяйства резко отличался от ходульных представлений тех, кто привык лишь обличать «позорное и постыдное» прошлое и видеть в крепостном праве только безусловное зло и источник народной нищеты. Бедность иных крестьянских хозяйств объяснялась отнюдь не

непомерным аппетитом помещика, неуклонно повышающего степень эксплуатации своих крепостных, их разоряющего и доводящего до беды. Куломзин спорит с расхожими вульгарно социологическими представлениями о сложных явлениях и процессах.

«Помещик в беде помогал неминуемо, ибо сам нуждался в поддержании рабочей силы крестьянина. ...Бедность крестьян в то время в хорошо управляемых имениях большой частью была последствием беспробудной апатии или лености, так как в случае несчастья, как то: падежа коровы, лошади, пожара, в интересах помещика всегда было поддержать мало-мальски порядочного крестьянина. Корова или лошадь давались с барского двора. Для возобновления сгоревшего двора отпускался лес без особого счета, ибо он был нипочем, и прощался оброк». Если же молодой и здоровый крестьянин не желал работать в полную силу, ленился, пьянствовал и воровал у односельчан, то помещик старался избавиться от него во время очередного рекрутского набора, сдавая лентяя и потенциального преступника в солдаты. Вот почему, проницательно замечает Куломзин, в пореформенной деревне заметно возросла преступность. «Просто клапан, удаляющий из деревни все не старые преступные элементы, не оказывал более своего благодетельного действия» (с. 160).

Однако помогать в беде своему крепостному мог лишь состоятельный помещик, чего нельзя сказать о мелкопоместном дворянине, который сам едва сводил концы с концами. «К тому же лица эти были чрезвычайно малообразованны, по уровню мало отличались от своих крестьян, разве только по платью и некоторой весьма поверхностной грамотности. Свообразной буколичностью отличалась в то время жизнь некоторых мелкопоместных дворян. Помещицы нередко жили со своими кучерами и т.д. Но особенной известностью пользовались в уезде два брата, старые холостяки, которые держали у себя нескольких девиц, взятых ими из семей немногочисленных их крестьян. Эти девицы в виде ткачих были помещены в ткацкие светелки, и сами помещики приживали с ними детей, умножая таким способом число своих подданных, и не только этого не скрывали, но сами хвастались этим изобретением» (с. 189).

После чтения этих воспоминаний наши представления о крепостном праве приобретают большую конкретность, наглядность и красочность.

Русская Смута не была для него неожиданностью. Главную вину за русский бунт – бессмысленный и беспощадный – сановник возлагает не на пламенных революционеров, не на всегда и всем недовольную русскую интеллигенцию, не на козни врагов России, а на само правительство. «Действительно, если свести к одному знаменателю, сосредоточить в одном фокусе причины переживаемой нами в настоящую минуту смуты, то нужно согласиться... что корень этого зла лежит в том, что за многие годы правительство не произвело в стране производительных затрат. Оно кормило население самым развращающим образом во время голодо-

вок, т.е. раздавало деньги и хлеб без разбора нуждающимся и ненуждающимся, а в промежутках между голодами не давало денег ни на просвещение народа, ни на развитие у крестьян травосеяния, ни на другие меры, которые могли бы послужить к возвышению их культуры. Приобретение для них земли шло черепашным шагом, не было духа, оживляющего действия правительства к удовлетворению народных нужд» (с. 881). Но почему действия правительства были столь бездарны? Потому, что высшие посты в коронной администрации занимали неталантливые люди.

Куломзин, сам сделавший блестящую карьеру и отлично изучивший на практике «пружины нашего бывшего бюрократического строя» (с. 403), не испытывал иллюзий относительно жизнестойкости существовавшей в его время системы выдвижения кандидатов на занятие высших государственных должностей. Отбирались и назначались отнюдь не самые достойные. «Выработался человек умный, знающий, честный и порядочный, и держат его на второстепенных должностях, а в министры проходят неспособные ставленники камарильи» (с. 341).

Один из его сослуживцев Евгений Эпафродитович Картавец, крупный экономист и банкир, стал жертвой сложной министерской интриги и был вынужден покинуть государственную службу. Куломзин, изложив все перипетии аппаратных козней, направленных против даровитого чиновника, прекрасно разбиравшегося в банковском деле и ряд лет стоявшего во главе Крестьянского поземельного банка, приходит к нелицеприятному заключению. Судьба этого незаурядного человека «представляет собой пример гнилости нашего строя» (с. 295). Мемуарист сознательно акцентирует внимание читателя на любопытной детали. Картавец, отставленный со службы царским указом, в течение тридцати лет своей вынужденной отставки ни разу не позволил себе «нареканий на личность монарха, введенного в заблуждение своим министром». Сам Куломзин был человеком иного темперамента. Он не побоялся зафиксировать в воспоминаниях горький упрек, адресованный и лично монарху, и существующему строю: «Людей с такой преданностью Престолу вышвыривают из службы» (с. 296). Если монарх «склонен доверять наветам, критике и сплетням» (с. 495) и позволяет, чтобы камарилья так обходилась с его преданными слугами, то в критической ситуации он не сможет удержать власть в своих руках. «Вот человек, который погубит Россию», – такие вещи слова в самом начале нового царствования произнес князь Георгий Дмитриевич Шервашидзе, обер-гофмейстер вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Мемуарист зафиксировал эту фразу и уже после Февральской революции подвел неутешительный итог: «Увы, пророчество князя Шервашидзе сбылось!» (с. 902).

Личность последнего российского государя вызывала нескрываемую антипатию сановника. Николай II – это «человек неискренний, безвольный, как тростник, ветром колеблемый, постоянно искавший новых

людей, рекомендуемых придворными интриганам, великими князьями, случайными собеседниками, при полном неумении лично разбираться в представляемых ему людях» (с. 502). Их неприязнь была взаимной. Царь не скрывал своего нерасположения к Куломзину, и Анатолий Николаевич прекрасно понимал причину такого к себе отношения. «Может быть, я никогда не мог приобрести достаточного авторитета в глазах государя потому именно, что я никогда ни о ком не говорил дурно, никогда не интриговал, с особо помпезными проектами для упрочения благосостояния России не выступал. И, в особенности, не надоедал частыми докладами, хотя я имел к тому достаточные поводы» (с. 898).

За своим личным весьма относительным неуспехом и единичными служебными неудачами своих талантливых знакомых Куломзин сумел разглядеть системный кризис Российской империи и не побоялся сделать радикальный вывод. «Таков был режим: человек громадной эрудиции, кристаллической чистоты, большого опыта и ума оставался в тени потому, что не хотел жонглировать, интриговать соваться – выдвигались всякие ничтожества» (с. 720). Когда такой решительный вывод делает политический зубр, то режим, действительно, обречен.

Судьба самого Куломзина сложилась относительно благополучно. После Февральской революции он не привлекался к ответственности Временным правительством, в августе или сентябре 1918 года перебрался из Петрограда в Киев, затем эмигрировал во Францию, где и скончался в 1923-м. Мы же, разбираясь в причинах возникновения Великой русской революции, отныне, после выхода в свет книги «Пережитое», не сможем игнорировать свидетельские показания господина действительного тайного советника, еще сто лет тому назад давшего свой вариант ответа на извечный русский вопрос «Кто виноват?». И этого более чем достаточно, чтобы имя Куломзина сохранилось на страницах Истории.

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com

A confession of a bureaucrat

The article presents an analysis of a recently published memoirs “The Experienced” by Anatoly Nikolaevich Kulomzin (1838–1923) who spent half a century in state civil service and occupied the highest positions in the hierarchy of the Russian Empire: he was the head of the chancellery of the Cabinet of Ministers, and, by the end of his career, from 15 July 1915 to 1 January 1917, was the Chair of the State Council.

Keywords: bureaucracy, nobility, state officials, serfdom, social mobility, political organization of a society, memoirs, Nicholas II, historical alternative, Great Russian revolution

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshtut54@gmail.com

ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ. АРИСТОТЕЛЕВСКИЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ, НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА *

В рамках поддержанного Российским научным фондом проекта «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» с 4 по 8 сентября 2017 г. в Новосибирском государственном университете прошла Международная школа «Перипатетическая традиция. Аристотелевские идеи в философии, науке и литературе»¹. Работу Школы, организованную Центром античной и средневековой философии Института философии и права Новосибирского государственного университета, Институтом всеобщей истории РАН и Кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии Сеченовского университета, открыли ректор НГУ, член-корр. РАН М.П. Федорук, директор Института философии и права НГУ, проф. В.С. Диев и руководитель проекта проф. НГУ Е.В. Афонасин.

Программа школы включила в себя серию лекций приглашенных профессоров, круглый стол, а также ряд выступлений и кратких сообщений молодых ученых, специализирующихся в области античной философии и науки. Работу школы открыл известный историк философии, автор книги о случайности и необходимости у Аристотеля Джон Дадли. В своем докладе, а затем во вступительном слове к Круглому столу, посвященному обсуждению телеологии у Аристотеля, Дж. Дадли рассмотрел вопросы приложения перипатетического учения о цели и целеполагании к современной науке.

Участники круглого стола, среди которых были и специалисты в области естественных наук, обсуждали смысл античного учения о назначении частей живого организма, а также проблемную теорию о Аристотеля о жизненной силе. Заседание завершилось визитом участников школы в биологическую лабораторию университета, организованную вирусологом Маргаритой Романенко (НГУ). Исследование перипатетической методологии было продолжено в докладе Е.В. Афонасина (Новосибирск), посвященном теоретическим аспектам античной метеорологии в трудах ближайшего преемника Аристотеля Теофраста и в

* Международная школа организована и проведена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 15–18–30005 «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе». Обзор составлен при финансовой поддержке РНФ, в рамках указанного проекта.

¹ Программа Школы: <http://www.nsu.ru/classics/program-Arist-sept-2017.pdf> (ноябрь, 2017), <http://aristotletoday.ru/konferenciya/> (ноябрь 2017) и др.

докладе бельгийского ученого Михиэла Мееусена о т.н. «Естественно-научных проблемах» Аристотелевского корпуса.

Илл. 1.

Участники школы в биологической лаборатории НГУ
(слева направо: А. Афонасина, М. Романенко, А.П. Мескито,
М.Я. Эсмаэли, Дж. Дадли).

Логике и теорию познания Аристотеля и перипатетической школы, в самых разнообразных аспектах, обсуждали Тарас Шаян (Москва), Сергей Аванесов (Томск), Надежда Волкова (Москва) и Игорь Берестов (Новосибирск). Этику и политику Аристотеля участники школы начали с обсуждения выступления португальского ученого Антонио Педро Мескиты. Отдельные аспекты этических и социальных воззрений перипатетиков в их полемике с другими античными школами стали предметом изучения Чарльза Хогга (Гранд Валлей, США), Александра Санженакова (Новосибирск) и Владимира Бровкина (Новосибирск). Перипатетическая традиция в период поздней античности – это большая и до настоящего времени малоизученная тема, некоторые аспекты которой затронули в своих выступлениях Майя Петрова (Москва), Михаил Ведешкин (Москва) и Татьяна Суворкина (Новосибирск). Большой интерес вызвали также выступления известного ирландского философа Франа О’Рурка, а также двух новосибирских исследователей Антона Дидикина и Романа Мишако, посвященные влиянию Аристотеля на современную литературу и социальную теорию.

Илл. 2.

Участники школы в археологическом музее СО РАН (слева направо: Н.П. Волкова, М.Я. Эсмаэли, М.А. Ведешкин, Л. Каролина Санчез Кастро, А.П. Мескито, М. Мееуисен, Дж. Дадли).

Наконец, особое внимание было уделено вопросу изучения текстуальных аспектов перевода аристотелевского наследия. Мохаммад Явад Эсмаэли (Тегеран, Иран) представил новый проект, посвященный арабским переводам «Физики» Аристотеля, Каролина Санчез Кастро (Сан-Паулу, Бразилия) подробно рассмотрела источники аристотелевского учения о душе, а Мария Солопова (Москва) рассказала об особенностях терминологии малых естественнонаучных произведений Аристотеля².

Одной из задач школы было продемонстрировать разнообразие тем, получившим развитие благодаря перипатетической традиции от античности до наших дней. В числе наиболее значимых из них еще раз упомянем проблему включения телеологических элементов в современные дискуссии о природе живых систем. Разумеется, аристотелевская теория естественного тепла выглядит слишком элементарной для современного ученого, однако идея Аристотеля и его последователей о том, что в основе жизни лежат некие внутренние формы и структуры, обуславливающие развитие организма, нашла яркое подтверждение в современной биологии. В этом отношении Аристотелевская теория конечных причин по-прежнему потенциально важна для современной науки.

Библиография

Petrova, M. S. (2016) "Aristotelian heritage in biology, medicine and ethics. Fall school of young scholars," *Dialog so vremenem [Dialogue with time]* 55, 388–396 (in Russian).

Е.В. АФОНАСИН

² Избранные выступления приглашенных профессоров и участников школы готовятся к опубликованию в специальном выпуске журнала СХОЛН.

В. П. КОРЗУН

**Н. М. КАРАМЗИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИКА
(«Круглый стол», посвященный 250-летию Н.М. Карамзина)¹**

Круглый стол состоялся в рамках Международной научной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики». Представлена основная проблематика докладов, выделены дискуссионные вопросы.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, государственно-национальный нарратив, профессионализация исторической науки, корпоративная память, научная культура*

Юбилей Н.М. Карамзина не просто дань академической традиции, хотя коммеморативные практики выступают в качестве важнейших факторов самоидентификации историков. Н.М. Карамзин спровоцировал вечный спор в отечественной историографии о соотношении академического и неакадемического профессионализма, который то актуализировался, то, как это было в пространстве советской историографии, надолго затухал, а в настоящее время вышел на первый план в связи с меняющейся ролью историка в процессе производства исторического знания и рефлексией о его значимости в формировании исторической памяти. В разные исторические периоды классик выступает как якорь, который то бросают, чтобы обрести уверенность и опору, то поднимают, чтобы оттолкнуться и без оглядки плыть в другом направлении, то возносят на пьедестал – классик/якорь становится памятником.

Новое прочтение Карамзина нашло отражение в постановке ряда вопросов, «не услышанных» в прежней парадигме социально обусловленного исторического знания, когда в фокусе внимания историографов находились политические взгляды Карамзина, а затронутые им профессиональные вопросы были отброшены. К ним можно отнести: рассмотрение опыта Карамзина в конструировании модели национального нарратива (С.И. Маловичко); трансформация национально-государственного нарратива в пространстве складывающейся в России XIX – нач. XX в. диссертационной культуры, (Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина) очерчивание проблематики соотношения памяти историка и памяти народа в тексте «Истории государства Российского» и отражение сюжетов профессионализации исторической науки в советских и постсоветских учебниках по историографии (В.П. Корзун). Остальные выступления перекликались с обозначенными проблемными доминантами.

¹ Материалы конференции опубликованы: История. Память. Идентичность... 2016. Анализ итогов конференции см.: Международная научная конференция... 2017.

В докладе «Формирование национально-государственного нарратива и контр-нарратива в исторической культуре России первой половины XIX в.» С.И. Маловичко сделал вывод, что национально-государственный нарратив Карамзина уже имел набор черт, присущих «европейскому канону», что заставляет скорректировать устоявшийся тезис о принадлежности историка в плане методологии к XVIII в. Этот вывод провоцирует в перспективе дискуссию о методологических взглядах Карамзина, его роли в формировании национального контр-нарратива, о коммуникативном поле историографии как одной из форм профессионализма. Автор отметил сложность коммуникативного взаимодействия в пределах одного историографического поля национально-государственного нарратива Карамзина и альтернативной модели, представленной скептической школой, которая сочетает новаторские интенции XIX века (ориентацию на строгую научность) и стремление ограничить новации собственным схолярным пространством – неприятие «утвердившейся в классической европейской историографии модели национально-государственного нарратива», с. 257). Признавая роль “скептиков” в создании научной модели интерпретации национального прошлого, автор отмечает ограниченность их воздействия на историческое сознание России: «помимо профессионализирующегося сообщества историков, они не достигали читателя». Последнее удавалось национально-государственному нарративу. Характеризуя его место в пространстве исторической памяти общества, Маловичко указывает, что это был «специальный интерпретационный способ проникновения в прошлое, позволяющий отбирать государствообразующие “события”, целенаправленно подавлять или актуализировать нужных “героев”, “национальных врагов”, ориентированный на широкий круг читателей и отвечающий потребностям социокультурной ситуации» (с. 258).

В ряде докладов были подняты вопросы исторической судьбы национально-государственного нарратива, функционирования созданного Карамзиным «национального образа России в большом стиле». В докладе Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной речь шла о проявлении национальных интенций в таком специфическом сегменте историографического поля, как диссертации. Появление этого вида исследования и основывающегося на нем нового историографического явления – «диссертационной культуры», было представлено в контексте формирования отечественной исторической науки в XIX – начале XX в.. Авторы выделили основные характеристики этого явления: ориентация на постижение научной истины, принципы и способы научной аргументации, монографический тип исследования и т.д. Новый тип историописания – научно ориентированное знание – «аккумулировал творческую энергию противостояния» национально-государственному нарративу. В то же время в проблемно ориентированных диссертациях, с ограниченным хронологическим диапазоном, вовсе не исключалось «присутствия... явно или неявно выра-

женного интереса к историко-национальной специфике» (с. 13-14). Доказывая этот тезис, авторы, в частности, ссылаются на магистерскую диссертацию А.С. Лаппо-Данилевского, объяснявшего выбор XVII века как хронологической рамки исследования тем, что «это был период наиболее резкого развития специфических особенностей... национально-государственной истории». Этот тренд наличествует и в диссертациях С.Ф. Платонова, П.Н. Милокова, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Е. Преснякова. Авторы приходят к выводу, что проблема национальной идентичности приобретает к концу XIX в. новые очертания – она не сводится к истории государства, а понимается как «тесный сплав государственных институтов и социально-культурного субстрата» (с. 16).

Проблема национального нарратива представлена и в отдельных ее аспектах. В докладе М.И. Нисковской об И.П. Елагине известный деятель екатерининской эпохи рассматривается как своеобразный предшественник Карамзина, предпринявший попытку создать «улучшенное», нужное государству представление об истории, которому были присущи яркий художественный стиль и неременная воспитательная нагрузка. В том же проблемном поле О.А. Кашинская на примере трансформации образа Павла I в дореволюционных учебных текстах показала, как происходило конструирование государствообразующих событий прошлого России.

Одна из центральных проблем при характеристике научной и личной судьбы историка – бытование его образа и оценка его творчества в разных научных и культурных средах. Тема эта была затронута в нескольких докладах. В докладе В.П. Корзун речь шла о формировании корпоративной памяти в процессе профессиональной подготовки историка в пространстве университетского курса историографии отечественной истории. Автор подчеркнула двуединую природу такого историографического источника как учебник – взаимосвязь в его рамках процессов создания историографического знания и его трансляции и регуляции («равняйтесь на образцы»). Эпифеноменом этих процессов является складывание корпоративной памяти научного сообщества. В докладе были обозначены зигзаги: от низвержения Карамзина как профессионала-историка (М.Н. Покровский), попыток выявления его места в процессе развития науки, определения значения его творчества и присущих ему внутренних противоречий, фиксации норм профессионализма, которые Карамзин задавал в формирующемся отечественном научном сообществе (Н.Л. Рубинштейн) – до закрепления определения его как основоположника официально-монархического направления в русской историографии («неправильный классик» – В.И. Астахов, В.Е. Иллерицкий и И.А. Кудрявцев) (с. 212). Как ни парадоксально, в последнем случае речь идет о периоде «историографического оживления» 1950-х – середины 1960-х гг. По мнению автора доклада, эта оценка в полной мере отражала сложившийся канон советского историзма. Смягченный, модернизированный вариант

советского историографического канона прочитывается в учебном пособии А.М. Сахарова, чьи исследовательские интенции направлены по преимуществу не на социально-классовую оценку творчества Карамзина, а на выявление его роли в развитии науки и формировании профессионального сообщества историков, соответствия его творчества историческому и культурно-научному контексту эпохи (с. 213). Возвращению Карамзина в культурное пространство современной России был посвящен доклад С.С. Минц, которая продолжила тему места Карамзина в процессе формирования исторической памяти, сделав акцент на запросы общества в переломные эпохи. Большой интерес вызвала рефлексия собственного опыта «преподнесения» Карамзина в студенческой аудитории.

Карамзинский блок был представлен и докладами, выполненными, казалось бы, в традиционном проблемном ракурсе: о проблеме «Россия и Запад» в трактовке Н.М. Карамзина (Н.Б. Селунская) и становлении его исторических взглядов (Р.Б. Казаков). Однако в первом случае речь шла о влиянии многообразных контекстов на прочтение и построение различных дискурсов западного влияния на российскую историю. А второму удалось вырваться за устоявшиеся границы интерпретации формирования исторических взглядов Карамзина – и хронологически, и концептуально. Обратившись к опытам литературных переводов юного автора, дневниковым записям его современников, Казаков сосредоточил внимание на накоплении «исторического багажа» будущего историка уже в период его первых литературных опытов, а также на стиле научного мышления, оформлении текста – речь идет об интеллектуальных процедурах, характерных для научного письма. Такой исследовательский ход находится в русле интеллектуальной истории и открывает перспективы изучения особенностей вызревания научной культуры и ее специфики в формирующихся дисциплинарных сегментах науки.

Следующий блок можно обозначить как источниковедческий, исполненный в культурной парадигме, что вполне вписывается в поиски критериев профессионализма и профессионализации науки. Особый интерес вызвал доклад А.С. Усачева «О возможных путях и перспективах изучения “массового сознания” в России XVI в. Термин «массовое сознание» применительно к актерам – читателям, писцам и заказчикам, круг которых невелик, вызвал некоторые возражения, но междисциплинарный подход, привлечение нового источника – выходных записей на книгах, сфокусированность на основной терминологии – титулах носителей светской и духовной власти, позволили представить некоторые закономерности развития исторической мысли, пульсирующей вне узкого круга столичной элиты. Вывод о том, что за пределами этого круга, на окраинах Русского государства, восприятие новых церковных и политических реалий происходило со значительной задержкой, что нашло отражение в историческом повествовании и терминологии, заслуживает

включения в учебные пособия по историографии. Эти процессы автор связывает с «присущей эпохе средневековья приверженности привычке и традиции» (с. 405). В докладе Л.Б. Сукиной «Мемориальные практики допетровской Руси как исследовательская проблема» сделан акцент на особой роли визуальных источников в формировании исторической памяти (архитектура, иконопись), что придавало мемориализации сакральный характер. Автор отмечает теснейшую связь мемориальных практик допетровской Руси с православной традицией и устойчивость сложившейся модели восприятия прошлого (с. 379). Это своего рода ориентир на выявление тех ценностей и символов, на основании которых формируется коллективная идентичность, места альтернативных представлений в историческом сознании общества. А.А. Лушников в докладе «Образы прошлого на страницах дидактической антиязыческой литературы Древней Руси» показал трансформацию историософских представлений авторов этих сочинений: «от понимания язычества как явления... попавшего к славянам извне, от модели кровавого пантеона по образцу религии Ханаана... до переосмысления язычества как части героического прошлого и даже снятия с него отрицательного контекста» (с. 251).

Как видим, затронутые Карамзиным проблемы занимают все большее место в рефлексивном анализе его творчества, что свидетельствует о о возрастающем стремлении включить Карамзина в процесс внутренней легитимации науки, хотя в то же время возникает подозрение в канонизации классика. Но степень адекватности и комплиментарности в восприятии Карамзина в долговременной перспективе не имеет, пожалуй, решающего значения. Согласимся с Ю.М. Лотманом в том, что судьба наследия Карамзина во второй половине XIX – XX вв. – стать частью базисного, «почвенного» основания русской культуры, «продолжать жить, перерождаться, обретать новые виды и формы»². По мере развития историографии и – в более широком смысле – отечественной культуры вообще, становится все более возможным не только постижение того, что Лотман именуется ракурсом «авторской преднамеренности (концептуальности)», но и сферы «авторской непреднамеренности», того содержательного пласта, который не обрел у Карамзина форму четких формулировок и концепций и не был вполне ясен его современникам и ближайшим потомкам. С моей точки зрения, к этой сфере безусловно относятся такие фундаментальные проблемы, интуитивно угаданные Карамзиным, и актуализированные в современной историографии, как соотношение исторической памяти народа и профессиональной памяти историка, а также критерии профессионализма науки и ее деятелей.

Несмотря на определенную эклектичность в формировании корпуса докладов, на круглом столе состоялся заинтересованный диалог, ино-

²Лотман 1987.

гда принимавший даже эмоционально-напряженный характер, как в случае определения политических идеалов Н.М. Карамзина. Круглый стол стал своеобразным зеркалом, отразившим образ современного историографа: он работает в русле интеллектуальной истории, пытаясь преломить множество контекстов в своей исследовательской практике, смело выходит за границы дисциплины, обращаясь к филологии, литературоведению, культурологии, расширяет источниковую базу, актуализирует новое прочтение классиков, он полон сомнений. Рефлексия о своей деятельности становится нормой профессии.

Но не слишком ли мы хороши в таком зеркале; а что – в зазеркалье?

БИБЛИОГРАФИЯ

История. Память. Идентичность: Теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016 г. М.: Аквилон, 2016. 474 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: 1987.

Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» / Л.П. Репина, О.В. Воробьева, Т.Н. Иванова, Е.К. Кириллова, Г.П. Мягков, О.С. Нагорная, М.С. Петрова, О.С. Поршнева, З.А. Чеканцева // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 382-395.

REFERENCES

Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 3-4 oktyabrya 2016 g. M.: Akvilon, 2016. 474 s.

Lotman Yu.M. Sotvorenie Karamzina. M.: 1987, 382 s.

Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki» / L.P. Repina, O.V. Vorob'eva, T.N. Ivanova, E.K. Kirilova, G.P. Myagkov, O.S. Nagornaya, M.S. Petrova, O.S. Porshneva, Z.A. Chekantseva // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 59. S. 382-395.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

N.M. Karamzin and professional identity of historian (round table dedicated to the 250th anniversary of N.M. Karamzin)

This article considered the results of the round table devoted to the jubilee of N.M. Karamzin. The round table was held within the framework of the International Conference "History, Memory, Identity: Theoretical grounds and research practices" (Moscow, October 3-4, 2016). The main papers and discussion issues are highlighted.

Keywords: N.M. Karamzin, state-national narrative, professionalization of historical science, corporative memory

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor of Omsk State University; korzunv@mail.ru

CONTENTS

Images of History – Memory– Identity

<i>Elena Kalmykova</i> Spiritual and worldly weapons of the soldiers of Christ.....	5
<i>Sergei Fyodorov</i> The Identity processes in Medieval Wales Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism.....	25
<i>Nadezhda Selounskaya</i> The Serenissima – Justitia and the authority of “councils” urban identity in images and symbols.....	40
<i>Dmitriy Kiryukhin, Tatiana Chugunova</i> The image of Thomas Wolsey as interpreted by his contemporaries “Ipse Rex” or a servant of Antichrist?.....	51
<i>Andrey Fedin</i> The world of the early 17 th -century Jesuit Missionary From “Ancient” France to New.....	68
<i>Evgeniy Chiglintsev, Eduard Rung</i> The reception of Xerxes’ image in the European culture of modern and contemporary times.....	88
<i>Nikolay Antipin</i> Manipulation of memory: the transformation of images of the Russian-Japanese war in the Soviet historiography, 1920s – 1950s.....	101
<i>Rozalia Cherepanova</i> Life is like a novel. “Public privacy” and phenomenon of “autofiction” in the tradition of the Russian intelligentsia (on material of the diary of Nicholas V.).....	119
<i>Intellectual history today</i>	
<i>Alexey Pleshkov</i> Images of the eternal in the early Greek thought.....	139
<i>Oleg Voskoboynikov</i> William of Saint Thierry versus William of Conches conflict or dialogue of two epistemological models?.....	159
<i>Dmitriy Dobrowolski</i> Old Russian Anti-Latin works of the 12 th – 13 th centuries as historical sources.....	174
<i>Svetlana Vasilieva</i> Christian ethic as the intelligent source of British penal reform in the 18 th century	191
<i>Irina Rudkovskaya</i> Microstructure of “The history of England” by D. Hume peculiarity of “display subject”.....	204
<i>Elena Vishlenkova</i> Scottish origins of the Russian medical elites in the beginning of the 19 th century.....	216
<i>Nadezhda Zamyatina</i> Cultural environment as the factor of innovations the case of the Soviet atom project in comparison to the Silicon Valley.....	235
<i>Cultural history of emotions</i>	
<i>Andrey Ilyin</i> “A soul-wrenching cry” The debates of A.I. Herzen and B.N. Chicherin about the role of emotions in politics.....	247

<i>Olga Vorobieva, Feodor Nikolai</i> Cultural History of Fear: Emotions, Affects and Security Discourse.....	262
<i>History and Personality</i>	
<i>Igor Kryuchkov</i> G.D. Mavrocordato: early 20 th – century Hungary through the eyes of a Russian diplomat....	273
<i>Konstantin Kurylev, Vladimir Dzhangiryan, Darya Stanis</i> Masonic activities of the members of liberal opposition in the early 20 th century Russia: the case of A.I. Konovalov.....	286
<i>Notulae eruditae</i>	
<i>Yulia Obidina</i> The image of Persephone in the structure of the sociocultural relations of Ancient Greek society.....	300
<i>Andrey Vdovichenko</i> Language and communicative criteria of the evaluation of the Septuagint and the translation by Aquila.....	309
<i>Ekaterina Kirillova</i> Time as a universal criterion: apprenticeship in the 13 th -century Paris.....	316
<i>Arutyun Ajrapetov</i> Women perception of nationalism.....	324
<i>Publications and translations</i>	
Isidore of Seville Etymology, or Beginnings. Book XI (translated by <i>Andrey A. Pavlov</i>).....	330
<i>Ekaterina Teryukova, Ekaterina Zavidovskaya</i> Academician V.M. Alekseev's manuscript heritage in the Research-Historical Archive of the State Museum of the History of Religion.....	345
<i>Elena Mironova</i> Memoirs by Evgeny Vasilievich Sablin.....	361
<i>Anton Voytenko</i> “This young force is worthy of more respect than the obscurantism that is behind you”. Alexei Smirnov's letter to Georgy Fedotov.....	374
<i>Reading books</i>	
<i>Vladimir Yerokhin</i> Church of England: a Definition of Confessional Identity (considerations on monograph by I.A. Fadeev.....	385
<i>Semen Ekshtut</i> A confession of a bureaucrat.....	397
<i>Events</i>	
<i>Evgeniy Afonasin</i> Peripatetic tradition. Aristotelian ideas in philosophy, science and literature. International school.....	403
<i>Valentina Korzun</i> N.M. Karamzin and professional identity of historian (Round table dedicated to the 250 th anniversary of N.M. Karamzin.....	406

СОДЕРЖАНИЕ

Образы истории – Память– Идентичность

<i>Е.В. Калмыкова</i> Духовное и земное оружие воинов Христовых.....	5
<i>С.Е. Федоров</i> Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе терминология, дискурсы и ситуация билингвизма.....	25
<i>Н.А. Селунская</i> Серениссима-Юстиция и власть «советов» городская идентичность в образах и символах.....	40
<i>Д.В. Кирюхин, Т.Г. Чугунова</i> Образ Томаса Волси в интерпретации современников «ipse rex» или слуга Антихриста?.....	51
<i>А.В. Федин</i> Мир иезуитского миссионера первой половины XVII века от «старой» Франции к новой.....	68
<i>Е.А. Чиглицев, Э.В. Рунг</i> Рецепция образа Ксеркса в европейской культуре нового и новейшего времени.....	88
<i>Н.А. Антипин</i> Манипуляции памятью: трансформации образов русско-японской войны в советской историографии (1920–1950).....	101
<i>Р.С. Черепанова</i> Жизнь как роман. Публичное «приватное» и феномен «самосочинения» в традиции русской интеллигенции (на примере дневника Николая В.).....	119

Интеллектуальная история сегодня

<i>А.А. Плешков</i> Образы вечного в ранней греческой мысли.....	139
<i>О.С. Воскобойников</i> Гильом из Сен-Тьери против Гильома Коншского конфликт или диалог двух моделей познания?.....	159
<i>Д.М. Добровольский</i> Древнерусские антилатинские сочинения XII–XIII вв. как исторический источник.....	174
<i>С.А. Васильева</i> Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ в XVIII веке.....	191
<i>И.Е. Рудковская</i> Микроструктура «Истории Англии» Д. Юма специфика “отображения предмета”.....	204
<i>Е.А. Вишленкова</i> Шотландское происхождение русской медицинской элиты в начале XIX века.....	216
<i>Н.Ю. Замятина</i> Культурная среда как фактор инновационного развития что объединяет «кремниевую долину» и города советского атомного проекта.....	235

Культурная история эмоций

<i>А.А. Ильин</i> Раздирающий душу вопль спор А.И. Герцена и Б.Н. Чичерина о роли эмоций в политике.....	247
--	-----

<i>О.В. Воробьева, Ф.В. Николаи</i> Культурная история страха: эмоции, аффекты и дискурсы безопасности.....	262
<i>История и личность</i>	
<i>И.В. Крючков</i> Г.Д. Маврокордато: Венгрия глазами российского дипломата в начале XX века.....	273
<i>К.П. Курьлев, В.Г. Джангирян, Д.В. Станис</i> Масонская деятельность представителей либеральной оппозиции в России в начале XX века (на примере А.И. Коновалова).....	286
<i>Notulae eruditae</i>	
<i>Ю.С. Обидина</i> Образ Персефоны в структуре социокультурных связей древнегреческого общества.....	300
<i>А.В. Вдовиченко</i> Языковые и коммуникативные критерии оценки Септуагинты и перевода Аквилы.....	309
<i>Е.Н. Кириллова</i> Время как универсальный критерий: обучение ремеслу в Париже XIII века.....	316
<i>А.Г. Айрапетов</i> Женский взгляд на национализм.....	324
<i>Публикации и переводы</i>	
<i>Исидор Севильский</i> Этимологии, или Начала. Книга XI. О человеке и чудесах Глава 1: О человеке и частях его. Перевод А.А. Павлова.....	330
<i>Е.А. Терюкова, Е.А. Завидовская</i> Рукописное наследие академика В.М. Алексеева из Научно-исторического архива ГМИР: опыт научной систематизации.....	345
<i>Е.М. Миронова</i> Воспоминания Евгения Васильевича Саблина.....	361
<i>А.А. Войтенко</i> «Эта молодая сила достойна большего уважения, нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины». Письмо А.П. Смирнова к Г.П. Федотову.....	374
<i>Читая книги</i>	
<i>В.Н. Ерохин</i> Церковь Англии: определение вероисповедной идентичности (размышления о монографии И.А. Фадеева).....	385
<i>С.А. Экиштут</i> Исповедь Бюрократа.....	397
<i>Научная жизнь</i>	
<i>Е.В. Афонасин</i> Перипатетическая традиция. Аристотелевские идеи в философии, науке и литературе. Международная школа.....	403
<i>В.П. Корзун</i> Н.М. Карамзин и профессиональная идентичность историка (круглый стол, посвященный 250-летию Н.М. Карамзина).....	406
CONTENTS.....	412

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

61 / 2017

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 15. 11. 2017
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.